

ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Номер 2

Февраль 2024

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

*Институт государства и права
Российской академии наук:
навстречу 100-летию юбилею*

Траинин Илья Павлович: в борьбе за право на переломе эпох • Понятие права: многообразие трактовок и единство смысла • Российский федерализм как прообраз глобальной многополярности будущего • Источники конкретизации и толкования предписаний Особенной части российского уголовного права • Цифровая валюта, цифровой рубль и электронные денежные средства в российском гражданском праве: проблемы соотношения • Содействие переходу к формальной экономике средствами трудового права и права социального обеспечения • Гибкость, избыточность и отсутствие документов стратегического планирования и иных плановых актов: финансово-правовая оценка • Учение профессора В.Т. Кабышева о конституционализме. К 85-летию ученого

НАУКА
— 1727 —

*Российская академия наук
Институт государства и права*

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 2 2024 Февраль

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

*Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН*

Главный редактор
А.Н. Савенков,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

В.Н. Руденко, акад. РАН (*председатель*);
О.В. Белявский, к.ю.н.; В.С. Груздев, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН; В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург);
М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН; А.А. Клишас, д.ю.н.; А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Н.А. Макаров, акад. РАН; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджанская Республика);
С.В. Степашин, д.ю.н.; Т.Я. Хабриева, акад. РАН

Редакционная коллегия:

С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Республика Армения);
С.Ф. Афанасьев, д.ю.н. (Саратов); А.А. Бессонов, д.ю.н.; С.А. Бочкарев, д.ю.н.; М.М. Бринчук, д.ю.н.;
Г.А. Василевич, чл.-корр. НАН Беларуси; Т.А. Васильева, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н., д.ф.н. (Австрийская Республика);
Е.В. Виноградова, д.ю.н.; А.В. Габов, чл.-корр. РАН; Л.В. Головкин, д.ю.н.; В.С. Горбань, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришкoveц, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; А.В. Дзюбак, к.ю.н. (*ответственный секретарь*);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Республика Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (ФРГ);
И.В. Ершова, д.ю.н.; И.С. Жудро, д.ю.н.; В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.;
В.С. Каменков, д.ю.н. (Республика Беларусь); Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия);
А.И. Коробеев, д.ю.н. (Владивосток); Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*);
Куан Цэнцзюнь, д.ю.н. (КНР); А.В. Кудашкин, д.ю.н.; В.В. Кудашкин, д.ю.н.; Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР);
С.В. Маликов, д.ю.н. (*заместитель главного редактора*); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.В. Михайлова, д.ю.н.;
А.В. Наумов, д.ю.н.; В.Б. Наумов, д.ю.н.; Срето Ного, д.ю.н. (Республика Сербия);
Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж); Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Республика Болгария);
В.Н. Плигин, д.ю.н.; Т.А. Полякова, д.ю.н.; С.Б. Россинский, д.ю.н.;
А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Паола Северино, д.ю.н. (Итальянская Республика);
А.Ю. Соколов, д.ю.н. (Саратов); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Республика Болгария); А.А. Тедеев, д.ю.н.;
В.В. Устюкова, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (ФРГ); Ван Чжи Хуа, д.ю.н. (КНР); С.Ю. Чуча, д.ю.н.;
А.И. Чучаев, д.ю.н.; В.М. Шерстюк, д.ю.н.; Г.Г. Шинкаревецкая, д.ю.н.; Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; О.А. Ястребов, д.ю.н.

Адрес редакции: 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Москва

© Российская академия наук, 2024
© Институт государства и права РАН, 2024
© Составление. Редакция журнала
«Государство и право», 2024

*Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law*

STATE AND LAW

No. 2 2024 February

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: “Revolution of the Law” (Revolutsiya prava) (1927–1929)
“Soviet State and the Revolution of the Law” (Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava) (1930–1931)
“Soviet State” (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
“Soviet State and Law” (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
“State and Law” (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

*The Journal is published under supervision
of the Department of Social Sciences of the RAS*

Editor-in-Chief
A.N. Savenkov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

V.N. Rudenko, Academician of the RAS (*Chairman*);
O.V. Belyavsky, PhD in Law; V.S. Gruzdev, Doctor of Law; V.I. Zhukov, Academician of the RAS;
V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS;
A.A. Klishas, Doctor of Law; A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; N.A. Makarov, Academician of the RAS;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan Republic); S.V. Stepashin, Doctor of Law;
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS

Editorial Board:

S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutunyan, Doctor of Law (Republic of Armenia);
S.F. Afanasev, Doctor of Law (Saratov); A.A. Bessonov, Doctor of Law; S.A. Bochkarev, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; G.A. Vasilevich, Corresponding Member of the NAS of Belarus; T.A. Vasileva, Doctor of Law;
Bernd Wieser, Doctor of Law, DSc in Philosophy (Republic of Austria); E.V. Vinogradova, Doctor of Law;
A.V. Gabov, Corresponding Member of the RAS; L.V. Golovko, Doctor of Law; V.S. Gorban, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law;
A.V. Dzyubak, PhD in Law (*executive secretary*); A.G. Didenko, Doctor of Law (Republic of Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law; I.S. Zhudro, Doctor of Law;
V.N. Zhukov, Doctor of Law, DSc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Republic of Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); A.I. Korobeev, Doctor of Law; N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*);
Kuang Zengjun, Doctor of Law (China); A.V. Kudashkin, Doctor of Law; V.V. Kudashkin, Doctor of Law;
Liu Honguan, Doctor of Law (China); S.V. Malikov, Doctor of Law (*Vice-Editor-in-Chief*); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.V. Mikhailova, Doctor of Law; A.V. Naumov, Doctor of Law; V.B. Naumov, Doctor of Law;
Sreto Nogo, Doctor of Law (Republic of Serbia); E.I. Nosyreva, Doctor of Law (Voronezh);
Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); V.N. Pligin, Doctor of Law; T.A. Polyakova, Doctor of Law;
S.B. Rossinsky, Doctor of Law; A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan); Paola Severino, Doctor of Law (Italian Republic);
A. Yu. Sokolov, Doctor of Law (Saratov); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
V.V. Ustyukova, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); Wang Zhi Hua, Doctor of Law (China);
S. Yu. Chucha, Doctor of Law; A.I. Chuchayev, Doctor of Law; V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
G.G. Shinkaretskaya, Doctor of Law; B.S. Ebzeev, Doctor of Law; O.A. Yastrebov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
e-mail: gospravo@igpran.ru
<http://gospravo-journal.ru/>

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2024
© Institute of State and Law of the RAS, 2024
© Editorial Board of “State and Law”, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2024

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Трайнин Илья Павлович: в борьбе за право на переломе эпох <i>А.Н. Савенков</i>	7
---	---

* * *

Понятие права: многообразие трактовок и единство смысла <i>Е.А. Фролова</i>	22
--	----

Российский федерализм как прообраз глобальной многополярности будущего <i>Н.М. Добрынин</i>	32
--	----

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Философско-методологические основы конституционализации российского права в контексте постклассического правоведения <i>И.М. Алексеев</i>	43
---	----

АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА

Субъект права как формально-догматическая модель человека в правовой действительности: антрополого-правовой анализ <i>В.И. Павлов</i>	54
---	----

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА, НОТАРИАТ

Тенденции сочетания единоличного и коллегиального в отечественном уголовном и гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве <i>А.Р. Шарипова</i>	64
--	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Источники конкретизации и толкования предписаний Особенной части российского уголовного права <i>Р.Г. Аслаяни</i>	74
---	----

Материалистическая диалектика как гносеологическая основа реалистического подхода к пониманию и познанию истины в различных сферах познания, в том числе в уголовном судопроизводстве <i>В.В. Мельник</i>	82
--	----

Нормативно-правовое регулирование финансирования деятельности судебно-экспертных учреждений в Российской Федерации <i>Г.Ф. Ручкина, А.В. Попова</i>	91
---	----

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Проблемы возникновения, прекращения и защиты авторских прав на проекты официальных документов <i>Н.В. Козлова, С.Ю. Филиппова</i>	99
---	----

Цифровая валюта, цифровой рубль и электронные денежные средства в российском гражданском праве: проблемы соотношения <i>В.Н. Лисица</i>	110
---	-----

Правовые последствия обнаружения клада, содержащего археологические предметы: проблемы правового регулирования <i>А.Н. Панфилов</i>	119
---	-----

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Содействие переходу к формальной экономике средствами трудового права и права социального обеспечения

Т.С. Гусева, Ю.И. Клепалова

130

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Правовая охрана озера Байкал от микропластика

Е.В. Лунева

140

БЮДЖЕТ, НАЛОГИ, БАНКИ

Гибкость, избыточность и отсутствие документов стратегического планирования и иных плановых актов: финансово-правовая оценка

С.О. Шохин, Е.В. Кудряшова

150

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Проблема защиты права пользователя интернет-платформ на аккаунт

Е.И. Дискин

162

СЕМЬЯ, БРАК, ПРАВО

Особенности и пределы деликтоспособности несовершеннолетних в отношениях разноотраслевого вида

Н.В. Летова

169

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЮРИСТЫ – УЧЕНЫЕ И ПЕДАГОГИ

Учение профессора В.Т. Кабышева о конституционализме. К 85-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, почетного работника высшего образования России Владимира Терентьевича Кабышева

Т.В. Заметина

178

ЗА РУБЕЖОМ

«Право на смерть»? О добровольном уходе из жизни и связанных с ним обязательствах государства. Исследование на основании правоприменительной практики высших судебных инстанций ФРГ и ЕСПЧ

Ю.И. Сафоклов

185

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Destructive religious associations in the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century

I.A. Aleksandrov

196

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Использование категорий и методов естественных наук в политологии и юриспруденции

С.А. Дробышевский, Т.В. Протопопова

202

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Межотраслевая защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации (Обзор Международной научно-практической конференции)

С.В. Маликов, С.Ю. Чуча

207

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Первая книга о первом директоре
Ю.В. Трунцевский, Л.И. Беляева. У истоков российской юридической науки
(к 130-летию Евсея Густавовича Ширвиндта) / предисл. Т.Я. Хабриевой

Д.В. Бахарев

214

CONTENTS

Number 2, 2024

INSTITUTE OF STATE AND LAW OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: TOWARDS THE CENTENARY

- Trainin Ilya Pavlovich: in the struggle for the right at the turning of the epochs
A.N. Savenkov 7

* * *

- The concept of law: diversity of interpretations and unity of meaning
E.A. Frolova 22
- Russian federalism as a preimage of the future global multi-polarity
N.M. Dobrynin 32

PHILOSOPHY OF LAW

- Philosophical and methodological foundations of the constitutionalization of Russian law
in the context of post-classical jurisprudence
I.M. Alekseev 43

ANTHROPOLOGY OF LAW

- The subject of law as a formally-dogmatic model of human in legal reality: anthropological
and legal analysis
V.I. Pavlov 54

COURT, PROSECUTOR'S OFFICE, BAR, NOTARIAL SYSTEM

- Trends in the combination of individual and collegial in domestic criminal
and civil, arbitration, administrative proceedings
A.R. Sharipova 64

DISCUSSIONS AND DEBATES

- Sources of concretization and interpretation of prescriptions of a Special part
of Russian Criminal Law
R.G. Aslanyan 74
- Materialistic dialectics as an epistemological basis of a realistic approach to understanding
and cognition of truth in various spheres of cognition, including in criminal proceedings
V.V. Melnik 82
- Regulatory and legal regulation of financing the activities of forensic institutions
in the Russian Federation
G.F. Ruchkina, A.V. Popova 91

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

- Problems of occurrence, termination and protection copyright for drafts of official documents
N.V. Kozlova, S. Yu. Filippova 99
- Digital Currency, Digital Ruble and Electronic Money in Russian Civil Law:
Problems of Correlation
V.N. Lisitsa 110
- Legal consequences of the discovery of a treasure containing archaeological objects:
problems of legal regulation
A.N. Panfilov 119

LABOR LAW AND SOCIAL SECURITY LAW

Facilitating the transition to formal economy by means of Labor Law and Social Security Law

T.S. Guseva, Yu. I. Klepalova

130

ENVIRONMENTAL LAW

Legal protection of Lake Baikal from microplastics

E.V. Luneva

140

BUDGET, TAXES, BANKS

Flexibility, excessiveness and lack of strategic planning documents and other planning acts:
financial and legal assessment

S.O. Shokhin, E.V. Kudryashova

150

INFORMATION LAW AND INFORMATION SECURITY

The problem of protecting the right of a user of Internet platforms to an account

E.I. Diskin

162

FAMILY, MARRIAGE, LAW

Features and limits of delinquency of minors in relations of a diversified type

N.V. Letova

169

DOMESTIC LAWYERS – SCIENTISTS AND EDUCATORS

The teaching of Professor V.T. Kabyshev on constitutionalism. To the 85th anniversary
of Vladimir T. Kabyshev, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation,
Honorary Worker of Higher Education of Russia

T.V. Zametina

178

ABROAD

“The right to death”? On voluntary retirement and related obligations of the state. Research based
on the law enforcement practice of the highest courts of the Federal Republic of Germany and the ECHR

Yu. I. Safoklov

185

PAGES OF HISTORY

Destructive religious associations in the Russian Empire in the second
half of the XIX – early XX century

I.A. Aleksandrov

196

SCIENTIFIC REPORTS

The use of categories and methods of natural sciences in jurisprudence and political science

S.A. Drobyshevskiy, T.V. Protopopova

202

SCIENTIFIC LIFE

Intersectoral protection of labor and social rights in conditions of social transformation
(Review of the International Scientific and Practical Conference)

S.V. Malikov, S. Yu. Chucha

207

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

The first book about the first director

Yu. V. Truntsevsky, L.I. Belyaeva. At the origins of Russian legal science
(to the 130th anniversary of Evsey G. Shirvindt) / preface by T. Ya. Khabrieva

D.V. Bakharev

214

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК:
НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

УДК 34.08; 342

ТРАЙНИН ИЛЬЯ ПАВЛОВИЧ:
В БОРЬБЕ ЗА ПРАВО НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

© 2024 г. А. Н. Савенков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: an61s@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.02.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена обзору жизненного пути и научного наследия академика АН СССР, члена Президиума Академии наук СССР Ильи Павловича Трайнина. Научную работу И.П. Трайнин сочетал с организационной, общественно-политической и педагогической деятельностью. В 1942–1947 гг. занимал пост директора Института права АН СССР (в 1931 г. – Институт советского строительства и права Коммунистической академии; ныне – Институт государства и права РАН). Ему принадлежат исследования в области международного права, отечественного и зарубежного государственного права. Научные работы ученого всегда освещали ключевые и актуальные проблемы юридической науки и практики: сферу национальных отношений, гражданства, проблематику суверенитета, федерации и автономии. В годы Великой Отечественной войны И.П. Трайнин написал ряд работ, посвященных механизму фашистской диктатуры и ответственности гитлеровской Германии за злодеяния и ущерб, причиненные ее агрессией и военным разбоем.

Ключевые слова: академик И.П. Трайнин, научное наследие академика И.П. Трайнина, суверенитет в советской федерации, многонациональное государство, право наций на самоопределение, механизм фашистской диктатуры.

Цитирование: Савенков А.Н. Трайнин Илья Павлович: в борьбе за право на переломе эпох // Государство и право. 2024. № 2. С. 7–21.

DOI: 10.31857/S1026945224020012

TRAININ ILYA PAVLOVICH: IN THE STRUGGLE FOR THE RIGHT AT THE TURNING OF THE EPOCHS

© 2024 A. N. Savenkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: an6ls@yandex.ru

Received 07.02.2024

Abstract. The article is devoted to an overview of the life path and scientific heritage of Academician of the USSR Academy of Sciences, member of the Presidium of the USSR Academy of Sciences Ilya P. Trainin. Scientific work of I. P. Trainin combined with organizational, socio-political and pedagogical activities. From 1942 to 1947 he served as Director of the Institute of Law of the USSR Academy of Sciences (in 1931 – Soviet Construction and Law of the Communist Academy; now – Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences). He owns research in the field of International Law, domestic and foreign State Law. The scientist's scientific works have always covered key and topical problems of legal science and practice: the sphere of national relations, citizenship, issues of sovereignty, federation and autonomy. During the Great Patriotic War, I. P. Trainin wrote a number of works devoted to the mechanism of the fascist dictatorship and the responsibility of Nazi Germany for the atrocities and damage caused by its aggression and military robbery.

Key words: Academician I. P. Trainin, scientific heritage of Academician I. P. Trainin, sovereignty in the Soviet federation, multinational state, the right of nations to self-determination, the mechanism of fascist dictatorship.

For citation: Savenkov, A. N. (2024). Trainin Ilya Pavlovich: in the struggle for the right at the turning of the epochs // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No 2, pp. 7–21.

I

В жизни и судьбе академика Ильи Павловича Трайнина удивительным образом отразился целый ряд знаковых, переломных событий XX века: три русских революции, Первая мировая война, Гражданская, Великая Отечественная. Как неравнодушный и патриотично настроенный молодой человек, он уже в юности деятельно откликался на происходившее в Рос-

сии, размышлял, искал себя, боролся, учился, воевал. В его биографии есть и участие в революционных событиях, защита революции с оружием в руках, аресты, ссылки и эмиграция, разноплановое литературное творчество, педагогическая работа и, конечно, наука, в которой И. П. Трайнин состоялся не только как крупный ученый, но и как руководитель одного из ведущих академических научных учреждений нашей страны.

За 62 года своей жизни Илье Павловичу довелось не просто быть свидетелем судьбоносных

моментов в истории отечественной государственности, но и творить эту историю, внести свой вклад в ее развитие и совершенствование.

Илья Павлович Трайнин родился в 1886 г. в Риге, в семье мелкого служащего. В автобиографии он пишет, что его связь с семьей обрывается, когда ему было 14 лет, он уходит на заработки и начинается его трудовая биография чернорабочим на складе леса. С ранней юности он много читает, занимается самообразованием, в декабре 1904 г. начинает занятия в большевистском кружке в Риге, в том же году становится членом РСДРП(б). По заданиям партийной организации выступает в качестве агитатора, печатает листовки, включается в большевистскую боевую дружину. Во время Первой русской революции 1905 г. принимает участие во всех вооруженных выступлениях в Риге (операция по остановке поезда с мобилизованными на войну с Японией, захват оружия и патронов в оружейном магазине). При выполнении партийного поручения он был арестован, но бежал из полицейского участка и вскоре вторично был арестован с другими большевиками на конспиративном собрании. После семимесячного заключения в центральной рижской и губернской тюрьмах по распоряжению властей Трайнин подлежал административной ссылке в Сибирь, но при содействии Красного Креста по причине молодости

и состояния здоровья ссылка была заменена высылкой за границу¹.

С этого времени начинается эмигрантский период жизни Ильи Павловича, длившийся с незначительным перерывом около 11 лет (с 1906 по 1917 г.).

В эмиграции И.П. Трайнин работал в типографиях, малярных мастерских, одновременно участвуя в международном рабочем движении, при этом он не только продолжил революционную деятельность, но, проявив глубокий интерес к социальным, правовым и национальным проблемам, стал активно заниматься самообразованием — посещал лекции по международному праву и государственному праву в Нью-Йорке, Штутгарте, Цюрихе, Париже. Про первый период эмиграции Ильи Павлович вспоминал: «В Цюрихе я состоял членом группы содействия РСДРП. Вместе с другими большевиками принял в то время активное участие в отколе большевиков от меньшевиков и создании отдельной большевистской группы»².

В 1908 г. И.П. Трайнин сделал попытку вернуться на родину. Он нелегально пробрался в Польшу, сначала поселился в Лодзи, но после провала на одном из собраний ему пришлось вновь уехать за границу, в Швейцарию. До 1911 г. проживал в Женеве. Состоял членом женевской группы большевиков, днем работал на малярном предприятии, а вечерами продолжал свое самообразование: слушал университетские лекции по юридическим, экономическим и литературным вопросам.

Наиболее продолжительный период эмигрантской жизни с 1911 до 1917 г. Ильи Павлович называл «парижским». Шестилетнее пребывание в Париже, в одном из крупных научных и культурных центров Европы, сыграло заметную роль не только в расширении общего кругозора И.П. Трайнина, но и повлияло на формирование его научных интересов. Он занимался общественной и революционной деятельностью (был членом большевистской группы содействия РСДРП(б), активно участвовал во французском рабочем движении), развивал свою литературную работу — сотрудничал с зарубежными русскими изданиями и легальной

профсоюзной прессой; посещал лекции в Высшей школе социальных наук и в Университете³. В течение трех лет его научным образованием руководил А.В. Луначарский⁴.

Во время Первой мировой войны И.П. Трайнин оказался на работе в прифронтовой полосе и был арестован за беседы с военными о революционном интернационале. На четыре месяца его заключили в концентрационный лагерь, откуда он был освобожден с помощью товарищей по революционной борьбе. Оставаясь в Париже вплоть до Февральской революции 1917 г., он продолжал активно участвовать в рабочем и стачечном движении и в разных культурных организациях Франции⁵.

После Февральской революции, в мае 1917 г., И.П. Трайнин возвратился в Россию. По предложению члена ЦК партии большевиков Я.М. Свердлова, «организатора работы партии и всей Советской власти», как называл его В.И. Ленин⁶, Ильи Павлович переезжает на работу в Самару. В Самаре он стал руководить культурно-просветительной сетью, вошел в состав Самарского Совета рабочих депутатов, работал в большевистской газете «Приволжская правда». В период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и вплоть до окончания Гражданской войны И.П. Трайнин наряду с выполнением ответственной партийной и литературной работы принимал непосредственное участие в борьбе с интервентами и внутренней контрреволюцией. В октябрьские дни 1917 г. он был избран членом Самарского ревкома и Губпродкомиссариата, обороняя Самару, сражался в составе красногвардейского отряда.

В период проведения самарской оборонительной операции в 1918 г. И.П. Трайнин на несколько месяцев был исключен из партии Самарским комитетом. Вот как он вспоминал об этих событиях: «По предложению тов. В.В. Куйбышева был отправлен в качестве парламентарера к чехословацкому командованию с тем, чтобы оттянуть их наступление на Самару. При захвате чехословаками Самары я был схвачен, как и тысячи других советских работников, и посажен в тюрьму. После начавшегося разгула самой черной реакции группа заключенных-большевиков обратилась с письмом к большевистским представителям в Совет рабочих Депутатов, в котором говорилось о необходимости

¹ См.: Краткая автобиография Трайнина И.П. // Личное дело И.П. Трайнина // Архив отдела кадров ИГП РАН. Л. 46–47 (далее — Личное дело И.П. Трайнина); *Савенков А.Н.* Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. 2020. № 3. С. 12. DOI: 10.31857/S013207690008680-0

² Ильи Павлович Трайнин / вступ. ст. В.П. Кириченко и А.А. Абуляка [«Краткая характеристика научной, общественно-политической и педагогической деятельности», с. 5–14]; библиогр. сост. В.Е. Кузятиной и Ф.М. Либовой. М. — Л., 1948. С. 5 (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия права. Вып. 2) (далее — Ильи Павлович Трайнин...); Личное дело И.П. Трайнина. Л. 48.

³ См.: Ильи Павлович Трайнин... С. 6.

⁴ Анатолий Васильевич Луначарский — российский революционер и советский государственный деятель, писатель, переводчик, первый нарком просвещения РСФСР.

⁵ См.: Личное дело И.П. Трайнина. Л. 48–49.

⁶ См.: *Иванов Б. Яков Михайлович Свердлов. Его жизнь и деятельность. 1885–1919.* Пб., 1921. С. 7.

объединения всех демократических сил (меньшевиков и эсеров). Дезориентированный, я подписал это письмо, которое меньшевики использовали в Совете рабочих Депутатов против большевиков. За это меня исключили из партии. Я старался на деле исправить свою ошибку. В момент, когда Самаре угрожала новая опасность колчаковского наступления, я ушел добровольцем в Красную Армию. Самарский Губком восстановил меня в правах члена партии со старым стажем»⁷.

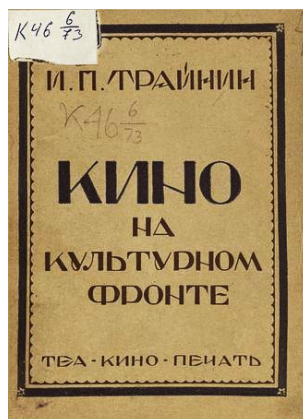
В начале 1919 г. И.П. Трайнин назначен начальником Политпросвета Южной группы Восточного фронта, впоследствии переименованного в Туркестанский фронт, а затем заместителем начальника Политотдела Туркестанского фронта. Работая некоторое время в Заволжском военном округе, сталкиваясь с интересами различных национальностей (татары, башкиры, казахи и т.д.), И.П. Трайнин занимается вопросами национальной политики, в частности подготовкой военно-политических кадров из среды заволжских национальностей. По его инициативе и под его руководством здесь были созданы специальные курсы, на которых он читал лекции по национальному и колониальному вопросам, по государственному строю РСФСР и зарубежных стран.

После ликвидации фронта в Заволжье в 1920 г. И.П. Трайнин был отозван на работу в Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац). В тот же год он занял должность ответственного редактора московского журнала Наркомнаца «Жизнь национальностей», одновременно участвовал в работе ряда комиссий по вопросам, связанным с образованием автономных советских национальных республик и областей.

В период с 1920 по 1924 г., используя теоретическую подготовку и приобретенный в Наркомнаце практический опыт, И.П. Трайнин написал целый ряд статей по национальному вопросу, освещаая самые актуальные в тот период вопросы советской ленинско-сталинской национальной политики в сложной обстановке первых лет строительства пролетарского государства. Одновременно читал курс лекций по национальным вопросам в Коммунистическом университете трудящихся Востока.

В 1924 г. Народный комиссариат по делам национальностей был упразднен, И.П. Трайнин перешел на работу в Народный комиссариат просвещения РСФСР, где возглавлял ряд культурно-просветительных и художественных организаций. В тот же период был командирован на научную работу сотрудником Центрального музея Ленина.

С 1926 по 1930 г. И.П. Трайнин — директор Московской фабрики «Совкино». Результатом этой

страницы его биографии стали его публикации, посвященные искусству советского кино⁸.

В частности, им рассматривались различные актуальные аспекты советской кинематографии, одним из которых уже тогда являлся вопрос идеологической составляющей в кино⁹. Илья Павлович в то время был еще начинающим

автором, но уже выдвинул три самостоятельных аспекта, которые реализуются не только в кино, но и в иных областях искусства: пропаганда актуальных проблем и идей, борьба со старой идеологией, а также суммирование нового накапливающегося опыта, т.е. визуализация достижений новой социалистической культуры¹⁰. Нам и сегодня очевидно, что всякое произведение искусства несет в себе идеологию, которую стоит учитывать, при этом «идеология в произведениях искусства никогда не бывает предметом “самим по себе”, а всегда переплетается со всем содержанием каждого произведения, в соответствии с тем направлением мыслей и идей, которые в нем заложены»¹¹. Начальным замыслом художника и режиссера выступает стремление представить перед общественностью различные аспекты жизни, при этом достижение обозначенного не представляется возможным без применения классового идеологического критерия. Следовательно, коммунистическая идеология должна пронизывать каждое художественное творение, отражая мировоззрение мирового пролетариата, подчеркивал И.П. Трайнин. Он обращал внимание на то, что «требование идеологической выдержанности в советской кинематографии, разумеется, не должно приводить к изготовлению лишь специфических “агиток”». Несмотря на то что «коммунизм — это целое мировоззрение, которое может быть отображено на экране и в делах, людях и вообще масках сегодняшнего дня, но провозглашать такое ограничение, как догму, — нельзя»¹², поскольку в противном случае в кино будут представлены исключительно политические лозунги нынешнего дня, а не идеи, прошедшие

⁸ См.: Трайнин И.П. Кино на культурном фронте. Л., 1928; Его же. Кинопромышленность и Совкино. М., 1925.

⁹ См.: Трайнин И.П. Кино на культурном фронте. С. 13.

¹⁰ См.: там же. С. 30, 31.

¹¹ Там же. С. 14.

¹² Там же. С. 16.

⁷ Личное дело И.П. Трайнина. Л. 50.

сквозь призму прошлого и будущего исторического развития¹³.

С 1931 по 1947 г. жизнь И.П. Трайнина была связана с Институтом права АН СССР (в 1931 г. — Институт советского строительства и права Коммунистической академии, ныне — Институт государства и права РАН). Несколько слов следует сказать о Коммунистической академии. Ее создание было не случайным. После революции 1917 г., в 20-х годах, часть ученых-юристов стояли еще на буржуазных позициях, и юристам-марксистам приходилось вести ожесточенную идейную борьбу против буржуазных представлений о государстве и праве. Поэтому в те годы необходимо было организационное сплочение юристов-марксистов. Этому и способствовало создание Коммунистической академии¹⁴.

Свою работу в Институте советского строительства и права Коммунистической академии Илья Павлович начал в должности старшего научного сотрудника. Обратимся к интересному документу 1934 г. из личного дела И.П. Трайнина, хранящемуся в архиве отдела кадров Института государства и права РАН. Это отзыв о работе старшего научного сотрудника Коммунистической академии тов. Трайнина о проделанной им работе, адресованный в Политотдел 2-й Грузинской стрелковой дивизии им. тов. Сталина: «В своей работе тов. Трайнин показал высокую партийную ответственность, работая безотказно в любой обстановке и времени, тщательно учитывая запросы аудитории и проводя занятия на высоком принципиальном уровне и партийной заостренности. В лекциях т. Трайнина был научно обоснован ряд боевых злободневных вопросов»¹⁵. К отзыву приложен список проведенных И.П. Трайниным занятий и консультаций для командного состава гарнизонов в Тифлисе, Бакуриани, Вазиани и Гори по национальным вопросам в СССР и капиталистических странах¹⁶.

В течение 1933–1934 гг. И.П. Трайнин проводит курс лекций и руководит семинаром по теории национально-колониального вопроса с аспирантами Института национальностей Союза ССР при ЦИК Союза ССР¹⁷.

1935 г. — особенный год в биографии Ильи Павловича. На основании написанных в разные годы научных работ 26 апреля 1935 г. Аттестационная комиссия принимает решение о присвоении

И.П. Трайнину ученой степени доктора государственных и правовых наук. С 1936 г. И.П. Трайнин — заведующий кафедрой государственного права Московского юридического института. В 1939 г. он назначается заместителем директора Института права АН СССР, а также руководит секцией государственного и административного права Института и включается в состав Комитета по Сталинским премиям.

В середине 30-х годов была реорганизована вся система научных учреждений в области общественных наук, в том числе и юридической науки. Основной целью реорганизации было сосредоточение фундаментальных исследований в области общественных наук в Академии наук СССР. Научно-исследовательские институты бывшей Комакадемии были переданы Академии наук СССР, а сама Комакадемия ликвидирована. Институт советского строительства и права (в феврале 1936 г.) в числе других был передан в Академию наук СССР и вошел в состав Отделения общественных наук АН СССР. Значительное расширение фронта научных исследований и увеличение числа научных учреждений Академии наук потребовали реорганизации самой Академии, создания в ее системе соответствующих органов, способных эффективно руководить отдельными отраслями наук. С этой целью Постановлением СНК СССР от 4 октября 1938 г. в Академии наук СССР было образовано восемь отделений, среди них Отделение экономики и права. На состоявшихся 28 января 1939 г. академических выборах впервые в советский период в Академию вошли представители юридических наук. Илья Павлович Трайнин был избран действительным членом АН СССР¹⁸.

В 1942 г. И.П. Трайнин занял должность директора Института права АН СССР и оставался на этом посту до 1947 г. Осенью 1941 г. Институт был эвакуирован в Ташкент. Основные научные исследования Института в годы Великой Отечественной войны велись по антифашистской и оборонной тематике и разработке актуальных вопросов международного права. Несмотря на малочисленность кадров Института права, ими проводилась огромная работа по пропаганде советского права, по разъяснению мероприятий Коммунистической партии и Советского государства, направленных на укрепление тыла. В январе 1942 г. в Ташкенте состоялась научная сессия Института, на которой в том числе был заслушан доклад И.П. Трайнина «Немецко-фашистское глумление над международным правом»¹⁹.

¹³ См.: Трайнин И.П. Кино на культурном фронте. С. 16.

¹⁴ См.: Институт государства и права АН СССР за 50 лет / ред.: Л.Я. Гинзбург, В.Н. Кудрявцев, В.М. Курицын и др. М., 1976. С. 42.

¹⁵ Личное дело И.П. Трайнина. Л. 14.

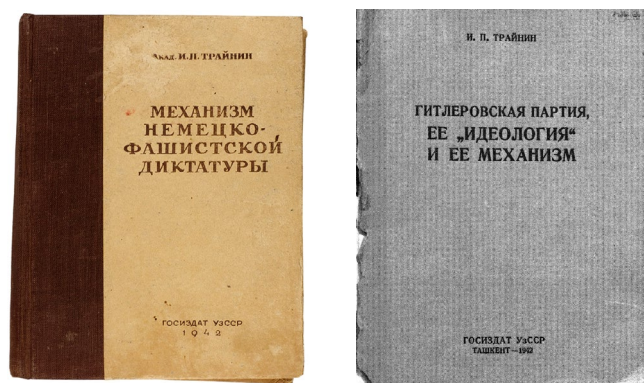
¹⁶ См.: там же.

¹⁷ См.: Отзыв заместителя директора Института национальностей Я.З. Гаилиса // Там же. Л. 15.

¹⁸ См.: Институт государства и права АН СССР за 50 лет / ред.: Л.Я. Гинзбург, В.Н. Кудрявцев, В.М. Курицын и др. С. 42, 43.

¹⁹ Там же. С. 47, 48.

Илье Павловичу Трайнину выпала честь руководить Институтом в самое трудное для коллектива время организации работы по эвакуации, реэвакуации, в годы войны и первые послевоенные годы. Со своей миссией академик И.П. Трайнин справился удачно, проявив выдающиеся способности организатора и талант незаурядного ученого академического уровня и педагога университетского класса²⁰. Во время войны, в эвакуации, И.П. Трайнин публикует работы «Советская страна и ее народы никогда не будут онемечены», «Механизм немецко-фашистской диктатуры», «Глумление фашистской Германии над международным правом», «Гитлеровская партия, ее «идеология» и ее механизм», «Гитлеровским преступникам не уйти от ответственности»²¹.

В течение всей своей жизни Илья Павлович сочетал научную работу с организационной, общественно-политической и педагогической деятельностью. Отдельная страница в биографии И.П. Трайнина — это его работа в Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. В состав указанной Комиссии И.П. Трайнин вошел в 1942 г. С 1942 по 1946 г. он являлся заместителем академика-секретаря Отделения экономики и права АН СССР, а с 1942 по 1947 г. заведовал кафедрой государственного права МГУ. В 1946 г. стал членом Президиума АН

СССР; в 1942–1948 гг. заведовал кафедрой государственного права Института международных отношений (ныне — МГИМО МИД России) и входил в состав Высшей аттестационной комиссии, работал в Комитете по Сталинским премиям. В 1948 г. стал заведовать кафедрой государственного права Военно-юридической академии, был избран почетным доктором Пражского университета²².

Государство высоко оценило заслуги Ильи Павловича Трайнина: в 1944 г. он был награжден медалью «За оборону Москвы»; трижды награжден орденом Трудового Красного Знамени: в 1944 г. — за выдающиеся заслуги в деле подготовки специалистов для народного хозяйства и культурного строительства; в 1945 г. — за выдающиеся заслуги в деле развития науки и в связи с 220-летием Академии наук СССР; в 1947 г. — за многолетнюю научную, педагогическую и общественную деятельность в связи с 60-летием со дня рождения²³.

Илья Павлович Трайнин ушел из жизни в 1949 г. Вскоре для нашей страны наступила новая эпоха, страна становилась иной, поменялись, иногда кардинально, подходы и взгляды на многие правовые институты, но научный вклад академика И.П. Трайнина остался не только в фундаменте советской правовой науки, он остался частью новой эпохи на пути эволюции отечественной правовой государственности.

II

Научное наследие академика И.П. Трайнина составляет целый ряд работ по вопросам советского и государственного права зарубежных стран, сферы национальных отношений, советской социалистической и буржуазной демократии, гражданства, местных органов власти, проблематике советской федерации, автономии, суверенитета.

Так, в годы Великой Отечественной войны И.П. Трайниным были написаны работы, посвященные главным образом вопросу ответственности

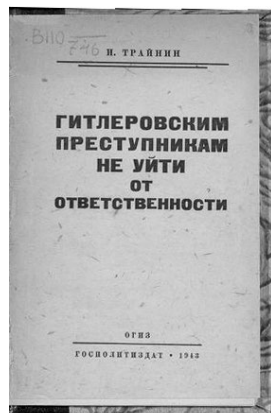
²⁰ См.: Жуков В.И. Вклад ученых Института государства и права РАН в разработку норм уголовного права и других отраслей юридической науки в годы Великой Отечественной войны // Государство и право. 2020. № 12. С. 19. DOI: 10.31857/S102694520013060-7

²¹ Трайнин И.П. Советская страна и ее народы никогда не будут онемечены. Ашхабад, 1941; *Его же*. Механизм немецко-фашистской диктатуры. Ташкент, 1942; *Его же*. Глумление фашистской Германии над международным правом. Ташкент, 1942; *Его же*. Гитлеровская партия, ее «идеология» и ее механизм. Ташкент, 1942; *Его же*. Гитлеровским преступникам не уйти от ответственности. М., 1943.

²² См.: Савенков А.Н. Указ. соч. С. 12. И.П. Трайнин являлся членом редколлегии и заместителем главного редактора журнала «Советское государство и право» (ныне — журнал «Государство и право» РАН) (см.: Клеандров М.И., Кроткова Н.В. Нам — 95 лет // Государство и право. 2022. № 2. С. 11, 12. DOI: 10.31857/S102694520018751-7).

²³ См.: Илья Павлович Трайнин... С. 5.

гитлеровской Германии за злодеяния и ущерб, причиненные ее агрессией и военным разбоем, а также проблематике партизанской войны.

Среди них выделяется книга «Гитлеровским преступникам не уйти от ответственности» (1943). Она обращает на себя внимание не только политической актуальностью, профессионализмом анализа уголовно наказуемых деяний, но и поразительной точностью юридических формулировок, обоснованностью оценок преступлений с позиций криминологии и философии уголовного права.

В работе указано точное название преступников — гитлеровцы и нацисты. Первое производно от имени вождя нацистов, второе — точная характеристика той идеологии, которая легла в основу преступной деятельности нацистов всех национальностей²⁴.

И. П. Трайнин первым заметил, что расистское движение, известное как пруссачество, есть общее европейское политическое течение зараженных нацизмом народов, единым фронтом выступивших против СССР. В предвоенные годы широкое распространение получил термин «фашизм». В годы войны и в дальнейшем он укрепился в сознании людей как образ поведения гитлеровцев, стал символом звериной жестокости, расовой непримиримости и получил обоснование в документах Коминтерна, материалах его конгрессов. Однако теоретикам международного права было понятно, что фашизм, отражающий взгляды лидера итальянских нацистов Б. Муссолини на общественное устройство своей страны, недостаточен для понимания сути той политики, которая формировалась в Германии и стремительно распространялась в Европе. Советская наука и дипломатия уже в годы войны отождествляли гитлеризм и фашизм с нацизмом, поскольку практически во всех европейских странах стали создаваться нацистские партии, во главе которых стояли последователи Гитлера: в Австрии — Э. Дольфус, в Англии — О. Мосли, в Бельгии — Л. Дегрель, в Нидерландах — В. Квислинг, в Швейцарии — А. Фоньяллаз, во Франции — Ж. Дорио и А. Ф. Петэн. Стержень нацистской политики — завоевание мирового господства, а идеология — расовое превосходство²⁵.

²⁴ См.: Жуков В. И. Указ. соч. С. 19–21.

²⁵ См. подр.: Жуков В. И., Федякина Л. В. Триумфы и трагедии XX века в социальной истории России. Историко-социологический анализ. М., 2015. С. 38.

Актуальность этой темы возродилась в наши дни, когда нацистская символика укоренилась на Украине, в странах Балтии. Не случайно Президент РФ В. В. Путин уже в течение многих лет использует в своих выступлениях термин «нацизм», а не «фашизм». Действительно, на Советский Союз напала не гитлеровская Германия, а зараженная нацизмом Европа, в каждой из стран которой были свои нацистские партии и свои вожди, а 190 млн советских людей противостояли 600 млн европейцев.

На тот момент, когда академик И. П. Трайнин написал указанную книгу, было известно, что на стороне СССР воевала эскадрилья «Нормандия–Неман», но мало кто знал, что на стороне нацистов сражался многочисленный французский легион. В борьбе с нацистами сложили свои головы 20 тыс. французских патриотов, а на Восточном фронте погибли 50 тыс. нацистов французской национальности. Более 30 тыс. поляков из Армии Людовой погибли в борьбе с гитлеровцами, а более 330 тыс. сложили свои головы на Восточном фронте в боях с Красной Армией. Еще большие потери (405 тыс. убитыми и более 500 тыс. пленными) понесла Венгрия²⁶. Печальным символом белорусской трагедии стали сотни заживо сожженных жителей деревень, среди которых деревенька Хатынь, где 149 местных жителей, включая 75 детей до 16 лет, были заперты в сарае и заживо сожжены. По два годика было Мише Новицкому, Юзику Иотко, Леночке Миронович, Мише Яскевичу. Самому маленькому из всех, кого сожгли заживо, было не семь лет и даже не семь месяцев, а только семь недель. Банда преступников была многонациональной: батальоном, в который входили палачи, командовал поляк Смовский, казнью руководил гауптштурмфюрер СС Вильке, людей, чудом вырвавшихся из сарая, расстреливал из пулемета украинец Васюра²⁷. Нацисты германской национальности превосходили всех остальных европейцев не по количеству, а по той звериной ненависти, с которой они истребляли неполноценные (с их точки зрения) расы.

И. П. Трайнин использовал для описания гитлеровцев исключительно точную характеристику: «германские разбойники побили рекорд по зверству своих военных расправ»²⁸. Он детально проанализировал такой феномен, как прусская, юнкерская, германская «законность», доказав, что в основе такого рода «законности» лежит не право, а беззаконие в форме примитивной силы, и именно на «силе оружия» держится «истинный

²⁶ См.: Шутлов А. Д. Россия в жерновах истории. М., 2008. С. 8.

²⁷ См. подр.: Жуков В. И., Федякина Л. В. Указ. соч. С. 112–115.

²⁸ Трайнин И. П. Гитлеровским преступникам не уйти от ответственности. С. 3.

порядок»²⁹. Господство примитивной силы нацисты распространили на всю область международных отношений. И.П. Трайнин верно заметил: «право силы» гитлеровцы ставили выше «всякого научного права». Их лидеры разъясняли военнотружущим всех национальностей, что международные соглашения о праве нужно применять «лишь постольку, поскольку это не противоречит военной необходимости»³⁰.

И.П. Трайнин, ученый-правовед, раскрыл сам механизм формирования культа жестокости нацистов и доказал, что гитлеровская теория и нацистская практика не имеют отношения к таким понятиям, как «законность» и «право». Он ввел в научный оборот архивные материалы, которые обнажили сознательное игнорирование вождями Германии общепринятых норм права. И.П. Трайнин извлек из архива и обнародовал содержание одной из бесед, в ходе которой Вильгельм II, предшественник Гитлера, заявлял: «Наша сила в том, что мы готовы вступить в войну без предупреждения. Мы не откажемся от этого преимущества и не дадим нашим врагам времени подготовиться»³¹. Таким образом, нормы международного права игнорировались, а коварство становилось составной частью политики. Международные договоры и конвенции лидеры Германии считали «клочками бумаги». Получив в наследство такое представление о нормах права, Гитлер и его сообщники считали нормальным явлением нарушение принятых на себя обязательств, как это и произошло в случае с Пактом о ненападении, подписанным Риббентропом и Молотовым³². И.П. Трайнин убедительно доказал, что «гитлеровская клика заимствовала и развила в еще более чудовищных формах все реакционное и изуверское из прошлого Германии»³³. В связи с этим он приводит важное свидетельство: бывший соратник Гитлера по нацистской партии Г. Раушнинг в своей книге «Гитлер мне говорил» привел красноречивую фразу Гитлера: «Я не отступлю ни перед чем. Никакое международное право, никакой договор не мешают мне использовать преимущество, когда оно представится. Будущая война будет ужасная, кровавая и жестокая. Война самая жестокая не будет проводить различие между военными людьми и мирными жителями»³⁴.

Следовательно, еще до начала военных действий гитлеровцы планировали вести войну такими методами, как истребление мирного населения, грабеж имущества, мародерство, зверские пытки и убийства пленных, увод населения оккупированных районов в рабство и т.д.

Не случайно в своей работе И.П. Трайнин приводит слова Геббельса: «Гуманизм, культура, международное право для нас — пустые слова»³⁵. То есть уже в середине войны ученый формулировал те области нарушения норм права, по которым в дальнейшем нацистские преступники привлекались к ответственности.

Опережая время, академик И.П. Трайнин довольно редко использовал термин «фашисты», понимая, что это — лишь часть явления, именуемого нацизмом. Задолго до победы, но предвидя ее неизбежность, заявлял о том, что преступления гитлеровцев не останутся безнаказанными, и разрабатывал параметры того правосудия, которое должно опираться на юридически обоснованные нормы права³⁶. С этой целью он раскрывал правовую сущность таких понятий, как «агрессия»³⁷, «нарушение законов войны»³⁸, в том числе в части зверских расправ с военнопленными³⁹, преступлений против больных и раненых⁴⁰, грабежа и истребления населения оккупированных районов⁴¹, насильственного увода мирных советских граждан в нацистское рабство и др. Академиком И.П. Трайниным детально прорабатывались вопросы не только уголовной ответственности, но и проблемы материальной ответственности «гитлеровцев и их сообщников». Тем самым создавалась законодательная база для установления уголовной ответственности нацистов за их преступления, что и является главной заслугой ученых нашего Института при подготовке правовой базы для успешной работы Нюрнбергского трибунала⁴².

Есть область, в которой он проявил особую энергию, занимаясь исследованиями более четверти века, — это область национальных отношений. Отличительным свойством научной деятельности И.П. Трайнина была выработанная годами привычка откликаться на злободневные вопросы современности, не уходить от этих вопросов, а давать

²⁹ Трайнин И.П. Гитлеровским преступникам не уйти от ответственности. С. 5.

³⁰ Там же. С. 6.

³¹ Там же.

³² См.: Жуков В.И. Указ. соч. С. 21.

³³ Трайнин И.П. Гитлеровским преступникам не уйти от ответственности. С. 8.

³⁴ Там же. С. 8.

³⁵ Там же. С. 11.

³⁶ См.: Жуков В.И. Указ. соч. С. 21.

³⁷ Трайнин И.П. Гитлеровским преступникам не уйти от ответственности. С. 14–16.

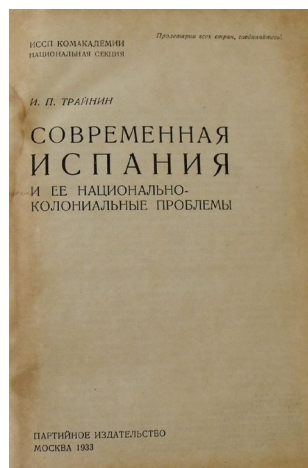
³⁸ Там же. С. 16–33.

³⁹ См.: там же. С. 19–24.

⁴⁰ См.: там же. С. 24–27.

⁴¹ См.: там же. С. 27–31.

⁴² См.: Жуков В.И. Указ. соч. С. 19–21.

им научную трактовку. Интересы ученого в области национального вопроса не ограничивались пределами СССР, много внимания в своих трудах он уделял изучению национальных проблем за рубежом. Работы И. П. Трайнина, безусловно, не были свободны от идеологических воззрений своего времени, однако при этом каждый вопрос он досконально исследовал,

рассматривая различные подходы и концепции. Например, его работа «Современная Испания и ее национально-колониальные проблемы»⁴³. В ней анализируются политические судьбы Испании на протяжении большого исторического периода, решительно опровергаются многочисленные утверждения реакционных историков и политиков, будто в Испании не существует национального вопроса. На широком политическом и экономическом фоне И. П. Трайнин осветил развитие государственного строя Испании, вскрыл глубокие экономические, политические и социально-культурные корни каталонского, баскского и галисийского национальных движений и подчеркнул их значение в дальнейшем политическом развитии страны. Эта концепция была полностью подтверждена ходом гражданской войны и интервенции в Испании 1936–1937 гг., когда Бискайя и Каталония представляли собой важнейшие плацдармы республики в борьбе с фашистской интервенцией⁴⁴.

Обширное исследование национальных проблем дано в книге «Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад» (1947). В ней на основе марксистско-ленинской методологии установлена «известная закономерность, свойственная любому многонациональному капиталистическому государству, несущему в себе зародыш распада». Особый интерес представляет сопоставление автором двух типов многонациональных государств и двух теоретических концепций, борющихся в международном рабочем движении, — ленинско-сталинской революционной теории и буржуазно-реформистской, выдвинутой австрийскими социал-демократами. Обе эти теории, как показывает И. П. Трайнин, подверглись

проверке историей и жизнью. Полная несостоятельность теории австрийских социал-демократов видна на примере развалившейся уже в результате Первой мировой войны многонациональной Австро-Венгрии, которую оппортунисты многих стран рассматривали как «экспериментальную лабораторию по разрешению вопроса о мировом сотрудничестве наций»⁴⁵.

Сопоставление двух систем и методов разрешения национального вопроса дается также в работе «Империализм на Дальнем Востоке и СССР» (1932), посвященной национально-колониальным проблемам, в которой в связи с захватом Маньчжурии Японией излагаются тихоокеанская проблема, вопросы внутреннего положения и международных взаимоотношений дальневосточных стран (Япония, Китай, Монголия), огромные успехи советского Дальнего Востока⁴⁶.

В 1939 г. в связи с вхождением в состав СССР западных областей Украины и Белоруссии И. П. Трайнин занимается разработкой вопроса о национальном и социальном освобождении Западной Украины и Западной Белоруссии и издает работу по данной проблематике. Он видел и анализировал внутренние противоречия и слабость капиталистических многонациональных государств, их негативную роль в разрешении национальных конфликтов. «История показала, — пишет И. П. Трайнин, — что буржуазия угнетенной нации, стремящаяся возглавить национальное движение, в моменты ожесточенных классовых боев обычно предаёт национальные интересы, находит в борьбе против трудящихся общий язык с господствующим классом угнетающей нации»⁴⁷. Проведя краткий исторический обзор империалистической политики бывшего польского государства, автор приходит к следующим выводам: Польша при прямой поддержке Франции и Англии не только насильственно подчинила себе ряд национальностей, в частности украинцев и белорусов, но и стала контрреволюционным буфером против СССР, при этом национальная политика

⁴³ Трайнин И. П. Современная Испания и ее национально-колониальные проблемы. М., 1933.

⁴⁴ См.: О научной деятельности академика И. П. Трайнина // Личное дело И. П. Трайнина. Л. 89.

⁴⁵ Трайнин И. П. Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. М. — Л., 1947.

⁴⁶ См.: Трайнин И. П. Империализм на Дальнем Востоке и СССР. М., 1932.

⁴⁷ Трайнин И. П. Национальное и социальное освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1939. С. 4.

Польша носила ярко выраженный антисоветский характер⁴⁸. Отмечая большие революционные традиции польского пролетариата, опыт борьбы в революции 1905 г., И.П. Трайнин констатирует, что под влиянием польской партии социалистов, которая стала проводником буржуазного национализма, значительная часть пролетариата сбивалась на националистические позиции⁴⁹. Польская партия социалистов стремилась воспитать в массах чувство недоверия ко всему русскому, считая своей миссией «освобождение» украинского и белорусского народов от большевиков, поддерживая тем самым захватнические стремления польских империалистов в отношении УССР и БССР⁵⁰. В этом состоял смысл наступления Польши в 1919 г. на Советскую республику — захват Советской Украины и Советской Белоруссии, эти планы всячески поддерживали государства Антанты.

Анализируя нормы Рижского мирного договора 1921 г., И.П. Трайнин подчеркивает, в частности, что в нем были оговорены права украинцев и белорусов (в соответствии с данным договором Советское правительство было вынуждено отказаться от Западной Украины и Западной Белоруссии). Так, ст. 7 Рижского договора устанавливала: «Польша предоставляет лицам русской, украинской и белорусской национальности, находящимся в Польше, на основе равноправия национальностей, все права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и выполнения религиозных обрядов. Взаимно Россия и Украина обеспечивают лицам польской национальности, находящимся в России, на Украине и в Белоруссии, все те же права. Лица русской, украинской и белорусской национальности в Польше имеют право в пределах внутреннего законодательства культивировать свой родной язык, организовывать и поддерживать свои школы, развивать свою культуру и образовывать с этой целью общества и союзы». И хотя внутренних и международных актов, касающихся прав национальных меньшинств, в Польше было много, ни один из них не был реализован. Польское правительство никогда не выполняло взятые на себя обязательства в отношении национальных меньшинств, и в этой политике его поддерживали государства Антанты, заключает И.П. Трайнин⁵¹. Вместе с тем развал Польши открывал путь для всяких случайностей на востоке Европы, которые могли создать угрозу для СССР. Основную слабость бывшего польского государства И.П. Трайнин видел в отсутствии консолидации сил многонационального

государства, поскольку, не опираясь на массы, оно было не в состоянии выдержать такое испытание, как война, и развалилось⁵².

Из работ И.П. Трайнина в сфере государственного права обращает на себя внимание статья «Проблема суверенитета в советской федерации» (1945)⁵³, опубликованная в 1947 г. в трудах юбилейной сессии Академии наук СССР. Анализируя вопрос о федеративном устройстве, И.П. Трайнин отмечает, что партия большевиков была в принципе против федерации. До 1917 г. партия высказывалась за демократическую централизованную республику и экономическое единство при максимальной политической и территориальной автономии для наций, входящих в состав государства. По его мнению, суть принципов, заложенных в современной советской теории федерализма и суверенитета, содержится в подходе В.И. Ленина к этому вопросу. Ленин утверждал, что можно быть решительным противником федерации и вместе с тем предпочитать ее национальному неравноправию в условиях государственного унитаризма. При этом Ленин был против того, чтобы подменять вопрос о самоопределении наций вопросом о федерации, поскольку федерация есть союз равных, союз, требующий общего согласия. Право на самоопределение не означает права на федерацию. Только нации, использовавшие свое суверенное право на самоопределение и изъявившие свою волю остаться в пределах государства, могут строить свои взаимоотношения на основе федералистического устройства государства. Федерализм с точки зрения теории большевизма есть, во-первых, союз добровольный и, во-вторых, как отмечал Ленин, «союз равных», т.е. в конечном счете суверенных наций. «Советская федерация, — пишет И.П. Трайнин, — не возникла как результат абстрактной теории, свободного законотворчества по уже готовым юридическим федеративным схемам. Строительство советской федерации не знает шаблонов». Отличие советской федерации от всех других федераций в истории он видел в том, что она возникла в борьбе рабочего класса за добровольное и равноправное объединение трудящихся многочисленных наций в пределах одного социалистического государства. В силу этого имеет свои особенности и советская концепция суверенитета. Приводя три характерные точки зрения на проблему суверенитета в федеративном государстве, существующие в иностранной юридической литературе, И.П. Трайнин характеризует их как формально-догматические и не связывающие

⁴⁸ См.: Трайнин И.П. Национальное и социальное освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии. С. 27.

⁴⁹ См.: там же. С. 9, 10.

⁵⁰ См.: там же. С. 11.

⁵¹ См.: там же. С. 28, 29.

⁵² См.: там же. С. 54.

⁵³ См.: Трайнин И.П. Проблема суверенитета в советской федерации // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. 1945. № 3. С. 11–18.

вопросы суверенитета с глубокими социально-политическими причинами, приводившими даже к гражданским войнам в федерациях⁵⁴.

Вместе с тем особенность суверенитета советского народа состоит в том, что он базируется не на формальном демократизме, а на социалистическом, реальном, осуществление которого гарантируется всем достоянием советского народа. Этим также устраняются и противоречия между обществом, государством, нацией и личностью. И.П. Трайнин подчеркивает, что суверенитет федерации не противопоставлен суверенитету союзной республики. Один дополняет другой, и в интересах укрепления своего суверенитета Союз укрепляет суверенитет республик. Суверенитет союзных республик опирается на материальные и военные ресурсы всего Союза. Перечисляя наиболее важные правовые гарантии суверенитета союзных республик, в частности наличие собственных конституций, органов власти, верховных судов, права выхода из федерации, академик И.П. Трайнин особо отмечает две правовые гарантии, установленные в январе 1944 г. X сессией Верховного Совета — это республиканские войсковые формирования у каждой союзной республики и право каждой союзной республики вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представительствами. Предоставление этих гарантий союзным республикам в условиях войны блестяще выражает единство целей суверенитета Союза и союзных республик, заключает И.П. Трайнин⁵⁵.

Автономию он рассматривал как «выражение советского демократизма в разрешении национального вопроса». Анализируя принцип советского демократического равенства национальностей, ученый приходил к выводу, что нации, объединенные в автономных республиках, областях и национальных округах, используют национальную суверенность, т.е. полную самостоятельность в использовании всех своих национальных возможностей и способностей, поставленных на службу социалистическому строительству. При этом свое участие в государственном суверенитете они осуществляют через союзную республику, которая согласно ст. 13 Конституции СССР (речь шла о Конституции 1936 г.) является субъектом Союза Советских Республик и несет ответственность за правильное и беспрепятственное развитие творческих сил каждой входящей в союзную республику нации. Кроме этого суверенные права наций обеспечивает Совет

Национальностей. И.П. Трайнин указывал, что нации, объединенные в автономных республиках, областях и национальных округах, своего особого государственного суверенитета не имеют, поскольку, как правило, не являются окраинами и не обладают другими условиями, которые позволили бы им создать самостоятельные суверенные государства. При этом в силу своего географического положения они лишены возможности осуществить высшее право суверенитета, которым он считал право выхода из Союза. Академик И.П. Трайнин отмечал гибкость государственных форм в пределах советской федерации — возможность перехода от одной формы к другой. «История развития советской федерации, — заключает он, — знает федерацию, основанную на автономии (РСФСР), федерацию, основанную на договорах (федеративные связи до образования СССР между РСФСР, Украиной, Азербайджаном), федерацию как Союз, основанный на Конституции 1922 г.»⁵⁶. По мысли И.П. Трайнина, всенародный суверенитет не противопоставляется суверенитету союзной республики, поскольку по своей социальной сущности и целестремленности они составляют единство⁵⁷.

И.П. Трайнин обращал внимание на то, что признание права наций на самоопределение вплоть до отделения имеет глубоко революционное значение⁵⁸. При этом проект «культурно-национальной автономии», сущность которого заключалась в том, что, как пишет ученый, искусственно отделялись вопросы национальной культуры от общегосударственных, создавались «общенациональные союзы», охватывающие пролетариат и буржуазию каждой нации, этот проект, по его мнению, являлся антипролетарским, националистическим требованием. Цитируя работы В.И. Ленина и И.В. Сталина, И.П. Трайнин подчеркивает, что, признавая суверенность нации и ее право на отделение, партия большевиков отнюдь не высказывалась за обязательность отделения нации от уже сложившегося крупного государства, которое представляет собой более крупную арену борьбы за социализм. Интересам же пролетариата более соответствует уже сложившееся крупное государство, в котором пролетариат сплачивает возможно большее количество трудящихся всех национальностей в борьбе за свои классовые интересы и за оборону этих интересов от внутренних и внешних классовых врагов⁵⁹. «Разъединение для объединения» — так можно сформулировать позицию Ленина в отношении тех народов, которые хотели бы использовать свое

⁵⁶ Там же. С. 647.

⁵⁷ См.: там же. С. 648.

⁵⁸ См.: Трайнин И.П. Советское социалистическое многонациональное государство. М., 1940. С. 8.

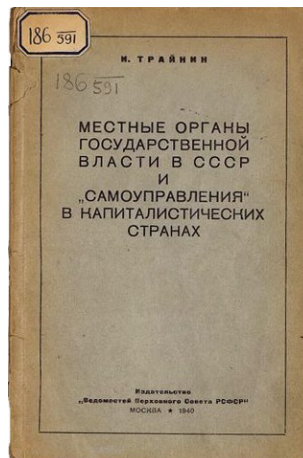
⁵⁹ См.: там же. С. 10, 11.

⁵⁴ См.: Трайнин И.П. Проблема суверенитета в советской федерации // Юбилейная сессия Академии наук СССР, 15-е июня — 3-е июля 1945 г. М., 1947. Т. 2. С. 638–648.

⁵⁵ См.: там же.

право на отделение, пишет И.П. Трайнин. Далее им анализируется преимущество областной автономии с точки зрения интересов пролетариата, учитывая, что областную автономию партия выдвигает для наций, предпочитающих остаться в границах крупного многонационального государства, эта форма «не межует людей по нациям» и «не укрепляет национальных перегородок»⁶⁰, отмечает автор. Ссылаясь на положения Декларации прав народов России 1917 г., в которой были заложены основные начала политики в отношении национальностей России (равенство и суверенность, право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмена всех религиозных ограничений, свободное развитие национальных меньшинств), И.П. Трайнин пишет: «Советская власть признала права Финляндии на самостоятельность. Она признала также право на самостоятельность Украины. Но вместе с тем она выступила против контрреволюционной политики Украинской Рады, которая оказывала помощь кадетско-калединскому заговору на Дону и Кубани, разоружала советские войска, выступала против Советов на Украине и в борьбе против Советской России, заключила договор с немецкими империалистами, оккупировавшими Украину»⁶¹. Он обращает внимание, что буржуазия различных национальностей (белорусской, азербайджанской, армянской, туркменской, узбекской, казахской и др.) и духовенство разных религий, защищая свои классовые привилегии, пытались восстановить национальные массы против советской власти, как якобы только «русской власти». Они повели националистическую агитацию против русского рабочего класса, стоявшего в авангарде революционных сил, подбивали трудящихся национальных окраин отделиться от революционной России⁶². При этом им отмечено, что формы автономий не могли быть повсюду одинаковыми, различие их диктовалось разными условиями, в которых находился каждый народ, но сущность их одна. Автономии осуществлялись путем образования национально-государственных объединений, создания органов власти из представителей коренных национальностей, путем организации национальных школ и местных просветительских учреждений при полной гарантии свободного развития родного языка и равноправия его во всех областях общественно-политической жизни⁶³. Подчеркивая, что в разрешении национального вопроса резко сказывается различие двух друг другу

противоположных миров, двух систем — социалистической и капиталистической, И.П. Трайнин анализирует целый ряд событий, связанных с разрешением тех или иных национальных конфликтов: воссоединение Советской Украины и Советской Белоруссии, обретение независимости Финляндии, образование Молдавской ССР, принятие в состав СССР Латвии, Литвы и Эстонии⁶⁴. Актуальность этой тематики сохраняется и сегодня, данные исследований академика И.П. Трайнина показывают, что у нас имеется свой грандиозный опыт построения и развития многонационального государства.

В монографии «Местные органы государственной власти в СССР и “самоуправления” в капиталистических странах» (1940) И.П. Трайниным были проанализированы демократическая природа Советов и их организационные принципы⁶⁵. Он отмечал в Советах наличие выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии; реализацию большевистского принципа

связи депутатов с массами, подотчетность, ответственность депутатов перед избирателями, возможность их отзыва в любое время. «Сила Советов зависит не столько от самой формы, сколько от того, какое содержание влито в эту форму»⁶⁶. И.П. Трайнин обращал внимание на громадное преимущество Советов в сравнении с Парижской Коммуной, учитывая, что Советами руководила «закаленная в боях» большевистская партия, которая боролась за очищение Советов от элементов, чуждых интересам рабочего класса, пытавшихся направить работу Советов по ложному пути, искажавших политику партии и Советского государства⁶⁷. И.П. Трайнин исследует и сравнивает единство советского социалистического и капиталистического государств; советское самоуправление, особенности советского демократического централизма и бюрократического централизма капиталистических государств. В частности, с его точки зрения, социалистический демократизм резко противопоставлен формальному буржуазному демократизму, в котором принцип «разделения властей» фактически прикрывает произвол исполнительных

⁶⁰ Трайнин И.П. Советское социалистическое многонациональное государство. М., 1940. С. 10, 11.

⁶¹ Там же. С. 16.

⁶² См.: там же.

⁶³ См.: там же. С. 20.

⁶⁴ См.: там же. С. 39–43.

⁶⁵ См.: Трайнин И.П. Местные органы власти в СССР и “самоуправления” в капиталистических странах. М., 1940.

⁶⁶ Там же. С. 23–25.

⁶⁷ См.: там же.

органов. «Отличие местных органов государственной власти СССР от местных органов управления и “самоуправления” в капиталистических странах заключается в том, что они единственные органы власти на местах, — отмечает автор. — Между центром и местами нет никаких промежуточных инстанций в виде особых представителей центра, чиновников, “специалистов” по управлению, которые приказывают и командуют»⁶⁸. К особенностям социалистического демократизма он относил выборность всех органов власти сверху донизу, сменяемость их состава и наличие права отзыва депутатов, отчетность и контроль за работой Советов⁶⁹.

В 1940 г. выходит монография И.П. Трайнина «Государство и коммунизм»⁷⁰, посвященная вопросам развития марксизма, теории построения коммунизма и роли государства в условиях социализма и коммунизма. Социализм в ней рассматривается как общество переходного (от капитализма к коммунизму) типа, в рамках которого «имеются еще остатки классовых различий, пережитки старой

психологии, различия между городом и деревней, между умственным и физическим трудом». Однако уже на данном, низшем этапе коммунизма, подчеркивает автор, «общество характеризуется морально-политическим единством и сплоченностью». И хотя социализм является «низшей фазой коммунизма», «между социализмом и коммунизмом нет принципиальных граней..., коммунизм вырастает на экономической и культурной основе, подготовленной... социализмом»⁷¹.

Особо отмечена роль социалистического государства в организации производства, труда как такового с целью повышения его производительности, при этом автор указывает на «несправедливость» принципа «от каждого по способностям, каждому — по труду», противоречащего коммунистическому принципу «от каждого — по его способности, каждому — по его потребностям». Несправедливость первого принципа И.П. Трайнин находит в том, что «к людям, индивидуально различающимся между собой (один сильный,

другой слабый, один бездетный, другой имеет детей на своем иждивении), применяется равная мерка оплаты по затраченному труду», а также в том, что «распределение предметов потребления осуществляется еще не по потребностям, а по труду»⁷².

В работе указано на необходимость учета конкретной исторической обстановки и накопленного опытом при рассмотрении вопросов коммунизма и государства, положений марксизма-ленинизма. Исходя из принципов творческого марксизма, из конкретных исторических условий, И.П. Трайнин выступил против догматического толкования марксистского тезиса об отмирании государства при коммунизме. Он согласился с И.В. Сталиным, утверждавшим, что сохранение либо отмирание государства в период коммунизма зависит от того, будет ли ликвидировано и заменено социалистическим капиталистическое окружение государства⁷³. Отдельная глава монографии посвящена сталинскому учению о фазах, функциях и формах социалистического государства. По мысли Трайнина, «диктатура рабочего класса в переходный период от капитализма к коммунизму имеет свои различия»⁷⁴. Он рассматривает их сквозь призму функций социалистического государства на двух главных фазах его развития, отмеченных И.В. Сталиным. Первая фаза — «период от Октябрьской революции до ликвидации эксплуататорских классов»⁷⁵. На этом периоде социалистическое государство осуществляло функции в рамках трех ключевых направлений — подавления сопротивления остатков разбитых классов, обороны страны от нападения извне и хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной деятельности, которая, по мнению автора, не имела прецедентов в истории и являлась функцией исключительно социалистического государства и которая на начальном этапе первой фазы развивалась крайне слабо⁷⁶.

Вторая фаза — период от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства — представляла собой период усилившейся индустриализации страны и коренной перестройки сельского хозяйства на основе индустриализации⁷⁷. На данном этапе отпадает функция военного подавления внутри страны, однако сохраняется функция военной защиты от нападения извне, кроме того, большое значение приобретает функция охраны социалистической собственности,

⁷² Там же. С. 8.

⁷³ См.: там же. С. 16, 17.

⁷⁴ Там же. С. 20.

⁷⁵ Цит. по: Сталин И. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1952. С. 605.

⁷⁶ См.: Трайнин И.П. Государство и коммунизм. С. 22–24.

⁷⁷ См.: там же. С. 25.

⁶⁸ Трайнин И.П. Местные органы власти в СССР и “самоуправления” в капиталистических странах. С. 36.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Трайнин И.П. Государство и коммунизм. М., 1940.

⁷¹ Там же. С. 5.

а хозяйственно-организаторская и культурно-просветительная функции получают «громадный рост и размах»⁷⁸.

На основе вышеизложенного автор делает вывод о том, что «функции социалистического государства менялись в тесной связи с развитием экономической основы социализма, изменением соотношений классовых сил в стране и изменением внешней обстановки. Функции эти обуславливались творческим опытом масс на различных этапах борьбы за коммунизм. Одни функции отпадают, отмирают, в то же время нарождаются новые функции»⁷⁹.

Изучая предпосылки для перехода от социализма к коммунизму, И.П. Трайнин отмечает возрастающее морально-политическое единство многонационального народа, растущую сознательность масс, сплоченность народа вокруг лозунгов партии Ленина—Сталина, неуклонное проведение в жизнь Конституции СССР, развитие производительных сил, новую классовую структуру социалистического общества («рабочие и крестьяне — это два новых дружественных класса, каких еще не знала история»), уничтожение частной собственности на орудия и средства производства, устранение противоречивых отношений между городом и деревней⁸⁰.

Изучая причины и формы существования государства в условиях коммунизма, И.П. Трайнин указывает, что единственной причиной существования государства в условиях общества, живущего по заветам коммунизма, является причина внешняя, т.е. капиталистическое окружение. Но каким будет такое государство, какими будут его форма и функции — об этом, по его мнению, можно рассуждать «лишь в порядке постановки вопроса и на основании опыта низшей фазы коммунизма и на основании учения о государстве классиков марксизма»⁸¹. Небезынтересно, что, с его точки зрения, классы исчезнут еще до полного коммунизма, но «задача поднятия всей массы до уровня передового коммунистического отряда, особенно в условиях капиталистического окружения, еще остается», поэтому «задачей государства, кроме задач обороны, интернациональных задач и организации распределения в соответствии с принципами постепенно вводимого коммунизма, будет еще большая работа по перевоспитанию»⁸².

* * *

Каждая работа Ильи Павловича Трайнина по-своему интересна, содержательна, оригинальна,

они, безусловно, отражают специфику времени, в которое создавались, взгляды ученых советской эпохи, однако, обращаясь к этим трудам, можно констатировать, что они сохраняют свою актуальность, остаются злободневными, подтверждают существующие и сегодня ориентиры для дальнейшего развития отечественного конституционализма в русле укрепления и сохранения российской национальной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жуков В.И. Вклад ученых Института государства и права РАН в разработку норм уголовного права и других отраслей юридической науки в годы Великой Отечественной войны // Государство и право. 2020. № 12. С. 19–21. DOI: 10.31857/S102694520013060-7
2. Жуков В.И., Федякина Л.В. Триумфы и трагедии XX века в социальной истории России. Историко-социологический анализ. М., 2015. С. 38, 112–115.
3. Иванов Б. Яков Михайлович Свердлов. Его жизнь и деятельность. 1885–1919. Пб., 1921. С. 7.
4. Илья Павлович Трайнин / вступ. ст. В.П. Кириченко и А.А. Абуляка [«Краткая характеристика научной, общественно-политической и педагогической деятельности», с. 5–14]; библиогр. сост. В.Е. Кузятиной и Ф.М. Либовой. М. — Л., 1948. С. 5, 6 (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия права. Вып. 2).
5. Институт государства и права АН СССР за 50 лет / ред.: Л.Я. Гинзбург, В.Н. Кудрявцев, В.М. Курицын и др. М., 1976. С. 42, 43, 47, 48.
6. Клеандров М.И., Кроткова Н.В. Нам — 95 лет // Государство и право. 2022. № 2. С. 11, 12. DOI: 10.31857/S102694520018751-7
7. Савенков А.Н. Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. 2020. № 3. С. 12. DOI: 10.31857/S013207690008680-0
8. Сталин И. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1952. С. 605.
9. Трайнин И.П. Гитлеровская партия, ее «идеология» и ее механизм. Ташкент, 1942.
10. Трайнин И.П. Гитлеровским преступникам не уйти от ответственности. М., 1943. С. 3, 5, 6, 8, 11, 14–33.
11. Трайнин И.П. Глумление фашистской Германии над международным правом. Ташкент, 1942.
12. Трайнин И.П. Государство и коммунизм. М., 1940. С. 5, 8, 16, 17, 20, 22–27, 31–34, 41–43.
13. Трайнин И.П. Империализм на Дальнем Востоке и СССР. М., 1932.
14. Трайнин И.П. Кино на культурном фронте. Л., 1928. С. 13, 14, 16, 30, 31.
15. Трайнин И.П. Кинопромышленность и Совкино. М., 1925.
16. Трайнин И.П. Местные органы власти в СССР и «самоуправления» в капиталистических странах. М., 1940. С. 23–25, 36.
17. Трайнин И.П. Механизм немецко-фашистской диктатуры. Ташкент, 1942.

⁷⁸ Трайнин И.П. Государство и коммунизм. С. 26.

⁷⁹ Там же. С. 26, 27.

⁸⁰ См.: там же. С. 31–34.

⁸¹ Там же. С. 41.

⁸² Там же. С. 42, 43.

18. *Трайнин И.П.* Национальное и социальное освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1939. С. 4, 9–11, 27–29, 54.
19. *Трайнин И.П.* Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. М. – Л., 1947.
20. *Трайнин И.П.* Проблема суверенитета в советской федерации // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. 1945. № 3. С. 11–18.
21. *Трайнин И.П.* Проблема суверенитета в советской федерации // Юбилейная сессия Академии наук СССР, 15-е июня – 3-е июля 1945 г. М., 1947. Т. 2. С. 638–648.
22. *Трайнин И.П.* Советская страна и ее народы никогда не будут онемечены. Ашхабад, 1941.
23. *Трайнин И.П.* Советское социалистическое многонациональное государство. М., 1940. С. 8, 10, 11, 16, 20, 39–43.
24. *Трайнин И.П.* Современная Испания и ее национально-колониальные проблемы. М., 1933.
25. *Шутов А.Д.* Россия в жерновах истории. М., 2008. С. 8.
7. *Savenkov A.N.* The State. Law. Institute: 95 years of history in persons // State and Law. 2020. No. 3. P. 12. DOI: 10.31857/S013207690008680-0 (in Russ.).
8. *Stalin I.* Questions of Leninism. 11th ed. M., 1952. P. 605 (in Russ.).
9. *Trainin I.P.* The Hitler Party, its “ideology” and its mechanism. Tashkent, 1942 (in Russ.).
10. *Trainin I.P.* Hitlerite criminals cannot escape responsibility. M., 1943. Pp. 3, 5, 6, 8, 11, 14–33 (in Russ.).
11. *Trainin I.P.* The mockery of Fascist Germany over International Law. Tashkent, 1942 (in Russ.).
12. *Trainin I.P.* The State and communism. M., 1940. Pp. 5, 8, 16, 17, 20, 22–27, 31–34, 41–43 (in Russ.).
13. *Trainin I.P.* Imperialism in the Far East and the USSR. M., 1932 (in Russ.).
14. *Trainin I.P.* Cinema on the cultural front. L., 1928. Pp. 13, 14, 16, 30, 31 (in Russ.).
15. *Trainin I.P.* Film industry and Sovkino. M., 1925 (in Russ.).
16. *Trainin I.P.* Local authorities in the USSR and “self-government” in capitalist countries. M., 1940. Pp. 23–25, 36 (in Russ.).
17. *Trainin I.P.* The mechanism of the German fascist dictatorship. Tashkent, 1942 (in Russ.).
18. *Trainin I.P.* National and social liberation of Western Ukraine and Western Belarus. M., 1939. Pp. 4, 9–11, 27–29, 54 (in Russ.).
19. *Trainin I.P.* National contradictions in Austria-Hungary and its disintegration. M. – L., 1947 (in Russ.).
20. *Trainin I.P.* The problem of sovereignty in the Soviet Federation // Izvestiya AN SSSR. Department of Economics and Law. 1945. No. 3. Pp. 11–18 (in Russ.).
21. *Trainin I.P.* The problem of sovereignty in the Soviet Federation // Jubilee session of the Academy of Sciences of the USSR, June 15th – July 3rd, 1945. M., 1947. Vol. 2. Pp. 638–648 (in Russ.).
22. *Trainin I.P.* The Soviet country and its peoples will never be They are numb. Ashgabat, 1941 (in Russ.).
23. *Trainin I.P.* The Soviet socialist multinational state. M., 1940. Pp. 8, 10, 11, 16, 20, 39–43 (in Russ.).
24. *Trainin I.P.* Modern Spain and its national-colonial problems. M., 1933 (in Russ.).
25. *Shutov A.D.* Russia in the millstones of history. M., 2008. P. 8 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Zhukov V.I.* Contribution of scientists of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences to the development of norms of Criminal Law and other branches of legal science during the Great Patriotic War // State and Law. 2020. No. 12. Pp. 19–21. DOI: 10.31857/S102694520013060-7 (in Russ.).
2. *Zhukov V.I., Fedyakina L.V.* Triumphs and tragedies of the XX century in the social history of Russia. Historical and sociological analysis. M., 2015. Pp. 38, 112–115 (in Russ.).
3. *Ivanov B.* Yakov Mikhailovich Sverdlov. His life and work. 1885–1919. Petersburg, 1921. P. 7 (in Russ.).
4. Ilya Pavlovich Trainin / introduction by V.P. Kirichenko and A.A. Abulyak [“Brief description of scientific, socio-political and pedagogical activities”, pp. 5–14]; bibliogr. comp. V.E. Kuzyatina and F.M. Libova. M. – L., 1948. Pp. 5, 6 (Materials for the biobibliography of scientists of the USSR. The series is law. Iss. 2) (in Russ.).
5. Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences for 50 years / ed.: L. Ya. Ginzburg, V.N. Kudryavtsev, V.M. Kuritsyn et al., 1976. Pp. 42, 43, 47, 48 (in Russ.).
6. *Kleandrov M.I., Krotkova N.V.* We are – 95 years old // State and Law. 2022. No. 2. Pp. 11, 12. DOI: 10.31857/S102694520018751-7 (in Russ.).

Сведения об авторе

САВЕНКОВ Александр Николаевич –
 член-корреспондент РАН,
 доктор юридических наук, профессор,
 заслуженный юрист РФ,
 директор Института государства и права
 Российской академии наук,
 главный редактор журнала
 «Государство и право» РАН;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. –
 Corresponding Member
 of the Russian Academy of Sciences,
 Doctor of Law, Professor,
 Honored Lawyer of the Russian Federation,
 Director of the Institute of State and Law
 of the Russian Academy of Sciences,
 Editor-in-Chief of the Journal “State and Law”
 of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 340.111; 340.15

ПОНЯТИЕ ПРАВА: МНОГООБРАЗИЕ ТРАКТОВОК И ЕДИНСТВО СМЫСЛА

© 2024 Е. А. Фролова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

E-mail: theory.law.msu@gmail.com

Поступила в редакцию 21.11.2023 г.

Аннотация. Статья посвящена определению понятия права, характеристике его существенных качеств и исторических типов. На примере кантианской философии показаны методологические трудности поиска четкого определения правового феномена. Право — социокультурное явление, оно присутствует в сознании человека и проявляется в социуме, т.е. реализуется в правовых отношениях, создает и поддерживает правовой порядок в обществе.

Ключевые слова: юридическая наука, теория государства и права, право, признаки права, исторические типы права.

Цитирование: Фролова Е.А. Понятие права: многообразие трактовок и единство смысла // Государство и право. 2024. № 2. С. 22–31.

DOI: 10.31857/S1026945224020021

THE CONCEPT OF LAW: DIVERSITY OF INTERPRETATIONS AND UNITY OF MEANING

© 2024 E. A. Frolova

Lomonosov Moscow State University

E-mail: frolova.msu@mail.ru

Received 21.11.2023

Abstract. The article is devoted to the definition of the concept of law, characterization of its essential qualities and historical types. The methodological difficulties of finding a clear definition of a legal phenomenon are shown on the example of Kantian philosophy. Law is a sociocultural phenomenon, it is present in the mind of a person and manifests itself in society, i.e. is realized in legal relations, creates and maintains the legal order in society.

Key words: legal science, theory of state and law, law, features of law, historical types of law.

For citation: Frolova, E.A. (2024). The concept of law: diversity of interpretations and unity of meaning // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 22–31.

Понятие и содержание права

Право — относительно недавнее человеческое изобретение, оно появилось уже после колеса, языка, искусства и религии. Английский мыслитель XVII в. Т. Гоббс справедливо полагал, что без права нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла, литературы, нет общества. В XXI в. юристы продолжают мысль Гоббса, утверждая, что цивилизация возможна только при очень высокой степени социального сотрудничества и взаимозависимости, а это, в свою очередь, может быть только в случаях, при которых сообщество способно эффективно регулировать общественные отношения¹. Право представляет собой важнейший социальный регулятор. С момента возникновения права люди используют его для создания, изменения и применения правил для управления многочисленными сторонами общественной жизни, уже не полагаясь исключительно на свои обычаи, традиции и убеждения.

Право существует в неоднородном обществе, т.е. обществе, которое состоит из различных групп, сословий, классов, народностей с разными сталкивающимися интересами. Содержание права — круг общественных отношений, подлежащих правовой защите, — определяется многими факторами (интересами политической элиты, волей господствующего класса, социальными ожиданиями населения, произволом властей, деятельностью властвующего духовенства, притязаниями политических лидеров на выражение «общей воли» всего общества). Изучение факторов, определяющих содержание права, представляет значительный интерес прежде всего для историков и социологов права. Французский юрист и просветитель XVIII в. Ш.Л. Монтескьё в работе «О духе законов» исследовал причины, влияющие на содержание законов. Согласно его подходу, существует две группы факторов, под воздействием которых в обществе формируется «дух законов»: природные и социальные. К первым он относил климат, почвы, размер территории, численность населения; ко вторым — принципы

политического строя, религию, нравственность, обычаи. На ранних стадиях развития человечества большее значение имеют природные (физические) факторы. С развитием общества начинают доминировать социальные условия, в наибольшей степени — принципы политического строя².

В разное время философы и правоведы доказывали трудность поиска четкого определения права. До сих пор в различных вариациях повторяется мысль И. Канта о том, что юристы еще ищут определения для своего понятия права³. Сформулировать единое определение возможно при условии общности содержания всех правовых предписаний, однако в действительности не только право разных народов и исторических эпох, но даже право одного народа, взятое в конкретный период времени, не представляет единой целостной системы последовательных выводов из одного общего начала. По замечанию Н.М. Коркунова, право каждого отдельного народа проявляется в последовательной смене исторических эпох, каждая из которых привносит свои нравственные воззрения, образ жизни и условий народа, во многом определяя содержание правовых предписаний. Таким образом, любое национальное право состоит из ряда исторических наслоений. Более того, к нему добавляются заимствования из систем чужого права, что делает содержание права очень пестрым⁴ (например, во времена Ш.Л. Монтескьё право Франции состояло из ордонансов королей, римского права, местных обычаев, канонического права и др.). Свести к одной формуле разнородное содержание действующих и исторически существовавших правовых предписаний весьма сложно, во многом этому процессу способствует систематизация права.

Кроме этого, важно понимать, что содержание права во многом варьируется от выбранной шкалы оценки и может рассматриваться как мера свободы, способ существования прав и свобод человека, приказ суверена, божественная воля, возведенная в закон воля экономически господствующего класса,

² См.: Монтескьё Ш. Избр. произв. М., 1955. С. 159.

³ См.: Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 432.

⁴ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 83.

¹ См.: Шаниро С. Законность / пер. с англ. С. Коваль; под науч. ред. А. Павлова. М., 2021. С. 89.

общенародная воля, система вторичных и первичных норм, набор предсказаний для суда, решающего дело по существу, процесс социального планирования, минимум морали, защита (разграничение) интересов, солидарность, общечеловеческая ценность, историческое воплощение народного духа, форма политики правящей партии, императивно-атрибутивные эмоции, нравственное должествование, средство обеспечения коллективной безопасности, справедливость, самоограничение государства и др.

Причина столь многообразных трактовок — сложность права как социального явления. Методология поиска определения понятия права изложена И. Кантом в работе «Метафизика нравов». Вопрос: «Что такое право?», — рассуждал немецкий философ, — может также смутить правоведа — если только он не хочет впасть в тавтологию или вместо общего решения сослаться на то, что утверждали когда-либо законы какой-нибудь страны, — как пресловутый вопрос: «Что есть истина?», обращенный к учителям логики. «Что считается правом (*quod sit juris*), т.е., что говорят или говорили законы в том или ином месте в то или другое время, он еще может указать; но является ли то, чего они требуют, правом, и каков всеобщий критерий, на основании которого можно вообще различать правовое и неправовое (*justum et in justum*), — это остается для него тайной, если он хоть на время не отвлечется от эмпирических принципов и не поищет ответов на эти вопросы в одном лишь разуме... чтобы установить основу для возможного положительного законодательства»⁵. Суть этого высказывания Канта заключается в том, чтобы показать, что для постижения сущности права недостаточно знать содержание законодательства разных стран и народов, т.е. эмпирическую действительность. Для того чтобы постигнуть сущность права, необходимо выйти за пределы строго юридических категорий общей теории права в область метаюридических оценок философии права, где соединяются категории философии, социологии, этики, психологии, политологии, истории.

Кант обозначил существенные качества права: право оценивает, ограничивает, регулирует только внешние действия людей; помыслы, мотивы действий — область автономии («самозакония») личности, носителя нравственного закона; посредством права действия одного лица совмещаются с действиями других лиц с точки зрения всеобщего закона свободы; право есть взаимное принуждение, охраняющее общую свободу⁶.

Выводы юристов и социальных философов о понимании права различны и зависят от угла зрения,

под которым оно рассматривается, а сам угол зрения определяется методологическими установками и ценностными предпочтениями. Однако при любом подходе право есть нормативная форма упорядочения, стабилизации и воспроизводства общественных отношений, охраняемая от нарушений средствами юридического процесса и государственным принуждением.

Право как социальный регулятор

Право — не универсальный, но важнейший способ регулирования общественных отношений, именно поэтому с ним связаны особые ожидания людей по нормализации и развитию социальных отношений. Право оценивает (разрешает, предписывает, запрещает) волевые действия лиц и тем самым регулирует общественные отношения.

На всех этапах своего существования общество представляло собой сложную систему социальных групп, отношения внутри которых организованы различно (на подавлении и принуждении, на компромиссах и мирном сосуществовании и др.). Общество неоднородно, однако даже при противоположных интересах социальных групп оно не может развиваться без упорядочения и стабилизации тех отношений, которые связаны с разделением труда и хозяйственной деятельностью. Например, М.М. Ковалевский полагал, что такой порядок (по его терминологии, «замыренная среда») базируется на солидарности членов общества, их объединений, профессий. Согласно Э. Дюркгейму и Л. Дюги, солидарность основывается на разделении труда, системе общих потребностей и целей, на осознании взаимной зависимости и протекающих отсюда компромиссах.

Для создания устойчивого порядка в обществе следует поставить в заранее определенные рамки применение насилия и определить авторитетный способ решения споров и конфликтов (с помощью арбитража, третейского суда), установить запреты. Такого рода социальный порядок может быть создан с помощью нормативного регулирования общественных отношений, главным образом правом. По мере развития права постепенно создавались преграды прямому насилию, принуждение смягчалось уже хотя бы потому, что ограничивалось рамками законов. «Если рассмотреть развитие права от момента его зарождения в первобытном обществе до того уровня, которого оно достигло в современном государстве, то в отношении правовой ценности, которая должна быть реализована, обнаруживается определенная тенденция, общая для всех правопорядков, достигших достаточно высокой стадии развития. Эта тенденция заключается в устражающемся по мере развития запрещении применять физическое принуждение и силу в отношениях между людьми. Это происходит в результате

⁵ Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 139.

⁶ См.: там же. С. 139–141. Оценку философии права И. Канта см.: Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 3–6 и след.

того, что такое применение силы объявляется условием санкции», — писал австрийский юрист Г. Кельзен⁷.

Решение конфликтов и споров, пресечение и предупреждение действий, нарушающих «социальный мир», предполагало установление не только объективного суда, но и принудительное осуществление принятых решений о восстановлении нарушенных прав, принуждении к исполнению обязанностей, наказании правонарушителей. Поэтому право действительно не только как средство уже возникших конфликтов, но и для предупреждения возможных споров в будущем⁸.

По сравнению с другими социальными регуляторами (религия, мораль и др.) право в наибольшей степени способно обеспечить определенность и предсказуемость общественных отношений. Человек ожидает от другого соблюдения в одинаковых случаях одинакового поведения, и в случае, если его ожидание не оправдывается, он требует удовлетворения за понесенные им невзгоды. Каждому важно знать заранее и по возможности точно, при соблюдении каких именно правил он может быть обеспечен от всякого притязания со стороны других лиц и соблюдения каких именно правил он может требовать от них. Это возможно только при наличии объективированных норм. Поэтому одним из действенных способов установления и/или сохранения порядка в любом обществе является создание системы норм (моделей общественных отношений), на основе и в рамках которой будут воспроизводиться отношения в социуме.

Право по своей природе и социальному назначению призвано обеспечивать в обществе *стабильные отношения*. Воздействие права на общественные отношения может быть различно по направленности (какие именно отношения регулируются) и степени вмешательства со стороны государства (насколько полно регламентируются отношения). Например, государству необходимо *пресекать* возникновение в обществе некоторых отношений (терроризм, торговля наркотиками, деятельность националистических и религиозных экстремистов и др.); *охранять и регулировать* существующие отношения (имущественные отношения членов семьи, порядок поступления в вузы, отношения между работником и работодателем и др.); искусственно *создавать* социальные отношения и поддерживать их мерами государственного воздействия (пенсионные выплаты и социальное

страхование, организация и проведение выборов, сбор налогов, санитарно-эпидемиологический контроль над производством и поставками товаров и др.).

Для стабильности общества в первую очередь необходимо, чтобы право выражало интересы разных социальных сил и являлось бы разумным компромиссом, понятным для всех членов данного общества. Такое представление о содержании и роли права в обществе характерно для сторонников социологической юриспруденции. Их выводы основываются на понимании права как постоянно развивающихся общественных отношений, воплощающих в себе самые разные интересы лиц. Дело государства с этих позиций заключается в том, чтобы придать существующим отношениям юридическую силу и правовыми способами защитить их от посягательств со стороны как других членов (групп) общества, так и самого государства.

Суть теоретических построений юристов-социологов состоит в том, что государство, выступая в роли творца права, должно поддерживать и охранять те отношения, которые типичны для данного состояния социума, имеют массовый характер, а потому должны быть выражены в нормативных правовых актах и защищены от нарушений государственной властью («юридическая защита» государством — С.А. Муромцев, «право второго порядка» — Е. Эрлих). Согласно мнению известного американского юриста О. Холмса, профессиональная задача судьи заключается в обобщении опыта всех предшествующих решений и связанных с ними социальных процессов с тем, чтобы определить правило разрешения представших перед ним фактических обстоятельств. При этом первичным источником права выступает не разум судьи, а объективированный (уже существующий) опыт правовой жизни сообщества⁹. На обыденном уровне правового сознания понимание социального назначения права как «замиренной среды» (М.М. Ковалевский) связано с уверенностью в реализации правовых возможностей, гарантированностью своих собственных прав и свобод, а также безопасностью и стабильностью во всем обществе.

Понятие права, как отмечалось ранее, необходимо изучать применительно к конкретно-историческим условиям общества. Для нашего государства на современном этапе его развития основным является понимание права с позиции юридического позитивизма (нормативизма). С этой точки зрения правом становятся только те нормы и отношения, которые официально признаны, охраняются и поддерживаются государственной властью. Право — это система общеобязательных формально определенных норм, установленных или санкционированных

⁷ См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лезова. 2-е изд. СПб., 2015. С. 52.

⁸ См. об этом: Лейст О. Э. Указ. соч. С. 19; Hayek Fr. Road to Serfdom. Chicago, 1994. P. 80; Стоилов Я. Предвидимость — при прилагане и създаване на правото // Предвидимост на правото: сб. доклади / състав.: Я. Стоилов, Р. Илкова, Д. Начев, К. Манов. София, 2022. С. 48, 49 и след.; Фролова Е.А. Предсказуемость в праве как фактор социальной стабильности: теоретический аспект // Там же. С. 77–86.

⁹ См.: Лесив Б.В. Правовой реализм: доктрина Оливера Холмса о судебном правотворчестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 13.

государством, регулирующих общественные отношения мерами государственного воздействия.

Признаки права

Признаки права — это качественные свойства, характерные для права разных государств в различные времена и отличающие право от иных регуляторов общественных отношений.

1. Праву как форме организации общества присуща **нормативность**. Правовые системы разных народов, эпох, цивилизаций неодинаковы, социальное содержание предписаний различно, но именно право выражает типичные для данного периода развития общества противоречия и определяет способы решения возникающих конфликтов. Нормы права регулируют поведение людей с помощью правоотношений — отношений, связь участников которых заключается во взаимных субъективных правах и юридических обязанностях.

2. **Связь с государством**. Правовые нормы устанавливаются (санкционируются или создаются) государством и охраняются от нарушений мерами государственного принуждения. Норма права возникает с момента ее создания (или признания) государством в качестве общеобязательной и действует до ее официальной отмены государством. Связь права с государством наиболее четко выражена в установлении мер государственного принуждения, содержащихся в санкциях норм права. Правовые нормы функционально отличаются от доктринальных суждений и политических деклараций тем, что нормы права *предписывают конкретные модели поведения* участникам правоотношения. Государственное принуждение, защищающее нормы права от нарушений, выражено в санкциях правовых норм и осуществляется средствами юридического процесса, т.е. облечено в правовые формы.

3. **Формальная определенность** (формально-логическая определенность) связана с нормативной природой права и проявляется в точном обозначении качеств, присущих участникам правовых отношений, определении условий и обстоятельств, порождающих возникновение, изменение, прекращение правоотношений, и др. Право может составлять систему и функционировать в качестве регулятора общественных отношений только при условии ясности формулировок нормативно-правового акта, бесспорности выражения юридических оценок, точности содержания предписаний и доказуемости их средствами юридического процесса.

4. **Авторитетность** права проявляется в его общепризнанности и общеобязательности правовых предписаний. Их мотивированную основу могут составлять искренние убеждения лица в справедливости и необходимости нормативно-правового акта, привычка всегда поступать согласно закону, сознание

необходимости указанного диспозицией нормы поведения, страх, побуждаемый возможностью применения карательных санкций, и т.д.¹⁰

Авторитетность права определяется разными факторами: политическим режимом и состоянием законности конкретного общества, справедливостью и эффективностью применяемых нормативно-правовых актов, необходимостью и востребованностью общественного регулирования данных общественных отношений именно правом (а не религией, моралью и др.). В наибольшей степени авторитетность права зависит от состояния правопорядка. При стабильном политическом режиме государством гарантируется безопасность личности и имущества, реализуются права, свободы и законные интересы всех членов общества, законодатель своевременно оценивает и учитывает общественные отношения, нуждающиеся в юридической регламентации. С развитием цивилизации право становится общедоступным способом решения споров и конфликтов¹¹.

Придание юридической силы нормам и отношениям в обществе осуществляется управомоченными должностными лицами и государственными органами. В связи с этим способность государства при помощи издания нормативных правовых актов радикально менять устоявшиеся общественные отношения — предмет пристального внимания и беспокойства не только со стороны юристов и философов (Платон, Аристотель, Полибий, Цицерон, Гроций, Локк, Руссо, Кант, Констан, Радищев, Бакунин, Чернин, Новгородцев), но и широкой общественности (бойкоты, мятежи, марши несогласных, голодовки обманутых дольщиков, вкладчиков, восстания, революции). Право остро затрагивает жизненные интересы людей. В обществе всегда будут находиться люди, недовольные существующим положением и ратующие за его изменение. Поскольку право по своей природе порождено конфликтами, то как средство разрешения споров оно не может одновременно удовлетворить интересы всех членов общества. Изменения, приносимые правом, всегда кому-то выгодны, эти лица одобряют действия законодателя, кому-то — нет, следовательно, по их убеждению, реформы законодательства неуместны и потому порицаемы. По мнению С.А. Муромцева, ни одно развитое общество не представляет полного единства воззрений на должное поведение. Вместе с тем все существующие в обществе взгляды теоретически могут быть реализованы в действующем правовом порядке. Процесс правообразования должен учитывать пожелания, составляющие нечто среднее между пожеланиями наиболее поляризованных частей общества. Таким образом, действующий правовой порядок

¹⁰ См. об этом: Раз Дж. Авторитет права. Эссе о праве и морали. М., 2021. С. 387–432.

¹¹ См.: Лейст О.Э. Указ. соч. С. 91.

уравновешивает разнообразие стремлений и интересов, выражая их средний уровень в данном обществе.

Исторические типы права

Существуют разные подходы к познанию исторического процесса развития права. Долгие годы в отечественной науке господствовала **марксистская типология права (и государства)**. Сформулированное в «Немецкой идеологии» материалистическое понимание истории легло в основу системы политико-правовой идеологии марксизма и, соответственно, типологии права. О связи государства и права с материальными отношениями К. Маркс в работе «К критике политической экономии. Предисловие» (январь 1859 г.) писал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производственных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»¹². Как утверждали К. Маркс и Ф. Энгельс, правовые отношения всегда отражают реальные производственные отношения.

Содержание права Маркс и Энгельс определяли как возведенную в закон волю экономически господствующего класса, содержание которой определяется материальными условиями жизни этого класса¹³. Согласно марксистской идеологии, господствующий класс должен конституировать свою силу в виде государства и «придать своей воле, обусловленной этими определенными отношениями, всеобщее выражение в виде государственной воли, в виде закона, — выражение, содержание которого всегда дается отношениями этого класса». Право, которое существует в эксплуататорском обществе, есть продукт определенного типа производственных (частнособственных) отношений и укрепляет раздираемый классовыми антагонизмами общественный строй. Например, буржуазное право защищает интересы класса буржуазии; в буржуазном обществе права и свободы принадлежат только тем, кто имеет собственность, кто принадлежит к господствующему классу.

С прогрессивным развитием производительных сил и производственных отношений в обществе, полагали представители марксизма, изменяются и формы политико-правовой надстройки. Понятие общественно-экономической формации (базис+надстройка), а также закономерности смены форм

права (и государства) лежат в основании типизации права данной теории. Согласно марксистской концепции, процесс развития права совершается по восходящей линии (от низшего к высшему). Обобщив большой фактический материал, представители марксизма подчеркивали научный характер своей теории. По убеждению Маркса и Энгельса, разработанная ими доктрина не несет в себе ничего умозрительного и метафизического (в отличие, например, от философской системы Гегеля), а связана с реальной жизнью — раскрывает объективные связи, существующие между экономикой (базис) и правом/государством (надстройка), а потому единственно научная.

К. Маркс и Ф. Энгельс настаивали на признании права исторически преходящим явлением; в бесклассовом обществе все институты права станут излишними и постепенно отомрут вместе с государством. Рассуждая о будущем в духе анархистов, марксисты рассчитывали на высокий уровень общественного сознания, который приучит людей обходиться «без всяких норм права» и руководствоваться в общении привычкой правильно поступать.

Среди недостатков марксистского подхода к типологии права — недостаточность разработки собственного содержания права: при такой классификации право описывает только те общественные отношения, в которых оно существует.

Альтернативой типологии права по общественно-экономическим формациям (ОЭФ) является **цивилизационный подход**. Критерием этой типологии является понятие «цивилизация». Большинство авторов под цивилизацией понимают культурную целостность, включая в нее ценности, нормы, менталитет и законы, которым многочисленные поколения в данной культуре придавали первостепенное значение¹⁴.

В научной литературе выделяют древневосточные цивилизации, греко-римскую античную цивилизацию, германо-романскую феодально-католическую цивилизацию, византийскую православную цивилизацию, средневековые азиатские цивилизации, буржуазные цивилизации и др. По мнению английского историка и социолога А. Дж. Тойнби, главный предмет социально-исторического знания — не эволюция национальных государств и смена общественно-политических систем, а жизнь локальных цивилизаций. Каждая цивилизация есть живая целостность, способная к самоопределению, это — общность устойчивых психологических, религиозных, культурных, географических и иных признаков того или иного общества. Жизнь цивилизаций достаточно продолжительна, число людей велико, они ориентированы

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6, 7.

¹³ См.: там же. Т. 4. С. 443.

¹⁴ См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 2001; Шелер М. Проблемы социологии знания. М., 2011; Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2002.

на развитие культуры, приобщение к социальным ценностям во всех проявлениях своей жизнедеятельности. Тойнби рассматривает египетскую, китайскую, иранскую, сирийскую, западную, дальневосточную, арабскую и другие цивилизации¹⁵. Американский социальный философ С. Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций» выделяет восемь цивилизаций: синскую, японскую, индуистскую, исламскую, православную, западную, латиноамериканскую, африканскую. Зарождение западной цивилизации обычно относят к 700–800 гг. н.э. и подразделяют ее на три составляющих: Европа, Северная Америка и Латинская Америка. Ряд авторов считают Россию центром православной цивилизации и отличают ее от западной цивилизации по причине «византийских корней, двухсот лет татарского ига, бюрократического деспотизма и ограниченного влияния на нее Возрождения, Реформации, Просвещения и других значительных событий, имевших место на Западе»¹⁶.

Известный отечественный философ и естествоиспытатель Н.Я. Данилевский создал теорию культурно-исторических типов, основу которых образует единый закон — закон зарождения, расцвета и увядания. Историю по аналогии с природой можно считать чередованием самобытных, равноценных, больших и малых культур. Одни из них — преимущественно религиозны (Древний Восток), другие ориентированы на создание эстетических ценностей (Греция), третьи основаны на построении прочных юридических начал (Рим) и т.д. В основе каждой из культур лежит национальное начало, дающее жизнь социуму в целом. Культурно-исторический тип проходит несколько стадий своего жизненного цикла: первоначального формирования; образования государственности со способностью защищаться от внешней опасности; наивысшего расцвета; постепенного ослабления, что выражается в утрате государственной независимости и культурной самобытности. Н.Я. Данилевский выделяет 11 культурно-исторических типов: египетский, китайский, ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, арабийский, романо-германский (европейский). Европейский культурно-исторический тип (цивилизация), по его оценкам, с середины XIX в. переживает упадок и постепенно сменится восточнославянской цивилизацией, центром которой является Россия. С позиции панславизма русский социолог возлагал на Россию задачи по воссоединению народов вместе со славянством, сохраняя при этом

русские устои — самодержавие, общину, сословия, церковь¹⁷.

Цивилизационный подход получил большое значение прежде всего благодаря культурологической направленности исследования и оценок природы человека. Цивилизация, по мысли С. Хантингтона, есть наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентичности, отличающий человека от других биологических видов. Она определяется не только общими объективными элементами (язык, история, религия, обычаи, социальные институты), но и субъективной самоидентификацией людей. Так, например, житель Рима может ощущать себя в различной степени римлянином, итальянцем, католиком, христианином, европейцем и жителем Запада. Цивилизация, к которой он принадлежит, является самым высоким уровнем, который помогает ему четко себя идентифицировать¹⁸. В 1950-х гг. Л. Пирсон заявлял: человечество движется к «эпохе, когда различные цивилизации научатся жить рядом в мире, обмениваясь друг с другом, учась друг у друга, изучая историю, идеалы, искусство и культуру друг друга, взаимно обогащая жизнь каждой из них. Альтернативой в этом переполненном маленьком мире будет непонимание, напряженность, столкновение и катастрофа»¹⁹. В 1990-е гг. в продолжение этих идей С. Хантингтон подчеркивал, что будущее и мира, и Цивилизации зависит от понимания между политическими, духовными и интеллектуальными лидерами главных мировых цивилизаций. К этому времени, полагал он, накопилось немало доказательств мирового кризиса власти: глобальное пренебрежение к закону и порядку, обанкротившиеся государства, глобальная волна преступности, транснациональные мафии и наркокартели, увеличение употребления наркотиков во многих странах, общий кризис и упадок семьи, снижение уровня доверия и социального единства во многих странах, этническое и религиозное насилие, управление страной с опорой на вооруженную силу и др.²⁰

Однако критерии типологии права, предлагаемые сторонниками цивилизационного подхода, как, впрочем, и критерии самих цивилизаций, очень условны. Культуры народов взаимодействуют и накладываются друг на друга. В результате состав и форма цивилизаций меняется. У цивилизаций нет четко определенных границ их начала и окончания. В пределах одной цивилизации люди могут идентифицировать себя по-разному, что и происходит в реальной жизни.

¹⁷ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. Изд. испр. и доп. СПб., 1871.

¹⁸ См.: Хантингтон С. Указ. соч. С. 52, 53.

¹⁹ Lester B. Pearson. Democracy in World Politics. Princeton, 1955. Pp. 83, 84.

²⁰ См.: Хантингтон С. Указ. соч. С. 578–580.

¹⁵ См.: Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1996. С. 35, 64 и др.; Бачинин В.А., Сандулов Ю.А. История западной социологии. СПб., 2002. С. 289, 290.

¹⁶ Хантингтон С. Указ. соч. С. 57, 58.

Цивилизации могут состоять из большого количества людей (китайская цивилизация) и очень небольшого (англоязычные жители островов Карибского моря). Принято различать по размеру главные и периферийные цивилизации (Бэбби), по значимости — главные и запаздывающие или прерванные цивилизации (Тойнби). Степень, с которой культуры цивилизаций различаются или походят друг на друга, также сильно варьируется²¹. Кроме этого институты права не всегда совпадают с историей цивилизаций и, наоборот, могут иметь огромное значение в переходные, «межцивилизационные» периоды.

Социокультурный подход к типологии права заключается в равнозначном и параллельном исследовании общественных отношений (социальная материя) и общественного сознания (духовный мир). Право есть социокультурное явление, оно присутствует в сознании человека и проявляется в социуме, т.е. реализуется в правовых отношениях, создает и поддерживает правовой порядок в обществе. Исходя из способов, с помощью которых право формирует и регулирует общественные отношения, специалисты выделяют *право сословное, право формальное и право социальное*.

Первым историческим типом права было *сословное право* (период от возникновения права до XV—XVI вв.). По схеме общественно-экономических формаций это — право рабовладельческого и феодального общества. По схеме общей истории — право Древнего мира и Средних веков. Согласно социокультурному подходу, общество этого периода определялось правом, неравным для различных сословий, а государство закрепляло существующие отношения. Право в это время рассматривалось как *привилегия, дарованная властью в зависимости от статуса каждого сословия*. Члены низшего сословия (как правило, земледельцы и ремесленники) выполняли трудовые повинности и несли множество обязанностей. Представители высшего, привилегированного сословия (в основном правители, духовенство, военные) занимались делами государственного управления, отправлением религиозных культов и военной службой. Социальный статус члена сословного общества определял его правовое положение. Так, по Салической правде за убийство свободного франка предусматривался штраф (вергельд) в 200 ден. ед. — солидов, полусвободного (мета) — 100 солидов. За убийство зависимого крестьянина (колона) налагался штраф в 63 солида. За убийство раба взыскивалось только 35 солидов, и то в пользу хозяина. За убийство графа полагалось уплатить 24000 ден. ед., что составляло 600 солидов, епископа — 900 солидов. Источниками (формами) права этого типа становились преимущественно санкционированные обычаи, судебные прецеденты и законы. Право, устанавливая

совокупности привилегий, повинностей, обязанностей, запретов, создавало определенность правового и социального статуса каждого члена общества, порождая даже в жестко иерархической социальной системе стабильность и порядок.

Вторым историческим типом права становится *формальное (юридическое) право* — право периода перехода к гражданскому обществу (XVI—XVIII вв.). Кризис средневекового общества, проявившийся в первых антифеодальных революциях (Нидерланды, Англия, Франция), положил начало новому, качественно отличному гражданскому обществу, основу которого составляло формальное равенство всех лиц перед законом. Процесс становления и развития гражданского общества наблюдался на протяжении ряда столетий и шел в разных странах по-разному. Так, К. Маркс, сравнивая Английскую буржуазную революцию XVII в. с Французской революцией XVIII в., отмечал: «В 1648 г. буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, феодального дворянства и господствующей церкви. В 1789 г. буржуазия в союзе с народом боролась против монархии, дворянства и господствующей церкви»²². Процесс формирования этого типа права в ряде стран далек от своего завершения и в настоящее время.

Основы гражданского общества были заложены еще в эпоху Возрождения (XVI в.), когда государство как самостоятельный институт начало обособляться, высвобождаясь от иных социальных структур, в первую очередь от церкви. Государство стало светским, с развитием гуманизма наука и образование перестали носить церковно-схоластический характер. В общественно-правовой мысли все больше уделяется внимание разработке вопросу прав и свобод личности, которые признаются естественными, неотъемлемыми и неотчуждаемыми, что получает законодательное закрепление в XVIII в. (Билли о правах (Англия, 1689 г.; США, 1791 г.), Декларация прав человека и гражданина (Франция, 1789 г.)).

Не менее важным для характеристики этого типа права явилось разделение права на частное и публичное. Часть правовых норм регулировала деятельность государства (публичное право), другая часть правовых предписаний имела своим предметом сферу отношений между отдельными лицами (частное право). Разграничение системы права на публичное и частное, известное еще в Древнем Риме, в Новое время служит доказательством существования общества равноправных лиц, наделенных формально равными правами. Такое общество было уже освобождено от тотальной регламентации и слежки средневековой теократии.

Основными источниками (формами) права в гражданском обществе становится нормативно-правовой

²¹ См.: Хантингтон С. Указ. соч. С. 53.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 54.

акт, который в отличие от многочисленных обычаев (Правд) средневекового общества унифицирует членов общества, предоставляя им формально равные права.

В результате государственных преобразований в Новое время образуются представительные учреждения, создается единая система судов, что наполняет новым содержанием требования законности в обществе. В этот период с появлением либеральных проектов реорганизации общества особое внимание уделяется защите индивидуальной и политической свободы личности — как от посягательств со стороны других членов социума, так и от самого государства. Дж. Локк в работе «Два трактата о правлении» сформулировал перечень естественных прав человека (свобода, равенство, собственность) и для их защиты разработал теорию разделения властей (законодательная, исполнительная, федеративная)²³. Ш.Л. Монтескьё в книге «О духе законов» писал: «В государстве, т.е. в обществе, где есть закон», свобода состоит в том, чтобы *«иметь возможность делать то, что должно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не должно хотеть»* (курсив наш. — Е.Ф.). В отличие от политической свободы личная свобода заключается *«в безопасности или в уверенности человека в своей безопасности»* (курсив наш. — Е.Ф.). Согласно Монтескьё, для обеспечения политической и личной свободы государство должно быть надлежащим образом устроено: в умеренных правлениях (монархия, аристократия, демократия) власть разделяется на законодательную, исполнительную и судебную²⁴. Текст Декларации прав человека и гражданина (1789 г.) гласит: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные отличия могут основываться лишь на соображениях общей пользы» (ст. 1); «цель каждого государственного союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковы свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению» (ст. 2)²⁵. Вместе с тем, ликвидировав сословные привилегии, общество породило новые проблемы. Формальное признание равенства всех перед законом способствовало разрушению феодально-сословного общества и привело к появлению быстро распространявшегося неимущего класса пролетариев.

Третьим историческим типом права является **социальное право XIX–XXI вв.** На рубеже XIX–XX вв. охранительная идеология «дикого» капитализма существенно меняется. Признается необходимым обоснование и законодательное закрепление прав экономически несостоятельных индивидов (право

на социальное обеспечение, право на образование, право на труд, право на медицинскую помощь и т.д.). Концептуально это выражается в замене теории правового государства XIX в. с его политикой невмешательства государства в экономику (государство выступает только «ночным сторожем», охраняющим права собственников) на теорию социально-правового государства XX в. с позитивными функциями государства. Государство берет на себя обеспечение социальных прав всех слоев граждан, в первую очередь экономически обездоленных. С расширением деятельности государства в сфере социальной политики получают большее значение институты публичного права.

Многие правоведы конца XIX — начала XX в. разрабатывали социально ориентированные институты права. Так, Л. Дюги в противовес марксизму доказывал необходимость социальной солидарности и предлагал государству взять на себя заботу о неимущих классах общества; Р. Штаммлер выдвинул теорию «естественного права с изменяющимся содержанием», согласно которой предписания позитивного права государства в начале XX в. должны отражать социальные права граждан этого времени, а не быть лишь «приказом власти». Необходимость учета законодателем общественного правосознания по наиболее значимым вопросам современности (обоснование экономических, социальных и иных прав и свобод личности, их гарантированность государством, обеспечение коллективной безопасности в глобальном масштабе) — отличительная особенность теории «возрожденного естественного права», многие положения которой актуальны для государств XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бачинин В.А., Сандулов Ю.А. История западной социологии. СПб., 2002. С. 289, 290.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. Изд. испр. и доп. СПб., 1871.
3. Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 139–141.
4. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 432.
5. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лезова. 2-е изд. СПб., 2015. С. 52.
6. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. М., 1957. С. 250.
7. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 83.
8. Кун Т. Структура научных революций. М., 2001.
9. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 3–6, 19, 91.
10. Лесив Б.В. Правовой реализм: доктрина Оливера Холмса о судебном правотворчестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 13.
11. Локк Дж. Соч.: в 3 т. М., 1988. Т. 3.

²³ См.: Локк Дж. Соч.: в 3 т. М., 1988. Т. 3.

²⁴ См.: Монтескьё Ш.Л. Указ. соч. С. 288–300.

²⁵ См.: Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. М., 1957. С. 250.

12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 54; т. 4. С. 443; т. 13. С. 6, 7.
13. *Монтескьё Ш.* Избр. произв. М., 1955. С. 159, 288–300.
14. *Раз Дж.* Авторитет права. Эссе о праве и морали. М., 2021. С. 387–432.
15. *Стоилов Я.* Предвидимость — при прилагане и създаване на правото // Предвидимост на правото: сб. доклади / състав.: Я. Стоилов, Р. Илкова, Д. Начев, К. Манов. София, 2022. С. 48, 49.
16. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М., 1996. С. 35, 64.
17. *Фролова Е.А.* Предсказуемость в праве как фактор социальной стабильности: теоретический аспект // Предвидимост на правото: сб. доклади / състав.: Я. Стоилов, Р. Илкова, Д. Начев, К. Манов. София, 2022. С. 77–86.
18. *Хабермас Ю.* Расколотый Запад. М., 2008.
19. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2022. С. 52, 53, 57, 58, 578–580.
20. *Шапиро С.* Законность / пер. с англ. С. Коваль; под науч. ред. А. Павлова. М., 2021. С. 89.
21. *Шелер М.* Проблемы социологии знания. М., 2011.
22. *Hayek Fr.* Road to Serfdom. Chicago, 1994. P. 80.
23. *Lester B. Pearson.* Democracy in World Politics. Princeton, 1955. Pp. 83, 84.
6. *Constitutions and legislative acts of the bourgeois states of the XVII–XIX centuries.* М., 1957. P. 250 (in Russ.).
7. *Korkunov N.M.* Lectures on the General theory of law. SPb., 2003. P. 83 (in Russ.).
8. *Kun T.* The structure of scientific revolutions. М., 2001 (in Russ.).
9. *Leist O.E.* The essence of law. Problems of theory and Philosophy of Law. М., 2002. Pp. 3–6, 19, 91 (in Russ.).
10. *Lesiv B.V.* Legal realism: the doctrine of Oliver Holmes on judicial lawmaking: abstract ... PhD in Law. М., 2022. P. 13 (in Russ.).
11. *Locke J.* Essays: in 3 vols. М., 1988. Vol. 3 (in Russ.).
12. *Marx K., Engels F.* Essays. Vol. 2. P. 54; vol. 4. P. 443; vol. 13. Pp. 6, 7 (in Russ.).
13. *Montesquieu Sh.* Selected works. М., 1955. Pp. 159, 288–300 (in Russ.).
14. *Raz J.* The authority of the law. Essays on law and morality. М., 2021. Pp. 387–432 (in Russ.).
15. *Stoilov Ya.* Predictability — when applying and creating the law // Foresight on the right: collection of reports / composition: Y. Stoilov, R. Ilkova, D. Nachev, K. Manov. Sofia, 2022. Pp. 48, 49 (in Russ.).
16. *Toynbee A.J.* Comprehension of history. М., 1996. Pp. 35, 64 (in Russ.).
17. *Frolova E.A.* Predictability in law as a factor of social stability: a theoretical aspect // Foresight on the right: collection of reports / composition: Ya. Stoilov, R. Likova, D. Nachev, K. Manov. Sofia, 2022. Pp. 77–86 (in Russ.).
18. *Habermas Yu.* The split West. М., 2008 (in Russ.).
19. *Hanington S.* The clash of civilizations. М., 2022. Pp. 52, 53, 57, 58, 578–580 (in Russ.).
20. *Shapiro S.* Legality / transl. from English by S. Koval; ed. by A. Pavlov. М., 2021. P. 89 (in Russ.).
21. *Sheler M.* Problems of the sociology of knowledge. М., 2011 (in Russ.).
22. *Hayek Fr.* Road to Serfdom. Chicago, 1994. P. 80.
23. *Lester B. Pearson.* Democracy in World Politics. Princeton, 1955. Pp. 83, 84.

REFERENCES

1. *Bachinin V.A., Sandulov Yu.A.* History of Western sociology. SPb., 2002. Pp. 289, 290 (in Russ.).
2. *Danilevsky N. Ya.* Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romanesque. Ed. rev. and add. St. Petersburg, 1871 (in Russ.).
3. *Kant I.* Essays: in 6 vols. М., 1965. Vol. 4. Part 2. Pp. 139–141 (in Russ.).
4. *Kant I.* Criticism of pure reason. М., 1994. P. 432 (in Russ.).
5. *Kelzen G.* Pure doctrine of law / transl. from German by M.V. Antonov and S.V. Lezov. 2nd ed. SPb., 2015. P. 52 (in Russ.).

Сведения об авторе

ФРОЛОВА Елизавета Александровна — доктор юридических наук, заведующая кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

Authors' information

FROLOVA Elizaveta A. — Doctor of Law, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia

УДК 342.24

РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ КАК ПРООБРАЗ ГЛОБАЛЬНОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ БУДУЩЕГО

© 2024 г. Н. М. Добрынин

Тюменский государственный университет

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Поступила в редакцию 30.11.2023 г.

Аннотация. В статье предпринята попытка выделить ключевую национально-культурную особенность российской модели федерализма. С учетом исторического опыта федеративного строительства в России и традиций отечественной школы федерализма делается вывод о том, что ключевая особенность российского федерализма состоит не в утилитарном распределении властных полномочий и функций, а прежде всего в обеспечении на основе взаимного уважения равноправного диалога этносов и народов, образующих в совокупности многонациональный российский народ и, в результате, единое Российское государство. В этом контексте автор обосновывает мысль о том, что именно российская модель федерализма может рассматриваться как реалистичный прообраз будущей многополярности меняющегося глобального миропорядка.

Ключевые слова: федерализм, федерация, многополярность, государственный суверенитет, субсидиарность, целостность, русофобия, глобальный миропорядок, федеральный центр, равноправный диалог.

Цитирование: Добрынин Н. М. Российский федерализм как прообраз глобальной многополярности будущего // Государство и право. 2024. № 2. С. 32–42.

DOI: 10.31857/S1026945224020037

RUSSIAN FEDERALISM AS A PREIMAGE OF THE FUTURE GLOBAL MULTI-POLARITY

© 2024 N. M. Dobrynin

Tyumen State University

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Received 30.11.2023

Abstract. The article represents the author's effort to extract a key national and cultural particularity of the Russian federalism model. Taking into account a historical experience of the federative development in Russia as well as the traditions of the Russian school of federalism, it is concluded that the key particularity of the Russian federalism is not concerning just an utilitarian distribution of powers and functions between federal and sub-federal authorities; it is first of all providing the equality of intra-societal dialogue, based on a reciprocal respect of the different ethnos and nations, forming together the multinational Russian people and, as a consequence, the united Russian state. In this context, the author arguing an idea that namely the Russian federalism model should be observed as a realistic preimage of the future multi-polarity in the changing world order.

Key words: federalism, federation, multi-polarity, state sovereignty, subsidiarity, integrity, Russophobia, world order, federal center, equal-in-rights dialogue.

For citation: Dobrynin, N.M. (2024). Russian Federalism as a preimage of the future global multi-polarity // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 32–42.

*«В Дагестане — я аварец,
в России — дагестанец, а за границей — я русский».*

Расул Гамзатов

Многополярность и федеративная идея: несколько вводных замечаний

События, происходящие в современном мире с конца 2021 — начала 2022 г., мало кого из людей оставили безучастными. Калейдоскоп мнений, идей и действий, связанных с развитием ситуаций на Украине и Ближнем Востоке, закономерно привлекает внимание политиков, военных, ученых, прессы и простых обывателей. Однако по-прежнему лишь очень небольшое число внешних наблюдателей в состоянии самостоятельно осмыслить, какие причины тектонического порядка лежат в основе происходящего на наших глазах разлома в миропорядке, окружавшем нас на протяжении более полувека, и зарождение каких тенденций будущего становится возможным проследить уже сейчас.

Сегодня мы имеем возможность воочию наблюдать **крушение западной либеральной правовой идеологии**, которая в своей эволюции, увы, дошла до возможности отрицания базисных социальных ценностей: неприкосновенности собственности, нерушимости договоров (*pacta sunt servanda*), права каждого на свободу самоопределения и самовыражения (которое, по сути, может в любой момент блокироваться посредством «модернизированной» формы остракизма — т.н. культуры отмены) и, что особенно важно, неделимости и неотчуждаемости суверенитета (прежде всего не государственного, а национального — как суверенитета, носителем которого выступают соответствующие народы и нации).

Но что же тогда остается сегодня тем национальным государствам, которые явно или (из политических опасений) завуалированно не соглашаются заниматься оправданием идеологии двойных стандартов, столь открыто теперь исповедуемой т.н. коллективным Западом?

Выступая в июне 2023 г. на пленарном заседании ежегодного Петербургского международного экономического форума, Президент РФ В.В. Путин отметил на этот счет: «С некоторыми такими государствами, лидеры которых не поддаются часто хамскому давлению, а руководствуются не чужими, а своими национальными интересами, объемы нашей взаимной торговли выросли даже не на какие-то десятки процентов, а в разы и сейчас продолжают расти дальше. И это еще одно доказательство, что здравый смысл, энергия бизнеса, объективные рыночные законы работают сильнее, чем текущая политическая конъюнктура. Это говорит о том, что **уродливая по своей сути неокOLONиальная международная система прекратила свое существование**»¹.

Президент страны и ранее указывал, что исторический период безраздельного доминирования Запада в мировых делах завершается, а однополярный мир уходит в прошлое: «**Мы стоим на историческом рубеже. Впереди, наверное, самое опасное, непредсказуемое и вместе с тем важное десятилетие со времен окончания Второй мировой войны**»; главное противоречие новой эпохи в том, что **Запад «не способен единолично управлять человечеством, но отчаянно пытается это делать, а большинство народов мира уже не хочет с этим мириться»**².

С соответствующими заявлениями на различных площадках уже выступили представители многих стран, включая глав государств. В мире усиливаются тенденции к глобальной деолларизации и переходу на расчеты в национальных валютах, расширяются или готовятся к расширению различные международные организации экономического и социального

¹ Цит. по: Антипова А., Ламова Е. «Где родился — там и пригодился»: главные заявления Путина на ПМЭФ-2023 // Официальный Интернет-портал ОАО «Росбизнесконсалтинг» // <https://www.rbc.ru/economics/16/06/2023/648c62359a79477c0785cd05?ysclid=ljahbo901q4l8504008>

² Цит. по: Полякова В. Путин предупредил о самом опасном десятилетии со времен Второй мировой // Официальный Интернет-портал ОАО «Росбизнесконсалтинг» // <https://www.rbc.ru/politics/27/10/2022/635a9cd29a7947288b08af72>

сотрудничества — БРИКС, ШОС, АСЕАН и др. Речь, наконец, идет даже о формировании условного «глобального Юга», и уже на Западе обо всех этих мировых трендах, только усилившихся с февраля 2022 г., открыто говорят, а трезвомыслящие призывают *остановиться и прекратить вдохновляемую англосаксами русофобскую экзальтацию*.

Возвращаясь к проблематике многополярного мироустройства, заметим, что на прошедшем в апреле 2023 г. заседании Совета по местному самоуправлению Президент РФ В.В. Путин совершенно справедливо сказал: *«Этот тренд <...> тенденция в мире к многополярности — она неизбежна. Она будет только усиливаться. И те, кто этого не поймет и не будет следовать в этом тренде, будут проигрывать. Это факт абсолютно очевидный. Это так же очевидно, как подъем солнца. С этим ничего не поделать»*³.

Именно поэтому *сегодня самое время воспользоваться этой поворотной точкой в развитии человечества*, переосмыслив, какую Россию мы строим и *какой мы хотели бы видеть ее через 10, 20, 50, 100 лет*. Это, вне всякого сомнения, дискуссия о морально-этическом, нравственном, ценностном наполнении хорошо известных всем *«вечных конституционных идеалов»*. Одним из таких *«идеалов»* для нашей многонациональной державы, безусловно, выступает *федеративная идея, а российская модель федерализма*, по нашему глубокому убеждению, *являет собой основанный на положительном опыте прообраз глобальной многополярности будущего*.

Конечно, данный тезис нуждается в дополнительном пояснении и обосновании, чему и будет посвящено дальнейшее изложение. Однако очевидно, что, обсуждая конституционно-правовое развитие России в стремительно изменившихся геополитических реалиях, необходимо четко представлять наши задачи и планомерно работать над их решением. *Ключевая из них — прежде всего укрепление государственного суверенитета страны и наращивание на этой почве дипломатического авторитета, возможность и механизмов для развития многостороннего сотрудничества с международными партнерами, заинтересованными в работе с Россией на основе взаимного учета интересов и уважения, создание прочной основы для укрепления международного мира и безопасности с учетом последних событий на Украине и в мире*. И вполне закономерно, что *наработанный Россией за десятилетия опыт федеративного строительства, обеспечивающего как управляемость государства, так и единство многонационального народа в масштабах страны, имеющей гигантскую территорию, есть самое убедительное доказательство того, что построение нового*

многополярного миропорядка, основанного на взаимном признании, уважении и равноправном диалоге суверенных наций, не просто теоретически возможно, а вполне реально, достижимо и оправданно с практической точки зрения.

Вот почему дальнейшее изучение этого опыта, его обновленное осмысление применительно к изменившимся глобальным реалиям по-прежнему актуальны и, как и в предшествующие десятилетия, всё так же формируют один из важнейших дискурсов отечественной конституционно-правовой науки.

Соотношение понятий федерализма и федерации в контексте эволюционного развития федеративной идеи в России

Российский федерализм как конституционно-правовое явление и как реальная форма территориального государственного устройства своим возникновением, началом становления и развития обязан Октябрьской революции 1917 г. Объявленные в ходе революционных событий социальные, экономические, политические и, как результат, конституционные преобразования ознаменовали переход от самодержавной унитарной Российской империи к Российской Советской Федеративной Социалистической Республике, а позднее и к более масштабному государственному федеративному образованию — Союзу ССР.

Специфика федеративных отношений в Советской России, безусловно, заслуживает исследования и описания не иначе как в отдельной публикации. Ключевой же посыл в рамках концепции советской федерации состоял в том, что *федерация* рассматривалась не столько как способ территориально распределенного управления большой страной, а преимущественно как механизм решения т.н. (вслед за В.И. Лениным) *национального вопроса*. Обозначая суть этой модели в современном контексте, многие, вероятнее всего, констатировали бы, что *идея советской федерации* (предполагавшая союз равноправных советских национальных республик с их правом выхода из состава федерации) рассматривалась прежде всего как средство устранения колониальной политики самодержавной центральной власти по отношению к периферийным территориям Российской империи и как способ сбалансирования протестных настроений территориальных окраин за счет признания роста их национально-культурного самосознания и предоставления им относительной политико-управленческой автономии в решении местных дел.

Очевидным минусом в опыте федеративного строительства советских лет является, пожалуй, лишь то, что коммунистическая идеология тем не менее не уберегла Советский Союз от фактического превращения в очередную империю, при которой *идея советской федерации* (как и многие другие благие намерения большевиков) *осталась лишь декорацией*

³ Цит. по: Полякова В. Путин рассказал, что сопротивляющиеся многополярности проиграют // Официальный Интернет-портал ОАО «Росбизнесконсалтинг» // <https://www.rbc.ru/politics/20/04/2023/64413baa9a7947c76acf8f83>

на бумаге, так и не став реально существующей и действующей системой организации советской власти в союзных республиках. Чтобы провести в этом смысле отчетливую параллель с самодержавием, достаточно вспомнить хотя бы то, с какими грубейшими конституционными нарушениями и, по сути, волею только одного человека от РСФСР была отторгнута исторически принадлежавшая ей территория Крыма и затем административным порядком включена в состав Украинской ССР⁴.

Следует отметить, что в исторической ретроспективе наиболее динамичный и, можно сказать, «пиковый» период вековой истории российского федерализма приходится лишь на последние три десятилетия, прошедшие с того момента, когда советский общественно-государственный строй прекратил свое существование и Россия взяла курс на демократическое развитие. Самым знаковым событием в этом не продолжительном периоде, по сути, обозначившим его начало, без сомнения, стало принятие 12 декабря 1993 г. Конституции РФ. В этой связи российский федерализм отнюдь не бесосновательно может и должен быть оценен как «*юное*» конституционное явление, которое, пусть даже и находясь на некоей опоре предшествующих достижений, все же еще лишь отыскивает, «примеряет» и приобретает свои очертания и содержание, привлекая к себе внимание ученых, политиков, всех тех, кто не равнодушен к судьбе России.

Эффективное выстраивание федеративных отношений требует комплексных мер, связанных не только с проработкой и реализацией основных принципов и норм конституционного права, но и с совершенствованием политической, экономической, социальной и культурной сфер общества. Иными словами, *проблема федерализма значима в масштабах всего конституционного строительства в нашей стране, а потому она находится в диалектической связи со всеми его проблемами и вызовами*. Следовательно, осмысление и поиск эффективных решений по всему спектру насущных задач развития российской модели федерализма настоятельно требует широкого, системного взгляда на такие феномены, *как федерализм и федерация*.

Хорошо известно и, по сути, в настоящее время общепризнанно то обстоятельство, что для России с ее гигантскими пространствами, существенными различиями в климатическом и ресурсном потенциале территорий, их этническом составе и культурологической составляющей какой-либо иной вариант государственного устройства, кроме федеративного, по всей видимости, попросту нерационален.

⁴ В Крыму выявили рекордный объем нарушений при передаче полуострова УССР // Официальный Интернет-сайт сетевого издания РИА Новости // <https://ria.ru/20231223/krym-1917607688.html?ysclid=lqy5kbb68r787889774>

Однако, полагаем, многие согласятся и с тем, что между **федерализмом** как образом государственного правления и федеративным принципом государственного устройства может существовать довольно ощутимая разница.

В этой связи нельзя не отметить, что за три десятилетия, прошедшие со дня принятия Конституции РФ, почти все крупные отечественные конституционалисты (за редчайшими исключениями) в своих трудах касались проблематики федерализма как одного из осевых элементов современного конституционного строя России: наиболее фундаментальные и новаторские из многочисленных трудов стали классикой современной российской правовой мысли. И это не случайно, ведь реальное соотношение идей федерализма с другими конституционными принципами и ценностями во многом определяет как практическую состоятельность последних, так и в целом цивилизационный облик России в новом столетии.

Вероятно, не будет преувеличением утверждать, что российский федерализм (в рамках его существующей конституционной модели) в своем эволюционном развитии уже прошел ряд стадий, выделение которых (хотя бы весьма условное) крайне важно для осмысления и тех результатов, к которым сегодня пришел российский концепт федерализма, и тех тенденций, которые эти результаты закладывают на будущее.

Поначалу, непосредственно после принятия Конституции РФ 1993 г., наше общество, находившееся на гребне набравшей силу волны отрицания (и даже шельмования) всего советского, увязло в тщетной попытке привить на российской почве сугубо утилитарное отношение к федерализму как таковому и федеративной идее в целом. Коллеги-конституционалисты помнят, как мы в 1990-е гг. (и даже в начале 2000-х) жадно стремились исследовать опыт федерализма в США, Канаде, Австралии и в значительно меньшей степени — в Бразилии, Мексике, Индии и ряде других государств; затем предпринимали малопродуктивные попытки перенести в Россию и даже отчасти адаптировать к нашим условиям кальку с зарубежных (как правило, англосаксонских) моделей федерализма, не отдавая отчета в том, что между российской концепцией федерализма и зарубежными федеративными моделями существует гигантское различие, которое во многом обусловлено этноментальными и культурно-нравственными цивилизационными особенностями, и потому теоретически это различие могло быть преодолено лишь одним путем — посредством отказа многонационального российского народа от своей национально-культурной идентичности и в конечном счете национального суверенитета.

И хорошо, что такой отказ не случился, а цивилизационное различие между российской федеративной

идеи и зарубежными моделями федерализма сохранилось и еще будет сохраняться долгие годы. Однако для того, чтобы понять, почему это случилось именно так и в чем заключается это ключевое различие, необходимо более детально исследовать мировоззренческую парадигму, которая лежит в основании сложившихся в нашей стране представлений *о федерализме и федерации* как явлениях общественно-политического уклада.

**Духовно-ценностные основания концепции
федерализма в российской традиции
учений о государстве**

Вполне очевидным является то, что в современной российской конституционно-правовой науке многие разночтения и даже антиномии, связанные с представлениями *о федерализме и федерации*, во многом обусловлены тем, что ни ученые, ни политики и государственные деятели, ни общество в целом пока еще не определились в полной мере с тем, *какая мировоззренческая парадигма должна быть положена в основу этих представлений*. По-прежнему занимают значительное место подходы, основанные на утилитаристском понимании федерализма как системы распределения государственных функций и публичных дел между разными территориальными уровнями осуществления публичной власти. В этом смысле *федерализм* предстает лишь как один из элементов в целом бездушной (и бездуховной) машины публичного администрирования, ядро которой образуют не люди, а функции.

Между тем для России такие подходы — с учетом исторических факторов и объективных национально-культурных особенностей страны — представляются не вполне подходящими. Однако выработка нужной мировоззренческой парадигмы российской модели федерализма, которая была бы совместима с реалиями в контексте принципа историзма и национально-культурных особенностей нашей страны, по-прежнему осложняется тем обстоятельством, что в отечественных общественно-политических учениях на протяжении всей истории их развития не наблюдалось единодушия в оценке таких явлений, как *федерализм и федерация*, применительно к возможным или актуальным вариантам их реализации на практике. Характерно отсутствие такого единодушия и для современного периода развития российской государственно-правовой науки.

Как известно, период истории России начала 2000-х гг. был ознаменован в значительной степени необходимостью преодоления наиболее острых кризисных явлений, связанных с переходом от советского государственно-общественного строя к новому демократическому укладу. В этих условиях естественным образом возник вопрос о выборе курса дальнейшего развития страны, укрепления и совершенствования основ российской государственности

и социального строя в целом, которые к тому времени получили свое формально-юридическое закрепление в Конституции РФ, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. В этом контексте одним из наиболее ярких ориентиров, который, как представляется, во многом обусловил выбор руководством страны политического и идеологического векторов, стало научное и творческое наследие видного русского философа и ученого И.А. Ильина⁵, отвергнутое советской властью и преданное ею забвению.

Вместе с тем ориентация политико-социального курса современной России на идеи И.А. Ильина сама по себе не была обусловлена лишь отрицанием советской модели государственного и общественно-строительства посредством обращения к консервативным воззрениям дореволюционного периода: произведения И.А. Ильина, по нашему убеждению, поражают не только своей глубиной и проницательностью, но и тем, что, будучи созданными в первой половине XX столетия, они с необыкновенной точностью отражают те события, с которыми столкнулось наше государство на историческом рубеже перехода от советского строя к новому — строю современной России. Выводы же, сделанные автором, не опровергаются, а напротив, находят свое подтверждение и сегодня, когда научное сообщество располагает значительно более широким методологическим инструментарием.

При этом ценность идей И.А. Ильина применительно к обсуждаемой в настоящей работе проблеме соотношения представлений *о федерализме и федерации* состоит в том, что государство в целом, а также внутригосударственные и межгосударственные отношения и связи ученый ставит на «рациональную» основу, опираясь на правосознание конкретного индивида, групп индивидов, общества. Правосознание, в свою очередь, выражает восприятие и понимание индивидами естественно-правовых начал, справедливости, общей цели, объединяющей их в различные сообщества. В преломлении сквозь призму современных реалий *эта методология представляется крайне перспективной в качестве теоретико-правового и идеологического базиса как для достижения еще более высокого уровня солидаризации многонационального народа России*, так и для дальнейшей эффективной модернизации российской государственности на современном этапе. Вот почему основные положения учения И.А. Ильина *о федерализме и федерации* заслуживают более подробного анализа и оценки.

Раскрывая вопросы федеративного государственного устройства, *первое*, что констатирует

⁵ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25 апреля 2005 г. // Росс. газ. 2005. 26 апр.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10 мая 2006 г. // Росс. газ. 2006. 11 мая; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. // Росс. газ. 2014. 5 дек.

И.А. Ильин, *это неудовлетворительное состояние учения о федерализме, особенно той его части, которая лежит в «зоне ответственности» отечественных мыслителей*. «Большинство наших доморощенных федералистов, — пишет он, — имеет лишь смутное понятие о предмете своих мечтаний: они не понимают — ни юридической формы федерации, ни условий возникновения здорового федерализма, ни истории федеративной государственности. Видят во всем этом некую завершительную форму “политической свободы”, которая якобы должна всех удовлетворить и примирить; и по старой русской привычке решают: “чем больше свободы, тем лучше!”»⁶.

Обозначенная мысль И.А. Ильина созвучна позиции, высказанной его коллегой по Московскому университету А.С. Яценко еще в 1912 г.⁷: «Мы не знаем ни одной русской попытки дать хотя бы приблизительно самостоятельное построение федеративной теории»⁸.

Анализируя юридическую природу федерации, И.А. Ильин отмечает: «В науке государственного права *федерацией называется союз государств*, основанный на договоре и учреждающий их законное, упорядоченное единение. Значит, *федерация возможна только там, где имеется налицо несколько самостоятельных государств*, стремящихся к объединению. *Федерация отправляется от множества и идет к единению и единству. Это есть процесс отнюдь не центробежный, а центростремительный. Федерация не расчленяет (не дифференцирует, не разделяет, не дробит), а сочленяет (интегрирует, единит, сращивает)* (выделено мною. — Н.Д.)»⁹.

Отголоски представленной концепции находят свое выражение и в суждениях современных авторитетных представителей науки конституционного права. Так, С.А. Авакьян, анализируя вопросы централизации и децентрализации власти в связи с государственным устройством, утверждает: «Категория децентрализованного государства является весьма условной, поскольку создание государства — это всегда выделение таких дел, которыми должен управлять центр, это централизация руководства. Иначе говоря, централизация — синоним государства, его неотъемлемый атрибут. <...> Сложно видеть ту черту, за которой начинается переход от децентрализации к разрушению государства»¹⁰.

⁶ Ильин И.А. Что такое федерация? // Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. М., 2008. Т. 1. С. 228.

⁷ Работы И.А. Ильина, содержащие рассматриваемые разъяснения о федерализме, датированы 1949–1951 гг.

⁸ Яценко А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 77.

⁹ Ильин И.А. Указ. соч. С. 228.

¹⁰ Авакьян С.А. Конституционное право России: учеб. курс: учеб. пособие: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014. Т. 2. С. 35, 37.

Исторически федерация всегда образовывалась из союза малых государств — таково, с точки зрения И.А. Ильина, типичное возникновение классического федеративного государства: *снизу — вверх, от малого — к большому, от множества — к единству*. Федеральные конституции устанавливают меру самостоятельности членов федерации обычно во всем, что касается их местных дел и что не опасно для единства. Возможности союзного государства по превышению своей компетенции и вмешательству в местные дела строго ограничены.

Отсюда *идея федерализма, по Ильину, получает помимо своего главного, объединяющего и центростремительного значения еще и обратный оттенок: «неугасшей самобытности частей, их самостоятельности в законных пределах, их органической самостоятельности в недрах большого союза»*¹¹.

Классическая федерация, по его мнению, — это пример государства-корпорации, соединяющей (в том числе посредством самоорганизации) разрозненные части государства в единое целое.

Заслуживает внимания соотношение обозначенного подхода И.А. Ильина со взглядами М.А. Бакунина, считающегося одним из основателей философии анархизма, несмотря на то что анархистское учение само по себе было для Ильина принципиально неприемлемо. В трудах М.А. Бакунина действительно присутствуют идеи уничтожения государства с предложением в качестве альтернативы принципа индивидуальной независимости и самоуправления коммун — self-government¹². Эти идеи, однако, вполне могут быть восприняты как направленные не на ликвидацию государственного управления, а на его коренное переустройство «согласно действительным потребностям и естественным стремлениям всех частей через свободную федерацию индивидов и ассоциаций, коммун, провинций и наций»¹³. Иными словами, допустимо полагать, что смысл идей Бакунина направлен на формирование системы государственного управления не «сверху», а «снизу».

«Единство, — рассуждает М.А. Бакунин, — становится фатальным, разрушает... процветание индивидумов и народов всякий раз, как оно образуется вне свободы или путем насилия». *Полезным можно считать лишь то единство, «которое свободно образуется через федерацию автономных частей в одно целое с тем, чтобы это последнее, не будучи больше отрицанием частных прав и интересов, кладбищем, где насильственно хоронят всякое местное процветание, стало, напротив, подтверждением и источником*

¹¹ Ильин И.А. Указ. соч. С. 229, 230.

¹² См.: Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика: сб. / вступ. сл., сост., подгот. текста и прим. В.Ф. Пустарнакова. М., 1989. С. 25.

¹³ Там же. С. 96.

всякой автономии...»¹⁴. *Федеральная организация снизу вверх ассоциаций, групп, общин, волостей и, наконец, областей и народов — вот, полагает он, единственное условие настоящей свободы*¹⁵.

Вместе с тем И.А. Ильин утверждает, что *федерация отнюдь не единственный и не важнейший способ сращения малых государств в государство крупное*: «История показывает, что малые государства нередко сливались в единое большое — не на основе федерации, а на основе поглощения и полного сращения в унитарную державу (таковы, по его мнению, Франция, Италия, Испания и Великобритания. — *Н.Д.*). Во всех этих случаях малые государства объединились, не федеируясь, а поглощаясь одним или сливаясь. Нации ассимилировались, и народы заканчивали период политической дифференциации и полугражданских войн — унитарной политической формой. Глупо и смешно говорить, что унитарная форма уходит в прошлое. Нелепо утверждать, что все современные “империи” распадаются, ибо одни распадаются, другие возникают»¹⁶.

В этой части вновь наблюдается определенная схожесть взглядов И.А. Ильина и А.С. Яценко, который писал: «Мы неоднократно высказывали уже наше мнение вообще о ценности и значении федеративных форм. Являясь желанными для внесения порядка в те отношения, которые еще находятся в периоде анархии, эти формы, сами по себе, далеки от совершенства, они — лишь компромисс, лишь меньшее из зол. *Форма федеративная вся построена на соглашениях, на взаимных уступках, очень хрупка, неустойчива, слаба...* Но даже у народов, наиболее способных подчиняться закону и судебным решениям, мы видим неизбежную эволюцию к образованию унитарного государства... Рассмотрение эволюции федеративных форм и идей с достаточной ясностью нам показало, что проявление жизнеспособного федерализма есть лишь выражение роста унитарной идеи»¹⁷.

Возвращаясь к научному наследию И.А. Ильина, следует подытожить, что он усматривал два различных пути возникновения крупных держав из нескольких отдельных государств: *первый — путь договорного объединения в федерацию и второй — путь политического включения, экономического и культурного сращения в унитарное государство*. С его точки зрения, *федерации, возникшие путем федерализации унитарных государств, собственно федерациями не являются, поскольку возникают в условиях, препятствующих созданию «корпоративных» государственных форм, а следовательно, нежизнеспособны*. Для

описания таких «федераций» И.А. Ильин использует термин «псевдофедерации»¹⁸.

В качестве основной причины создания псевдофедераций ученый называет желание «беспочвенного и фиктивного подражательства»: «Политические деятели в течение всего 19 века считали, что в конституции Соединенных Штатов (Америки. — *Н.Д.*) им дан якобы идеальный образец для всех времен и народов, обеспечивающий всякой стране государственную мощь и хозяйственный расцвет. На самом деле это подражание новой моде приводило или к длительному и кровавому разложению политической и национальной жизни, или же к унитарному государству с автономными провинциями»¹⁹.

Отсюда И.А. Ильин делает вывод о наличии у федеративного строя «*необходимых государственных и духовных предпосылок*». Если же в соответствующем государстве этих жизненных предпосылок не сложилось, там, по Ильину, введение федерации неминуемо вызовет «вечные беспорядки, нелепую провинциальную вражду, гражданские войны, государственную слабость и культурную отсталость народа»²⁰.

В числе *жизненных предпосылок или*, иными словами, «*основ федерации*»²¹ И.А. Ильин называл:

- *во-первых*, наличие у истоков федерации нескольких самостоятельно оформленных государств, каждое из которых является более или менее самостоятельным и готовым отстаивать свою независимость: «Политические амебы, кочевые пустыни, фиктивные “якобы-государства”, вечно мятущиеся и политически взрывающиеся общины... — не могут федеироваться... Заключать с ними договор было бы нелепым делом: они подлежат не федерации, а культурной оккупации и государственному упорядочению»;
- *во-вторых*, стоящие у истоков федерации государства должны быть сравнительно невелики, настолько, чтобы единое, из них вновь возникающее государство «имело жизненно-политический смысл»: «Чем больше территория, чем многочисленнее население, чем разнообразнее составляющие его народы, чем сложнее и крупнее державные задачи — тем труднее осуществить федеративную форму государства... И потому есть условия, при

¹⁸ Ильин И.А. О псевдофедерациях // Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Т. 1. С. 231.

¹⁹ Там же. С. 232.

²⁰ Там же. С. 235.

²¹ См.: Ильин И.А. Жизненные основы федерации // Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Т. 1. С. 240–243.

¹⁴ Бакунин М.А. Указ. соч. С. 19–21.

¹⁵ См.: там же. С. 303.

¹⁶ Ильин И.А. Указ. соч. С. 230, 231.

¹⁷ Яценко А.С. Указ. соч. С. 780.

которых требование федерации равносильно началу... расчленения»;

- **в-третьих**, договаривающиеся государства должны реально нуждаться друг в друге — и стратегически, и хозяйственно, и политически, причем важен именно факт осознания протосубъектами федерации этой нужды: «Там, где центробежные силы превышают центrostремительные и где малые государства неспособны к объединению, там ищут спасения не в федеративной, а в унитарной форме»;
- **в-четвертых**, наличие высокого уровня правосознания: «Есть государственные формы, осуществимые при примитивном, наивном и шатком правосознании. Так, унитарное государство гораздо меньше зависит от уровня народного правосознания, чем федеративное; авторитарное государство гораздо меньше вовлекает граждан в свое строительство, чем демократическое. Но именно поэтому федерация и демократия возможны только там, где в народе воспитано чувство долга, где ему присущи свободная лояльность, верность обязательствам и договорам, чувство собственного достоинства и чести и способность к общинному и государственному самоуправлению»;
- **в-пятых**, федерация возможна только там, где народу присуще искусство соглашения и дар политического компромисса: «Нет их — и все будет завершаться “драками новгородского веча” ... (или же, соответственно, — гражданскими войнами)»;
- **в-шестых**, амбициозность и масштабность задач, стоящих перед федеративной формой государственного устройства, неизбежно требует сильной власти в федеративном государстве. «Корпоративное» начало, заложенное в основу создания добровольного федеративного союза, усложняет миссию власти за счет необходимости отыскания разумного баланса между решением общегосударственных вопросов в центре и сохранением на местах самобытности образовавшихся федерацию субъектов, поскольку достойное несение этой миссии и есть залог сохранения федерации.

Главный вывод, который можно сделать на основе этих ключевых суждений, состоит, по нашему глубокому убеждению, в том, что отличительной особенностью отечественного подхода к федерализму (как явлению и принципу построения взаимоотношений внутри единого государства) является не утилитарное к нему отношение, в рамках которого ключевым элементом выступает лишь «бездушное» распределение властных функций и публичных дел между разными

территориальными уровнями публичного администрирования, а взаимодействие людей, «племен», наций, которые своим (прежде всего культурно-духовным единением) образуют целостное федеративное государство, цементирующий базис которого — вовсе не гегемонистская роль федерального центра по отношению к «провинциям», а напротив, сохранение самобытности и многообразия на местах, что и обеспечивает равноправный, основанный на уважении (а не диктате) диалог между составными частями федерации, как друг с другом, так и с федеральным центром.

Таким образом, контекст философских и научных взглядов И.А. Ильина, как представляется, очевидным образом *отвечает современным реалиям российской государственности, исканиям того оптимального соотношения права, государственной власти и федеративной формы государственного устройства, которые не прекращаются в нашем обществе на протяжении уже четверти века. Ряд важнейших принципов и идей, которые могут быть почерпнуты из богатейшего научно-философского наследия И.А. Ильина, по сути, образуют столь необходимый сегодня фундамент мировоззренческой, духовно-ценностной парадигмы российской модели федерализма.*

Знание этих важнейших принципов и идей, их осмысление и актуализация применительно к современным геополитическим реалиям создают основу для того, **чтобы именно российская модель федерализма** в весьма приближенном будущем была взята за основу **концепции многополярности в ее глобальном, планетарном измерении**, став в конечном счете **прообразом глобального многополярного миропорядка**.

Многополярность как новое прочтение идеи субсидиарности: несколько заключительных тезисов о главном

В свете выводов и суждений, сформулированных в предшествующих частях настоящей работы, важно по-новому посмотреть на имманентную проблему любой модели федерализма, которая состоит в нахождении оптимального распределения публичной власти между федеральным центром и составными частями (субъектами) федерации, при котором, как отметил С.А. Авакьян, «обеспечивалось бы единообразное и демократическое решение многих вопросов на федеральном уровне и самостоятельность регионов в рассмотрении всех остальных вопросов»²².

Практически всем, кто интересуется проблематикой федерализма, хорошо известно, что в течение последних двух десятилетий в отечественном конституционном праве активно обсуждалась применимость в российских условиях европейской концепции т.н. субсидиарности. Например, И.А. Умнова в этой

²² Авакьян С.А. Указ. соч. Т. 2. С. 106.

связи отмечала, что «в современном понимании субсидиарность — это оптимальное разграничение предметов ведения, полномочий, ресурсов и ответственности между федерацией, ее органами государственной власти и субъектами федерации, их органами государственной власти, в соответствии с которым публичная власть осуществляется преимущественно на том уровне, который ближе к гражданам и субъектам хозяйственной деятельности, а вышестоящий уровень власти (федерация по отношению к субъектам федерации) сохраняет за собой только те полномочия, выполнение которых наиболее эффективно осуществляется на данном уровне власти, обеспечивает государственный суверенитет и безопасность страны»²³.

С.А. Авакьян раскрывает сущность субсидиарности следующим образом: «Применительно к федерации принцип субсидиарности толкуют так, что субъекты в состоянии сами организовывать свою жизнь и решать соответствующие дела, а создание федерации является как бы дополнительным средством. Федерация берет на себя часть общих дел в интересах субъектов и в другой части дел помогает субъектам. В последнее время принцип субсидиарности чаще всего трактуется как “разгрузка” федерации, децентрализация функций, их передача субъектам, а роль федерации при этом состоит в содействии субъектам и выполнении нескольких ведущих задач. Правда, бытует и прямо обратное понимание субсидиарности, когда именно федерация рассматривается как главный организатор всей жизни в новом образовании, и тогда же в помощь, в дополнение к ней (федерации), т.е. во вспомогательном плане, действуют субъекты федерации»²⁴.

Рассуждая далее, С.А. Авакьян указывает, что существование и деятельность федеративного государства на практике неизбежно формирует его уникальную «личность», в которой, по смыслу утверждений ученого, принцип субсидиарности занимает особое место и получает свое специфическое преломление. Однако же он подытоживает, что в любом случае «федеративное государство — это лидер по отношению к своим субъектам. А субсидиарность надо толковать в том плане, что федерация всегда готова прийти на помощь своим субъектам, она — по большому счету — призвана во многом облегчить их жизнь. В то же время субсидиарность для субъектов должна означать их готовность всегда поддерживать федерацию, в рамках своих сил помогать ей в осуществлении функций федерации (например, в укреплении

обороноспособности государства, в содействии воинским частям на своей территории, в организации призыва в армию и т.д.), а также “разгрузить” федерацию от менее значимых дел»²⁵.

Сегодня можно наблюдать, что принципу субсидиарности придается такое значение, которое позволяет использовать его постулаты не только при построении федераций, но и любых других многоуровневых публично-властных образований. Таким образом, *универсальный характер субсидиарности следует из конституционных принципов государственной целостности, единства государственной власти, равенства субъектов федерации между собой, их равноправия в отношениях с федеральными органами государственной власти.*

В то же время для российской государственности сначала советского, а затем и, применяя термин И.А. Умновой, «постконституционного» периодов характерна цикличность, выражающаяся в непрерывных и последовательно сменяющих друг друга тенденциях централизации и децентрализации. Таким образом, отыскание и конституирование разумного и справедливого баланса задач, функций и интересов между федеральным, региональным и местными уровнями власти являет собой основную стратегическую цель последовательного и устойчивого обеспечения системности российской модели федерализма в целом.

Как известно, модель разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами закреплена в Конституции РФ. И важно понимать, что эта модель является гибкой, в определенном смысле даже универсальной, поскольку допускает возможность и централизации, и децентрализации власти, при том что основы конституционного строя, включая базовые принципы федеративных отношений, остаются неизменными.

И.А. Умнова в 2012 г. в этой связи, например, писала: «Государственно-правовые шаги, предпринимаемые Президентом РФ с 2000 г. по укреплению вертикали власти, усилению контроля за законностью деятельности и ответственности органов государственной власти и должностных лиц субъектов Российской Федерации, повышению эффективности, стабильности и безопасности России, привели не только к укреплению государственности и восстановлению единого конституционно-правового пространства, но и к определенным негативным последствиям для федеративного устройства России»²⁶. Далее она, поясняя свою мысль, указывала: «Во-первых, постконституционное развитие России в начале нового века пошло по пути не федеративной, а административной реформы. Это выразилось, в частности,

²³ Умнова И.А. Проблемы дефедерализации и перспективы оптимизации современной российской модели разграничения предметов ведения и полномочий в контексте доктрины субсидиарности // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2. С. 47, 48.

²⁴ Авакьян С.А. Указ. соч. Т. 2. С. 25.

²⁵ Там же. С. 25, 26.

²⁶ Умнова И.А. Указ. соч. С. 48.

в отмене института прямых выборов глав... субъектов РФ; в субституции ряда региональных функций субъектов Федерации властной деятельностью полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах; в чрезмерной централизации законодательных полномочий (сужении сфер законодательного регулирования субъектов РФ) и, наоборот, не всегда обоснованной децентрализации исполнительных полномочий субъектов Федерации»²⁷. В качестве второго аргумента в логике своих рассуждений И.А. Умнова отмечала, что «разграничение полномочий по предметам совместного ведения стало проводиться путем детализированного и казуистического размежевания полномочий, усложняющего правоприменение и дестабилизирующего систему разделения власти по вертикали»²⁸. И наконец, подытоживая, она указывала: «В-третьих, усилился разрыв между полномочиями органов государственной власти субъектов РФ и бюджетно-финансовой основой данных полномочий. Фактически в регионах стал доминировать режим нефинансируемых “мандатов”»²⁹.

Делая общий вывод на основе приведенных выше суждений, И.А. Умнова констатировала, что за «период постконституционных преобразований в России сложилась неэффективная, сложно управляемая система разграничения предметов ведения и полномочий, стимулирующая регионы не на саморазвитие и здоровую конкуренцию между ними, а на дотационный паразитизм, вынужденные сделки с бизнес-структурами, зачастую сомнительного характера. Такая система разграничения компетенции по вертикали привела к дальнейшему росту различий в уровне социального и экономического развития, обострению кризисных явлений в экономике, росту социального и политического напряжения»³⁰.

Конечно, сложно согласиться с подобными суждениями, тем более с учетом нынешних геополитических реалий: по нашему убеждению, централизация, осуществляемая в разумных рамках и обусловленная жизненными потребностями общества, напротив, есть свидетельство роста унитарной идеи, что, согласно приведенным выше выводам дореволюционного исследователя федерализма А.С. Яценко, свидетельствует как о зрелости федеративной модели (в которой наблюдается рост унитарной идеи), так и о ее здоровом состоянии. При этом, как показывает практика последних лет, какого-либо критически значимого дезавуирования самостоятельности субъектов Российской Федерации в принятии необходимых решений на их уровне компетенции не произошло, как не произошло

и ущемления национально-культурной самобытности и идентичности народов и этносов, составляющих единый многонациональный народ нашей страны.

Стало быть, *многополярность и субсидиарность — это две стороны одной медали; одно постоянно перетекает в другое и наоборот*. Невозможно обеспечить субсидиарность там, где нет многополярности, и нельзя добиться многополярности, если нет действительной, реальной субсидиарности. И отсюда становится очевидно, что *многополярность есть новое прочтение идеи субсидиарности*.

И поэтому в качестве главного вывода по итогам данного исследования следует сказать о следующем.

Российская модель федерализма имеет все шансы стать прообразом (и предвестницей) глобальной многополярности будущего. Это не популизм, не дань терминологической моде и не поклонение велениям времени; это — объективная оценка геополитических реалий. Сегодня мы воочию можем наблюдать, как с кратно возросшей силой вспыхивают региональные конфликты в разных точках земного шара; степень агрессивности и жестокости этих конфликтов зачастую обескураживает и зашкаливает. Все это означает одно: *современное человечество отчаянно нуждается в установлении новых принципов совместной безопасной жизни на нашей общей планете, как и достижения всеобщего процветания и благоденствия*. В этом контексте важно подчеркнуть: российский федерализм — это не столько про механическое (и во многом «бездушное») распределение властных функций и публичных дел между федеральным центром и составными частями государства; *российский федерализм — это в большей степени и главным образом про то, как на самом деле могут ужиться в мире и согласии на одной — исторически общей и одинаково родной — Земле многие миллионы людей, таких разных по воззрениям, верованиям, убеждениям и традициям и в то же время таких одинаковых в своем стремлении к счастью, благополучию и процветанию*.

По нашему глубокому убеждению, именно поэтому *российская модель федерализма*, образно выражаясь, *становится неким спасительным рецептом*, который на текущем этапе развития человечества приобретает явное *цивилизационное и во многом универсальное значение*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: учеб. курс: учеб. пособие: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014. Т. 2. С. 25, 26, 35, 37, 106.
2. Антипова А., Ламова Е. «Где родился — там и пригодился»: главные заявления Путина на ПМЭФ-2023 // Официальный Интернет-портал ОАО «Росбизнесконсалт»

²⁷ Умнова И.А. Указ. соч.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 52.

- тинг» // <https://www.rbc.ru/economics/16/06/2023/648c62359a79477c0785cd05?ysclid=ljahbo901q418504008>
3. Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика: сб. / вступ. сл., сост., подгот. текста и прим. В.Ф. Пустарнакова. М., 1989. С. 19–21, 25, 96, 303.
 4. В Крыму выявили рекордный объем нарушений при передаче полуострова УССР // Официальный Интернет-сайт сетевого издания РИА Новости // <https://ria.ru/20231223/krym-1917607688.html?ysclid=lqy5kbb68r787889774>
 5. Ильин И.А. Жизненные основы федерации // Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. М., 2008. Т. 1. С. 240–243.
 6. Ильин И.А. О псевдофедерациях // Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. М., 2008. Т. 1. С. 232, 235.
 7. Ильин И.А. Что такое федерация? // Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. М., 2008. Т. 1. С. 228–231.
 8. Полякова В. Путин предупредил о самом опасном десятилетии со времен Второй мировой // Официальный Интернет-портал ОАО «Росбизнесконсалтинг» // <https://www.rbc.ru/politics/27/10/2022/635a9cd29a7947288b08af72>
 9. Полякова В. Путин рассказал, что сопротивляющиеся многополярности проиграют // Официальный Интернет-портал ОАО «Росбизнесконсалтинг» // <https://www.rbc.ru/politics/20/04/2023/64413baa9a7947c76acf8f83>
 10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25 апреля 2005 г. // Росс. газ. 2005. 26 апр.
 11. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10 мая 2006 г. // Росс. газ. 2006. 11 мая.
 12. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. // Росс. газ. 2014. 5 дек.
 13. Умнова И.А. Проблемы дефедерализации и перспективы оптимизации современной российской модели разграничения предметов ведения и полномочий в контексте доктрины субсидиарности // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2. С. 47, 48, 52.
 14. Яценко А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 77, 780.
 2. Antipova A., Lamova E. “Where I was born, I came in handy there”: Putin’s main statements at SPIEF 2023 // Official Internet Portal of Rosbusinessconsulting OJSC // <https://www.rbc.ru/economics/16/06/2023/648c62359a79477c0785cd05?ysclid=ljahbo901q418504008>
 3. Bakunin M.A. Philosophy. Sociology. Politics: collection / introduction, comp., preparation. text and notes by V.F. Pustarnakov. M., 1989. Pp. 19–21, 25, 96, 303.
 4. In Crimea, a record volume of violations was revealed during the transfer of the peninsula of the Ukrainian SSR // Official Internet site of the RIA Novosti online publication // <https://ria.ru/20231223/krym-1917607688.html?ysclid=lqy5kbb68r787889774>
 5. Ilyin I.A. Vital foundations of the Federation // Ilyin I.A. Our tasks. Articles 1948–1954. M., 2008. Vol. 1. Pp. 240–243.
 6. Ilyin I.A. On pseudo-federations // Ilyin I.A. Our tasks. Articles 1948–1954. M., 2008. Vol. 1. Pp. 232, 235.
 7. Ilyin I.A. What is a federation? // Ilyin I.A. Our tasks. Articles 1948–1954. M., 2008. Vol. 1. Pp. 228–231.
 8. Polyakova V. Putin warned about the most dangerous decade since the Second World War // Official Internet portal of JSC Rosbusinessconsulting // <https://www.rbc.ru/politics/27/10/2022/635a9cd29a7947288b08af72>
 9. Polyakova V. Putin said that those who resist multipolarity will lose // The official Internet portal of JSC Rosbusinessconsulting // <https://www.rbc.ru/politics/20/04/2023/64413baa9a7947c76acf8f83>
 10. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated April 25, 2005 // Ross. gaz. 2005. 26 Apr.
 11. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated May 10, 2006 // Ross. gaz. 2006. May 11.
 12. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated December 4, 2014 // Ross. gaz. 2014. 5 Dec.
 13. Umnova I.A. Problems of defederalization and prospects for optimization of the modern Russian model of differentiation of subjects of competence and powers in the context of the doctrine of subsidiarity // Comparative Constitutional Review. 2012. No. 2. Pp. 47, 48, 52.
 14. Yashchenko A.S. Theory of federalism. The experience of the synthetic theory of law and the state. Yuriev, 1912. Pp. 77, 780.

REFERENCES

1. Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: studies Course: studies manual: in 2 vols. 5th ed., reprint and add. M., 2014. Vol. 2. Pp. 25, 26, 35, 37, 106 (in Russ.).
14. Yashchenko A.S. Theory of federalism. The experience of the synthetic theory of law and the state. Yuriev, 1912. Pp. 77, 780.

Сведения об авторе

ДОБРЫНИН Николай Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник науки и образования Тюменской области, профессор кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Института государства и права Тюменского государственного университета; 625003 г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6

Authors' information

DOBRYNIN Nikolay M. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Graduate of Science and Education of the Tyumen Region, Professor of the Department of Theoretical and Public Law Disciplines, Institute of State and Law of the Tyumen State University; 6 Volodarskogo str., 625003 Tyumen, Russia

УДК 340.12

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ПОСТКЛАССИЧЕСКОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

© 2024 г. И. М. Алексеев

*Конституционный Суд Российской Федерации, г. Санкт-Петербург;
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург*

E-mail: kaspar555@mail.ru

Поступила в редакцию 09.06.2022 г.

Аннотация. В статье демонстрируется познавательная ценность лежащих в основе постклассических правовых теорий феноменолого-герменевтической методологии философии постмодерна. Обозначены способы преодоления релятивизма постмодернизма, возводящего право на вершину пирамиды, в основе которой устои российского общества, образующие контекст смыслов творчества, осуществляемого в ходе конституционализации уголовного судопроизводства. Выявляется ценностная составляющая используемой Конституционным Судом РФ и основанной на установках постклассического правоведения методологии разрешения конфликтов. Аргументируется невозможность разрешения обозначенных конфликтов посредством традиционных юридико-догматических способов правоприменения, используемых ординарными судами. Конституционализация представлена в качестве процесса по преобразованию естественного права в позитивный закон, осуществляемого в два этапа: на первом определенное право возводится в ранг конституционной нормы; на втором это право разворачивается в отраслевом законодательстве. Делается вывод, что конституционализация, осуществляемая Конституционным Судом РФ, есть не что иное как способ разрешения нормативных конфликтов, в ходе которых Конституционный Суд РФ интерпретирует как положения Конституции РФ, так и нормы законов, приводя их в состояние взаимного непротиворечия.

Ключевые слова: феноменология, герменевтика, контекст, смысл, постклассическое правоведение, конституционализация, нормативный конфликт, юридический позитивизм, юридическая догматика, естественное право.

Цитирование: Алексеев И. М. Философско-методологические основы конституционализации российского права в контексте постклассического правоведения // Государство и право. 2024. № 2. С. 43–53.

DOI: 10.31857/S1026945224020046

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONALIZATION OF RUSSIAN LAW IN THE CONTEXT OF POST-CLASSICAL JURISPRUDENCE

© 2024 I. M. Alekseev

*Constitutional Court of the Russian Federation, St. Petersburg;
North-Western Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg*

E-mail: kaspar555@mail.ru

Received 09.06.2022

Abstract. The article demonstrates the cognitive value of the postclassical legal theories underlying the phenomenological and hermeneutic methodology of postmodern philosophy. The ways of overcoming the relativism of postmodernism, which raises the right to the top of the pyramid, based on the foundations of Russian society, forming the context of meaning-making carried out during the constitutionalization of criminal proceedings, are outlined. The article reveals the value component of the methodology of conflict resolution used by the Constitutional Court of the Russian Federation, based on the postclassical jurisprudence. The author argues that it is impossible to resolve these conflicts through traditional legal and dogmatic methods of law enforcement used by ordinary courts. Constitutionalization is presented as a process for the transformation of natural law into a positive law, carried out in two stages: at the first, a certain right is elevated to the rank of a constitutional norm; at the second, this right is deployed in sectoral legislation. It is concluded that the constitutionalization carried out by the Constitutional Court of the Russian Federation is nothing more than a way of resolving normative conflicts, during which the Constitutional Court of the Russian Federation interprets both the provisions of the Constitution of the Russian Federation and the norms of laws, bringing them into a state of mutual non-contradiction.

Key words: phenomenology, hermeneutics, context, meaning, postclassical jurisprudence, constitutionalization, normative conflict, legal positivism, legal dogmatics, natural law.

For citation: *Alekseev, I.M. (2024). Philosophical and methodological foundations of the constitutionalization of Russian law in the context of post-classical jurisprudence // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 43–53.*

Постклассическое правоведение объединяет представителей различных правовых теорий, самыми популярными из которых являются коммуникативная и интегративная теории права¹. Не вдаваясь в особенности обозначенных постклассических правовых теорий, отметим лишь, что постклассические правовые теории своим методологическим ядром избрали методы, выработанные феноменологией и герменевтикой, в рамках которых, как известно, познание производно от языковых систем и форм жизни. Основатель феноменологической (философской) герменевтики Г.-Г. Гадамер рассматривает язык как необходимое условие мира, культуры и общества, для него язык является онтологической величиной².

Постклассическое правоведение исходит из различий наук о природе и наук о духе. Науки о духе в отличие от наук о природе, пишет А.В. Поляков, обращаются к действительности во всей ее полноте и неисчерпаемости. Здесь существенную роль играет уже не объяснение действительности, а ее понимание³. При этом понимание — это не просто репродуктивный процесс, связанный с реконструкцией внутреннего мира автора, оно включает в себя продуктивное отношение, связанное с трансляцией смысла интерпретируемого

текста. По мнению Гадамера, задача интерпретатора состоит в том, чтобы понимать текст в его собственном смысле. Но, с точки зрения Гадамера, «в его собственном смысле» не означает «то, что этот автор имел в виду»⁴. Методическое понимание выходит за рамки субъективного замысла автора. Задача субъекта познания состоит в том, чтобы понимать текст в его собственном смысле, однако смысл текста не есть нечто постоянное и неизменное, смысл историчен. Текст не дан нам в «чистом» виде, наше отношение к нему опосредовано теми восприятиями и теми его адаптациями, каким текст подвергался на протяжении всей его истории. В каждой новой интерпретации происходит уточнение смысла текста. Каждый раз он видоизменяется — с каждой новой интерпретацией, во взаимодействии с той социокультурной средой, в которую он в данный момент вовлечен⁵.

Разработанная в рамках феноменологической герменевтики теория смыслов применительно к правовой реальности позволила представителям постклассических правовых теорий отказаться от понимания права как формы выражения воли государства. Например, М.В. Байтеева утверждает, что сегодня «воля законодателя» имеет скорее риторический смысл. Установка значения права происходит в ходе истории создания норм закона. Поэтому понимание смысла правовой нормы через выявление воли законодателя едва ли подходит для правовой теории современного государства⁶.

¹ См. подр.: Головкин Л.В. Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. ст. М., 2016. С. 92–126.

² Цит. по: Гапонов А.С. Природа социального познания: эвристический потенциал феноменолого-герменевтической программы: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2016. С. 47.

³ См.: Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук. в виде науч. доклада. СПб., 2002. С. 17.

⁴ Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / пер. с нем.; послесл. В.С. Малахова; коммент. В.С. Малахова, В.В. Бибикина. М., 1991. С. 19 (История эстетики в памятниках и документах).

⁵ См.: Гапонов А.С. Указ. соч. С. 92, 93.

⁶ См.: Байтеева М.В. Язык и право. Казань, 2013. С. 58.

В свою очередь, Н.А. Гредескул указывал, что при толковании правовых норм правоприменитель не может ограничиваться волей законодателя, осуществляя в ходе правоприменения мыслительную деятельность по заполнению пробелов в праве, т.е. пополнению недостатка в воле и устранению избытка воли там, где он имеется⁷. Следовательно, интерпретация есть процесс преобразования (образования!) права⁸.

Следует отметить, что возросшее внимание к интерпретации текста закона правоприменителем в постклассическом правоведении объясняется тем, что процесс интерпретации правовой нормы ученые, разделяющие это направление правовой мысли, не сводят к выявлению замысла законодателя.

Действующее право в условиях постклассического дискурса стало мыслиться не как создаваемое законодателем путем установления абстрактных норм, а как творимое судебной властью в ходе разрешения конкретных уголовно-правовых конфликтов, возникающих между людьми. Такое «право в действии» существует вне зависимости от воли того, кто написал этот закон. Соавтором «права в действии» является интерпретатор текста закона. При этом в ходе интерпретации смысл текста закона, установленный в ходе разрешения конкретной конфликтной ситуации и образующий «право в действии», накладывается на текст закона. Смыслотворчество, осуществляемое судьей в ходе интерпретационной деятельности, — это бесконечный процесс актуализации текста закона как «права в действии»⁹.

Однако, чтобы нас не упрекнули в односторонности подхода, сразу оговоримся, что при всех своих достоинствах право постклассики таит в себе и определенные риски. Так, например, В.Д. Зорькин совершенно справедливо указывает, что в философии постмодерна, на которой зиждется отечественное постклассическое правоведение, происходит размывание нормативности, в этой философии все мнения имеют право на существование, все одинаково правильно и неправильно, все необязательно не только для других, но и для того, кто эти мнения высказывает. Как пишет В.Д. Зорькин, ничем не ограниченный плюрализм культурных и моральных норм, провозглашаемый

постмодернистами, ведет к хаосу в обществе, чреват произволом и насилием¹⁰.

Мы полностью разделяем высказанные опасения. Действительно, если мы признаем бесконечность смыслов текста закона, выявляемых волей его интерпретаторов, и правильность всех этих смыслов даже в случае их противоречия друг другу, то как на этой основе можно построить хоть сколько-нибудь формально определенное право?

В связи с чем заметим, что ничем не ограниченный плюрализм мнений — это крайность философии постмодерна, которую философы, ее проповедующие, пытаются преодолеть. Например, основателем феноменологии Э. Гуссерлем вопрос об истинности познания решался на основе идеи «очевидности»¹¹. В свою очередь, Ю. Хабермас в качестве ограничителя смыслов интерпретаций вводит в научный оборот понятие «жизненный мир», которое, по мнению ученого, является средой коммуникации, обеспечивая ее участников запасом культурных самоочевидностей, определяющих результаты возможных интерпретаций¹². Поднимает вопрос объективности человеческого познания и такой представитель философии постмодерна, как К.-О. Апель, который пытается решить этот вопрос посредством введения понятия трансцендентальной игры неограниченного коммуникативного сообщества, определяющей пределы понимания смысла¹³.

Иными словами, бесконечность смыслов текста законов возможна только вне времени и вне пространства. Применительно же к конкретной ситуации, в которой и осуществляется правоприменение, смысл, выявляемый интерпретатором, предопределен тем контекстом, в рамках которого осуществляется смысловое творчество. Можно сказать, что эти идеи, направленные на преодоление релятивизма философии постмодерна, выводят философию права на новый качественный уровень, который принято обозначать как метамодерн.

Концепт права метамодерна, пишет В.Д. Зорькин, поднимается и над правом модерна, и над постмодернистскими типами правопонимания. Представители этой школы пришли к выводу о зависимости права от исторического контекста и глубинных корней народной жизни, формирующих традиции и обычаи народа, питающих духовный опыт его поколений, обозначили взаимосвязь между правом и таким культурным феноменом,

⁷ См.: Гредескул Н.А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права. Харьков, 1900. С. 144–159.

⁸ См.: Постклассическая онтология права / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016. С. 591.

⁹ Алексеев И.М. Методологические основы единообразного применения законов в сфере уголовного судопроизводства. Теория и практика расследования преступлений: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (15 апр. 2021 г.). Краснодар, 2021. С. 358–363.

¹⁰ См.: Зорькин В.Д. Десять лекций о праве. М., 2021. С. 52.

¹¹ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004.

¹² См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.

¹³ См.: Апель К.-О. Трансформация философии. М., 2001.

как язык народа, в котором (как и в праве) находит свое отражение народный дух, особенности его менталитета, его культурные традиции и т.д.¹⁴

Действительно, познание вплетено в историческую практику и не может быть полностью свободным от предрассудков, воспринятых в процессе воспитания в конкретной языковой среде. Перед началом познания необходимо наличие определенных условий, в качестве таковых можно выделить традиции, обычаи, предрассудки, которые преданы исследователю. В этом смысле исторической действительностью бытия выступает предрассудок¹⁵, сложившийся в том числе из экономических и социально-политических реалий, в которых живет исследователь. При этом следует отметить, что предрассудок в герменевтике утрачивает негативный оттенок, придаваемый им материалистами, которые призывали преодолевать последние на пути познания истины. Традиция, в которой воспитывается человек, — это тот смысловой универсум, который включает в себя наши представления о мире¹⁶. Выйти за их пределы представляется задачей, практически невыполнимой для исследователя. Общество не является объектом, противостоящим познающему субъекту, по отношению к которому возможна внешняя позиция наблюдателя, оно выступает универсальной средой нашего познания. Применяя этот тезис к условиям социального мира, можно заметить, что он включает в себя определенную совокупность знаний, которые принимаются людьми, участвующими в общении на веру, и разделяются всеми участниками коммуникации. Говоря о социальном происхождении знания, важно отметить, что лишь небольшая его часть опосредована нашим личным опытом. Большая часть знания имеет социальное происхождение, передана друзьями, родителями, учителями и т.д.¹⁷ Указанные знания образуют наш жизненный мир, который можно определить как разделяемый всеми горизонт, в рамках которого реализуются коммуникация и повседневная практика людей, формируются коллективные представления о действительности — языковые картины мира. Эти картины мира есть продукт опыта некоего сообщества, представляют совокупность знаний о действительности, составляют фоновое знание и дают ориентиры для повседневной деятельности. Хабермас определяет жизненный мир как «абсолютно известное», имеющее интересубъективный характер;

¹⁴ См.: Зорькин В.Д. Указ. соч. С. 89.

¹⁵ См., напр.: Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы философии герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. [с. 5–36] Б.Н. Бессонова. М., 1988. С. 328, 329.

¹⁶ См.: Гапонов А.С. Указ. соч. С. 24.

¹⁷ См.: Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 16.

то что является необходимым условием коммуникации между членами языкового сообщества¹⁸.

Таким образом, именно традиции, сложившиеся в обществе на определенном этапе, определяют смысл теста законов. При этом, говоря о традициях, мы подразумеваем отношение народа к таким нравственным категориям, как добро, зло, правда, справедливость, равенство, совесть, гуманизм, представление о которых определяет контекст правоприменения, в ходе которого и извлекается смысл нормы. Именно эти нравственные ориентиры, складывающиеся на протяжении многих столетий, являются качественной составляющей отечественной правовой системы, определяющей траекторию его развития. И именно ввиду обозначенного нами тезиса о невозможности выйти за рамки контекста, определенного традиционными устоями общества, к которым, например, вполне можно отнести и существующую в России следственную модель досудебного производства по уголовным делам, любые преобразования ее без учета этого контекста обречены на провал. Нельзя просто брать и заимствовать чуждые традиционной российской правовой системе зарубежные правовые институты. Тем более легкомысленно надеяться при этом на то, что они будут работать так же, как и за рубежом, — очевидно, что не будут. Любые изменения такого рода должны проходить с особой тщательностью, дабы не нарушить работу правовых механизмов, традиционно работающих на протяжении многих лет.

Таким образом, в основе права метамодерна лежит идея не о бесконечности смыслов текста закона, приводящая к размыванию всякой нормативности, за что обычно критикуют все постклассические правовые теории, а идея национальной идентичности, определяющей смысл законоположений.

При этом национальная (государственная) идентичность в правовом аспекте институализируется главным образом через понятие конституционной идентичности, которая, как отмечает В.Д. Зорькин, сегодня выступает в новом качестве, а именно как объективный правовой феномен эпохи постмодерна, представляющий закономерную реакцию национально-государственного самосознания на глобальный кризис капитализма и иррациональность переходного периода и служащий интересам сохранения наций, а равно их общности и обеспечению устойчивого мирового развития¹⁹.

¹⁸ См.: Алексеев И.М. Перспективы дифференциации уголовно-процессуальной формы // Уголовное судопроизводство России: современное состояние и перспективы развития: сб. по материалам Всеросс. науч.-практ. конф. Краснодар, 2019. С. 5–8.

¹⁹ См.: Зорькин В.Д. Указ. соч. С. 76, 77.

В связи с чем можно отметить, что использование обозначенных методологических установок исключительно для деконструкции основных юридических понятий, как антидогматики, — это радикализм, вредный в каждой сфере жизни общества, а уж в юриспруденции тем более. Очевиден тот факт, что гарантией единства судебной практики может являться только жесткая, иерархичная, согласованная и понятная участникам коммуникации система права²⁰. Вместе с тем эта система права должна в своей основе иметь духовно-нравственные устои общества, образующие контекст применения законоположений, ее образующих. Современная правовая наука должна синтезировать право и нравственность. Право без опоры на устоявшиеся в обществе представления о добре и зле, справедливости — «колосс на глиняных ногах».

Таким образом, идеи постклассического правоведения, смыкающиеся с представлениями концепта метамодерна, используются нами не для деконструкции современной правовой теории, а как основа юридической догматики, опирающейся на устои российского общества, образующие контекст смыслотворчества, осуществляемого в ходе конституционализации отечественного права, основанной на идее национальной идентичности. При этом также отметим, что смыслотворчество, осуществляемое судьей-интерпретатором, — это не произвольный процесс. Он осуществляется по правилам, определенным юридической догматикой; разработанные ею способы толкования правовых норм, по сути, есть не что иное, как договоренности участников коммуникации, определяющие горизонт смыслов законоположения в определенной фактической ситуации. Нарушение этих договоренностей позволяет сделать вывод о неправильности смысла, установленного интерпретатором.

На этом, пожалуй, закончим обозначение методологических установок, без прояснения которых содержательная часть исследования была бы невозможна, и перейдем наконец к вопросу конституционализации, являющемуся центральным для данного исследования.

Термин «конституционализация» уже давно и прочно вошел в оборот. Как правило, конституционализацию сводят к тенденции развития различных отраслей российского права в духе Конституции РФ. Причем это относится не только к отечественной, но и к зарубежной правовой доктрине, где конституционализация как феномен тесно связана с деятельностью конституционной юстиции и, по сути, является ответом правовой

науки на вопрос — что представляет собой деятельность органов, осуществляющих конституционный нормоконтроль²¹.

Однако в теории российского конституционного права конституционализация не сводится к деятельности конституционной юстиции. Например, И.А. Кравец пишет, что существует два способа конституционализации: первый из них представляет собой деятельность по закреплению правовой нормы в Конституции²²; второй способ заключается в проникновении норм и принципов, закрепленных в Конституции, в отраслевое законодательство посредством деятельности конституционной юстиции²³.

Одна из важнейших тенденций правового развития человечества после Второй мировой войны, пишет В.Д. Зорькин, — конституционная позитивация (конституционализация) прирожденных и неотчуждаемых прав человека, трансформирующая принцип приоритета прав человека в принцип верховенства правового закона²⁴.

Как видно, конституционализация есть процесс преобразования естественного права в позитивный закон. Поэтому термин «способ», который использует И.А. Кравец применительно к конституционализации, не особенно удачен, поскольку не совсем верно отражает природу этого феномена. Вместо него лучше использовать слово «этап». Конституционализация включает в себя два этапа: на первом определенное право возводится в ранг конституционной нормы; на втором это право разветвляется в отраслевом законодательстве.

Однако возникает вопрос: чем принципиально отличается конституционализация от ординарного законодательного на первом и правоприменительного на втором этапе процессов?

Если говорить о первом этапе конституционализации, то с точки зрения правовой доктрины Конституция по своей природе не столько законодательный, сколько учредительный акт и принимается она властью учредительной, а законодательная власть, сформированная на основе Конституции,

²¹ См.: Головки Л.В. Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгами и реальностью // Государство и право. 2013. № 12. С. 83.

²² Несмотря на ограниченные возможности этого способа ввиду сложности внесения изменений в Конституцию, он продолжает применяться. Пример тому — изменения Конституции РФ, одобренные в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. К этому же способу относят принятие и изменение федеральных конституционных законов.

²³ См.: Кравец И.А. Понятие и способы конституционализации правового порядка // Росс. юрид. журнал. 2003. № 4 (40). С. 17, 18.

²⁴ См.: Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб., 2021. С. 43.

²⁰ См.: Алексеев И.М. Единообразное применение законов в контексте постклассического правоведения // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2021. № 14 (11). С. 1597.

осуществляет законотворческий процесс на основании и во исполнение Конституции. В данном контексте Конституционный Суд РФ, являющийся элементом механизма сдержек и противовесов, не дает законодательной власти выходить за рамки конституционного поля. Как указал В.Д. Зорькин, «тем самым обеспечивается функционирование демократии в соответствии с принципом верховенства права. С помощью конституционных форм контроля легитимным путем предотвращается возможность злоупотребления институтами демократии, когда в форму закона фактически облачается произвол»²⁵.

При этом с правовой точки зрения идея верховенства Конституции есть результат победы идеологов естественно-правовой концепции права, провозгласившей прирожденные и неотчуждаемые права человека высшей ценностью для государства. Например, В.В. Ершов, признавая принципы права первичным элементом правового регулирования, отмечает, что к таким же выводам российские ученые пришли еще в XVIII в. Так, Я.П. Козельский в «Философических предложениях», адресованных князю А.А. Вяземскому, председателю Уложенной комиссии, созданной Екатериной II в 1767 г., одной из задач которой было совершенствование российских правовых актов, посчитал необходимым «сформулировать принципы права как нечто неизменное... и всеобщее, с тем, чтобы издаваемые в государстве “употребительные законы” всегда им соответствовали»²⁶.

Признание на идеологическом уровне приоритета естественных прав и свобод человека по отношению к позитивным законам потребовало на доктринальном уровне разработки уподобимой формы их фиксации, которой и выступила Конституция, закрепляющая свод принципов, определяющих основные направления и границы законотворческой деятельности. Иными словами, Конституция выступила формой объективизации естественных прав человека, являясь связующим звеном между естественным и позитивным правом.

Так, В.Д. Зорькин совершенно справедливо пишет, что Конституция, образуя фундамент всей правовой системы, призвана создавать такой порядок, при котором не расходились бы закон и право. В этом смысле понятия «верховенство Конституции» и «верховенство права» (включая приоритет прав человека и верховенство правового закона) «можно рассматривать как тождественные»²⁷.

Таким образом, на первом этапе конституционализации осуществляется переход естественных прав человека из мира идей в текстовую реальность. Происходит их интеграция в иерархию источников права. Трансформация в первичные правовые регуляторы правоотношений²⁸.

Понимание Конституции в качестве системной совокупности предписаний, имеющих высшую юридическую силу, в том числе ограничивающих волю парламентского большинства, подвело черту под идеей первенства (верховенства) парламента и открыло дорогу конституционному правосудию²⁹, а нам позволяет перейти к исследованию второго этапа конституционализации.

Как было отмечено ранее, на втором этапе конституционализации естественные права граждан, гарантируемые Конституцией, развертываются в отраслевом законодательстве. В связи с чем сразу оговоримся, что такой процесс вполне может осуществляться и органами законодательной или исполнительной власти в ходе нормотворческой деятельности, когда во исполнение положений Конституции принимаются законы и иные подзаконные нормативные правовые акты.

Однако, как пишет Л.В. Головкин, законодателю далеко не всегда удается правильно уяснить смысл тех или иных положений Конституции, в связи с чем и возникает необходимость деятельности конституционных судов³⁰. Вынуждены заметить, что уяснить смысл тех или иных положений Конституции не всегда удается не только законодателю, но и другим адресатам права.

Между тем такие причины нельзя признать основными и вызвавшими к жизни конституционную юстицию. Иначе в таком случае можно было бы пойти по пути создания при законодательном органе власти какого-либо органа, условно назовем его Конституционное совещание, который проверял бы принимаемые законы на предмет конституционности до вступления их в силу, а не после, как это делает Конституционный Суд РФ. Можно было бы решить эту проблему и за счет расширения штата аппарата Государственной Думы и его депутатов, состоящего из юристов, обладающих признанной высокой квалификацией в области права, и т.д. Все эти меры, которые и так во многом реализованы, повышают качество принимаемых законов, что выражается в том числе в их согласованности с положениями

²⁵ Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. С. 19.

²⁶ Ершов В.В. Диалектика источников и форм права // Журнал конституционного правосудия. 2021. № 6 (84). С. 21.

²⁷ Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. С. 44.

²⁸ См.: Ершов В.В. Указ. соч. С. 21.

²⁹ См.: Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. С. 21.

³⁰ См.: Головкин Л.В. Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгами и реальностью. С. 85.

Конституции РФ, но не влияют на необходимость существования конституционной юстиции.

По нашему мнению, необходимость деятельности Конституционного Суда обусловлена не вопросами качества принимаемых законов, а изменчивостью смысла, который заложен в закон. В процессе интерпретационной деятельности правоприменительных органов, осуществляемой в определенном контексте, который, кстати, также меняется со временем, смысл текста закона, изначально соответствующего Конституции, может в итоге с ней разойтись, и такой закон перестанет быть конституционным.

В этой связи отметим, что закон отражает исторические реалии, которые всегда находятся под влиянием социальных изменений и в процессе развития. Норма права, созданная для регулирования конкретных общественных отношений, подвержена изменениям для сохранения эффективности эволюционной динамики и должна адаптироваться к ним. Эти изменения приводят к появлению все новых смыслов и значений, которые возможны при интерпретации правовой нормы, приспособившая ее к новым ценностям. Как верно отмечает Х.И. Гаджиев, такой процесс способствует поддержанию равновесия между новым смыслом правовой нормы, возникшим в результате интерпретации, и общественным сознанием, быстро реагирующим на изменения в социальной жизни. Деятельность судьи-интерпретатора раскрывает всю мощь герменевтической деятельности судьи, ее эволюционный характер³¹. Так, В.Д. Зорькин пишет, что конституционные суды все более становятся интерпретаторами законодательства во взаимосвязи с практикой его применения. Своими решениями они все чаще блокируют не оспариваемую норму как таковую, а ее выявленный неконституционный смысл, приданный правоприменителями³².

Конечно, можно заметить, что проблема в данном случае в качестве законодательного материала. Иными словами, нужно принимать законы, не допускающие их вольной интерпретации, и проблема будет решена. Однако может быть и другая ситуация, когда с развитием общества меняется контекст применения законов, которые ввиду их жесткости и детальной регламентации не позволяют их интерпретировать для разрешения конфликтных ситуаций в новых условиях жизни общества. В таком случае закон перестает быть конституционным не по причине изменения его

смысла правоприменителем, а ввиду отставания в развитии от положений Конституции, которая также не является статичной. Конституционный Суд РФ интерпретирует текст Конституции РФ применительно к потребностям развития страны, т.е. осуществляет творческое толкование Конституции РФ с позиций принятой в общемировой практике доктрины «живой Конституции». Как отметил В.Д. Зорькин, это дает возможность, не искажая правовой смысл принципов и норм Конституции РФ, выявлять их актуальное значение, раскрывать и постоянно развивать правовой потенциал Основного Закона в контексте современной стремительно меняющейся жизни страны³³.

Акцентируем внимание на том, что контекст, т.е. реальная жизнь в определенный период развития общества, определяет смысл законов, а значит, и практику их применения — это реальность сегодняшнего дня, признаем мы ее или нет. В связи с чем действующее право стало мыслиться как творимое судебной властью в ходе разрешения конкретных конфликтов, возникающих в обществе. При этом такие конфликты могут возникать как между людьми и иметь, например, уголовно-правовой характер, так и между отдельными социальными институтами, государственными органами и т.д. Как пишет Л.В. Головкин, с развитием права на вторичном уровне возникают не столько социальные, сколько нормативные конфликты, когда конфликтуют между собой сами правовые инструменты в борьбе за применение, что, как верно отмечает ученый, является лишь внешним выражением противоборства тех, в чьих руках они находятся³⁴. Именно для разрешения таких конфликтов и необходим Конституционный Суд.

Причем, как оказалось, для разрешения указанных нормативных конфликтов требуется особая методология. Как указывает Л.В. Головкин, существует два основных метода разрешения конфликтов: естественно-правовой и позитивистский³⁵. Как утверждает ученый, позитивистский метод основан на применении действующих правовых норм, а естественно-правовой метод использует фундаментальные принципы права. На первый взгляд вполне простая и понятная мысль. Однако если мы говорим о конкуренции между методами, то необходимо признать, что субъект, разрешающий спор, должен иметь право выбора между этими методами. При этом вполне очевидно, что

³³ См.: Зорькин В.Д. Под знаком Основного Закона. Конституционный Суд на рубеже четвертого десятилетия // Росс. газ. 2021. 27 окт.

³⁴ См.: Головкин Л.В. Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте. С. 94.

³⁵ См.: там же. С. 96.

³¹ См.: Гаджиев Х.И. Роль судебной интерпретации в эволюции правоотношений // Росс. юстиция. 2022. № 1. С. 66.

³² См.: Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. С. 21.

выбор между указанными методами отсутствует. Если нормы позитивного права вступают в противоречие с фундаментальными принципами, то судья обязан принять решение исходя из этих принципов. Так, ст. 18 Конституции РФ гласит: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов». Как видно, идеи, заложенные естественно-правовой теорией права, нашли отражение в праве позитивном. Юридическая догматика «поглотила» естественное право, поставив его на первое место в иерархии источников права³⁶. По этой причине мы отказались от выглядевшей поначалу весьма перспективной идеи представить деятельность конституционной юстиции как формы разрешения конфликтов между естественным (Конституция) и позитивным (федеральные законы) правом.

Между тем, несмотря на сказанное, в целом мы соглашаемся с установкой Л. В. Головки, согласно которой естественно-правовой и позитивистский методы разрешения конфликтов различны в своей основе. Методологические особенности конституционной интерпретации детерминированы в первую очередь ценностной составляющей, выраженной в Конституции сильнее, чем в каких-либо иных правовых документах. Ценностная наполненность этого, являющегося матрицей правопорядка, текста, связывает правовое регулирование с иными системами социальной регуляции (мораль и этика, религия)³⁷.

Суть методологии судебной деятельности специализированного органа конституционного правосудия в отличие от других судов — в активной и творческой интерпретации положений Конституции³⁸. В свою очередь, конституционная интерпретация представляет процесс познания, опирающийся в большей степени на общие и специальные методы юридической герменевтики³⁹. При этом обратим внимание на тот факт, что в процессе разрешения конфликтов Конституционный Суд РФ в ходе интерпретационной деятельности устанавливает не смысл нормы, заложенный законодателем, а конституционный смысл нормы.

³⁶ См.: Алексеев И. М. Единообразное применение законов в контексте постклассического правоведения. С. 1600.

³⁷ См.: Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) / подгот. Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021). СПб., 2021. С. 139.

³⁸ См.: Зорькин В. Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. С. 55.

³⁹ См.: Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации). С. 135.

Конечно, здесь можно задуматься: не является ли обозначенное утверждение примером использования Конституционным Судом естественно-правового метода разрешения конфликтов? Ведь именно юснатурализм впервые обозначил проблему ценностной легитимации права, верно установив неразрывную связь между правом и моралью, религией, справедливостью и т. д.

В определенной степени так и есть. Ценностная компонента в методологии конституционного нормоконтроля явно превалирует. Однако она не исключает вполне стандартных подходов, выработанных юридической догматикой для разрешения конфликтов. В деятельности Конституционного Суда концепции естественного и позитивного права не исключают, а дополняют друг друга в виде концепции правового закона⁴⁰.

Например, ведущий (специальный) метод конституционного нормоконтроля — аксиотелеологический метод, который предполагает анализ оспариваемых норм сквозь призму конституционных ценностей, в ходе которого вначале выявляется их нормативное содержание, а затем устанавливается баланс самих ценностей, приводя их в состояние взаимного непротиворечия⁴¹.

Таким образом, конечной задачей конституционализации является установление баланса конституционных ценностей посредством приведения отечественной правовой системы в состояние взаимного непротиворечия.

Решая эту задачу, «Конституция начинает раскрываться вовне, “развертываться” посредством конкретизации в законодательстве и правоприменении, во всей сети правоотношений. Осознавая себя в новой реальности и приходя к пониманию как цели и результату коммуникативного способа социального действия»⁴².

Следует отметить, что решать эту задачу ординарный судья не вправе. Как пишет В. Д. Зорькин, в континентальной правовой системе главенствует подход, согласно которому обычный «суд есть уста, произносящие слова закона». А типичный судья — специалист по применению действующего законодательства. Причем обычный суд (и обычный судья) должны максимально строго применять именно действующее законодательство как оно есть. Это не ставит под сомнение их высокую компетентность и юридическую элитарность,

⁴⁰ См. подр.: Зорькин В. Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. С. 43.

⁴¹ См.: Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации). С. 138.

⁴² Зорькин В. Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. С. 52, 53.

просто такова их функция⁴³. Суд общей юрисдикции в случае сомнения в правовом характере закона должен, используя предоставленное ему право, обратиться с запросом в Конституционный Суд РФ, а не применять нормы Конституции РФ напрямую или интерпретировать положения закона, исходя из конституционных норм или иных общепризнанных прав и свобод⁴⁴.

Кроме того, невозможность применять отдельные нормы, исходя из «духа закона», обусловлена для ординарного судьи сложностью разрешения нормативных конфликтов. Традиционные юридико-догматические способы здесь не работают. Так, традиционная для ординарного судьи модель разрешения конфликтов осуществляется с помощью правоприменения, когда тот устанавливает фактические обстоятельства дела и соотносит их с нормой права. Если попробовать мысленно переложить такую модель классического правоприменения к деятельности конституционной юстиции, то мы получим следующее: суд устанавливает фактические обстоятельства и выбирает норму высшей юридической силы, т.е. статью Конституции. Представим ситуацию, что гражданин обращается с жалобой на нарушение его естественного права, гарантированного ст. 27 Конституции РФ, на свободу передвижения; тогда суд должен установить, было такое ограничение или нет, установив же его — признать акт, его установивший, юридически ничтожным.

Абсурдность такого подхода очевидна. Именно поэтому В.Д. Зорькин указывает, что деятельность конституционных судов по осуществлению контроля конституционности не может быть сведена к формально-юридическому (в духе юридического позитивизма) применению конституционных принципов и норм⁴⁵.

Например, в период пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) активно обсуждался вопрос о том, что вводимые властями ограничения необоснованны и нарушают естественные права граждан, гарантируемые Конституцией РФ. Многие настаивали в том числе на том, что режим самоизоляции нарушает их право на свободу передвижения. Например, Протвинский городской суд Московской области при рассмотрении жалобы на административный штраф за нарушение вводимых властями ограничений передвижения граждан в период пандемии не стал разрешать

конфликт, а обратился с запросом в Конституционный Суд РФ, который в Постановлении от 25 декабря 2020 г. № 49-П отметил, что введение тех или иных ограничений прав граждан, обусловленных распространением опасных — как для жизни и здоровья граждан, так и по своим социально-экономическим последствиям — эпидемических заболеваний, требует обеспечения конституционно приемлемого баланса между защитой жизни и здоровья граждан и правами и свободами конкретного гражданина в целях поддержания приемлемых условий жизнедеятельности общества, в том числе вызванных уникальным (экстраординарным) характером ситуации распространения нового опасного заболевания⁴⁶. Анализ указанного Постановления позволяет сделать вывод, что в его основе лежит установление баланса между жизнью и здоровьем человека как высшим благом (ст. 2, 7, 41 Конституции РФ) и правом человека на свободу передвижения (ч. 1 ст. 27 Конституции РФ). В конституционном судопроизводстве фактические обстоятельства дела есть контекст, определяющий смысл оспариваемых законоположений. Так, А.Н. Кокотов указывает, что действующее законодательство предоставляет Конституционному Суду РФ право вводить в предмет рассмотрения факты из судебной практики других судов, иные затрагивающие конституционные права граждан факты как значимый контекст для анализа проверяемого регулирования. По его мнению, фактические обстоятельства рассматриваемого Конституционным Судом РФ дела имеют значение конституционно-судебных доказательств⁴⁷.

Таким образом, Конституционный Суд РФ на основе исследования фактических обстоятельств, выступающих в качестве конституционно-судебных доказательств, осуществляет конституционализацию отечественного законодательства посредством установления баланса конституционных ценностей, приводя правовую систему в состояние непротиворечия между нравственными устоями российского общества и законами, издаваемыми государством, где Конституция РФ, закрепляющая систему ценностей, которые не могут быть изменены без утраты

⁴³ См.: Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. С. 52.

⁴⁴ См. подр.: Головкин Л.В. Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгами и реальностью. С. 83–94.

⁴⁵ Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. С. 35.

⁴⁶ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области “О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области” в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁷ См.: Кокотов А.Н. Конституционный Суд России как суд по правам человека // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 2 (86). С. 4, 5.

национальной идентичности, раскрывается во-вне посредством конкретизации в законодательстве и правоприменении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев И. М.* Единообразное применение законов в контексте постклассического правоведения // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2021. № 14 (11). С. 1597, 1600.
2. *Алексеев И. М.* Методологические основы единообразного применения законов в сфере уголовного судопроизводства. Теория и практика расследования преступлений: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (15 апр. 2021 г.). Краснодар, 2021. С. 358–363.
3. *Алексеев И. М.* Перспективы дифференциации уголовно-процессуальной формы // Уголовное судопроизводство России: современное состояние и перспективы развития: сб. по материалам Всеросс. науч.-практ. конф. Краснодар, 2019. С. 5–8.
4. *Апель К.-О.* Трансформация философии. М., 2001.
5. *Байтеева М. В.* Язык и право. Казань, 2013. С. 58.
6. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного / пер. с нем.; послесл. В. С. Малахова; коммент. В. С. Малахова, В. В. Бибикина. М., 1991. С. 19 (История эстетики в памятниках и документах).
7. *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод. Основы филос. герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. [с. 5–36] Б. Н. Бессонова. М., 1988. С. 328, 329.
8. *Гаджиев Х. И.* Роль судебной интерпретации в эволюции правоотношений // Росс. юстиция. 2022. № 1. С. 66.
9. *Гапонов А. С.* Природа социального познания: эвристический потенциал феноменолого-герменевтической программы: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2016. С. 24, 47, 92, 93.
10. *Головко Л. В.* Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгами и реальностью // Государство и право. 2013. № 12. С. 83–94.
11. *Головко Л. В.* Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. ст. М., 2016. С. 92–126.
12. *Гредескул Н. А.* К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права. Харьков, 1900. С. 144–159.
13. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004.
14. *Ершов В. В.* Диалектика источников и форм права // Журнал конституционного правосудия. 2021. № 6 (84). С. 21.
15. *Зорькин В. Д.* Десять лекций о праве. М., 2021. С. 52, 76, 77, 89.
16. *Зорькин В. Д.* Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб., 2021. С. 19, 21, 35, 43, 44, 52, 53, 55.
17. *Зорькин В. Д.* Под знаком Основного Закона. Конституционный Суд на рубеже четвертого десятилетия // Росс. газ. 2021. 27 окт.
18. *Кокотов А. Н.* Конституционный Суд России как суд по правам человека // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 2 (86). С. 4, 5.
19. *Кравец И. А.* Понятие и способы конституционализации правового порядка // Росс. юрид. журнал. 2003. № 4 (40). С. 17, 18.
20. Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) / подгот. Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021). СПб., 2021. С. 135, 138, 139.
21. *Поляков А. В.* Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук. в виде науч. доклада. СПб., 2002. С. 17.
22. Постклассическая онтология права / под ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016. С. 591.
23. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
24. *Шюц А.* Избранное. Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 16.

REFERENCES

1. *Alekseev I. M.* Uniform application of laws in the context of postclassical jurisprudence // Journal of SibFU. Humanities. 2021. No. 14 (11). Pp. 1597, 1600 (in Russ.).
2. *Alekseev I. M.* Methodological foundations of uniform application of laws in the field of criminal proceedings. Theory and practice of crime investigation: materials of the IX International Scientific and Practical Conference (Apr 15, 2021). Krasnodar, 2021. Pp. 358–363 (in Russ.).
3. *Alekseev I. M.* Prospects of differentiation of the criminal procedural form // Criminal proceedings of Russia: the current state and prospects of development: collection based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2019. Pp. 5–8 (in Russ.).
4. *Apel K.-O.* Transformation of philosophy. M., 2001 (in Russ.).
5. *Bayteeva M. V.* Language and law. Kazan, 2013. P. 58 (in Russ.).
6. *Gadamer G.-G.* Relevance of the beautiful / translated from German; afterword by V.S. Malakhov; comment by V.S. Malakhov, V.V. Bibikhin. M., 1991. P. 19 (History of aesthetics in monuments and documents) (in Russ.).
7. *Gadamer G.-G.* Truth and method. The basics of philos. Hermeneutics / transl. from German; general ed. and introductory articles [pp. 5–36] B.N. Bessonov. M., 1988. Pp. 328, 329 (in Russ.).
8. *Gadzhiev Kh. I.* The role of judicial interpretation in the evolution of legal relations // Russ. Justice. 2022. No. 1. P. 66 (in Russ.).
9. *Gaponov A. S.* The nature of social cognition: the heuristic potential of the phenomenological and hermeneutic pro-

- gram: dis. ... Candidate of Philos. sciences'. Tomsk, 2016. Pp. 24, 47, 92, 93 (in Russ.).
10. *Golovko L.V.* Constitutionalization of the Russian criminal process: between slogans and reality // *State and Law*. 2013. No. 12. Pp. 83–94 (in Russ.).
 11. *Golovko L.V.* Post-Soviet theory of law: difficulties of positioning in the historical and comparative legal context // *Problems of post-Soviet theory and Philosophy of Law: collection of articles*. M., 2016. Pp. 92–126 (in Russ.).
 12. *Gredeskul N.A.* To the doctrine of the exercise of law. The intellectual process required for the exercise of the right. Kharkov, 1900. Pp. 144–159 (in Russ.).
 13. *Husserl E.* The crisis of European Sciences and transcendental phenomenology. SPb., 2004 (in Russ.).
 14. *Ershov V.V.* Dialectics of sources and forms of law // *Journal of Constitutional Justice*. 2021. No. 6 (84). P. 21 (in Russ.).
 15. *Zorkin V.D.* Ten lectures on law. M., 2021. Pp. 52, 76, 77, 89 (in Russ.).
 16. *Zorkin V.D.* Constitutional justice: procedure and meaning. SPb., 2021. Pp. 19, 21, 35, 43, 44, 52, 53, 55 (in Russ.).
 17. *Zorkin V.D.* Under the sign of the Basic Law, the Constitutional Court at the turn of the fourth decade // *Ross. gas*. 2021. October 27 (in Russ.).
 18. *Kokotov A.N.* The Constitutional Court of Russia as a court of human rights // *Journal of Constitutional Justice*. 2022. No. 2 (86). Pp. 4, 5 (in Russ.).
 19. *Kravets I.A.* The concept and methods of constitutionalization of the legal order // *Russ. legal journal*. 2003. No. 4 (40). Pp. 17, 18 (in Russ.).
 20. Methodological aspects of constitutional control (to the 30th anniversary of the Constitutional Court of the Russian Federation) / prepared the Secretariat of the Constitutional Court of the Russian Federation (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation 19.10.2021). SPb., 2021. Pp. 135, 138, 139 (in Russ.).
 21. *Polyakov A.V.* The communicative concept of law (genesis and theoretical and legal justification): dis. ... Doctor of Law in the form of a scientific report. SPb., 2002. P. 17 (in Russ.).
 22. Postclassical ontology of law / ed. by I.L. Chestnov. SPb., 2016. P. 591 (in Russ.).
 23. *Habermas Yu.* Moral consciousness and communicative action. SPb., 2000 (in Russ.).
 24. *Shchyuts A.* Favorites. A world glowing with meaning. M., 2004. P. 16 (in Russ.).

Сведения об авторе

АЛЕКСЕЕВ Игорь Михайлович —
кандидат юридических наук, доцент,
советник Управления конституционных
основ уголовной юстиции
Секретариата Конституционного Суда
Российской Федерации;
190000 г. Санкт-Петербург,
Сенатская площадь, д. 1;
доцент кафедры уголовно-процессуального
права Северо-Западного филиала
Российского государственного университета
правосудия; 197046 г. Санкт-Петербург,
Александровский парк, д. 5

Authors' information

ALEKSEEV Igor M. —
PhD in Law, Associate Professor,
Advisor of the Department of Constitutional
Foundations of Criminal Justice
of the Secretariat of the Constitutional Court
of the Russian Federation;
1 Senate Square, 190000 St. Petersburg, Russia;
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure Law,
North-Western Branch of the Russian
State University of Justice; 5 Aleksandrovsky Park,
197046 St. Petersburg, Russia

УДК 340.1

СУБЪЕКТ ПРАВА КАК ФОРМАЛЬНО-ДОГМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

© 2024 г. В. И. Павлов

*Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь, г. Минск*

E-mail: vadim_pavlov@tut.by

Поступила в редакцию 04.01.2023 г.

Аннотация. Статья посвящена исследованию субъекта права как формально-догматической модели человека в правовой действительности. Прослеживается процесс доктринального формирования субъектно-правовой модели, выделяются четыре методологических перехода в юридическом представлении о субъекте права. Обосновывается важность антрополого-правового подхода к пониманию человека и его поведения в правовой действительности. Антрополого-правовой подход основан на идее о том, что право по своей сути является человекомерным явлением, главной целью и ценностью которого является сам человек, а не его субъектно-правовая модель. В этой связи предлагается признать служебный характер юридико-концептуального конструирования применительно к учению о человеке в праве. Несмотря на то что формально-догматический метод лежит в основе правового регулирования общественных отношений и создаваемые с его помощью юридические средства являются гарантией для человека как главной правовой ценности, тем не менее именно человек, а не его юридическая конструкция является центральным элементом правовой реальности и правовой системы. Для познания антрополого-правовых свойств человека и использования их в правовом регулировании предлагается дополнительный по отношению к формально-догматическому уровень юридического представления о правовой персональности.

Ключевые слова: субъект права, человек в праве, правовая личность, антропология права, человекомерность права, правосубъектность, правовой статус, цифровизация правовой личности.

Цитирование: Павлов В.И. Субъект права как формально-догматическая модель человека в правовой действительности: антрополого-правовой анализ // Государство и право. 2024. № 2. С. 54–63.

DOI: 10.31857/S1026945224020056

THE SUBJECT OF LAW AS A FORMALLY-DOGMATIC MODEL OF HUMAN IN LEGAL REALITY: ANTHROPOLOGICAL AND LEGAL ANALYSIS

© 2024 V. I. Pavlov

National Center for Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus, Minsk

E-mail: vadim_pavlov@tut.by

Received 04.01.2023

Abstract. The article is devoted to the study of the subject of law as a formal-dogmatic model of a person in legal reality. The process of the doctrinal formation of the subject-legal model is traced, four methodological transitions in the legal view of the subject of law are distinguished. The importance of an anthropological and legal approach to understanding a person and his behavior in modern legal reality is substantiated. The anthropological and legal approach is based on the idea, that law is inherently human phenomenon, the main goal and value of which is the person himself, and not his subject-legal model. In this regard, it is proposed to recognize the official nature of legal-conceptual design in relation to the teachings of a person in law. Despite the fact that the formal-defense method underlies the legal regulation of social relations and the legal means created with its help are a guarantee for a person as the main legal value, nevertheless, it is a person, and not his legal structure, is a central element of legal reality and legal system. To know the anthropological and legal properties of a person and their use in legal regulation, an additional level of legal representation of legal personality in relation to the formal-defendant is proposed.

Key words: subject of law, human in law, person in law, anthropology of law, human dimensions of law, legal personality, legal status, digitalization of legal personality.

For citation: Pavlov, V.I. (2024). The subject of law as a formally-dogmatic model of human in legal reality: anthropological and legal analysis // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 2, pp. 54–63.

Введение

Значительная часть проблем, возникающих в правовой действительности и активно обсуждающихся в правовой теории в последние годы, связана с человеком и его пониманием в мире права. К ним относятся как традиционные проблемы обеспечения прав и свобод личности, так и новые проблемы, связанные с правовым поведением человека в виртуальной реальности, вопросами цифровизации правовой личности и увеличивающемся использовании в правовом регулировании информационно-коммуникационных технологий, проблемами адаптации в различных национальных правовых традициях новой группы личностных прав и свобод, связанных с изменением представлений о человеческой природе (соматические права). Несмотря на разнообразную постановку данных проблем и различие в предложениях по их решению, все они связаны с теоретико-методологическим представлением о человеке в юридическом дискурсе, с обсуждением возможных форм и способов проявления человека в правовой действительности и в целом с человеческим измерением права.

Сама постановка вопроса о человеческом измерении права, о его человекомерности в юриспруденции преимущественно связана с развитием такого направления правовых исследований, как антропология права¹. Последняя формируется в рамках двух взаимосвязанных, но самостоятельных исследовательских линий: юридико-этнографической, основанной на познании влияния этнических, национальных и культурных особенностей правовых традиций различных эпох на право и его проявление в обществе; и теоретико-методологической, выступающей в качестве самостоятельного направления развития фундаментальной юриспруденции, выполняющего в том числе и методологические задачи и направленного на познание не столько юридико-этнографического материала, сколько права в целом с антрополого-правовых позиций. Исследования, выполняющиеся в рамках данного направления, основываются на определенном концептуальном единстве, обеспечивающемся выделенной предметной областью

и методологией антрополого-правового познания, базовыми гносеологическими принципами, соответствующим типом правопонимания, онтологическими характеристиками права и формируемым в рамках антропологии права понятийно-категориальным аппаратом. Представленный автором анализ субъектно-правовой модели человека осуществляется в рамках данного направления.

* * *

Основной формой выражения человека в правовой действительности является категория субъекта права. В методологическом отношении она представляет собой теоретическую модель человеческого присутствия в праве. Под моделью в данном случае понимается мысленный образ структурного отражения правовой действительности, какого-либо ее элемента. В правопознании модель, как отмечает А.Ф. Черданцев, выступает заместителем объекта, посредником между теорией и действительностью, обладая собственным специфическим теоретическим содержанием². Поэтому с методологической точки зрения «субъект права» — это специально сконструированное для правового познания и выраженное понятийно-категориальными средствами юридическое представление человека в рамках определенного подхода к праву. В юриспруденции не только субъект права, но и каждый относительно сложный элемент правовой действительности представляет выраженную в понятиях и категориях правовую модель, структурированную в рамках определенного подхода и выступающую основой для ее юридической позитивации в законодательстве и юридической практике.

В процессе своего формирования субъектно-правовая модель прошла длительный этап эволюции, первоначально возникнув на основе римского культурно-исторического и религиозного представлений о человеке и системе регулирования его поведения в гражданской общине путем формализации лица³. С формализацией связано и само

¹ См.: Norbert R. *Anthropologie juridique*. 1re ed. Paris, 1988; Пучков О.А. *Антропологическое постижение права*. Екатеринбург, 1999; Ковлер А.И. *Антропология права: учеб. для вузов*. М., 2002; Социальная антропология права современного общества / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2006; Социокультурная антропология права / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб., 2015.

² См.: Черданцев А.Ф. *Логико-языковые феномены в юриспруденции*. М., 2015. С. 220.

³ См.: Franciosi G. *Famiglia e persone in Roma antica: dall'eta arcaica al principato*. 3 ed. Torino, 1995; Кофанов Л.Л. *Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права*. М., 2001; Дождев Д.В. *Римское частное право: учеб. / под общ. ред. В.С. Нерсесянца*. 3-е изд., испр. и доп. М., 2011. С. 290, 291.

появление латинского термина персона (лат. *persona*), восходящего к древнеримскому религиозному культу *ius imaginum* — «праву масок», связанному с погребальным обрядом⁴. Именно в рамках права масок и была заложена основа формирования *ius personarum* — римской юридической концепции лица как субъекта права, которая постепенно отделилась от религиозного института *ius imaginum* и стала использоваться как в частноправовой, так и в публично-правовой сферах.

В средневековой западноевропейской юриспруденции римская концепция правовой персоны была усилена за счет применения схоластики и формальной логики, что было связано с процессом рецепции римского права на Западе и формированием континентальной юридической догматики. Именно ввиду этого учение о субъекте права формировалось в первую очередь в рамках цивилистической доктрины, равно как и в целом представление о человеке в правовой действительности как о субъекте права во всех отраслях права формируется на основе римско-юридической, т. е. гражданско-правовой точки зрения.

В эпоху Нового времени под влиянием рационалистической методологии к концепции персоны было применено новое познавательное средство — модель рационального субъекта, связанная с обновленным пониманием естественного права. При разработке новоевропейской модели субъекта права гуманисты ориентировались не на волевое право, не на систему действующего права того или иного государства и даже не на реципированное римское право, это *ratio scripta* западноевропейской средневековой юриспруденции. Как отмечал Е. В. Спекторский, они «искали источник естественного права в чистом роднике чистого разума»⁵, отождествляя функционирование такого «разумного права» не с социальными и нравственными законами, а с законами физики и математики. Субъект права утверждался в качестве абстрактной рациональной субстанции, в которой разум является ядром ее правовой сущности наподобие разумности законов природы. При этом рациональность субъекта, выражающаяся в свободном мышлении как разумном самоопределении человеческой природы, предполагала этическое совершенство⁶.

Человек в новоевропейской субъектно-правовой модели, таким образом, был концептуализирован в форме рационального субъекта, которому соответствовали и другие элементы права, также утверждавшиеся в качестве рационально-механистичных образований. Подобное представление субъекта, выразившееся в конституционно-правовой формуле о человеке и личности как высших гуманистических ориентирах в праве, стало своего рода антрополого-правовым стандартом для западных и близких к ним в правовом отношении государств. В конце XX в. данный стандарт был воспринят и конституциями всех бывших советских республик. В рамках такого подхода понятия «субъект права», «человек» и «личность», что особенно характерно для конституционного и международного права, используются в качестве синонимичных.

Самостоятельная методологическая линия учения о человеке в праве формировалась в византийской правовой

традиции, связанной с использованием в юриспруденции положений восточнохристианской антропологии. Новые антропологические понятия «ипостась» (греч. *ὑπόστασις*) и «личность» (греч. *πρόσωπον*), сформулированные в IV–V вв. и неизвестные римской дохристианской юриспруденции, принципиально отличались от древнего понятия правовой персоны. Если последнее выражало субъектную обусловленность человека в правовой жизни как его формализацию, выделение из реальной действительности путем вменения определенных юридических качеств, то понятия ипостаси и личности подчеркивали способ существования лица, проявление его юридической природы, прежде всего, в аспекте ценностно-правового измерения человеческого поведения и его отражения в законе. Такой способ юридического представления человека в праве хотя и основывался в юридико-техническом отношении на римской модели правовой персоны, однако содержательно отличался от нее прежде всего личностным характером выражения правовой субъектности. Юридическая позитивация данной модели правовой субъектности осуществлялась византийскими правоведами различными путями, в основном посредством христианизации римской субъектно-правовой модели за счет ее нравственного наполнения. Широко применялась практика включения в гипотезы правовых норм нравственно-христианских мотивировок, как следует из содержания многих норм Эклоги (741 г.)⁷; на основе нравственно-христианских и некоторых богословских положений разрабатывались правовые институты и принципы, например институт *прония* (греч. *πρόνοια* — попечение)⁸, принцип *икономии* (греч. *οἰκονομία* — домоуправительство)⁹; в правотворчестве делался акцент на нравственной телеологичности закона, что постоянно подчеркивалось в преамбулах византийских правовых актов, служащих в том числе и правореализационным ориентиром для судей¹⁰. Компенсация формализма римской модели правовой персоны достигалась и путем правотворческого объединения правовых и нравственных норм в одном источнике права, например, в таком синтетическом акте смешанной (гражданско-церковной) юрисдикции, как византийский номоканон¹¹. Формирование византийской концепции правовой личности было прервано в середине XV в. вместе с прекращением существования самой византийской цивилизации, вследствие чего данная модель человека в праве не прошла этап адаптации в условиях светских общества, права и государства. Ведущие позиции в юридическом дискурсе заняла новоевропейская модель субъекта права.

В последние два десятилетия в юридической науке и практике наметились новые тенденции в формировании субъектно-правовых представлений. Они связаны

⁷ См.: *Ecloga*. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V. Herausgegeben von Ludwig Burgmann. Frankfurt-am-Main, 1983; Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер., комм. Е. Э. Липшиц. М., 1965; «Леонъ и Константин вѣрнаа царя»: древнерусский текст Эклоги законов // *Шапов Я. Н.* Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. СПб., 2011. С. 13–58.

⁸ См.: *Хвостова К. В.* Прония: социально-экономические и правовые проблемы // *Византийский временник*. 1988. Т. 49. С. 13.

⁹ См.: *Троянос С. Н.* Понятие «икономия» в византийском праве (с учетом современной греческой канонистики) // *Богословские труды*. 2012. Вып. 43–44. С. 485–501.

¹⁰ См.: *Липшиц Е. Э.* Право и суд в Византии в IV–VIII вв. М., 1976. С. 59, 60 и далее.

¹¹ См.: *Нарбеков В.* Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. Казань, 1899. Ч. 2; *Павлов А. С.* Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869.

⁴ См.: *Кофанов Л. Л.* Persona и persona publica в республиканском Риме // *Древнее право*. 2010. № 1 (25). С. 40.

⁵ *Спекторский Е. В.* Проблема социальной физики в XVII столетии: в 2 т. СПб., 2006. Т. 2. С. 53.

⁶ См.: *Локк Дж.* Два трактата о правлении // *Локк Дж.* Соч.: в 3 т. М., 1988. С. 263–265; *Монтескье Ш. Л.* О духе законов. М., 1999. С. 16.

с использованием в правовом познании современных философских концепций и становлением постклассической методологии юридической науки¹², а также с практикой применения информационно-коммуникационных технологий в правовом регулировании, в частности с возникновением виртуальной правовой реальности, проблемами цифровизации правовой личности и т.д.¹³

Таким образом, целесообразно выделить несколько методологических переходов, на которых происходили принципиальные изменения в учении о человеке в праве: 1) формирование юридической концепции персоны, формально-юридического понимания человека в праве как субъекта права под влиянием римской религиозной модели лица (эпоха римской юриспруденции классического периода); 2) формирование на основе римской юридической концепции персоны христианской гуманистической трактовки лица как личности (эпоха позднего римского права и византийская юриспруденция); 3) формирование новоевропейской модели человека и личности в праве на основе естественно-правовой доктрины (эпоха Нового времени); 4) формирование новой модели человека в праве под влиянием постклассической юридической методологии и развития информационно-коммуникационных технологий (начало XXI в.).

* * *

В общетеоретическом правоведении сформировались две основные субъектно-правовые модели: позитивистская (формально-догматическая) и естественно-правовая (юснатуралистическая). Наряду с ними иногда выделяются и другие концептуальные формы правовой субъектности — модель цифрового субъекта права¹⁴, квазисубъекта права¹⁵ и др. В западноевропейской и постсоветской юриспруденции последних двух десятилетий в рамках новых подходов к правопониманию разрабатывались и соответствующие представления о человеке в праве, в том числе на основе постклассической методологии юридической науки. Прежде всего это коммуникативная¹⁶, диалогичная¹⁷,

герменевтическая¹⁸, постмодернистская¹⁹ и некоторые другие модели субъекта права. Отметим, что данные модели являются в большей степени не инструментальными, а концептуальными разработками учения о человеке в праве в рамках определенных подходов к правопониманию. Поэтому при переходе на уровень догмы права они, как правило, используют ресурсы традиционной субъектно-правовой модели. Наибольшего успеха в юридико-инструментальной адаптации достигла естественно-правовая трактовка субъекта права²⁰, которая на этом основании и относится к одной из двух основных современных субъектно-правовых моделей. Вместе с тем юснатуралистический подход к человеку в точном смысле слова представляет собой не теорию субъекта права, а концептуально-правовое учение о правах и свободах личности и человека, выраженное на уровне международного и конституционного права.

Таким образом, субъектно-правовая модель человека в праве, разработанная на основе развития континентальной юридической догматики, остается ведущим способом юридического выражения человека в правовой действительности. Уяснение содержания данной модели непосредственно связано с дальнейшим развитием антрополого-правовой проблематики в решении тех вопросов, которые были обозначены в начале статьи.

* * *

Формально-догматический характер понятия субъекта права отмечался еще в юриспруденции рубежа XIX–XX вв. И.А. Покровский указывал, что конструкция субъекта права «превращает самого человека в совершенно формальное явление “субъекта прав”, в некоторое совершенно общее “юридическое представление”»²¹. Г.Ф. Шершеневич подчеркивал, что «субъект права — не антропологическое, а чисто юридическое представление. Субъект права не то же самое, что человек — это только одно его свойство, созданное объективным правом»²². Г. Радбрух полагал, что «все лица, как физические, так и юридические, — создание правопорядка. Даже физические лица в строгом смысле являются “юридическими лицами”. О “фиктивной”, то есть искусственной, природе как физических, так и юридических лиц спор также невозможен»²³. Г. Кельзен также отмечал, что «физическое лицо... является не человеком, а персонифицированным единством норм права, которые уполномочивают и обязывают одного и того же человека. Это не природная реальность, но реальность юридическая, т.е. создаваемая правоведением конструкция, вспомогательное понятие для описания юридически значимых фактических составов»²⁴.

¹⁸ См.: Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов н/Д., 2002.

¹⁹ См.: Schlag P. The problem of the subject // Texas Law Review. 1991. Vol. 69. Pp. 1627–1743.

²⁰ См.: Лапаева В.В. Либертарно-юридическая догматика как фактор повышения качества и эффективности правового регулирования // Эффективность правового регулирования / под общ. ред. А.В. Полякова, В.В. Денисенко, М.А. Беляева. М., 2017. С. 40–69.

²¹ Покровский И.А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права (Prolegomena к предстоящему обсуждению проекта обязательственного права) // Вестник Гражданского права. 1913. № 4. С. 32, 33.

²² Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1910. С. 575.

²³ Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 147.

²⁴ Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. СПб., 2015. С. 219.

¹² См.: Горбань В.С. Зачем философия права сегодня? // Теория и практика общественного развития. 2018. № 12 (130). С. 99–103; Жуков В.И. Антропология в философии права: постановка проблемы // Государство и право. 2019. № 3. С. 61–73; Постклассическая онтология права / под общ. ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016; Веденев Ю.А. Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм. М., 2022.

¹³ См.: Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М., 2021; Черемисинова М.Е. Правовой статус субъектов в виртуальном пространстве. М., 2020; Степанов С.К. Деконструкция правосубъектности или место искусственного интеллекта в праве // Цифровое право. 2021. № 2 (2). С. 14–30.

¹⁴ См.: Гаджиев Г.А., Войничанис Е.А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал ВШЭ. 2018. № 4. С. 24–48; Пашенцев Д.А. Субъект правоприменения в цифровом обществе // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. С. 58–65.

¹⁵ См.: Пономарева Е.В. Феномен квазисубъекта права: вопросы теории. М., 2020. С. 7.

¹⁶ См.: Поляков А.В. Права человека и суверенитет государства // Постклассическая онтология права / под общ. ред. И.Л. Честнова. С. 305–310.

¹⁷ См.: Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 386–406.

Подобное представление сохраняется и в нынешней юриспруденции. Д. В. Пятков, основываясь на позициях дореволюционных юристов и разграничивая понятия человека и физического лица в гражданском праве, всех субъектов права рассматривает в качестве юридических образов, специфических представлений, подчеркивая их концептуально-конструктивистскую природу и вынося за скобки вопрос об их коррелятах в реальной действительности²⁵. Г. А. Гаджиев считает, что сама идея формально-юридического метода была связана с разработкой римлянами концепции правовой персоны: «юридический концепт появился, когда римские юристы создали понятие субъекта права — *persona*, который является юридическим символом, не реальным, биологическим человеком <...> физическое лицо — это не человек, а правовая маска человека»²⁶.

Обобщение вышеприведенных позиций, а также специально проведенный историко-доктринальный анализ²⁷ дает основание заключить, что субъект права как формально-догматическая модель человека в правовой действительности создается позитивным правом не в аспекте его политико-правового содержания, а ввиду его инструментальных свойств. Именно поэтому субъектно-правовую модель неверно отождествлять исключительно с юридическим позитивизмом: она выступает традиционным и универсальным способом представления человека в правовой действительности с позиции необходимости решения инструментальных задач правового регулирования.

* * *

В русскоязычном правоведении основы теории субъекта права были разработаны во второй половине XX в. усилиями советских ученых, в определенной степени использовавших разработки дореволюционных правоведов. Согласно позиции советских юристов, *под субъектами права* понимались люди и организации как «носители предусмотренных законами государства прав и обязанностей»²⁸. Однако в точном смысле субъект права отождествлялся не с людьми и организациями, а с их правосубъектностью, представляющей собой регламентированный законом круг конкретных прав и обязанностей²⁹. Субъект права характеризовался такими юридическими свойствами, как *правоспособность* и *дееспособность*, включая их отраслевые модификации — *сделкоспособность* и *деликтоспособность*, а также *правовой статус* и *правовое положение*. Данные категории разрабатывались на основе гражданско-правового учения о субъекте правоотношения, берущего начало в немецкой пандектике XIX в.

Как следует из характеристик субъектно-правовой модели, возникновение правосубъектности, равно как и самого субъекта права, обуславливается не самими способностями человека, а вменением этих состояний через нормы объективного права. Человек посредством модели субъекта права

приобретает нормативно-институциональную форму, перемещается из антропологического на институциональный уровень правовой реальности. В связи с этим верны слова Г. Кельзена о том, что «лицо является единством комплекса юридических обязанностей и субъективных прав. Поскольку эти юридические обязанности и субъективные права устанавливаются через нормы права, — точнее, они и являются этими нормами права, — то проблема лица является, в первую очередь, проблемой единства комплекса норм»³⁰.

По отношению к правосубъектности правовой статус выступает, по сути, дополнительным категориальным выражением первой, поэтому не случайно некоторые правоведы полагали понятия правосубъектности и правового статуса взаимозаменяемыми³¹. Правовой статус, наиболее часто отождествлявшийся с правовым положением, понимался как «система прав и обязанностей личности, которые закреплены и гарантированы ей по закону»³². Однако в понятии правового статуса, в отличие от понятий правосубъектности и субъекта права, речь идет не о субъекте права, а о личности в праве. На основании этого Р. О. Халфина наряду с правами, обязанностями и правосубъектностью включала в правовой статус также предоставляемые гражданину охраняемые законом социальные блага³³. Л. Д. Воеводин к правовому статусу (положению) относил гражданство, правосубъектность, конституционные принципы, конституционные (основные) права и свободы человека и гражданина, обязанности, гарантии³⁴. Н. И. Матузов рассматривал правовой статус личности еще в более широком контексте: «в основе правового статуса лежит фактический социальный статус, определяемый всей совокупностью экономических, политических, духовных, нравственных и иных условий жизни общества <...> Правовой статус — юридическое выражение социального статуса»³⁵. Выделялись и иные подходы к структуре и видам правового статуса³⁶, к соотношению понятий правового статуса и правового положения³⁷. Однако использование применительно к правовому статусу понятия личности, а не понятия субъекта права, было связано не с изменением теории последнего в части выхода в понимание лица за формально-догматические рамки. Речь шла о политико-идеологическом обосновании жизненно конкретного характера положения человека в социалистическом обществе. Как отмечал Н. В. Витрук, «проблема личности — это проблема человека, включенного в систему общественных отношений, в социальную структуру общества»³⁸. При этом правовое положение личности, подчеркивал Л. Д. Воеводин, носит объективный характер, оно «не зависит от воли

³⁰ Кельзен Г. Указ. соч. С. 219.

³¹ См.: Ямпольская Ц. А. О субъективных правах советских граждан и их гарантиях // Вопросы советского государственного права. М., 1959. С. 187, 188; Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. С. 156.

³² Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 24.

³³ См.: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 123, 124.

³⁴ См.: Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 31–38.

³⁵ Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 48.

³⁶ См.: там же. С. 51–71.

³⁷ См.: Кучинский В. А. Личность, свобода, право. М., 1978. С. 133; Витрук Н. В. Указ. соч. С. 23–26; Воеводин Л. Д. Указ. соч. С. 12.

³⁸ Витрук Н. В. Указ. соч. С. 43.

²⁵ См.: Пятков Д. В. Позиции отечественных цивилистов по определению понятия «физическое лицо»: ретроспективы и современность // Известия АлтГУ. Юрид. науки. 2018. № 6 (104). С. 190, 191.

²⁶ Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. С. 16.

²⁷ См.: Павлов В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования. М., 2021. С. 37–168.

²⁸ Мицкевич А. В. Субъекты советского права. М., 1962. С. 4.

²⁹ См.: Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 6; Мицкевич А. В. Указ. соч. С. 4.

и сознания отдельной личности и даже сколько-нибудь обширной группы людей»³⁹. В советском правоведении в контексте проблемы правового статуса как совокупности прав и обязанностей лица понятия субъекта права и личности совпадали и полностью определялись нормами позитивного права. Разработка личностного подхода, делающая акцент на познании юридически значимых свойств человека, осуществлялась автономно от теории субъекта права и не затрагивала ее основ⁴⁰.

* * *

Помимо правосубъектности и правового статуса в теории субъекта права выделяется и такой признак, как *правовая персонификация*, заключающаяся в самостоятельности, обособленности и индивидуализации лица, понимаемого как юридическая абстракция. В советском правоведении акцент на правовой персонификации как личностно-правовой характеристике не делался, а предполагал отражение в законодательстве таких традиционных идентифицирующих лицо признаков, как имя, место жительства и др. Личностно-правовой аспект правовой персонификации заменялся правовым статусом⁴¹. С. И. Архипов, указывая на противоречие между правовым статусом и признаком персонификации лица в праве, справедливо замечает, что «само понятие правового статуса не предполагает персонифицированности правового регулирования, оформления и закрепления индивидуальных особенностей лица в праве»⁴². В связи с этим следует отметить, что с антрополого-правовой точки зрения *персонификация в праве может осуществляться как на уровне антропологических, так и на уровне институциональных элементов права*. В последнем случае лицо персонифицируется посредством модели субъекта права, то есть посредством правосубъектности и правового статуса как нормативного комплекса прав и обязанностей. Однако сами юридически значимые личностные свойства человека, которые влияют на правовой статус лица и его проявление в правовой действительности, а также те, которые непосредственно не закреплены в качестве норм объективного права, относятся к антрополого-правовым характеристикам правовой персонификации человека. Это юридически значимые воля, интересы, ценности, мотивы и некоторые другие личностные компоненты, которые нередко связываются с правопритязанием как объективацией содержания правового сознания.

Таким образом, правовая персонификация в смысле выражения антрополого-правовых свойств человека не относится к традиционной модели субъекта права. В связи с этим сохраняет свою актуальность призыв И. А. Покровского о том, что в юриспруденции за моделью субъекта права «не должен быть забыт конкретный человек, живая человеческая личность»⁴³. Как верно замечает классик, не абстрактный, усредненный человек, представленный моделью субъекта права должен быть конечной целью права, «а живая, конкретная человеческая личность»⁴⁴.

³⁹ Воеводин Л. Д. Указ. соч. С. 29.

⁴⁰ См.: Орзих М. Ф. Личность и право. М., 1975; Его же. Право и личность: вопросы теории правового воздействия на личность социального общества. Киев; Одесса, 1977.

⁴¹ См.: Матузов Н. И. Указ. соч. С. 63, 64.

⁴² Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб., 2004. С. 291.

⁴³ Покровский И. А. Указ. соч. С. 33.

⁴⁴ Там же. С. 49.

* * *

В литературе высказываются предложения о включении в модель субъекта права помимо правосубъектности, правового статуса и правовой персонификации и других признаков субъекта: правовой воли, правовых связей, правового сознания, правовой культуры, социально-правовых ценностей, правовой свободы⁴⁵. *Полагаем, что все эти признаки не относятся к формально-догматической модели субъекта права, поскольку принадлежат не институциональному, а антропологическому уровню правовой реальности и связаны с личностно-правовыми свойствами человека*. Включение их в теорию субъекта права требует пересмотра последней и дополнительной аргументации с позиции догмы права, с позиции привнесения ими реальных инструментальных свойств, влияющих на правовую субъектность в определенной сфере правового регулирования. В этой связи попытки включения указанных признаков в формально-догматическую модель субъекта права сталкиваются со значительными трудностями и нередко остаются лишь философско-правовым описанием лица.

Предложение о включении правовой воли в качестве самостоятельного признака субъектно-правовой модели обосновывает С. И. Архипов. Рассматривая волю в качестве решающей инстанции в праве, под «действительным субъектом права» исследователь предлагает понимать лицо, которое «выражает себя вовне посредством правового решения (волевого акта)»⁴⁶. Методологическая позиция относительно понимания правовой воли в данном случае заключается в том, что последняя как реальное личностно-правовое свойство отождествляется с позитивацией воли в нормах объективного права: «позитивное право (закон) выступает не просто предпосылкой правовой «жизни воли», но и отправной точкой ее функционирования»⁴⁷. Воля как личностно-правовой и психолого-правовой феномен при таком подходе исключается из правовой сферы, что указывает на соответствующее понимание лица в правовой реальности, самой этой реальности и в целом на определенный тип правового понимания. Рассмотренная не как антрополого-правовой, а как институционально-юридический феномен, воля лица обеспечивается юридическим вменением. Поэтому выделенные исследователем пять ступеней (фаз) реализации такой правовой воли⁴⁸ скорее являются не процессом развития реальной воли как личностно-правового свойства человека, а механизмом логико-юридического движения объективированной в законе, нормативно-абстрактной «воли» субъекта права. При таком подходе реальные личностно-правовые ценности лица, его юридически значимые интересы, притязания, которые объясняют правовое поведение человека в правовой действительности, остаются за рамками правового анализа ввиду акцента на воле как институциональном феномене, как юридической конструкции, вмененной человеку.

Без выхода за рамки юридического концептуализма в понимании лица в праве и его правовой воли, квалификация последней в качестве самостоятельного признака субъекта права является избыточной. В этой связи сохраняют свою актуальность слова Н. В. Витрука о том, что «субъектом права может быть человек, обладающий относительно

⁴⁵ См.: Архипов С. И. Указ. соч. С. 25–123; Пономарева Е. В. Указ. соч. С. 7–25.

⁴⁶ Архипов С. И. Указ. соч. С. 48, 49.

⁴⁷ Там же. С. 52.

⁴⁸ Там же. С. 58.

свободной волей... что находит юридическое выражение и закрепление в наделении его со стороны государства специальным юридическим качеством — правосубъектностью»⁴⁹. С позиции субъектно-правовой модели это утверждение означает, что свободная воля человека уже включена в правосубъектность лица как признак субъектно-правовой модели, а любая попытка описать правовую волю в качестве реального признака правового деятеля требует выхода за рамки традиционной теории субъекта права.

Проблематичностью обладает и попытка выделения в качестве признака субъекта права такой личностно-правовой характеристики, как *правосознание*. В традиционной теории субъекта права правовое сознание на основе цивилистической римской правовой модели лица выступает в форме правоспособности, дееспособности, деликтоспособности, связанной с возрастом и вменяемостью для физических лиц, рядом признаков для специальных субъектов права, а также самостоятельными признаками для юридических лиц. Именно с данными признаками связан инструментальный аспект права, процесс правового регулирования. Предложение иных признаков означает выход за рамки субъектно-правовой модели, ее пересмотр и формирование нового представления человека в праве. Не случайно в общей теории права как учебной дисциплине и науке проблематика правового сознания и субъекта права/правоотношения рассматриваются отдельно без взаимной связи друг с другом. Факт отчужденности правового сознания и субъекта права отмечается в современной юридической литературе⁵⁰.

В качестве направления усовершенствования традиционной формально-догматической модели субъекта права предлагается усиление ее формально-юридических свойств. Так, Е. В. Пономарева, основываясь на методологии Н. Лумана, предлагает усилить такие свойства субъекта права, как *денатурализация, отделение от субъектов иных сфер социального регулирования, автономизация юридической подсистемы общества* как сферы проявления субъекта права⁵¹. Обоснование данного подхода не лишено сложностей, связанных с применяемой методологией в познании субъекта права. Выступая за закрепление свободной воли и разума в качестве признаков субъекта права, а также выступая против низведения последнего до уровня элемента правоотношения, исследователь одновременно указывает на необходимость усиления юридического изоляционизма в понимании субъектности, опираясь на древнеримскую концепцию правовой персоны⁵². Понимая под натурализацией субъекта права связь этой модели с реальным человеком определенной правовой культуры, Е. В. Пономарева выступает категорически против наличия такой связи и предлагает рассматривать лицо в праве исключительно в концептуалистском смысле. В опасении за судьбу юридических конструкций предлагается признать за субъектом права в качестве единственно реальных только отчужденные от природы человека, его психики, искусственные юридические образования⁵³. Отчужденность человека от объективного права, от правопорядка, разница между человеком и юридической личностью выступают, согласно такой позиции,

основаниями для «методологического реализма» в понимании правовой субъектности.

Полагаем, что в таком подходе прослеживается преувеличение познавательных возможностей метода юридической формализации человека как правового деятеля и недооценка человекомерного характера права. Как отмечалось выше, именно с юридической формализацией человека, усилившейся в связи с появлением возможностей юридического отражения общественных отношений в цифровой форме, связана значительная часть кризисных явлений как в теоретической сфере, так и в юридической практике. Эти явления выражаются в ослаблении корреляции между реальным человеком конкретного общества, его ценностями, потребностями и интересами, с одной стороны, и их отражением в праве — с другой. Речь идет об онтологическом разрыве в правовом регулировании, выражающемся в соответствии между реальным правовым бытием, сущим и его отражением на уровне юридических концептов, юридическим должным. Попытки выработать признаки субъекта права «отвлеченно... без привязки к конкретной исторической эпохе, без указания на то, какую культурно-историческую либо социально-экономическую роль сыграл тот или иной субъект»⁵⁴ связаны с риском утраты связи модели субъекта права с юридической практикой и ведущими антропологическими трендами конкретной исторической эпохи и конкретного национального правопорядка. Например, невозможно представить современное учение о человеке в праве без анализа такой формы проявления правовой субъектности, как «цифровая личность», с которой связаны такие ранее неизвестные правовые притязания и субъективные права лица, как право на забвение в цифровом пространстве, либо новые формы договорных отношений наподобие каршеринга (carsharing) и умного контракта (smart contract). В то же время следует учитывать и степень развития национального законодательства в различных правопорядках, которая будет определять и различия в правовых моделях человека и в способах их правовой защиты. С позиции различия социокультурных ценностей, находящихся под правовой защитой в разных правопорядках, игнорирование онтологического фактора при усовершенствовании субъектно-правовой модели может повлечь снижение социокультурной и правовой идентичностей и разрушение ценностных оснований определенного общества и государства. Представляется, что в этом отношении изданный Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁵⁵ как раз формулирует определенные онтологические приоритеты для разработки субъектно-правовой модели в российском праве.

* * *

Антрополого-правовой подход к анализу современных форм присутствия человека в правовой действительности основан на идее дополнения формально-догматического представления человека в праве личностно-правовым уровнем правовой субъектности. Данный уровень предполагает не натурализацию юридической личности, а познание и учет в правовом регулировании юридически значимых личностных свойств, влияющих как на правовое поведение, так и на право в целом. В основе антрополого-правовых

⁴⁹ Витрук Н. В. Указ. соч. С. 193.

⁵⁰ См.: Архипов С. И. Указ. соч. С. 87; Васев И. Н. Субъективное право как общетеоретическая категория. М., 2012. С. 152–155, 163.

⁵¹ См.: Пономарева Е. В. Указ. соч. С. 33–63.

⁵² См.: там же. С. 11, 12.

⁵³ См.: там же. С. 35.

⁵⁴ Там же. С. 37.

⁵⁵ См.: СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

представлений лежит идея о человеке как цели, ценности и центральном элементе права, как о ведущем элементе правопорядка и правовой культуры. В этой связи инструментальные свойства субъектно-правовой модели при антрополого-правовом взгляде не отрицаются, а принцип человекомерности права не предполагает отказа от устоявшихся и зарекомендовавших себя юридических конструкций, выражающих непосредственно не связанные с человеком институциональные элементы в праве (различные формы юридического представительства, юридические фикции, презумпции и т.д.). Напротив, антрополого-правовое представление утверждает целостность человека в мире права, позволяющую верно понимать правовую природу и закономерности функционирования институциональных элементов в праве, более точно определять их место в системе правовых средств, в итоге лучше понимать человека и его правовое поведение.

Тенденции глобализации и стремительного развития технологий, в том числе позволяющие формализовать на цифровой основе человеческую личность, однозначно направлены на усиление субъектно-рациональных характеристик в праве. Юриспруденция в таком виде никогда не сталкивалась с проблемой формализации человека и его правового поведения, ведь она сама представляет собой формально-догматическое упорядочение жизнедеятельности социума. В таких условиях обращение не только к концептуальным юридическим построениям, но и к рассмотрению реальных антрополого-правовых явлений и их роли в конституировании человека в праве является необходимым. Прежде всего это юридически ориентированный анализ человеческой природы, личностной идентичности, правового мышления, свободы, воли, личностно-правовых ценностей, телесности, генома, различных нейродинамических характеристик человека и др. Эти антропологические составляющие непосредственно связаны с усовершенствованием учения о человеке в праве в контексте развития новой группы прав человека (четвертое поколение прав и «цифровые» права), геномной инженерии, клонирования, трансплантации органов и тканей, искусственного интеллекта, изучения новых форм противоправной девиации, связанных с воздействием на сознание, психику молодежи посредством социальных сетей («группы смерти») и иное.

Заключение

Подводя итог рассмотрению традиционной субъектно-правовой модели с антрополого-правовых позиций, отметим, что она выражает базовый, инструментальный способ присутствия человека в правовой действительности. С позиции формально-догматического строения и задач институционального представления человека в праве данная модель является целостной и завершенной. В этой связи основное противоречие в воззрениях на человека в праве заключается в том, что их пытаются развить без выхода за рамки традиционной субъектно-правовой модели. Ее характеристики как составляющей институционального уровня правовой субъектности не рассчитаны на отражение антрополого-правовых компонентов, которые в данной модели концептуализированы специфическим образом. Правовая воля, интерес, притязание, правосознание, правовые ценности и некоторые другие свойства человека как правового деятеля имеют не конструктивную юридическую, а личностно-правовую природу, то есть непосредственно связаны с реальным человеком и не могут быть отчуждены от него. В этом состоит их принципиальное отличие от правоспособности, дееспособности, правового статуса как составляющих субъектно-правовой модели. Средства юридического концептуализма, созданные и существующие по отличию от антропологической реальности законам,

не могут изменить природу самих личностно-правовых свойств человека. Этим обусловлен не самодовлеющий, а служебный характер юридико-концептуального конструирования применительно к учению о человеке в праве, несмотря на то что формально-догматический метод лежит в основе правового регулирования общественных отношений и создаваемые с его помощью юридические средства также являются гарантией для человека как главной правовой ценности.

В антропологии права обосновывается возможность познания личностно-правовых свойств человека на дополнительном по отношению к формально-догматическому уровню юридического представления о лице в праве. Такой подход связан с идеей о том, что право по своей сути является человекомерным явлением, главной целью и ценностью которого является сам человек, а не его субъектно-правовая модель. Поэтому антрополого-правовая позиция по усовершенствованию учения о человеке в праве основывается на методологической установке выявления в процессе юридизации *меры между максимально целостным отражением в юридическом дискурсе человека как реального лица в его юридически значимых свойствах, с одной стороны, и его концептуально-правовым оформлением — с другой*. В контексте учения о субъекте права это означает, что за нормами объективного права и юридическими конструкциями всегда находится человек и конкретная правовая личность. Именно человек, а не его юридическая конструкция, является центральным элементом правовой реальности и правовой системы — это важнейшее положение антрополого-правового познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архипов С.И.* Субъект права: теоретическое исследование. СПб., 2004. С. 25–123, 291.
2. *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 6.
3. *Васев И.Н.* Субъективное право как общетеоретическая категория. М., 2012. С. 152–155, 163.
4. *Веденев Ю.А.* Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм. М., 2022.
5. *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 23–26, 43, 193.
6. *Воеводин Л.Д.* Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 12, 29, 31–38.
7. *Гаджиев Г.А.* Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. С. 16.
8. *Гаджиев Г.А., Войничанис Е.А.* Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал ВШЭ. 2018. № 4. С. 24–48.
9. *Горбань В.С.* Зачем философия права сегодня? // Теория и практика общественного развития. 2018. № 12 (130). С. 99–103.
10. *Дождев Д.В.* Римское частное право: учеб. / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. 3-е изд., испр. и доп. М., 2011. С. 290, 291.
11. *Жуков В.И.* Антропология в философии права: постановка проблемы // Государство и право. 2019. № 3. С. 61–73.
12. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. 2-е изд. СПб., 2015. С. 219.
13. *Ковлер А.И.* Антропология права: учеб. для вузов. М., 2002.
14. *Кофанов Л.Л.* Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. М., 2001.
15. *Кофанов Л.Л.* Persona и persona publica в республиканском Риме // Древнее право. 2010. № 1 (25). С. 40.
16. *Кучинский В.А.* Личность, свобода, право. М., 1978. С. 133.

17. Лапаева В.В. Либертарно-юридическая догматика как фактор повышения качества и эффективности правового регулирования // Эффективность правового регулирования / под общ. ред. А.В. Полякова, В.В. Денисенко, М.А. Беляева. М., 2017. С. 40–69.
18. «Леонъ и Константин върнаа цара»: древнерусский текст Эклоги законов // Шапов Я.Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. СПб., 2011. С. 13–58.
19. Липшиц Е.Э. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. М., 1976. С. 59, 60.
20. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Соч.: в 3 т. М., 1988. С. 263–265.
21. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 48, 51–71.
22. Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М., 1962. С. 4.
23. Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999. С. 16.
24. Нарбеков В. Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. Казань, 1899. Ч. 2.
25. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов н/Д., 2002.
26. Орзих М.Ф. Личность и право. М., 1975.
27. Орзих М.Ф. Право и личность: вопросы теории правового воздействия на личность социалистического общества. Киев; Одесса, 1977.
28. Павлов А.С. Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869.
29. Павлов В.И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования. М., 2021. С. 37–168.
30. Пашенцев Д.А. Субъект правоприменения в цифровом обществе // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М., 2021. С. 58–65.
31. Покровский И.А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права (Prolegomena к предстоящему обсуждению проекта обязательственного права) // Вестник Гражданского права. 1913. № 4. С. 32, 33, 49.
32. Поляков А.В. Права человека и суверенитет государства // Постклассическая онтология права / под общ. ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016. С. 305–310.
33. Пономарева Е.В. Феномен квазисубъекта права: вопросы теории. М., 2020. С. 7–25, 33–63.
34. Постклассическая онтология права / под общ. ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016.
35. Пучков О.А. Антропологическое постижение права. Екатеринбург, 1999.
36. Пятков Д.В. Позиции отечественных цивилистов по определению понятия «физическое лицо»: ретроспективы и современность // Известия АлтГУ. Юрид. науки. 2018. № 6 (104). С. 190, 191.
37. Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 147.
38. Социокультурная антропология права / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб., 2015.
39. Социальная антропология права современного общества / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2006.
40. Спекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии: в 2 т. СПб., 2006. Т. 2. С. 53.
41. Степанов С.К. Деконструкция правосубъектности или место искусственного интеллекта в праве // Цифровое право. 2021. № 2 (2). С. 14–30.
42. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. С. 156.
43. Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М., 2021.
44. Троянос С.Н. Понятие «икономия» в византийском праве (с учетом современной греческой канонистики) // Богословские труды. 2012. Вып. 43–44. С. 485–501.
45. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 123, 124.
46. Хвостова К.В. Прония: социально-экономические и правовые проблемы // Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 13.
47. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2015. С. 220.
48. Черемисинова М.Е. Правовой статус субъектов в виртуальном пространстве. М., 2020.
49. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 386–406.
50. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1910. С. 575.
51. Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер., комм. Е.Э. Липшиц. М., 1965.
52. Ямпольская Ц.А. О субъективных правах советских граждан и их гарантиях // Вопросы советского государственного права. М., 1959. С. 187, 188.
53. Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V. Herausgegeben von Ludwig Burgmann. Frankfurt-am-Main, 1983.
54. Franciosi G. Famiglia e persone in Roma antica: dall'eta arcaica al principato. 3 ed. Torino, 1995.
55. Norbert R. Anthropologie juridique. 1re ed. Paris, 1988.
56. Schlag P. The problem of the subject // Texas Law Review. 1991. Vol. 69. Pp. 1627–1743.

REFERENCES

1. Arkhipov S.I. The subject of law: a theoretical study. SPb., 2004. Pp. 25–123, 291 (in Russ.).
2. Bratus S.N. Subjects of Civil Law. M., 1950. P. 6 (in Russ.).
3. Vasev I.N. Subjective law as a general theoretical category. M., 2012. Pp. 152–155, 163 (in Russ.).
4. Vedenev Yu. A. Jurisprudence: phenomenon and concept. Introduction to the genealogy of the language of conceptual paradigms. M., 2022 (in Russ.).
5. Vitruk N.V. General theory of the legal status of personality. M., 2008. Pp. 23–26, 43, 193 (in Russ.).
6. Voevodin L.D. The legal status of personality in Russia. M., 1997. Pp. 12, 29, 31–38 (in Russ.).
7. Gadzhiev G.A. Ontology of law: (a critical study of the legal concept of reality). M., 2013. P. 16 (in Russ.).
8. Gadzhiev G.A., Voynikanis E.A. Can a robot be a subject of law (search for legal norms to regulate the digital economy)? // Law. HSE Journal. 2018. No. 4. Pp. 24–48 (in Russ.).
9. Gorban V.S. Why is the Philosophy of Law today? // Theory and practice of social development. 2018. No. 12 (130). Pp. 99–103 (in Russ.).
10. Dozhdev D.V. Roman Private Law: textbook // under the general editorship of V.S. Nersesyants. 3rd ed., rev. and add. M., 2011. Pp. 290, 291 (in Russ.).
11. Zhukov V.I. Anthropology in the Philosophy of Law: statement of the problem // State and Law. 2019. No. 3. Pp. 61–73 (in Russ.).
12. Kelsen G. Pure doctrine of law. 2nd ed. SPb., 2015. P. 219 (in Russ.).
13. Kovler A.I. Anthropology of law: textbook for universities. M., 2002 (in Russ.).

14. *Kofanov L.L.* Priestly colleges in Early Rome. On the question of the formation of Roman sacred and public law. M., 2001 (in Russ.).
15. *Kofanov L.L.* Persona and persona publica in republican Rome // *Ancient law*. 2010. No. 1 (25). P. 40 (in Russ.).
16. *Kuchinsky V.A.* Personality, freedom, law. M., 1978. P. 133 (in Russ.).
17. *Lapaeva V.V.* Libertarian-legal dogmatics as a factor in improving the quality and effectiveness of legal regulation // *Effectiveness of legal regulation / under the general editorship of A.V. Polyakov, V.V. Denisenko, M.A. Belyaeva*. M., 2017. Pp. 40–69 (in Russ.).
18. “Leon and Konstantin Varna Tsar”: the Old Russian text of the Eclogue of laws // *Shchapov Ya. N.* The Byzantine “Eclogue of laws” in the Russian written tradition. SPb., 2011. Pp. 13–58 (in Russ.).
19. *Lipshits E.E.* Law and court in Byzantium in the IV–VIII centuries. M., 1976. Pp. 59, 60 (in Russ.).
20. *Locke J.* Two treatises on government // *Locke J. Essays: in 3 vols.* M., 1988. Pp. 263–265 (in Russ.).
21. *Matuzov N.I.* The legal system and personality. Saratov, 1987. Pp. 48, 51–71 (in Russ.).
22. *Mitskevich A.V.* Subjects of Soviet law. M., 1962. P. 4 (in Russ.).
23. *Montesquieu Sh.L.* On the spirit of laws. M., 1999. P. 16 (in Russ.).
24. *Narbekov V.* Nomocanon of Patriarch Photius of Constantinople with the interpretation of Valsamon. Kazan, 1899. Part 2 (in Russ.).
25. *Ovchinnikov A.I.* Legal thinking in the hermeneutical paradigm. Rostov-on-Don, 2002 (in Russ.).
26. *Orzikh M.F.* Personality and law. M., 1975 (in Russ.).
27. *Orzikh M.F.* Law and personality: questions of the theory of legal influence on the personality of a socialist society. Kiev; Odessa, 1977 (in Russ.).
28. *Pavlov A.S.* The original Slavic-Russian nomocanon. Kazan, 1869 (in Russ.).
29. *Pavlov V.I.* Anthropology of law in the context of legal, philosophical and religious traditions: the history of formation. M., 2021. Pp. 37–168 (in Russ.).
30. *Pashentsev D.A.* The subject of law enforcement in a digital society // *The subject of law: stability and dynamics of legal status in the conditions of digitalization: collection of scientific works / under the general editorship of D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo*. M., 2021. Pp. 58–65 (in Russ.).
31. *Pokrovsky I.A.* Abstract and concrete man in the face of Civil Law (Prolegomena for the upcoming discussion of the draft law of obligations) // *Herald of Civil Law*. 1913. No. 4. Pp. 32, 33, 49 (in Russ.).
32. *Polyakov A.V.* Human rights and state sovereignty // *Postclassical ontology of law / under the general editorship of I.L. Chestnov*. SPb., 2016. Pp. 305–310 (in Russ.).
33. *Ponomareva E.V.* The phenomenon of quasi-subject of law: questions of theory. M., 2020. Pp. 7–25, 33–63 (in Russ.).
34. *Postclassical ontology of law / under the general editorship of I.L. Chestnov*. SPb., 2016 (in Russ.).
35. *Puchkov O.A.* Anthropological comprehension of law. Yekaterinburg, 1999 (in Russ.).
36. *Pyatkov D.V.* Positions of domestic civilists on the definition of the concept of “natural person”: retrospectives and modernity // *Izvestiya AltGU. Legal sciences*. 2018. No. 6 (104). Pp. 190, 191 (in Russ.).
37. *Radbrukh G.* Philosophy of Law. M., 2004. P. 147 (in Russ.).
38. *Sociocultural anthropology of law / ed. by N.A. Isaev, I.L. Chestnov*. SPb., 2015 (in Russ.).
39. *Social anthropology of law of modern society / ed. by I.L. Chestnov*. SPb., 2006 (in Russ.).
40. *Spectorsky E.V.* The problem of social physics in the XVII century: in 2 vols. SPb., 2006. Vol. 2. P. 53 (in Russ.).
41. *Stepanov S.K.* Deconstruction of legal personality or the place of artificial intelligence in law // *Digital Law*. 2021. No. 2 (2). Pp. 14–30 (in Russ.).
42. *Strogovich M.S.* The main issues of Soviet socialist legality. M., 1966. P. 156 (in Russ.).
43. *The subject of law: stability and dynamics of legal status in the conditions of digitalization: collection of scientific works / under the general editorship of D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo*. M., 2021 (in Russ.).
44. *Troyanos S.N.* The concept of “icononomiya” in Byzantine law (taking into account modern Greek canonistics) // *Theological works*. 2012. Iss. 43–44. Pp. 485–501 (in Russ.).
45. *Khalfina R.O.* The general doctrine of legal relations. M., 1974. Pp. 123, 124 (in Russ.).
46. *Khvostova K.V.* Proniya: socio-economic and legal problems // *Byzantine vremennik*. 1988. Vol. 49. P. 13 (in Russ.).
47. *Cherdantsev A.F.* Logical-linguistic phenomena in jurisprudence. M., 2015. P. 220 (in Russ.).
48. *Cheremisinova M.E.* The legal status of subjects in virtual space. M., 2020 (in Russ.).
49. *Chestnov I.L.* Postclassical theory of law. SPb., 2012. Pp. 386–406 (in Russ.).
50. *Shershenevich G.F.* General theory of law. M., 1910. P. 575 (in Russ.).
51. *Eclogue: Byzantine legislative code VIII century / introductory article, transl., comm. E.E. Lipshits*. M., 1965 (in Russ.).
52. *Yampolskaya Ts. A.* On the subjective rights of Soviet citizens and their guarantees // *Questions of Soviet State Law*. M., 1959. Pp. 187, 188 (in Russ.).
53. *Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos’ V.* Herausgegeben von Ludwig Burgmann. Frankfurt-am-Main, 1983.
54. *Franciosi G.* Famiglia e persone in Roma antica: dall’eta arcaica al principato. 3 ed. Torino, 1995.
55. *Norbert R.* Anthropologie juridique. 1re ed. Paris, 1988.
56. *Schlag P.* The problem of the subject // *Texas Law Review*. 1991. Vol. 69. Pp. 1627–1743.

Сведения об авторе

ПАВЛОВ Вадим Иванович —
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
Национального центра законодательства
и правовых исследований
Республики Беларусь;
220030 Республика Беларусь,
г. Минск, ул. Берсона, д. 1а
ORCID: 0000-0002-2867-1039

Authors' information

PAVLOV Vadim I. —
PhD in Law, Associate Professor,
Leading Researcher, National Center
for Legislation and Legal Research
of the Republic of Belarus; 1a Bersona str.,
220005 Minsk, Republic of Belarus

УДК 342.56

ТЕНДЕНЦИИ СОЧЕТАНИЯ ЕДИНОЛИЧНОГО И КОЛЛЕГИАЛЬНОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ, АРБИТРАЖНОМ, АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© 2024 г. А. Р. Шарипова

Уфимский университет науки и технологий

E-mail: nord-wind23@mail.ru

Поступила в редакцию 08.01.2023 г.

Аннотация. Для всех видов судебного процесса характерно сочетание единоличного и коллегиального начал. Общность понятия правосудия предопределяет концептуальную универсальность большинства институтов уголовного, арбитражного, гражданского и административного судопроизводства. Из этого следует, что критерии и принципы определения соотношения коллегиального и единоличного являются или должны являться приблизительно одинаковыми во всех видах процессов. Последние годы ознаменовались активным реформированием норм о составе суда в указанных видах правосудия, однако новеллы не всегда единообразны или хотя бы согласованы. Автором предпринята попытка выявления закономерностей формирования единоличного или коллегиального состава суда внутри отдельных видов судопроизводства и правосудия в целом. Отдельно проанализированы тенденции процессуального права в определении соотношения единоличного и коллегиального в судах первой, апелляционной и кассационной инстанций.

Ключевые слова: уголовный процесс, гражданский процесс, арбитражный процесс, административный процесс, единоличное, коллегиальное, правосудие, состав суда.

Цитирование: Шарипова А. Р. Тенденции сочетания единоличного и коллегиального в отечественном уголовном и гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве // Государство и право. 2024. № 2. С. 64–73.

DOI: 10.31857/S1026945224020066

TRENDS IN THE COMBINATION OF INDIVIDUAL AND COLLEGIAL IN DOMESTIC CRIMINAL AND CIVIL, ARBITRATION, ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

© 2024 A.R. Sharipova

Ufa University of Science and Technology

E-mail: nord-wind23@mail.ru

Received 08.01.2023

Abstract. All types of modern litigation are characterized by a combination of individual and collegial principles. The commonality of the concept of justice determines the conceptual universality of most institutions of criminal, arbitration, civil and administrative proceedings. It follows from this that the criteria and principles for determining the ratio of collegial and individual are or should be approximately the same in all types of processes. Recent years have been marked by an active reform of the rules on the composition of the court in these types of justice, but the novelties are not always uniform or at least coordinated. The author attempts to identify the patterns of formation of the sole or collegial composition of the court within certain types of legal proceedings and justice in general. The tendencies of modern procedural law in determining the ratio of individual and collegial in the courts of the first, appellate and cassation instances are analyzed separately.

Key words: criminal proceedings, civil proceedings, arbitration proceedings, administrative proceedings, individual, collegial, justice, composition of the court.

For citation: Sharipova, A.R. (2024). Trends in the combination of individual and collegial in domestic criminal and civil, arbitration, administrative proceedings // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 64–73.

Логика позволяет исследовать проблемы единоличного и коллегиального рассмотрения дел судами совместно для правосудия по уголовным, гражданским, арбитражным и административным делам. Предположение о высокой степени родства большинства институтов уголовно-процессуального, гражданского процессуального, арбитражного процессуального и административного процессуального права обуславливает в том числе и необходимость определения единых для процессуальных отраслей критериев формирования составов суда.

Достоинства и недостатки единоличного и коллегиального рассмотрения дел в первой и проверочных инстанциях подробно исследованы в литературе, в том числе с позиций социальной психологии. Нас в большей степени интересует соотношение единоличного и коллегиального рассмотрения в разных инстанциях и разных видах судебного процесса, объединенных, однако, единой природой правосудия.

Несмотря на близкое текстуальное расположение норм о единоличном и коллегиальном в гражданском процессе с принципами соответствующих процессов, в науке аргументируется неотносимость соответствующих положений к числу принципов¹. Не вдаваясь в отраслевые дискуссии о перечне принципов каждой из процессуальных отраслей права, отметим, что нормам о единоличном и коллегиальном, по нашему мнению, остро не хватает как раз «идейной» основы. Ни один из процессуальных кодексов не содержит указания на критерии, влияющие на предпочтительность того или иного состава суда (сложность дел, участие публичного интереса и др.), оставляя их, таким образом, без шанса на глубокую научную разработку и позволяя законодателю произвольно менять соотношение единоличного и коллегиального, руководствуясь интересами непроцессуального характера².

¹ См.: Демичев А.А., Илюхина В.А. О некоторых дискуссионных проблемах принципов гражданского процесса России (аналогия закона и аналогия права, сочетание единоличного и коллегиального начала в судопроизводстве) // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7.

² Приблизительно такое же мнение высказано в тематической работе А.А. Тарасова (см.: Тарасов А.А. Единоличное и коллегиальное в уголовном процессе: правовые и социально-психологические проблемы. Самара, 2001. С. 8).

Попытаемся тем не менее обнаружить существующие закономерности.

Единоличное и коллегиальное в судах первой инстанции

Пожалуй, самый сложный вопрос (по крайней мере до относительно недавнего радикального реформирования апелляционных пересмотров, разрушившего традиционное представление о коллегиальности как их атрибуте) сочетания единоличного и коллегиального в судебном процессе — это определение групп дел, рассматриваемых по первой инстанции коллегиально.

С принятием Уголовно-процессуального кодекса РФ и Гражданского процессуального кодекса РФ законодатель изменил преобладавший прежде подход с коллегиального на единоличный, что потребовало долгого приспособления к этой идее научной общественности. Но, конечно, очевидна практическая невозможность замены «дешевых» народных заседателей на «дорогих» судей для рассмотрения всех дел по первой инстанции.

Однако влияние советского опыта безальтернативной коллегиальности в первой инстанции все же сказывалось на процессуальной истории. Так, например, предшественник действующего Арбитражно-процессуального кодекса РФ 2002 г. — АПК РФ 1995 г. предусматривал коллегиальное рассмотрение дел о признании недействительными актов государственных органов, органов местного самоуправления и иных органов и дел о несостоятельности (банкротстве). Совокупно эти дела в структуре арбитражных занимали в период действия прежнего АПК РФ не менее 1/3. С принятием АПК РФ 2002 г. законодатель отказался от коллегиального рассмотрения дел о признании недействительными актов государственных органов, а затем и по «банкротным» делам (Федеральный закон от 12.07.2011 № 210-ФЗ). Таким образом, «массовые» категории дел выведены из коллегиального рассмотрения, остались только относительно «редкие» (оспаривание нормативных актов, особо сложные, направленные на новое рассмотрение в коллегиальном составе и подсудные Суду по интеллектуальным правам³). Особенностью арбитражного процесса является возможность

³ О таковых подробнее см.: Галузо В.Н., Канафин Н.А. О Суде по интеллектуальным спорам в системе арбитражных судов Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12. С. 100–103.

участия в составе суда помимо судьи арбитражных заседателей по делам, вытекающим из гражданских, но не административных и публичных правоотношений.

В отличие от АПК РФ в ГПК РФ фактически только единоличное рассмотрение дел судом первой инстанции было реализовано с момента принятия. Номинальное исключение из этого правила, сформулированное в бланкетной норме ст. 7 ГПК РФ, для рассмотрения заявлений о расформировании избирательных комиссий коллегиально, практически не применялось. Однако принятый впоследствии Кодекс административного судопроизводства РФ воспринял ее и закрепил непосредственно в тексте ч. 2 ст. 29 наряду с основаниями коллегиального рассмотрения, подобными арбитражным процессуальным. Дополнительно оно предусмотрено для решений ЦИК о результатах выборов и дел Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ.

УПК РФ устанавливает наиболее сложные и разнообразные варианты формирования коллегиального состава суда, зависящие в том числе от подсудности. Два вида коллегиального рассмотрения уголовного дела в первой инстанции подразумевают участие присяжных заседателей, помимо судьи (шестерых или восьмерых в зависимости от уровня суда) и один — участие трех судей. Последний вид подразделяется еще на два — обязательный и факультативный. Дела о преступлениях террористической и экстремистской направленности безальтернативно передаются профессиональной коллегии окружного или флотского суда. Факультативный вид преимущественно дублирует перечень дел, рассмотрение которых возможно с участием присяжных, оставляя обвиняемому выбор между профессиональной и непрофессиональной коллегией. В отсутствие ходатайства с его стороны такие дела рассматриваются единолично.

В уголовном судопроизводстве обязательное коллегиальное рассмотрение по первой инстанции предусмотрено только для военных судов по делам, однако, относящихся к их компетенции не по персональному, а по предметному признаку. В первоначальной редакции УПК РФ и вплоть до 2015 г. «обязательные» профессиональные коллегии формировались и в судах субъектов Российской Федерации, а в окружные военные суды могли передаваться только по соображениям безопасности участников процесса. По мнению И.С. Дикарева, подобное расширение компетенции военных судов на дела о преступлениях, совершенных не военнослужащими, является «не ломкой сложившейся системы, а возвращением давно устоявшейся

и апробированной практики»⁴, имею в виду аналогичный советский опыт определения подсудности.

Несмотря на общность идеи сочетания единоличного и коллегиального начал в четырех разных видах судопроизводства, ее реализация в каждом из них своеобразна. Попытка обнаружить общие тенденции позволяет лишь предположить следующее.

1. Существует явная, хотя и не вполне последовательно реализованная закономерность распространения коллегиального рассмотрения дел в первой инстанции, в зависимости от «меры публичности» рассматриваемого спора. Единых критериев публичности по понятным причинам нет, однако в каждом виде процесса коллегиально рассматриваемые дела — наиболее «публичные» из всех (оспаривание нормативных актов в АПК РФ и КАС РФ, имеющее значение для неопределенного круга лиц; дела о преступлениях против общественной безопасности по УПК РФ). При этом сами перечни этих публичных дел всегда подвижны, но если арбитражный и гражданский процессы показывают сокращение своих перечней, то уголовный — скорее расширение. Сказанное относится к «обязательной» коллегиальности и не касается рассмотрения дел с участием присяжных или арбитражных заседателей, занимающего особое место в вопросах единоличного и коллегиального. Полностью отказавшись от коллегиальности в первой инстанции гражданский процесс выбивается из тренда, несмотря на лежащую на поверхности идею о том, что в нем рассматриваются наиболее «частные» споры.

2. Профессиональные коллегии рассматривают только дела с относительно важными вопросами для их сторон. Отраслевое проявление этой закономерности тоже своеобразно. В уголовном процессе она заключается в том, что на рассмотрение «тройки» могут попасть только дела об особо тяжких преступлениях; в административном и арбитражном — в том, что коллегии не рассматривают дела в упрощенных формах производства.

3. Бесспорна межотраслевая избирательность коллегиального рассмотрения. В каждом виде судопроизводства коллегиально по первой инстанции рассматривается абсолютное меньшинство дел. По отчетам Верховного Суда РФ за 2021 год в уголовном судопроизводстве на рассмотрение коллегий из трех судей поступило 604 дела

⁴ Дикарев И.С. Вопросы подсудности уголовных дел военным судам // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 6. С. 63–68.

(0.08%)⁵, в административном — 208 дел (0.02%)⁶, в арбитражном — 933 дела (0.05%)⁷. И абсолютное и относительное количество таких дел в уголовном, арбитражном и административном судопроизводствах однопорядковое.

Несмотря на большое количество осознаваемых общественностью достоинств коллегиального рассмотрения дела, в тех случаях, когда состав суда формируется в зависимости от пожеланий сторон, они ходатайствуют о рассмотрении с участием присяжных или арбитражных заседателей очень редко. В 2021 г. поступило соответствующих уголовных дел 816⁸, арбитражных — 0⁹; в последний раз арбитражные суды задействовали арбитражных заседателей в 2017 г. по двум делам¹⁰.

Причины редкого обращения участников уголовного и арбитражного судопроизводства к коллегиальному рассмотрению дел вообще и с участием непрофессиональных заседателей в частности достойны отдельного исследования. Рискнем предположить, что стороны спора в основном движимы частными интересами, поэтому соображения объективности рассмотрения дела для них менее значимы, чем собственная победа в нем. Коллегиальное рассмотрение дела по большому счету является скорее потенциальной возможностью, а не реальным инструментом. Если государство в действительности заинтересовано в повышенных гарантиях рассмотрения определенных уголовных дел, имеет смысл задуматься о расширении возможностей прибегнуть к их коллегиальному рассмотрению. Здесь могут быть два основных варианта: менее радикальный допускает инициирование коллегиального рассмотрения не только подсудимым,

но и другими участниками судопроизводства, как со стороны защиты, так и со стороны обвинения¹¹; более радикальный — по подобию опыта Российской Империи, начиная с принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г., относившего определенные (и весьма многочисленные) дела к подсудности суда присяжных независимо от воли сторон спора¹².

4. Высокая распространенность какой-либо категории дел становится препятствием для их коллегиального рассмотрения в первой инстанции, перевешивая соображения об общественной значимости соответствующих споров. Так, фактический и прогнозируемый рост числа «банкротных» дел явился причиной изъятия этой категории из числа рассматриваемых коллегиально с принятием Федерального закона от 12 июля 2011 г. № 210-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и статьи 17 и 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в части установления особенностей банкротства застройщиков, привлекавших денежные средства участников строительства»¹³.

В 2021 г. арбитражные суды рассмотрели более 189 тыс. дел о банкротстве¹⁴, что составляет 11.5% от общего числа, при том что банкротные дела практически всегда длительные и «составные», включающие не один, а множество споров. Коллегиальное их рассмотрение (при всех его возможных плюсах) было бы чрезвычайно затратно для судебной системы.

5. Потенциально пригодной для заимствования в уголовный процесс является возможность коллегиального рассмотрения дела в связи с его особой сложностью, предусмотренная в АПК РФ и КАС РФ. Арбитражная практика показывает, что нечасто, но такой возможностью судьи пользуются¹⁵. Тем более странно отсутствие ее в уголовном судопроизводстве, допускающем создании следственных групп (ст. 163 УПК РФ), групп дознавателей (ст. 223² УПК РФ) по делам особой

⁵ См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2021 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 07.01.2023).

⁶ См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 2021 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 07.01.2023).

⁷ См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2021 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6122> (дата обращения: 07.01.2023).

⁸ См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2021 год.

⁹ См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2021 год.

¹⁰ См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2017 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4430> (дата обращения: 07.01.2023).

¹¹ См., напр.: Гуськова А.П., Соколова Н.Г. О спорных вопросах реализации права обвиняемого на рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей // Росс. судья. 2008. № 2.

¹² См., напр.: Верещагин А.Н. О происхождении российской судебной системы и ее перспективах // Закон. 2019. № 4. С. 54–66.

¹³ См.: Система обеспечения законодательной деятельности // Официальный сайт Государственной Думы РФ // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/334201-5> (дата обращения: 21.07.2022).

¹⁴ См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2021 год.

¹⁵ См.: Арбитражное дело № А40-55638/14 // Официальный сайт арбитражных судов // <https://kad.arbitr.ru/Card/a81d13ee-b508-468b-9882-812335205429> (дата обращения: 21.07.2022).

сложности, а также избрание большего количества запасных присяжных заседателей (ст. 328 УПК РФ) по делам особой сложности.

Нет в УПК РФ и возможности направления дела на новое рассмотрение в коллегиальном составе судей по усмотрению вышестоящей инстанции, существующей в арбитражном процессе (п. 3 ч. 1 ст. 287 АПК РФ), которая могла бы быть востребована по делам с большим числом оценочных суждений, сложностями правового характера, многоэпизодностью, особой общественной значимостью и т.д.

Нужно осознавать, что, оказавшись перед необходимостью разрешения объективно сложного дела, судьи советуются друг с другом, докладывают о своих затруднениях на совещаниях и даже подпадают под авторитетное мнение судебного руководства. Такие действия наносят, по мнению некоторых исследователей, урон независимости суда¹⁶. Было бы логичнее и справедливее предусмотреть в УПК РФ процессуальную возможность по решению судьи или по его заявлению принимать коллегиальные акты в тех случаях, когда судья приходит к выводу, что дело слишком сложно для одного человека. Процессуальная коллегия, в отличие от обезличенных «опытных коллег», несет ответственность за принятое решение, что позволяет ей формировать свое мнение без неуместной категоричности.

Единоличное и коллегиальное в судах апелляционной инстанции

Хотя апелляция как правовое явление конкретно в России не имела поступательной истории развития, тем не менее, идея любого пересмотра на «генетическом» уровне воспринимается как коллегиальное рассмотрение. Но причины необходимости коллегиального рассмотрения в первой и проверочных инстанциях, полагаем, отличаются. Если для первой инстанции характерна передача коллегиям особо важных и сложных дел, то для второй и последующих инстанций это уже не так актуально. Если с важностью дел еще можно согласиться, то сложность их в сравнении с первой инстанцией, скорее уменьшается, ведь даже по самому «сомнительному» делу к моменту его поступления в апелляционную или кассационную инстанцию собрано больше доказательств, аргументов, точек зрения, чем при поступлении дела в суд первой инстанции, все они уже каким-то образом обобщены и оценены. В вышестоящих инстанциях коллегиальность связана более с приданием авторитета выносимому судебному акту

и необходимостью сохранения авторитета суда первой инстанции: именно то, что судей трое позволяет общественности принять отмену единоличного решения другого судьи, вынесенного именем государства. Принять идею отмены одним судьей решения другого судьи сложнее.

Практически весь пореформенный период «исключением» из общего правила о коллегиальности были судебные акты мировых судей, которые пересматривались в апелляционном порядке районными судами в единоличном составе. Отсутствие дополнительных гарантий справедливости нового решения при единоличном пересмотре старого вызвало критику предусмотренного порядка как в уголовном¹⁷, так и в гражданском судопроизводстве¹⁸.

Последнее десятилетие показало стремление законодателя к сокращению коллегиальной апелляции во всех видах судопроизводства, однако отраслевые различия в реализации идеи вызывают некоторое недоумение.

Вопреки ожиданиям научной общественности в сфере уголовного судопроизводства унификация пошла по пути приближения «правила» к «исключению», а не наоборот, выразившись в распространении единоличной апелляции на другие категории решений, помимо вынесенных мировыми судьями. В 2013 г. единоличная апелляция была распространена на дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, а также промежуточные судебные акты¹⁹.

При этом КАС РФ, принятый в 2015 г., распространил на акты мировых судей коллегиальную апелляцию, укрепив убеждение о таком порядке вещей как должном²⁰.

Действительно ли государство осознанно решило, что уголовные дела о преступлениях,

¹⁷ См.: *Паночкин А. М.* Система пересмотра решений мировых судей по уголовным делам в рамках модели автономизации мировой юстиции // *Мировой судья*. 2016. № 3. С. 19–23.

¹⁸ См.: *Терехова Л. А.* Система пересмотра судебных решений в ГПК РФ // *Вестник гражданского процесса*. 2012. № 3. С. 29–51; *Трофимова М. С.* Единоличная или коллегиальная апелляция: доводы «за» и «против» // *Вестник Новгородского ун-та*. 2012. № 69. С. 97–100.

¹⁹ См.: Федеральный закон от 23.07.2013 № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации” по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства» // *СЗ РФ*. 2013 № 30 (ч. 1), ст. 4050.

²⁰ См.: *Гамидова Э. Г.* Рассмотрение административных дел в порядке апелляции по Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации // *Ленинградский юрид. журнал*. 2016. № 4. С. 187–198.

¹⁶ См.: *Гизатуллин И. А.* Процессуальная независимость судей: сущность и проблемы обеспечения // *Росс. журнал правовых исследований*. 2019. Т. 6. № 1. С. 105–115.

за которые может быть назначено лишение свободы до 10 лет²¹, нуждаются в менее тщательном рассмотрении, чем административные дела о вынесении судебного приказа по требованиям о взыскании обязательных платежей и санкций? Едва ли. Но в 2021 г. в суды апелляционной инстанции поступило четыре жалобы по административным делам на отказ в отмене судебного приказа и 122 тыс. жалоб — по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести на итоговые судебные акты. Видимо, разгадка заключается в экономической целесообразности: финансовое обеспечение работы втрое большего числа судей по сотням тысяч жалоб не сопоставимо с расходами на какие-то «экзотические» коллегиальные рассмотрения. Однако единообразное законодательное отношение к решениям мировых судей было бы на пользу авторитету институту единоличной апелляции.

Расширение сферы единоличной апелляции отчетливо заметно в арбитражном, административном и гражданском судопроизводстве. Практически единообразно реформировал АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Единолично предполагалось рассматривать апелляционные жалобы на промежуточные судебные акты и решения, вынесенные в упрощенном порядке, причем последние без проведения судебного заседания. Коллегиальный пересмотр промежуточных судебных актов был первым упразднен в рамках законодательной оптимизации расходов на апелляцию. По общему правилу последствия принятия незаконного или необоснованного промежуточного акта менее опасные в сравнении с итоговым актом. И если выбирать из двух зол — невозможности обжалования промежуточных актов и единоличного апелляционного пересмотра их — следует выбрать второе. Потенциальная перспектива пересмотра бесспорно дисциплинирует суд первой инстанции при вынесении этих актов; однако проблема недостаточной авторитетности единоличной апелляции от этого не решается.

В целом такая же ситуация с обжалованием актов, вынесенных в упрощенных производствах. Нынешние тенденции сокращения коллегиальности во всех инстанциях не позволяют с позиций реалистического подхода аргументировать необходимость коллегий при пересмотре промежуточных актов или решений, вынесенных в упрощенном порядке.

Тем не менее споры по поводу промежуточных актов или в рамках упрощенных производств

все же можно в целом назвать более простыми в сравнении остальными, с точки зрения юридического и фактического содержания. Этого нельзя сказать об уголовных делах по какой-то категории преступлений (в узком уголовно-правовом смысле этого слова). Скажем, многие экономические преступления, относящиеся к категории небольшой или средней тяжести, сложны в отдельных элементах предмета доказывания в сравнении даже с классическим особо тяжким преступлением — убийством по ст. 105 УК РФ.

Понятно, что критерий категории преступлений отражает не сложность, а общественную значимость дела, а также, как это ни цинично, цену судебной ошибки. Назначение невинному наказанию, не связанного с лишением свободы (и даже его исполнение), в плане репутационных потерь для государства куда более приемлемо, чем осуждение к длительным срокам лишения свободы.

Однако принципиально допустима разработка критериев выделения среди промежуточных судебных актов любых видов судопроизводства тех, обжалование которых в апелляционном порядке, стоит расходов на коллегиальное рассмотрение. Так, АПК РФ делает исключение в единоличной апелляции по промежуточным актам для определений, вынесенных по делам о банкротстве, в связи с тем, видимо, что определения о включении или об отказе во включении в реестр кредиторов по правовым последствиям эквивалентны решениям об удовлетворении или отказу в удовлетворении иска о взыскании, т.е. итоговым судебным актам. Но при этом содержащая соответствующее указание ч. 3 ст. 223 АПК РФ не уточняет, какие именно определения по делам о банкротстве имеются в виду, поэтому под коллегиальную апелляцию подпадают и «обычные» определения вроде определения об исправлении описок и опечаток²².

Отношение юридической общественности к соотношению единоличной и коллегиальной апелляции разнообразно. Широкое применение коллегиальной апелляции в арбитражном процессе критикуется так же, как и распространение единоличной апелляции — в уголовном, хотя первое гораздо более неожиданно. Тем не менее, еще до начала распространения единоличной апелляции на какие-то акты, помимо решений мировых судей, аргументировалась идея соответствующего состава апелляционного суда в арбитражном процессе. Такое предложение было выдвинуто председателем Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда

²¹ По состоянию на июль 2022 г. максимальное наказание, предусмотренное в Уголовном кодексе РФ за неосторожное преступление средней тяжести, — 10 лет лишения свободы (ч. 3 ст. 15).

²² См.: Правовые подходы Арбитражного суда Уральского округа относительно разрешения вопросов, связанных с применением Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, выработанные в ходе рабочей встречи 25 октября 2019 г. // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2020. № 2.

и активно обсуждалось²³, а в 2016 г. было принято и Советом судей РФ²⁴.

Единоличное и коллегиальное в судах кассационной инстанции

Рассмотрение соотношения должно производиться с учетом вопроса о одновременном появлении в уголовном, арбитражном, гражданском и административном судопроизводствах двух видов кассации — сплошной и выборочной.

Новшеством сплошной кассации является распространение единоличного пересмотра на уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, включая подсудные районным судам по первой инстанции. Прямых межотраслевых аналогов этому пока нет: остальные итоговые судебные акты, вынесенные в общем порядке, и не связанные с мировыми судьями, в арбитражном, гражданском и административном процессах пересматриваются в кассации коллегиально. Арбитражный процесс предусматривает единоличную сплошную кассацию для пересмотра судебных приказов и актов, вынесенных в порядке упрощенного производства. Гражданская процессуальная кассация предполагает единоличный пересмотр по делам, подсудным мировым судьям, по судебным приказам, по делам упрощенного производства, по определениям, но только вынесенным мировыми судьями, районными и гарнизонными судами и актам их пересмотра. В сравнении с этим перечнем в административном процессе под единоличный пересмотр подпадают определения («которыми не заканчивается производство по делу») без указания на суды, их вынесшие. На этом последнем пункте перечня имеет смысл остановиться подробнее. Промежуточные определения могут выноситься не только единоличным, но и коллегиальным составом суда, как в первой, так и в апелляционной инстанции, поэтому не случайно ГПК РФ относит к предмету единоличного кассационного пересмотра только те, что вынесены мировыми судьями, районными и гарнизонными судами, ведущими производство независимо от инстанции исключительно единолично. Промежуточные акты судов субъектов Федерации, действующих как апелляционная инстанция, выносятся в том числе коллегиально и в кассационном порядке пересматриваются тоже коллегиально.

Нелогичной представляется абстрактная идея единоличного пересмотра судебного акта, вынесенного

коллективно: такое противопоставление судей вышестоящих и нижестоящих инстанций, основанное на одной «лестнице», уподобляет судебную власть исполнительной, сходства с которой ей следует остерегаться. Однако уголовный процесс допускает такие ситуации, пусть и, скорее всего, неумышленно: при кассационном пересмотре промежуточных судебных актов, вынесенных судом апелляционной инстанции коллегиально²⁵; при апелляционном пересмотре промежуточных судебных актов, вынесенных коллегиально судом первой инстанции. Можно предположить, что будут появляться и другие случаи нежелательных единоличных пересмотров коллегиальных решений, особенно с появлением единоличной кассации, например при изменении категории преступления на менее тяжкую в процессе прохождения дела по судебным инстанциям.

Предпочтительным выглядит административный процессуальный вариант нормативного регулирования этого вопроса. В КАС РФ была специально введена ч. 2¹ ст. 315, предусматривающая правило о рассмотрении частных жалоб на определения судом единолично, за исключением тех, что принесены на определения, вынесенные коллегиально.

Возвращаясь к составу суда кассационной инстанции при пересмотре итоговых актов, в уголовном процессе нельзя исключать дальнейшее распространение единоличной кассации, особенно с учетом опыта реформирования апелляции, оно вполне возможно. Можем указать лишь на то, что стройность законодательной конструкции определения дел, «недостойных» коллегиального кассационного рассмотрения, неполная. Хотя очевидно стремление исключить из компетенции коллегий (не только кассационных, но и апелляционных и, конечно, в первой инстанции) дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, и оно вполне логично, если уж такой выбор приходится делать, последние, тем не менее, могут избежать единоличного рассмотрения. Так, к подсудности окружных военных судов по первой инстанции помимо дел о тяжких и особо тяжких преступлениях оказались отнесены довольно неясные дела о преступлениях, при назначении наказания за которые подлежит учету отягчающее обстоятельство, предусмотренное п. «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Что это за дела, никому доподлинно не известно, сама судебная система не проявляет к ним интереса с указанием на отсутствие всякой

²³ См.: Матеров Н. В. Апелляция — единолично! // ЭЖ-Юрист. 2010. № 34. С. 5.

²⁴ См.: постановление президиума Совета судей РФ от 14.04.2016 № 502 «Об итогах обобщения предложений по оптимизации судебной нагрузки в арбитражных судах» // В официальных источниках опубликовано не было.

²⁵ См.: постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 28.04.2022 № 77-857/2022; Кассационное постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 08.06.2022 № 77-1101/2022 // В официальных источниках опубликованы не были.

практики²⁶, однако формулировка не исключает того, что это могут быть дела о преступлениях небольшой или средней тяжести. Из этого последует применение п. 4 ч. 3 ст. 401³ УПК РФ, относящего дела, рассмотренные окружным военным судом к компетенции Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ, кассационный пересмотр в которой осуществляется коллегиально.

Возражать против того, чтобы какие-то дела пересматривались коллегиально, а не единолично, мы не будем, поскольку считаем, что первый способ является предпочтительным, а второй — лишь «неизбежным злом». Предполагаем, что лицо, обжалующее итоговое судебное решение, в большинстве случаев предпочло бы не три вышестоящие инстанции, рассматривающие его жалобы единолично (апелляция, сплошная кассация и «фильтр» выборочной кассации), а одну инстанцию, полноценно работающую коллегиально. Конечно, не секрет, что ключевое слово здесь «полноценно»: так и не найдя способов добиться равной вовлеченности судей «тройки» в рассмотрение дела, государство отказалось от идеи финансировать заседания коллегий в том же объеме, что прежде. Число жалоб постоянно растет, судей нужно все больше, а удовлетворенности работой судов и доверия им больше не становится, поэтому стало возможно зафиксировать де-юре то положение вещей, которое много лет (если не всегда) преобладало де-факто. Очевидно, что за «поверхностный взгляд» на дело, позволяющий членам коллегии, помимо докладчика, исследовать его «не вглубь, а вширь»²⁷, государство платить более не желает.

Достоинства коллегиальности — широта взгляда на проблему, разные точки зрения, преодоление предрассудков, критический анализ и т.д. — становятся гипотетическими тогда, когда нет индивидуальной ответственности (в нашем случае не юридической, а скорее моральной) членов коллегии за принятое решение. Несмотря на активную разработку коллегиального порядка в юридической литературе вообще и уголовно-процессуальной в частности, предложений по «групповому» составлению судебных актов нет. До тех пор, пока судебные решения будет писать судья-докладчик и главный показатель качества судейской работы — стабильность этих решений — будет фиксироваться за ним же, равное участие членов судебной коллегии в вынесении и мотивировании решения будет редким и факультативным явлением. Попытки коллегиальной мотивировки судебных актов

удачными назвать нельзя: среди них, например, анкетирование суда ассизов о мотивах принятого решения и с последующим их суммированием в мотивированное решение председателем²⁸. Проблематичность создания «целостного» взгляда при коллегиальном рассмотрении отмечают и в англосаксонской системе права²⁹.

Для современного этапа развития уголовно-процессуального права, пожалуй, характерно наибольшее преобладание единоличного начала над коллегиальным в части проверочных инстанций за все время существования правосудия, если опираться на соответствующие исторические обзоры³⁰.

Наименее логичным в расширении единоличной апелляции и переходе к единоличной кассации выглядит распространение этих порядков на все дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, а не только тех, которые подсудны мировым судьям. Несмотря на все возражения, уголовный и гражданский процессы за десятилетия «свыклись» с тем, что дела, подсудные мировым судьям, «несложные», не требующие коллегиального пересмотра. Так это или нет, уже не важно, поскольку теперь получается, что и дела, подсудные районным судам (огромное число дел о преступлениях небольшой и средней тяжести) стали такими же, а для этой позиции никакой теоретической платформы создано не было. Может возникнуть вопрос о соотношении подсудности мировых судей и районных судов, если она уравнивается единоличной апелляцией, а теперь и кассацией. На долю дел о преступлениях небольшой и средней тяжести приходится 60%, а это значит, что именно такое число уголовных дел никогда не будут рассмотрены коллегией, поскольку мизерным количеством дел, добравшихся до второй кассации и надзора, статистически можно пренебречь. Гражданский процесс, который пока не воспользовался идеей распространения единоличной апелляции (и кассации) на итоговые решения районных судов, однако сформулировал некоторые идеи, которые могли бы быть использованы вне зависимости от отраслевой принадлежности процессуальных норм. Например, это рассмотрение жалоб единолично при отсутствии возражений сторон по этому поводу³¹.

²⁸ См. подр.: Головки Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство. М., 2022. С. 93.

²⁹ См.: Cross F.B., Tiller E.H. Understanding collegiality on the court // University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law. 2008.

³⁰ См., напр.: Карцевская О.И. Соотношение единоличного и коллегиального принципов при осуществлении правосудия в истории России // Вестник Владимирского юрид. ин-та. 2021. № 1. С. 150–158.

³¹ См.: Алиэскеров М.А. Коллегиальное и единоличное рассмотрение гражданских дел в судах второй инстанции // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 9. С. 33–36.

²⁶ См.: Справка по итогам изучения судебной практики Ульяновской области по уголовным делам о преступлениях террористической и экстремистской направленности // В официальных источниках опубликована не была.

²⁷ Щепалов С.В. Апелляция в гражданском процессе: к вопросу о составе суда // Росс. юстиция. 2009. № 6.

В рамках настоящей статьи рассматривать сочетание единоличного и коллегиального в «выборочной» кассации и надзоре не будем, поскольку межотраслевых различий, помимо текстуальных в судебных процессах в этих стадиях нет. Это не значит, что пересмотры, осуществляемые Верховным Судом РФ, лишены недостатков, но по крайней мере они общие для всех видов судопроизводства.

Относительно тенденций соотношения единоличного и коллегиального в судах первой, апелляционной и кассационной инстанций можно резюмировать, что отраслевые их варианты имеют не обоснованные отраслевой спецификой различия. Наиболее вероятная причина их происхождения состоит в том, что законодательное реформирование разных видов судебного процесса (уголовного и гражданского, арбитражного и административного) осуществляется изолированно, без постоянного сопоставления и выработки универсальных подходов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиэскеров М.А. Коллегиальное и единоличное рассмотрение гражданских дел в судах второй инстанции // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 9. С. 33–36.
2. Верещагин А.Н. О происхождении российской судебной системы и ее перспективах // Закон. 2019. № 4. С. 54–66.
3. Галузо В.Н., Канафин Н.А. О Суде по интеллектуальным спорам в системе арбитражных судов Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12. С. 100–103.
4. Гамидова Э.Г. Рассмотрение административных дел в порядке апелляции по Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации // Ленинградский юрид. журнал. 2016. № 4. С. 187–198.
5. Гизатуллин И.А. Процессуальная независимость судей: сущность и проблемы обеспечения // Росс. журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 1. С. 105–115.
6. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство. М., 2022. С. 93.
7. Гуськова А.П., Соколова Н.Г. О спорных вопросах реализации права обвиняемого на рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей // Росс. судья. 2008. № 2.
8. Демичев А.А., Илюхина В.А. О некоторых дискуссионных проблемах принципов гражданского процесса России (аналогия закона и аналогия права, сочетание единоличного и коллегиального начала в судопроизводстве) // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7.
9. Дикарев И.С. Вопросы подсудности уголовных дел военным судам // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 6. С. 63–68.
10. Карцевская О.И. Соотношение единоличного и коллегиального принципов при осуществлении правосудия в истории России // Вестник Владимирского юрид. ин-та. 2021. № 1. С. 150–158.
11. Матеров Н.В. Апелляция – единолично! // ЭЖ-Юрист. 2010. № 34. С. 5.
12. Панокин А.М. Система пересмотра решений мировых судей по уголовным делам в рамках модели автономизации мировой юстиции // Мировой судья. 2016. № 3. С. 19–23.
13. Правовые подходы Арбитражного суда Уральского округа относительно разрешения вопросов, связанных с применением Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, выработанные в ходе рабочей встречи 25 октября 2019 г. // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2020. № 2.
14. Тарасов А.А. Единоличное и коллегиальное в уголовном процессе: правовые и социально-психологические проблемы. Самара, 2001. С. 8.
15. Терехова Л.А. Система пересмотра судебных решений в ГПК РФ // Вестник гражданского процесса. 2012. № 3. С. 29–51.
16. Трофимова М.С. Единоличная или коллегиальная апелляция: доводы «за» и «против» // Вестник Новгородского ун-та. 2012. № 69. С. 97–100.
17. Шеналов С.В. Апелляция в гражданском процессе: к вопросу о составе суда // Росс. юстиция. 2009. № 6.
18. Cross F.B., Tiller E.H. Understanding collegiality on the court // University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law. 2008.

REFERENCES

1. Alieskerov M.A. Collegial and sole consideration of civil cases in courts of second instance // Arbitration and Civil Procedure. 2008. No. 9. Pp. 33–36 (in Russ.).
2. Vereshchagin A.N. On the origin of the Russian judicial system and its prospects // Law. 2019. No. 4. Pp. 54–66 (in Russ.).
3. Galuzo V.N., Kanafin N.A. On the Court of Intellectual disputes in the system of arbitration courts of the Russian Federation // Law and the State: Theory and Practice. 2019. No. 12. Pp. 100–103 (in Russ.).
4. Gamidova E.G. Consideration of administrative cases by way of appeal under the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation // Leningrad legal journal. 2016. No. 4. Pp. 187–198 (in Russ.).
5. Gizatullin I.A. Procedural independence of judges: the essence and problems of ensuring // Russ. Journal of Legal Studies. 2019. Vol. 6. No. 1. Pp. 105–115 (in Russ.).
6. Golovko L.V. The state and its criminal proceedings. M., 2022. P. 93 (in Russ.).
7. Guskova A.P., Sokolova N.G. On controversial issues of the implementation of the right of the accused to consider a criminal case by a court with the participation of jurors // Russ. judge. 2008. No. 2 (in Russ.).
8. Demichev A.A., Ilyukhina V.A. On some controversial problems of the principles of the civil process in Russia

- (analogy of law and analogy of law, combination of individual and collegial principles in legal proceedings) // Arbitration and Civil Procedure. 2020. No. 7 (in Russ.).
9. *Dikarev I.S.* Issues of jurisdiction of criminal cases to military courts // Law in the Armed Forces. 2020. No. 6. Pp. 63–68 (in Russ.).
 10. *Kartsevskaya O.I.* Correlation of individual and collegial principles in the administration of justice in the history of Russia // Herald of the Vladimir legal institute. 2021. No. 1. Pp. 150–158 (in Russ.).
 11. *Materov N.V.* Appeal – alone! // EZH-Yurist. 2010. No. 34. P. 5 (in Russ.).
 12. *Panokin A.M.* The system of reviewing decisions of magistrates in criminal cases within the framework of the model of autonomization of world justice // Justice of the Peace. 2016. No. 3. Pp. 19–23 (in Russ.).
 13. Legal approaches of the Arbitration Court of the Ural District regarding the resolution of issues related to the application of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, developed during a working meeting on October 25, 2019 // Economic Justice in the Ural District. 2020. No. 2 (in Russ.).
 14. *Tarasov A.A.* Individual and collective in criminal proceedings: legal and socio-psychological problems. Samara, 2001. P. 8 (in Russ.).
 15. *Terekhova L.A.* The system of judicial review in the CPC of the Russian Federation // Herald of the Civil Procedure. 2012. No. 3. Pp. 29–51 (in Russ.).
 16. *Trofimova M.S.* Individual or collegial appeal: arguments “for” and “against” // Herald of the Novgorod University. 2012. No. 69. Pp. 97–100 (in Russ.).
 17. *Shchepalov S.V.* Appeal in civil proceedings: on the question of the composition of the court // Russ. Justice. 2009. No. 6 (in Russ.).
 18. *Cross F.B., Tiller E.H.* Understanding collegiality on the court // University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law. 2008.

Сведения об авторе

ШАРИПОВА Алия Рашитовна —
доктор юридических наук, доцент,
доцент Института права Уфимского
университета науки и технологий;
450005 г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131

Authors' information

SHARIPOVA Aliya R. —
Doctor of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Institute of Law,
Ufa University of Science and Technology;
131 Dostoevskogo str., 450005 Ufa, Russia

УДК 343

ИСТОЧНИКИ КОНКРЕТИЗАЦИИ И ТОЛКОВАНИЯ ПРЕДПИСАНИЙ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

© 2024 г. Р. Г. Асланян

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

E-mail: aslanyanruslan@mail.ru

Поступила в редакцию 27.08.2022 г.

Аннотация. В статье исследуется система формальных источников уголовного права, которая в ходе рассмотрения и анализа мыслится как совокупность форм выражения уголовно-релевантной информации, дифференцированной в зависимости от содержания информации, субъектов ее представления, назначения в механизме уголовно-правового регулирования и отчетливо распадающаяся на две связанные группы: относящаяся к уголовно-правовому запрету в целом и к составу преступления. В качестве основного вывода предложена система формальных источников Особенной части уголовного права, состоящей из двух групп актов: а) нормативные акты, которые представлены источниками установления уголовно-правового запрета (уголовный кодекс и кодекс об ответственности за преступные деяния небольшой степени опасности) и источниками конкретизации запрета (постановления Правительства РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ); б) ненормативные акты, которые представлены источниками необязательного (доктринальные документы, акты неуполномоченных на толкование государственных органов, определения Верховного Суда РФ) и обязательного (решения Конституционного Суда РФ и постановления Президиума Верховного Суда РФ) толкования.

Ключевые слова: источники уголовного права, уголовный закон, Особенная часть уголовного права, определенность права, источники конкретизации уголовного права, источники толкования уголовного права, субъекты представления, нормативный источник.

Цитирование: Асланян Р. Г. Источники конкретизации и толкования предписаний Особенной части российского уголовного права // Государство и право. 2024. № 2. С. 74–81.

DOI: 10.31857/S1026945224020078

SOURCES OF SPECIFICATION AND INTERPRETATION OF THE PRESCRIPTIONS OF A SPECIAL PART OF RUSSIAN CRIMINAL LAW

© 2024 R. G. Aslanyan

Kuban State University, Krasnodar

E-mail: aslanyanruslan@mail.ru

Received 27.08.2022

Abstract. The article examines the system of formal sources of Criminal Law, which, during consideration and analysis, is thought of as a set of forms of expression of criminally relevant information, differentiated depending on the content of information, subjects of its presentation, purpose in the mechanism of criminal law regulation and clearly falling into two related groups: related to the criminal law prohibition in as a whole and to the composition of the crime. As the main conclusion, a system of formal sources of a Special part of Criminal Law is proposed, consisting of two groups of acts: а) normative acts, which are represented by sources of establishing a criminal law prohibition (the Criminal Code and the code of responsibility for criminal

acts of a low degree of danger) and sources of specifying the prohibition (resolutions of the Government of the Russian Federation and resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation); b) non-normative acts, which are represented by sources of non-mandatory (doctrinal documents, acts of unauthorized state bodies, rulings of the Supreme Court of the Russian Federation) and mandatory (decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and decisions of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation) interpretation.

Key words: sources of Criminal Law, Criminal Law, Special part of Criminal Law, certainty of law, sources of concretization of Criminal Law, sources of interpretation of Criminal Law, subjects of representation, normative source.

For citation: Aslanyan, R.G. (2024). Sources of concretization and interpretation of prescriptions of a Special part of Russian Criminal Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 74–81.

В соответствии с предписаниями ст. 3 УК РФ, закрепляющими принцип законности, преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законодательством.

Именно этим принципом, как правило, аргументируется и мысль о том, что Уголовный кодекс РФ есть единственный источник отрасли уголовного права, и положение о множественности источников уголовного права. Противоречие заключается в том, что, с одной стороны, преступность деяния не может быть определена иным, кроме Уголовного кодекса РФ федеральным законом, а с другой — Уголовный кодекс РФ не содержит всей необходимой информации для решения вопроса о том, является ли то или иное конкретное деяние преступным. Его разрешению должен способствовать концепт «правовая определенность». Напомним, что определенность напрямую признавалась А.Э. Жалинским одним из существенных признаков источников уголовного права¹.

Критерий определенности правовой нормы как конституционное требование к законодателю в Российской Федерации был сформулирован в ряде постановлений Конституционного Суда РФ². Основные тезисы в данном случае состоят в следующем:

- принимаемые законы должны быть определенными как по содержанию, так и по предмету, цели и объему действия, а правовые нормы — сформулированными с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить свои действия с ними свое поведение, как запрещенное, так и дозволенное;
- любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя

непосредственно из текста соответствующей нормы — в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, — каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия).

Такие суждения имеются и в положениях Европейского Суда по правам человека, который в одном из знаковых решений указал: «Норма не может считаться “законом”, если она не сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ней свое поведение: он должен иметь возможность — пользуясь при необходимости советами — предвидеть, с какой степенью вероятности к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой данное действие»³.

Вместе с тем очевидно, что дать в уголовном законе такое описание признаков преступления, которое было бы настолько исчерпывающим, детальным, что не возникало бы никаких сомнений в их содержании, что не требовалось бы никаких усилий по их толкованию и уяснению, в принципе невозможно. Такая ситуация — следствие не только особенностей юридической техники конструирования уголовно-правовых запретов, но и наличия как объективных системных связей между различными правовыми источниками, так и взаимодействия представительных, исполнительных и судебных органов в процессе правового регулирования и правоприменения.

Судебные доктрины в полной мере признают данное обстоятельство и не усматривают в нем нерешаемой проблемы. Конституционный Суд РФ неоднократно высказывался по этому вопросу:

- определение степени формализации признаков того или иного преступления как составная часть нормотворческого процесса — исключительная компетенция законодателя. Необходимые же разъяснения по возникающим в судебной практике вопросам применения норм уголовного законодательства, согласно ст. 126 Конституции РФ, дает Верховный Суд РФ⁴;
- оценка степени определенности содержащихся в законе понятий должна осуществляться исходя не только из самого текста закона, используемых формулировок, но и из их места в системе

¹ См.: Жалинский А.Э. О системе источников уголовного права // Жалинский А.Э. Избр. труды: в 4 т. Т. II. Уголовное право / отв. ред. О.Л. Дубовик. М., 2015. С. 159.

² См., в частности: постановления Конституционного Суда РФ: от 25.04.1995 № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой» // СЗ РФ. 1995. № 18, ст. 1708; от 14.04.2008 № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона “О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан” в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2008. № 18, ст. 2089; от 17.06.2014 № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона “Об оружии” в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной» // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. II), ст. 3633; от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // СЗ РФ. 2008. № 24, ст. 2892.

³ См.: постановление ЕСПЧ от 26.04.1979 по делу «Санди Таймс против Соединенного Королевства» (жалоба № 6538/74).

⁴ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта “а” статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 54.

нормативных предписаний⁵; само по себе употребление в диспозиции термина «незаконные» свидетельствует о том, что регулятивные нормы содержатся в других федеральных законах и иных нормативных правовых актах, которыми наполняется содержание данной нормы уголовного закона и в системном единстве с которыми, а также с учетом смежных составов административных правонарушений она подлежит применению⁶;

- принцип правовой определенности не исключает введения в уголовный закон юридических конструкций бланкетного характера, которые для уяснения используемых в нем терминов и понятий требуют обращения к нормативному материалу иных правовых актов⁷;
- неопределенность в понимании нормы может быть преодолена путем систематического толкования с учетом иерархической структуры правовых норм, предполагающей, что толкование норм более низкого уровня должно осуществляться в соответствии с нормами более высокого уровня. При невозможности же использования аналогии закона возможна аналогия права и требования добросовестности, разумности и справедливости⁸.

Развивая и интерпретируя эти суждения применительно к проблематике источников уголовного права, представители науки утверждают, что любой правовой акт, на который сделаны ссылки в тексте диспозиции статьи Особенной части уголовного закона, любой акт, к которому обращается суд применяя уголовный закон, выступает источником отрасли.

При этом в свете обсуждения проблем Особенной части уголовного права можно выделить два несовпадающих концептуальных подхода. Согласно одному из них, источником Особенной части объявляется любая форма объективации любых текстов, содержащих уголовно-релевантную информацию (А.Э. Жалинский⁹), согласно другому, источником признаются документы, содержащие указание на признаки состава преступления (Н.И. Пикуров¹⁰).

Однако представляется, что каждый из них содержит положения, заслуживающие критической оценки. Во-первых, тексты, в которых содержится информация, имеющая отношение к особенной части уголовного права, могут быть

качественно различающимися по своей природе (тексты постановлений Правительства РФ, Пленума Верховного Суда РФ, доктринальные комментарии), что не позволяет синтезировать в рамки единой системы формальных источников собственно нормативных предписаний. Во-вторых, какой бы ни была диспозиция статьи Особенной части уголовного закона (отсылочной, бланкетной, с оценочными признаками), именно в уголовном законе и только в нем может содержаться указание на признаки состава преступления. Иные акты могут лишь раскрывать их содержание, детализировать, уточнять и т.д. Разграничение понятий «признак состава преступления» и «содержание признака состава преступления», о котором убедительно писал В.Н. Кудрявцев¹¹, является в данном случае важным условием дифференциации источников Особенной части уголовного права.

Проблема усугубляется еще и тем, что стремясь к оправданному расширению представлений о системе формальных источников уголовного права (в том числе его Особенной части), специалисты, как правило, игнорируют эти обстоятельства, излагая их «общим списком», что является существенным препятствием к полноценному развитию учения об источниках Особенной части уголовного права. Оно ориентирует исследователей в большей части на познание иерархических отношений между разнообразными источниками права. Это важный момент, но как представляется, вторичный, ибо вопросы иерархии должны сопровождаться исследованием координационных связей между источниками права с тем, чтобы в полной мере соблюсти требования системного подхода.

Специалисты отчасти сознают эти особенности источников уголовного права. Некоторые на этой основе предлагают рассматривать источники уголовного права в двух аспектах — широком и узком¹², другие выделяют категорию дополнительных (рекомендательных, разъяснительных) источников¹³.

С учетом изложенных обстоятельств возникает *необходимость согласовать и в известном смысле «примирить» положение об уголовном законе как единственном источнике Особенной части уголовного права и тезис о полисточниковом характере отрасли. Теоретической основой для такого решения должно стать принципиальное «разведение» конструкций уголовно-правового запрета и состава преступления, а равно процессов создания, конкретизации и толкования права.*

Уголовно-правовой запрет как целостное суждение о преступности и наказуемости определенного вида общественно опасного поведения, структурно корреспондирующий уголовно-правовому предписанию Особенной части с его диспозитивной и санкционной частью, в силу прямого указания ч. 1 ст. 1 УК РФ может быть сформулирован исключительно в уголовном законе. Статья Особенной части УК РФ в данном случае может рассматриваться в качестве «учреждающего», «первичного» предписания, выражающего волю государства преследовать и наказывать за то или иное поведение.

Реальная практика применения уголовно-правового предписания Особенной части опосредуется теоретической конструкцией состава преступления, которая выполняет важную гарантийную функцию по отношению к правам человека. Только то общественно опасное деяние, которое содержит все признаки состава, может выступать основанием уголовной

⁵ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишников, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова» // СЗ РФ. 2003. № 24, ст. 2431.

⁶ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других» // СЗ РФ. 2011. № 15, ст. 2191.

⁷ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева» // СЗ РФ. 2015. № 30, ст. 4659.

⁸ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 966-О-П «По жалобе гражданина Пospelова Александра Леонидовича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями статьи 29 Патентного закона Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 2.

⁹ См.: Жалинский А.Э. Указ. соч. С. 159.

¹⁰ См.: Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. М., 2009. С. 16–31.

¹¹ См. об этом подр.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд. М., 1999. С. 97–100.

¹² См.: Майорова Е.И. К вопросу об источниках уголовного права // Nauka-rastudent.ru. 2015. № 11 (23).

¹³ См.: Бахматов Б.Д. Классификация источников уголовного права Российской Федерации // Право и политика. 2017. № 4. С. 37.

ответственности (ст. 8 УК РФ) и применения мер уголовно-правового принуждения.

Уголовно-правовое предписание Особенной части, включенное законодателем в структуру кодифицированного уголовного закона, с учетом системных его свойств и в единстве с иными содержащимися в нем предписания, выражает все признаки состава преступления. Отсутствие какого-либо признака состава преступления в уголовном законе делает предписание Особенной части уголовного права нежизнеспособным.

Исходя из требований правовой определенности, идеальной является ситуация, при которой содержание всех признаков состава прямо и непосредственно выражено в Уголовном кодексе РФ. Однако конституционно допустимой является ситуация, при которой содержание признака (подчеркнем принципиально важную оговорку — не сам признак, а содержание признака) раскрывается в иных документах. Эти документы образуют группу источников, содержащих «вторичные» уголовно-правовые предписания, дополнительную уголовно-релевантную информацию.

Уточнение содержания признаков состава с конституционной точки зрения допустимо в двух различающихся по теоретической природе процессах: конкретизации и толкования права. В современной литературе высказаны различные позиции по вопросу о соотношения этих практик — от их полного отождествления до противопоставления¹⁴. Однако наиболее распространенным и убедительным является подход, согласно которому конкретизация и толкования права, будучи единым в части уточнения, детализации правовых предписаний, различаются по субъектам деятельности и степени нормативности ее результатов. В.В. Ершов пишет: толкование права ограничено только уяснением и разъяснением в правореализационном процессе имеющихся принципов и норм права с целью индивидуализации, индивидуального регулирования фактических общественных отношений; конкретизация же права есть выработка в процессе правотворческой деятельности более детальных, дополнительных, уточняющих и т.д. принципов и норм права, реализующихся в государстве и имеющих большую юридическую силу¹⁵.

В этом отношении *вторичные уголовно-правовые источники отчетливо распадаются на источники конкретизации предписаний Особенной части уголовного права и источники толкования этих предписаний*. Каждый из этих видов нуждается в некотором пояснении.

Поскольку субъектом конкретизации права выступают органы, уполномоченные на создание нормативных правовых предписаний общего характера, источники конкретизации нормативных предписаний Особенной части уголовного права — всегда нормативные правовые акты. Однако, на наш взгляд, далеко не каждый акт, на основании которого может быть уточнено содержание признака состава преступления следует относить к формальным источникам конкретизации уголовно-правовых предписаний.

В науке, к примеру, распространено мнение о том, что при конструировании бланкетных диспозиций, содержащих отсылку к нормам и правилам иных отраслей права, неуголовные нормативно-правовые акты становятся источником уголовного права. «Разумеется, — отмечает

А.В. Наумов, — сами по себе эти правила не превращаются в уголовно-правовой акт (уголовный закон), однако, будучи включенными в содержание диспозиции уголовного закона, превращаются в “клеточку” уголовно-правовой “материи”»¹⁶. С таким суждением можно согласиться отчасти. Стоит напомнить, что бланкетность может иметь различные формы своего проявления — прямая отсылка, использование иноотраслевого термина и т.д.¹⁷ Неуголовно-правовые нормативные акты, к которым отсылает уголовный закон при конструировании состава преступления (например, Правила дорожного движения, отсылка к которым содержится при описании объективной стороны преступления в ст. 264 УК РФ, или Гражданский кодекс РФ, термины которого использованы при описании предмета преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ), во-первых, не предназначены для регулирования уголовно-правовых отношений, и во-вторых, не созданы в целях конкретизации признаков составов преступлений. В логике правового регулирования они представляют собой первичные регулятивные акты, нарушение положений которых оценивается как настолько общественно опасное, что требует криминализации. Отсутствие целевой предназначенности для конкретизации признаков состава преступления выступает важной характеристикой этих нормативных актов. Они не конкретизируют уголовно-правовые предписания, но используются правоприменителем в процессе толкования уголовно-правовых предписаний. Не законодатель в данных актах уточняет признаки составов преступлений, а правоприменитель на основе этих актов толкует уголовный закон. В силу этого, такие акты целесообразно признавать не формальными источниками конкретизации уголовно-правовых предписаний, а материальными источниками их толкования.

Признак «целевого предназначения» и «производности» актов конкретизации права позволяет отнести к формальным источникам Особенной части только те нормативные документы, которые специально созданы для целей применения уголовного закона. Такие документы теоретически мыслимы прежде всего в виде парламентских и правительственных актов.

Парламент имеет все конституционные возможности для того, чтобы конкретизировать созданные им уголовно-правовые предписания. Надо учитывать, однако, что такая конкретизация может иметь единственную форму своего внешнего выражения — это закон. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1997 г. № 17-П¹⁸ делегитимировало возможность аутентичного толкования законов. Парламент не дает толкования законов, но конкретизирует их. Причем эта конкретизация может выражаться как в уточнении содержания диспозиций статей Особенной части Уголовного кодекса (например, Федеральный закон

¹⁶ Наумов А.В. Нормы других отраслей права как источник уголовного права // Законность. 2002. № 7. С. 38; см. также: Обращев К.В. Неуголовные нормативные правовые акты как источники бланкетной части уголовно-правовых норм // Вестник Московского ун-та МВД России. 2012. № 5. С. 99–105.

¹⁷ См. подробнее об этом: Пикуров Н.И. Указ. соч.

¹⁸ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.1997 № 17-П «По делу о проверке конституционности постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 июля 1995 года № 1090-1 ГД “О некоторых вопросах применения Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации” и от 11 октября 1996 года № 682-П ГД “О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации”» // СЗ РФ. 1997. № 47, ст. 5492.

¹⁴ Обзор позиций см.: Залозило М.В. Конкретизация и толкование юридических норм: проблемы соотношения и взаимодействия // Журнал рос. права. 2010. № 5. С. 107–109.

¹⁵ См.: Ершов В.В. Конкретизация Конституции России: теоретические и практические проблемы // Росс. правосудие. 2013. № 12 (92). С. 9.

от 02.07.2013 № 185-ФЗ в абзаце первом ст. 156 УК РФ слова «педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения» были заменены словами «педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации»), так и во включении в текст закона специальных конкретизирующих примечаний (к примеру, Федеральным законом от 20.03.2001 № 26-ФЗ Закон был дополнен примечанием к ст. 139 УК РФ, раскрывающим понятие жилища). Следует подчеркнуть, что *акты парламентской конкретизации уголовного закона — это всегда законы о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ, в связи с этим их нецелесообразно выделять в качестве отдельного, самостоятельного формального источника конкретизации уголовно-правовых предписаний.*

Другое дело — акты Правительства РФ. Некоторые специалисты полагают, что «в отличие от иных отраслей права уголовное право исключает из числа своих источников подзаконные нормативные правовые акты» и что «принятие подзаконных актов по каким-либо вопросам преступности и наказуемости деяний не предусмотрено»¹⁹. Это утверждение требует корректировки. Преступность и наказуемость деяний в силу указания принципа законности, действительно, не могут устанавливаться подзаконными актами. Однако это не исключает подзаконные акты из числа источников уголовного права. В настоящий момент они образуют вполне отчетливый массив (более 10) актов конкретизации уголовно-правовых предписаний, ограниченный, как правило, уточнением признаков предмета преступлений и преступных последствий.

Возможность принятия Правительством РФ актов конкретизации уголовно-правовых предписаний прямо предусматривается в тексте уголовного закона. Однако конкретизация, хотя и является частью нормотворческого процесса, не может тем не менее приводить к коррекции признаков состава преступления. В этом состоит ее производный и уточняющий характер. На это обстоятельство прямо указал Конституционный Суд РФ: «Принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную (статья 10 Конституции РФ) в сфере правового регулирования предполагает разграничение законодательной функции, возлагаемой на Федеральное Собрание РФ, и функции обеспечения исполнения законов, возлагаемой на Правительство РФ, которое, осуществляя меры по обеспечению прав и свобод граждан (статья 114, пункт «е» части 1, Конституции РФ) и действуя на основании и во исполнение федеральных законов (статья 115, часть 1, Конституции РФ, статьи 2 и 3 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации»), не вправе, как и другие органы исполнительной власти, устанавливать не предусмотренные федеральным законом основания уголовной ответственности»²⁰.

Отдельного внимания в рамках анализа актов конкретизации уголовно-правовых предписаний заслуживают

постановления Пленума Верховного Суда РФ. Широкая дискуссия в науке по поводу возможности или невозможности признания их формальными источниками уголовного права известна и не требует детального воспроизводства. Как правило, в отраслевой литературе спор сводится к вопросу о наделении постановлений Пленума нормативными свойствами общеобязательности, что разводит юристов в два противостоящих лагеря: признающих за этими актами качество нормативного акта и, следовательно, формального источника уголовного права²¹, и не признающими этого, рассматривающими постановления Пленума Верховного Суда РФ исключительно как акт толкования закона²².

Дискуссия эта, как представляется, не вполне учитывает теоретико-правовые различия между актами создания, конкретизации и толкования права. Добавляет неопределенности в понимании статуса постановлений Пленума и нормативная база, определяющая компетенцию Верховного Суда РФ. Исходя из ст. 126 Конституции РФ и п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального закона «О Верховном Суде Российской Федерации», Верховный Суд РФ в целях обеспечения единообразного применения законодательства дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения²³. Выступают ли эти «разъяснения» нормативно-правовыми или правотолковательными актами, остается не ясным.

Специалисты в области общей теории права, акцентированно преломляющие природу постановлений Пленума Верховного Суда РФ через призму дифференциации правосозидательных процессов, также не пришли к единому мнению по рассматриваемому вопросу. Если М.Н. Марченко прямо признает за постановлениями Пленума Верховного Суда РФ свойство нормативных актов²⁴, В.В. Джуря утверждает, что они являются собой акты «нормативного судебного толкования права»²⁵, то Н.Н. Вопленко усматривает в них акты правоприменительной (судебной) конкретизации права²⁶. Расхождения теоретиков в позициях обусловлены авторскими предпочтениями относительно понимания таких феноменов, как конкретизация (возможна или невозможна она на уровне правоприменения) и толкования (может оно иметь общеобязательный характер или не может).

Рассуждая над статусом постановлений Пленума Верховного Суда РФ, на наш взгляд, необходимо исходить из того, что: а) эти акты не связаны с конкретной правоприменительной ситуацией и имеют всеобщее значение; б) как исходящие от органа государственной власти, они обладают свойством нормативности в том плане, что являются

¹⁹ Мадьярова А.В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. СПб., 2002. С. 268.

²⁰ См.: Определения Конституционного Суда РФ: от 08.02.2007 № 290-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина М. на нарушение его конституционных прав положением списка I Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации»; от 08.02.2007 № 292-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чугурова Павла Николаевича на нарушение его конституционных прав положением списка I Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // Документы официально опубликованы не были.

²¹ См.: Наумов А. Юридическая природа и значение постановлений Пленума Верховного Суда РФ по применению уголовного законодательства // Уголовное право. 2011. № 2. С. 59–63; Монахова Л.В. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как источник уголовного права // Марийский юрид. вестник. 2018. № 2 (25). С. 39–42.

²² См.: Парог А.И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 2. С. 51–57; Кайсин Д.В. Источники уголовно-правовой системы Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 9.

²³ См.: Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6, ст. 550.

²⁴ См.: Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. М., 2008. С. 414–429.

²⁵ Джуря В.В. Правовые акты органов судебной власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 6.

²⁶ См.: Вопленко Н.Н. Официальное толкование и конкретизация советских правовых норм // Вопросы теории государства и права: сб. ст. Саратов, 1971. Вып. 2. С. 173.

общеобязательными; в) как не являющиеся законами, они не могут устанавливать преступность и наказуемость деяний.

С учетом данных признаков можно предложить следующий вариант разграничения актов конкретизации и толкования права, значимый для продолжения нашего исследования: акт конкретизации права, как феномен, относящийся к правотворчеству, всегда имеет общий и общеобязательный характер, тогда как акт толкования права либо ограничен пределами конкретной правоприменительной ситуации, либо не имеет общеобязательного значения.

На этой основе надо признать, что *постановления Пленума Верховного Суда РФ представляют формальный источник конкретизации нормативных предписаний Особенной части уголовного права*. Они имеют подзаконный характер, принимаются специально в целях уточнения признаков составов преступлений и порядка применения уголовно-правовых норм, распространяются на все потенциально возможные ситуации применения уголовного закона (носят абстрактный характер, не связаны с обстоятельствами того или иного конкретного уголовного дела) и являются общеобязательными²⁷ (их невыполнение грозит ошибками в применении уголовного закона).

Отмеченные признаки позволяют идентифицировать и обособить в системе формальных источников уголовного права источники толкования нормативных предписаний. Толкование закона в самом общем виде — это познавательная деятельность, направленная на уяснение его смысла. *В отличие от конкретизации права, которое дается только специальными органами, уполномоченными участвовать в правотворческом процессе, толкование может иметь место в практике любого субъекта*. В связи с чем уже в первом приближении необходимо различать акты официального и неофициального толкования.

Толкование, которое выработано субъектами, не имеющими правотворческого статуса, в ситуации, когда оно приобретает высокий авторитет и значимость, вполне может приобрести значение одного из вторичных формальных источников уголовного права — источников неофициального толкования закона.

Акты неофициального толкования не имеют строгой системы, но их совокупность вполне отчетливо распадается на два блока.

Первый составляют доктринальные источники, формой выражения которых выступают различные комментарии, монографическая литература, иные научные труды. Специфика этих источников толкования состоит в том, что они, с одной стороны, не ограничены каким-либо частным случаем и имеют общий характер. Но, с другой стороны, они не наделены свойством обязательности, возможность их применения на практике основывается исключительно на убедительности аргументации и авторитете.

Как система теоретических и научно обоснованных положений о праве, правовая доктрина обладает убеждающей силой и имеет прикладное значение. Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что в ряде случаев суды допускают прямые ссылки на положения доктрины в мотивировочной части своих решений.

Другой разновидностью источников неофициального толкования уголовного закона следует признать документы, исходящие от государственных органов, не наделенных

полномочиями по толкованию. Соответствующие акты толкования подготовлены Федеральной службой судебных приставов²⁸, Федеральной таможенной службой²⁹, Генеральной прокуратурой РФ³⁰. При этом ни один из этих органов, согласно учредительным документам, не обладает компетенцией давать официальное толкование законов, тем более уголовного. Между тем эти официальные документы, хотя и не выражают официального толкования, вносят свой вклад в дело уяснения смысла и содержания нормативных предписаний Особенной части уголовного права.

Противоположность неофициальному составляет официальное толкование уголовного закона. Единственным легитимным субъектом такого толкования выступает суд, а формальным источником выражения — *акты судебной власти, которые в отличие от источников неофициального толкования имеют обязательное значение, но в отличие от источников конкретизации права всегда связаны с обстоятельствами конкретной правоприменительной ситуации*. Отличие актов официального толкования от актов конкретизации права состоит в том, что толкование составляет не суть, не предназначение судебного решения, а его необходимое условие. Рассматривая то или иное дело, суд всегда толкует закон; толкование — неотъемлемая часть правоприменительного процесса. Итог толкования — правовая позиция, сформулированная в приговоре или ином окончательном решении суда.

Можно утверждать об актах судебного толкования Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Каждый из этих источников обладает определенной спецификой.

Постановления Конституционного Суда РФ являются актами толкования собственно уголовного закона, причем толкования специфического — конституционного. Конституционный Суд РФ — единственный орган, уполномоченный давать конституционное толкование уголовного закона³¹, а его правовые позиции по данному вопросу, выраженные в постановлениях и определениях суда, являются общеобязательными.

Решения Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам составляют особую группу формальных источников

²⁸ См.: Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей). Утв. ФССП России 25.05.2017 № 0004/5 // Бюллетень ФССП. 2017. № 7; Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности). Утв. ФССП России 21.08.2013 № 04-12 // Документ официально опубликован не был; Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 312 Уголовного кодекса Российской Федерации («Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации»). Утв. ФССП России 25.04.2012 № 04-7 // Бюллетень ФССП. 2012. № 6; Письмо ФССП России от 29.08.2014 № 00043/14/51617 «О порядке применения статей 177, 315 Уголовного кодекса Российской Федерации в случае неисполнения решения третейского суда» // Документ официально опубликован не был.

²⁹ См.: Письмо ФТС России от 28.01.2010 № 01-11/3425 «О квалификации преступлений по выявленным случаям невозврата в Российскую Федерацию иностранной валюты» // Таможенные ведомости. 2010. № 6.

³⁰ См.: Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. Утв. Генеральной прокуратурой РФ // Документ официально опубликован не был.

³¹ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 25, ст. 3004.

²⁷ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука» // СЗ РФ. 2014. № 1, ст. 79.

толкования закона. Они содержат «коллективный аргументированный вывод, выражающий представление высшей судебной инстанции о должном понимании содержания правовых норм и условий (порядка) их применения судами в процессе осуществления правосудия по уголовным делам, направленный на обеспечение единства и стабильности судебной практики в уголовном судопроизводстве»³².

Ключевой вопрос в рамках теории источников права — признавать ли решения Верховного Суда РФ по конкретным делам статус прецедентов. Как известно, некоторые специалисты последовательно настаивают на положительном решении данного вопроса³³, другие — его отрицают³⁴.

Разрешая эту проблему, необходимо принять во внимание как минимум два важных указания Конституционного Суда РФ.

Во-первых, хотя суд общей юрисдикции в силу ст. 120 Конституции РФ, самостоятельно решая вопрос, подлежит ли та или иная норма применению в рассматриваемом им деле, уясняет смысл нормы, т.е. осуществляет ее казуальное толкование, балансом закрепленных Конституцией РФ принципов независимости судей при осуществлении правосудия, верховенства Конституции РФ и федеральных законов в российской правовой системе, а также равенства всех перед законом и судом обуславливается требование единства практики применения норм законодательства всеми судами³⁵.

Во-вторых, свойством отражать официальную позицию Верховного Суда РФ обладают не все судебные акты. Кроме постановлений Пленума Верховного Суда, содержащих конкретизацию права, свойством официальности обладают лишь постановления Президиума Верховного Суда РФ. «Если постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации являются окончательными, принимаются в составе, представляющем Верховный Суд Российской Федерации в целом, и только в случаях, имеющих особое значение, в частности для формирования единообразной правоприменительной практики, то определения, выносимые судебными коллегиями Верховного Суда Российской Федерации при пересмотре конкретных дел в кассационном порядке, указанным критериям не отвечают»³⁶.

Исходя из этих посылок, можно сделать единственный вывод о том, что обязательным официальным источником толкования уголовного закона высшей судебной инстанцией выступают лишь постановления Президиума Верховного Суда РФ. Определения коллегий Верховного Суда РФ, хотя и содержат толкование закона, не обладают свойством общеобязательности, а следовательно, не могут восприниматься в качестве

источников официального толкования уголовного закона. Их место в системе актов толкования такое же, как и у документов иных государственных органов, содержащих итоги неофициального толкования закона.

* * *

Таким образом, исследование формальных источников Особенной части уголовного права позволяет сделать следующие основные выводы:

- система формальных источников Особенной части уголовного права должна мыслиться как совокупность форм выражения уголовно-релевантной информации, дифференцированных в зависимости от содержания информации, субъектов ее представления и назначения в механизме уголовно-правового регулирования;
- различие содержания и функционального назначения конструкции уголовно-правового запрета и состава преступления, позволяет дифференцировать источники установления запрета, источники конкретизации запрета и источники его толкования; общим признаком источников конкретизации и толкования выступает их целевая установка, специальная предназначенность для уточнения и уяснения содержания отдельных признаков состава преступления;
- источником конкретизации уголовно-правового запрета выступает официальный акт уполномоченного государственного органа, который имеет общий (не связанный с обстоятельствами конкретного дела) и общеобязательный (нормативный) характер; в правовой системе России актами конкретизации уголовно-правовых предписаний Особенной части выступают специально созданные в этих целях постановления Правительства РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ;
- источники толкования уголовно-правового запрета в зависимости от их обязательности, классифицируются на источники неофициального толкования (доктринальные и не имеющие общеобязательного значения акты государственных органов) и источники официального толкования (решения Конституционного Суда РФ и постановления Президиума Верховного Суда РФ), которые хотя и связаны обстоятельствами конкретной правоприменительной ситуации, тем не менее имеют силу правотолковательного прецедента, обязательного для всех последующих аналогичных ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахмадов Б.Д. Классификация источников уголовного права Российской Федерации // Право и политика. 2017. № 4. С. 37.
2. Видергольд А.И. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и их проявление в уголовном судопроизводстве (теоретические и практические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 10.
3. Волпенко Н.Н. Официальное толкование и конкретизация советских правовых норм // Вопросы теории государства и права: сб. ст. Саратов, 1971. Вып. 2. С. 173.
4. Данцева Т.Н. Формальные источники права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. С. 6.
5. Джуря В.В. Правовые акты органов судебной власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 6.

³² Видергольд А.И. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и их проявление в уголовном судопроизводстве (теоретические и практические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 10.

³³ См.: Наумов А. Судебный прецедент как источник уголовного права // Росс. юстиция. 1994. № 1. С. 8–11.

³⁴ См.: Данцева Т.Н. Формальные источники права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. С. 6.

³⁵ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука» // СЗ РФ. 2014. № 1, ст. 79.

³⁶ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других» // СЗ РФ. 2017. № 44, ст. 6569.

6. *Ершов В.В.* Конкретизация Конституции России: теоретические и практические проблемы // Росс. правосудие. 2013. № 12 (92). С. 9.
7. *Жалинский А.Э.* О системе источников уголовного права // Жалинский А.Э. Избр. труды: в 4 т. Т. II. Уголовное право / отв. ред. О.Л. Дубовик. М., 2015. С. 159.
8. *Залоило М.В.* Конкретизация и толкование юридических норм: проблемы соотношения и взаимодействия // Журнал рос. права. 2010. № 5. С. 107–109.
9. *Кайсин Д.В.* Источники уголовно-правовой системы Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 9.
10. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд. М., 1999. С. 97–100.
11. *Мадьярова А.В.* Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. СПб., 2002. С. 268.
12. *Майорова Е.И.* К вопросу об источниках уголовного права // Nauka-rastudent.ru. 2015. № 11 (23).
13. *Марченко М.Н.* Судебное правотворчество и судебское право. М., 2008. С. 414–429.
14. *Монахова Л.В.* Постановления Пленума Верховного Суда РФ как источник уголовного права // Марийский юрид. вестник. 2018. № 2 (25). С. 39–42.
15. *Наумов А.В.* Нормы других отраслей права как источник уголовного права // Законность. 2002. № 7. С. 38.
16. *Наумов А.* Судебный прецедент как источник уголовного права // Росс. юстиция. 1994. № 1. С. 8–11.
17. *Наумов А.* Юридическая природа и значение постановлений Пленума Верховного Суда РФ по применению уголовного законодательства // Уголовное право. 2011. № 2. С. 59–63.
18. *Образжиев К.В.* Неуголовные нормативные правовые акты как источники бланкетной части уголовно-правовых норм // Вестник Московского ун-та МВД России. 2012. № 5. С. 99–105.
19. *Пикуров Н.И.* Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. М., 2009. С. 16–31.
20. *Рарог А.И.* Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 2. С. 51–57.
3. *Voplenko N.N.* Official interpretation and concretization of Soviet legal norms // Questions of the theory of state and law: collection of art. Saratov, 1971. Iss. 2. P. 173 (in Russ.).
4. *Dantseva T.N.* Formal sources of law: abstract ... PhD in Law. Krasnoyarsk, 2007. P. 6 (in Russ.).
5. *Dzhura V.V.* Legal acts of judicial authorities: abstract ... PhD in Law. Omsk, 2009. P. 6 (in Russ.).
6. *Ershov V.V.* Concretization of the Constitution of Russia: theoretical and practical problems // Russ. Justice. 2013. No. 12 (92). P. 9 (in Russ.).
7. *Zhalinsky A.E.* On the system of sources of Criminal Law // Zhalinsky A.E. Selected works: in 4 vols. Vol. II. Criminal Law / res. rev. O.L. Dubovik. M., 2015. P. 159 (in Russ.).
8. *Zaloilo M.V.* Concretization and interpretation of legal norms: problems of correlation and interaction // Journal of Russ. law. 2010. No. 5. Pp. 107–109 (in Russ.).
9. *Kaysin D.V.* Sources of the criminal law system of the Russian Federation: abstract ... PhD in Law. M., 2005. P. 9 (in Russ.).
10. *Kudryavtsev V.N.* General theory of crime qualification. 2nd ed. M., 1999. Pp. 97–100 (in Russ.).
11. *Madyarova A.V.* Explanations of the Supreme Court of the Russian Federation in the mechanism of criminal law regulation. SPb., 2002. P. 268 (in Russ.).
12. *Mayorova E.I.* On the question of sources of Criminal Law // Nauka-rastudent.ru. 2015. No. 11 (23) (in Russ.).
13. *Marchenko M.N.* Judicial lawmaking and judicial law. M., 2008. Pp. 414–429 (in Russ.).
14. *Monakhova L.V.* Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as a source of Criminal Law // Mari legal herald. 2018. No. 2 (25). Pp. 39–42 (in Russ.).
15. *Naumov A.V.* Norms of other branches of law as a source of Criminal Law // Legality. 2002. No. 7. P. 38 (in Russ.).
16. *Naumov A.* Judicial precedent as a source of Criminal Law // Russ. Justice. 1994. No. 1. Pp. 8–11 (in Russ.).
17. *Naumov A.* The legal nature and significance of the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of criminal legislation // Criminal Law. 2011. No. 2. Pp. 59–63 (in Russ.).
18. *Obrazhiev K.V.* Non-criminal normative legal acts as sources of the blank part of criminal law norms // Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 5. Pp. 99–105 (in Russ.).
19. *Pikurov N.I.* Qualification of crimes with blank signs of composition. M., 2009. Pp. 16–31 (in Russ.).
20. *Rarog A.I.* The legal significance of explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // State and Law. 2001. No. 2. Pp. 51–57 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Bakhmadov B.D.* Classification of sources of Criminal Law of the Russian Federation // Law and politics. 2017. No. 4. P. 37 (in Russ.).
2. *Viedergold A.I.* Legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and their manifestation in criminal proceedings (theoretical and practical aspects): abstract ... PhD in Law. Yekaterinburg, 2017. P. 10 (in Russ.).

Сведения об авторе

АСЛАНЯН Руслан Георгиевич —
доктор юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии
Кубанского государственного университета;
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

Authors' information

ASLANYAN Ruslan G. —
Doctor of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University;
149 Stavropolskaya str.,
350040 Krasnodar, Russia

УДК 340.115; 343.1

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА РЕАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ И ПОЗНАНИЮ ИСТИНЫ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ПОЗНАНИЯ, В ТОМ ЧИСЛЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© 2024 г. В. В. Мельник

*Военный университет им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва*

E-mail: melnik55@mail.ru

Поступила в редакцию 21.12.2022 г.

Аннотация. В статье с использованием методологии системного анализа, системно-функционального, системно-структурного и системно-компонентного аспектов системного подхода, а также метода экспертных оценок авторитетных специалистов, исповедующих реалистический подход к пониманию и познанию истины, рассматривается материалистическая диалектика как составная часть реалистической теории познания, гносеологическая основа реалистического подхода к пониманию и познанию истины в различных сферах познания, в том числе в уголовном судопроизводстве. Обосновывается, что одна из причин непродуктивности бесконечной дискуссии между сторонниками и противниками концепции объективной истины в российском уголовном процессе заключается в том, что некоторые участники этой дискуссии с той и другой стороны в своем понимании диалектического материализма как гносеологической основы реалистического подхода к пониманию и познанию истины остановились на уровне советской официальной философии, не учитывая, что диалектический материализм продуктивно развивается путем философского осмысления в рамках комплексного и системного подходов достижений различных отраслей естественных и гуманитарных наук, охватываемых понятием «когнитивные науки», что способствует более глубокому осмыслению оснований, системообразующих факторов реалистического подхода к пониманию и познанию истины.

Ключевые слова: диалектический материализм, комплексный подход с использованием понятийного аппарата общей теории систем, теории функциональных систем, синергетики (теории самоорганизации) и когнитивных наук, метод экспертных оценок как инструменты системного анализа оснований реалистического подхода к пониманию и познанию истины.

Цитирование: Мельник В. В. Материалистическая диалектика как гносеологическая основа реалистического подхода к пониманию и познанию истины в различных сферах познания, в том числе в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2024. № 2. С. 82–90.

DOI: 10.31857/S1026945224020082

MATERIALISTIC DIALECTICS AS AN EPISTEMOLOGICAL BASIS OF A REALISTIC APPROACH TO UNDERSTANDING AND COGNITION OF TRUTH IN VARIOUS SPHERES OF COGNITION, INCLUDING IN CRIMINAL PROCEEDINGS

© 2024 V. V. Melnik

*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation, Moscow*

E-mail: melnik55@mail.ru

Received 21.12.2022

Abstract. In the article, using the methodology of system analysis, system-functional, system-structural and system-component aspects of the system approach, as well as the method of expert assessments of authoritative specialists professing a realistic approach to understanding and cognition of truth, materialistic dialectics is considered as a composite. This part of the realistic theory of knowledge, the epistemological basis of a realistic approach to understanding and knowing the truth in various spheres of cognition, including in criminal proceedings. It is substantiated that one of the reasons for the unproductiveness of the endless discussion between supporters and opponents of the concept of objective truth in the Russian criminal process is that some modern participants in this discussion from both sides in their understanding of dialectical materialism as the epistemological basis of the realistic approach to understanding and knowing the truth stopped at the level of Soviet official philosophy, not taking into account that dialectical materialism is productively developing through philosophical comprehension within the framework of complex and systematic approaches of the achievements of various branches of the natural sciences and humanities covered by the concept of “cognitive sciences”, which contributes to a deeper understanding of the foundations, system-forming factors of the realistic approach to understanding and cognition of truth.

Key words: dialectical materialism, an integrated approach using the conceptual apparatus of the general theory of systems, the theory of functional systems, synergetic (the theory of self-organization) and cognitive sciences, the method of expert assessments as tools for system analysis of the foundations of a realistic approach to understanding and knowing the truth.

For citation: Melnik, V.V. (2024). Materialistic dialectics as an epistemological basis of a realistic approach to understanding and cognition of truth in various spheres of cognition, including in criminal proceedings // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 82–90.

Одна из причин непродуктивности научной дискуссии между сторонниками и противниками концепции объективной истины в российском уголовном судопроизводстве заключается в том, что некоторые участники этой дискуссии с той и другой стороны в своем понимании диалектического материализма остановились на уровне советской официальной философии.

В этой связи заслуживает внимания высказывание проф. А.С. Александрова: «Как заметил в пылу полемики В.В. Дорошков, все, что нужно было знать об объективной истине, сказано в учебниках 20–30-летней давности (советских то есть)»¹. Имеются основания полагать, что А.С. Александров и его сторонники своим «зряшным», необоснованным отрицанием теории отражения и основанного на ней постулата материалистической диалектики о принципиальной познаваемости объективной истины, в том числе о прошлом событии, содержащем признаки преступления, в своем понимании диалектического материализма как гносеологической основы реалистического подхода к пониманию и познанию истины в уголовном судопроизводстве остановились гораздо ниже учебников 20–30-летней давности — где-то на уровне советского периода от «революционной законности» сталинских репрессий до «хрущевской оттепели», когда в советской философии господствовал псевдомарксизм², а советские философы, отстаивающие и развивающие идеи реалистического диалектического материализма, подвергались гонениям как инакомыслящие.

Формированию у участников научной дискуссии об объективной истине в уголовном судопроизводстве представления об архаичности философии диалектического

материализма как гносеологической основы реалистического подхода к пониманию и познанию истины способствует то, что некоторые российские ученые, в том числе юристы, использующие диалектический материализм как всеобщий метод познания, по традиции продолжают именовать его «марксизмом», «марксистской философией», «марксистско-ленинской философией». А диалектическую теорию отражения «величают» «марксистско-ленинской теорией отражения», хотя, как отмечал в своей последней книге выдающийся отечественный ученый-криминалист Р.С. Белкин, никакой ленинской теории отражения нет, в основе теории отражения лежат ленинские догадки о том, что «в самом фундаменте материи лежит свойство, родственное ощущению, — свойство отражения... Но это именно догадки...»³. Е.С. Лапин также признает, что «специальной работы, посвященной теории отражения, В.И. Ленин не оставил»⁴. Указанные ленинские догадки об отражении как всеобщем свойстве материи, в свою очередь, были основаны на творческом обобщении всей предшествовавшей философской мысли, в том числе философских идей, сформулированных в работах немецких философов-материалистов Ф. Энгельса и И. Дицгена, который рассматривал человеческий орган познания как «кусочек природы, отражающей другие куски природы»⁵.

Поскольку диалектический материализм с его теорией отражения и постулатом о принципиальной познаваемости объективной истины как гносеологическая основа понимания и познания истины, в диалектически «снятом» виде вобрал в себя «рациональные зерна» всей предшествовавшей философской мысли, теории познания, в том числе концептуальные положения, сформулированные в философии Гегеля, «Диалектике природы» и других работах Ф. Энгельса и даже положения немецкого рабочего-кожевника

¹ Александров А.С. Состязательность и объективная истина // Библиотека криминалиста. 2012. № 3 (4). С. 144.

² Понятием «псевдомарксизм» охватываются ревизионистские по отношению к классическому марксизму российские версии марксизма, прежде всего сталинская версия. О становление и развитии этой разновидности псевдомарксизма см.: Любутин К.Н., Мошкин С.В. Российские версии марксизма: Иосиф Сталин. Екатеринбург, 2011.

³ Белкин Р.С. Криминалистические проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 49.

⁴ Лапин Е.С. Философия криминалистики: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2021. С. 65.

⁵ Там же. С. 65, 66.

И. Дицгена, самостоятельно пришедшего к материалистической диалектике, едва ли научно корректно диалектический материализм называть «марксистским» или «марксистско-ленинским», так как это несправедливо по отношению к Ф. Энгельсу и другим выдающимся предшественникам и современникам К. Маркса и В.И. Ленина.

Для осмысления того, что диалектический материализм как гносеологическая основа понимания и познания истины в различных сферах науки и практики, в своем развитии не остановился на уровне марксистской или марксистско-ленинской философии, а продолжает активно развиваться, заслуживают внимание концептуальные положения философов, исповедующих реалистический подход к пониманию и познанию истины.

Как отмечает В.К. Иошкин, «материалистическая диалектика, принижаемая ныне, должна стать современным методологическим центром поиска истины», потому что «диалектико-материалистическое учение не догма, а развивающееся, совершенствующееся знание, которое подвержено заблуждениям, но ее заблуждения не абсолютизируются, а корректируются, отвергаются совершенствующейся научной и социальной практикой. Подлинная диалектика не кичится своей завершенностью и абсолютной истинностью, она находится в постоянном поиске, в сопоставлении полученного знания, претендующего на истинность отражения реальности, с самой реальностью. Ее сила в постоянном развитии, совершенствовании, поиске форм знания, в которых полнее, точнее и глубже отражается окружающий человека мир. Как только развитие диалектики останавливается, возникают противоречия между знанием о мире, формами ее отражения и самим миром. В таком случае, диалектика перестает выполнять возложенную на нее самим процессом познания задачу всестороннего, системного целостного осмысления природного и социального бытия, она не может или не способна обстоятельно объяснить современный ей мир. Тогда ее удел — придерживаться авторитета тех лиц, которые разрабатывали данное учение до конкретного уровня. Опора не на реалии бытия, а на авторитеты, превращает учение в догму. Из жизненно важной теории диалектика может стать памятником заслугам мыслителей прошлого, утрачивая свою востребованность»⁶.

Таким образом, как справедливо указывает В.К. Иошкин, «к предшественникам нужно относиться с уважением, но не превращать их мысли в догмы, а дополнять новым содержанием, позволяющем сегодня применять понятия, разработанные нашими теоретическими предшественниками»⁷.

Материалистическая диалектика как гносеологическая основа понимания и познания истины дополняется новым содержанием, благодаря тому, что она в диалектически снятом виде вобрала в себе достижения не только всей предшествовавшей философии и науки, но и современных естественных и гуманитарных наук, прежде всего когнитивных наук, изучающих познавательные процессы человека, что позволяет диалектическому материализму продуктивно развиваться как одному из ведущих направлений реалистической эпистемологии.

Так, по свидетельству академика РАН В.А. Лекторского, «сторонники современного эпистемологического реализма

опираются на интерпретацию научного знания, а также на философское осмысление бурно развивающихся в последние 30 лет когнитивных наук: когнитивная психология, исследования в области искусственного интеллекта, когнитивные нейронауки, эволюционная эпистемология и др.»⁸.

В основе взаимодействия реалистической эпистемологии с различными отраслями естественных и гуманитарных наук, изучающих познавательные процессы человека, лежит то, что эти науки так же, как и реалистическая эпистемология в целом, исповедуют реалистическую гносеологическую установку. Как отмечает В.А. Лекторский, «сегодня существует мощное междисциплинарное движение изучения познавательных процессов в рамках т.н. когнитивной науки: когнитивная психология, исследования искусственного интеллекта, когнитивные нейронауки»⁹. Он подчеркивает, что «эти исключительно интенсивно развивающиеся исследования исходят из реалистической эпистемологической установки»¹⁰, что свидетельствует о том, что существующий ныне в разных вариантах, в том числе в виде материалистической диалектики, эпистемологический реализм «вновь стал модным»¹¹.

Подтверждение тому — концептуальное положение Н.М. Смирновой о том, что «в отечественной литературе в целом превалирует реалистическая установка, заряженная интеллектуальным критицизмом в отношении релятивизма»¹².

Например, в монографии Н.И. Чуприковой¹³ в разделе «Психика как отражение действительности» убедительно показано, что продуктивное познание психической реальности и предмета психологии возможно только в рамках реалистической эпистемологической установки, о чем свидетельствуют следующие концептуальные положения: 1) «к Платону и Аристотелю восходит классическая теория истины как теория соответствия знания реальной действительности»¹⁴; 2) «классическая теория истины может рассматриваться как неотъемлемый органический компонент общего представления о психике как отражения действительности»; 3) «теория отражения ясно раскрывает включенность психики во всеобщую связь процессов и явлений мира»¹⁵. В порядке дополнительного обоснования этих концептуальных положений она приводит довод известного советского психолога, члена-корреспондента АН СССР Б.Ф. Ломова о том, что «если бы психика не осуществляла функций отражения окружающей среды и регуляции поведения, то она была бы просто ненужной; если бы поведение не включало необходимым образом этих функций, то оно не могло бы быть адекватным окружающей среде»¹⁶.

⁸ Лекторский В.А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науках о человеке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2009. С. 9.

⁹ Лекторский В.А. Предисловие // Там же. С. 4.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Смирнова Н.М. Концептуальные проекции релятивизма: когнитивный анализ // Релятивизм как болезнь современной философии / отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2015. С. 62.

¹³ См.: Чуприкова Н.И. Психическая деятельность мозга, язык и сознание (в поисках психической реальности и предмета психологии). М., 2021.

¹⁴ Там же. С. 16.

¹⁵ Там же. С. 14.

¹⁶ См.: там же.

⁶ Иошкин В.К. Интеллектуальное познание и материалистическая диалектика. СПб., 2017. С. 11, 12.

⁷ Иошкин В.К. Объективированное идеальное (духовное) и его роль в жизни человека и общества. СПб., 2016. С. 13.

Философское осмысление результатов научных исследований в области психологии и других естественных и гуманитарных наук, изучающих познавательные процессы человека (когнитивных наук), позволяет более глубоко осмыслить основания реалистического подхода к пониманию и познанию истины, в том числе в уголовном судопроизводстве.

Как известно, философский термин «*основание*» означает «необходимое условие, являющееся предпосылкой существования каких-либо явлений (следствий) и служащее их *объяснением*. Процесс нахождения и изучения О. и выведения из него следствий называется *обоснованием*. История философии и конкретных наук представляет собой цепь поисков О. и *объяснения* с их помощью явлений природы и общества»¹⁷. Под *объяснением* понимается важнейшая функция человеческого познания, состоящая в раскрытии сущности изучаемого объекта «путем показа того, как объясняемый объект подчиняется определенному закону (законам)»¹⁸. В настоящей и опубликованных ранее статьях, посвященных системному анализу существующих подходов к пониманию и познанию истины¹⁹, *объясняемым объектом* является такой сложный системный духовно-практический феномен, как реалистический подход к пониманию и познанию истины.

Для осмысления *оснований* реалистического подхода к пониманию и познанию истины целесообразно руководствоваться концептуальными положениями материалистической диалектики как наиболее развитой части реалистической философии. В процессе ее развития в результате философского диалектико-материалистического осмысления результатов научных исследований в области психологии и других когнитивных наук, изучающих познавательные процессы человека, возникло новое направление реалистической теории познания — фиктиология (философия фиктивности) как теоретическая основа распознавания фиктивных феноменов антропной реальности, в том числе фиктивных концепций, необоснованно претендующих на статус истинных теорий²⁰. В реалистической философии к числу таких фиктивных концепций справедливо относят релятивизм. Н.Т. Абрамова, характеризуя релятивизм как антинаучную концепцию, пишет: «Цель теории — приблизиться к более точному и полному знанию о вещи... Базисное место в теории занимают идеи о факте и истинности; назначение теории в объяснении и предсказании явлений исследуемой области. Ни одной из названных функций релятивизм не обладает; релятивизм, напротив, их отрицает. Следовательно, релятивизм не относится к классу теорий». Таким образом,

«у релятивизма отсутствуют все те модусы, которые указывали бы на его методологический статус»²¹.

Для осмысления с позиции классической (корреспондентской) теории истины и диалектического материализма оснований научной состоятельности реалистического подхода к пониманию и познанию истины в любой сфере познания, в том числе в уголовном судопроизводстве, и оснований атиаучности постмодернистско-релятивистских концепций, при помощи которых некоторые ученые и практикующие юристы пытаются «править бал» в российском уголовном процессе, важное методологическое значение имеют следующие концептуальные положения из области фиктиологии:

- несмотря на то что сознание человека, структура, формы, свойства и процессуальные аспекты функционирования человеческой психики «располагают вполне реальными и разнообразными возможностями как для получения истин, так и для производства фикций и оперирования ими», «следует подчеркнуть, что, хотя сознание человека способно на то и другое, фиктивное в нем второстепенно, главным же в нем является адекватное отражение бытия, обеспечение человека информацией о мире, обеспечение человека предметно истинной информацией о мире»;
- «логика эволюции жизни и психики, бытийная организация человека, способ существования и конкретные формы его жизнедеятельности ориентированы отнюдь не на фикции, не на ошибки, а на истины»;
- «в общем человеческий интеллект ориентирован бытийной сущностью его на производство истин, только их, а не фикций. Поэтому он располагает всеми необходимыми для добычи истин средствами, в том числе способностью различать истинное и фальшивое и освобождаться от фиктивного в интересах истинного, а также свойством духовной жизнестойкости, включая в это понятие самосохранение своего предназначения на производство истин и неразрушимость под воздействием мнимого, даже преднамеренно деструктивного фиктивного. Производство истин, как отмечали классики философии, помимо полезности, приносят человеку еще и духовное удовольствие»²²;
- «фиктивное не в состоянии завладеть нашим мышлением — извратить его природу, назначение и смысл, полностью подчинить себе. Мышление, его алгоритмы и результаты их действий предназначены эволюцией и способом бытия Homo sapiens для снабжения человека адекватной, истинной информацией о реальности и себе самом». И. Кант называл природу человеческого разума «высшим суждением нашей спекуляции», которое «само никак не может быть источником первоначальных заблуждений и фикций», а именно в «естественном складе нашего разума» идеи «имеют полезное и целесообразное назначение»²³.

¹⁷ Карпачев В.Г. Основание // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 8-е изд., дораб. и доп. М., 2009. С. 479; Краткий философский словарь / под ред. А.П. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 275, 276.

¹⁸ Никитин Е.П. Обоснование // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. С. 467. Краткий философский словарь / под ред. А.П. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. С. 271.

¹⁹ См.: Мельник В.В. Системный анализ существующих подходов к пониманию и познанию истины в российском уголовном процессе // Государство и право. 2021. № 5. С. 125–135; Его же. Философские и научные основы реалистического подхода к пониманию и познанию истины в различных сферах познавательной деятельности, в том числе в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2021. № 10. С. 97–106.

²⁰ См.: Макейчик А.А. Философия фиктивности, или Фиктиология. СПб., 2007.

²¹ Абрамова Н.Т. Логико-методологический анализ феномена «релятивизм». Истоки и пути экстенсивного развития // Релятивизм как болезнь современной философии / отв. ред. В.А. Лекторский. С. 357.

²² Макейчик А.А. Указ. соч. С. 117, 120.

²³ Кант И. Соч. М., 1964. Т. 3. С. 569, 570.

Характеризуя состояние развития диалектического материализма как антипода релятивизма и других антиреалистических философских концепций, Г.Д. Левин отмечает, что за четверть века, прошедшие после того, как диалектический материализм потерял статус государственной философии, «эвристический потенциал антиреалистических концепций был в значительной степени исчерпан, и маятник медленно двинулся в обратную сторону: сегодня и в стране, и за рубежом растет интерес к эвристическому потенциалу реализма вообще и материализму в особенности»²⁴.

Подтверждение тому — книга «Диалектическое мышление и развитие взрослых» М. Бессечеса (Саффолкский университет (Бостон, США) и Лиссабонский университет (Португалия)), одного из мировых лидеров в исследовании диалектического мышления, которая начинается словами: «Посвящается Ричи, который научил меня мыслить диалектически»²⁵. Диалектическая гносеологическая установка автора просматривается уже в начале первой главы работы: «Мое описание диалектического мышления как психологического явления основывается на концепции диалектического подхода в философии»²⁶.

Во вступительном слове к данной монографии профессор Н.Е. Веракса (автор концепции структурно-диалектической психологии, основу которой составляет структурно-диалектический метод познания) отмечает, что в книге М. Бессечеса диалектическое мышление представлено «как особый, отличный от формально-логического взгляд на действительность»²⁷ и что развитое диалектическое мышление человека зрелого возраста позволяет ему «более полно, целостно и объемно отразить жизненные ситуации и развиваться на пути поиска истины»²⁸. И далее: развитое диалектическое мышление способствует поиску «наиболее продуктивного решения конкретных жизненных проблем, с которыми сталкивается каждый человек», причем «даже не до конца сформированное диалектическое мышление позволяет успешно решать самые разные жизненные проблемы»²⁹. В заключение Н.Е. Веракса пишет, что «такое понимание роли диалектического мышления сближает позиции автора книги и представителей московского кружка структурных диалектиков»³⁰. Мы благодарим М. Бессечеса за возможность знакомства с его замечательной книгой»³¹.

В свете научных представлений материалистическую диалектику как гносеологическую основу реалистического подхода к пониманию и познанию истины следует рассматривать не как «царицу всех наук», а как «служанку всех наук». В философской литературе справедливо отмечается, что «философия не наука наук, от этого тезиса

давно отказались, но она была и остается служанкой науки. Но служанкой такой, без которой наука бессильна»³².

Точнее, материалистическая философия, ее диалектический материализм как теория познания, гносеологическая основа реалистического подхода к пониманию и познанию истины выполняет функцию «гносеологической служанки» различных сфер науки и практики. Познавательный эвристический потенциал современной философии диалектического материализма как «гносеологической служанки» познавательной деятельности в различных сферах науки и практики, гносеологической основы реалистического подхода к пониманию и познанию истины в любой сфере научной и практической деятельности удачно характеризуют следующие взаимосвязанные концептуальные положения Ю.И. Семенова: 1) «философия — это наука об истине, метод познания, теория познания и метод разумного мышления»; 2) «философия — наука о процессе постижения истины, процессе познания истины. Познать процесс движения к истине можно только одним путем — создать теорию этого процесса. Поэтому философия есть теория процесса познания истины, или, короче, теория познания»; 3) «философия есть не всякий метод исследования, а только самый общий, всеобщий метод познания истины, то есть пригодный в любой области»; 4) поскольку философия есть наука об истине, а «истину способны нести лишь мысли. Поэтому философия, будучи наукой об истине, теорией познания, не может не быть наукой о мышлении, логикой». Далее уточняется, что «философия является не логикой вообще, а наукой лишь о разумном мышлении. Философия есть логика только разумного мышления», «руководство для умственной деятельности, направленной на поиски истины», в том числе и как «способ проверки истинности той или иной философской концепции»³³. Формулируя указанные и другие концептуальные положения в шести книгах цикла «Введение в науку философии», Ю.И. Семенов характеризует диалектический материализм как «подлинно научную современную философию», впитавшую в себя «все достижения предшествующей философской мысли»³⁴, в том числе классические определения истины Платона и Аристотеля, которое принимали в качестве исходного большинство крупных философов»³⁵.

Диалектический материализм является подлинно научной философией, успешно выполняющей функцию гносеологической основы реалистического подхода к пониманию и познанию истины, еще и потому, что он вообрал в себя в диалектически «снятом» виде не только достижения всей предшествующей философии и науки, но и достижения современной науки, прежде всего когнитивных наук.

О том, что диалектический материализм в своем развитии не остановился на уровне марксистско-ленинской теории познания свидетельствует и то, что в рамках материалистической диалектики как составной части реалистической теории познания продуктивно развивается такой общенаучный метод познания как системный подход

²⁴ Левин Г.Д. Материализм и объективный идеализм: сопоставительный анализ // Перспективы реализма в современной философии: сб. тр. / под ред. В.А. Лекторского. М., 2017. С. 191.

²⁵ Бессечес М. Диалектическое мышление и развитие взрослых / пер. с англ. М., 2018. С. 2.

²⁶ Там же. С. 51.

²⁷ Там же. С. 12.

²⁸ Там же. С. 11.

²⁹ Там же. С. 13.

³⁰ Московский кружок структурной диалектики основали А.А. Зиновьев, Г.Н. Щедровицкий, Б.А. Грушин и М.К. Мамардишвили в целях построения на новых основаниях теории мышления, содержательной логики и гносеологии.

³¹ Бессечес М. Указ. соч. С. 13.

³² Иошкин В.К. Объективированное идеальное (духовное) и его роль в жизни человека и общества. С. 13; см. также: Галузо В.Н. Гносеология как основа теории правоохраны // Галузо В.Н. Теория правоохраны в Российской Федерации. Историко-правовое исследование. М., 2022. С. 41.

³³ Семенов Ю.И. Введение в науку философии. Кн. 1. Предмет философии, ее основные понятия и место в системе человеческого знания. М., 2018. С. 45, 53, 58, 61, 62.

³⁴ Там же. С. 216, 217.

³⁵ См.: там же. С. 66.

и основанный на нем системный анализ. Как справедливо отмечал лауреат Нобелевской премии по экономике акад. Л.В. Канторович, когда системный анализ применяется субъектами познания в качестве общенаучного приема исследования, «системный анализ опирается на диалектику, и в то же время развитие системного анализа способствует конкретизации общефилософских проблем»³⁶, к числу которых относится системный анализ существующих подходов к пониманию и познанию истины в различных сферах познавательно-практической деятельности, в том числе в уголовном судопроизводстве.

Из высказывания Л.В. Канторовича видно, что системный анализ как общенаучный метод познания нельзя рассматривать как альтернативу всеобщего диалектического метода познания. Представляется необоснованным мнение некоторых специалистов по теории систем и системному анализу, полагающих, что в современных условиях в качестве всеобщего метода выступает не материалистическая диалектика, а теория систем и системного анализа и синергетика (теория самоорганизации)³⁷.

Следует согласиться с философами, которые, критикуя авторов, утверждающих, что на смену диалектике идет синергетика, отмечают, что диалектика как теория развития имеет более общий характер, чем синергетика, которая, не подменяя диалектику, конкретизирует и наполняет ее частно-научным содержанием³⁸ и что «подобно тому как в свое время психология и теория информации не заменили гносеологию, так и синергетика не заменяет диалектику»³⁹.

В правоведении эта гносеологическая позиция получила развитие в монографии К.В. Шундикова. Подчеркивая, что применение «синергетической методологии к познанию сущности системных объектов в правовой сфере представляется... закономерным и необходимым этапом в их исследовании» и что развитый понятийный аппарат синергетики «может быть использован в процессе познания закономерностей правовой жизни общества и стать действенным методологическим ресурсом юриспруденции», он отмечает, что «синергетику не стоит рассматривать как некую новую диалектику либо как потенциально альтернативную ей универсальную парадигму познания в юридической науке. Скорее она есть определенный шаг в развитии диалектических идей»⁴⁰.

Существенный вклад в развитии диалектических идей внесла разрабатывающая понятийный аппарат системного подхода и системного анализа общая теория систем, которая тоже является составной частью материалистической диалектики, о чем свидетельствует то, что некоторые философы предпочитают называть ее «диалектической системологией»⁴¹.

³⁶ Канторович Л.В. Системный анализ и некоторые проблемы научно-технического прогресса // Диалектика и системный анализ / отв. ред. Д.М. Гвишиани. М., 1986. С. 160.

³⁷ См., напр.: Новосельцев В.И., Тарасов Б.В. Теоретические основы системного анализа. 2-е изд., испр. и перераб. М., 2013. С. 9–12, 20.

³⁸ См.: Царегородцев Г.И., Шингаров Г.Х., Губанов Н.И. Философия: учеб. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 167.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Шундиков К.В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М., 2013. С. 40, 64, 65.

⁴¹ Закарян М.Р., Закарян Н.Р., Закарян Р.М. Диалектическая системология. Научная методология общей теории систем: учеб. пособие. Краснодар, 2017.

Представляется недостаточно обоснованным и мнение некоторых специалистов по теории систем, полагающих, что с зарождением системного метода «исчерпал свои возможности диалектический», «из диалектического материализм превращается в системный»⁴², поскольку они не учитывают, что понятийный аппарат теории систем разрабатывается в рамках материалистической диалектики и что содержание системных понятий в полной мере раскрывается только во взаимосвязи с другими категориями материалистической диалектики. Как справедливо отметил известный советский и российский общественник и философ, акад. АН СССР и РАН В.Г. Афанасьев, «диалектика органически включает в себя представление о системном характере явлений и процессов. При этом категория системы — одна из множества категорий... и лишь в связи с другими категориями, с законами диалектики эта категория не только может быть научно понята сама по себе, но и может быть определено ее место в системе диалектики как конкретизации диалектического учения о всеобщей связи и развитии предметов и явлений действительности, учения о природе и обществе как едином историческом процессе»⁴³.

Необходимо уточнить, что диалектика — это и учение о развитии в едином эволюционном и историческом процессе мышления и других общих свойств человеческой природы до уровня, при котором здравомыслящий человек обретает способность в своей познавательно-практической деятельности руководствоваться реалистическим подходом к пониманию и познанию истины, от эффективной реализации которого зависит не только выживаемость человеческого вида *Homo sapiens* в процессе эволюции, но успешность различных видов человеческой деятельности, связанной с удовлетворением потребностей и интересов индивида, других людей, определенного общества и государства.

Для более глубокого осмысления оснований такого сложного системного духовного феномена как реалистический подход к пониманию и познанию истины в различных сферах познавательной деятельности важное методологическое значение имеет системный анализ системообразующих факторов этого подхода с использованием понятийного аппарата общей теории систем и теории функциональных систем. Как указывал выдающийся советский физиолог, академик АН СССР П.К. Анохин, «обязательным положением для всех видов и направлений системного подхода является поиск и формулировка системообразующего фактора»⁴⁴.

Согласно определению известного советского и российского философа А.Н. Аверьянова, «под системообразующими факторами понимают все явления, силы, вещи, связи и отношения, которые приводят к образованию системы»⁴⁵. Далее отмечается, что наиболее перспективным в системных исследованиях «уже опробованное в науке разделение системообразующих факторов на внешние и внутреннее»⁴⁶.

Для осмысления оснований, внешних и внутренних системообразующих факторов реалистического подхода

⁴² Паньков А.Ф. Теория развития систем и системная теория логики. Пермь, 1995. Кн. 2. С. 91.

⁴³ Афанасьев В.Г. О целостных системах // Вопросы философии. 1980. № 6. С. 68, 69.

⁴⁴ Анохин П.К. Избр. труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978. С. 59.

⁴⁵ Аверьянов А.Н. Системное познание мира: методологические проблемы. М., 1985. С. 49.

⁴⁶ Там же. С. 52.

к пониманию и познанию истины из многочисленных существующих определений системы в качестве рабочего понятия системного анализа целесообразно использовать следующее определение П.К. Анохина, разработанное им в рамках теории функциональных систем: «Системой можно назвать только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения приобретают характер **взаимоСОдействия** компонентов на получение фокусированного полезного результата»⁴⁷ (выделено мною. — В.М.).

В свете системно-синергетического подхода, который применяется для изучения самоорганизующихся систем, в которых при совместном действии элементов достигается эффект значительно больший, чем сумма эффектов тех же элементов, действующих независимо друг от друга⁴⁸, это определение «работает» как идеальная функциональная система, раскрывающая общие закономерности системной организации и функционирования любых систем органической (живой) и социальной природы, в том числе идеальных концептуальных систем.

Заслуживают внимания и другие определения функциональной системы, разработанные учениками и последователями П.К. Анохина, в том числе определение, в котором под *функциональными системами* понимаются сложные динамические саморегулирующиеся организации, деятельность которых направлена на обеспечение полезных результатов для существования самих систем, их подсистем и для составляемых ими организаций более высокого уровня⁴⁹.

Из приведенных определений следует, что любую систему, в том числе и концептуальную, можно назвать функциональной только тогда, когда она по своей системной организации, компонентному составу, взаимосвязи ее составных элементов и подсистем, способна «на выходе» своей работы производить полезный результат, на достижение которого она запрограммирована своим назначением в системе более высокого уровня, составным компонентом которой она является, и соответствующей системной организацией ее составных компонентов.

Резюмируя сказанное, можно сформулировать несколько выводов.

1. В свете теории систем, теории функциональных систем и синергетики (теории самоорганизации) реалистический подход к пониманию и познанию истины в любой

сфере познания, в том числе в уголовном судопроизводстве, можно рассматривать как способ самоорганизации мышления, нравственного сознания и нравственного самосознания индивидуального или коллективного субъекта познания в процессе познавательной деятельности, направленной на поиск истины о предмете познания.

2. Гносеологической основой реалистического подхода к пониманию и познанию истины в любой сфере познания, в том числе в уголовном судопроизводстве, является материалистическая диалектика, которая как общая теория познания активно развивается за счет философского осмысления достижений современных естественных и гуманитарных наук, прежде всего бурно развивающихся в последние 30 лет когнитивных наук (когнитивной психологии, когнитивной нейронауки, эволюционной эпистемологии и исследований в области искусственного интеллекта).

3. С учетом того, что материалистическая диалектика с ее теорией отражения и постулатом о принципиальной познавательности объективной истины о предметах и явлениях объективной и субъективной реальности, являющихся предметом познания, как гносеологическая основа реалистического подхода к пониманию и познанию истины в любой сфере познания в диалектически «снятом» виде вобрала в себя не только достижения современных естественных и гуманитарных наук, но и «рациональные зерна» всей предшествующей философской мысли, в том числе концептуальные положения, сформулированные в философии Гегеля, «Диалектике природы» и других работах Ф. Энгельса и даже положения немецкого рабочего-кожевника И. Дитгена, самостоятельно пришедшего к материалистической диалектике, едва ли целесообразно диалектический материализм персонализировать, т.е. называть его «марксистским» или «марксистско-ленинским», поскольку это несправедливо по отношению к Ф. Энгельсу и другим выдающимся предшественникам и современникам К. Маркса и В.И. Ленина. Поэтому материалистическую диалектику как гносеологическую основу реалистического подхода к пониманию и познанию истины, в том числе в уголовном судопроизводстве, целесообразно именовать без всяких «измов», привязанных к фамилиям известных философов и идеологов прошлого, т.е. называть ее просто: «диалектическим материализмом» или «материалистической диалектикой».

4. Философское осмысление достижений указанных естественных и гуманитарных наук в рамках материалистической диалектики, составной частью которой является такое диалектико-материалистическое направление реалистической философии как фиктиология (философия фиктивности), позволяет более глубоко осмыслить основания, внешние и внутренние системообразующие факторы реалистического подхода к пониманию и познанию истины в любой сфере познания, в том числе в сфере уголовного судопроизводства, а также помогает лучше понять теоретическую несостоятельность постмодернистско-релятивистского подхода к пониманию и познанию истины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамова Н.Т.* Логико-методологический анализ феномена «релятивизм». Истоки и пути экстенсивного развития // Релятивизм как болезнь современной философии / отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2015. С. 357.
2. *Аверьянов А.Н.* Системное познание мира: методологические проблемы. М., 1985. С. 49, 52.

⁴⁷ Анохин П.К. Принципы системной организации функций. М., 1973. С. 28.

⁴⁸ См.: Мареева Е.В., Мареев С.Н., Майданский А.Д. Философия науки: учеб. пособие для аспирантов и соискателей. М., 2010. С. 123.

⁴⁹ См.: Судаков К.В. Функциональная система // Вопросы философии. 1984. № 10. С. 71. Существуют и другие определения, в которых под системой подразумевается функциональная система. Например, В.А. Карташов предлагает два определения системы. В первом система определяется как «функционирующая совокупность материальных образований, взаимодействующих в достижении определенного результата, необходимого для удовлетворения исходной потребности». Во втором определении — как «функциональная совокупность материальных образований, известным образом вовлеченных в отношения содействия в создании некоторого устойчивого эффекта, определяющего действительную возможность получения полезных для субъекта действия результатов, достаточно удовлетворяющих исходной (реальной) потребности» (см.: Карташов В.А. Система систем. Очерки общей теории и методологии. М., 1995. С. 79, 145). Согласно определению С.В. Маланова, под системой следует понимать «координированное взаимодействие органов и систем органов, направленное на получение конкретного результата в будущем» (см.: Маланов С.В. Системно-деятельный культурно-исторический подход к анализу и объяснению психических явлений: объяснительные принципы и теоретические положения. М., 2010. С. 75).

3. Александров А. С. Состязательность и объективная истина // Библиотека криминалиста. 2012. № 3 (4). С. 144.
4. Анохин П. К. Избр. труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978. С. 59.
5. Анохин П. К. Принципы системной организации функций. М., 1973. С. 28.
6. Афанасьев В. Г. О целостных системах // Вопросы философии. 1980. № 6. С. 68, 69.
7. Белкин Р. С. Криминалистические проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 49.
8. Бессечес М. Дialeктическое мышление и развитие взрослых / пер. с англ. М., 2018. С. 2, 11–13, 51.
9. Галузо В. Н. Гносеология как основа теории правоохраны // Галузо В. Н. Теория правоохраны в Российской Федерации. Историко-правовое исследование. М., 2022. С. 41.
10. Закарян М. Р., Закарян Н. Р., Закарян Р. М. Дialeктическая системология. Научная методология общей теории систем: учеб. пособие. Краснодар, 2017.
11. Иошкин В. К. Интеллектуальное познание и материалистическая диалектика. СПб., 2017. С. 11, 12.
12. Иошкин В. К. Объективированное идеальное (духовное) и его роль в жизни человека и общества. СПб., 2016. С. 13.
13. Кант И. Соч. М., 1964. Т. 3. С. 569, 570.
14. Канторович Л. В. Системный анализ и некоторые проблемы научно-технического прогресса // Диалектика и системный анализ / отв. ред. Д. М. Гвишиани. М., 1986. С. 160.
15. Карпачев В. Г. Основание // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 8-е изд., дораб. и доп. М., 2009. С. 479.
16. Карташов В. А. Система систем. Очерки общей теории и методологии. М., 1995. С. 79, 145.
17. Краткий философский словарь / под ред. А. П. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 271, 275, 276.
18. Лапин Е. С. Философия криминалистики: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., исп. и доп. М., 2021. С. 65, 66.
19. Левин Г. Д. Материализм и объективный идеализм: сопоставительный анализ // Перспективы реализма в современной философии: сб. тр. / под ред. В. А. Лекторского. М., 2017. С. 191.
20. Лекторский В. А. Предисловие // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В. А. Лекторский. М., 2009. С. 4.
21. Лекторский В. А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науках о человеке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В. А. Лекторский. М., 2009. С. 9.
22. Любутин К. Н., Мошкин С. В. Российские версии марксизма: Иосиф Сталин. Екатеринбург, 2011.
23. Макейчик А. А. Философия фиктивности, или Фиктиология. СПб., 2007. С. 117, 120.
24. Маланов С. В. Системно-деятельный культурно-исторический подход к анализу и объяснению психических явлений: объяснительные принципы и теоретические положения. М., 2010. С. 75.
25. Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д. Философия науки: учеб. пособие для аспирантов и соискателей. М., 2010. С. 123.
26. Мельник В. В. Системный анализ существующих подходов к пониманию и познанию истины в российском уголовном процессе // Государство и право. 2021. № 5. С. 125–135.
27. Мельник В. В. Философские и научные основы реалистического подхода к пониманию и познанию истины в различных сферах познавательной деятельности, в том числе в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2021. № 10. С. 97–106.
28. Никитин Е. П. Обоснование // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 8-е изд., дораб. и доп. М., 2009. С. 467.
29. Новосельцев В. И., Тарасов Б. В. Теоретические основы системного анализа. 2-е изд., исп. и перераб. М., 2013. С. 9–12, 20.
30. Паньков А. Ф. Теория развития систем и системная теория логики. Пермь, 1995. Кн. 2. С. 91.
31. Семенов Ю. И. Введение в науку философии. Кн. 1. Предмет философии, ее основные понятия и место в системе человеческого знания. М., 2018. С. 45, 53, 58, 61, 62, 66, 216, 217.
32. Смирнова Н. М. Концептуальные проекции релятивизма: когнитивный анализ // Релятивизм как болезнь современной философии / отв. ред. В. А. Лекторский. М., 2015. С. 62.
33. Судаков К. В. Функциональная система // Вопросы философии. 1984. № 10. С. 71.
34. Царегородцев Г. И., Шингаров Г. Х., Губанов Н. И. Философия: учеб. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 167.
35. Чуприкова Н. И. Психическая деятельность мозга, язык и сознание (в поисках психической реальности и предмета психологии). М., 2021. С. 14, 16.
36. Шундинов К. В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М., 2013. С. 40, 64, 65.

REFERENCES

1. Abramova N. T. Logical and methodological analysis of the phenomenon of "relativism". The origins and ways of extensive development // Relativism as a disease of modern philosophy / res. ed. V. A. Lektorsky. M., 2015. P. 357 (in Russ.).
2. Averyanov A. N. Systemic knowledge of the world: methodological problems. M., 1985. Pp. 49, 52 (in Russ.).
3. Aleksandrov A. S. Competitiveness and objective truth // Library of criminalist. 2012. No. 3 (4). P. 144 (in Russ.).
4. Anokhin P. K. Selected works. Philosophical aspects of the theory of a functional system. M., 1978. P. 59 (in Russ.).
5. Anokhin P. K. Principles of the system organization of functions. M., 1973. P. 28 (in Russ.).
6. Afanasyev V. G. On integral systems // Questions of philosophy. 1980. No. 6. Pp. 68, 69 (in Russ.).
7. Belkin R. S. Criminalistic problems of today. Topical issues of Russian criminology. M., 2001. P. 49 (in Russ.).
8. Besseches M. Dialectical thinking and adult development / transl. from English. M., 2018. Pp. 2, 11–13, 51 (in Russ.).
9. Galuzo V. N. Gnoseology as the basis of the theory of law enforcement // Galuzo V. N. Theory of law enforcement in the Russian Federation. Historical and legal research. M., 2022. P. 41 (in Russ.).
10. Zakaryan M. R., Zakaryan N. R., Zakaryan R. M. Dialectical systemology. Scientific methodology of the general theory of systems: textbook. Krasnodar, 2017 (in Russ.).
11. Ioshkin V. K. Intellectual cognition and materialistic dialectics. SPb., 2017. Pp. 11, 12 (in Russ.).
12. Ioshkin V. K. The objectified ideal (spiritual) and its role in human life and society. SPb., 2016. P. 13 (in Russ.).
13. Kant I. Essays. M., 1964. Vol. 3. Pp. 569, 570 (in Russ.).
14. Kantorovich L. V. System analysis and some problems of scientific and technological progress // Dialectics and system analysis / res. ed. D. M. Gvishiani. M., 1986. P. 160 (in Russ.).
15. Karpachev V. G. Footing // Philosophical dictionary / ed. by I. T. Frolov. 8th ed., rev. and add. M., 2009. P. 479 (in Russ.).

16. *Kartashov V.A.* System of systems. Essays on General theory and methodology. M., 1995. Pp. 79, 145 (in Russ.).
17. Concise Philosophical Dictionary / ed. by A.P. Alekseev. 2nd ed., reprint and add. M., 2012. Pp. 271, 275, 276 (in Russ.).
18. *Lapin E.S.* Philosophy of criminology: textbook for universities. 3rd ed., corrected and add. M., 2021. Pp. 65, 66 (in Russ.).
19. *Levin G.D.* Materialism and objective idealism: a comparative analysis // Prospects of realism in modern philosophy: collection of works / ed. by V.A. Lektorsky. M., 2017. P. 191 (in Russ.).
20. *Lektorsky V.A.* Preface // Constructivist approach in epistemology and human sciences / res. ed. V.A. Lektorsky. M., 2009. P. 4 (in Russ.).
21. *Lektorsky V.A.* Realism, antirealism, constructivism and constructive realism in modern epistemology and human sciences // Constructivist approach in epistemology and human sciences / res. ed. V.A. Lektorsky. M., 2009. P. 9 (in Russ.).
22. *Lyubutin K.N., Moshkin S.V.* Russian versions of Marxism: Joseph Stalin. Yekaterinburg, 2011 (in Russ.).
23. *Makeychik A.A.* Philosophy of fictitiousness, or Fictiology. SPb., 2007. Pp. 117, 120 (in Russ.).
24. *Malanov S.V.* A systemically active cultural and historical approach to the analysis and explanation of mental phenomena: explanatory principles and theoretical provisions. M., 2010. P. 75 (in Russ.).
25. *Mareeva E.V., Mareev S.N., Maidansky A.D.* Philosophy of Science: textbook for graduate students and applicants. M., 2010. P. 123 (in Russ.).
26. *Melnik V.V.* System analysis of existing approaches to understanding and cognition of the truth in the Russian criminal process // State and Law. 2021. No. 5. Pp. 125–135 (in Russ.).
27. *Melnik V.V.* Philosophical and scientific foundations of a realistic approach to understanding and cognition of truth in various fields of cognitive activity, including in criminal proceedings // State and Law. 2021. No. 10. Pp. 97–106 (in Russ.).
28. *Nikitin E.P.* Substantiation // Philosophical Dictionary / ed. by I.T. Frolov. 8th ed., rev. and add. M., 2009. P. 467 (in Russ.).
29. *Novoseltsev V.I., Tarasov B.V.* Theoretical foundations of system analysis. 2nd ed., corrected and rev. M., 2013. Pp. 9–12, 20 (in Russ.).
30. *Pankov A.F.* Theory of systems development and system theory of logic. Perm, 1995. Book 2. P. 91 (in Russ.).
31. *Semenov Yu.I.* Introduction to the science of philosophy. Book 1. The subject of philosophy, its basic concepts and place in the system of human knowledge. M., 2018. Pp. 45, 53, 58, 61, 62, 66, 216, 217 (in Russ.).
32. *Smirnova N.M.* Conceptual projections of relativism: cognitive analysis // Relativism as a disease of modern philosophy / res. ed. V.A. Lektorsky. M., 2015. P. 62 (in Russ.).
33. *Sudakov K.V.* Functional system // Questions of philosophy. 1984. No. 10. P. 71 (in Russ.).
34. *Tsaregorodtsev G.I., Shingarov G.H., Gubanov N.I.* Philosophy: textbook. 4th ed., reprint and add. M., 2012. P. 167 (in Russ.).
35. *Chuprikova N.I.* Mental activity of the brain, language and consciousness (in search of mental reality and the subject of psychology). M., 2021. Pp. 14, 16 (in Russ.).
36. *Shundikov K.V.* Synergetic approach in jurisprudence. Problems of methodology and experience of theoretical application. M., 2013. Pp. 40, 64, 65 (in Russ.).

Сведения об авторе

МЕЛЬНИК Валерий Васильевич —
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры уголовного процесса
Военного университета им. князя
Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации;
123001 г. Москва, ул. Б. Садовая, д. 14

Authors' information

MELNIK Valery V. —
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor of the Department of Criminal Procedure
of Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense
of the Russian Federation;
14 B. Sadovaya str., 123001 Moscow, Russia

УДК 347.73

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2024 г. Г. Ф. Ручкина*, А. В. Попова**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

*E-mail: gruchkina@fa.ru

**E-mail: avpopova@fa.ru

Поступила в редакцию 27.04.2023 г.

Аннотация. Авторы статьи на основе сравнительно-правового анализа системы источников правового регулирования финансирования судебно-экспертных учреждений, а также научной литературы предлагают «перенести» признаки системы на понятие механизма. В рамках проводимого системного анализа авторы статьи исходят из определения системы финансово-правовых механизмов обеспечения судебно-экспертной деятельности как объекта государственного управления, представляющего урегулированное нормами права правоотношение для достижения поставленных целей и задач, применения методов, инструментов и правил, имеющих денежное, организационное, учетное и контрольное содержание. В статье обосновывается необходимость применения интегративного подхода к определению системы финансово-правовых механизмов обеспечения судебной экспертной деятельности как единой системы, подлежащей правовому регулированию. Авторы предлагают определять механизм финансового обеспечения деятельности судебно-экспертного учреждения/организации как системное образование из норм и институтов национального права, содержащихся не только в нормативных правовых актах, относящихся к различным отраслям законодательства, но и локальных актах государственных и негосударственных учреждений и организаций; юридических и технических документах, среди которых следует назвать инструктивные письма, положения, методические рекомендации, технические стандарты ГОСТы и др., а также договоры нормативного содержания, обеспечивающие международное сотрудничество по вопросам судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: системно-функциональный анализ, судебная экспертная деятельность, государственные судебно-экспертные учреждения, эксперты, судебная экспертиза.

Цитирование: Ручкина Г. Ф., Попова А. В. Нормативно-правовое регулирование финансирования деятельности судебно-экспертных учреждений в Российской Федерации // Государство и право. 2024. № 2. С. 91–98.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ.

DOI: 10.31857/S1026945224020091

REGULATORY AND LEGAL REGULATION OF FINANCING THE ACTIVITIES OF FORENSIC INSTITUTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

© 2024 G. F. Ruchkina*, A. V. Popova**

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

*E-mail: gruchkina@fa.ru

**E-mail: avpopova@fa.ru

Received 27.04.2023

Abstract The authors of the article, based on a comparative legal analysis of the system of sources of legal regulation of financing of forensic institutions, as well as domestic scientific literature, propose to “transfer: the signs of the system to the concept of a mechanism. Within the framework of the system analysis carried out, the authors of the article proceed from the definition of the system of financial and legal mechanisms for ensuring forensic expert activity as an object of public administration, which is a legal relationship regulated by the norms of law to achieve the set goals and objectives, the use of methods, tools and rules having monetary, organizational, accounting and control content. The article substantiates the need for an integrative approach to the definition of a system of financial and legal mechanisms for ensuring judicial expert activity as a single system subject to legal regulation. The authors propose to define the mechanism of financial support for the activities of a forensic expert institution/organization as a system of education from the norms and institutions of national law contained not only in regulatory legal acts relating to various branches of legislation, but also local acts of state and non-state institutions and organizations; legal and technical documents, among which should be mentioned instructional letters, regulations, methodological recommendations, technical standards, GOST standards, etc., as well as contracts of normative content that ensure international cooperation on forensic activities.

Key words: system-functional analysis, forensic expert activity, state forensic institutions, experts, forensic examination.

For citation: *Ruchkina, G.F., Popova, A.V. (2024). Regulatory and legal regulation of financing the activities of forensic institutions in the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 91–98.*

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Системный анализ правового регулирования, рассматриваемый в настоящей статье, предполагает необходимость описания авторского подхода к трактовке понятия «системный подход» для обоснования выделения тех или иных элементов анализируемой системы. Как известно, существуют два основных подхода в определении системы правового регулирования: механистический, в рамках которого элементами системы правового регулирования любой сферы общественных отношений считаются юридические средства, стимулы и ограничения, необходимые государству для целенаправленного воздействия как на объект правового регулирования, так и на субъекты правоотношений¹ и интегративный, в рамках которого доминирует определение системы правового регулирования как «сложного многоаспектного динамического системно-деятельностного интегративного образования (системы), формирующегося в процессе взаимодействия субъектов в едином правовом пространстве»².

Исходя из определения финансово-правовых механизмов обеспечения судебно-экспертной деятельности в качестве объекта государственного управления, представляющего урегулированное нормами права правоотношение для достижения поставленных целей и задач, применения методов, инструментов и правил, имеющих денежное, организационное, учетное и контрольное содержание³, авторы полагают возможным «перенести» признаки системы на понятие механизма, поэтому всю совокупность финансово-правовых механизмов обеспечения судебной экспертной деятельности⁴ предлагается рассматривать в рамках интегративного

подхода как единую систему, подлежащую правовому регулированию, а отдельные ее подсистемы — в виде отдельных финансово-правовых механизмов.

На наш взгляд, оправдано применение методологии системного анализа, позволяющего с высокой долей вероятности обнаружить существующие пробелы в правовом регулировании, обусловленные: 1) существующим нарушением единства правового пространства, вызванного как объективными, так и субъективными причинами; 2) использованием неверных юридических конструкций; 3) несоблюдением правил юридической лингвистики; 4) несвоевременной оценкой различного рода мониторинговых исследований законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений; 5) неконструктивным анализом правоприменительной практики судов Российской Федерации.

Все перечисленное в целом приводит к упущениям в рамках юридического прогнозирования той или иной правовой ситуации⁵, а это, в свою очередь, не позволяет создать условия для выработки и принятия эффективных решений.

При этом особо следует отметить, что существуют взаимозависимость материальных и процедурных правоотношений в сфере финансового обеспечения, обладающих разными свойствами в системе правового регулирования, но проявляющихся в правовом пространстве как единое целое⁶. Кроме того, следует исходить из теоретического постулата о том, что любое правоотношение представляет из себя также систему элементов — субъекты, объект и содержание в виде взаимосвязанных и взаимообусловленных прав и обязанностей субъектов. В юридической науке сложилось мнение, что объект по сравнению

¹ Более подробно см.: *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.

² *Денисенко В.В., Капустина М.А.* Правовое регулирование: системный подход // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Право. 2014. № 1. С. 15, 16.

³ См.: *Матвеев И.В., Матвеева Н.А.* Теоретико-правовое обоснование авторского понятия «финансово-правовые механизмы обеспечения судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Финансовое право. 2022. № 11. С. 36.

⁴ О системе финансово-правовых механизмов см.: *Попова А.В.* Подходы к пониманию сущности и специфике понятия

«финансово-правовой механизм обеспечения судебной экспертной деятельности» // Банковское право. 2022. № 4. С. 52–60.

⁵ См.: *Агамиров К.В.* Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020.

⁶ См.: *Маматказин И.Р.* Вопросы структурно-функционального анализа в праве социального обеспечения // Росс. право: образование, практика, наука. 2021. № 6. С. 23, 27. DOI: 10.34076/2410-2709-2021-6-19

с иными элементами состава правоотношения не имеет столь же большого значения, как субъекты и их права и обязанности⁷.

Однако в рамках финансового обеспечения деятельности по проведению и содержанию судебных экспертиз, как для любого рода социально-обеспечительных отношений⁸, характеристика объекта играет существенную, если не сказать первостепенную роль. Ведь финансирование объекта, например судебно-психиатрической экспертизы, отличается от объекта почерковедческой или баллистической, что напрямую связано с различным объемом финансирования, о чем мы уже писали в первой части ФНИР⁹, в зависимости от размера бюджетных ассигнований для государственных судебно-экспертных учреждений (далее – ГСЭУ), а также стоимости платных услуг в ГСЭУ и негосударственных экспертных учреждениях, включающие стоимость необходимых материалов для проведения той или иной экспертизы; обучения и курсов повышения квалификации экспертов, имеющих право на участие в судебном процессе; иных затрат, например, транспортировки лиц для проведения судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз и содержание их в специализированных помещениях, и др.

Президент РФ, выступая на мероприятии по случаю 220-летия Министерства юстиции РФ, подчеркнул следующее: «Ключевая задача – развитие судебно-экспертной деятельности, в том числе создание новых экспертных лабораторий в регионах, которые призваны повысить качество и оперативность судебной экспертизы, тем самым обеспечить более быструю и эффективную защиту прав, интересов граждан и юридических лиц в рамках судебных процессов»¹⁰.

Проводя системный анализ правового регулирования финансового обеспечения судебно-экспертных учреждений, мы исходим из получившего признания во второй половине XX в. системно-функционального подхода, основанного на трудах М. Вебера¹¹ и А. Парсонса¹² и включающего три взаимосвязанных элемента функционального анализа в виде функционального единства, универсального функционализма и функциональной необходимости. Ведь механизм финансового обеспечения деятельности судебно-экспертного учреждения/организации представляет системное образование из норм и институтов национального права, содержащихся не только в нормативных правовых актах, относящихся к различным отраслям законодательства¹³, но и локальных актах государственных

и негосударственных учреждений и организаций¹⁴; юридических и технических документах, среди которых следует назвать инструктивные письма, положения, методические рекомендации, технические стандарты ГОСТы и др.¹⁵, а также договоры нормативного содержания, обеспечивающие международное сотрудничество по вопросам судебно-экспертной деятельности¹⁶.

Особое значение приобретает в означенной парадигме проведения системного анализа метод структурно-функционального анализа¹⁷, позволяющий рассматривать систему правового регулирования финансового обеспечения судебно-экспертной деятельности как элемент российской правовой системы, основанной на целеполагании определения совокупности элементов правового регулирования и определения функциональных взаимосвязей. М.И. Клеандров системно рассмотрел комплекс вопросов,

¹⁴ См.: Положение о дополнительном профессиональном образовании работников федеральных бюджетных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденное приказом Директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России от 16.12.2014 № 239/1-1 // В официальных источниках опубликовано не было; постановление Правительства РФ от 18.06.1998 № 609 (ред. от 29.12.2020) «Об утверждении Правил расследования авиационных происшествий и инцидентов с гражданскими воздушными судами в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 25, ст. 2918; приказ от 26.04.2017 № 98/1-1 «О внесении изменений в приказ ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России от 20 марта 2015 года № 49/1-1 “Об утверждении порядка проведения промежуточной и итоговой аттестации лиц, обучающихся по программам дополнительного профессионального образования, формы справки об обучении, формы учета выдаваемых справок об обучении”» // В официальных источниках опубликован не был; и др.

¹⁵ См.: ГОСТ ISO 9000–2011. Межгосударственный стандарт. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь (введен в действие Приказом Росстандарта от 22.12.2011 № 1574-ст) // В официальных источниках опубликован не был; ГОСТ Р 52960–2008. Национальный стандарт Российской Федерации. Аккредитация судебно-экспертных лабораторий. Руководство по применению ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025 (утв. и введен в действие приказом Ростехрегулирования от 24.09.2008 № 212-ст). М., 2008; ГОСТ ISO/IEC 17011–2018. Межгосударственный стандарт. Оценка соответствия. Требования к органам по аккредитации, аккредитующим органы по оценке соответствия (введен в действие приказом Росстандарта от 09.10.2018 № 730-ст). М., 2020.

¹⁶ См.: Конвенция о международной гражданской авиации [рус., англ.] (Заключена в г. Чикаго 07.12.1944) (с изм. и доп., вступившими в силу на 01.01.2000; с изм. от 06.10.2016). Документ вступил в силу для СССР 14 ноября 1970 г. (согласно информации на сайте МИД России // <http://www.mid.ru> по состоянию на 21.11.2016) // СЗ РФ. 2006. № 44; Правила организации и деятельности Суда Евразийского экономического союза (утв. приказом Председателя Суда Евразийского экономического союза от 14.04.2015 № 8) (ред. от 12.10.2022) (вместе с «Положением о Секретариате Суда Евразийского экономического союза», «Положением о секретариате судьи Суда Евразийского экономического союза»). URL: <https://courteurasian.org> (дата обращения: 26.03.2023); Положение о Координационно-методической комиссии по судебной экспертизе при Совете министров юстиции государств – членов Евразийского экономического сообщества. Утверждено решением Совета министров юстиции государств – членов Евразийского экономического сообщества. URL: <http://www.evrases.com/docs/view/555> (дата обращения: 26.03.2023); Соглашение о сотрудничестве в области судебно-экспертной деятельности в рамках Евразийского экономического сообщества (Заключено в г. Минске 30.06.2006) // В официальных источниках опубликовано не было.

¹⁷ См.: Родионов М.Г. Структурно-функциональный и системный анализ как инструменты организационного проектирования // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2013. № 2 (6). С. 40–47; Шестов Н.И. «Облачное» свойство структурно-функционального метода политического исследования // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 328–333. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-328-333

⁷ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 162.

⁸ См.: Иванова Р.И. Правоотношения по социальному обеспечению в СССР. М., 1986. С. 127.

⁹ См.: Финансово-правовые механизмы обеспечения судебной экспертной деятельности в Российской Федерации / Г.Ф. Ручкина, И.В. Матвеев, А.В. Попова и др. М., 2023. Гл. 2.

¹⁰ URL: <https://ria.ru/20220920/putin-1818245401.html> (дата обращения: 25.08.2023).

¹¹ См.: Вебер М. Избр. произв. / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено; комм. А.Ф. Филиппова. М., 1990.

¹² См.: Парсонс Т. О структуре социального действия / под общ. ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. 2-е изд. М., 2002. С. 179–183.

¹³ Перечень НПА, регулирующий судебно-экспертную деятельность в Российской Федерации, см.: Финансово-правовые механизмы обеспечения судебной экспертной деятельности в Российской Федерации / Г.Ф. Ручкина, И.В. Матвеев, А.В. Попова и др. С. 73–78.

связанных с методологией научного исследования в юридической науке¹⁸.

В настоящей статье мы исходим из трактовки функции, данной И.Р. Маматказиным, в соответствии с которой «функция — это свойство, выражающее сущность правового явления»¹⁹, подлежащего государственно-правовому регулированию. Необходимо, на наш взгляд, учитывать и мнение В.Б. Исакова, который полагает, что в ходе применения структурно-функционального анализа определяются и функции элементов системы в целом, где под содержанием функции подразумевается конкретные свойства, созданные правовым явлением. При этом к особым видам правовых явлений следует отнести следственную ситуацию как разновидность социально-юридических ситуаций²⁰, которая влечет за собой необходимость проведения судебной экспертизы, которую осуществляют как специализированные учреждения/организации, так и отдельные эксперты.

В этой связи необходимо точно определить о какой функции и какая характеристика функционального подхода должна быть избрана для правильной оценки состояния правового регулирования этой сферы. Здесь возможно использование нескольких подходов к определению содержания финансирования судебно-экспертной деятельности с точки зрения системно-функционального подхода: во-первых, рассмотрение судебно-экспертной деятельности как объекта функциональной деятельности конкретного судебно-экспертного учреждения/организации или конкретного эксперта, находящегося в трудовых или гражданско-правовых отношениях с таким учреждением/организацией в рамках определения необходимого для конкретной следственной ситуации необходимого финансирования, включающие затраты на проведения подобного рода экспертизы, заработные платы, обучение, повышения квалификации, техническое и иное обеспечение проведения отдельных видов судебных экспертиз; стоимость проведения повторной и/или комплексной экспертиз и т.д.; во-вторых, функциональную характеристику государственного бюджетирования отдельных видов государственной деятельности, к которой относится и судебно-экспертная деятельность, включая систему подобного финансирования в процентном соотношении с иными видами деятельности, основы государственного бюджетирования и ценообразования, ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и др.; в-третьих, функциональную содержательную характеристику отдельных видов судебных экспертиз в рамках гражданского, арбитражного и уголовного процессов и, в соответствие с этим, финансирование экспертной деятельности по отдельным объектам в рамках различного рода экспертиз, затраты на необходимые средства и способы их проведения и др.

Таким образом, при применении структурно-функционального анализа к оценке правового регулирования финансового обеспечения судебно-экспертных учреждений в целях проведения экспертиз предполагается тщательное изучение не только содержательных характеристик каждого из финансово-правовых механизмов обеспечения

судебно-экспертной деятельности²¹, но и исследование структурных закономерностей, связей, возникающих между элементами каждого из видов, определяемых в рамках данного подхода, как своеобразную систему, в том числе состоящую из различного рода судебных экспертиз и тех ГСЭУ и/или негосударственных экспертных учреждений, экспертов, которые имеют право их проводить²².

Судебная экспертная деятельность не лицензируется в Российской Федерации в соответствии со ст. 12 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О лицензировании отдельных видов деятельности»²³ (далее — Закон № 99-ФЗ), кроме проведения судебной медицинской экспертизы (в рамках необходимой лицензии для занятия медицинской деятельностью)²⁴, поэтому в уголовном, административном, гражданском и арбитражном судопроизводстве могут быть назначены негосударственное судебно-экспертное учреждение (негосударственный эксперт), не имеющие лицензии. В научном сообществе²⁵ неоднократно обращалось внимание на тот факт, что в отличие от правовой регламентации судебно-экспертной деятельности отдельных негосударственных экспертов, обладающих необходимыми и достаточными знаниями²⁶ для проведения экспертиз, назначаемых судом, к деятельности которых возможно применять ст. 41 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»²⁷ (далее — Федеральный закон о ГСЭД), которая распространяется на толкование и применение ст. 2, 4, 6–8, 16, 17, ч. 2 ст. 18, ст. 24, 25 этого же Закона, правового регулирования деятельности негосударственных судебно-экспертных учреждений нет вообще²⁸. Нет даже законодательного определения таких учреждений/организаций,

²¹ См.: Ручкина Г.Ф., Попова А.В. К вопросу о содержании дефиниции «финансово-правовые механизмы обеспечения судебной экспертной деятельности» // Государство и право. 2022. № 11. С. 85–98. DOI: 10.31857/S102694520022763-0

²² См.: Парсонс Т. Указ. соч. С. 679.

²³ См.: СЗ РФ. 2011. № 19, ст. 2716.

²⁴ См.: постановление Правительства РФ от 01.06.2021 № 852 (ред. от 16.02.2022) «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра “Сколково”) и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (вместе с «Положением о лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра “Сколково”)») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru>, 02.06.2021.

²⁵ См., напр.: Зайнуллин Р.И. К вопросу о концептуальных основах создания единой системы судебно-экспертных учреждений в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 4 (46). С. 153–157.

²⁶ См.: проект Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении профессионального стандарта “Специалист в области судебной экспертизы”» (подготовлен Минтрудом России 28.12.2022) // Официальный сайт для размещения информации о подготовке нормативных правовых актов и результатах их обсуждения, regulation.gov.ru, 25.03.2023.

²⁷ См.: СЗ РФ. 2001. № 23, ст. 2291.

²⁸ См.: Аверина К.Н., Подкапина М.Л., Шамаев Г.П. Комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См.: Клеандров М.И. О фундаментальной науке права и некоторых ее направлениях // Государство и право. 2020. № 5. С. 19–31. DOI: 10.31857/S013207690009664-2

¹⁹ Маматказин И.Р. Указ. соч. С. 19.

²⁰ См.: Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. М., 1984.

только в ч. 4 п. 2. Постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам от 21 декабря 2010 г. № 28 (ред. от 29.06.2021)²⁹ есть определение, согласно которому негосударственным судебно-экспертным учреждением является один из видов некоммерческой организации, упомянутых в Гражданском кодексе РФ и Федеральном законе от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «О некоммерческих организациях»³⁰, осуществляющими судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами. Как отмечает В.В. Бегеца, «статистика сегодняшнего дня показывает колоссальное количество организаций, которые позиционируют себя негосударственными судебно-экспертными организациями, которые по форме образования юридического лица являются коммерческими, некоммерческими, общественными, осуществляющие ежедневно судебно-экспертную деятельность, участвуют в судопроизводстве на территории Российской Федерации»³¹.

В ч. 3 ст. 41 Федерального закона о ГСЭД закрепляется право Правительства РФ определять перечень судебных экспертиз, которые могут быть осуществлены исключительно ГСЭУ, к числу которых в 2023 г. отнесены девять таких судебных экспертиз, а именно: баллистическая, взрывотехническая, судебно-психологическая, экспертиза наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ, строительно-техническая, землеустроительная, пожарно-техническая, лингвистическая, психолого-лингвистическая, судебно-психиатрическая, экономическая экспертиза (финансово-экономическая, финансово-аналитическая, налоговая)³². Таким образом, остальные судебные экспертизы могут быть проведены негосударственными судебно-экспертными сообществами (организациями) и отдельными экспертами, которые образуя ИП, являются юридическими организациями, подлежащими налогообложению, о проблемах с которым обозначим ниже.

Следует отметить, что в соответствии с признанной доктриной по юридической силе подзаконный акт, коим является постановление Правительства РФ, ниже чем федеральный закон, поэтому нечеткость норм законодательства по исключительному проведению определенного перечня судебных экспертиз и отсутствие ответственности за выполнение экспертизы, разрешенных исключительно государственным судебно-экспертным учреждениям, позволяет ряду негосударственных организаций заключать соответствующие договоры с частными лицами и даже предлагать себя федеральным судам для осуществления судебно-экспертной деятельности, в том числе и на проведение такого рода экспертиз³³.

²⁹ См.: Бюллетень ВС РФ. 2011. № 2.

³⁰ См.: СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 145.

³¹ Виталий Бегеца обратился к органам государственной, законодательной, судебной власти и экспертному сообществу России. 08.04.2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://moment-istini.com/news/vitaliy-begeza-obratilsya-k-organam-gosudarstvennoy-zakonodatelnoy-sudebnoy-vlasti-i-expertnomu-soobshchestvu-rossii.html> (дата обращения: 08.04.2023).

³² См.: распоряжение Правительства РФ от 16.11.2021 33214-р (ред. от 22.03.2023) «О Перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru>, 17.11.2021.

³³ См.: письмо Минстроя России от 16.07.2022 № 34214-ИФ/08 «О нарушении негосударственными экспертными организациями требований законодательства о необходимости проведения экспертизы по ряду объектов в форме государственной

Например, ООО «Клиника медико-криминалистических исследований», имеющая, как заявлено на ее сайте, лицензию на осуществление медицинской деятельности, предлагает «на основании определения суда или постановления следователя выполнить на платной основе такие виды экспертизы, как однородные и комплексные судебно-медицинские *судебно-психиатрические (в том числе наркологические) экспертизы, судебные психологические, лингвистические* (курсив наш. — Г.Р., А.П.), фоноскопические экспертизы, а также все виды криминалистических экспертиз (в том числе почерковедческую, техническую экспертизу документа, давности документа и другие)»³⁴. Данная оферта входит в противоречие с Распоряжением Правительства РФ № 3214-р.

Коллизия возникает из-за того, что в нормах законодательства прямо не указано, что следует привлекать только те негосударственные судебно-экспертные организации, которые имеют лицензию на занятие медицинской деятельностью, кроме того, возникает и вопрос и об отсутствии нормы о запрете проведения определенных видов судебных экспертиз негосударственными организациями под угрозой применения санкции. В случае с ООО «Клиника медико-криминалистических исследований» лицензия на медицинскую деятельность есть, и она представлена на сайте, а вот на проведение лингвистической экспертизы, отнесенной к деятельности исключительно ГСЭУ в рамках соответствующих бюджетных ассигнований, такой лицензии не требуется.

Отмечаем, что отсутствие законодательного закрепления обязанности получения медицинской лицензии, в частности, и лицензирования любого вида судебных экспертиз, в рамках которого, как раз и можно определить обладает ли претендент необходимыми знаниями в той или иной области, в целом, приводит к правоприменительному произволу и конфликту интересов³⁵. Полагаем также, что даже в случае, когда негосударственная организация получает лицензию на ведение судебной экспертной деятельности в целях контроля за бюджетным финансированием необходимо нормативное закрепление обязательного государственного контроля со стороны независимого единого государственного органа, так как подведомственность отдельных судебно-экспертных учреждений порождает разные требования к самим экспертам, характеристике судебно-экспертного учреждения, содержанию и правилам проведения экспертиз, различную оценку ее стоимости и иные факторы, влияющие на размер финансирования. В силу того фактора, что финансирование происходит из государственного бюджета, необходим контроль и со стороны Счетной Палаты РФ.

По вышеперечисленным обстоятельствам, как представляется, следует обратиться к положительному опыту

экспертизы» // Ценообразование и сметное нормирование в строительстве. 2022. № 8.

³⁴ ООО «Клиника медико-криминалистических исследований» // Официальный сайт // <http://kmi1.ru/informatsiya-dlya-suda-i-sledstviya/> (дата обращения: 26.03.2023).

³⁵ См., напр.: Определение Верховного Суда РФ от 16.09.2004 № КАС04-451 «О частичной отмене решения Верховного Суда РФ от 23 июня 2004 г. № ГКПИ2004-738 и отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими пунктов 06.020, 06.020.1, 06.020.2 и 06.020.4 раздела 06 «Прочие работы и услуги» Номенклатуры работ и услуг по оказанию соответствующей медицинской помощи, утв. Приказом Минздрава РФ от 26.07.2002 № 238» // Бюллетень ВС РФ. 2005. № 3.

Республики Беларусь³⁶. Так, ст. 422², 422⁵ гл. 41¹ Указа Президента РБ № 450³⁷ (далее — Указ № 450) предусмотрено обязательное лицензирование деятельности по проведению судебных экспертиз в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, зарегистрированных на территории Республики Беларусь специальным государственным органом — Государственным комитетом судебных экспертиз, на который возложен и контроль за всеми лицензируемыми организациями в ходе их последующей за получением лицензии судебно-экспертной деятельности. При этом в ст. 422⁶ и 422⁷ Указа № 450 прямо указаны ограничения для получения такого вида лицензии субъектами судебной экспертной деятельности.

Предложение о создании подобного государственно-го реестра в Российской Федерации предусматривалось и проектом федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»³⁸ (далее — Законопроект) для обязательной сертификации судебно-экспертной деятельности. Правда, в отличие от Республики Беларусь, где такой орган имеет независимый статус, в законопроекте Государственный реестр экспертов подчиняется Минюсту России. Такая же позиция разделяется и рядом экспертов. Так, Л.Н. Куровская аргументирует это тем, что «из-за пробелов в правовом регулировании не только снижается качество предварительного расследования следствия, и значительно увеличиваются расходы следствия, судебные издержки, но и создаются условия для необоснованного уголовного преследования»³⁹.

Практика формирования такого органа при Минюсте присутствует в законодательстве Республики Казахстан⁴⁰. Кроме того, гл. 4 «Палата судебных экспертов Республики Казахстан» регулируется п. 1 ст. 25 создание и функционирование «некоммерческой профессиональной самодостигаемой организацией, создаваемой для защиты прав и законных интересов членов Палаты, координации их деятельности, а также соблюдения ими законодательства Республики Казахстан о судебно-экспертной деятельности», членами этой Палаты могут быть исключительно физические лица, обладающие лицензией.

В отличие от Казахстана, где только Минюст имеет право заниматься судебно-экспертной деятельностью

и выдавать лицензии экспертам, в Российской Федерации ГСЭУ есть не только при Минюсте, поэтому полагаем целесообразным создание независимого реестра экспертов, в котором контроль за требованиями к экспертам и экспертным учреждениям будет сообразен особенностям проведения той или иной судебной экспертизы в рамках определенного ведомства или министерства⁴¹. В Законопроекте предлагается обязательная только для государственных судебно-экспертных учреждений, что является ошибочным по тем основаниям, которые были представлены выше. Думается, что сертификация должна быть обозначена как обязательное условие внесения в Госреестр, без чего суд или должностное лицо не будет иметь права выбрать негосударственную экспертную организацию для проведения соответствующей экспертизы.

Другой вариант разрешения сложившейся коллизии — это установление в Федеральном законе о ГСЭД отдельной статьи, предусматривающей ответственность конкретных лиц (судей, следователей и др.), назначающих негосударственные организации для проведения судебных экспертиз, прямо отнесенных Правительством РФ исключительно к деятельности государственных судебно-экспертных учреждений или государственных экспертов, а также ответственности негосударственных экспертов/судебно-экспертных организаций⁴² за предоставление некачественной экспертизы. Третьим вариантом разрешения сложившейся ситуации было бы внесение изменений в Федеральный закон о ГСЭД в части дополнения его статьей, предусматривающей обязательность сертификации деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций, так как сегодня она носит добровольный характер. Например, «СУДЕКС»⁴³ проводит такую сертификацию⁴⁴ в соответствии с национальным стандартом Российской Федерации «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий» ГОСТ 52960-2008⁴⁵.

Негосударственные судебно-экспертные учреждения могут быть и бюджетными или казенными организациями, в уставах которых согласно ст. 2 Федерального закона от 19 декабря 2022 г. № 535-ФЗ «О внесении изменений в статьи 19 и 20 Федерального закона “Об общественных

⁴¹ См.: Ковитиди О. Процесс судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации требует дальнейшего законодательного регулирования // Круглый стол на тему «Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: проблемы и пути решения». 24.11.2022. URL: <http://council.gov.ru/events/news/140218/> (дата обращения: 01.04.2023).

⁴² Вообще же ответственность эксперта содержится в п. 5 и 6 ст. 57 УПК РФ, п. 2 ст. 80 ГПК РФ, п. 5 ст. 55 АПК РФ, п. 3 и 6 ст. 29.5 КоАП РФ, ст. 307, 310 УК РФ — за дачу заведомо ложного заключения и разглашение предварительного расследования, а в ст. 285, 286, 290 УК РФ предусмотрена ответственность эксперта как должностного лица за дачу/получение взятки, превышение должностных полномочий, нецелевое расходование бюджетных средств, злоупотреблений при выполнении государственного заказа и др.

⁴³ Союз лиц, осуществляющих деятельность в сфере судебной экспертизы и судебных экспертных исследований «Палата судебных экспертов им. Ю.Г. Корухова (“СУДЕКС”)» // Официальный сайт // <https://sudex.ru/> (дата обращения: 26.03.2023).

⁴⁴ «Система добровольной сертификации соответствия негосударственных судебно-экспертных лабораторий», зарегистрированной в новой редакции 22 декабря 2016 г. в едином реестре зарегистрированных систем добровольной сертификации Росстандарта № РОСС RU.П1609.04СЭЛ1 от 22.12.2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://sudex.ru/sertifikaciya/sert-sudebno-expertnih-laboratori/> (дата обращения: 26.03.2023).

⁴⁵ См.: ГОСТ 52960-2008 «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий». Руководство по применению ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025. М., 2008.

³⁶ См.: Закон Республики Беларусь от 18.12.2019 № 281-З «О судебно-экспертной деятельности» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь // <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H11900281> (дата обращения: 26.03.2023).

³⁷ См.: Указ Президента Республики Беларусь от 01.09.2010 № 450 (ред. от 27.05.2021) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь // <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000450> (дата обращения: 26.03.2023).

³⁸ См.: Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения: 26.03.2023).

³⁹ См.: Интервью начальника управления методико-аналитического обеспечения надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельностью Генеральной прокуратуры РФ Л.Н. Куровской // Официальный интернет-портал Генеральной прокуратуры РФ // <https://www.interfax-russia.ru/exclusives/nachalnik-upravleniya-genprokuratury-rf-b-l-kurovskaya-b-vse-polnomochiya-ro-sudebnym-ekspertizam-dolzhy-byt-peredany-minyustu> (дата обращения: 26.03.2023).

⁴⁰ См.: Закон Республики Казахстан от 10 февраля 2017 г. № 44-VI ЗРК «О судебно-экспертной деятельности» (в ред. 29.06.2020) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000044> (дата обращения 08.04.2023).

объединениях» и статью 14 Федерального закона «О некоммерческих организациях»⁴⁶ с 1 марта 2023 г. должны содержать следующие сведения: «наименование учреждения, указание на тип учреждения, сведения о собственнике его имущества, исчерпывающий перечень видов деятельности, которые бюджетное или казенное учреждение вправе осуществлять в соответствии с целями, для достижения которых оно создано, указания о структуре, компетенции органов управления учреждения, порядке их формирования, сроках полномочий и порядке деятельности таких органов», а изменения в их устав можно вносить с разрешения Правительства РФ или высшим органом государственной власти Российской Федерации в зависимости от того, является ли такое учреждение федеральным или региональным соответственно. Данное положение, безусловно, является шагом вперед, так как суд при назначении экспертизы негосударственному экспертному учреждению изначально сможет проверить, предусмотрено ли в его уставе проведение экспертизы, но наш взгляд, законодателю необходимо было пойти дальше и зафиксировать обязанность прописывать поименно каждую экспертизу, которую данная организация хотела бы проводить.

Механизм финансового обеспечения деятельности судебно-экспертного учреждения/организации представляет системное образование из норм и институтов национального права, содержащихся не только в нормативных правовых актах, относящихся к различным отраслям законодательства, но и локальных актах государственных и негосударственных учреждений и организаций; юридических и технических документах, среди которых следует назвать инструктивные письма, положения, методические рекомендации, технические стандарты ГОСТы и др., а также договоры нормативного содержания, обеспечивающие международное сотрудничество по вопросам судебно-экспертной деятельности.

В рамках системного анализа финансового обеспечения деятельности по проведению и содержанию судебных экспертиз, как для любого рода социально-обеспечительных отношений, характеристика объекта играет существенную, если не сказать первостепенную роль. Ведь финансирование объекта, например судебно-психиатрической экспертизы отличается от объекта почерковедческой или баллистической, что напрямую связано с различным объемом финансированием, в зависимости от размера бюджетных ассигнований для ГСЭУ, а также стоимости платных услуг в ГСЭУ и негосударственных экспертных учреждениях, включающие стоимость необходимых материалов для проведения той или иной экспертизы; обучения и курсов повышения квалификации экспертов, имеющих право на участие в судебном процессе; иных затрат, например, транспортировки лиц для проведения судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз и содержание их в специализированных помещениях, и др. Поэтому считаем важным внести дополнение в Федеральный закон о ГСЭУ в соответствии с изменениями ст. 19 и 20 Федерального закона «Об общественных объединениях» и ст. 14 Федерального закона «О некоммерческих организациях» и указать необходимость перечисления конкретных видов экспертиз, которые согласно уставам будут проводить как ГСЭУ, так и негосударственные судебно-экспертные учреждения.

Полагаем важным для контроля над судебно-экспертной деятельностью по аналогии с другими странами внести

в Федеральный закон о ГСЭД статью, регулиющую создание специального государственного органа при Правительстве РФ, на который должен быть возложен контроль за судебно-экспертной деятельностью ГСЭУ и негосударственных экспертных организаций (экспертами), выдача им лицензии, ведение единого реестра, контроль за всеми лицензируемыми организациями в ходе их последующей деятельности, проведение курсов повышения квалификации и право на отзыв лицензии в случае неоднократного признания выданного ими экспертного заключения некачественным или принятием несправедливого решения в результате такой экспертизы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверина К.Н., Подкапина М.Л., Шамаев Г.П.* Комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Агамиров К.В.* Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020.
3. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.
4. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 162.
5. *Вебер М.* Избр. произв. / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено; комм. А.Ф. Филиппова. М., 1990.
6. *Денисенко В.В., Капустина М.А.* Правовое регулирование: системный подход // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Право. 2014. № 1. С. 15, 16.
7. *Зайнуллин Р.И.* К вопросу о концептуальных основах создания единой системы судебно-экспертных учреждений в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 4 (46). С. 153–157.
8. *Иванова Р.И.* Правоотношения по социальному обеспечению в СССР. М., 1986. С. 127.
9. *Исаков В.Б.* Юридические факты в советском праве. М., 1984.
10. *Клеандров М.И.* О фундаментальной науке права и некоторых ее направлениях // Государство и право. 2020. № 5. С. 19–31. DOI: 10.31857/S013207690009664-2
11. *Ковитиди О.* Процесс судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации требует дальнейшего законодательного регулирования // Круглый стол на тему «Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: проблемы и пути решения». 24.11.2022. URL: <http://council.gov.ru/events/news/140218/> (дата обращения: 01.04.2023).
12. *Маматказин И.Р.* Вопросы структурно-функционального анализа в праве социального обеспечения // Росс. право: образование, практика, наука. 2021. № 6. С. 19, 23, 27. DOI: 10.34076/2410-2709-2021-6-19
13. *Матвеев И.В., Матвеева Н.А.* Теоретико-правовое обоснование авторского понятия «финансово-правовые механизмы обеспечения судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Финансовое право. 2022. № 11. С. 36.
14. *Парсонс Т.* О структуре социального действия / под общ. ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. 2-е изд. М., 2002. С. 179–183, 679.
15. *Попова А.В.* Подходы к пониманию сущности и специфике понятия «финансово-правовой механизм обеспечения судебной экспертной деятельности» // Банковское право. 2022. № 4. С. 52–60.

⁴⁶ См.: Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru>, 19.12.2022.

16. Финансово-правовые механизмы обеспечения судебной экспертной деятельности в Российской Федерации / Г.Ф. Ручкина, И.В. Матвеев, А.В. Попова и др. М., 2023. Гл. 2. С. 73–78.
17. Родионов М.Г. Структурно-функциональный и системный анализ как инструменты организационного проектирования // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2013. № 2 (6). С. 40–47.
18. Ручкина Г.Ф., Попова А.В. К вопросу о содержании дефиниции «финансово-правовые механизмы обеспечения судебной экспертной деятельности» // Государство и право. 2022. № 11. С. 85–98. DOI: 10.31857/S102694520022763-0
19. Шестов Н.И. «Облачное» свойство структурно-функционального метода политического исследования // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 328–333. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-328-333
8. Ivanova R.I. Legal relations on social security in the USSR. M., 1986. P. 127 (in Russ.).
9. Isakov V.B. Legal facts in Soviet law. M., 1984 (in Russ.).
10. Kleandrov M.I. On the fundamental science of law and some of its directions // State and Law. 2020. No. 5. Pp. 19–31. DOI: 10.31857/S013207690009664-2 (in Russ.).
11. Kovitidi O. The process of forensic expert activity in the Russian Federation requires further legislative regulation // Round Table on the topic “Forensic expert activity in the Russian Federation: problems and solutions”. 24.11.2022. URL: <http://council.gov.ru/events/news/140218/> (accessed: 01.04.2023) (in Russ.).
12. Mamatkazin I.R. Issues of structural and functional analysis in social security law // Russ. law: education, practice, science. 2021. No. 6. Pp. 19, 23, 27. DOI: 10.34076/2410-2709-2021-6-19 (in Russ.).
13. Matveev I.V., Matveeva N.A. Theoretical and legal substantiation of the author's concept “financial and legal mechanisms for ensuring forensic expert activity in the Russian Federation” // Financial Law. 2022. No. 11. P. 36 (in Russ.).
14. Parsons T. On the structure of social action / under the general editorship of V.F. Chesnokova and S.A. Belanovsky. 2nd ed. M., 2002. Pp. 179–183, 679 (in Russ.).
15. Popova A.V. Approaches to understanding the essence and specifics of the concept of “financial and legal mechanism for ensuring judicial expert activity” // Banking Law. 2022. No. 4. Pp. 52–60 (in Russ.).
16. Financial and legal mechanisms for ensuring judicial expert activity in the Russian Federation / G.F. Ruchkina, I.V. Matveev, A.V. Popova et al. M., 2023. Chapter 2. Pp. 73–78 (in Russ.).
17. Rodionov M.G. Structural, functional and system analysis as tools of organizational design // Herald of the Siberian Institute of Business and Information Technology. 2013. No. 2 (6). Pp. 40–47 (in Russ.).
18. Ruchkina G.F., Popova A.V. On the question of the content of the definition of “financial and legal mechanisms for ensuring judicial expert activity” // State and Law. 2022. No. 11. Pp. 85–98. DOI: 10.31857/S102694520022763-0 (in Russ.).
19. Shestov N.I. “Cloudy” property of the structural and functional method of political research // Izvestia of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science. 2018. Vol. 18. Iss. 3. Pp. 328–333. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-328-333 (in Russ.).

REFERENCES

1. Averina K.N., Podkatilina M.L., Shamaev G.P. Commentary to Federal Law No. 73-FZ May 31, 2001 “On State forensic expert activity in the Russian Federation” // “ConsultantPlus” (in Russ.).
2. Agamirov K.V. Legal forecasting as a factor in improving the Russian legal system: dis. ... Doctor of Law. M., 2020 (in Russ.).
3. Alekseev S.S. The mechanism of legal regulation in the socialist state. M., 1966 (in Russ.).
4. Alekseev S.S. General theory of law: in 2 vols. M., 1982. Vol. 2. P. 162 (in Russ.).
5. Weber M. Selected works / transl. from German; comp., general ed. and afterword by Yu.N. Davydov; preface by P.P. Gaidenko; comment by A.F. Filippov. M., 1990 (in Russ.).
6. Denisenko V.V., Kapustina M.A. Legal regulation: a systematic approach // Herald of the Voronezh State University. Ser.: Law. 2014. No. 1. Pp. 15, 16 (in Russ.).
7. Zaynullin R.I. On the conceptual foundations of creating a unified system of forensic institutions in the Russian Federation // The Rule of Law: theory and practice. 2016. No. 4 (46). Pp. 153–157 (in Russ.).

Сведения об авторах

РУЧКИНА Гульнара Флюоровна —
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
декан Юридического факультета
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации;
105187 г. Москва, ул. Щербаковская, д. 38

ПОПОВА Анна Владиславовна —
доктор юридических наук,
кандидат философских наук, доцент,
главный научный сотрудник
департамента международного и публичного
права Юридического факультета
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации;
105187 г. Москва, ул. Щербаковская, д. 38

Authors' information

RUCHKINA Gulnara F. —
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Dean of the Faculty of Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation;
38 Shcherbakovskaya str.,
109456 Moscow, Russia

POPOVA Anna V. —
Doctor of Law, PhD in Philosophy,
Associate Professor,
Chief Researcher
of the Department of International
and Public Law, Faculty of Law,
Financial University
under the Government of the Russian Federation;
38 Shcherbakovskaya str., 109456 Moscow, Russia

УДК 347.73

ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ПРЕКРАЩЕНИЯ И ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПРОЕКТЫ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

© 2024 г. Н. В. Козлова*, С. Ю. Филиппова**

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

*E-mail: kozlovanv@mail.ru

**E-mail: filippovasy@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.04.2023 г.

Аннотация. Авторы рассматривают особенности правового режима официальных документов и их проектов. В статье предлагается понятие произведения как объекта авторского права, выделяются признаки произведения. Авторы обосновывают причины отсутствия правовой охраны в отношении сообщений информационного характера, произведений народного творчества, официальных документов, государственных символов и знаков. На основе исследования юридической доктрины и судебной практики, авторы выделяют правовые режимы проектов официальных документов, определяют условия правомерного использования таких проектов. Авторы приходят к выводу, что в случае направления проекта официального документа в уполномоченный орган с момента начала использования проекта происходит удвоение объекта. После принятия официального документа уполномоченным органом такой документ выбывает из правовой охраны и не признается объектом авторского права. Авторы отмечают, что изъятие из правовой охраны официальных документов не исключает возможности создания на их основе охраняемых произведений, в частности, составных, производных произведений (сборники, переводы и пр.), на которые возникает самостоятельное авторское право составителей, переводчиков и иных лиц.

Ключевые слова: произведение, авторское право, проект официального документа, информационное сообщение, официальный документ, произведение народного творчества, фольклор, герб.

Цитирование: Козлова Н. В., Филиппова С. Ю. Проблемы возникновения, прекращения и защиты авторских прав на проекты официальных документов // Государство и право. 2024. № 2. С. 99–109.

Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Математические методы анализа сложных систем». Статья подготовлена с использованием СПС «КонсультантПлюс».

DOI: 10.31857/S1026945224020103

PROBLEMS OF OCCURRENCE, TERMINATION AND PROTECTION COPYRIGHT FOR DRAFTS OF OFFICIAL DOCUMENTS

© 2024 N. V. Kozlova*, S. Yu. Filippova**

Lomonosov Moscow State University

*E-mail: kozlovanv@mail.ru

**E-mail: filippovasy@yandex.ru

Received 07.04.2023

Abstract. The authors consider the peculiarities of the legal regime of official documents and their drafts. The article proposes the concept of a work as an object of copyright, highlights the features of the work. The authors substantiate the reasons for the lack of legal protection in relation to information messages, works of folk art, official documents, state symbols and signs. Based on the study of legal doctrine and judicial practice, the authors identify the legal regimes of draft official documents, determine the conditions for the lawful use of such projects. The authors conclude that in the case of sending a draft official document to the authorized body, the

object is doubled from the moment the project begins to be used. After the adoption of an official document by the authorized body, such a document is excluded from legal protection and is not recognized as an object of copyright. The authors note that the withdrawal of official documents from legal protection does not exclude the possibility of creating protected works on their basis, in particular, composite, derivative works (collections, translations, etc.), for which an independent copyright of compilers, translators and other persons arises.

Key words: work, copyright, draft official document, information message, official document, work of folk art, folklore, coat of arms.

For citation: Kozlova, N.V., Filippova, S. Yu. (2024). Problems of occurrence, termination and protection copyright for drafts of official documents // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 99–109.

The research was carried out within the framework of the Program for the development of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Mathematical methods of analysis of complex systems”. The article was prepared using the ATP “ConsultantPlus”.

Согласно п. 6 ст. 1259 ГК РФ¹ не являются объектами авторских прав официальные документы государственных органов и органов местного самоуправления муниципальных образований. В частности, не признаются объектами авторского права нормативные правовые акты, судебные решения, иные материалы законодательного, административного и судебного характера, официальные документы международных организаций, их официальные переводы. Можно ли считать, что официальные документы не являются произведениями?

Для ответа на этот вопрос нужно выяснить, **что представляет собой произведение и сопоставить признаки официального документа с признаками произведения.**

Поиск ответа на этот вопрос осложняется тем, что право, являющееся социокультурным феноменом, отражает национальные особенности развития культуры и общества. Частное право связано с обыденным правосознанием. Именно частное право в первую очередь основано на глубинном чувстве права, присущем народу, т.н. народном духе. Поэтому выглядит весьма сомнительной идея о целесообразности поисков аналогов понятия произведения, равно иных понятий, используемых в области частного права в недрах зарубежных правовых систем. Основанные на иных системах ценностей, зарубежные понятия чаще всего оказываются нерелевантными отечественным реалиям. Как отмечается в п. 4 Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», «традиционные ценности — это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство,

нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»².

Представляется неприемлемым для российской правовой системы бездумное копирование институтов и понятий, разработанных в правовых системах других государств, поскольку они основаны на иных системах ценностей³. Ситуация усугубляется в контексте текущего геополитического кризиса и признания большинства государств, к правовым порядкам которых принято апеллировать в научных работах, «недружественными»⁴. В частности, в этот перечень включены государства — члены Европейского Союза, Соединенное Королевство (включая коронные владения Британской короны и Британские заморские территории), США. Использование правовых решений, найденных в Китайской Народной Республике, в «дружественных» государствах, сформированных на базе бывшего СССР, не всегда имеет практический полезный эффект в силу социокультурных различий, экономических, политических, социальных и иных особенностей правовых порядков.

Деструктивное идеологическое воздействие на граждан Российской Федерации становится угрозой национальным интересам нашего государства. В этой связи особенно важно опираться на достижения именно отечественной науки гражданского права.

Отметим, что Гражданский кодекс РФ не определяет понятие произведения. В ст. 1259 ГК РФ содержится перечень объектов авторских прав, в который

² СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

³ Об этом см., напр.: Суханов Е.А. О преподавании гражданского права в современных условиях // Суханов Е.А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России. Избр. труды 2008–2012. М., 2013. С. 468, 469.

⁴ См.: распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 29.10.2022) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // СЗ РФ. 2022. № 11, ст. 1748.

¹ См.: СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I), ст. 5496.

включено литературное произведение. Объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения (п. 1 ст. 1259). Указание *отрицательных* признаков («независимо от достоинств», «независимо от назначения», «независимо от формы») вряд ли приближает к пониманию сущности явления. Для определения понятия необходимо выделить *положительные* признаки, то есть указать на то, *что имеется у некой сущности*, чтобы ее можно было считать произведением. Желательно определить *родовое понятие*, к которому относится произведение, выделить *видовые отличия* рассматриваемого понятия. Применительно к понятию произведения решение этих задач представляется непростым.

По мнению Я.А. Канторовича, объектом авторского права является продукт духовного творчества, облеченный в определенную форму и предназначенный к обращению в обществе. Отличие между отдельными видами заключается в различных способах осуществления в них умственной деятельности автора. В литературном произведении духовная деятельность выражается словами, в музыкальном произведении — посредством звуков, в художественном произведении — при помощи красок и др.⁵

Понятие «продукт духовного творчества», избранное в качестве родового понятия, само по себе является в значительной степени неопределенным по своему содержанию. Отсылки к понятиям «дух», «творец» имеют религиозную подоплеку, что вряд ли приближает к раскрытию сущности произведения. Ни понятие «дух», ни понятие «творец» не нашли точного, конвенционно приемлемого описания в философии или правовой науке. Кроме того, отсылки к экзистенциальной сущности («дух»), к теологическим понятиям вряд ли приемлемы для определения юридических понятий и построения правовых теорий.

В.И. Серебровский под произведением понимал «совокупность идей, мыслей, образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения»⁶. Как видим, в качестве признаков выделены: а) наличие содержания

в виде идей, мыслей, образов; б) результат творческой деятельности; в) выражение в форме, доступной для восприятия человеческими чувствами; г) воспроизводимость. В данном определении менее выражены теологические начала, понятие «дух» не используется.

По мнению В.Я. Ионаса, произведение — это отражение действительности, являющееся синтезом новых идей (понятий или образов), выраженным в объективной форме, содержащим решение задачи познания и преобразования человека, общества или природы⁷.

Исходя из этого определения, можно указать следующие признаки произведения: 1) оно содержит отображение человеком действительности; 2) представляет собой синтез, то есть объединение в целое разнородных идей, понятий, образов; 3) имеет объективную форму выражения, 4) решает утилитарные задачи познания или преобразования человека, общества или природы. Приведенное определение более подходит к научному произведению, нежели к художественному (например, к фантастическому роману), а тем более к произведению изобразительного искусства.

Представляется, что приведенные понимания произведения не находят отражения в действующем законодательстве и не вполне релевантны текущей ситуации. Весьма затруднительно обнаружить названные в литературе признаки у любого произведения, например музыкального. В частности, как прямо следует из ст. 1259 ГК РФ, авторское право не распространяется на идеи, концепции, методы и пр. Для признания явления произведением первично не содержание — идея, а ее выражение: идея должна быть облечена в форму, именно форме дается правовая охрана.

Понятие творчества нельзя считать определенным. Исходя из правовых позиций Верховного Суда РФ, при отнесении конкретного результата интеллектуальной деятельности к объектам авторского права следует учитывать, что таковым является только тот результат, который *создан творческим трудом*. При этом само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом⁸. Как видим, **Верховный Суд РФ не отвечает на вопрос о том, что есть творчество, однако противопоставляет творчество новизне,**

⁵ См.: Канторович Я.А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения: Новый закон 20-го марта 1911 г., с историческим очерком и с разъяснениями, извлеченными из мотивов Редакционной Комиссии по составлению проекта Гражданского Уложения, объяснительной записки к проекту Министра Юстиции и дебатов в Государственной Думе и Государственном Совете. СПб., 1911. С. 105, 106.

⁶ Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М., 1956. С. 32.

⁷ См.: Ионас В.Я. Произведение творчества в системе советского гражданского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1966. С. 7.

⁸ См.: п. 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 7.

уникальности и оригинальности, не рассматривая их в качестве неперенных признаков результата творческой деятельности.

К сожалению, на данном этапе развития юридической науки не представляется возможным дать определение творчества или хотя бы обозначить некоторые границы этого понятия. Определения, которые предложены в науке, вряд ли можно считать приемлемыми. Как отмечает Н.В. Шербак, в советской доктрине творчество рассматривалось как познание нового, ранее неизвестного; деятельность, порождающая нечто качественно новое и отличающееся принципиальной неповторимостью, оригинальностью и уникальностью. Признавалось, что творческая деятельность дает результат, причем произведение выступает не как материальный, а как идеальный объект. Различалась субъективная и объективная новизна творческого результата. Субъективная новизна рассматривалась как неожиданность, неизвестность полученного результата для самого создателя. Под объективной новизной понималась неизвестность полученного творческого результата не только для лица, получившего результат, но и для остальных лиц⁹. Одно из известных определений творчества как выхода мышления личности за рамки принятой нормы, т.е. обыденного¹⁰, вызывает вопросы, что такое «обыденное», чем является «принятая норма». Равным образом, множество вопросов вызывает определение творчества как продуктивной мыслительной деятельности, приносящей нетривиальный результат¹¹. Какой результат следует считать «нетривиальным»? Очевидно, что критерии творчества весьма размыты. Неопределенность ключевого для понятия произведения признака предопределяет проблемы теоретического и практического характера.

В современной литературе высказывается сомнение в части допустимости считать произведением **совокупность идей и образов**. Отмечают, что «образы, ассоциации и субъективные понятия и не могут быть предметами правовых отношений: требовать от слушателей, зрителей возникновения одинаковых образов и ассоциаций равносильно указу: иметь всем одинаковый вес, рост, ум и прочие субъективные характеристики»¹². Делают предположение, что главным признаком произведения, характерным

для любых форм произведения, является его соответствие общему критерию — воплощению в произведении творческого замысла автора¹³. При этом указывают, что критерий творчества должен определяться исходя из комплексного (объективно-субъективного) подхода¹⁴.

В отношении **новизны** справедливо замечание, что абсолютная новизна произведения в принципе недостижима. Поэтому вводится понятие **существенной новизны**, под которой понимается проявление творческой самостоятельности автора, использование значительного количества новых элементов в произведении. Как замечает Н.В. Шербак, невозможно требовать от автора, чтобы содержание произведения было совершенно новым, поскольку на каждого писателя большое влияние оказывают среда, в которой он живет, а также ранее созданные работы аналогичной тематики¹⁵.

Как отмечается в литературе, произведение должно быть выражено в объективной форме таким образом, чтобы стать доступным для восприятия человеческими чувствами, для его внешней оценки и последующего воспроизведения в той же или иной форме¹⁶. Таким образом, для признания явления произведением оно должно быть **восприимчиво во внешнем мире**.

Однако вряд ли можно согласиться с категоричным требованием воспроизводимости произведения. Например, устные выступления (лекции, доклады и пр.), перфомансы, пантомимы существуют как произведения, хотя они невоспроизводимы. Запись подобного произведения представляет собой изменение его формы или создание иного объекта права (к примеру, может быть создано аудиовизуальное произведение, передача в эфир, фонограмма и пр.).

Полагаем, что одним из важных признаков произведения следует признать **волю автора считать продукт своей деятельности именно произведением**. В этом проявляется особенность создания произведения юридическим поступком. Только автор знает, когда именно произведение завершено, что из промежуточных вариантов подлежит уничтожению, а что — сохранению для продолжения процесса творчества.

⁹ См.: Шербак Н.В. Экзистенциальные особенности гражданско-правового режима объектов авторского права и смежных прав // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 99–134.

¹⁰ См.: Богоявленская Д.Б. О методе «креативное поле» // Новые исследования в психологических науках. 1971. № 1.

¹¹ См.: Гут Р. О творчестве в науке и технике // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 130.

¹² Штенников В.Н. Произведения культуры как объекты авторского права // Биржа интеллектуальной собственности. 2011. Т. 10. № 7. С. 17.

¹³ См.: Копылов А.Ю. О понятии произведения литературы как объекта авторских прав // Интеллектуальные права: вызовы 21-го века: материалы Междунар. конф., Томск, 14–16 ноября 2019 г. / под ред. Э.П. Гаврилова, С.В. Бутенко. Томск, 2019. С. 79.

¹⁴ См.: Копылов А.Ю. Основные квалификационные признаки произведения как объекта авторского права // Вопросы рос. и междунар. права. 2019. Т. 9. № 10–1. С. 110.

¹⁵ См.: Шербак Н.В. Указ. соч.

¹⁶ См.: Копылов А.Ю. Основные квалификационные признаки произведения как объекта авторского права. С. 110.

Другим признаком произведения является его *создание конкретным физическим лицом (лицами)*. Произведение есть продолжение личности автора, в нем находят свое выражение его жизненная позиция, взгляды, убеждения. Как справедливо замечает М.Н. Малеина, реализация личного неимущественного права направлена на выявление, развитие и (или) сохранение индивидуальности личности¹⁷. Автор приобретает на свое произведение ряд личных неимущественных прав: право авторства, право на имя, право на обнародование, право на неприкосновенность, право на отзыв и др. В них проявляется личность автора. Поскольку личные неимущественные права могут принадлежать лишь человеку, автором может быть только человек. Для признания созданного творческого результата произведением необходима конкретизация его создателя (создатель). Авторское право является субъективным интеллектуальным правом, поэтому должно принадлежать конкретному субъекту (субъектам) права.

Названные проблемы с выделением признаков произведения вызывают сложности квалификации в отношении официальных документов государственных органов и органов местного самоуправления муниципальных образований; государственных символов и знаков; произведений народного творчества (фольклор), не имеющих конкретных авторов; сообщений о событиях и фактах, имеющие исключительно информационный характер. Если в части последнего названного вида можно предположить, что причиной непризнания сообщений информационного характера в качестве объектов авторского права является отсутствие *признака творчества*, то в остальных случаях явных дефектов данные объекты не имеют. Вероятно, непризнание их объектами авторского права вызвано политико-правовыми причинами. Для произведений народного творчества такой причиной является, как ни странно, отсутствие (неизвестность) конкретного автора. При условии допустимости обнародования произведения анонимно, сама по себе неизвестность автора окружающим не исключает правовой охраны произведения. С произведениями народного творчества проблема состоит в том, что такие объекты не отвечают признаку конкретизации автора (авторов), что исключает возможность признания их в качестве объектов авторского права, даже несмотря на наличие в них всех остальных признаков такого объекта.

Сходным образом дело обстоит с официальными документами государственных органов (органов местного самоуправления).

Как отмечается в литературе, объекты, носящие официальный, государственный (муниципальный) характер, полностью соответствуют признакам произведения, но имеют общую особенность: они должны использоваться в соответствии со специальными предписаниями, широко и беспрепятственно распространяться. Порядок использования этих объектов не может определяться или ограничиваться принявшим их органом или тем органом, от которого они исходят. Иными словами, их правовой режим «несовместим» с правовым режимом объектов авторского права. Из этого делается вывод, что в связи с официальным принятием закона все авторские права на такой объект (имущественные и личные) прекращаются, «погашаются»¹⁸.

С такой позицией вряд ли можно согласиться применительно ко всем официальным документам. Официальный документ является результатом деятельности государственного органа в процессе реализации его компетенции. В работе органов задействовано множество людей, которые участвуют в работе над текстом: его создании, исправлении, редактировании, затем обсуждении, одобрении, принятии, подписании и пр. В силу всеобщей грамотности, чиновники, участвующие в работе над официальным документом, исправляют текст, вписывают в него разные добавления, в литературе именуемые «теневыми поправками»¹⁹. Невозможно установить конкретных физических лиц — авторов официального документа. Поэтому у таких документов, как и у произведений народного творчества, нет конкретизированного субъекта, личность которого нашла бы в таком произведении свое выражение. Подобные документы исходят от Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. *Все названные субъекты не признаются авторами произведений, поскольку не являются людьми.*

В отличие от официальных документов, являющихся продуктом деятельности неопределенных лиц, то есть не имеющих конкретного автора, государственные символы и знаки — гербы, флаги, ордена, денежные знаки и пр. вряд ли могли нарисовать и дорисовывать случайные чиновники — работники государственных органов. Представляется справедливым тезис Э.П. Гаврилова и В.И. Еременко, что *режим произведения как объекта авторского права несовместим с назначением таких объектов*. В отличие от текстового официального документа с «теневыми поправками», у названных объектов точно есть конкретный автор — человек, творческим

¹⁷ См.: Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 40.

¹⁸ Гаврилов Э.П., Еременко В.И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М., 2009 // Режим доступа СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2016. С. 24.

трудом которого были созданы эти объекты. Изъятие данных объектов из сферы распространения авторского права обусловлено политико-правовым решением: утилитарным удобством их использования. В этом случае исключительное право автора и его личные неимущественные права приносятся в жертву во имя общего блага.

Судьба официальных документов и государственных символов от стадии их замысла до стадии прекращения правовой охраны в связи с непризнанием их объектами авторского права заслуживает особого рассмотрения.

Согласно ст. 1264 ГК РФ право авторства на проект официального документа, в том числе на проект официального перевода такого документа, а также на проект официального символа или знака принадлежит лицу, создавшему соответствующий проект (разработчику).

Возникает вопрос: как соотносится между собой признание права авторства на проект и непризнание права авторства на текст официального документа?

Исходя из буквального толкования ст. 1264 ГК РФ, существует несколько вариантов правового режима проекта. Во-первых, проект может быть разработан любым лицом по своей инициативе. Во-вторых, проект может быть разработан по заказу органа государственной власти (органа местного самоуправления). В зависимости от этого разработчик приобретает или не приобретает право обнародовать такой проект. Если разработчик создал проект по своей инициативе, он может обнародовать его без ограничений. Если проект разработан по заказу органа государственной власти (местного самоуправления), то в силу абз. 2 п. 1 ст. 1264 ГК РФ разработчик проекта вправе его обнародовать, если это не запрещено органом, по заказу которого разработан проект. Таким образом, обнародование проекта может быть запрещено заказчиком.

Если инициатор-разработчик принимает решение об обнародовании созданного им проекта, то правовой режим объекта зависит от выбранного способа обнародования. Различаются ситуации, когда проект: *1) обнародован разработчиком для использования соответствующим органом; 2) направлен разработчиком в соответствующий орган; 3) обнародован без специального указания и назначения.* Последняя категория специально в ст. 1264 ГК РФ не называется, но ее существование предполагается, исходя из логики построения текста статьи.

Не вполне понятно, как на практике идентифицировать первую группу проектов. Иначе говоря, *как именно должны маркироваться проекты*, обнародованные разработчиком для использования органом государственной власти (местного

самоуправления), чем они отличаются от проектов третьей группы.

Неопределенность правового режима проекта приводит к судебным спорам. Так, гражданин обратился в суд с иском к Ассоциации «Национальное объединение корпоративных секретарей» (далее — Ассоциация НОКС) о признании права авторства истца на произведение — проект профессионального стандарта «Специалист по корпоративному управлению — корпоративный секретарь». Истец также просил суд обязать ответчика: 1) отозвать из Минтруда России проект стандарта как незаконно направленный на рассмотрение и согласование в федеральный орган исполнительной власти; 2) прекратить нарушение авторских прав истца, а именно: запретить дальнейшую публикацию и использование любым способом указанного проекта профессионального стандарта, в том числе путем направления проекта на согласование, рассмотрение и утверждение в Минтруд России, в иные государственные органы исполнительной власти, в Центральный банк РФ, общественные, коммерческие и некоммерческие организации и учреждения от имени Ассоциации НОКС. Кроме того, истец просил суд взыскать в его пользу с ответчика как виновника нарушения авторского права вознаграждение в размере 175 000 руб., составившее неполученный истцом доход в форме упущенной выгоды, 10 000 руб. в качестве компенсации морального вреда.

Как было установлено судом, в апреле 2006 г. Ассоциация НОКС осуществила выбор исполнителя для разработки проекта профессионального стандарта «Специалист по корпоративному управлению — корпоративный секретарь», которым стал Фонд ИФРУ. В апреле 2014 г. Фонд ИФРУ на сайте программно-аппаратного комплекса «Профессиональные стандарты» Минтруда России зарегистрировал уведомление о разработке проекта профессионального стандарта «Корпоративный секретарь» с указанием в нем ответственного исполнителя-разработчика, которым был истец — гражданин. После этого Фонд ИФРУ и ООО НОКС заключили Соглашение о сотрудничестве, предметом которого стала подготовка, разработка проекта профессионального стандарта «Корпоративный секретарь». Условиями соглашения была предусмотрена оплата частями, были предоставлены материалы для разработки проекта. После получения проекта он был доработан с учетом полученных в ходе обсуждения замечаний заказчика, затем направлен на согласование в Минтруд России, утвержден и официально размещен на сайте без указания имени автора. По мнению истца, было нарушено его право признаваться автором произведения, а в проект нельзя было вносить изменения без согласия автора. Разрешая спор на основании п. 2 ст. 1264 ГК РФ, суд указал, что

при подготовке официального документа на основе соответствующего проекта в него могут вноситься дополнения и изменения по усмотрению государственного органа, органа местного самоуправления, осуществляющих подготовку официального документа, разработку официального символа или знака. После официального принятия к рассмотрению государственным органом, органом местного самоуправления проект может использоваться без указания имени разработчика. В связи с этим суд не нашел нарушений прав истца и в иске отказал²⁰.

При рассмотрении другого спора перед судом встал ряд теоретических вопросов, касающихся правового режима проекта. Во-первых, вопрос о том, что такое «проект». Во-вторых, как именно должна выражаться воля автора на использование его произведения как проекта. В-третьих, в какой именно момент прекращается правовая охрана авторских прав разработчика в отношении созданного им произведения. Существо спора состояло в следующем. В 2016 г. гражданин М.А. Резвых решил создать «дизайн-код», т.е. свод рекомендаций о размещении вывесок на здании и наружной рекламы. Для создания «дизайн-кода» он привлек своих знакомых, а именно дизайнеров Сергея Иванова и Дениса Торопова, которые занимались графикой. В ноябре 2017 г. он опубликовал рабочую версию «дизайн-кода» на своей странице в социальной сети под псевдонимом Max Rezvykh с пояснением, что направляет ее «для народного обсуждения». В начале мая 2020 г. М.А. Резвых увидел на сайте администрации ГО «Город Чита» свой «дизайн-код». Как установил суд, в период с 17 апреля 2020 г. по 17 мая 2020 г. на сайте администрации города была размещена презентация «дизайн-кода» под названием «Дизайн-код, руководство по размещению вывесок на улицах Читы», автором которой являлся М.А. Резвых. Указанная презентация была направлена в администрацию города 21 мая 2020 г. неким гражданином Пономаренко, который нашел ее в социальной сети. Презентация была размещена на сайте администрации как пример направления работы по созданию дизайн-кода. Позднее данный текст презентации был дополнен и принят в качестве нормативного правового акта.

При рассмотрении данного спора суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что в спорном произведении «Дизайн-код» реализуется определенный способ юридической техники изложения правил и рекомендаций — путем визуального изложения норм правового регулирования. Это произведение содержит визуальное изложение проекта императивных и диспозитивных правил,

предписывающих порядок размещения вывесок на территории города Читы. Исходя из этого суд признал, что произведения, которые направлены на установление правил, содержащих запрещающие, предписывающие и диспозитивные нормы поведения для неопределенного круга лиц, требующие властно-распорядительного установления уполномоченными органами, **являются проектами официального документа**. Как указал суд, авторство такого документа принадлежит лицу, создавшему соответствующий проект (разработчику). Разработчик проекта официального документа вправе обнародовать такой проект, при опубликовании проекта он вправе указать свое имя. Проект официального документа может быть использован государственным органом, органом местного самоуправления для подготовки соответствующего официального документа, разработки символа или знака без согласия разработчика, если проект обнародован разработчиком для использования этими органом или организацией либо направлен разработчиком в соответствующий орган или организацию. Суд также дал оценку высказыванию М.А. Резвых в интервью, опубликованном в одном из изданий: «Сейчас я выложил дизайн-код в сеть, чтобы каждый мог его изучить и высказать свои мнения и предложения. После этого я внесу все разумные изменения и попробую собрать когорту депутатов, которые могли бы превратить этот документ в закон». Суд апелляционной инстанции счел, что представленное произведение является воплощением идеи автора, содержащей отдельные концепции, подлежащие воплощению в правовые акты, через которые реализуются предложенные запреты, предписания и разрешения поведения. В силу п. 5 ст. 1259 ГК РФ произведения, содержащие идею и содержащие концепции реализации такой идеи, не относятся к объектам авторских прав, следовательно, на них не распространяется охрана интеллектуальных прав²¹.

Вряд ли можно согласиться с такой квалификацией произошедшего. Как представляется, чтобы произведение можно было считать проектом официального документа, **такое намерение должно быть ясно и недвусмысленно выражено автором произведения**. Нельзя путем толкования относить произведения к проектам официальных документов и придавать им соответствующий режим, например оценивая содержание произведения и находя в нем фразы, подобные правовым предписаниям. Если продолжать такую логику, то можно скомпоновать текст официального документа из учебника гражданского права, считая, что поскольку авторских прав на официальный документ не возникает,

²⁰ См.: Решение Таганского районного суда города Москвы от 12.03.2018 по делу № 2-725/2018 // В официальных источниках опубликовано не было.

²¹ См.: Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 14.06.2022 № 04АП-1701/2022 по делу № А78-6706/2020 // В официальных источниках опубликовано не было.

то использованный текст учебника тоже не охраняется авторским правом. Очевидна абсурдность такой логики. Где же граница свободного использования чужих произведения для формирования текстов официальных документов?

Поскольку в сравнении с режимом обычного литературного произведения правовой режим проекта нормативного правового акта является специальным, содержащим изъятия из обычного набора прав и правомочий, то признание объекта как имеющего данный режим может происходить в строго ограниченном числе случаев, перечень которых не подлежит расширительному толкованию.

Литературное произведение может рассматриваться в качестве проекта официального документа при наличии определенных условий. Во-первых, документ должен иметь *название, соответствующее одному из существующих видов официальных документов*, например: Федеральный закон, Постановление Правительства РФ, Указ Президента РФ, приказ, положение и пр. Это необходимо для того, чтобы можно было выявить волю автора, направленную на создание именно проекта официального документа.

Во-вторых, творчество автора должно быть направлено на создание проекта официального документа для последующего потенциального его принятия (утверждения) определенным органом в качестве официального документа. В документе должно прямо или косвенно содержаться указание на то, что разработчик считает свой текст *проектом официального документа*, а не шуткой, учебным заданием и пр. В частности, если в качестве учебной работы студент подготовил проект закона, выполняя домашнее задание по курсу, такое произведение по общему правилу не имеет правового режима проекта официального документа. Поэтому, если преподаватель направит такое произведение в официальные инстанции без согласия студента, это будет являться нарушением исключительного права и личных прав автора произведения.

В-третьих, воля лица *по направлению* проекта официального документа в уполномоченный орган *должна быть прямо выражена*. Закон устанавливает порядок такого выражения воли. Так, согласно п. 2 ст. 1264 ГК РФ проект может *быть обнародован* разработчиком для использования определенным государственным органом.

Можно ли считать, что обнародование в социальной сети произведения с предложением обсудить этот документ является обнародованием проекта разработчиком для использования уполномоченным органом? Представляется, что ответ может быть отрицательным. Для того чтобы можно было говорить об обнародовании произведения с целью его использования государственным органом, такой орган должен быть *прямо или косвенно поименован в письме или сообщении,*

сопровождающем проект. Например, это может быть открытое письмо-обращение, размещенное в социальной сети или в СМИ с просьбой принять федеральный закон, проект которого приложен к письму.

Более явным способом выражения воли автора может быть *непосредственное направление проекта в соответствующий уполномоченный орган*. Это может произойти путем вручения документа уполномоченному лицу соответствующего органа, например, на личной встрече с субъектом законодательной инициативы; посредством почтового или электронного отправления, адресованного конкретному государственному органу или должностному лицу с указанием на то, что данный текст направляется *именно для использования в качестве проекта официального документа*.

Нельзя считать проектом официального документа произведения, сформированные лицом в качестве жалоб, обращений, заявлений, направленных в государственные органы для реализации субъективных прав конкретного лица или даже неопределенного круга лиц.

В рассматриваемом случае произведение «дизайн-код» не было направлено в Администрацию Читы для использования в качестве проекта официального документа²². Потому использование данного произведения без согласия его авторов являлось нарушением прав авторов этого произведения.

Представляет интерес следующее положение: «При подготовке официального документа, разработке официального символа или знака на основе соответствующего проекта в него могут вноситься дополнения и изменения по усмотрению государственного органа, органа местного самоуправления или международной организации, осуществляющих подготовку официального документа, разработку официального символа или знака» (абз. 2 п. 2 ст. 1264 ГК РФ).

Получается, что *правовая охрана прав автора в отношении проекта изначально существует, но в какой-то момент исчерпывается*.

Полагаем, что в случае, когда автор проекта направляет разработанный им документ в официальный орган, организацию или должностному лицу либо обнародует проект, указывая, что данный проект можно использовать для подготовки официального документа данным органом, организацией, лицом или иными субъектами, желающими использовать этот проект, происходит интересное правовое явление. Созданное автором произведение *не утрачивает признаков произведения*. Однако тот орган, организация, должностное лицо или даже неопределенный круг лиц, если это

²² См.: Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 14.06.2022 № 04АП-1701/2022 по делу № А78-6706/2020 // В официальных источниках опубликовано не было.

указано автором при обнародовании его проекта, получает право использовать данное произведение. После официального принятия к рассмотрению проекта государственным органом, органом местного самоуправления или международной организацией проект может использоваться без указания имени разработчика (абз. 3 п. 2 ст. 1264 ГК РФ). По всей видимости, именно в этот момент исчерпываются права автора в отношении проекта в том варианте текста, который был представлен в соответствующий орган. При этом автор сохраняет все права в отношении проекта официального документа как произведения, может его публиковать, изменять, предлагать другим органам, продвигать в СМИ, если иное не установлено соглашением с заказчиком, по заданию которого разработан такой проект.

Как видим, с момента направления проекта в уполномоченный орган происходит удвоение объектов. Один из объектов — произведение «проект официального документа» — сохраняет прежний режим. Второй объект — пока еще тоже «проект официального документа» — может использоваться в деятельности государственного органа (органа местного самоуправления). Он может направляться на экспертизы, в него могут вноситься любые изменения без согласия автора, имя разработчика первоначального проекта более не указывается. После принятия официального документа уполномоченным органом, такой документ *выбывает из правовой охраны* и не признается объектом авторского права (п. 6 ст. 1259 ГК РФ). Согласие автора на принятие или на дальнейшие его изменения не требуется. Вряд ли можно предположить, что Президент РФ перед тем, как подписать принятый Государственной Думой и одобренный Советом Федерации закон, разыскивает авторов законопроекта и спрашивает их согласие на подписание закона, который именно в этот юридический миг станет официальным документом. Очевидно, что лицо, создающее проект федерального закона и представляющее его в соответствующий орган публичной власти или лицу, наделенному правом законодательной инициативы, осознает возможную судьбу этого проекта. Такое предоставление само по себе является выражением распоряжения судьбой проекта, предполагающего возможное уничтожение объекта.

Возникает еще один интересный вопрос, связанный с судьбой *сборников официальных документов*. Официальные документы не признаются объектами авторского права. Можно ли на основании официальных документов, не являющихся объектами авторского права, создать составное произведение — сборник? Если составитель подобного сборника осуществляет подбор и компоновку официальных документов, можно ли считать такой сборник объектом, охраняемым авторским правом?

Данный вопрос обсуждается в судебной практике. Так, при рассмотрении одного из судебных дел было установлено, что ОАО «Московский центр ценообразования в строительстве «Мосстройцены» обратилось в Арбитражный суд г. Москвы с иском к ООО «ИЦ СтройКонсультант» о признании исключительного права на издание (воспроизведение) и реализацию (распространение) Сборников «Территориальные сметные нормативы для Москвы ТСН-2001» в печатном и электронном виде, а также о запрете ООО «ИЦ СтройКонсультант» воспроизведения и распространения указанных сборников. Истец указал, что в соответствии с государственным контрактом от 1 октября 2005 г. он выполнил работы по теме «Разработка территориальных сметных норм и расценок для определения стоимости строительства объектов в городе Москве в базисных ценах по состоянию на 1 января 2000 года». В 2006 г. истец за счет собственных денежных средств выпустил Сборники ТСН-2001 в определенном составе. В Сборниках был использован знак охраны авторского права, сборники содержали информацию о том, что обладателем исключительных прав является истец, что нормативы не могут быть воспроизведены, тиражированы и распространены без его разрешения. По мнению истца, ответчик нарушил его права тем, что включил сборники в состав электронных версий «Сборника нормативных документов по строительству», действующих на территории Российской Федерации, без приобретения исключительного права на воспроизведение и распространение объекта. Постановлением Правительства г. Москвы от 14 ноября 2006 г. № 900-ПП²³ Сборники территориальных сметных нормативов для города Москвы были введены в действие с 1 декабря 2006 г. В Приложении № 1 к указанному постановлению был дан перечень Сборников территориальных сметных нормативов для Москвы ТСН-2001 с указанием наименований нормативов и их шифров. На основе анализа текста сборников территориальных сметных нормативов суд пришел к выводу, что их содержание направлено на установление определенных требований не только технического характера, но и нормативных требований при определении сметной стоимости проведения строительных работ. Суд указал, что оригинал-макеты Сборников до их введения в действие постановлением Правительства Москвы от 14 ноября 2006 г. № 900-ПП являлись объектами авторского права. Исходя из текста данного постановления, территориальные сметные нормативы для Москвы ТСН-2001 являлись частью нормативного правового акта. Поскольку Сборники были включены в состав официального документа (Приложением № 1), на них не возникает

²³ См.: Вестник МПМ. 2006. № 68.

исключительное право. В связи с этим в иске было отказано²⁴.

Отсутствие исключительного права и личных неимущественных прав на официальные документы не исключает возможности составлять из таких документов сборники. Согласно п. 2 ст. 1260 ГК РФ составителю сборника и автору иного составного произведения (антологии, энциклопедии, базы данных, интернет-сайта, атласа или другого подобного произведения) принадлежат авторские права на осуществленные ими подбор или расположение материалов (составительство). Как отметил Верховный Суд РФ, авторские права составителя и иного автора составного произведения охраняются как права на самостоятельные объекты авторских прав независимо от охраны прав авторов использованных произведений²⁵. Эта независимость означает, что, несмотря на отсутствие авторских прав на официальные документы, включенные в сборник, сам сборник является объектом авторского права, а его составитель приобретает самостоятельное право на составное произведение, подлежащее правовой охране и защите.

Однако чтобы говорить о сборнике официальных документов, *эти документы не должны изначально представлять собой единый нормативный правовой акт*. В рассматриваемом споре именно эта проблема нашла свое отражение. Хотя речь шла о «сборниках», фактически они представляют собой единый официальный документ. Если же рассматривать тематическую подборку официальных документов, то составителя такого сборника можно признать автором составного произведения. Авторское право составителя сборника возникает постольку, поскольку сборник — результат творческого труда по подбору и расположению материалов, даже если каждый из материалов не признается объектом авторских прав.

* * *

Изложенное позволяет сделать некоторые выводы.

Произведение есть объект авторского права, который обладает следующими признаками: 1) создано конкретным физическим лицом (лицами) — авторами; 2) выражает волю автора считать продукт своей деятельности произведением; 3) воспринимается во внешнем мире; г) отражает творческий характер деятельности автора (авторов) по созданию произведения.

Явления, не признаваемые в соответствии п. 6 ст. 1259 ГК РФ объектами авторского права, изъяты

²⁴ См.: Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.09.2009 № ВАС-12157/09 по делу № А40-2066/08-27-25 // В официальных источниках опубликовано не было.

²⁵ См.: п. 88 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 7.

из числа объектов по разным основаниям. В сообщениях информационного характера отсутствует *признак отражения творческого характера деятельности автора (авторов) по созданию произведения*. В произведениях народного творчества и официальных документах нет признака *их создания конкретным автором (авторами)*. В государственных символах и знаках есть все признаки произведения, однако правовой режим объекта авторского права несовместим с назначением государственных символов и знаков.

Проект официального документа является произведением со специальным правовым режимом, который различается в зависимости от того, был ли он создан по заданию уполномоченного органа или по собственной инициативе разработчика. Если проект создан по инициативе разработчика, его режим может быть обусловлен способом и целью обнародования. Различаются проекты, которые: 1) *обнародованы разработчиком для использования соответствующим органом*; 2) *направлены разработчиком в соответствующий орган*; 3) *обнародованы без специального указания и назначения*.

С момента начала использования проекта, обнародованного или направленного для использования, происходит удвоение объектов. Один из объектов — «проект официального документа № 1» — сохраняет прежний режим произведения. Второй объект — «проект официального документа № 2» — может использоваться в деятельности государственного органа. «Проект № 2» может направляться на экспертизы, в него могут вноситься любые изменения без согласия автора, имя разработчика первоначального проекта более не указывается. После принятия официального документа уполномоченным органом такой документ *выбывает из правовой охраны* и не признается объектом авторского права.

Изъятие из правовой охраны официальных документов не исключает возможности создания на их основе охраняемых произведений, в частности составных, производных (сборники, переводы и пр.), на которые возникает самостоятельное авторское право составителей, переводчиков, иных субъектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богоявленская Д. Б. О методе «креативное поле» // Новые исследования в психологических науках. 1971. № 1.
2. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2016. С. 24.
3. Гаврилов Э. П., Еременко В. И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М., 2009 // Режим доступа СПС «КонсультантПлюс».
4. Гут Р. О творчестве в науке и технике // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 130.
5. Ионас В. Я. Произведение творчества в системе советского гражданского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1966. С. 7.

6. Канторович Я.А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения: Новый закон 20-го марта 1911 г., с историческим очерком и с разъяснениями, извлеченными из мотивов Редакционной Комиссии по составлению проекта Гражданского Уложения, объяснительной записки к проекту Министра Юстиции и дебатов в Государственной Думе и Государственном Совете. СПб., 1911. С. 105, 106.
7. Копылов А.Ю. О понятии произведения литературы как объекта авторских прав // Интеллектуальные права: вызовы 21-го века: материалы Междунар. конф., Томск, 14–16 ноября 2019 г. / под ред. Э.П. Гаврилова, С.В. Бутенко. Томск, 2019. С. 79.
8. Копылов А.Ю. Основные квалификационные признаки произведения как объекта авторского права // Вопросы рос. и междунар. права. 2019. Т. 9. № 10–1. С. 110.
9. Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 40.
10. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М., 1956. С. 32.
11. Суханов Е.А. О преподавании гражданского права в современных условиях // Суханов Е.А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России. Избр. труды 2008–2012. М., 2013. С. 468, 469.
12. Штенников В.Н. Произведения культуры как объекты авторского права // Биржа интеллектуальной собственности. 2011. Т. 10. № 7. С. 17.
13. Шчербак Н.В. Экзистенциальные особенности гражданско-правового режима объектов авторского права и смежных прав // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 99–134.
2. Vitryansky V.V. Reform of Russian civil legislation: interim results. М., 2016. P. 24 (in Russ.).
3. Gavrilov E.P., Eremenko V.I. Commentary on part four of the Civil Code of the Russian Federation (article by article). М., 2009 // The access mode of the ATP "ConsultantPlus" (in Russ.).
4. Gut R. About creativity in science and technology // Questions of psychology. 2007. No. 2. P. 130 (in Russ.).
5. Jonas V. Ya. The work of creativity in the system of Soviet Civil Law: abstract ... Doctor of Law. М., 1966. P. 7 (in Russ.).
6. Kantorovich Ya.A. Copyright for literary, musical, artistic and photographic works: A new law on March 20, 1911, with a historical sketch and explanations extracted from the motives of the Editorial Commission for drafting the Civil Code, explanatory note to the draft of the Minister of Justice and debates in the State Duma and the State Council. St. Petersburg, 1911. Pp. 105, 106 (in Russ.).
7. Kopylov A. Yu. On the concept of a work of literature as an object of copyright // Intellectual property rights: challenges of the 21st century: materials of the International Conference, Tomsk, November 14–16, 2019 / ed. by E.P. Gavrilov, S.V. Butenko. Tomsk, 2019. P. 79 (in Russ.).
8. Kopylov A. Yu. The main qualification features of a work as an object of copyright // Russian's questions and International Law. 2019. Vol. 9. No. 10–1. P. 110 (in Russ.).
9. Maleina M.N. The concept and types of intangible benefits as objects of personal non-property rights // State and Law. 2014. No. 7. P. 40 (in Russ.).
10. Serebrowsky V.I. Questions of Soviet copyright. М., 1956. P. 32 (in Russ.).
11. Sukhanov E.A. On teaching Civil Law in modern conditions // Sukhanov E.A. Problems of reforming the Civil Code of Russia. Selected works 2008–2012. М., 2013. Pp. 468, 469 (in Russ.).
12. Shtennikov V.N. Works of culture as objects of copyright // Intellectual Property Exchange. 2011. Vol. 10. No. 7. P. 17 (in Russ.).
13. Shcherbak N.V. Existential features of the civil law regime of objects of copyright and related rights // Herald of Civil Law. 2021. No. 6. Pp. 99–134 (in Russ.).

REFERENCES

1. Bogoyavlenskaya D.B. On the method "creative field" // New research in psychological sciences. 1971. No. 1 (in Russ.).

Сведения об авторах

КОЗЛОВА Наталия Владимировна –
доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского права
юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова;
119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1,
стр. 13 (4-й учебный корпус)

ФИЛИППОВА Софья Юрьевна –
доктор юридических наук,
доцент кафедры коммерческого права
и основ правоведения юридического
факультета МГУ им. М.В. Ломоносова;
119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1,
стр. 13 (4-й учебный корпус)

Authors' information

KOZLOVA Natalia V. –
Doctor of Law,
Professor of the Department of Civil Law
of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow
State University; 1 Leninskie Gory, bld. 13
(4th academic building), 119991 Moscow, Russia

FILIPPOVA Sofya Yu. –
Doctor of Law,
Associate Professor of the Department
of Commercial Law and Fundamentals
of Jurisprudence of the Faculty of Law
at Lomonosov Moscow State University;
1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building),
119991 Moscow, Russia

УДК 347.21

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА, ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ И ЭЛЕКТРОННЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

© 2024 г. В. Н. Лисица

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: lissitsa@mail.ru

Поступила в редакцию 23.08.2023 г.

Аннотация. В статье проведено сравнение цифровой валюты с цифровым рублем наряду с другими безналичными денежными средствами (на банковских счетах, а также с электронными денежными средствами) и обосновывается их разная гражданско-правовая природа, в связи с чем использование в их наименованиях общей цифровой характеристики ведет к их смешению, а не к четкому разграничению между собой. В целях придания цифровой валюте необходимой гражданско-правовой оборотоспособности формулируется вывод о важности ее признания в качестве имущества в гражданском законодательстве. По аналогии с интеллектуальной собственностью проводится различие между нематериальным объектом — цифровым знаком (цифровым кодом, токеном) и признаваемым законодательством на него субъективным гражданским правом имущественного характера, которое способно передаваться (отчуждаться) другим лицам и быть предметом различных сделок. С этой точки зрения и с учетом отсутствия должника в обязательстве перспективным представляется квалификация цифровой валюты в качестве абсолютного цифрового права с установлением детального порядка его возникновения, осуществления (распоряжения), перехода по другим основаниям, обременения, прекращения и защиты в действующем законодательстве.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, цифровой знак, токен, цифровой рубль, электронные денежные средства, безналичные денежные средства, цифровое право.

Цитирование: Лисица В. Н. Цифровая валюта, цифровой рубль и электронные денежные средства в российском гражданском праве: проблемы соотношения // Государство и право. 2024. № 2. С. 110–118.

DOI: 10.31857/S1026945224020118

DIGITAL CURRENCY, DIGITAL RUBLE AND ELECTRONIC MONEY IN RUSSIAN CIVIL LAW: PROBLEMS OF CORRELATION

© 2024 V. N. Lisitsa

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: lissitsa@mail.ru

Received 23.08.2023

Abstract. The article compares digital currency with the digital ruble and other non-cash funds (on bank accounts as well as electronic money) and justifies their different civil law nature that, due to the use of the common digital characteristic in their names, leads to their confusion, but not to the clear distinction among them. In order to ensure digital currency with the necessary civil law treatment, it is concluded that it be recognized as property in civil law. By analogy with intellectual property, it is argued to distinguish between an intangible object — a digital sign (digital code, token) and a civil legal right to be acknowledged in law for it. From this point of view, given the absence of a debtor in an obligation, digital currency in Russian Civil Law should be treated as an absolute digital right and regulated in details in the current civil legislation regarding the order of its appearance, implementation (disposal), transfer, lien, termination, and protection.

Key words: digital currency, cryptocurrency, token, digital ruble, electronic money, non-cash money, digital right.

For citation: Lisitsa, V.N. (2024). Digital currency, digital ruble and electronic money in Russian Civil Law: problems of correlation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 110–118.

За последние годы криптовалюта как новое революционное явление в экономике бросила вызов традиционным денежным средствам, используемым в качестве средства платежа и признаваемым государством, причем не только в гражданско-, но и уголовно-правовой сфере¹. В Российской Федерации, по экспертным оценкам, гражданами открыто свыше 12 млн криптовалютных кошельков общим объемом порядка 2 трлн руб.² Учитывая масштабы и дальнейшие перспективы развития ее оборота, в том числе в части обеспечения внешне-экономических расчетов в условиях действия ограничительных мер недружественных зарубежных государств, Российская Федерация не может игнорировать данные обстоятельства и в этой связи совершенно оправданно стремится создать необходимую правовую основу для формирования легального рынка криптовалют³. В этой связи вполне своевременным и обоснованным стало принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации»⁴ (далее — Федеральный закон о цифровой валюте), который обеспечил законодательное признание цифровой валюты в Российской Федерации.

Однако еще раньше крипто- и иная цифровая валюта стала предметом многочисленных юридических исследований⁵ и правовой квалификации со стороны правоприменителя. Интересно заметить, что суды по уголовным делам изначально посчитали необходимым определить криптовалюту как имущество и признать ее в качестве предмета преступлений⁶, тогда как по гражданским спорам ситуация оказалась другой: во многих таких делах ей не нашлось места в системе действующего на тот момент гражданско-правового регулирования и потому истцам обычно отказывали в гражданско-правовой защите прав, связанных

¹ См.: Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 389–398.

² См.: Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://static.government.ru/media/files/Dik7wBqAubc34ed649ql2Kg6HuTANrqZ.pdf> (дата обращения: 22.07.2023).

³ См.: там же.

⁴ См.: Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.07.2023).

⁵ См.: Кучеров И. И. Криптовалюта: идеи правовой идентификации и легитимации альтернативных платежных средств. М., 2018; Харитонова Ю. С. Криптовалюта в правоприменительной практике // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 31–36.

⁶ См.: п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Росс. газ. 2015. 13 июля.

с ее оборотом⁷. Вместе с тем в ряде случаев подобные объекты все-таки признавались на уровне Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ имуществом в той или иной степени⁸, в результате чего дела при обжаловании вынесенных судебных решений направлялись на новое рассмотрение⁹. Представляется, что такую противоречивую позицию судов на одно и то же правовое явление вряд ли можно признать допустимой, поскольку она создает правовую неопределенность и несомненно негативным образом сказывается на эффективности правового регулирования в сфере экономики¹⁰.

Спустя годы после законодательного признания цифровой валюты в Гражданском кодексе РФ¹¹ она до сих пор отсутствует. Ее определение содержится в ч. 3 ст. 1 Федерального закона о цифровой валюте, которая обозначает ее как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе...». При этом она может использоваться в качестве средства платежа, не являясь при этом денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, а также может выступать инвестицией.

Как видно, в приведенном законодательном определении цифровая валюта по своей сути представляет собой электронные данные, которые с точки зрения п. 1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите

информации»¹² являются не чем иным, как информацией. Очевидно, что в таком понимании она не может признаваться объектом гражданских прав, особенно учитывая то, что информация была обоснованно исключена из перечня таких объектов в ст. 128 ГК РФ еще в 2008 г. в соответствии с Федеральным законом от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹³.

В то же время, как уже было отмечено *supra*, цифровая валюта может использоваться в качестве инвестиции, которая обычно признается имуществом в его широком значении, в частности, согласно ст. 1 Федерального закона от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»¹⁴. Кроме того, в ч. 3 ст. 14 Федерального закона о цифровой валюте при определении организации обращения цифровой валюты в Российской Федерации предусматривается возможность ее перехода от одного обладателя к другому при совершении гражданско-правовых сделок, что указывает на гражданско-правовую оборотоспособность данного объекта посредством придания ему имущественной характеристики.

То же самое следует сказать в отношении криптовалюты и иных криптоактивов, которые многообразны и не имеют до сих пор однозначного понимания¹⁵. В частности, в Российской Федерации данный термин криптовалюты можно встретить лишь в отдельных документах государственных органов власти, в которых обычно указывается на ее виртуальный, децентрализованный и анонимный характер¹⁶. В теории были предложены гораздо более точные определения, раскрывающие ее, к примеру, как децентрализованную и конвертируемую, основанную на применении криптографии для создания и контроля новых единиц валюты и осуществления транзакций¹⁷. Именно через техническую (цифровую, информационную) сущность (как единицу учета в виде записи с использованием технологии блокчейн, запись транзакций в виде

⁷ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.05.2021 по делу № А41-4212/2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/sN6GeyPPnDbu/?ysclid=llch54pl1y937207413> (дата обращения: 22.07.2023); Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 8.10.2021 по делу № А57-15876/2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/3SVSIDu5Dcmj/?ysclid=llchux6i3x275228288> (дата обращения: 22.07.2023).

⁸ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.02.2021 № 2-2886/2019 по делу № 44-КГ20-17-К7 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1969738 (дата обращения: 22.07.2023).

⁹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21.09.2021 № 29-КГ21-5-К1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://legalsacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21092021-n-29-kg21-5-k1/?ysclid=llghqa1jno754635193> (дата обращения: 22.07.2023).

¹⁰ См.: Лисица В. Н., Пархоменко С. В. Некоторые аспекты повышения эффективности уголовного закона в сфере экономики: разработка категориального аппарата // Всеросс. криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 2. С. 190–198.

¹¹ См.: СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

¹² См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3448.

¹³ См.: СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I), ст. 5497.

¹⁴ См.: СЗ РФ. 1999. № 9, ст. 1096.

¹⁵ См.: Обеспечение прав инвесторов в условиях цифровизации экономики: опыт стран Европы и Азии / под общ. ред. В. С. Бельх, А. П. Алексеенко. М., 2021. С. 8–12, 16–23; The Law of Crypto Assets / ed. by Ph. Maume, L. Maute, M. Fromberger. München, 2022. P. 18–23.

¹⁶ См.: Информация Банка России от 04.09.2017 «Об использовании частных “виртуальных валют” (криптовалют)» // Вестник Банка России. 2017. № 80.

¹⁷ См.: Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Lex russica. 2019. № 7. С. 132.

реестра¹⁸ и т.п.) она часто определяется в литературе. В этой связи криптовалюту следует рассматривать как цифровую валюту, которая создается с использованием технологии блокчейн и криптографических средств, или выражаясь другими словами, в информационной системе на основе распределенного реестра.

Однако использование одних лишь технических характеристик в определении цифровой валюты не позволяет точно определить ее место в системе объектов гражданских прав. Оценивая законодательные нововведения о цифровой валюте, необходимо еще раз констатировать неясность (противоречивость) ее гражданско-правовой природы, что находит отражение в различных подходах ученых в ее понимании¹⁹. С одной стороны, основная ее составляющая — информация — не является объектом гражданских прав, а с другой — иные ее характеристики, предусмотренные законодательством (средство платежа, инвестиция и т.д.), указывают на ее имущественный характер. В этой связи в юридической литературе справедливо отмечается, что ее трудно отнести к каким-либо традиционным объектам гражданских прав, в частности вещам и обязательствам²⁰. На этом основании можно увидеть предложение о необходимости признания ее иным имуществом — цифровым имуществом²¹, которое пока не нашло законодательного признания.

Действительно, нельзя не согласиться с важностью отнесения цифровой валюты к имуществу. Иначе ее гражданско-правовая оборотоспособность, которая является ключевой характеристикой объекта гражданских прав, будет поставлена под сомнение. В этой связи наиболее перспективный подход — отнесение цифровой валюты к цифровым правам, которые были недавно признаны в качестве имущественных прав и тем самым введены в гражданский оборот. Гражданский кодекс РФ в п. 1 ст. 141¹ выделяет несколько признаков таких прав: во-первых, они должны быть названы в таком качестве в законодательстве, во-вторых, их содержание

и условия осуществления определяются в правилах информационной системы, а в-третьих, их осуществление и распоряжение допускаются только в такой информационной системе, причем без обращения к третьему лицу.

Цифровая валюта потенциально может подходить под данное определение. В частности, ее оборот возможен лишь в рамках той или иной информационной системы, где она создается. Единственное, что законодательно пока не предусмотрено — это прямое указание на то, что цифровая валюта является цифровым правом, а также установление правил (признаков), предъявляемых к такой информационной системе. Очевидно, что данные вопросы могут быть легко разрешены законодателем.

Может также показаться, что понятие цифрового права неприменимо к цифровой валюте, поскольку осуществление и распоряжение цифровым правом возможны в информационной системе без обращения к третьему лицу (п. 1 ст. 141¹ ГК РФ), тогда как в процесс выпуска и обращения цифровой валюты вовлечены различные субъекты. Однако это не совсем так. В частности, если обратиться к цифровым финансовым активам, которые законодательно отнесены к цифровым правам (ч. 2 ст. 1 Федерального закона о цифровой валюте), то следует отметить, что их выпуск, учет и обращение также осуществляются путем внесения записей в информационную систему, что требует наличия оператора или узлов информационной системы. На это прямо указывает ч. 1 ст. 10 Федерального закона о цифровой валюте, согласно которой сделки с цифровыми финансовыми активами заключаются посредством оператора обмена цифровых финансовых активов. При этом, как предусмотрено в ч. 7 ст. 4 указанного Закона, обладатель цифрового финансового актива должен по общему правилу, во-первых, быть включен в реестр пользователей информационной системы, в которой учитываются такие активы, а во-вторых, иметь доступ к данной информационной системе посредством обладания уникальным кодом, который позволяет получить информацию о цифровых финансовых активах и распорядиться ими.

Представляется, что помимо законодательного признания цифровой валюты необходимо более детально урегулировать порядок ее создания (майнинга), осуществления (распоряжения), перехода по другим основаниям, обременения, прекращения и защиты. Действующих положений по данным вопросам в ст. 14 Федерального закона о цифровой валюте, касающейся ее оборота, крайне недостаточно. В этой связи не случайно появление в Государственной Думе ряда законопроектов, к примеру

¹⁸ См.: Кудряшова Е.В. Правовое регулирование криптовалют: выбор вектора развития // Финансовое право. 2018. № 6. С. 9.

¹⁹ См.: Дейнеко А.Г. Цифровые права в Гражданском кодексе: ближайшие последствия и отдаленные перспективы // Труды ИГП РАН. 2020. Т. 15. № 2. С. 175–198; Лантев В.А. Цифровая информация как объект гражданского и торгового оборота на современном этапе // Государство и право. 2022. № 7. С. 94, 95; Рожкова М.А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 10–12.

²⁰ См.: Андреев В.К. О правовом аспекте цифровой валюты // Право и экономика. 2020. № 10. С. 8; Ефимова Л.Г. Криптовалюта как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4. С. 17–25; Fintech: Law and Regulation / ed. by J. Madir. Cheltenham; Northampton, 2019. Pp. 115, 116.

²¹ См.: Егорова М.А., Ефимова Л.Г. Указ. соч. С. 135, 136.

законопроекта № 237585-8²², предусматривающего внесение необходимых изменений и дополнений в Федеральный закон о цифровой валюте.

Как отмечается в литературе, цифровые права по своей гражданско-правовой природе близки к бездокументарным ценным бумагам²³, которые признаются имущественными обязательственными правами, не привязаны к какому-либо материальному носителю и передаются путем внесения записей в специальной системе учета²⁴. Полагаем, что еще более близким аналогом является секрет производства («ноу-хау»), представляющий собой, как и цифровая валюта, по своей сути информацию ограниченного доступа (п. 1 ст. 1465 ГК РФ), а также иные объекты интеллектуальной собственности, которые формально признаны объектами гражданских прав в ст. 128 ГК РФ, как считается, имеют нематериальную (неимущественную) природу и потому в принципе не могут отчуждаться. В этой связи обоснованно указывается на важность разграничивать интеллектуальную собственность как таковую и различные права на нее, причем как личного неимущественного, так и имущественного характера²⁵. При этом в гражданском обороте, предусматривающем совершение различного рода сделок, по большому счету обычно участвуют именно имущественные интеллектуальные права, главным из которых является исключительное право. Последнее, как и право собственности, относится к абсолютным правам.

По аналогии в цифровой сфере также следует различать нематериальный объект — цифровой знак (цифровой код, токен), который не обладает какой-либо собственной значимостью и самостоятельностью и потому, как справедливо считается, не является самостоятельным объектом гражданских прав²⁶, и признаваемое законом на него субъективное гражданское право²⁷. Представляется, что

именно последнее подлежит гражданско-правовой регламентации в отношении порядка возникновения, осуществления, распоряжения, перехода по иным основаниям, прекращения и защиты с использованием известных гражданско-правовых средств и категорий.

В данном случае цифровая валюта как цифровой знак может быть признана объектом абсолютного цифрового права²⁸, учитывая, что цифровые права многообразны и могут включать не только обязательственные, но и иные имущественные права (п. 1 ст. 141¹ ГК РФ). При этом, как в свое время справедливо отмечал В.А. Дозорцев, для обособления информации (в нашем случае — совокупности электронных данных) требуется особая (совершенно новая) система правовой регламентации, а необходимым условием пуска объекта в экономический оборот является закрепление на него абсолютного права²⁹.

Необходимость признания цифровой валюты в качестве абсолютного цифрового права обусловлена отсутствием у нее обязательственно-правовой природы. Дело в том, что ее правообладателю в силу прямого указания в законе (ч. 3 ст. 1 Федерального закона о цифровой валюте) не противостоит какое-либо обязанное лицо — должник в обязательстве. Исключение составляют оператор и т.н. узлы информационной системы, функционирующей на основе распределенного реестра, которые признаются обязанными, но лишь в части обеспечения соответствия порядка выпуска цифровой валюты и внесения в отношении нее необходимых записей в такой информационной системе. Однако, как представляется, подобные обязанности возникают в рамках иных правоотношений, связанных с оказанием вышеназванными лицами услуг по обеспечению пользователям доступа к данной системе и совершения ими необходимых действий, связанных с оборотом цифровой валюты.

В 2023 г. путем принятия Федеральных законов от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»³⁰ и от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³¹ в законодательство Российской Федерации были введены новые категории — цифровой рубль и национальная денежная единица иностранного

²² См.: законопроект № 237585-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О цифровых финансовых активах, цифровой валюте” и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237585-8> (дата обращения: 02.05.2023).

²³ См.: Василевская Л.Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // Хозяйство и право. 2019. № 5. С. 10; Рожкова М.А. Указ. соч. С. 8.

²⁴ См.: Гонгало Б.М., Новоселова Л.А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 185, 186.

²⁵ См.: Lisitsa V. Intellectual Property and Intellectual Rights: Issues of Correlation // Journal of Intellectual Property Rights. 2018. Vol. 23. No. 2. Pp. 86–93.

²⁶ См.: Новоселова Л.А., Полежаев О.А. Цифровые знаки как объекты гражданских прав // Предпринимательское право. 2019. № 4. С. 3–12.

²⁷ См.: Карцхия А.А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2. С. 43–46.

²⁸ См.: Ефимова Л.Г. Указ. соч. С. 23.

²⁹ См.: Дозорцев В.А. Информация как объект исключительного права // Дело и право. 1996. № 4. С. 28.

³⁰ См.: Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.08.2023).

³¹ См.: там же.

государства, выпускаемая в цифровой форме, которая согласно п/п. «б» п. 2 ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»³² признается иностранной валютой. Каких-либо определений в отношении данных понятий действующее законодательство, к сожалению, не содержит, указывая лишь на то, что такие денежные единицы находятся в обращении на законном основании и являются законным средством платежа на территории соответствующего государства.

Следует отметить, что феномен цифровой валюты центрального банка (Central Bank Digital Currency – CBDC)³³, которая в отличие от криптовалюты выпускается и официально признается государством, ранее получил свое распространение в других государствах. В частности, заслуживает внимания опыт Китайской Народной Республики по эмиссии цифрового юаня с одновременным запретом на использование криптовалюты на территории своего государства³⁴.

Согласно принятым законодательным изменениям, цифровые рубли вошли в перечень объектов гражданских прав в ст. 128 ГК РФ, причем они были указаны после безналичных денежных средств с использованием слова «включая» и отдельно от цифровых прав. Это означает, что с позиции законодателя цифровые рубли представляют собой все-таки безналичные денежные средства, и при этом они отличаются от цифровых прав. К такому же выводу можно прийти при анализе п. 1 ст. 140 и п. 1 ст. 862 ГК РФ в новой редакции, согласно которой расчеты цифровыми рублями отнесены к безналичным расчетам, а их формы устанавливаются законодательством Российской Федерации о национальной платежной системе. В частности, согласно ч. 2 ст. 7.1 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»³⁵ это могут быть увеличение или уменьшение остатка цифровых рублей на счете, а также их переводы.

Как видно, цифровые рубли, будучи разновидностью безналичных денежных средств, следует отличать от денежных средств на банковских счетах и электронных денежных средств. Последние

в соответствии с п. 18 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», представляют собой денежные средства, предварительно предоставленные одним лицом для исполнения своих денежных обязательств перед третьими лицами другому лицу, которое учитывает информацию о размере таких средств без открытия банковского счета. При этом такое первое лицо (управомоченное лицо – кредитор) имеет право передавать распоряжения второму (обязанное лицо – должник), причем исключительно с использованием электронных средств платежа, в том числе платежных карт и иных технических устройств.

Таким образом, действующее законодательство предусматривает различные виды (формы) безналичных денежных средств, которые отличаются по порядку их использования в качестве средства обращения и законного средства платежа, а именно: безналичные денежные средства на банковских счетах, электронные денежные средства и цифровые рубли. В отличие от наличных денежных средств они имеют иную – обязательственно-правовую природу с позиции отечественной цивилистики. По данному вопросу Конституционный Суд РФ в одном из своих дел подчеркнул, что безналичные денежные средства, будучи разновидностью имущества, не относятся к вещам и, как следствие, не могут признаваться объектом вещных прав. Они существуют в виде записи на банковском счете их обладателя (кредитора) и по своей гражданско-правовой сущности являются обязательственным требованием на определенную сумму к кредитной организации, в которой открыт данный счет³⁶. Как справедливо отмечается в юридической литературе³⁷, данный вывод необходимо распространить и на цифровые рубли как разновидность безналичных денежных средств с той лишь особенностью, что счета цифрового рубля открываются и ведутся в соответствии с правилами платформы цифрового рубля Центральным банком РФ согласно ст. 7¹, гл. 4² Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» и ст. 82¹⁰ Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»³⁸.

³² См.: СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4859; 2023. № 31 (ч. III), ст. 5766.

³³ См.: *Габов А. В.* Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы гражданского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 55–57.

³⁴ См.: *Chen J., Nesterov I. O.* Central Bank Digital Currencies: Digital Yuan and Its Role in Chinese Digital Economy Development // *RUDN Journal of Economics*. 2023. Vol. 31. No. 1. Pp. 120–133; *The Law of Crypto Assets* / ed. by Ph. Maume, L. Maute, M. Fromberger. Pp. 598–600.

³⁵ См.: СЗ РФ. 2011. № 27, ст. 3872.

³⁶ См.: п. 3 постановления Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества “Глория”» // СЗ РФ. 2014. № 51, ст. 7528.

³⁷ См.: *Василевская Л. Ю.* Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // *Lex russica*. 2023. № 1. С. 15.

³⁸ См.: СЗ РФ. 2002. № 28, ст. 2790; 2023. № 31 (ч. III), ст. 5766.

Далее возникает вопрос о соотношении цифрового рубля с цифровой валютой. В юридической науке однозначный ответ на данный вопрос пока отсутствует, учитывая небольшой по своему объему характер принятых поправок в Гражданский кодекс РФ и неясный и зачастую противоречивый характер разъяснений Центрального банка РФ по данной теме³⁹.

С первого взгляда, исходя из использования общего признака — цифровой характеристики валюты, может показаться, что цифровой рубль — это разновидность цифровой валюты. Однако если обратиться к ее легальному определению в ч. 3 ст. 1 Федерального закона о цифровой валюте, то нельзя не обратить внимания на ряд ее ключевых признаков, которые противоречат сущности цифрового рубля. Во-первых, она не является денежной единицей Российской Федерации или иностранного государства, международной денежной или расчетной единицей. Данному положению корреспондирует законодательный запрет на ее использование в Российской Федерации в качестве встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг), а также на распространение информации о ее предложении или приеме в качестве таковой (ч. 5 и 7 ст. 14 Федерального закона о цифровой валюте).

Во-вторых, обладателю цифровой валюты, как было отмечено *supra*, не противостоит какое-либо обязанное лицо, как это имеет место быть в отношении безналичных денежных средств. На отсутствие центрального эмитента и децентрализованный способ эмиссии и хранения криптовалюты как ее существенного отличия от денежных средств, включая электронные денежные средства, справедливо указывается и в юридической литературе⁴⁰.

Кроме того, согласно ч. 6 ст. 14 Федерального закона о цифровой валюте требования российских лиц по обладанию цифровой валютой подлежат судебной защите только при условии информирования ими о фактах такого обладания и совершения гражданско-правовых сделок и операций с ней в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, что также существенно отличает ее от цифрового рубля как законного средства платежа.

Интересно отметить, что внесенные поправки в Гражданский кодекс РФ в части использования цифровых рублей позволили правомерно ввести их в гражданское законодательство, не нарушив

при этом ч. 1 ст. 75 Конституции РФ, которая предусматривает, что, во-первых, денежной единицей в Российской Федерации является рубль, во-вторых, денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком РФ, а в-третьих, введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются. Законодатель, исходя из потребностей Российской Федерации во внедрении и широком использовании российских денежных средств в цифровой форме — цифровых рублей, в соответствии с необходимыми требованиями Конституции РФ умело ввел их в законодательство, назвав их, во-первых, рублями, а во-вторых, возложив, на Центральный банк РФ в соответствии с п. 4² ст. 4 и ст. 82¹⁰ Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» функции оператора платформы цифрового рубля, организации и обеспечения бесперебойности ее функционирования, а также по установлению правил такой платформы.

* * *

Таким образом, несмотря на использование в наименованиях общей цифровой характеристики, цифровые рубли не являются цифровой валютой в том понимании, какое предусмотрено в Федеральном законе о цифровой валюте, представляя собой безналичные денежные средства наряду с безналичными денежными средствами на банковских счетах и электронными денежными средствами, и имеют обязательно-правовую природу.

В отличие от них гражданско-правовая природа цифровой валюты, включая криптовалюту, видится иной, причем не совсем ясной исходя из противоречивых положений действующего законодательства. В целях придания ей необходимой гражданско-правовой оборотоспособности, включая возможность ее отчуждения и перехода к другим лицам, в гражданском праве она должна рассматриваться в качестве имущества.

По аналогии с интеллектуальной собственностью представляется важным различать нематериальный объект — цифровой знак (цифровой код, токен), который не обладает какой-либо собственной значимостью и потому не может являться самостоятельным объектом гражданских прав, и признаваемое законом на него субъективное гражданское право, в отношении которого и должна осуществляться необходимая гражданско-правовая регламентация. С этой точки зрения в гражданско-правовом значении цифровая валюта должна быть признана абсолютным цифровым правом и более подробно урегулирована в действующем законодательстве.

³⁹ См.: Габов А. В. Указ. соч. С. 55–65.

⁴⁰ См.: Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Указ. соч. С. 135.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев В. К. О правовом аспекте цифровой валюты // Право и экономика. 2020. № 10. С. 8.
2. Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // Lex russica. 2023. № 1. С. 15.
3. Василевская Л. Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // Хозяйство и право. 2019. № 5. С. 10.
4. Габов А. В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы гражданского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 55–65.
5. Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 185, 186.
6. Дейнеко А. Г. Цифровые права в Гражданском кодексе: ближайшие последствия и отдаленные перспективы // Труды ИГП РАН. 2020. Т. 15. № 2. С. 175–198.
7. Дозорцев В. А. Информация как объект исключительного права // Дело и право. 1996. № 4. С. 28.
8. Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Lex russica. 2019. № 7. С. 132, 135, 136.
9. Ефимова Л. Г. Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4. С. 17–25.
10. Карцхия А. А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2. С. 43–46.
11. Кудряшова Е. В. Правовое регулирование криптовалют: выбор вектора развития // Финансовое право. 2018. № 6. С. 9.
12. Кучеров И. И. Криптовалюта: идеи правовой идентификации и легитимации альтернативных платежных средств. М., 2018.
13. Лаптев В. А. Цифровая информация как объект гражданского и торгового оборота на современном этапе // Государство и право. 2022. № 7. С. 94, 95.
14. Лисица В. Н., Пархоменко С. В. Некоторые аспекты повышения эффективности уголовного закона в сфере экономики: разработка категориального аппарата // Всеросс. криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 2. С. 190–198.
15. Новоселова Л. А., Полежаев О. А. Цифровые знаки как объекты гражданских прав // Предпринимательское право. 2019. № 4. С. 3–12.
16. Обеспечение прав инвесторов в условиях цифровизации экономики: опыт стран Европы и Азии / под общ. ред. В. С. Белых, А. П. Алексеенко. М., 2021. С. 8–12, 16–23.
17. Рожкова М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 8, 10–12.
18. Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 389–398.
19. Харитонова Ю. С. Криптовалюта в правоприменительной практике // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 31–36.
20. Chen J., Nesterov I. O. Central Bank Digital Currencies: Digital Yuan and Its Role in Chinese Digital Economy Development // RUDN Journal of Economics. 2023. Vol. 31. No. 1. Pp. 120–133.
21. Fintech: Law and Regulation / ed. by J. Madir. Cheltenham; Northampton, 2019. Pp. 115, 116.
22. Lisitsa V. Intellectual Property and Intellectual Rights: Issues of Correlation // Journal of Intellectual Property Rights. 2018. Vol. 23. No. 2. Pp. 86–93.
23. The Law of Crypto Assets / ed. by Ph. Maume, L. Maute, M. Fromberger. München, 2022. Pp. 18–23, 598–600.

REFERENCES

1. Andreev V. K. About the legal aspect of digital currency // Law and economics. 2020. No. 10. P. 8 (in Russ.).
2. Vasilevskaya L. Yu. Digital ruble: a civilist's view of the problem // Lex russica. 2023. No. 1. P. 15 (in Russ.).
3. Vasilevskaya L. Yu. Digital rights as a new object of civil rights: problems of legal qualification // Economy and law. 2019. No. 5. P. 10 (in Russ.).
4. Gabov A. V. The digital ruble of the central bank as an object of civil rights // Actual problems of Civil Law. 2021. Vol. 16. No. 4. Pp. 55–65 (in Russ.).
5. Gongalo B. M., Novoselova L. A. Is there a place for “digital rights” in the system of objects of Civil Law // Perm Law Almanac. 2019. No. 2. Pp. 185, 186 (in Russ.).
6. Deineko A. G. Digital rights in the Civil Code: immediate consequences and long-term prospects // Proceedings of IGP RAS. 2020. Vol. 15. No. 2. Pp. 175–198 (in Russ.).
7. Dozortsev V. A. Information as an object of exclusive right // Business and law. 1996. No. 4. P. 28 (in Russ.).
8. Egorova M. A., Efimova L. G. The concept of cryptocurrencies in the context of improving Russian legislation // Lex russica. 2019. No. 7. Pp. 132, 135, 136 (in Russ.).
9. Efimova L. G. Cryptocurrencies as an object of Civil Law // Economy and law. 2019. No. 4. Pp. 17–25 (in Russ.).
10. Kartskhiya A. A. Digital rights and law enforcement // Monitoring of law enforcement. 2019. No. 2. Pp. 43–46 (in Russ.).
11. Kudryashova E. V. Legal regulation of cryptocurrencies: choosing a vector of development // Financial Law. 2018. No. 6. P. 9 (in Russ.).
12. Kucherov I. I. Cryptocurrency: ideas of legal identification and legitimization of alternative means of payment. M., 2018 (in Russ.).
13. Laptev V. A. Digital information as an object of civil and commercial turnover at the present stage // State and Law. 2022. No. 7. Pp. 94, 95 (in Russ.).
14. Lisitsa V. N., Parkhomenko S. V. Some aspects of improving the effectiveness of Criminal Law in the field of economics: the development of a categorical apparatus // All-Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12. No. 2. Pp. 190–198 (in Russ.).
15. Novoselova L. A., Polezhaev O. A. Digital signs as objects of civil rights // Entrepreneurial Law. 2019. No. 4. Pp. 3–12 (in Russ.).

16. Ensuring the rights of investors in the conditions of digitalization of the economy: the experience of European and Asian countries / under the general editorship of V.S. Belykh, A.P. Alekseenko. M., 2021. Pp. 8–12, 16–23 (in Russ.).
17. *Rozhkova M.A.* Digital rights: public law concept and concept in Russian Civil Law // *Economy and law*. 2020. No. 10. Pp. 8, 10–12 (in Russ.).
18. *Savenkov A.N.* The state and law during the crisis of modern civilization. M., 2020. Pp. 389–398 (in Russ.).
19. *Kharitonova Yu.S.* Cryptocurrency in law enforcement practice // *Entrepreneurial Law*. 2019. No. 2. Pp. 31–36 (in Russ.).
20. *Chen J., Nesterov I.O.* Central Bank Digital Currencies: Digital Yuan and Its Role in Chinese Digital Economy Development // *RUDN Journal of Economics*. 2023. Vol. 31. No. 1. Pp. 120–133.
21. *Fintech: Law and Regulation* / ed. by J. Madir. Cheltenham; Northampton, 2019. Pp. 115, 116.
22. *Lisitsa V.* Intellectual Property and Intellectual Rights: Issues of Correlation // *Journal of Intellectual Property Rights*. 2018. Vol. 23. No. 2. Pp. 86–93.
23. *The Law of Crypto Assets* / ed. by Ph. Maume, L. Maute, M. Fromberger. München, 2022. Pp. 18–23, 598–600.

Сведения об авторе

ЛИСИЦА Валерий Николаевич —
доктор юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора
гражданского и предпринимательского права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Author's information

LISITSA Valeriy N. —
Doctor of Law, Associate Professor,
Leading Researcher of the Sector
of Civil and Entrepreneurial Law
of the Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 347.21

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОБНАРУЖЕНИЯ КЛАДА, СОДЕРЖАЩЕГО АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2024 г. А. Н. Панфилов

*Общественный совет при Комитете по охране и использованию объектов
историко-культурного наследия Тюменской области, г. Тюмень*

E-mail: panfilov-84@mail.ru

Поступила в редакцию 01.12.2023 г.

Аннотация. В статье исследуются закономерности, связанные с нахождением клада, содержащего культурные ценности. По мнению автора, лицо, нашедшее клад, не обладая специальными знаниями, не может самостоятельно определить его культурное значение. Также в статье рассматриваются правовые последствия обнаружения клада, в составе которого имеются археологические предметы. Правовое регулирование данных общественных отношений имеет свои особенности. На основании анализа норм действующего законодательства Российской Федерации в сфере охраны объектов культурного наследия и правоприменительной практики, связанной с нахождением археологических кладов, определением их судьбы, автор формулирует ряд выводов и предложений по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: клад, археологический клад, место залегания клада, культурные ценности, культурные ценности, имеющие особое историческое значение, археологические предметы, экспертиза, находчик клада, собственник земельного участка или иного имущества, где клад был сокрыт, денежное вознаграждение.

Цитирование: Панфилов А. Н. Правовые последствия обнаружения клада, содержащего археологические предметы: проблемы правового регулирования // Государство и право. 2024. № 2. С. 119–129.

DOI: 10.31857/S1026945224020129

LEGAL CONSEQUENCES OF THE DISCOVERY OF A TREASURE CONTAINING ARCHAEOLOGICAL OBJECTS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

© 2024 A. N. Panfilov

*Public Council under the Committee for the Protection and Use of Objects
of Historical and Cultural Heritage of the Tyumen Region, Tyumen*

E-mail: panfilov-84@mail.ru

Received 01.12.2023

Abstract. The article reveals the legal problems associated with finding a treasure containing cultural values. According to the author, the person who found the treasure, without special knowledge, cannot independently determine its cultural significance. The paper also examines the legal consequences of the discovery of a treasure, which includes archaeological items. The normative legal regulation of these public relations has its own peculiarities. Based on the analysis of the norms of the current legislation of the Russian Federation in the field of protection of cultural heritage objects and law enforcement practice related to the finding of archaeological treasures, determining their fate, the author formulates a number of conclusions and proposals for improving legislation.

Key words: treasure, archaeological treasure, the location of the treasure, cultural values, cultural values of special historical significance, archaeological objects, expertise, the finder of the treasure, the owner of the land plot or other property where the treasure was hidden, monetary reward.

For citation: Panfilov, A. N. (2024). Legal consequences of the discovery of a treasure containing archaeological objects: problems of legal regulation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 119–129.

Поиском сокровищ люди стали заниматься еще в древности. О распространенности этого увлечения можно узнать из книг В.И. Гошкевича, Н.Ф. Котляра, В.А. Бердинских и других авторов (историков, краеведов, ученых)¹. К поиску кладов люди относились прежде и относятся ныне по-разному. Кто-то представляет себе кладоискателя в образе благородного героя-авантюриста Индианы Джонса, для других это занятие имеет ярко выраженный криминальный оттенок. В начале XX в. в предисловии к книге «Клады и древности Херсонской губернии» советский и украинский историк В.И. Гошкевич писал о том, что кладоискательство является весьма распространенным занятием в Херсонской губернии. Вопрос о кладоискательстве он считал важным, поскольку в поисках сокровищ «перепорчены тысячи курганов; вместо желанных денег кладоискатели находят ни к чему не нужные им вещи и безжалостно уничтожают эти научные драгоценности»².

Правовым аспектам нахождения кладов посвящены работы М. Быстровой, В.А. Гук, Ю.С. Зубенко, И.Э. Мартыненко, К.Н. Предеина и некоторых других исследователей³. Вместе с тем правовые последствия обнаружения клада, содержащего культурные ценности (в том числе археологические предметы), недостаточно полно раскрыты в юридической литературе. Отсутствие в российском законодательстве четких и понятных критериев отнесения движимых предметов, обнаруженных в составе клада, к культурным ценностям, процедур передачи их государству, назначения экспертизы и выплаты вознаграждения

лицу, обнаружившему клад, делает актуальным любое научное исследование в данном направлении.

В прошлом нахождение кладов было скорее случайностью, чем результатом их планомерного поиска. Ныне в связи с массовым увлечением населения отыскиванием в полях, лесах и огородах старинных предметов с использованием металлоискателей обнаружение припрятанных в старину «богатств» стало нередким явлением. Об этом, в частности, можно судить по многочисленным публикациям в СМИ и видеороликам, размещенным в сети Интернет. Причем случаи передачи государству кладов либо изъятия их из незаконного владения крайне редки. В связи с этим рассматриваемые общественные отношения требуют должного правового регулирования.

Понятие клада в российском законодательстве, правовые последствия его обнаружения

В законодательстве Российской Федерации определение понятия «клад» содержится в п. 1 ст. 233 ГК РФ. Согласно указанной норме кладом считаются зарытые в земле или сокрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен либо в силу законодательства утратил на них право. По общему правилу клад поступает в собственность лица, которому принадлежит имущество (земельный участок, строение и т.п.), где клад был сокрыт, и лица, обнаружившего клад, в равных долях, если соглашением между ними не установлено иное. Если лицо производило поиск ценностей без согласия на это собственника земельного участка или иного имущества, где клад был сокрыт, клад подлежит передаче собственнику земельного участка или иного имущества, где был обнаружен клад.

Иначе решается судьба клада, содержащего вещи, которые относятся к культурным ценностям. В таком случае эти вещи подлежат передаче в государственную собственность (п. 2 ст. 233 ГК РФ). Собственнику земельного участка или иного имущества, где клад был сокрыт, и лицу, обнаружившему клад, причитается вместе вознаграждение в размере 50% стоимости клада. Вознаграждение распределяется между указанными лицами в равных долях, если соглашением между ними не установлено иное. В прежней редакции п. 2 ст. 233 ГК РФ регулировал общественные отношения по поводу обнаружения клада, содержащего вещи, относящиеся к памятникам истории или культуры.

¹ См.: Гошкевич В.И. Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903. Кн. 1.; Котляр Н.Ф. Кладоискательство и нумизматика. Киев, 1974; Бердинских В.А. История кладоискательства в России. М., 2005.

² Гошкевич В.И. Указ. соч. С. II.

³ См.: Мартыненко И.Э. Правовые последствия обнаружения клада: анализ законодательства государств — участников СНГ // Междунар. публичное и частное право. 2014. № 4. С. 42–46; Его же. Право и формы собственности на историко-культурные ценности: новые подходы законодателя в связи с принятием Кодекса Республики Беларусь о культуре // Актуальные проблемы гражданского права. 2016. № 1 (7). С. 93–95, 97; Предеин К.Н. Основания возникновения права собственности на обнаруженный лицом клад // Бизнес, Менеджмент и Право. 2015. № 2. С. 102–108; Быстрова М. Спорные вопросы приобретения права собственности на клад // Юридический обзор Университета им. Адама Мицкевича. 2014. № 4. С. 185–192; Гук В.А. Особенности гражданско-правового регулирования правоотношений, возникающих при обнаружении клада // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 77–79.

При этом отнесение движимого имущества к памятникам истории и культуры вызвало критику ученых-юристов⁴.

Согласно абзацу второму п. 2 ст. 233 ГК РФ при обнаружении клада, содержащего культурные ценности, лицом, производившим раскопки или поиски ценностей без согласия собственника имущества, где клад был сокрыт, вознаграждение этому лицу не выплачивается и полностью поступает собственнику.

Из определения понятия «клад» следует, что для признания найденных вещей кладом необходимо наличие ряда условий (признаков). Во-первых, кладом могут быть признаны исключительно деньги или ценные предметы. Поскольку Гражданский кодекс РФ не раскрывает понятие ценных предметов, круг таких вещей может быть достаточно широким. Исследователи справедливо полагают, что в данном случае речь должна идти об экономической ценности обнаруженных вещей, наличии у них высокой стоимости⁵.

Во-вторых, обнаруженные вещи должны быть зарыты в земле или сокрыты иным способом. Все способы сокрытия клада в Гражданском кодексе РФ не раскрываются, однако очевидно, что бывший владелец клада должен был намеренно его спрятать (сокрыть от посторонних глаз). О таком намерении должны свидетельствовать способ и место сокрытия денег или ценных предметов. Местом сокрытия ценных вещей могли служить: почва, дно водоема, подвал, подпол, стены, чердак здания, пещера и др. Способ сокрытия клада зависел от места, где он должен был спрятан: зарывание в земле, замуровка в стене, прятание в мебели и пр.

В-третьих, сокрытые деньги или ценные предметы должны являться бесхозяйным имуществом — собственник этих вещей не может быть установлен либо в силу закона утратил на них право. Данное требование в п. 1 ст. 233 ГК РФ не означает, что лицо, производившее поиск клада, и собственник земельного участка или иного имущества, где клад был сокрыт, обязаны самостоятельно принять все необходимые меры для установления его прежнего собственника либо обратиться с этим вопросом в компетентные органы. Однако ответственность за определение судьбы клада лежит именно на указанных лицах либо на собственнике имущества, если он сам явился находчиком сокровища.

⁴ См., напр.: Мартыненко И. Э. Правовые последствия обнаружения клада: анализ законодательства государств — участников СНГ. С. 42–46; Зубенко Ю. С. Археологическая находка и клад: сравнительно-правовой анализ // *Цивилист*. 2011. № 4. С. 68.

⁵ См., напр.: Быстрова М. Указ. соч. С. 186; Гряда Э. А. Освоения приобретения права собственности на клад и находку // *Молодой ученый*. 2016. № 4 (108). С. 536.

Клад, содержащий культурные ценности: особенности признания и определения его судьбы

Сложнее обстоит дело с признанием сокрытого имущественного комплекса кладом, если в его составе имеются вещи, относящиеся к культурным ценностям.

Прежде отметим, что культурные ценности в составе клада являются особым видом движимого имущества. Как верно отметил Д. В. Мазеин, «культурные ценности — это не просто вещи. Ценность этих предметов заключается в их уникальности, неповторимости. Зачастую это вещи, являющиеся единственными в своем роде, не имеющие аналогов. В этих ценностях воплощены достижения материальной и духовной культуры человечества, опыт предшествующих поколений людей. Таким образом, ценность этих вещей имеет нематериальный характер»⁶. Иными словами, ценность вещей, относящихся к культурным ценностям, далеко не во всех случаях может иметь свое денежное выражение⁷. Взять, к примеру, археологические предметы, залегающие на поверхности земли, в земле или под водой. Обнаруженные и изъятые из мест залегания они являются собственностью государства и включаются в состав государственной части Музейного фонда РФ. Стало быть, археологические предметы не могут являться объектами купли-продажи. Оценка многих из них (например, каменных орудий труда древних людей) в денежном эквиваленте вряд ли возможна. Как отмечено В. А. Ушанковым, «оценка чего-либо без денег, вообще говоря, не относится к экономическому рассуждению»⁸.

Сложность с нахождением клада, содержащего культурные ценности, заключается и в том, что подавляющую часть обнаруживаемых в России кладов можно с большой долей уверенности отнести именно к такимкладам. Все дело в том, что понятие культурных ценностей является неопределенным. Определения данного понятия, сформулированные в национальном законодательстве, не содержат важнейших признаков, позволяющих неспециалисту отличить культурные ценности от вещей, не имеющих культурного значения. Так, в соответствии со ст. 5 Закона РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 (ред. от 08.12.2020) «О вывозе и ввозе культурных ценностей»⁹ движимыми культурными ценностями признаются «движимые предметы материального мира независимо

⁶ Мазеин Д. В. Некоторые проблемы правового регулирования гражданского оборота движимых культурных ценностей // *Журнал рос. права*. 2004. № 9. С. 54.

⁷ Подробнее об этом см.: Панфилов А. Н. Культура и местное самоуправление: конституционно-правовые аспекты взаимодействия. М., 2015. С. 94, 95.

⁸ Ушанков В. А. К вопросу экономического содержания понятия «ценность» // *Проблемы современной экономики*. 2018. № 1 (65). С. 228.

⁹ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 20, ст. 718.

от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение». Такое же определение культурных ценностей дано в ст. 3 Федерального закона от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»¹⁰.

Следует заметить, что приведенное определение нельзя назвать конкретным, поскольку оно охватывает весьма широкий (неограниченный) круг движимых предметов и не содержит единых универсальных критериев для отнесения их к объектам правового регулирования. Кроме того, используемое в дефиниции словосочетание «имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение» является неудачным, поскольку в данном случае разделительный союз «или» противопоставляет применяемые понятия. Так, по логике законодателя, движимые вещи, имеющие историческое, художественное и научное значение не обладают значением культурным. Однако с таким подходом нельзя согласиться. Разве достижения в художественной деятельности, в областях истории и науки не являются одновременно и достижениями культуры?

Наиболее удачной, в этом отношении, мы считаем формулировку, использованную в утратившей силу ст. 7 Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей». В указанной статье приводился открытый перечень категорий предметов, подпадающих под действие Закона. Статьей было установлено, что под действие Закона попадают «другие движимые предметы, в том числе, копии, имеющие историческое, художественное, научное или иное культурное значение». Аналогичная формулировка до сих пор применяется в ст. 4 Федерального закона от 15 апреля 1998 г. № 64-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации»¹¹. Здесь под культурными ценностями понимаются «имущественные ценности религиозного или светского характера, имеющие историческое, художественное, научное или иное культурное значение».

Согласно ст. 11² Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» для отнесения движимых предметов к культурным ценностям проводится экспертиза культурных ценностей. Порядок проведения такой экспертизы и критерии отнесения предметов к культурным ценностям утверждены постановлением Правительства РФ от 14 сентября 2020 г. № 1425 «Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей и направления экспертом экспертного заключения в Министерство культуры Российской Федерации, а также критериев отнесения

движимых предметов к культурным ценностям и отнесения культурных ценностей к культурным ценностям, имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение»¹². Экспертиза проводится экспертами по культурным ценностям, аттестованным Минкультуры России.

Для признания (не признания) вещей, составляющих клад, культурными ценностями практическое значение имеют установленные указанным постановлением Правительства РФ критерии отнесения движимых предметов к культурным ценностям. Всего выделено шесть групп критериев: соответствие культурным ценностям, имеющим историческое значение; соответствие культурным ценностям, имеющим художественное значение; соответствие культурным ценностям (предметам коллекционирования), имеющим культурное значение; соответствие культурным ценностям — архивным документам, имеющим историческое и (или) культурное значение; соответствие культурным ценностям — печатным материалам, имеющим историческое и (или) художественное значение; соответствие культурным ценностям — естественно-научным материалам, имеющим научное значение.

Однако установленные критерии вряд ли могут помочь находчику клада самостоятельно определить его дальнейшую судьбу. К примеру, к культурным ценностям, *имеющим культурное значение*, относятся созданные 50 лет назад и более нумизматические и сфрагистические материалы, в том числе монеты, боны, банкноты, ценные бумаги, печати, настольные медали. Исключение составляют монеты, боны, банкноты, ценные бумаги, выпускавшиеся массовым тиражом (более 100 тыс. экземпляров) и сохранившиеся до настоящего времени в России в значительном количестве (более 10 тыс. экземпляров). В данном случае скорее всего вызовет затруднение вопрос о количестве сохранившихся в России денежных знаков, выпускавшихся массовым тиражом 50 лет назад и более.

К культурным ценностям, *имеющим историческое значение*, также относится старинное (антикварное) оружие. Согласно ст. 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оружии»¹³ старинным (антикварным) оружием является «огнестрельное, метательное и пневматическое оружие, изготовленное до конца 1899 года (за исключением огнестрельного оружия, изготовленного для стрельбы патронами), а также холодное оружие, изготовленное до конца 1945 года». Надо полагать, и в этом случае находчик клада, содержащего оружие, не сможет без помощи специалиста определить его соответствие культурным ценностям.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 1996. № 22, ст. 2591.

¹¹ См.: СЗ РФ. 1998. № 16, ст. 1799.

¹² См.: СЗ РФ. 2020. № 38, ст. 5899.

¹³ См.: СЗ РФ. 1996. № 51, ст. 5681.

Одним словом, не обладая специальными знаниями в данной области общественных отношений, лицо, нашедшее клад, не может самостоятельно определить его культурное значение. Следовательно, оно не способно определить дальнейшую судьбу клада. В этой связи согласимся с мнением М. Быстровой о том, что любые обнаруженные вещи в составе клада нужно предъявлять компетентным государственным органам для решения вопроса об их отнесении (неотнесении) к культурным ценностям¹⁴.

Клад, содержащий археологические предметы: правовые последствия обнаружения, сложности идентификации предметов из состава клада, ответственность за нарушение установленных требований

Другая сторона проблемы связана с нахождением клада, содержащего археологические предметы (археологического клада). Согласно утвержденным Постановлением Правительства РФ от 14 сентября 2020 г. № 1425 критериям археологические предметы и их фрагменты, полученные в результате археологических раскопок (как санкционированных, так и несанкционированных) и археологических открытий, относятся к культурным ценностям, имеющим особое историческое значение. В отношении такого рода культурных ценностей действует специальный правовой режим.

В соответствии с п. 1 ст. 45¹ Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»¹⁵ (далее — Закон № 73-ФЗ) поиск археологических предметов и их изъятие из мест залегания могут производиться исключительно в составе археологических полевых работ. Указанные работы могут осуществляться только специальным субъектом — археологом на основании разрешения (открытого листа), выдаваемого Минкультуры РФ. В ч. 3 ст. 3 Закона № 73-ФЗ под археологическими предметами понимаются движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых независимо от обстоятельств их обнаружения являются археологические раскопки или находки, в том числе предметы, обнаруженные в результате таких раскопок или находок. Все археологические предметы, залегающие на поверхности земли, в земле или под водой, находятся в государственной собственности. Мы уже обращали внимание на неопределенность правового понятия «археологические предметы», сложный состав археологических предметов, обозначали проблемы, связанные с их идентификацией¹⁶.

За нарушение специального правового режима, установленного в отношении археологического наследия, предусмотрена административная и уголовная ответственность. Санкции ст. 7.15, 7.15.1 КоАП РФ предусматривают дополнительное административное наказание в виде конфискации археологических предметов. При наличии оснований, предусмотренных ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹⁷, также проводятся оперативно-розыскные мероприятия, в ходе которых происходит изъятие в качестве вещественных доказательств по делу движимых вещей, имеющих признаки археологических предметов. Для идентификации вещей, добытых «охотниками за сокровищами», органами, осуществляющими предварительное расследование, назначается судебная экспертиза. Согласно ч. 1 ст. 57 УПК РФ эксперт должен обладать специальными знаниями. В качестве экспертов по уголовным делам, возбужденным по признакам преступления, предусмотренного ст. 243² УК РФ, привлекаются физические лица, имеющие более или менее большой стаж в области археологии. Как показывает сложившаяся правоприменительная практика, мнение экспертов в отношении изъятых в ходе оперативно-розыскных мероприятий предметов базируется на их возрасте. Эксперты считают, что любая связанная с жизнедеятельностью человека вещь, извлеченная из земли или из-под воды, возраст которой превышает 100 лет, является археологическим предметом¹⁸. Несмотря на то что указанный упрощенный подход к идентификации изъятых из культурного слоя старинных вещей является далеко не бесспорным и в последнее время критикуется в юридической литературе, суды признают заключения экспертов с подобными выводами в качестве допустимых доказательств по делу¹⁹.

Последствия обнаружения в земле или под водой монетного, вещевого либо монетно-вещевого клада, содержащего вещи возрастом более 100 лет, имеют свои особенности²⁰.

и проблема его правовой определенности // Государство и право. 2018. № 1. С. 72–81.

¹⁷ См.: СЗ РФ. 1995. № 33, ст. 3349.

¹⁸ См., напр.: Галицкий районный суд Костромской области. Приговор от 10.08.2015 по делу № 1-105/2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TXuegM6sFNH1/> (дата обращения: 24.11.2023).

¹⁹ См.: Панфилов А.Н. К вопросу о несостоятельности возрастного критерия применительно к объектам археологического наследия: правовые аспекты // Наследие и современность. 2018. Т. 1. № 3 (3). С. 62–75.

²⁰ О видах археологических кладов см., напр.: Русских Е.Л. Денежно-вещевые клады VIII–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 2 (9). С. 75–82; Сериков Ю.Б. Клады каменного века как археологический источник // Вестник Пермского ун-та. История. 2021. Вып. 1 (52). С. 5–14.

¹⁴ См.: Быстрова М. Указ. соч. С. 189.

¹⁵ См.: СЗ РФ. 2002. № 26, ст. 2519.

¹⁶ См.: Панфилов А.Н. Ключевые правовые понятия в области археологии в российском законодательстве и проблемы их правовой определенности // Вестник Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3. № 3. С. 116–125; Его же. Правовое понятие «объект археологического наследия» в российском законодательстве

Во-первых, в археологической науке клад относится к особому типу (виду) археологических памятников²¹. Так, по мнению В.С. Бочкарева и А.И. Климушиной, археологический клад — «это отдельный вид археологического памятника, состоящего из одного, а чаще комплекса одинаковых или разнородных артефактов, представляющих ценность для их владельца (владельцев) и сокрытых на временное хранение в земле или в каком-то другом потаенном месте»²².

Кроме того, исследователи считают их закрытыми комплексами, главной чертой которых является неизменяемость и одновременность. Советский и российский ученый-археолог Д.А. Авдусин на этот счет писал: «К закрытым комплексам относятся: клад (монетный или вещевой); инвентарь погребения и вещи, найденные на полу сгоревшего жилища. Вещи, составляющие закрытые комплексы, могли быть сделаны в разное время, но попали в землю в один и тот же момент. От них нельзя ничего изъять, к ним нельзя ничего добавить. Закрытый комплекс отражает лишь один момент времени и тем важен для датировок»²³. При выемке археологического клада из места залегания, осуществленной вне рамок археологических полевых работ, утрачивается и искажается информация о ценнейшем археологическом источнике. Вот почему надлежит оставлять клад в месте его нахождения (в состоянии *in situ*). Принцип *in situ* нашел закрепление в Порядке передачи государству археологических предметов, обнаруженных физическими и (или) юридическими лицами в результате проведения изыскательских, проектных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, указанных в ст. 30 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» работ по использованию лесов или иных работ, утвержденном приказом Минкультуры России от 27 ноября 2015 г. № 2877²⁴.

Во-вторых, согласно требованию в п. 11 ст. 36 Закона № 73-ФЗ археологические предметы, обнаруженные в результате проведения изыскательских, проектных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ (далее — земляные и иные работы), подлежат обязательной передаче физическими и (или) юридическими лицами, осуществляющими указанные работы, государству в порядке, установленном федеральным органом охраны

объектов культурного наследия. На основании приказа Минкультуры России от 27 ноября 2015 г. № 2877 они подлежат включению в состав государственной части Музейного фонда РФ. В указанном нормативном правовом акте определен алгоритм действий лиц, обнаруживших при проведении земляных и иных работ вещей, обладающих признаками археологических предметов. В частности, при нахождении таких предметов лицо обязано незамедлительно приостановить работы и в течение трех дней со дня обнаружения предмета проинформировать об этом региональный орган охраны объектов культурного наследия. Информирование осуществляется путем направления письменного заявления об обнаруженном предмете с указанием обстоятельств и места его обнаружения.

Однако указанный нормативный правовой акт не регулирует порядок передачи государству клада, содержащего археологические предметы, тем более не определяет условия и порядок выплаты денежного вознаграждения его находчику. Причем данная проблема не решается ни Гражданским кодексом РФ, ни Законом № 73-ФЗ, ни другими законодательными и подзаконными актами. Остается также открытым вопрос о негативных правовых последствиях обнаружения археологического клада лицом, не являющимся археологом, даже если это лицо добровольно заявило о такой находке. Ведь, по сути, поиски клада в местах расположения древних поселений могут рассматриваться как незаконная археологическая деятельность и повлечь либо административную, либо уголовную ответственность. При этом использование для этих целей специальных технических средств поиска и (или) землеройных машин, повлекшее повреждение или уничтожение археологического культурного слоя, образует особо квалифицированный состав преступления, предусмотренного ст. 243² УК РФ. Судебная практика знает подобные примеры.

Один из таких случаев связан с нахождением и присвоением с корыстной целью любителем приборного поиска клада русских монет и денежных слитков начала XV в., названного учеными «Федоровским кладом»²⁵. Сведения об обстоятельствах совершения данного преступления, составе знаменитого клада монет можно получить из средств массовой информации, научной литературы и описательно-мотивировочной части приговора Юрьев-Польского районного суда Владимирской области от 14 января 2019 г. по делу № 1-1/2019²⁶.

Как следует из источников, сообщения о найденных монетах — «чешуйках» были размещены гражданином С. в сети Интернет на своей странице

²¹ См., напр.: Мартынов А.И. Археология: учеб. и практикум для бакалавров. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 25, 26.

²² Бочкарев В.С., Климушина А.И. О термине и понятии «клад» в современной археологической литературе (по европейским материалам эпохи бронзы) // Археология Восточно-Европейской степи: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2022. Вып. 18. С. 28.

²³ Авдусин Д.А. Полевая археология СССР: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1980. С. 55.

²⁴ См.: БНА. 2016. № 8.

²⁵ Макаров Н.А. Сохранение археологического наследия в 2010-х годах. Новые реалии // Вестник РАН. 2019. Т. 89. № 12. С. 1206.

²⁶ См.: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YiGZTa2nCJNO/> (дата обращения: 09.03.2022).

в октябре 2016 г. с целью их продажи. После установления возможной причастности С. к преступлению он был приглашен в управление ФСБ по Владимирской области для дачи объяснений. По результатам опроса, подозреваемый добровольно выдал уполномоченным лицам ФСБ найденные им в районе с. Федоровское Юрьев-Польского района Владимирской области 1479 серебряных монет ранней русской чеканки (конца XIV — начала XV в.) и пять серебряных платежных слитков XIV в. Им также было указано точное место совершения преступления — место, где был незаконно обнаружен и изъят из земли денежный клад. В судебном заседании подсудимый С. вину не признал. Вместе с тем в ходе предварительного расследования были собраны доказательства, позволившие суду установить виновность подсудимого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 243² УК РФ.

Специалистами Института археологии РАН проведены обследования места нахождения клада, установлены и зафиксированы факты повреждения находчиком клада культурного слоя. По мнению ученых, выявленные повреждения привели к уничтожению информации о накоплении и времени депонирования монет, привели к утрате информации о контексте их попадания в культурный слой, времени отложения монет, исказили информацию о его содержании.

В ходе обследования Суздальской археологической экспедицией ИА РАН места находки клада в апреле-мае 2017 г. обнаружены еще 523 монеты. 72 монеты, проданные С., также осмотрены специалистами в феврале 2018 г. Всего задокументированы 2074 монеты из комплекса и пять полтин — разрубленных пополам новгородских слитков XIV в. Клад состоял в основном из монет Великого княжества Московского и его уделов, Великого княжества Суздальско-Нижегородского, Ростовского княжества, Ярославского княжества, двусторонних русских подражаний золотоордынским дирхамам²⁷.

Согласно обвинительному приговору С. признан виновным в совершении указанного преступления и ему назначено наказание в виде штрафа в размере 65 000 рублей. В отношении вещественных доказательств постановлено: 1479 серебряных монет конца XIV — начала XV в. и пять серебряных слитков XIV в. передать законному владельцу — департаменту культуры администрации Владимирской области; металлоискатель уничтожить как орудие преступления.

Другой случай — находка в 2015 г. около поселка Горноknязевск (Приуральский район Ямало-Ненецкого автономного округа) клада

металлических изделий I в. до н.э. — II в. н.э. В научной литературе данная находка получила название «Горноknязевский клад»²⁸.

Из постановления Лабытнангского городского суда (Ямало-Ненецкий автономный округ) от 24 ноября 2015 г. по делу № 5-230/2015 и других источников, содержащих описание обстоятельств обнаружения данного клада, следует, что 1 октября 2015 г. житель г. Салехарда Ч. добровольно и безвозмездно передал в Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского 25 металлических предметов, которые, по его мнению, представляли историческую ценность. Со слов находчика, вещи им были найдены случайно на берегу реки при копке червей для рыбалки. Место находки было обследовано и описано сотрудниками сектора археологии отдела археологии и этнологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», ими же осуществлена атрибуция вещей. Позднее, спустя примерно недельный интервал времени, Ч. обратился с заявлением о выплате ему вознаграждения за сданный клад.

По данному факту департаментом культуры Ямало-Ненецкого автономного округа в отношении находчика археологического клада составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 7.15 КоАП РФ. Лицу, нашедшему и изъязвшему из места залегания археологические предметы, вменялось в вину проведение археологических полевых работ без разрешения (открытого листа). С точки зрения департамента, обнаруженные археологические предметы происходили из разных мест, углубление, в котором они находились, располагалось на возвышенности, которая не могла являться средой обитания дождевых червей. Кроме того, административный орган полагал, что заявление Ч. о выплате вознаграждения явилось свидетельством корыстного интереса у находчика клада.

С доводами департамента культуры не согласились сотрудники сектора археологии отдела археологии и этнологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики». По их мнению, в действиях Ч. отсутствовали признаки указанного в протоколе административного правонарушения. На основании осмотра местности, где был обнаружен клад, археологи пришли к выводу о случайном характере данной находки. Позицию департамента культуры не разделил и судья Лабытнангского городского суда. В результате судом постановлено прекратить производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 7.15 КоАП РФ, в отношении Ч. на основании

²⁷ См.: Гайдуков П. Г., Гришин И. В. Федоровский клад // Двдцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16–20 апреля 2019 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2019. С. 145–147.

²⁸ Фёдорова Н. В., Гусев Ан. В., Подосенова Ю. А. Горноknязевский клад. Научный центр изучения Арктики. Калининград, 2016; Фёдорова Н. В., Гусев Ан. В. Западносибирский Север и культурные миры Евразии на рубеже эр // Вестник СПбУ. История. 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 745, 746; Могрицкая В. Ю. Горноknязевский клад // Культура Ямала. 2019. № 1. С. 57–59.

п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ за отсутствием состава административного правонарушения.

Анализ норм действующего законодательства Российской Федерации в сфере охраны объектов культурного наследия и правоприменительной практики, связанной с нахождением археологических кладов, определением их судьбы, дает основание для следующих выводов: 1) деятельность лиц, направленная на поиск и извлечение из места залегания археологическогоклада (место, где клад был сокрыт прежним собственником), осуществляемая вне рамок археологических полевых работ, является незаконной; 2) извлечение археологическогоклада из места его залегания может производиться только специальным субъектом — археологом в составе археологических полевых работ; 3) при обнаружении археологическогоклада в результате проведения земляных и иных работ, подлежат соблюдению требования в п. 11 ст. 36 Закона № 73-ФЗ.

За уклонение от передачи государству археологических предметов, в том числе из состава клада, предусмотрена административная (ст. 7.33 КоАП РФ) или уголовная (ст. 243²⁹ УК РФ) ответственность²⁹. Однако, поскольку согласно постановлению Правительства РФ от 14 сентября 2020 г. № 1425 археологические предметы, полученные в результате археологических раскопок (как санкционированных, так и несанкционированных) и археологических открытий, относятся к культурным ценностям, имеющим особое историческое значение, виновные в сокрытии найденного археологическогоклада лица с большой долей вероятности будут нести уголовную ответственность. Кроме того, следует отметить, что поиски зарытых в земле кладов, содержащих археологические предметы, сопряжены с риском повреждения или уничтожения археологического культурного слоя. Такие действия являются общественно опасными, влекущими уголовную ответственность по ст. 243² УК РФ³⁰.

На основании вышеизложенного можно заключить, что проблема нахождения археологическогоклада в результате проведения земляных и иных работ требует отдельного правового регулирования.

²⁹ Подробнее об этом см.: Панфилов А. Н. Административная и уголовная ответственность за невыполнение требований законодательства Российской Федерации передачи государству обнаруженных археологических предметов: некоторые проблемы правового регулирования // *Наследие и современность*. 2019. Т. 2. № 3. С. 35–46; *Его же*. Противодействие незаконной археологической деятельности в Российской Федерации: вопросы правового регулирования и правоприменения. М., 2023. С. 145–158.

³⁰ Подробнее об этом см.: Панфилов А. Н. Проблемы правового регулирования уголовной ответственности за незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания // *Государство и право*. 2019. № 6. С. 44–55.

Практическую ценность имеет вопрос о совокупности признаков, позволяющих лицу, обнаружившему клад, предполагать, что находка имеет археологическое значение. С точки зрения российского законодательства такой совокупностью признаков будет являться: 1) нахождение клада на поверхности земли (в результате влияния на почву природных либо антропогенных факторов — эрозия, распашка и др.), в земле или под водой; 2) наличие в составе клада вещей возрастом более 100 лет.

Из этого следует, что клад, найденный на чердаке, в перекрытии или в стене здания, сооружения, археологическим быть не может. Таким примером может служить обнаружение в 2012 г. клада при проведении работ по сохранению особняка Нарышкиных в Санкт-Петербурге³¹.

Кроме того, большое сомнение вызывает возрастной признак, согласно которому археологическое значение приобретает любая ископаемая вещь возрастом старше ста лет. При данном подходе археологическими будут признаваться не только кладывериода Российской Империи, но и кладывсоветской эпохи, депонированные в 1920-х годах. Однако вряд ли находки подобных кладов добавляют какую-либо новую информацию в копилку археологических знаний. В этом отношении весьма полезно обратиться к законодательству ряда зарубежных государств.

Например, в соответствии с Законом о культурном наследии Норвегии 1978 г. к числу автоматически охраняемых законом объектов, являющихся государственной собственностью, относятся: предметы до 1537 г. н.э. (оружие, инструменты, предметы культа, камни, ювелирные изделия и проч.); монеты, датированные ранее 1650 г. н.э.; Саамские объекты, возрастом более 100 лет. Вместе с тем при наличии особых оснований компетентным органом может быть принято решение о том, что объект считается охраняемым объектом независимо от его возраста³².

Думается, что нет необходимости причислять к археологии «сокровища», сокрытые по разным причинам в XIX и XX вв. на территории России. В качестве примера можно привести случай обнаружения летом 2019 г. во время раскопок в центре г. Пермь (ул. Ленина, 16) клада — сундука с посудой XIX в. Раскопки велись археологами на месте строительства новой

³¹ См.: Особняк Нарышкиных в Санкт-Петербурге — дом, где нашли богатейший клад в 2012 году [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://peterburg.center/story/osobnyak-naryshkinyh-v-sankt-peterburge-dom-gde-nashli-bogateyshiy-klad-v-2012-godu.html> (дата обращения: 29.10.2023).

³² См.: Закон о культурном наследии [the cultural heritage act act] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1978-06-09-50> (дата обращения: 29.10.2023); *Зарубежное законодательство в области сохранения культурного и природного наследия*. Информационный сб. М., 1999. С. 71–85.

поликлиники. Клад состоял из 255 предметов: столовый фарфоровый сервиз, чайный и кофейно-чайный сервизы, а также медная и стеклянная посуда. Посуда была обернута газетами 1915–1917 гг., которые не сохранились, но оставили отпечатки на ее поверхности. Все найденные сервизы произведены на фарфоровых заводах М.С. Кузнецова³³. Вещи из указанного клада, безусловно, могут относиться к культурным ценностям, но археологического значения не имеют.

Однако реализация данного подхода возможна при условии внесения соответствующих изменений в законодательство в области охраны объектов культурного наследия³⁴.

Проблемы нормативного правового регулирования нахождения клада, содержащего культурные ценности (в том числе археологические предметы), и сдачи его государству

На сегодняшний день существует острая необходимость в нормативном правовом регулировании отношений, связанных с передачей государству клада, содержащего культурные ценности (в том числе археологические предметы), выплатой его находчику денежного вознаграждения. До недавнего времени эти вопросы в определенной степени регламентировались:

Положением о порядке учета, оценки и реализации конфискованного, бесхозяйного имущества, имущества, перешедшего по праву наследования к государству, и кладов, утвержденным постановлением Совмина СССР от 29 июня 1984 г. № 683 (ред. от 25.07.1991)³⁵;

Инструкцией о порядке учета, оценки и реализации конфискованного, бесхозяйного имущества, имущества, перешедшего по праву наследования к государству, и кладов (ред. от 13.08.1991; с изм. от 15.01.2007), утвержденной Министерством финансов СССР 19 декабря 1984 г. № 185³⁶.

Утратившими силу актами были урегулированы следующие основные вопросы: определен орган государственной власти, которому должен сдаваться клад (налоговый орган либо местное отделение милиции);

определен порядок передачи клада; определен срок выплаты вознаграждения находчику клада.

В настоящее время действуют несколько разрозненных нормативных правовых актов, содержащих нормы, направленные на реализацию положений п. 2 ст. 233 ГК РФ. Вместе с тем ни один из этих актов не содержит сколько-нибудь подробной процедуры сдачи и приемки найденного клада (отдельных предметов из состава клада), сроков проведения экспертизы содержащихся в его составе вещей, обладающих признаками культурных ценностей, и выплаты лицу, нашедшему клад, соответствующего вознаграждения.

Отмеченные недостатки правового регулирования данных общественных отношений приводят к судебным спорам по поводу выплаты вознаграждения, оценки стоимости предметов клада, бездействия ответственных за организацию проведения экспертизы должностных лиц полиции³⁷. Такое положение дел способствует присвоению находчиками кладов культурных ценностей, развитию теневого антикварного рынка, нарушению права граждан на вознаграждение за переданный государству клад.

Полагаем, что указанные отношения должны быть регламентированы отдельным нормативным правовым актом — постановлением Правительства РФ, содержащим подробный алгоритм действий всех их участников: находчика клада, эксперта по определению культурной (в том числе археологической) значимости предметов из состава клада, должностных лиц органов охраны объектов культурного наследия, полиции и финансовых органов. Требуется урегулирование и вопрос выплаты вознаграждения нашедшему кладу лицу в случае, если это лицо производило раскопки или поиски ценностей без согласия *публичного собственника* имущества, где клад был сокрыт. Думается, что и в этом случае находчик клада должен иметь право на выплату вознаграждения. При соблюдении установленных требований в отношении обнаруженных ценностей (добровольности, своевременного уведомления уполномоченных органов и др.) их находчик мог бы рассчитывать на вознаграждение в размере не менее 50% от стоимости клада. Иначе трудно надеяться на добровольную сдачу найденных ценностей государству.

³³ См.: *Третьякова Е. У «дома Лары» из романа «Доктор Живаго» пермские археологи нашли два сундука антиквариата* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.perm.kp.ru/daily/26993/4054487/> (дата обращения: 29.10.2023).

³⁴ Подробнее об этом см.: *Панфилов А. Н.* Противодействие незаконной археологической деятельности в Российской Федерации: вопросы правового регулирования и правоприменения. С. 49–55.

³⁵ Не действует на территории Российской Федерации с 21.02.2020 г. на основании постановления Правительства РФ от 03.02.2020 № 80.

³⁶ Утратила силу в связи с изданием приказа Минфина России от 30.04.2020 № 184.

³⁷ См., напр.: Тверской районный суд г. Москвы. Решение от 10.07.2013 по делу № 2-4010/2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/b2diTPyqDQNV/> (дата обращения: 17.11.2023); Московский городской суд. Апелляционное определение от 20.01.2014 по делу № 33-1573/2013 // СПС «КонсультантПлюс»; Московский городской суд. Определение от 15.10.2014 № 4г/8-7644 3 // СПС «КонсультантПлюс»; Судебная коллегия по административным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции. Кассационное определение от 09.03.2023 по делу № 8а-2187/2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=24547576&case_uid=aef1f239-96d6-4dd2-a832-1a3c3dcfe8da&delo_id=43&new=0 (дата обращения: 23.11.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авдусин Д.А.* Полевая археология СССР: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1980. С. 55.
2. *Бердинских В.А.* История кладоискательства в России. М., 2005.
3. *Бочкарев В.С., Климушина А.И.* О термине и понятии «клад» в современной археологической литературе (по европейским материалам эпохи бронзы) // Археология Восточно-Европейской степи: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2022. Вып. 18. С. 28.
4. *Быстрова М.* Спорные вопросы приобретения права собственности на клад // Юридический обзор Университета им. Адама Мицкевича. 2014. № 4. С. 185–192.
5. *Гайдуков П.Г., Гришин И.В.* Федоровский клад // Двадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16–20 апреля 2019 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2019. С. 145–147.
6. *Гошкевич В.И.* Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903. Кн. 1. С. II.
7. *Гряды Э.А.* Основания приобретения права собственности на клад и находку // Молодой ученый. 2016. № 4 (108). С. 536.
8. *Гук В.А.* Особенности гражданско-правового регулирования правоотношений, возникающих при обнаружении клада // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 77–79.
9. Зарубежное законодательство в области сохранения культурного и природного наследия. Информационный сб. М., 1999. С. 71–85.
10. *Зубенко Ю.С.* Археологическая находка и клад: сравнительно-правовой анализ // Цивилист. 2011. № 4. С. 68.
11. *Котляр Н.Ф.* Кладоискательство и нумизматика. Киев, 1974.
12. *Мазеин Д.В.* Некоторые проблемы правового регулирования гражданского оборота движимых культурных ценностей // Журнал рос. права. 2004. № 9. С. 54.
13. *Макаров Н.А.* Сохранение археологического наследия в 2010-х годах. Новые реалии // Вестник РАН. 2019. Т. 89. № 12. С. 1206.
14. *Мартыненко И.Э.* Право и формы собственности на историко-культурные ценности: новые подходы законодателя в связи с принятием Кодекса Республики Беларусь о культуре // Актуальные проблемы гражданского права. 2016. № 1 (7). С. 93–95, 97.
15. *Мартыненко И.Э.* Правовые последствия обнаружения клада: анализ законодательства государств — участников СНГ // Междунар. публичное и частное право. 2014. № 4. С. 42–46.
16. *Мартынов А.И.* Археология: учеб. и практикум для бакалавров. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 25, 26.
17. *Могрицкая В.Ю.* Горноknязевский клад // Культура Ямала. 2019. № 1. С. 57–59.
18. *Панфилов А.Н.* Административная и уголовная ответственность за невыполнение требований законодательства Российской Федерации передачи государству обнаруженных археологических предметов: некоторые проблемы правового регулирования // Наследие и современность. 2019. Т. 2. № 3. С. 35–46.
19. *Панфилов А.Н.* К вопросу о несостоятельности возрастного критерия применительно к объектам археологического наследия: правовые аспекты // Наследие и современность. 2018. Т. 1. № 3 (3). С. 62–75.
20. *Панфилов А.Н.* Ключевые правовые понятия в области археологии в российском законодательстве и проблемы их правовой определенности // Вестник Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3. № 3. С. 116–125.
21. *Панфилов А.Н.* Культура и местное самоуправление: конституционно-правовые аспекты взаимодействия. М., 2015. С. 94, 95.
22. *Панфилов А.Н.* Правовое понятие «объект археологического наследия» в российском законодательстве и проблема его правовой определенности // Государство и право. 2018. № 1. С. 72–81.
23. *Панфилов А.Н.* Проблемы правового регулирования уголовной ответственности за незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания // Государство и право. 2019. № 6. С. 44–55.
24. *Панфилов А.Н.* Противодействие незаконной археологической деятельности в Российской Федерации: вопросы правового регулирования и правоприменения. М., 2023. С. 49–55, 145–158.
25. *Предеин К.Н.* Основания возникновения права собственности на обнаруженный лицом клад // Бизнес, Менеджмент и Право. 2015. № 2. С. 102–108.
26. *Русских Е.Л.* Денежно-вещевые клады VIII–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 2 (9). С. 75–82.
27. *Сериков Ю.Б.* Клады каменного века как археологический источник // Вестник Пермского ун-та. История. 2021. Вып. 1 (52). С. 5–14.
28. *Третьякова Е.* У «дома Лары» из романа «Доктор Живаго» пермские археологи нашли два сундука антиквариата [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.perm.kp.ru/daily/26993/4054487/> (дата обращения: 29.10.2023).
29. *Ушанков В.А.* К вопросу экономического содержания понятия «ценность» // Проблемы современной экономики. 2018. № 1 (65). С. 228.
30. *Фёдорова Н.В., Гусев Ан. В.* Западносибирский Север и культурные миры Евразии на рубеже эр // Вестник СПбУ. История. 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 745, 746.
31. *Фёдорова Н.В., Гусев Ан. В., Подосенова Ю.А.* Горноknязевский клад. Научный центр изучения Арктики. Калининград, 2016.

REFERENCES

1. *Avdusin D.A.* Field archaeology of the USSR: textbook. 2nd ed., reprint and add. M., 1980. P. 55 (in Russ.).
2. *Berdinskikh V.A.* The history of treasure hunting in Russia. M., 2005 (in Russ.).
3. *Bochkarev V.S., Klimushina A.I.* On the term and concept of “treasure” in modern archaeological literature (based on Euro-

- pean materials of the Bronze Age) // Archeology of the East European Steppe: Interuniversity collection of scientific works. Saratov, 2022. Iss. 18. P. 28 (in Russ.).
4. *Bystrova M.* Controversial issues of acquiring ownership of a treasure // Legal review of Adam Mitskevich University. 2014. No. 4. Pp. 185–192 (in Russ.).
 5. *Gaydukov P.G., Grishin I.V.* Fedorovsky treasure // Twentieth All-Russian Numismatic Conference. Veliky Novgorod, April 16–20, 2019 Abstracts of reports and communications. M., 2019. Pp. 145–147 (in Russ.).
 6. *Goshkevich V.I.* Treasures and antiquities of the Kherson province. Kherson, 1903. Book 1. P. II (in Russ.).
 7. *Gryada E.A.* Grounds for acquiring ownership of a treasure and a find // Young Scientist. 2016. No. 4 (108). P. 536 (in Russ.).
 8. *Guk V.A.* Features of civil law regulation of legal relations arising from the discovery of treasure // Bulletin of Economic Security. 2019. No. 3. Pp. 77–79 (in Russ.).
 9. Foreign legislation in the field of preservation of cultural and natural heritage. Information collection. M., 1999. Pp. 71–85 (in Russ.).
 10. *Zubenko Yu. S.* Archaeological find and treasure: comparative legal analysis // Civilist. 2011. No. 4. P. 68 (in Russ.).
 11. *Kotlyar N.F.* Treasure hunting and numismatics. Kiev, 1974 (in Russ.).
 12. *Mazein D.V.* Some problems of legal regulation of civil turnover of movable cultural property // Journal of Russ. law. 2004. No. 9. P. 54 (in Russ.).
 13. *Makarov N.A.* Preservation of archaeological heritage in the 2010^s. New realities // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 89. No. 12. P. 1206 (in Russ.).
 14. *Martynenko I.E.* The right and forms of ownership of historical and cultural values: new approaches of the legislator in connection with the adoption of the Code of the Republic of Belarus on Culture // Actual problems of Civil Law. 2016. No. 1 (7). Pp. 93–95, 97 (in Russ.).
 15. *Martynenko I.E.* Legal consequences of treasure discovery: analysis of legislation of the CIS member states // International Public and Private Law. 2014. No. 4. Pp. 42–46 (in Russ.).
 16. *Martynov A.I.* Archeology: studies and a bachelor's workshop. 8th ed., reprint and add. M., 2017. Pp. 25, 26 (in Russ.).
 17. *Mogritskaya V. Yu.* Gornoknyazevsky treasure // Culture of Yamal. 2019. No. 1. Pp. 57–59 (in Russ.).
 18. *Panfilov A.N.* Administrative and criminal liability for non-compliance with the requirements of the legislation of the Russian Federation for the transfer of discovered archaeological objects to the state: some problems of legal regulation // Heritage and modernity. 2019. Vol. 2. No. 3. Pp. 35–46 (in Russ.).
 19. *Panfilov A.N.* On the issue of the insolvency of the age criterion in relation to objects of archaeological heritage: legal aspects // Heritage and modernity. 2018. Vol. 1. No. 3 (3). Pp. 62–75 (in Russ.).
 20. *Panfilov A.N.* Key legal concepts in the field of archaeology in Russian legislation and the problems of their legal certainty // Herald of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research. 2017. Vol. 3. No. 3. Pp. 116–125 (in Russ.).
 21. *Panfilov A.N.* Culture and local self-government: constitutional and legal aspects of interaction. M., 2015. Pp. 94, 95 (in Russ.).
 22. *Panfilov A.N.* The legal concept of “an object of archaeological heritage” in Russian legislation and the problem of its legal certainty // State and Law. 2018. No. 1. Pp. 72–81 (in Russ.).
 23. *Panfilov A.N.* Problems of legal regulation of criminal liability for illegal search and (or) seizure of archaeological objects from the sites of occurrence // State and Law. 2019. No. 6. Pp. 44–55 (in Russ.).
 24. *Panfilov A.N.* Countering illegal archaeological activity in the Russian Federation: issues of legal regulation and law enforcement. M., 2023. Pp. 49–55, 145–158 (in Russ.).
 25. *Predein K.N.* Grounds for the emergence of ownership of a treasure discovered by a person // Business, Management and the Law. 2015. No. 2. Pp. 102–108 (in Russ.).
 26. *Russkikh E.L.* Monetary and personal treasures of the VIII–XIII centuries in the basin of the Chepty river // Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region. 2020. No. 2 (9). Pp. 75–82 (in Russ.).
 27. *Serikov Yu. B.* Stone Age treasures as an archaeological source // Herald of the Perm University. History. 2021. Iss. 1 (52). Pp. 5–14 (in Russ.).
 28. *Tretyakova E.* Perm archaeologists found two chests of antiques near the “house of Lara” from the novel “Doctor Zhivago” [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.perm.kp.ru/daily/26993/4054487/> (accessed: 29.10.2023) (in Russ.).
 29. *Ushankov V.A.* On the question of the economic content of the concept of “value” // Problems of modern economics. 2018. No. 1 (65). P. 228 (in Russ.).
 30. *Fedorova N.V., Gusev An. V.* The West Siberian North and the cultural worlds of Eurasia at the turn of the era // Vestnik SPbU. History. 2019. Vol. 64. Iss. 2. Pp. 745, 746 (in Russ.).
 31. *Fedorova N.V., Gusev An. V., Podosenova Yu. A.* Gornoknyazevsky treasure. Scientific Center for the Study of the Arctic. Kaliningrad, 2016 (in Russ.).

Сведения об авторе

ПАНФИЛОВ Анатолий Николаевич —
кандидат юридических наук,
заместитель председателя
Общественного совета
при Комитете по охране и использованию
объектов историко-культурного наследия
Тюменской области;
625003 г. Тюмень, ул. Некрасова, д. 11

Authors' information

PANFILOV Anatoly N. —
PhD in Law,
Deputy Chairman of the Public Council
under the Committee for the Protection
and Use of Objects of Historical
and Cultural Heritage of the Tyumen Region;
11 Nekrasova str., 625003 Tyumen, Russia

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349.2

СОДЕЙСТВИЕ ПЕРЕХОДУ К ФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ СРЕДСТВАМИ ТРУДОВОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

© 2024 г. Т. С. Гусева*, Ю. И. Клепалова**

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Санкт-Петербург

*E-mail: tanya1931@rambler.ru

**E-mail: klepalova.yulia@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.05.2023 г.

Аннотация. Статья посвящена поиску решения актуальной проблемы – неформальная экономика, оказывающей неблагоприятное воздействие как на государство и его финансовые инструменты, так и на занятое в ней население. Анализируя нормы трудового права и права социального обеспечения, авторы оценивают правовое регулирование через призму его направленности на переход к формальной занятости и экономике. С учетом особенностей неформальной занятости предлагают пути совершенствования трудового и социального законодательства.

Ключевые слова: неформальная экономика, неформальная занятость, платформенная занятость, самозанятый, социальное обеспечение, обязательное социальное страхование.

Цитирование: Гусева Т.С., Клепалова Ю.И. Содействие переходу к формальной экономике средствами трудового права и права социального обеспечения // Государство и право. 2023. № 2. С. 130–139.

DOI: 10.31857/S1026945224020135

FACILITATING THE TRANSITION TO FORMAL ECONOMY BY MEANS OF LABOR LAW AND SOCIAL SECURITY LAW

© 2024 T. S. Guseva*, Yu. I. Klepalova**

The North-West Branch of Russian state University of justice, Saint-Petersburg

*E-mail: tanya1931@rambler.ru

**E-mail: klepalova.yulia@yandex.ru

Received 27.05.2023

Abstract. The article is devoted to the search for a solution to such an acute and urgent problem of modern society as the informal economy, which has an adverse impact both on the state and its financial instruments, and on the population employed in it. Analyzing the norms of Labor Law and Social Security Law, the authors evaluate the current legal regulation through the prism of its focus on the transition to formal employment and the economy. Taking into account the peculiarities of informal employment, they propose ways to improve labor and social security legislation.

Key words: informal economy, informal employment, platform employment, self-employed, social security, compulsory social insurance.

For citation: Guseva, T.S., Klepalova, Yu. I. (2024). Facilitating the transition to formal economy by means of Labor Law and Social Security Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 130–139.

Введение

В неформальной экономике заняты более шести работников из каждых 10. Неформальность представляет собой всеобъемлющее и значительное по своему масштабу явление, которое растет во многих государствах¹. Расширение неформальной экономики есть причина трудностей реализации прав работников как в сфере труда, так и в сфере социальной защиты, и требует внимания как международных организаций, так и государства, путем учета в экономической и социальной политике этого явления, что позволит активизировать и ускорить процесс перехода к формальной экономике. Большинство граждан вовлекаются в неформальную экономику вследствие невозможности формального трудоустройства, поскольку не могут добыть средства к существованию иным способом, поэтому особо нуждаются в правовой защите.

Широкое распространение неформальной занятости подтолкнуло Международную организацию труда (МОТ) 12 июня 2015 г. принять Рекомендацию № 204 «О переходе от неформальной к формальной экономике». В ней содержится понятие неформальной экономики как экономической деятельности работников, которые полностью или частично не охватываются формальными отношениями и не осуществляют преступную деятельность (производство и незаконный оборот наркотиков, незаконное производство и торговля оружием, торговлю людьми и отмывание денег)². Значение этого документа состоит в том, что государствам-членам рекомендовано охватить социальным обеспечением всех работников неформальной экономики, гарантировать охрану материнства, достойные условия труда и минимальную заработную плату. Следовательно, необходимо ввести правовое регулирование, охватывающее всех занятых. На них должно распространяться законодательство о труде, социальном обеспечении, налогообложении независимо от вида и формы занятости, в результате чего они станут плательщиками соответствующих налогов и страховых взносов и получают соответствующие гарантии и социальную защиту.

Помимо правовой неурегулированности неформальная занятость представляет социальную проблему, поскольку характеризуется дефицитом

достойного труда и высокой бедностью работающих. Научные исследования свидетельствуют, что риску бедности в большей степени подвержены работники неформальной экономики, чем работники формальной экономики³.

Программа сотрудничества между Российской Федерацией и МОТ на 2021–2024 гг., подписанная в декабре 2020 г., также в качестве целевого ориентира закрепляет содействие переходу от неформальной занятости к формальной, предполагает расширение возможностей занятости путем содействия развитию предпринимательства и расширение охвата социальной защитой работников, вовлеченных в различные формы нестандартной занятости.

Таким образом, формализация экономики — процесс, в котором заинтересованы как международные организации, так и конкретные государства. Способы перехода к формальной экономике в значительной степени зависят от национальных условий: преобладающих видов экономической деятельности, структуры рынка труда, национального законодательства и др. Формализация экономики — процесс, в котором должны быть заинтересованы все. Обществу в целом, а занятым, в частности, формализация дает рост благосостояния, экономическую стабильность, способствует равноправию, снижает уровень бедности, поддерживает социальную стабильность. Формализация же предприятий и иных экономических субъектов за счет роста производительности и расширения доступа к рынкам сбыта повышает их конкурентоспособность. Безусловно, в формализации экономики в большей степени заинтересовано государство, которое увеличит поступления в виде налогов как на бизнес, так и на доходы физических лиц. Но фискальный интерес не должен доминировать, ведь если не будет достигнут баланс интересов между работающим населением, работодателями (или теми, кто использует труд) и государством, не будут выработаны гарантии безопасных условий осуществления трудовой деятельности и социальной защиты всех занятых, общество будет искать все новые и новые способы занятости в неформальной экономике, а государство, в свою очередь, при помощи права будет стараться вывести эти отношения в формальный сектор. А.Н. Савенков справедливо указывает, что стремление достичь законопослушания через рост ограничений и обязанностей приводит к отказу людей находиться в правовой

¹ Переход от неформальной экономики к формальной: теория изменений. Geneva, 2021.

² Для обозначения видов деятельности, которые воспринимаются как часть неформальной экономики, в литературе используются следующие термины: «нетипичный», «наличные в кассе», «скрытый», «нерегулярный», «невидимый», «теневой», «необъявленный», «подпольный» и «нерегулируемый» (см.: Williams C. C., Martinez A. Do small business start-ups test-trade in the informal economy? Evidence from a UK survey // International Journal of Entrepreneurship and Small Business. 2014. Vol. 22. No. 1. Pp. 21–26).

³ См.: Combating poverty and inequality: Structural change, social policy and politics. Geneva, 2010. URL: <https://www.bristol.ac.uk/poverty/downloads/keyofficialdocuments/UNRISD%20Combating%20Poverty.pdf>; Всемирный банк: Доклад о мировом развитии: Занятость. Вашингтон, ОК, 2013.

сфере, связи с государством⁴, что, по сути, является одной из главных причин существования неформальной экономики.

Роль трудового права в снижении неформальной занятости

Одним из проявлений неформальной экономики является неформальная занятость — численность неформальных рабочих мест, занятых работниками и нанимателями на собственных предприятиях неформального сектора; помогающими членами семьи; наемными работниками на неформальных рабочих местах; членами неформальных производственных кооперативов; самозанятыми работниками, производящими товары исключительно для собственного потребления и использования их домашними хозяйствами⁵.

Если индустриальному укладу общества, ориентированному на промышленное производство, была присуща формальная (стандартная) занятость, то с переходом к постиндустриальному технологическому укладу, характеризующемуся распространением информационных технологий⁶, неформальная занятость стала рассматриваться не как сфера деятельности низкоквалифицированных работников, а как альтернативный вариант хозяйствования⁷. Реагируя на происходящие трансформации, трудовое законодательство становится более гибким, преследует цель удержать в сфере своего действия изменяющиеся отношения и не допустить их выпадания в неформальную занятость. Так, в последние годы Трудовой кодекс РФ был дополнен главами об особенностях труда работников в малом бизнесе (гл. 48¹), дистанционных работников (гл. 49¹), заемных работников (гл. 53¹) и др. Вместе с тем любое отступление от стандартной (формальной) занятости должно быть оправданным. Правоведы справедливо отмечают, что последующая дифференциация правового регулирования трудовых отношений допустима только в пределах, заданных публичными началами трудового права⁸.

⁴ См.: Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 320.

⁵ См.: Hussmanns R. Measuring the Informal Economy: From Employment in the Informal Sector to Informal Employment // Bureau of Statistics Working Paper. 2004. No. 53. Geneva: International Labour Office.

⁶ См.: Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России. М., 2022. С. 21, 22.

⁷ См.: Нуреев Р. М., Ахмадеев Д. Р. Классификация неформальной занятости и методы ее оценки // Пространство экономики. 2015. № 1. С. 14–29.

⁸ См.: Лушиников А. М. Юридическая конструкция «гибкости» трудовых отношений как ответ на вызовы XXI века // Юрид. техника. 2013. № 7–2. С. 427–431.

Гибкость трудового законодательства проявляется и в предоставлении законодателем возможности переквалификации отношений по поводу выполнения работ и оказания услуг физическими лицами на основании гражданско-правовых договоров в трудовые отношения, а также скрытой занятости (фактическое осуществление трудовой функции без оформления трудового договора) в трудовые отношения, что позволяет предоставить работникам гарантии, предусмотренные трудовым законодательством и охватить обязательным социальным страхованием. В этой связи нельзя не согласиться с предложением такой модификации трудового права, чтобы его предмет распространялся на любые отношения с применением несамостоятельного труда⁹.

Достаточно широко обсуждается российским научным сообществом такой вид нестандартной занятости как «платформенная занятость», нормативное определение которой пока отсутствует. Фактически функции работодателя выполняет интернет-платформа, основной «производственной деятельностью» которой является предоставление площадки для взаимодействия получателей услуг с лицами, оказывающими услуги.

Полагаем, что используя возможности трудового права, физическим лицам, оказывающим услуги с использованием платформы, должны быть предоставлены минимальные трудовые гарантии согласно сформированной в XX в. теории социального трудового права в случае, если фактически складывающиеся отношения обладают признаками трудовых: личным, организационным и имущественным, а также доход, полученный посредством «платформы» является единственным и (или) основным источником существования этого лица (и его семьи). Это лицо, как более слабое по сравнению с платформой, экономически и организационно зависит от нее, не обладая трудовыми гарантиями, в любой момент может быть лишено источника дохода, а учитывая резкий рост числа «платформенных занятых», спровоцированный коронавирусом, возрастает риск финансовой нагрузки на государство (например, обращение в службу занятости за назначением пособия по безработице и т. д.), переход их в сферу «теневой» экономики и иные неблагоприятные социально-экономические последствия. И тем не менее, полагаем, что в будущем будет наблюдаться рост числа «платформенных» занятых, поскольку такая занятость имеет преимущества: позволяет самостоятельно определять

⁹ См.: Чуча С. Ю. Теория трудовых правоотношений в сфере трансформации парадигмы трудового права // Трансформация парадигмы трудового права в постиндустриальном информационном обществе: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (10–11 марта 2022 г.) / отв. ред. С. Ю. Чуча. М., 2022. С. 207, 208.

режим работы, ее объем, допускает на рынок труда лиц, испытывающих трудности в поиске работы (лиц с семейными обязанностями, инвалидов, мигрантов и т.п.), что позволяет сократить теневой сектор экономики.

Эксперты отмечают неоднородность неформальной занятости и влияние на нее таких факторов, как возраст; пол; уровень образования; проживание в селе или городе; вид экономической деятельности¹⁰. Считаем, что предпосылкой расширения неформальной занятости является недостаточная гибкость рынка труда, а именно ограничение предложений формальных рабочих мест, что особенно актуально для лиц, перманентно испытывающих трудности с трудоустройством: выпускники образовательных учреждений, лица с семейными обязанностями, предпенсионеры и пенсионеры и т.п.

Несмотря на предпринятые государством усилия, направленные на организацию профессионального обучения, дополнительного профессионального образования предпенсионеров, ситуация за последние годы на рынке труда не изменилась. Как представляется, обучение профессиям в рамках указанных мероприятий¹¹ не принесло желаемого эффекта по следующим причинам. Во-первых, перечни профессий включали рабочие профессии, для работы по которым требуется соответствующее состояние здоровья: охранник, электромонтер, монтер пути, арматурщик и т.п. С возрастом состояние здоровья, как правило, ухудшается, а условия труда для большинства профессий преимущественно вредные, что предполагало прохождение предварительного медицинского осмотра для оценки пригодности кандидата для выполнения указанных работ, поэтому большинство предпенсионеров, прошедших обучение, фактически не были трудоустроены. Во-вторых, указанные перечни предполагали обучение по профессиям, требующим навыков уверенного пользователя персонального компьютера, а также иных «цифровых» компетенций, которыми предпенсионеры, как правило, не обладают: специалист по закупкам, специалист по графическому дизайну, основы кибербезопасности и т.п.

¹⁰ См.: Women and men in the informal economy: a statistical picture. 3rd ed. Geneva, 2018.

¹¹ См.: письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 01.02.2019 № 16-2/10/П-770 «О направлении Типовых рекомендаций по реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования граждан предпенсионного возраста на период до 2024 года, составлению перечней наиболее востребованных и приоритетных профессий на региональных рынках труда для обучения граждан предпенсионного возраста» // В официальных источниках опубликовано не было.

Ныне реализуется федеральный проект «Содействие занятости»¹², предполагающий обучение граждан в возрасте 50 лет и старше, одним из условий зачисления на обучение является владение навыками пользователя персонального компьютера. Полагаем, что ситуация кардинально не изменится, граждане указанной возрастной группы не будут активно пользоваться предоставленной возможностью по причине отсутствия необходимого для зачисления уровня владения компьютерной техникой.

Неформальная занятость наиболее распространена среди лиц до 30 лет в связи с отсутствием у них необходимых компетенций, что имеет негативный социальный эффект – формирует толерантное отношение к такой занятости и может оказывать существенное влияние на дальнейшее поведение работников, расширяя тем самым сферу распространения неформальной занятости.

По нашему мнению, с целью сокращения числа молодежи среди неформально занятых предпочтительна ориентация системы образования на актуальные потребности экономики с тем, чтобы граждане получали необходимый уровень образования и еще в процессе обучения приобретали необходимые компетенции и могли «нарабатывать» стаж, поскольку основной причиной, по которой молодежь не востребована работодателями – отсутствие опыта и стажа работы. Возможно и возрождение системы «ведомственных» вузов и ссузов с тем, чтобы подготовка будущих работников производилась с учетом потребностей конкретных производств. Государство также может возобновить опыт централизованного распределения выпускников¹³. В Государственную Думу неоднократно вносились законопроекты, которые предлагали закрепить обязанность студентов-бюджетников отработать после обучения либо возместить стоимость обучения в соответствующий бюджет¹⁴, однако введение подобной нормы невозможно, поскольку нарушит конституционное право граждан на получение бесплатного высшего образования, гарантированное ст. 43 Конституции РФ.

¹² См.: постановление Правительства РФ от 27.05.2021 № 800 «О реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2021. № 23, ст. 4049.

¹³ См.: Сафонов А.А. Плюсы и минусы обязательного государственного распределения выпускников-бюджетников на работу по специальности: дискуссия экспертов // Экономика труда. 2015. № 2 (3). С. 167–182.

¹⁴ См., напр.: Принудительного распределения выпускников не будет. URL: <https://www.pnp.ru/social/prinuditelnogo-raspredeleniya-vypusnikov-vuzov-ne-budet.html?ysclid=lhkhu7f9su946750078> (дата обращения: 12.05.2023).

Таким образом, защитная (социальная) функция трудового права находит свою реализацию в вовлечении в правовое поле неурегулированных форм труда, а также в проведении государственной политики в сфере занятости населения с учетом типичных проявлений неформальной занятости и особенностей лиц ей охваченных. Полагаем, что дальнейшее правовое регулирование должно затронуть формы занятости, считающиеся неформальными, но фактически представляющие собой отношения, обладающие признаками трудовых. Этот «дефект» пытается нивелировать судебная практика¹⁵, формирующаяся как результат «расширительного толкования» доктрины единого трудового правоотношения, сформированного в прошлом веке¹⁶, что в условиях перехода к новым технологическим укладам может привести к сокращению числа необходимых и достаточных признаков для квалификации отношений в качестве трудовых¹⁷. Судебная практика, «становясь на защиту» экономически слабой стороны правоотношений, реализуя гуманистические, справедливые начала, фактически становится источником права¹⁸, закрывая пробел в законодательном регулировании трудовых отношений.

В Российской Федерации проблема неформальной занятости решается средствами не только трудового, но и предпринимательского, и налогового законодательства. Примером перевода неформальной занятости в формальную экономику, предполагающую налогообложение получаемых экономически активным населением доходов от занятости, служит введение в российское законодательство категории самозанятых граждан в качестве плательщиков налога на профессиональный доход¹⁹. Этот режим введен в качестве эксперимента до 31 декабря 2028 г. С одной стороны,

регистрация в качестве самозанятого позволила людям легализовать свои доходы и «выйти из тени», с другой — работодатели стали активно использовать эту возможность в своих интересах, предлагая своим работникам оформить статус самозанятых и арендовать рабочее место на территории работодателя²⁰. Конечно же, такой *de jure* самозанятый *de facto* находится в полной организационной и имущественной зависимости от работодателя и мало чем отличается от работника, только не попадает под действие трудового законодательства и предусмотренных им гарантий и не подлежит обязательному социальному страхованию как наемный работник.

Следует отметить и стратегическую направленность законодательства о занятости на развитие предпринимательства и самозанятости. В настоящее время безработным гражданам центрами занятости оказывается услуга содействия началу осуществления предпринимательской деятельности²¹. Инструментом стимулирования регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (далее — ИП) или самозанятого либо создания и регистрации юридического лица выступает единовременная финансовая помощь на развитие собственного бизнеса, размер и порядок предоставления которой определяется законодательством субъектов Российской Федерации.

Далее рассмотрим, как тот или иной правовой статус экономически активного населения определяет уровень социальной защиты граждан.

Содействие права социального обеспечения переходу к формальной экономике

Неформальная занятость требует пересмотра подходов в организации социального обеспечения работников, которые были выработаны с учетом формальной занятости большей части экономически активного населения на производстве в течение полного рабочего дня. Изменения в структуре

¹⁵ См.: Чуча С. Ю. Правовое регулирование дистанционной (удаленной) работы: вопросы теории и практики // Государство и право. 2021. № 4. С. 155–160.

¹⁶ См., напр.: Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М., 1948; Гинзбург Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1977; Смирнов О. В. Концепция единого трудового правоотношения // Вопросы теории государства и права и трудового права: сб. науч. тр. ВЮЗИ. М., 1988. С. 60–68.

¹⁷ См.: Чуча С. Ю. Правоприменение в условиях трансформации сферы труда и модернизации теории трудовых правоотношений // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 4. С. 308.

¹⁸ См.: Загоруйко К. Ф. 98.04.006–010. Судебная практика как источник права / Лившиц Р. З., Жуйков В. М., Иванов С. А. и др. М., 1997 (Сер.: Новое в юридической науке и практике / отв. ред. Б. Н. Топорнин) (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. М., 1998. С. 27, 28.

¹⁹ См.: Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I), ст. 7494.

²⁰ См.: Богусhevский Р. Работодатели начали оформлять сотрудников как самозанятых // Daily Storm. 2019. January 9.

²¹ См.: приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 28.04.2022 № 275н «Об утверждении Стандарта деятельности осуществления полномочия в сфере занятости населения по оказанию государственной услуги по содействию началу осуществления предпринимательской деятельности безработных граждан, включая оказание гражданам, признанным в установленном порядке безработными, и гражданам, признанным в установленном порядке безработными и прошедшим профессиональное обучение или получившим дополнительное профессиональное образование по направлению органов службы занятости, единовременной финансовой помощи при государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, государственной регистрации создаваемого юридического лица, государственной регистрации крестьянского (фермерского) хозяйства, постановке на учет физического лица в качестве налогоплательщика налога на профессиональный доход» // В официальных источниках опубликован не был.

занятости населения, несомненно, влияют на право социального обеспечения, оно должно приспособиться к тому, что среди экономически активного населения сокращается доля наемных работников, растет число самозанятых, существует неполная и нелегальная занятость²².

Новые формы занятости требуют новых подходов к организации социального обеспечения. Векторы развития законодательства задают нормы международного права²³, которые предусматривают вовлечение в круг субъектов социально-обеспечительных отношений лиц, занятых как в формальной, так и в неформальной экономике. На основе анализа международных актов исследователи приходят к выводу, что право на социальное обеспечение, включая социальное страхование, есть основополагающее право человека, которое не должно зависеть от того, в каком секторе экономики он работает²⁴.

Экономическая природа социального обеспечения и его распределительный характер предопределяет способ его финансирования и правовую форму организации социального обеспечения определенной категории населения. В арсенале такой отрасли как право социального обеспечения есть две основные организационные формы — государственное социальное обеспечение и обязательное социальное страхование. Порассуждаем о возможности и целесообразности их применения к экономически активному населению.

1. *Обязательное социальное страхование* как результат баланса интересов работодателей, работников и государства по общему правилу охватывает работников и лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой, а также может распространяться на других лиц при уплате ими или за них страховых взносов. Наряду с работниками к застрахованным лицам законодатель относит физических лиц, работающих по гражданско-правовому договору; лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой (ИП, адвокатов и др.); плательщиков налога на профессиональный доход (самозанятых). Значит, первичные правовые статусы лиц в сфере занятости используются законодателем для целей

обязательного социального страхования, а лица, не имеющие такого статуса, обязательным социальным страхованием не охвачены, что свидетельствует о значимости создания правового поля для решения проблемы неформальной занятости.

Вместе с тем в плоскости отраслевых правовых решений лежит ряд вопросов. Какими именно видами обязательного социального страхования будет охвачен занятый? Будет ли объем прав в области социального обеспечения соответствовать тому, которым наделен наемный работник, являющийся застрахованным лицом во всех видах обязательного социального страхования (пенсионном, медицинском, от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством)? Допустимы ли вообще различия между ними?

Отвечая на вопрос о возможности дифференцированного подхода к охвату обязательным социальным страхованием занятых граждан, обратимся к Рекомендации МОТ от 12 мая 1944 г. № 67 «Об обеспечении дохода», которая говорит о двух категориях занятых — “persons employed for remuneration” и “self-employed persons”. Первая — наемные работники должны подлежать всем видам обязательного социального страхования. Второй категории по терминологии российского законодателя соответствуют ИП, которые на тех же условиях, что и наемные работники, должны страховаться на случай инвалидности, старости и смерти, а также могут охватываться страхованием на случай болезни и материнства. Следовательно, дифференциация допустима и осуществляется национальным законодателем.

Рассмотрим подробнее, как организовано вовлечение в обязательное социальное страхование различных категорий занятых.

Что касается физических лиц, выполняющих работы или оказывающих услуги на основании договоров гражданско-правового характера, то их статус в сфере обязательного социального страхования максимально сближается с наемными работниками. Еще недавно исполнители по договорам оказания услуг и подрядчики были охвачены только обязательным пенсионным и медицинским страхованием, что делало заключение таких договоров для заказчика более «выгодным», чем найм работника. Но законодатель обратил внимание на частую подмену одних правоотношений другими и свел к минимуму имеющиеся различия путем распространения на лиц, работающих по договорам гражданско-правового характера, с 1 января 2023 г. обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи

²² См.: Васильева Ю.В., Шуралева С.В. К вопросу о становлении и современном состоянии парадигм российского трудового права и права социального обеспечения // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 454–477. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-454-477

²³ См.: Рекомендация МОТ от 12.06.2015 № 204 «О переходе от неформальной экономики к формальной»; Рекомендация МОТ от 14.06.2012 № 202 «О минимальных уровнях социальной защиты».

²⁴ См.: Smit N., Mpedi L. G. Social protection for developing countries: Can social insurance be more relevant for those working in the informal economy? // Law, Democracy & Development. Vol. 14 (2010). P. 171. DOI:10.4314/ldd.v14i1.4

с материнством гражданско-правового характера²⁵, обязав уплачивать страховые взносы заказчиков.

Законодательством предусмотрена обязанность ИП и приравненных к этой категории граждан платить взносы на обязательное пенсионное и медицинское страхование и право добровольного вступления в отношения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством. Таким образом, подход к вовлечению в обязательное социальное страхование ИП отличен от применяемого к наемному работнику, здесь правовое регулирование являет собой компромисс между необходимостью организовать социальную защиту этой категории граждан и учетом свободы хозяйственной деятельности.

Иначе обстоит дело с самозанятыми, правовой статус которых больше тяготеет к ИП, чем к наемным работникам. Хотя стоит отметить, неоднородность этой категории и разную степень (организационной и имущественной) зависимости самозанятого от заказчика, наличие которой может сближать эти отношения с трудовыми²⁶. Правовой статус самозанятых в обязательном социальном страховании практически ничем не наполнен: они в обязательном порядке не формируют права в системе пенсионного страхования, могут делать это только добровольно; медицинскими услугами в системе обязательного медицинского страхования пользуются, по сути, как неработающие; пока лишены возможности добровольно вступать в правоотношения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности, но, судя по законодательным инициативам, скоро будут наделены этим правом. Возможность добровольно застраховаться на случай материнства, вступив в систему обязательного социального страхования, исключена. Таким образом, в правовом регулировании преобладает фискальный интерес государства — наполнение казны за счет налогов, но отсутствует какая-либо гарантированность предоставлений в системе обязательного социального страхования, если самозанятый добровольно не вступил в соответствующие правоотношения.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что российский законодатель делает ставку на расширение круга застрахованных лиц в системе обязательного социального страхования, комбинируя как обязательное, так и добровольное участие

в уже организованной системе, и в зависимости от правового статуса варьирует ставки страховых взносов. Вместе с тем обязательность уплаты страховых взносов в сочетании с их высокими размерами выступают причиной «теневых» процессов, когда декларируется не весь доход, а только его часть, попадающая в поле зрения фискальных органов, с которой исчисляются и уплачиваются налоги и страховые взносы. В свою очередь, уплата страховых взносов на добровольных началах либо вообще не производится, поскольку это уменьшает доход застрахованного, либо обуславливается предварительным сопоставлением суммы страховых взносов, подлежащих уплате, и размером ожидаемого к получению пособия, что в итоге влечет злоупотребление правом на социальное обеспечение.

Специалисты подчеркивают, что главная функция обязательного социального страхования — обеспечение достаточно высокого, привилегированного уровня социальной защиты застрахованных и их семей²⁷. Традиционно уровень обеспечения в этой системе выше, чем в системе государственной социальной помощи, поскольку в ней страховые выплаты (пенсии, пособия и др.) замещают утраченный заработок и увеличиваются в зависимости от продолжительности страхового стажа работника.

Как же обстоит дело с охватом социальным обеспечением неформально занятых лиц, не имеющих легального статуса в сфере занятости? При том, что расширение охвата населения социальным обеспечением является одним из ключевых направлений развития социальной защиты в мире, разные государства по-разному решают проблемы охвата населения социальным обеспечением, определяя стратегические приоритеты²⁸.

2. Можно охватить занятых в неформальной экономике финансируемым из бюджетных средств *социальным обеспечением*, которое адресовано всем, как правило, вне связи с трудом. В последние годы в России увеличиваются масштабы предоставления адресной социальной помощи, которая предоставляется не только при наступлении определенного риска (старости, инвалидности и др.), а при условии низкого дохода потенциального получателя. Примерами адресной поддержки являются выплаты семьям с детьми, в которых размер дохода

²⁵ См.: Федеральный закон от 14.07.2022 № 237-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с. 9) // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. I), ст. 5204.

²⁶ См.: Информация ФНС России «Гражданско-правовые договоры между работодателями и самозанятыми могут быть переквалифицированы в трудовые» // В официальных источниках опубликована не была.

²⁷ См.: Захаров М.Л. Социальное страхование в России: прошлое, настоящее и перспективы развития (трудовые пенсии, пособия, выплаты пострадавшим на производстве). М., 2013. С. 46.

²⁸ См.: Guseva T., Klepalova J. Harnessing the Power of Labour Law and Social Security Law to Achieve the Goal of Formalizing Labour Markets in the BRICS Countries // BRICS Law Journal. 2022. No. 9 (2). Pp. 94–120.

на человека не выше прожиточного минимума в субъекте Российской Федерации²⁹.

В рамках государственной социальной помощи охват, как правило, осуществляется не за счет предоставления социального обеспечения занятому в неформальной экономике, а косвенно — через других членов семьи. Получение выплат обусловлено подтверждением доходов либо определенного правового статуса (например, безработного), это требование так же способствует легализации занятости. При этом выплаты не замещают утраченный заработок (доход), получателям гарантируется только минимальный уровень обеспечения, как правило, в размере прожиточного минимума.

Не умаляя значимость мер социальной помощи для малоимущих граждан, полагаем для экономически активного населения их нужно рассматривать как дополнение к социальному страхованию в случае низких размеров дохода или страхового возмещения. Зарубежные исследователи приводят доводы, подтверждающие, что вовлекать в социальное обеспечение нужно, в первую очередь, тех работников неформальной экономики, кто может внести свой вклад в собственное страхование³⁰.

Некоторые государства, столкнувшиеся с проблемой неформальной занятости, стали легализовывать новые формы занятости и организовывать социальное обеспечение новыми способами³¹. Например, в Индии предполагается создание фондов социального обеспечения, которые будут наполняться центральным правительством, правительствами штатов и платформами. Взнос платформы устанавливается правительством в пределах 1–2% от годового оборота платформы, и не должен превышать 5% от выплат работникам платформы³².

Заключение

Переход от неформальной экономики, одним из проявлений которой является неформальная занятость, к формальной является стратегическим ориентиром государственной политики.

Пытаясь решить проблему неформальной занятости, законодатель вовлекает в сферу действия трудового законодательства ранее неурегулированные формы труда. Не менее важно проведение государственной политики в сфере занятости населения с учетом типичных проявлений неформальной занятости и особенностей лиц ей охваченных. Полагаем, что дальнейшее правовое регулирование должно затронуть формы занятости, считающиеся неформальными, но фактически представляющие собой отношения, обладающие признаками трудовых, в частности, платформенную занятость.

Для организации социального обеспечения занятых в неформальной экономике законодатель использует механизмы — обязательного социального страхования и государственного социального обеспечения, в частности государственной социальной помощи. При этом законодательство об обязательном социальном страховании опирается на первичные правовые статусы лица в сфере занятости и делает ставку на расширение круга застрахованных лиц в системе обязательного социального страхования, комбинируя как обязательное, так и добровольное участие в уже организованной системе, и в зависимости от правового статуса варьирует ставки страховых взносов. Неформально занятые лица, не имеющие легального статуса в сфере занятости, как правило, могут рассчитывать только на помощь в связи с малообеспеченностью, что не компенсирует утраченный доход, поэтому законодателю необходимо вовлекать таких лиц в систему социального страхования либо искать иные способы социальной защиты, в частности, в отношении занятых на онлайн-платформах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М., 1948.
2. Богущевский Р. Работодатели начали оформлять сотрудников как самозанятых // Daily Storm. 2019. January 9.
3. Васильева Ю. В., Шуралева С. В. К вопросу о становлении и современном состоянии парадигм российского трудового права и права социального обеспечения // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 454–477. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-454-477
4. Всемирный банк: Доклад о мировом развитии: Занятость. Вашингтон, ОК, 2013.
5. Галузо В. Н. От экономического анализа социальных явлений в зарубежных государствах к «экономике права» в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2016. № 12. С. 81–85.
6. Гинзбург Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1977.
7. Загоруйко К. Ф. 98.04.006–010. Судебная практика как источник права / Лившиц Р. З., Жуйков В. М., Иванов С. А. и др. М., 1997 (Сер.: Новое в юридической

²⁹ См.: Федеральный закон от 21.11.2022 № 455-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственных пособиях гражданам, имеющим детей”» // СЗ РФ. 2022. № 48, ст. 8322.

³⁰ См.: Van Ginneken W. Extending social security: Policies for developing countries // ESS Paper. 2003. No. 13.

³¹ См. об этом, напр.: Галузо В. Н. От экономического анализа социальных явлений в зарубежных государствах к «экономике права» в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2016. № 12. С. 81–85.

³² См.: Shekhar D. Why the Code on Social Security, 2020, misses the real issues gig workers face // Forbes India. 2020. URL: <https://www.forbe-sindia.com/article/take-one-big-story-of-the-day/why-the-code-on-social-security-2020-misses-the-real-issues-gig-workers-face/63457/1>

- науке и практике / отв. ред. Б.Н. Топорнин) (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. М., 1998. С. 27, 28.
8. *Захаров М.Л.* Социальное страхование в России: прошлое, настоящее и перспективы развития (трудовые пенсии, пособия, выплаты пострадавшим на производстве). М., 2013. С. 46.
 9. *Лушиников А.М.* Юридическая конструкция «гибкости» трудовых отношений как ответ на вызовы XXI века // Юрид. техника. 2013. № 7–2. С. 427–431.
 10. *Нуреев Р.М., Ахмадеев Д.Р.* Классификация неформальной занятости и методы ее оценки // Пространство экономики. 2015. № 1. С. 14–29.
 11. *Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А.* Смена технологических укладов и правовое развитие России. М., 2022. С. 21, 22.
 12. *Переход от неформальной экономики к формальной: теория изменений.* Geneva, 2021.
 13. Принудительного распределения выпускников не будет. URL: <https://www.pnp.ru/social/prinuditelnogo-raspredeleniya-vypusnikov-vuzov-ne-budet.html?ysclid=1hkhu7f9su946750078> (дата обращения: 12.05.2023).
 14. *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 320.
 15. *Сафонов А.А.* Плюсы и минусы обязательного государственного распределения выпускников-бюджетников на работу по специальности: дискуссия экспертов // Экономика труда. 2015. № 2 (3). С. 167–182.
 16. *Смирнов О.В.* Концепция единого трудового правоотношения // Вопросы теории государства и права и трудового права: сб. науч. тр. ВЮЗИ. М., 1988. С. 60–68.
 17. *Чуча С.Ю.* Правовое регулирование дистанционной (удаленной) работы: вопросы теории и практики // Государство и право. 2021. № 4. С. 155–160.
 18. *Чуча С.Ю.* Правоприменение в условиях трансформации сферы труда и модернизации теории трудовых правоотношений // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 4. С. 308.
 19. *Чуча С.Ю.* Теория трудовых правоотношений в сфере трансформации парадигмы трудового права // Трансформация парадигмы трудового права в постиндустриальном информационном обществе: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (10–11 марта 2022 г.) / отв. ред. С.Ю. Чуча. М., 2022. С. 207, 208.
 20. *Combating poverty and inequality: Structural change, social policy and politics.* Geneva, 2010. URL: <https://www.bristol.ac.uk/poverty/downloads/keyofficialdocuments/UNRISD%20Combating%20Poverty.pdf>
 21. *Guseva T., Klepalova J.* Harnessing the Power of Labour Law and Social Security Law to Achieve the Goal of Formalizing Labour Markets in the BRICS Countries // BRICS Law Journal. 2022. No. 9 (2). Pp. 94–120.
 22. *Husmanns R.* Measuring the Informal Economy: From Employment in the Informal Sector to Informal Employment // Bureau of Statistics Working Paper. 2004. No. 53. Geneva: International Labour Office.
 23. *Shekhar D.* (2020) Why the Code on Social Security, 2020, misses the real issues gig workers face // Forbes India. 2020. URL: <https://www.forbe-sindia.com/article/take-one-big-story-of-the-day/why-the-code-on-social-security-2020-misses-the-real-issues-gig-workers-face/63457/1>
 24. *Smit N., Mpedi L.G.* Social protection for developing countries: Can social insurance be more relevant for those working in the informal economy? // Law, Democracy & Development. Vol. 14 (2010). P. 171. DOI:10.4314/ldd.v14i1.4
 25. *Van Ginneken W.* Extending social security: Policies for developing countries // ESS Paper. 2003. No. 13.
 26. *Williams C.C., Martinez A.* Do small business start-ups test-trade in the informal economy? Evidence from a UK survey // International Journal of Entrepreneurship and Small Business. 2014. Vol. 22. No. 1. Pp. 21–26.
 27. *Women and men in the informal economy: a statistical picture.* 3rd ed. Geneva, 2018.

REFERENCES

1. *Aleksandrov N.G.* Labor relations. M., 1948 (in Russ.).
2. *Bogushevsky R.* Employers began to register employees as self-employed // Daily Storm. 2019. January 9 (in Russ.).
3. *Vasilyeva Yu. V., Shuraleva S.V.* On the question of the formation and current state of the paradigms of Russian Labor Law and Social Security Law // Herald of the Perm University. Legal sciences. 2018. Iss. 41. Pp. 454–477. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-454-477 (in Russ.).
4. *World Bank: World Development Report: Busyness.* Washington, OK, 2013 (in Russ.).
5. *Galuzo V.N.* From the economic analysis of social phenomena in foreign countries to the “economics of law” in the Russian Federation // Law and the State: Theory and Practice. 2016. No. 12. Pp. 81–85 (in Russ.).
6. *Ginzburg L.Ya.* Socialist labor relations. M., 1977 (in Russ.).
7. *Zagoruiko K.F.* 98.04.006–010. Judicial practice as a source of law / Livshits R.Z., Zhuikov V.M., Ivanov S.A. et al. M., 1997 (Ser.: New in legal science and practice / ed. by B.N. Topornin) (summary abstract) // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 4: State and Law. M., 1998. Pp. 27, 28 (in Russ.).
8. *Zakharov M.L.* Social insurance in Russia: past, present and development prospects (labor pensions, benefits, payments to victims at work). M., 2013. P. 46 (in Russ.).
9. *Lushnikov A.M.* The legal construction of the “flexibility” of labor relations as a response to the challenges of the XXI century. 2013. No. 7–2. Pp. 427–431 (in Russ.).
10. *Nureyev R.M., Akhmadeev D.R.* Classification of informal employment and methods of its assessment // Space of economics. 2015. No. 1. Pp. 14–29 (in Russ.).
11. *Pashentsev D.A., Zaloilo M.V., Dorskaya A.A.* Change of technological patterns and legal development of Russia. M., 2022. Pp. 21, 22 (in Russ.).
12. *Transition from informal economy to formal: theory of change.* Geneva, 2021 (in Russ.).
13. There will be no compulsory distribution of graduates. URL: <https://www.pnp.ru/social/prinuditelnogo-raspredeleniya-vypusnikov-vuzov-ne-budet.html?ysclid=1hkhu7f9su946750078> (accessed: 12.05.2023) (in Russ.).

14. *Savenkov A. N.* State and law in the period of crisis of modern civilization. M., 2020. P. 320 (in Russ.).
15. *Safonov A. A.* Pros and cons of compulsory state distribution of state graduates to work in the specialty: expert discussion // Labor economics. 2015. No. 2 (3). Pp. 167–182 (in Russ.).
16. *Smirnov O. V.* The concept of a single labor relationship // Questions of the theory of state and law and Labor Law: collection of scientific works. VYUZI. M., 1988. Pp. 60–68 (in Russ.).
17. *Chucha S. Yu.* Legal regulation of remote (remote) work: issues of theory and practice // State and Law. 2021. No. 4. Pp. 155–160 (in Russ.).
18. *Chucha S. Yu.* Law enforcement in the conditions of transformation of the sphere of labor and modernization of the theory of labor relations // Law enforcement. 2022. Vol. 6. No. 4. P. 308 (in Russ.).
19. *Chucha S. Yu.* Theory of labor relations in the field of transformation of the paradigm of Labor Law // Transformation of the paradigm of Labor Law in the post-industrial information society: collection of scientific works. International Scientific and Practical Conference (March 10–11, 2022) / res. ed. S. Yu. Chucha. M., 2022. Pp. 207, 208 (in Russ.).
20. Combating poverty and inequality: Structural change, social policy and politics. Geneva, 2010. URL: <https://www.bristol.ac.uk/poverty/downloads/keyofficialdocuments/UNRISD%20Combating%20Poverty.pdf>
21. *Guseva T., Klepalova J.* Harnessing the Power of Labour Law and Social Security Law to Achieve the Goal of Formalizing Labour Markets in the BRICS Countries // BRICS Law Journal. 2022. No. 9 (2). Pp. 94–120.
22. *Hussmanns R.* Measuring the Informal Economy: From Employment in the Informal Sector to Informal Employment // Bureau of Statistics Working Paper. 2004. No. 53. Geneva: International Labour Office.
23. *Shekhar D.* Why the Code on Social Security, 2020, misses the real issues gig workers face // Forbes India. 2020. URL: <https://www.forbe-sindia.com/article/take-one-big-story-of-the-day/why-the-code-on-social-security-2020-misses-the-real-issues-gig-workers-face/63457/1>
24. *Smit N., Mpedi L. G.* Social protection for developing countries: Can social insurance be more relevant for those working in the informal economy? // Law, Democracy & Development. Vol. 14 (2010). P. 171. DOI:10.4314/ldd.v14i1.4
25. *Van Ginneken W.* Extending social security: Policies for developing countries // ESS Paper. 2003. No. 13.
26. *Williams C. C., Martinez A.* Do small business start-ups test-trade in the informal economy? Evidence from a UK survey // International Journal of Entrepreneurship and Small Business. 2014. Vol. 22. No. 1. Pp. 21–26.
27. Women and men in the informal economy: a statistical picture. 3rd ed. Geneva, 2018.

Сведения об авторах

ГУСЕВА Татьяна Сергеевна —
доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского права
Северо-Западного филиала
Российского государственного
университета правосудия;
197046 г. Санкт-Петербург,
Александровский парк, д. 5
ORCID: 0000-0002-9777-7064

КЛЕПАЛОВА Юлия Игоревна —
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Северо-Западного филиала
Российского государственного
университета правосудия;
197046 г. Санкт-Петербург,
Александровский парк, д. 5
ORCID: 0000-0003-4842-3531

Authors information

GUSEVA Tatiana S. —
PhD in Law,
Professor of the Department of Civil Law,
North-West Branch of Russian State
University of justice;
5 Aleksandrovsky Park,
197046 St. Petersburg, Russia

KLEPALOVA Yuliya I. —
PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Civil Law,
North-West Branch
of Russian State University of justice;
5 Aleksandrovsky Park,
197046 St. Petersburg, Russia

УДК 349.6

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОЗЕРА БАЙКАЛ ОТ МИКРОПЛАСТИКА

© 2024 г. Е. В. Лунева

Казанский (Приволжский) федеральный университет;
Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: vilisa_vilisa@mail.ru

Поступила в редакцию 06.09.2022 г.

Аннотация. Ежегодный рост микропластикового загрязнения озера Байкал является экологической угрозой уникальной пресноводной экологической системе, требующей комплекса взаимосвязанных общих (распространяются на территорию Российской Федерации) и специальных (распространяются на Байкальскую природную территорию или отдельные ее части) правовых мер. Рассмотрены грядущие международные и межгосударственные решения по сокращению пластикового и микропластикового загрязнения, которые окажут влияние на внутринациональное регулирование охраны природной среды, включая охрану экосистем Байкальской природной территории. В системной взаимосвязи показаны существующие, ожидаемые и рекомендуемые на основании зарубежного законодательства правовые меры охраны озера Байкал от первичного и вторичного микропластика. Обосновано закрепление в российском законодательстве отсутствующих общих и специальных правовых мер охраны озера Байкал применительно к загрязнению как первичным, так и вторичным микропластиком. Предложено создать специальный совет, который координировал бы принимаемые охранительные меры от микропластикового загрязнения и иного негативного воздействия на окружающую среду на уровне субъектов Российской Федерации, аймаков Монголии и их муниципальных образований, расположенных в пределах всей водосборной площади озера Байкал.

Ключевые слова: озеро Байкал, ЮНЕСКО, река Селенга, Байкальская природная территория, микропластик, одноразовый пластик, правовой запрет, экономика замкнутого цикла, Великие озера.

Цитирование: Лунева Е. В. Правовая охрана озера Байкал от микропластика // Государство и право. 2024. № 2. С. 140–149.

DOI: 10.31857/S1026945224020148

LEGAL PROTECTION OF LAKE BAIKAL FROM MICROPLASTICS

© 2024 E. V. Luneva

Kazan (Volga Region) Federal University;
St. Petersburg State University

E-mail: vilisa_vilisa@mail.ru

Received 06.09.2022

Abstract. The annual increase in microplastic pollution of Lake Baikal is a new environmental threat to a unique freshwater ecological system that requires a set of interrelated general (applies to the entire territory of Russia) and special (applies to the Baikal natural territory or its individual parts) legal measures. The forthcoming international and interstate decisions to reduce plastic and microplastic pollution, which will have an impact on the domestic regulation of environmental protection, including the protection of the ecosystems of the Baikal natural territory, are considered. In a systemic relationship, the existing, expected and recommended legal measures for the protection of Lake Baikal from primary and secondary microplastics are shown on the basis of foreign legislation. The consolidation in the Russian legislation of the missing general and special legal measures for the protection of Lake Baikal in relation to pollution with both primary and secondary microplastics is substantiated. It is proposed to create a special council that would coordinate the protective measures taken against microplastic pollution and other negative environmental impacts at the level of the constituent entities of the Russian Federation, Mongolian aimags and their municipalities located within the entire catchment area of Lake Baikal.

Keywords: Lake Baikal, UNESCO, Selenga River, Baikal natural area, microplastics, single-use plastic, legal prohibition, circular economy, the Great Lakes.

For citation: Luneva, E.V. (2024). Legal protection of Lake Baikal from microplastics // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 140–149.

Введение

Об уникальных характеристиках самого древнего и самого глубокого озера на Земле — озера Байкал широко известно. В 1996 г. оно было внесено в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, поскольку соответствовало четырем¹ критериям для определения выдающейся мировой ценности², содержащихся в п. 77 Руководства по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия³. С этого момента на озеро стали распространяться превентивные и иные механизмы Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, а Российская Федерация взяла на себя обязательство сохранить его экосистему в естественном виде.

Несмотря на то что озеро Байкал является объектом всемирного природного наследия, вокруг которого создана сеть особо охраняемых природных территорий, ежегодно фиксируется ухудшение состояния пресноводной экосистемы⁴ по причине несовершенства законодательства (п. 3), расширения диапазона допустимых колебаний уровня воды (п. 6), не проведения реабилитации территории бывшего Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (п. 7), увеличения количества незаконных построек на берегу озера (п. 9)⁵ и др. В 2021 г. в Комитете всемирного наследия ЮНЕСКО обсуждалась вероятность включения озера Байкал в постыдный для любого государства список наследия «под угрозой», которая должна была решаться в городе Казани в 2022 г. на очередной сессии. На фоне событий на Украине намеченное мероприятие было отменено, дата и место проведения перенесенной сессии Комитетом всемирного наследия ЮНЕСКО пока не уточнены⁶.

Помимо существующих экологических проблем появляются новые угрозы для озера Байкал. Еще одним экологическим риском стоит признать увеличивающееся практически в геометрической прогрессии микропластиковое загрязнение в водах, донных отложениях, береговой линии и береговой полосе озера, а также его водосборной площади.

29 июня 2022 г. в Государственную Думу внесен проект федерального закона № 154856-8 «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона “Об охране озера Байкал”»⁷ (далее — Законопроект № 154856-8), направленный на уменьшение микропластикового загрязнения. В пояснительной записке к Законопроекту признается высокая степень загрязнения микропластиком озера Байкал, ее губительное воздействие на уникальную пресноводную экосистему, включая обитающих там эндемиков, и для здоровья человека, приводятся сведения о ежегодном росте концентрации специфического загрязнителя в поверхностных водах.

Уровень загрязнения водосборного бассейна Байкала микропластиком начал исследоваться не более пяти лет назад. По данным журнала «ООН в России», в 2017 г. пионерами в полевых исследованиях загрязнения микропластиком озера Байкал стали ученые Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова⁸. Первые публикации о микропластике в уникальной пресноводной экосистеме в РИНЦ и Google Академии датированы 2020 г.⁹, в Scopus — 2019 г.¹⁰ Тематические исследования активно продолжаются, а количество научных трудов стремительно увеличивается.

Гидробиологами и другими представителями естественных наук установлено среднее количество (1.065 млрд частиц на км³)¹¹, форма/соотношение

¹ Критерии для определения выдающейся мировой ценности — (vii), (viii), (ix), (x). До 2005 г. эти же критерии обозначались номерами N(i), N(ii), N(iii), N(iv) соответственно.

² См.: URL: <https://whc.unesco.org/en/list/754/>

³ Размещено на сайте Фонда «Охрана природного наследия» // <http://www.nhpfund.ru/files/operational-guidelines-ru.pdf>

⁴ Об ухудшении состояния озера Байкал говорится в последних (2015–2021 гг.) решениях Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО, размещенных на официальном сайте ЮНЕСКО // <https://whc.unesco.org/en/list/754/documents/>

⁵ См.: Decision 44 COM 7B.107 Lake Baikal (Russian Federation) (No. 754). URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/7823>

⁶ Озеро Байкал — защитить и сохранить объект Всемирного природного наследия ЮНЕСКО: новости ООН от 14.04.2022. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/04/1422312>

⁷ См.: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/154856-8>

⁸ Как сохранить воду — основу жизни // ООН в России. 2021. № 1 (127). С. 12. URL: https://iite.unesco.org/wp-content/uploads/2021/04/un-in-russia_1_2021_WWW.pdf

⁹ См.: Бирицкая С.А. и др. Загрязнения вод микропластиком над литоральной зоной в южной котловине озера Байкал // Байкальский зоологический журнал. 2020. № 2 (28). С. 29–32.

¹⁰ См.: Battulga B., Kawahigashi M., Oyuntsetseg B. Distribution and composition of plastic debris along the river shore in the Selenga River basin in Mongolia // Environmental Science and Pollution Research. 2019. Vol. 26. Pp. 14059–14072. DOI: 10.1007/s11356-019-04632-1

¹¹ См.: Karnaukhov D. et al. Pollution by macro- and microplastic of large lacustrine ecosystems in Eastern Asia // Poll. Res. 2020. Vol. 2. P. 354. URL: <http://www.envirobiotechjournals.com/PR/v29i220/Poll%20Res-23.pdf>

линейных размеров (фрагменты, пленки, волокна)¹², типы/виды (по химическому составу)¹³ микропластика, его распределение¹⁴ и источники поступления¹⁵ в озеро Байкал. Полученные в результате проведенных исследований сведения предоставляют возможность закрепления первоочередных общих (распространяются на территорию Российской Федерации) и специальных (распространяются на Байкальскую природную территорию или отдельные ее части) правовых мер охраны озера от микропластика.

1. Правовая охрана окружающей среды от микропластика на мировом и наднациональном уровнях как общий механизм сдерживания особого загрязнителя в озере Байкал

Проблема загрязнения окружающей среды пластиком и микропластиком активно поднимается на мировом уровне. На Первой специальной сессии, посвященной празднованию 50-й годовщины создания Программы ООН по окружающей среде (Найроби, 3–4 марта 2022 г.), была принята знаменательная Резолюция 5/14¹⁶ о разработке международного юридически обязательного документа о загрязнении пластиком¹⁷, в которой микропластик признается частью пластикового загрязнения окружающей среды (п. 1). Сфера действия будущего международного юридически обязательного документа о загрязнении пластиком должна будет распространяться на все виды воздействия пластика на протяжении его полного жизненного цикла

¹² См., напр.: *Ильина О.В., Колобов М.Ю., Ильинский В.В.* Пластиковое загрязнение прибрежных поверхностных вод среднего и южного Байкала // *Водные ресурсы*. 2021. Т. 48. № 1. С. 44, 45. DOI: 10.31857/S0321059621010181

¹³ См.: *Il'ina O.V., Kolobov M.Y., Il'inskiy V.V.* Plastic pollution of the coastal surface water in the middle and southern Baikal // *Water Resources*. 2021. Vol. 48. No. 1. Pp. 56, 60, 61. DOI: 10.1134/S0097807821010188

¹⁴ См., напр.: *Moore M.V. et al.* Lake-wide assessment of microplastics in the surface waters of Lake Baikal, Siberia // *Limnology*. 2022. Vol. 23. No. 1. Pp. 265–274. DOI: 10.1007/s10201-021-00677-9

¹⁵ См., напр.: *Karnaukhov D. et al.* Op. cit. Pp. 353–355.

¹⁶ См.: Резолюция Ассамблеи ООН по окружающей среде (ЮНЕА) № 5/14 от 02.03.2022 «Покончить с загрязнением пластиком: на пути к международному юридически обязательному документу» (UNEP/EA.5/Res.14). URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/39640/K2200733%20-%20UNEP-EA-5-RES-14%20-%20ADVANCE.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (далее – Резолюция 5/14).

¹⁷ См.: Отчет о работе первой специальной сессии Ассамблеи ООН по окружающей среде: празднование пятидесятой годовщины создания Программы ООН по окружающей среде от 08.03.2022 № UNEP/EA.SS.1/3. С. 12, 13. URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/40318/UNEP-EA.SS.1-3-PROCEEDINGS%20OF%20THE%20UNEP%20AT%20ITS%20FIRST%20SPECIAL%20SESSION%20COMMEMORATION%20OF%20THE%2050th%20ANNIVERSARY%20OF%20THE%20ESTABLISHMENT%20OF%20THE%20UNEP-%20Russian.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

(начиная с добычи сырья, проектирования и производства продукции, и заканчивая распределением, использованием и экологически безопасным управлением отходами), в том числе воздействие на здоровье человека и окружающую среду токсичных химических веществ, содержащихся в пластике. Разработка международного юридически обязательного документа о загрязнении пластиком началась со второй половины 2022 г. и завершится в 2024 г.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) объединяет усилия своих членов-государств по созданию и использованию экономики замкнутого цикла, в том числе и в сфере пластика. В рамках стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. предусмотрено (1) внедрение моделей циркулярной экономики и (2) изучение вопроса о введении поэтапного запрета на ввоз и производство одноразового пластика, включая пакеты¹⁸. Запланировано проведение социально-экономического анализа целесообразности введения поэтапного запрета на ввоз и производство отдельных видов полимерных изделий одноразового использования¹⁹.

Единственным участником открытого конкурса на право заключения договора на выполнение научно-исследовательской работы для официального использования Евразийской экономической комиссией по теме «Подготовка социально-экономического анализа целесообразности введения поэтапного запрета на ввоз и производство отдельных видов полимерных изделий одноразового использования» было признано ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации»²⁰. С ним и был заключен соответствующий договор.

Среди основных задач научно-исследовательской работы по введению запрета на полимерные изделия заявлены такие пункты, как (1) «сформировать перечень полимерных изделий одноразового использования, в отношении которых целесообразно рассматривать вопрос о поэтапном запрете их ввоза и производства на пространстве ЕАЭС», (2) «подготовить выводы о целесообразности введения

¹⁸ См.: пункты 4.9 и 8.3.3 Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (утв. решением Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12

¹⁹ См.: пункт 8.3 Плана мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (утв. распоряжением Совета Евразийской экономической комиссии от 05.04.2021 № 4) (ред. от 10.06.2022). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01431639/err_17052021_4

²⁰ Пункты 12 и 13 протокола № 1013-2 рассмотрения заявок на участие в открытом конкурсе от 25.05.2022. URL: https://eesc.eaeunion.org/upload/iblock/54a/1013_2.pdf

поэтапного запрета на ввоз и производство отдельных видов полимерных изделий одноразового использования и сформулировать предложения по установлению сроков перехода к полному запрету использования отдельных видов полимерных изделий одноразового использования на пространстве ЕАЭС»²¹. Разработанные в итоге намечаемой научно-исследовательской работы рекомендации и предложения должны носить конкретный характер и иметь прикладное применение.

От результатов исследований зависят дальнейшие законотворческие действия на наднациональном уровне в отношении одноразовых пластиковых изделий. Ожидаемо внесение изменений и дополнений в нормативные правовые акты и нормативные технические документы ЕАЭС, включая технический регламент Таможенного союза «О безопасности упаковки».

Международные и межгосударственные решения по сокращению пластикового и микропластикового загрязнения окажут влияние на внутринациональное регулирование охраны природной среды, включая охрану экосистем Байкальской природной территории, от новой экологической угрозы. В перспективе появятся специальные внутринациональные, а также наднациональные правовые нормы с прямым действием на территории Российской Федерации по лимитированию соответствующего загрязнения.

Российскому законодателю целесообразно отталкиваться от основных источников загрязнения ценнейшего водного объекта первичным (специально произведенный) и вторичным (разложение или отделение от крупного пластика)²² микропластиком. Установлено два таких источника: (1) не очищенные и недостаточно очищенные сточные воды²³ (первичный и вторичный микропластик); (2) распад «бытового» пластикового мусора²⁴ (вторичный микропластик).

²¹ Извещение о проведении открытого конкурса на право заключения договора на выполнение научно-исследовательской работы для официального использования Евразийской экономической комиссией по теме «Подготовка социально-экономического анализа целесообразности введения поэтапного запрета на ввоз и производство отдельных видов полимерных изделий одноразового использования» (номер торгов 1013). С. 17. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/55e/1013.pdf>

²² Подробнее о классификации микропластика по способу образования на первичный и вторичный, а также о ее значении для правового регулирования см.: Лунева Е. В. Правовая охрана поверхностных водных объектов от микропластика в России // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 2. С. 125. DOI: 10.12737/jrl.2022.021

²³ См.: Karnaukhov D. et al. Distribution Features of Microplastic Particles in the Bolshiye Koty Bay (Lake Baikal, Russia) in Winter // Pollution. 2022. Vol. 8. No. 2. P. 443. DOI: 10.22059/POLL.2021.328762.1159

²⁴ См.: Moore M. V. et al. Op. cit. Pp. 265–274. DOI: 10.1007/s10201-021-00677-9; Ильина О. В., Колобов М. Ю., Ильинский В. В. Указ. соч. С. 49.

II. Национальные правовые меры охраны озера Байкал от первичного микропластика

1. Фактически в российском законодательстве предусмотрен один-единственный запрет, сдерживающий количество первичного микропластика (полимеры как исходные ингредиенты в производстве), попадающего на водосборную площадь озера Байкал. Речь идет о запрете производства пластмассовых изделий в центральной экологической зоне Байкальской природной территории²⁵. Первоначально запрет на производство пластмассовых изделий в указанной зоне был введен еще в 2001 г.²⁶ Возможно поэтому в научных статьях среди источников поступления микропластика в озеро не указано производство пластмассовых изделий.

2. В законодательстве многих государств в разном объеме введены запреты на производство содержащих микропластик косметики и средств личной гигиены (США²⁷, Канада²⁸, Соединенное Королевство²⁹, Новая Зеландия³⁰, КНР³¹), их продажу и иное распространение (США, Канада, Соединенное Королевство³², Новая Зеландия,

²⁵ См.: пункт 10 Перечня видов деятельности, запрещенных в центральной экологической зоне Байкальской природной территории (утв. постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 № 2399) // СЗ РФ. 2021. № 2 (ч. II), ст. 448.

²⁶ См.: постановление Правительства РФ от 30.08.2001 № 643 (ред. от 26.03.2018) «Об утверждении перечня видов деятельности, запрещенных в центральной экологической зоне Байкальской природной территории» // СЗ РФ. 2001. № 37, ст. 3687 (Утратило силу).

²⁷ См.: Microbead-Free Waters Act 2015 No. 114–114 (28.12.2015). URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/1321/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Microbead-Free+Waters+Act+2015%22%5D%7D&r=1&s=4>

²⁸ См.: Microbeads in Toiletries Regulations, SOR/2017-111 (PC2017-570 02.06.2017), Canadian Environmental Protection Act, 1999 (SC1999, с. 33). URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-2017-111/page-1.html#h-839341>

²⁹ См.: The Environmental Protection (Microbeads) (England) Regulations 2017 (PART 2: 3 (1), (2)). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukdsi/2017/9780111162118>; The Environmental Protection (Microbeads) (Scotland) Regulations 2018. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ssi/2018/162/contents/made>; The Environmental Protection (Microbeads) (Wales) Regulations 2018. URL: <https://www.legislation.gov.uk/wsi/2018/760/contents/made>; The Environmental Protection (Microbeads) (Northern Ireland) Regulations 2019. URL: <https://www.legislation.gov.uk/nisr/2019/18/contents/made>

³⁰ См.: Waste Minimisation (Microbeads) Regulations 2017, under section 23(1) (b) of the Waste Minimisation Act 2008. URL: <https://www.legislation.govt.nz/regulation/public/2017/0291/latest/whole.html>

³¹ См.: Каталог рекомендаций по реструктуризации промышленности КНР (2019 г.): 产业结构调整指导目录 (2019 年本) (п. 16 с. 129). URL: <http://www.gov.cn/xinwen/2019-11/06/5449193/files/26c9d25f713f4ed5b8dc51ae40ef37af.pdf>

³² См.: The Environmental Protection (Microbeads) (England)...; The Environmental Protection (Microbeads) (Wales)...; The Environmental Protection (Microbeads) (Northern Ireland)...

Франция³³, Королевство Швеция³⁴, Италия³⁵, КНР с 31.12.2022 г.), медицинские изделия (Франция с 01.01.2024 г.). В некоторых государствах запрещена абразивная очистка с использованием пластиковых микрогранул (Новая Зеландия, Франция с 01.01.2027 г.³⁶).

Прежде чем запреты на производство и продажу продукции, в составе которой содержится микропластик, были установлены в некоторых государствах повсеместно, они распространялись на их отдельные части. Показательным примером являются Великие озера, для сохранения которых запреты на продажу косметики и средств личной гигиены, содержащих микропластик, первоначально были введены таким приозерным штатом, как Иллинойс³⁷, и только потом в США появился аналогичный общенациональный запрет.

Опираясь на зарубежный опыт, в Российской Федерации следовало бы закрепить запрет на производство и продажу косметики, средств личной гигиены и иной подобной продукции, в состав которых добавляется микропластик. В отсутствие возможности введения такого запрета для всего государства его можно было бы предусмотреть применительно к Байкальской природной территории.

Результативным видится разработанное некоммерческой организацией 5 Gyres³⁸ бесплатное приложение Beat the Microbead³⁹, с помощью которого потребители европейского рынка могут сканировать перечень ингредиентов на упаковке косметики, средств личной гигиены, чтобы увидеть содержат ли они микропластик, и если содержат, то появляется информация о виде микропластика. Обозначенный инструмент цифровизации позволяет повышать осведомленность потребителей об использовании микропластика как ингредиента

в соответствующих товарах и принимать решение об их приобретении. Подобное приложение можно было бы продуктивно использовать и в России.

III. Национальные правовые меры охраны озера Байкал от вторичного микропластика

1. Общей правовой мерой охраны озера Байкал от вторичного микропластика являются требования, направленные на продвижение экономики замкнутого цикла для пластика в Российской Федерации. Сравнительно малая доля пластмассовых изделий подлежит обязательному повторному использованию в хозяйственной деятельности. Так, в Перечнях товаров, упаковки товаров, подлежащих утилизации после утраты ими потребительских свойств⁴⁰ в товарной группе № 20 «Изделия пластмассовые упаковочные» значится всего пять позиций, а в товарной группе № 21 «Изделия пластмассовые прочие» — 11 позиций, а также отдельные позиции из некоторых групп, охватывающих товары или упаковку товаров из комбинированных материалов, включающих пластмассы.

Предпринята попытка вовлечения в «циркуляционный процесс» еще большего количество пластмассовых изделий. Подготовлен проект постановления Правительства РФ⁴¹, где в товарную группу № 20 «Изделия пластмассовые упаковочные» дополнительно внесено еще четыре позиции, в товарную группу № 21 «Изделия пластмассовые прочие» — 22 новые позиции, появилась товарная группа № 48 «Мебель из пластмасс», различные виды (17 позиций) пластмассовых игрушек из товарной группы № 42 «Игры и игрушки»), другие новые позиции из пластмассы, а также предусмотрено повышение нормативов утилизации на 2023–2025 годы. Пока рассматриваемый проект постановления Правительства РФ получил отрицательное решение по итогам процедуры оценки регулирующего воздействия. Безусловно, принятие документа в доработанной редакции с расширенным перечнем пластмассовых товаров для утилизации, а также ее повышенными нормативами уменьшит образование пластиковых отходов и дальнейшую их фрагментацию на микропластик в границах всего государства.

Полный переход к экономике замкнутого цикла для пластика ускорит автоматизация процесса накопления соответствующих отходов с помощью

³³ См.: Code de l'environnement ... (Article L541-10-5), Modifié par LOI № 2016-1087 du 8 août 2016 pour la reconquête de la biodiversité, de la nature et des paysages — art. 124. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGIARTI000033035090/2016-08-10>

³⁴ См.: Förordning (1998:944) om förbud m.m. i vissa fall i samband med hantering, införsel och utförsel av kemiska produkter. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/forordning-1998944-om-forbud-mm-i-vissa-fall_sfs-1998-944

³⁵ См.: LEGGE27 dicembre 2017, n. 205. Bilancio di previsione dello Stato per l'anno finanziario 2018 e bilancio pluriennale per il triennio 2018–2020 (Articolo No. 546). URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/gu/2017/12/29/302/so/62/sg/pdf>

³⁶ См.: Code de l'environnement... (Article L541-15-12), Création LOI n 2020-105 du 10 février 2020 — art. 82. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGIARTI000041568964/2020-02-12>

³⁷ См.: URL: <https://www.ecowatch.com/illinois-breaks-ground-with-countrys-first-microbead-ban-1881920395.html>

³⁸ URL: <https://www.5gyres.org/>

³⁹ URL: <https://www.beatthemicrobead.org/>

⁴⁰ Утв. Распоряжением Правительства РФ от 31.12.2020 № 3721-р (ред. от 15.07.2022) (см.: СЗ РФ. 2021. № 2 (ч. II), ст. 541).

⁴¹ См.: проект постановления Правительства РФ (доработанный текст) «Об утверждении перечней товаров, упаковки товаров, подлежащих утилизации после утраты ими потребительских свойств, и нормативов утилизации отходов от использования товаров» (по состоянию на 18.03.2022) (подготовлен Минприроды России, ID проекта 02/07/02-22/00124634). URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=124634>

фандоматов (экопунктов). Определение фандомата может скоро появиться в российском законодательстве, под ним будут понимать «техническое устройство, предназначенное для автоматизации процесса накопления отходов, образовавшихся после утраты товарами, упаковкой товаров полностью или частично своих потребительских свойств, на компенсационной основе (в том числе путем выплаты денежного вознаграждения, предоставления скидочных купонов и иных бонусов)»⁴².

В целях стимулирования получения в пользование фандоматов, а в дальнейшем и приобретения на праве собственности лизингополучателем планируется предоставление целевой субсидии для российских лизинговых организаций. Результат субсидии — количество фандоматов, переданных российскими лизинговыми организациями лизингополучателям по договорам лизинга, заключенных с предоставлением лизингополучателю единовременной скидки по уплате авансового платежа⁴³. Вводимый правовой стимул направлен на увеличение количества размещенных фандоматов в государстве.

По состоянию на 3 августа 2022 г. фандоматы установлены в Белгородской области⁴⁴, Республике Башкортостан, Челябинской области⁴⁵ и других субъектах Российской Федерации, планируются к установке в Вологодской, Калининградской, Смоленской, Тульской областях и Красноярском крае⁴⁶. В тех субъектах Российской Федерации, где фандоматы уже были установлены, предпринимаются действия по расширению их сети⁴⁷. Установка

фандоматов в Байкальской природной территории (особенно в местах высокой концентрации туристов ее центральной экологической зоны) позволит уменьшить объем «бытовых» пластиковых отходов, вовлекая их в повторное использование.

2. Пластиковые изделия, которые невозможно, затруднительно или нерентабельно переработать и использовать вторично (даже не извлекаются при накоплении и сортировке пластиковых отходов), следует запретить в хозяйственной деятельности. Законопроектом № 154856-8 предусмотрено введение запрета на использование в центральной и буферной экологических зонах Байкальской природной территории ряда изделий одноразового применения из полимерных или комбинированных с полимерами материалов (пакеты, мешки, сумки, посуда, столовые приборы и т.д.). Запрет будет иметь отложенное действие: в центральной экологической зоне Байкальской природной территории — с 1 марта 2023 г., а в ее буферной экологической зоне — только с 1 марта 2024 г.

С позиции зарубежного опыта ожидаемое изменение российского законодательства не является чем-то новым. Однако в других государствах запрет на обращение одноразовых пластиковых изделий введены применительно не к какой-то одной природной территории, а на все государство. Например, в Монголии, часть которой составляет почти половину водосборной площади озера Байкал, запрет на импорт, производство и использование одноразовых полиэтиленовых пакетов толщиной от 0.035 мм и меньше для упаковочных целей в торговле и сфере услуг был введен с 1 марта 2019 г.⁴⁸ Ранее, с 2012 г., запрет распространялся на полиэтиленовые пакеты толщиной 0.025 мм и менее⁴⁹. С 22 мая 2019 г. через границу Монголии запрещено перевозить отходы полимеров этилена, стирольных полимеров, винилхлоридных полимеров, их обрезки, ветошь⁵⁰.

⁴² См.: проект постановления Правительства РФ «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета на возмещение потерь в доходах российских лизинговых организаций при предоставлении лизингополучателю скидки по уплате авансового платежа по договорам лизинга фандоматов» (по состоянию на 14.07.2022) (подготовлен Минпромторгом России, ID проекта 01/01/07-22/00129546). URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=129546>

⁴³ См.: там же.

⁴⁴ Первые фандоматы в рамках пилотного проекта РЭО установили в Белгороде (новость от 29.10.2021 на сайте публично-правовой компании «Российский экологический оператор» // <https://reo.ru/tpost/kxg6b0kgj1-pervie-fandomati-v-ramkah-pilotnogo-proe>).

⁴⁵ Фандоматы установили в магазинах «Пятерочка» в Белебе (новость от 14.04.2022 на сайте публично-правовой компании «Российский экологический оператор» // <https://reo.ru/tpost/tt4bvja291-fandomati-ustanovili-v-magazinah-pyatero>).

⁴⁶ См.: Еще 5 регионов решили установить фандоматы по примеру Белгорода (новость от 03.08.2022 на сайте публично-правовой компании «Российский экологический оператор» // <https://reo.ru/tpost/ky87s92lb1-esche-5-regionov-reshili-ustanovit-fando>).

⁴⁷ См.: Сеть фандоматов расширят в Московском регионе и Ленобласти (новость от 17.06.2022 на сайте публично-правовой компании «Российский экологический оператор» // <https://reo.ru/tpost/5jrggijcc1-set-fandomatov-rasshiryat-v-moskovskom-r>).

⁴⁸ См.: постановление Правительства Монголии от 20.06.2018 № 189 «О запрете одноразовых пакетов» / МОНГОЛ УЛСЫН ЗАСГИЙН ГАЗРЫН ТОГТООЛ 2018 оны 6 дугаар сарын 20-ны өдөр Дугаар 189 «НЭГ УДААГИЙН НИЙЛЭГ ХАЛЬСАН УУТЫГ ХОРИГЛОХ ТУХАЙ». URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/13515>

⁴⁹ См.: Закон Монголии от 17.05.2012 «Об отходах» / МОНГОЛ УЛСЫН ХУУЛЬ «ХОГ ХАЯГДЛЫН ТУХАЙ» 2012 оны 5 дугаар сарын 17-ны өдөр (18 дугаар зүйл). от 17.05.2012. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/8666> (Утратил силу).

⁵⁰ См.: постановление Правительства Монголии от 22.05.2019 № 199 «О дополнении кодированного перечня предметов, запрещенных для перевозки через границу Монголии» / МОНГОЛ УЛСЫН ЗАСГИЙН ГАЗРЫН ТОГТООЛ «МОНГОЛ УЛСЫН ХИЛЭЭР НЭВТРҮҮЛЭХИЙГ ХОРИГЛОСОН БАРААНЫ КОДЛОСОН ЖАГСААЛТАД НЭМЭЛТ ОРУУЛАХ ТУХАЙ» 2019 оны 5 дугаар сарын 22-ны өдөр. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/14417>

В Португалии с 2019 г. в розничной торговле запрещено использовать одноразовую пластиковую посуду (включая столовые приборы и соломинки для напитков) для употребления пищи или напитков⁵¹. С 1 июня 2023 г. коммерческим предприятиям запрещено изготавливать сверхлегкие полиэтиленовые пакеты для первичной упаковки или перевозки хлеба, фруктов и овощей, а также запрещено продавать перечисленные продукты, упакованные в одноразовые кюветы, содержащие пластик или пенополистирол⁵².

Во Франции запреты на пластик охватывают еще больше сфер хозяйственной и социальной деятельности. Там помимо запретов на одноразовые полиэтиленовые пакеты, пластиковую посуду, предусмотрен запрет на бесплатную раздачу пластиковых бутылок во время различных мероприятий, продажа свежих фруктов и овощей в упаковке, содержащей пластик. С 1 января 2023 г. предприятия общественного питания обязаны подавать блюда и напитки, потребляемые в помещении заведения, в многоразовой посуде или таре с многоразовыми столовыми приборами. В перспективе в стране будет действовать запрет на использование пластиковых контейнеров для приготовления, разогрева и подачи пищи в дошкольных учреждениях, школах, университетах, в педиатрических, акушерских и родильных отделениях (с 01.01.2025 г.) и другие запреты на пластиковые изделия⁵³.

3. Прогрессивной следует признавать новеллу законодательства Франции, предусматривающую обязательную фильтрацию новыми стиральными машинами пластиковых микроволокон (в колоссальном количестве образуются при стирке изделий из синтетических тканей). С 1 января 2025 г. новые бытовые и профессиональные стиральные машины должны быть оснащены устройством или любым другим внутренним или внешним решением для удержания пластиковых микроволокон⁵⁴. В указанном нововведении Франции не решенными остались вопросы относительно очистки этих фильтров, присвоение их потребителем, техническое обслуживание и замена использованных

фильтров⁵⁵. Тем не менее в будущем вводимая правовая норма существенно снизит объем микропластика, попадающего в сточные воды, а затем и в водные объекты.

Учитывая преобладающее большинство волокон (80%) в общем объеме микропластика, содержащегося во льдах озера Байкал, которые не улавливаются системами очистки сточных вод⁵⁶, необходимо предусмотреть способы их уменьшения. Вариант в виде установки специальных фильтров и иных технических решений в новых стиральных машинах в России или Байкальской природной территории очень сложен и практически не реализуем. Однако можно было бы предусмотреть систему правовых стимулов для хозяйствующих субъектов (водоканалы), которые осуществляют фильтрацию сточных вод через мембраны с размером пор не более 0.2 мкм, включая использование норм о государственно- и муниципально-частном партнерстве⁵⁷.

4. Общей охранительной мерой от вторичного микропластика, распространяющейся на все водные объекты, является запрет на сброс и захоронение в них отходов производства и потребления, включая «бытовые» пластиковые отходы (ч. 1 ст. 56 Водного кодекса РФ). Вместе с тем такого требования недостаточно для снижения количества пластика в озере Байкал. Большой объем мусора попадает в водный объект с береговой полосы. В этом году с берега Байкала протяженностью 2 км волонтерами была собрана 1 т мусора⁵⁸. По данным Законопроекта № 154856-8, одним из источников поступления микропластика в озеро являются пластиковые отходы, выброшенные жителями прибрежных населенных пунктов и многочисленными туристами.

В США и Канаде ряд муниципалитетов, граничащих с Великими озерами, приняли подзаконные акты, запрещающие мусорить на пляжах, а некоторые муниципалитеты также запретили курение на общественных пляжах⁵⁹. Подобные правовые меры, принятые на муниципальном уровне,

⁵¹ См.: Lei n.º 76/2019, de 2 de setembro (art. 3). URL: <https://dre.pt/dre/detalhe/lei/76-2019-124346827>

⁵² См.: Lei n.º 77/2019, de 2 de setembro (art. 4). URL: <https://dre.pt/dre/detalhe/lei/77-2019-124346828>

⁵³ См.: Code de l'environnement ... (Article L541-15-10). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGIARTI000041568974/2020-02-12/#LEGIARTI000041568974>

⁵⁴ LOI n° 2020-105 du 10 février 2020 relative à la lutte contre le gaspillage et à l'économie circulaire (article 79). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000041553759?init=true&page=1&query=2020-105+&searchField=ALL&tab_selection=all

⁵⁵ См.: Sénat: Séance du 17 juin 2021 (compte rendu intégral des débats). URL: https://www.senat.fr/seances/s202106/s20210617/s20210617_mono.html

⁵⁶ См.: *Karnaukhov D. et al.* Distribution Features of Microplastic Particles in the Bolshiye Koty Bay (Lake Baikal, Russia) in Winter. P. 443.

⁵⁷ См.: Лунева Е. В. Указ. соч. С. 129.

⁵⁸ См.: «Зеленый десант» собрал более тонны отходов на Байкале (новость от 30.06.2022 на сайте публично-правовой компании «Российский экологический оператор» // <https://reo.ru/tpost/4m34dp1yk1-zelenii-desant-sobral-bolee-tonni-othodo>).

⁵⁹ См.: *Driedger A. G. J., Dürr H. H., Mitchell K. et al.* Plastic debris in the Laurentian Great Lakes: a review // *Journal of Great Lakes Research*. 2015. Vol. 41. Iss. 1. P. 16. DOI: 10.1016/j.jglr.2014.12.020

помогут снизить поступление пластика и как следствие микропластика в озеро Байкал.

IV. Управление в сфере охраны Байкальской природной территории. Байкальская природная территория расположена в пределах сразу трех субъектов Российской Федерации (Республика Бурятия, Иркутская область, Забайкальский край), а часть водосборной площади озера Байкал, как уже указывалось, приходится на территорию Монголии. Между Правительством РФ и Правительством Монголии заключено соглашение по охране и использованию трансграничных вод (г. Улан-Батор, 11.02.1995 г.)⁶⁰ (далее соглашение), которое распространяется на реку Селенга, впадающую в озеро Байкал. В соглашении содержатся общие положения об охране трансграничных вод от загрязнения, истощения (ст. 2), однако отсутствуют правила, связанные с новыми видами загрязнителей.

Совместное управление одной территорией несколькими субъектами — вопрос, несомненно, сложный, особенно применительно к сдерживанию попадания в экосистемы микропластика, быстро мигрирующего по всем компонентам природной среды. Для контроля всего процесса производства, торговли, использования, переработки и утилизации разрешенных пластиковых изделий, запрета на добавление микропластика в косметику и средства личной гигиены, установки современных фильтров на очистные сооружения, новые стиральные машины требуется не только глобальное, но и межрегиональное и межмуниципальное международное сотрудничество. В целях исключения противоречивых действий, обеспечения их скоординированности в сфере охраны Байкальской природной территории, стоит поставить вопрос о создании специального совета, который координировал бы принимаемые охранительные меры от микропластикового загрязнения и иного негативного воздействия на уровне субъектов Российской Федерации, аймаков Монголии и их муниципальных образований, расположенных в пределах всей водосборной площади озера.

Общественные отношения по охране озера Байкал характеризуются определенным сходством с общественными отношениями по охране Великих озер, поскольку в обоих случаях (1) имеются большие пресноводные экосистемы, (2) водосборная площадь находится на территории двух государств. Указанным обстоятельством объясняется выбор исследования американско-канадского опыта управления в сфере охраны подобных водных объектов в контексте борьбы с микропластиковым загрязнением.

В целях содействия защите и восстановлению Великих озер и бассейна реки Святого Лаврентия в рамках межмуниципального международного сотрудничества создана Инициатива городов Великих озер и Святого Лаврентия⁶¹ как двусторонняя коалиция мэров и других муниципальных чиновников из более 100 городов. Инициатива городов Великих озер и Святого Лаврентия определила микропластик как ключевую экологическую угрозу.

В 2014 г. Инициатива городов Великих озер и Святого Лаврентия приняла резолюцию № 03-2014М, призывающую отказаться от использования пластиковых микрогранул в потребительских товарах, в том числе в средствах личной гигиены⁶². В документе также содержится призыв к правительствам штатов, провинций и федеральному правительству принять законодательство, запрещающее использование пластиковых микрогранул в потребительских товарах. Из приведенных выше примеров введения соответствующих запретов в США и Канаде видно, что деятельность Инициативы городов Великих озер и Святого Лаврентия оказалась продуктивной.

В зарубежной литературе высказывается предложение о наделении бассейна Великих озер, включая реку Святого Лаврентия, статусом автономного субъекта права с целью его защиты, сохранения и восстановления, включая возникновение новых экологических угроз⁶³. В законодательстве Российской Федерации невозможна подобная юридическая конструкция применительно к бассейну водных объектов, однако реально создать специальный совет для координации управленческой деятельности на Байкальской природной территории, о которых говорилось выше.

На охрану озера Байкал от микропластикового загрязнения необходимо распространить имеющиеся классические эколого-правовые инструменты, направленные на предотвращение и (или) снижение негативного воздействия на окружающую среду: (1) нормы о государственном экологическом мониторинге, (2) нормы об экологическом нормировании, (3) нормы о плате за негативное воздействие на окружающую среду, (4) нормы о государственном экологическом контроле (надзоре), (5) нормы о мерах государственного регулирования. Обоснование, а также возможные трудности применения указанных норм к сдерживанию

⁶¹ См.: URL: <https://glslcities.org/>

⁶² См.: URL: <https://glslcities.org/wp-content/uploads/2015/05/Resolution-2014-3.-Microbeads-EN.pdf>

⁶³ См.: Lasserre F., Vega Cárdenas Y.E. Governance around the Great Lakes between Canada and the United States. Always in agreement? // *Frontera norte*. 2022. Vol. 34. Art. 3. P. 19. DOI: 10.33679/rfn.vli1.2188. URL: https://www.scielo.org.mx/scielo.php?pid=S0187-73722022000100103&script=sci_arttext&tlng=en

⁶⁰ См.: Бюллетень международных договоров. 2017. № 1. С. 32–35.

поступления микропластика в поверхностные водные объекты уже рассматривались в научной литературе⁶⁴, однако были учтены не все проблемные моменты. Например, не ставился вопрос о юридической судьбе крупного микропластика, собранного путем механической очистки сточных вод.

Если собранный фильтрами микропластик из сточных вод и/или стиральных машин размещать на полигонах ТКО, то там он разложится на еще большее количество еще более мелких частиц, которые с высокой долей вероятности попадут в почву, грунтовые воды, атмосферный воздух, осадки и как следствие во все звенья пищевой цепи живых организмов. Зачем тогда прилагать целенаправленные усилия по установке современных дорогих фильтров на очистные сооружения и/или на новые стиральные машины, если не решена юридическая судьба собранного этими способами специфического загрязнителя? Необходим запрет на размещение на полигонах ТКО собранного микропластика. Однако указанный запрет целесообразно вводить лишь в случаях изобретения человечеством технологии, которая позволяла бы ускоренно разлагать микропластик на отдельные встречающиеся в природе элементы.

Выводы

1. Предстоящие международные и межгосударственные решения по сокращению поступления пластикового и микропластикового загрязнения в окружающую среду окажут влияние на внутринациональное регулирование охраны природной среды, включая охрану экосистем Байкальской природной территории, от новой экологической угрозы. В перспективе появятся специальные внутринациональные, а также наднациональные правовые нормы с прямым действием на территории Российской Федерации по лимитированию соответствующего загрязнения.

2. К национальным правовым мерам охраны озера Байкал от первичного микропластика относятся: (1) существующий запрет производства пластмассовых изделий в центральной экологической зоне Байкальской природной территории; (2) целесообразный к введению в российском законодательстве запрет на производство и продажу косметики, средств личной гигиены и иной продукции, в ингредиентный состав которых добавляется микропластик, и другие меры.

3. К национальным правовым мерам охраны озера Байкал от вторичного микропластика относятся: (1) ожидаемые правовые требования, направленные на продвижение экономики замкнутого цикла для пластика (увеличение доли пластмассовых изделий, подлежащих обязательному повторному использованию в хозяйственной деятельности, повышение

нормативов утилизации пластиковых изделий, правовое стимулирование автоматизации процесса накопления пластиковых отходов с помощью фандоматов); (2) ожидаемый запрет на пластиковые изделия, которые невозможно, затруднительно или нерентабельно переработать и использовать вторично (одноразовые пластиковые пакеты, мешки, сумки, посуда, столовые приборы и т.д.), распространяющийся на центральную и буферную экологические зоны Байкальской природной территории; (3) целесообразные к введению правовые стимулы для хозяйствующих субъектов (водоканалы), которые осуществляют фильтрацию сточных вод через улавливающие микропластик специальные мембраны или иные технические решения, включая использование норм о государственно- и муниципально-частном партнерстве; (4) существующий запрет на сброс в водные объекты отходов производства и потребления, включая пластиковые отходы; (5) целесообразные к введению на муниципальном уровне запреты мусорить и курить на общественных пляжах Байкальской природной территории и другие меры.

4. Правовую охрану озера Байкал от первичного и от вторичного микропластика могут обеспечить нормы о включении особого загрязнителя в нормирование в области охраны окружающей среды, государственный экологический мониторинг, плату за негативное воздействие на окружающую среду, государственный экологический контроль (надзор), распространении мер государственного регулирования.

5. В целях исключения противоречивых действий в сфере охраны Байкальской природной территории рекомендуется создать специальный совет, который координировал бы принимаемые охранительные меры от микропластикового загрязнения и иного негативного воздействия на уровне субъектов Российской Федерации, аймаков Монголии и их муниципальных образований, расположенных в пределах всей водосборной площади озера Байкал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирицкая С.А. и др. Загрязнения вод микропластиком над литоральной зоной в южной котловине озера Байкал // Байкальский зоологический журнал. 2020. № 2 (28). С. 29–32.
2. Ильина О.В., Колобов М.Ю., Ильинский В.В. Пластиковое загрязнение прибрежных поверхностных вод среднего и южного Байкала // Водные ресурсы. 2021. Т. 48. № 1. С. 44, 45, 49. DOI: 10.31857/S0321059621010181
3. Как сохранить воду — основу жизни // ООН в России. 2021. № 1 (127). С. 12. URL: https://iite.unesco.org/wp-content/uploads/2021/04/un-in-russia_1_2021_WWW.pdf
4. Лунева Е.В. Правовая охрана поверхностных водных объектов от микропластика в России // Журнал рос.

⁶⁴ См.: Лунева Е.В. Указ. соч. С. 129 и след.

- права. 2022. Т. 26. № 2. С. 125, 129. DOI: 10.12737/jrl.2022.021
5. Battulga B., Kawahigashi M., Oyuntsetseg B. Distribution and composition of plastic debris along the river shore in the Selenga River basin in Mongolia // *Environmental Science and Pollution Research*. 2019. Vol. 26. Pp. 14059–14072. DOI: 10.1007/s11356-019-04632-1
 6. Driedger A.G.J., Dürr H.H., Mitchell K. et al. Plastic debris in the Laurentian Great Lakes: a review // *Journal of Great Lakes Research*. 2015. Vol. 41. Iss. 1. P. 16. DOI: 10.1016/j.jglr.2014.12.020
 7. Il'ina O.V., Kolobov M.Y., Il'inskii V.V. Plastic pollution of the coastal surface water in the middle and southern Baikal // *Water Resources*. 2021. Vol. 48. No. 1. Pp. 56, 60, 61. DOI: 10.1134/S0097807821010188
 8. Karnaukhov D. et al. Distribution Features of Microplastic Particles in the Bolshiye Koty Bay (Lake Baikal, Russia) in Winter // *Pollution*. 2022. Vol. 8. No. 2. P. 443. DOI: 10.22059/POLL.2021.328762.1159
 9. Karnaukhov D. et al. Pollution by macro-and microplastic of large lacustrine ecosystems in Eastern Asia // *Poll. Res*. 2020. Vol. 2. Pp. 353–355. URL: <http://www.envirobiotechjournals.com/PR/v29i220/Poll%20Res-23.pdf>
 10. Lasserre F., Vega Cárdenas Y.E. Governance around the Great Lakes between Canada and the United States. Always in agreement? // *Frontera norte*. 2022. Vol. 34. Art. 3. P. 19. DOI: 10.33679/rfn.v1i1.2188. URL: https://www.scielo.org.mx/scielo.php?pid=S0187-73722022000100103&script=sci_arttext&tlng=en
 11. Moore M.V. et al. Lake-wide assessment of microplastics in the surface waters of Lake Baikal, Siberia // *Limnology*. 2022. Vol. 23. No. 1. Pp. 265–274. DOI: 10.1007/s10201-021-00677-9
 2. Il'ina O.V., Kolobov M. Yu., Il'insky V.V. Plastic pollution of coastal surface waters of the middle and southern Baikal // *Water resources*. 2021. Vol. 48. No. 1. Pp. 44, 45, 49. DOI: 10.31857/S0321059621010181 (in Russ.).
 3. How to save the basis of life – water // UN in Russia. 2021. No. 1 (127). P. 12. URL: https://iite.unesco.org/wp-content/uploads/2021/04/un-in-russia_1_2021_WWW.pdf (in Russ.).
 4. Luneva E.V. Legal protection of surface water bodies from microplastics in Russia // *Journal of Russ. law*. 2022. Vol. 26. No. 2. Pp. 125, 129. DOI: 10.12737/jrl.2022.021 (in Russ.).
 5. Battulga B., Kawahigashi M., Oyuntsetseg B. Distribution and composition of plastic debris along the river shore in the Selenga River basin in Mongolia // *Environmental Science and Pollution Research*. 2019. Vol. 26. Pp. 14059–14072. DOI: 10.1007/s11356-019-04632-1
 6. Driedger A.G.J., Dürr H.H., Mitchell K. et al. Plastic debris in the Laurentian Great Lakes: a review // *Journal of Great Lakes Research*. 2015. Vol. 41. Iss. 1. P. 16. DOI: 10.1016/j.jglr.2014.12.020
 7. Il'ina O.V., Kolobov M.Y., Il'inskii V.V. Plastic pollution of the coastal surface water in the middle and southern Baikal // *Water Resources*. 2021. Vol. 48. No. 1. Pp. 56, 60, 61. DOI: 10.1134/S0097807821010188
 8. Karnaukhov D. et al. Distribution Features of Microplastic Particles in the Bolshiye Koty Bay (Lake Baikal, Russia) in Winter // *Pollution*. 2022. Vol. 8. No. 2. P. 443. DOI: 10.22059/POLL.2021.328762.1159
 9. Karnaukhov D. et al. Pollution by macro-and microplastic of large lacustrine ecosystems in Eastern Asia // *Poll. Res*. 2020. Vol. 2. Pp. 353–355. URL: <http://www.envirobiotechjournals.com/PR/v29i220/Poll%20Res-23.pdf>
 10. Lasserre F., Vega Cárdenas Y.E. Governance around the Great Lakes between Canada and the United States. Always in agreement? // *Frontera norte*. 2022. Vol. 34. Art. 3. P. 19. DOI: 10.33679/rfn.v1i1.2188. URL: https://www.scielo.org.mx/scielo.php?pid=S0187-73722022000100103&script=sci_arttext&tlng=en
 11. Moore M.V. et al. Lake-wide assessment of microplastics in the surface waters of Lake Baikal, Siberia // *Limnology*. 2022. Vol. 23. No. 1. Pp. 265–274. DOI: 10.1007/s10201-021-00677-9

REFERENCES

Сведения об авторе

ЛУНЕВА Елена Викторовна —
доктор юридических наук, доцент,
доцент кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса
Казанского (Приволжского) федерального
университета; 420008 г. Казань,
ул. Кремлевская, д. 18;
доцент кафедры правовой охраны
окружающей среды юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного
университета; 199106 г. Санкт-Петербург,
22-я линия В. О., д. 7
ORCID: 0000-0001-6666-5353

Authors' information

LUNEVA Elena V. —
Doctor of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Ecological, Labor and Civil Procedure Law,
Kazan (Volga Region) Federal University;
18 Kremlevskaya str., 420008 Kazan, Russia;
Associate Professor at the Legal Protection
of Environment Department of the Law Faculty,
St. Petersburg State University; 7, 22nd line V. O.,
199106 St. Petersburg, Russia

УДК 347.73

ГИБКОСТЬ, ИЗБЫТОЧНОСТЬ И ОТСУТСТВИЕ ДОКУМЕНТОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И ИНЫХ ПЛАНОВЫХ АКТОВ: ФИНАНСОВО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

© 2024 г. С. О. Шохин^{1, *}, Е. В. Кудряшова^{2, **}

¹Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

²Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск

*E-mail: doctorsos07@rambler.ru

**E-mail: ev_kudryashova@inbox.ru

Поступила в редакцию 11.05.2023 г.

Аннотация. Теоретики права задаются вопросом: каким должно быть право в условиях быстро изменяющегося мира? В контексте этого актуального направления в статье рассматривается гибкость и адаптивность финансово-плановых актов и в особенности документов стратегического планирования. Законодатель наделяет стратегические документы гибкостью за счет установленной в законодательстве возможности корректировки. В статье с точки зрения теории финансового права и науки управления проанализированы и прокомментированы положения законодательства. Рассмотрено также скользящее планирование, как прием, обеспечивающий гибкость финансового планирования, и его правовое регулирование. Экстремальными точками гибкости документов стратегического планирования авторы считают избыточность этих источников или напротив их отсутствие. Экстремум отсутствия документа стратегического планирования представляют особый интерес в связи с отсутствием в 2022 г. ежегодного послания Президента РФ, которое является ежегодным документом стратегического планирования согласно законодательству. Авторы обращают внимание на значение послания для бюджетного процесса и предлагают вернуть практику бюджетного послания Президента РФ для поддержания стабильности бюджетного процесса на будущее.

Ключевые слова: документ стратегического планирования, послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ, бюджет, бюджетный процесс, финансово-плановые акты, квалифицированное молчание, адаптивность права, гибкость права.

Цитирование: Шохин С.О., Кудряшова Е.В. Гибкость, избыточность и отсутствие документов стратегического планирования и иных плановых актов: финансово-правовая оценка // Государство и право. 2024. № 2. С. 150–161.

DOI: 10.31857/S1026945224020152

FLEXIBILITY, EXCESSIVENESS AND LACK OF STRATEGIC PLANNING DOCUMENTS AND OTHER PLANNING ACTS: FINANCIAL AND LEGAL ASSESSMENT

© 2024 S. O. Shokhin^{1, *}, E. V. Kudryashova^{2, **}

¹Moscow State Institute (University) of International Relations
of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation

²Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk

*E-mail: doctorsos07@rambler.ru;

**E-mail: ev_kudryashova@inbox.ru

Received 11.05.2023

Abstract. The theoretics of law asks a question what should the law be in the fast-changing world? In the context of this modern stream this article studies the flexibility and adaptability of financial planning acts and especially strategic planning documents. The legislator envisages strategic planning documents flexibility by means of corrections mentioned in the law. These legal provisions are commented and discussed in the article. The “sliding planning” instrument is discussed in the article as another possibility to make the plans flexible. The authors present the lack and excessiveness of strategic planning documents as the extremums of flexibility. The extremum of lack of document of strategic planning is especially relevant due to the absence of the annual President’s of Russia addressing to the Federal Assembly in 2022, which is an annual strategic planning document according to the legislation. The authors point to the importance of the President’s addressing for the budget process and propose to turn back to the practice of the President’s budgetary addressing to ensure the stability in the budgetary process.

Key words: strategic planning documents, President’s of Russia addressing to the Federal Assembly, budget, budgetary process, finance planning acts, qualified silence, adaptability of law, flexibility of law.

For citation: Shokhin, S.O., Kudryashova, E.V. (2024). Flexibility, excessiveness and lack of strategic planning documents and other planning acts: financial and legal assessment // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 150–161.

Стратегическое планирование предполагает, что любые планы, какая бы форма им ни придавалась, всегда должны обладать гибкостью и адаптивностью, что вытекает из их связи с неизвестным на момент составления плана будущим.

Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹ ввел понятие документа стратегического планирования, которым были обозначены разнообразные планы, разрабатываемые в процессе стратегического планирования в России. Документы стратегического планирования являются источниками финансового права, хотя и выделяются из числа прочих источников целым рядом существенных особенностей². Принимая во внимание растущее значение стратегического планирования в управленческой практике Российской Федерации и других государств, полагаем, что необходимо продолжить обсуждение особенностей документов стратегического планирования и их особенностей как финансово-плановых актов и источников финансового права.

Публикации о теоретических проблемах права и государственного управления в условиях турбулентности усложняющегося окружающего мира³,

о модернизации государственного управления⁴, о проблемах источников финансового права⁵, непосредственно о стратегическом планировании⁶, о политическом и юридическом значении

⁴ См.: Двинских Д.У., Талапина Э.В. Риски развития оборота данных в государственном управлении // Вопросы государственного управления. 2019. № 3. С. 7–30; Талапина Э.В. Искусственный интеллект и правовые экспертизы в государственном управлении // Вестник СПбУ. Право. 2021. Т. 12. № 4. С. 865–881; Её же. Применение блокчейна в государственном управлении: перспективы правового регулирования // Вопросы государственного управления. 2020. № 3. С. 96–113; Shashkova A., Verlaine M. Change of Tax Policy Model as a Base for Innovation Development While Transferring from the Pre-industrial to the Industrial Society. In: Kovalchuk J. (ed.) Post-Industrial Society. Cham, Switzerland, 2020; Вершило Т.А., Садовская Т.Д. Национальные проекты как институт бюджетного права в условиях развития цифровой экономики // Институты бюджетного и налогового права в условиях развития цифровой экономики. М., 2023. С. 123–138.

⁵ См.: Еремин С.Г. Акты «мягкого права» в системе источников финансового права России: концептуальная основа. М., 2023; Базаров Р.Т., Касимова Р.М. Система источников финансового права России // Вестник Университета управления «ТИСБИ». 2022. № 2. С. 50–58; Источники и формы права в современной финансово-правовой науке / Х.В. Пешкова, С.В. Мирошник, С.В. Запольский и др. М., 2023; Тарибо Е.В. Влияние конституционного правосудия на налоговую систему и возможные пути повышения его эффективности // Вестник СПбУ. Право. 2018. Т. 9. № 3. С. 343–352.

⁶ См.: Назаров В.П., Афиногенов Д.А. Стратегическое планирование в России: новый этап развития // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 32–46; Назаров В.П., Патрушев Н.П. Развитие теоретических и методологических основ стратегического планирования. М., 2022; Шевелько Д.А. Национальные проекты в системе бюджетирования, ориентированного на результат: правовой аспект // Право. Журнал ВШЭ. 2022. № 5. С. 117–138; Satarova N., Shokhin S. Legal regulation of strategic planning in public finance: monograph. Review // European Journal of Transformation Studies. 2020. Vol. 8. Iss. 2. Pp. 261–263; Леднева Ю.В. Планирование публичных финансов как условие обеспечения финансовой безопасности Российской Федерации // Финансовое право. 2018. № 11. С. 7–11; Шарандина Н.Л. Стратегическое планирование как этап бюджетного реформирования // Финансовое право. 2015. № 1.

¹ См.: Росс. газ. 2014. 3 июля.

² См.: Шохин С.О., Кудряшова Е.В. Документы стратегического планирования как источники финансового права // Государство и право. 2022. № 1. С. 158–167.

³ См.: Публичное право в условиях кризисов XXI века: российский и зарубежный опыт / К.В. Давыдов, Н.А. Бурашникова, Е.В. Ваймер и др.; науч. ред. К.В. Давыдов. М., 2023; Бочкарева Е.А., Запольский С.В., Кожушко С.В. Общетеоретические проблемы российского финансового права: обзор научных исследований // Государство и право. 2020. № 11. С. 58–71; Финансовое право в цифровую эпоху: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2021.

документов стратегического планирования во внутренних и международных отношениях⁷ приобретают все большую популярность.

Для теории стабильность или, напротив, гибкость разнообразных форм права — это сложная и актуальная проблема в условиях такой насыщенной событиями реальности. Обсуждая проблему адаптивности документов стратегического планирования, мы вносим вклад в масштабную дискуссию о праве.

В настоящем исследовании использован мультидисциплинарный подход, поскольку ряд проблем можно всесторонне рассмотреть, опираясь не только на правовую, но и на другие социальные науки.

Приступая к исследованию, нужно дать несколько пояснений о подходе к рассматриваемой проблеме.

В основном речь пойдет о документах стратегического планирования, как их обозначает Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В то же время ряд примеров касается бюджетного процесса и федеральных законов (актов) о бюджете, которые, если строго следовать законодательству, не являются документами стратегического планирования, но с точки зрения теории — все это планы и финансово-плановые акты. Документы стратегического планирования в современном понимании законодателя существуют сравнительно недавно, отсюда необходимость демонстрировать некоторые утверждения на примере финансово-плановых актов, история которых гораздо богаче. Расширение предмета за счет примеров о финансово-плановых актах оправдано также тем, что в Российской Федерации выстраивается система стратегического планирования, включающая финансовое планирование. Законодатель ставит в числе прочих задачу координации государственного и муниципального стратегического планирования и мер бюджетной политики (п/п. 1 п. 1 ст. 8 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской

Федерации»). Все документы стратегического планирования связаны с бюджетным планированием, а значит с финансово-плановыми актами.

Второе замечание о том, как авторы понимают гибкость финансово-плановых актов применительно к настоящей статье. Конструируя исследование, мы сочли, что экстремумами изменчивости и адаптивности планов являются две ситуации: отсутствие соответствующего акта и избыточность разрабатываемых планов. Избыточность имеет место тогда, когда издаются чрезмерное количество последовательно или одновременно принимаемых плановых актов. Часто чрезмерное количество сопряжено с измельчением содержания таких документов. Как будет ясно из дальнейшего изложения, все три состояния — гибкость, отсутствие и избыточность — взаимосвязаны и, в некотором смысле, могут перетекать одно в другое.

1. Гибкость документов стратегического планирования

Планирование как метод управления характеризуется адаптивностью к внешним условиям. Стратегическое планирование — наиболее сложный вариант планирования, где требуется гибкость планов. Стратегический план — это управление из будущего в настоящее, при этом будущее не рассматривается как улучшенное прошлое с предсказуемыми изменениями. Постановка целей не может ограничиваться формулами «больше, выше, быстрее» по сравнению с текущими результатами. Траекторные цели создают образ будущего, который нужно достичь перебирая, иногда на ходу, средства, подстраиваясь под внешние факторы так, чтобы неуклонно двигаться к намеченным целям — заданному образу будущего.

Стратегическое планирование сразу предполагает отклонения от запланированного, которое не только допустимо, но и желательно при изменении обстоятельств. Обоснованное отклонение от запланированного не является нарушением плана⁸. «Планирование на любые отрезки времени предполагает осуществление корректировки принятых планов с учетом хода их выполнения»⁹. Связь стратегий и планов с будущим предполагает, что, отслеживая внешние изменения, следует корректировать любой плановый документ в части показателей, средств и в иных вопросах, существенных, но второстепенных по сравнению с конечной целью — запланированным образом будущего. Изменения допустимы и желательны на всех

С. 7–14; *Ее же*. Принцип плановости в регулировании бюджетных отношений // Принципы финансового права / под ред. И.А. Цинделиани. М., 2022. С. 70–101.

⁷ См.: *Безруков А.В.* Документы стратегического планирования в зеркале конституционно-правового развития России // Российско-азиатский правовой журнал. 2022. № 4. С. 4–8; *Verlaine M., Shashkova A., Kudryashova E.* Amendments of Russian constitution concerning International Law and the BRICS // *Revista de Investigacoes Constitucionais*. 2020. Vol. 7. No. 2. Pp. 337–353; *Садовская Т.Д.* Национальные проекты: от управленческих решений до документа стратегического развития // *Финансовое право*. 2022. № 8. С. 11–16; *Вершило Т.А., Садовская Т.Д.* Документы стратегического планирования как основа цифрового бюджета // *Финансовое право в цифровую эпоху: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* М., 2021. С. 70–79.

⁸ См. подп.: *Shokhin S.O., Kudryashova E.V.* The legal framework for strategic planning in contemporary Russia. М., 2022.

⁹ *Кравцов А.К.* План и право (Правовой аспект централизованного планирования социалистического государственного производства). Воронеж, 1976. С. 102.

стадиях планирования. Если за время подготовки плана изменились внешние условия, они должны быть учтены в процессе разработки плана.

Поскольку план обычно обладает целостностью, не допускаются изменения отдельных положений без пересмотра плана в целом или без оценки таких изменений с точки зрения общей цели плана. План имеет внешние связи, которые также следует учесть при внесении изменений.

В Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» отражены многие из перечисленных теоретических выводов и заложена гибкость документов стратегического планирования. Законом предусматривается возможность корректировки. Корректировкой признается изменение документа без изменения периода, на который разработан соответствующий документ стратегического планирования (п/п. 11 ст. 3 указанного Закона). Учитывая, что ключевыми составляющими стратегического планирования являются целеполагание и горизонт отсечения (планирования), корректировке в документах стратегического планирования подлежит все, что касается целей и ряд горизонтов отсечения: по ресурсам, пространству (территориальному охвату), последствиям и рискам и т.д. Как следует из Федерального закона, не подлежит корректировке горизонт планирования по времени. Получается, что увеличить или уменьшить период, за который должны быть достигнуты цели документа стратегического планирования можно только принимая новый документ. Хотя, как будет ясно из последующего изложения, на практике определенная гибкость горизонта отсечения по времени может быть заложена. Ограничений по любым изменениям целей, пусть даже суть плана в этом случае полностью поменялась бы, законодательство не ставит.

Стратегическое планирование в представлениях управленческой науки предполагает, что для достижения целей стратегических планов допустимо принимать любые необходимые текущие решения. Поэтому в процессе работы по достижению целей, заявленных в документах стратегического планирования, возможно принятие оперативных решений без корректировок самого плана. Далее, принятые текущие решения оцениваются как обоснованные или необоснованные отклонения, которые не являются нарушением плана. Таким образом, корректировки необходимы только в том случае, если существенно меняются цели или горизонты отсечения.

Вопрос о том, нужна ли корректировка документа стратегического планирования или достаточно изменить меры по реализации плана выводит нас на проблему свободы усмотрения в сфере планирования. Полноценное внедрение стратегического планирования в управленческую практику

предполагает расширение свободы усмотрения непосредственно участников стратегического планирования и лиц, задействованных в претворении в жизнь запланированного в документах стратегического планирования. Концепция свободы усмотрения не претерпела существенных изменений при внедрении стратегического планирования. Отсюда, выбирая между корректировкой и оперативным принятием решений в ходе реализации планов, скорее выбор будет сделан в пользу проведения корректировки планов с тем, чтобы снизить личные риски для исполнителей. Рассуждения о свободе усмотрения в принятии решений уводит в сторону от непосредственного предмета статьи, поэтому здесь мы ограничимся только упоминанием о ней.

Цели стратегического планирования должны быть измеримы. Цель социально-экономического развития — состояние экономики, социальной сферы, которое определяется участниками стратегического планирования в качестве ориентира деятельности и характеризуется количественными и (или) качественными показателями (п. 13 ст. 3 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации»). Среди принципов стратегического планирования есть принцип измеряемости целей (п. 11 ст. 7 указанного Закона). Отсюда документы стратегического планирования закладывают критерии и методы оценки результатов, зачастую слишком увлекаясь в изобретении параметров. На наш взгляд, цель может быть достигнута даже в случае недостижения заданных параметров, в том случае если отклонения обоснованы. Как представляется, сам факт корректировки плана не может определять отклонения как обоснованные или необоснованные.

Качество корректировок тоже подлежит оценке. Следует заметить, что, формулируя принцип ответственности участников стратегического планирования (п. 7 ст. 7 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации»), законодатель указывает на то, что участники стратегического планирования несут ответственность и за своевременность и качество корректировки документов стратегического планирования. Очевидно, что корректировки документов не менее важны, чем разработка самих документов стратегического планирования.

Стратегии и планы принимают разные правовые формы, поэтому логично, что форма должна учитывать возможность своевременных изменений в план. Если форма прямо не предписана законодательством, то придавая документу стратегического планирования ту или иную форму: постановления исполнительного органа власти, иного нормативного или ненормативного акта — необходимо

учитывать, насколько оперативно можно вносить изменения, отражающие текущие обстоятельства.

Система стратегического планирования предполагает единство и взаимосвязь компонентов, где учитывается влияние изменений отдельных компонентов на целое. Законодатель установил принцип сбалансированности системы стратегического планирования, который предполагает согласованность и сбалансированность планов по приоритетам, целям, задачам, финансовым и иным ресурсам, срокам и т.д. (п. 5 ст. 7 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации»). Поэтому корректировки документов стратегического планирования проводятся в системе и взаимосвязи. Например, стратегия социально-экономического развития Российской Федерации разрабатывается и корректируется на основе ежегодных посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ (п. 3 ст. 16 указанного Закона). В то же время стратегия социально-экономического развития Российской Федерации является основой для формирования и корректировки перечня государственных программ Российской Федерации (п. 8 ст. 16 данного Закона).

Законодатель не допускает корректировку временного горизонта планирования. Однако и здесь возможна гибкость документов стратегического планирования за счет такого приема, который именуется «скользящим планированием». Скользящее планирование широко применяется в финансовом праве за рубежом и в России.

Чаще всего по завершении одного планового периода план сменяется новым, который принимается на такой же или другой период. Такой обычный вариант последовательности планов называют дискретным планированием. В отличие от дискретного планирования скользящее планирование имеет место в том случае, если показатели предыдущего плана частично переходят в следующий, и таким образом план периодически продляется еще до окончания планового периода¹⁰. При скользящем планировании в одном документе стратегического планирования могут содержаться одновременно ориентировочные цели наряду с конкретизированными целями, подлежащими выполнению с тем же или более коротким горизонтом отсечения. В финансовом плане, даже с приданием ему наиболее консервативной формы — формы закона, могут содержаться обязательные и ориентировочные цели (цели на перспективу). Ориентировочные цели могут быть необязательны для исполнения в рамках действия документа стратегического планирования в форме нормативного акта. С точки

зрения управления — это прогрессивный и весьма эффективный прием, но для права он представляет собой сложность.

Финансово-плановый акт или документ стратегического планирования может содержать два горизонта отсечения по времени (оба обязательны), при этом более длительный период планирования может выходить за рамки действия документа стратегического планирования. Скользящее планирование может быть реализовано в двух и более документах стратегического планирования не равнозначных по обязательности, в неравнозначных формах (например, закон о бюджете и стратегия, утвержденная подзаконным актом).

С принятием Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 198-ФЗ «О федеральном бюджете на 2008 год и на плановый период 2009 и 2010 годов»¹¹, соответственно, был избран вариант правового регулирования скользящего планирования, при котором многолетний (укрупненный) бюджет и годовой бюджет закладывается непосредственно в законе о бюджете. Вместе с тем в законе закладываются два временных горизонта отсечения: бюджетный год и год плюс плановый период (три года). Как показала практика, цели с количественными показателями на год являются обязательными, законодательно установленными, а цели на плановый период — не обязательны, но должны учитываться при исполнении бюджета на год.

Федеральным законом от 26 апреля 2007 г. № 63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации»¹² в Бюджетный кодекс РФ были внесены понятия: «очередной финансовый год» — год, следующий за текущим финансовым годом; «плановый период» — два финансовых года, следующие за очередным финансовым годом; «отчетный финансовый год» — год, предшествующий текущему финансовому году. При этом по-прежнему закон (решение) о бюджете вступает в силу с 1 января и действует по 31 декабря финансового года, если иное не предусмотрено законом (решением) о бюджете, и иное с 2007 г. не предусматривалось.

Аналогичным образом скользящее планирование во всех его вариантах может применяться в любых документах стратегического планирования, обеспечивая гибкость планов и в отношении временных рамок.

¹⁰ См.: Райзберг Б.А. Государственное управление экономическими и социальными процессами: учеб. пособие. М., 2009. С. 177, 178.

¹¹ См.: СЗ РФ. 2007. № 31, ст. 3995.

¹² См.: СЗ РФ. 2007. № 18, ст. 2117.

2. Избыточность документов стратегического планирования

Массив стратегических планов может разрастаться, создавая избыточность. Образно можно назвать эту ситуацию «вермишель» планов и документов стратегического планирования по аналогии с «законодательной вермишелью». «Законодательная вермишель» нам кажется нейтральным сравнением, как показал XX век. Это вошедшее в начале XX в. выражение, характеризующее законодательство нескольких первых Государственных дум в Российской Империи. Министры царского правительства и представители политических партий так отзывались о потоке малозначимых законов, при отсутствии значимых законодательных решений в сложной политической ситуации¹³. Опыт постсоветской России дал свой термин по поводу слишком активного законодательства с еще более негативным оттенком — «взбесившийся принтер», но с небольшой разницей: охватывается ситуация активного нормотворчества по любым вопросам, без должного внимания к содержанию. «Многие сложнейшие законопроекты принимались без должной проработки наспех. Иногда в трех чтениях — за один день. Так, парламент обрел в глазах населения репутацию «взбесившегося принтера», вываливающего на головы избирателей множественный законодательный мусор»¹⁴. В современных исследованиях обнаруживаем термин «процедурная эйфория», которым обозначено чрезмерное количество регулирующих правил для принятия административных решений¹⁵.

Помимо политических причин «вермишель» может быть следствием соревнования законодателей или субъекта стратегического управления со временем и изменениями, значение которых часто трудно оценить. Отбрасывая политические и прочие необъективные причины, «вермишель» планов можно считать одним из вариантов адаптации к ситуации. Применительно к документам стратегического планирования ситуация «вермишели» распадается на несколько аспектов. Во-первых, многочисленные документы стратегического планирования с ограниченной, стремящейся к нулю сферой действия (горизонтом отсечения по территории, ресурсам и т.д.). Во-вторых,

многочисленные документы стратегического планирования с временным горизонтом планирования, стремящемся к нулю. В-третьих, смешанные ситуации. Смешанная ситуация — это скорее всего хаос в стратегическом планировании. Относительно первого варианта следует заметить, что ситуацию не стоит оценивать однозначно негативно. При выстраивании иерархии, когда цели мелких стратегий вытекают из целей более крупных стратегий, а также при наличии обратной связи: процесс постановки целей с учетом мнения исполнителей, должной оценке и увязывании результатов и т.д.¹⁶ При отсутствии иерархии и пересечении сфер действия целей «вермишель» из документов стратегического планирования парализует стратегическое управление.

Второй вариант, когда число документов стратегического планирования растет за счет уменьшения горизонта отсечения по времени, нужно рассмотреть более подробно. Временной горизонт планирования сокращается и стремится к нулю в условиях кризисов, что является вполне адекватным ситуации и одновременно не означает отсутствие планирования как такового. Просто ставятся краткосрочные цели с их быстрой или даже одновременной реализацией.

Финансовое право знает ситуации, когда бюджет планировали не на год, а на несколько месяцев, или росчерком пера меняли бюджеты. Ситуации сокращения горизонта бюджетного планирования характерна для кризисов в государствах и не представляет большой проблемы. Бюджетный календарь всегда страдает от политических потрясений: «Чем больше усугубляется кризис, тем больше бюджетов готовит правительство... Нормы и процедуры создаются в угоду сиюминутным потребностям. Частые поправки принимаются по ходу действия»¹⁷.

Приведем несколько примеров. В 1917 г. правительство Советской России не утверждало бюджет. Первый советский бюджет был составлен на шесть месяцев — с января по июнь 1918 г. и в течение двух лет, 1918–1919, составлялись полугодовые бюджеты¹⁸.

В условиях политических потрясений начала 1990-х годов уже в Российской Федерации снова бюджетный календарь «сломался»¹⁹. Первый «республиканский» бюджет был принят в мае 1993 г.

¹³ См.: Калугин П.А. «Законодательная вермишель» судебной реформы — фракция конституционно-демократической партии в третьей Государственной думе — политика малых дел // История государства и права. 2012. № 23. С. 40–42.

¹⁴ Лукьянова Е.А., Порошин Е.Н. Парламент и выборы: парламентские портреты в интерьере избирательного законодательства // Общественные науки и современность. 2019. № 3. С. 102–111.

¹⁵ См.: Давыдов К.В. Административные процедуры: российский и зарубежный опыт. Новосибирск, 2020. С. 349, 397.

¹⁶ См.: Шохин С.О., Кудряшова Е.В. Обратная связь — острая проблема правового регулирования публичных финансов // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 4. С. 35–45.

¹⁷ Shick A. Crisis budgeting // OECD Journal on budgeting. 2009. No. 3. P. 9.

¹⁸ См.: Болтинова О.В. Бюджетное право: учеб. пособие. М., 2009.

¹⁹ Анисимов А., Крылов Г. Бюджетный процесс и бюджетный календарь // Хозяйство и право. 1995. № 10. С. 59–72.

на оставшиеся шесть месяцев. Пунктами 2 и 3 Указа Президента РФ от 7 октября 1993 г. № 1598 «О правовом регулировании в период поэтапной конституционной реформы в Российской Федерации»²⁰ Президент РФ Б.Н. Ельцин, как всегда в целях «обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод граждан», наделил себя правом регулировать вопросы республиканского бюджета Российской Федерации собственными указами. В декабре 1993 г. Указом от 21 декабря 1993 г. № 2234 «Об уточнении показателей республиканского бюджета Российской Федерации на IV квартал 1993 г.»²¹ Президент РФ поправил показатели бюджета на последний квартал года. Необходимо обратить внимание на то, что в последнем случае корректировка бюджетных показателей проводилась своеобразно — вне правовой формы, что тем не менее не влияет на возможность считать такой план с соответствующими корректировками источником финансового права.

Практика стратегического планирования Российской Федерации уже показывает примеры избыточности документов стратегического планирования. О состоянии «вермишели» из документов стратегического планирования в России в 2018 г. заявляло Министерство финансов РФ, предлагая сократить число стратегий и планов, оставляя в качестве главных указы Президента РФ о постановке стратегических целей (названными в средствах массовой информации «майскими указами») наряду с ежегодными посланиями Президента РФ²². Избыточность документов стратегического планирования отчасти связана с погоней за изменениями реальности, которая становится все более изменчивой.

3. Отсутствие документов стратегического планирования

Второй экстремум изменчивости и адаптивности планов и, в частности, документов стратегического планирования — это их отсутствие.

Прежде всего следует сказать, что финансовое право предусматривает возможность отсутствия принятого в срок бюджета на всех уровнях бюджетной системы как обыкновенную ситуацию, которую следует предусматривать в законодательствах о бюджетном процессе. Долгая история бюджетного процесса показала, что политические разногласия могут привести к тому, что основной финансовый план государства не принимается в срок довольно часто. Правовое регулирование бюджетного процесса в разных государствах, и Российская

Федерация — не исключение, предлагает алгоритмы действий в этом случае для того, чтобы финансовые потоки сохранялись какое-то время, не приводя к усугублению политической ситуации, а также потенциальные выходы из политического и правового тупика, связанного с разногласиями по бюджету.

Другим случаям отсутствия планового акта нужно давать отдельную правовую оценку. Отказ уполномоченного субъекта составлять план, в том числе документ стратегического планирования, или определять необходимые для планирования основы с теоретической точки зрения может быть пробелом²³ или квалифицированным молчанием²⁴. Проиллюстрируем это на примерах.

В начале 2000-х годов в Российской Федерации бюджетное планирование должно было осуществляться на основе минимальных государственных социальных стандартов. Так сложилось, что бюджетное законодательство уже требовало составлять бюджеты на основе стандартов, а закона о минимальных государственных социальных стандартах и самих стандартов не было. В итоге принятие такого закона вообще было признано нецелесообразным. Образовался правовой вакуум и в период неопределенности, заинтересованные субъекты предприняли попытку потребовать через суд установить минимальные государственные социальные стандарты, но попытка не имела успеха²⁵.

Пробел, образовавшийся в результате отсутствия планового акта или его методологических основ, сложно восполнить. Теоретически существует возможность требовать от субъекта, в чью компетенцию входит планирование, предоставить соответствующий плановый документ, но, например, судебная власть здесь столкнется с непреодолимым препятствием в виде принципа разделения властей. Возможны и другие препятствия. В Основах государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации, утвержденных Указом Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633²⁶, находим п. 27: «Документ стратегического планирования утверждается при наличии

²³ См.: *Тарибо Е. В.* Проверка конституционности законодательных пробелов // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Право. 2018. № 2 (33). С. 50–59.

²⁴ См.: *Панченко В. Ю., Сабиров А. М.* Квалифицированное молчание в правотворчестве и правовая культура правоприменения [1262] // Юрид. техника. 2016. № 10. С. 427–432; *Куракина С. И., Левченко А. В.* Квалифицированное молчание в конституционном правотворчестве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. С. 111–113; *Давыдов К. В.* Дискреция и ошибки законодателя // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 2. С. 57–65.

²⁵ См.: *Кудряшова Е. В.* Вопросы правового регулирования государственного планирования // Журнал рос. права. 2009. № 10 (154). С. 51–57.

²⁶ См.: СЗ РФ. 2021. № 46, ст. 7676.

²⁰ См.: САПП РФ. 1993. № 41, ст. 3919.

²¹ См.: САПП РФ. 1993. № 52, ст. 5063.

²² См.: *Бутрин Д.* Достаточно одного указа // Коммерсантъ. 2018. 29 июня.

документа (документов) стратегического планирования, на основе которого (которых) он должен разрабатываться». Такая формулировка не проясняет ситуацию, и скорее действующее российское законодательство прямо не устанавливает права требовать принятия документа стратегического планирования, но, по нашему мнению, и не исключает такой возможности.

В практике стратегического планирования разных государств обычно допускается отказ от отдельных государственных программ: «низкие показатели результатов отдельной программы могут стать причиной отказа от ее дальнейшей реализации, что может привести к сокращению бюджетных ассигнований соответствующего ведомства»²⁷. Перспективы требования на основе правовых норм принятия или продления соответствующей государственной программы, исходя из действующего законодательства, неопределенны. В данном случае речь идет о квалифицированном молчании.

Актуальный пример отсутствия документа стратегического планирования — это отсутствие в 2017 и 2022 гг. Послания Президента РФ Федеральному Собранию, которое является ежегодным. В 2017 г. этот факт не привлек внимания средств массовой информации, но в 2022 г. вопрос широко обсуждался. На заседании Государственного Совета РФ, который обрел конституционный статус согласно изменениям в Конституцию РФ 2020 г.²⁸, Президент РФ объяснил отсутствие ежегодного послания в 2022 г. большой динамикой событий, из-за которой сложно зафиксировать результаты года²⁹.

Следует обратить внимание, что Послание Президента РФ Федеральному Собранию входит в список документов, на которых основывается проект федерального бюджета (п. 2 ст. 172 БК РФ «Сведения, необходимые для составления проектов бюджетов»).

Квалифицированное молчание планирующего субъекта не предполагает требований заинтересованных субъектов принять документ стратегического планирования и объяснять причины отказа от планирования. Однако для бюджетного

планирования нежелательно квалифицированное молчание в виде отказа от принятия документа стратегического планирования, включенного в «сведения, необходимые для составления проектов бюджетов», на которых основывается составление проектов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Начиная с 1995 г. и до 1 января 2015 г. Президент РФ оглашал специальный документ — Бюджетное послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию, что рассматривалось как обязанность³⁰. Президент РФ оглашал бюджетное послание, руководствуясь ст. 170 БК РФ. Согласно Федеральному закону от 4 октября 2014 г. № 283-ФЗ³¹ ст. 170 БК РФ утратила силу, но Бюджетный кодекс РФ был дополнен действующей ст. 170¹ «Долгосрочное бюджетное планирование», где речь ведется о формировании бюджетных прогнозов. Таким образом, целеполагание применительно к бюджетной сфере в послании, заменено прогнозированием, которое только дает предположительные характеристики соответствующих бюджетов.

С 2015 г. ежегодные бюджетные послания Президента РФ не оглашались. Пресс-секретарь Президента РФ прокомментировал, что оглашение двух посланий было признано нецелесообразным, поскольку бюджетное послание пересекалось с посланием Президента РФ Федеральному собранию³². В публикациях высказывали мнение, что бюджетное послание Президента РФ — это «внеконституционное» полномочие, которое ограничивает «самостоятельность» Правительства РФ. Аналогичным образом послание Президента РФ Федеральному Собранию также оценивается как ограничение самостоятельности представительной власти³³. Возможно, такая критика обоснована с точки зрения конституционного права. С точки зрения финансового права и стратегического управления, опирающегося на целеполагание, отказ от послания Президента РФ Федеральному Собранию, встроенного в систему стратегического планирования и бюджетного планирования, не может оцениваться положительно.

Отсутствие послания Президента РФ как адаптация к динамике происходящих событий

²⁷ Богачева О. В., Лавров А. М., Ястребова О. К. Международный опыт программного бюджетирования // Финансы. 2010. № 12. С. 5; Леднева Ю. В. Ответственность за нарушения бюджетного законодательства Российской Федерации // Журнал рос. права. 2003. № 3 (75). С. 18–27.

²⁸ См.: Kudryashova E., Mirzaev R. Challenges for sustainable regional development in Russia after the constitutional reform 2020 // IOP Conference Series: Earth Environmental science. 2022. 1026:012058.

²⁹ См.: Тауров Р. Путин объяснил отказ от послания Федеральному Собранию в 2022 году // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/society/482938-putin-ob-asnil-otkaz-ot-poslania-federalnomu-sobraniu-v-2022-godu>

³⁰ См.: Современные проблемы организации публичной власти / отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2014. Хотя в бюджетной сфере чаще говорят о компетенции, где право одновременно является обязанностью (см.: Самтарова Н. А. Роль органов государственной власти в бюджетной сфере // Вестник Финансовой академии. 2005. № 3 (35). С. 21–30).

³¹ См.: СЗ РФ. 2014. № 40 (ч. II), ст. 5314.

³² См.: Магай М. Путин отменил ежегодные бюджетные послания Федеральному Собранию // РБК. 2014. 6 окт.

³³ См.: Современные проблемы организации публичной власти / отв. ред. С. А. Авакьян.

не должна отражаться на бюджетном процессе. Поэтому, как представляется, опыт 2017 и 2022 гг. свидетельствуют о необходимости вернуться к практике бюджетного послания Президента РФ, которое давало бы возможность очертить круг актуальных именно для финансового хозяйства страны целей, которые должны быть сформулированы и оглашены.

Заметим, что таким образом прослеживается взаимосвязь между тремя состояниями: изменчивость, избыточность и отсутствие. Два документа стратегического планирования (два послания) были расценены как избыточность планов, но это привело к полному отсутствию документа стратегического планирования, поскольку оказалось невозможно обеспечить его своевременные изменения и корректировки. Чтобы избежать ситуации квалифицированного молчания в связи с повышенной событийной динамикой, предлагается допустить вместо одного два документа, один из которых принимается по узкому кругу целей для финансового хозяйства страны.

* * *

Подводя итоги, подчеркнем большое значение гибкости любых планов в рамках стратегического планирования. В законодательстве о стратегическом планировании эта особенность отражена в виде понятия о корректировках документов стратегического планирования. Практически значимый вывод состоит в том, что следует вернуться к практике бюджетных посланий Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации с целью уменьшения зависимости финансов от политики и внешних факторов, а также сохранения стабильности бюджетного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анисимов А., Крылов Г.* Бюджетный процесс и бюджетный календарь // *Хозяйство и право.* 1995. № 10. С. 59–72.
2. *Базаров Р.Т., Касимова Р.М.* Система источников финансового права России // *Вестник Университета управления «ТИСБИ».* 2022. № 2. С. 50–58.
3. *Безруков А.В.* Документы стратегического планирования в зеркале конституционно-правового развития России // *Российско-азиатский правовой журнал.* 2022. № 4. С. 4–8.
4. *Богачева О.В., Лавров А.М., Ястребова О.К.* Международный опыт программного бюджетирования // *Финансы.* 2010. № 12. С. 5.
5. *Болтинова О.В.* Бюджетное право: учеб. пособие. М., 2009.
6. *Бочкарева Е.А., Запольский С.В., Кожушко С.В.* Общетеоретические проблемы российского финансового права: обзор научных исследований // *Государство и право.* 2020. № 11. С. 58–71.
7. *Бутрин Д.* Достаточно одного указа // *Коммерсантъ.* 2018. 29 июня.
8. *Вершило Т.А., Садовская Т.Д.* Документы стратегического планирования как основа цифрового бюджета // *Финансовое право в цифровую эпоху: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* М., 2021. С. 70–79.
9. *Вершило Т.А., Садовская Т.Д.* Национальные проекты как институт бюджетного права в условиях развития цифровой экономики // *Институты бюджетного и налогового права в условиях развития цифровой экономики.* М., 2023. С. 123–138.
10. *Давыдов К.В.* Административные процедуры: российский и зарубежный опыт. Новосибирск, 2020. С. 349, 397.
11. *Давыдов К.В.* Дискреция и ошибки законодателя // *Журнал административного судопроизводства.* 2017. № 2. С. 57–65.
12. *Двинских Д.У., Талапина Э.В.* Риски развития оборота данных в государственном управлении // *Вопросы государственного управления.* 2019. № 3. С. 7–30.
13. *Еремин С.Г.* Акты «мягкого права» в системе источников финансового права России: концептуальная основа. М., 2023.
14. *Источники и формы права в современной финансово-правовой науке / Х.В. Пешкова, С.В. Мирошник, С.В. Запольский и др.* М., 2023.
15. *Калугин П.А.* «Законодательная вермишель» судебной реформы – фракция конституционно-демократической партии в третьей Государственной думе – политика малых дел // *История государства и права.* 2012. № 23. С. 40–42.
16. *Кравцов А.К.* План и право (Правовой аспект централизованного планирования социалистического государственного производства). Воронеж, 1976. С. 102.
17. *Кудряшова Е.В.* Вопросы правового регулирования государственного планирования // *Журнал рос. права.* 2009. № 10 (154). С. 51–57.
18. *Куракина С.И., Левченко А.В.* Квалифицированное молчание в конституционном правотворчестве // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2020. № 3. С. 111–113.
19. *Леднева Ю.В.* Ответственность за нарушения бюджетного законодательства Российской Федерации // *Журнал рос. права.* 2003. № 3 (75). С. 18–27.
20. *Леднева Ю.В.* Планирование публичных финансов как условие обеспечения финансовой безопасности Российской Федерации // *Финансовое право.* 2018. № 11. С. 7–11.
21. *Лукьянова Е.А., Порошин Е.Н.* Парламент и выборы: парламентские портреты в интерьере избирательного законодательства // *Общественные науки и современность.* 2019. № 3. С. 102–111.
22. *Магай М.* Путин отменил ежегодные бюджетные послания Федеральному Собранию // *РБК.* 2014. 6 окт.
23. *Назаров В.П., Афиногенов Д.А.* Стратегическое планирование в России: новый этап развития // *Политические исследования.* 2022. № 4. С. 32–46.

24. Назаров В. П., Патрушев Н. П. Развитие теоретических и методологических основ стратегического планирования. М., 2022.
25. Панченко В. Ю., Сабиров А. М. Квалифицированное молчание в правотворчестве и правовая культура правоприменения [1262] // Юрид. техника. 2016. № 10. С. 427–432.
26. Публичное право в условиях кризисов XXI века: российский и зарубежный опыт / К. В. Давыдов, Н. А. Бурашникова, Е. В. Ваймер и др.; науч. ред. К. В. Давыдов. М., 2023.
27. Райзберг Б. А. Государственное управление экономическими и социальными процессами: учеб. пособие. М., 2009. С. 177, 178.
28. Садовская Т. Д. Национальные проекты: от управленческих решений до документа стратегического развития // Финансовое право. 2022. № 8. С. 11–16.
29. Саттарова Н. А. Роль органов государственной власти в бюджетной сфере // Вестник Финансовой академии. 2005. № 3 (35). С. 21–30.
30. Современные проблемы организации публичной власти / отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2014.
31. Таиров Р. Путин объяснил отказ от послания Федеральному Собранию в 2022 году // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/society/482938-putin-ob-asnil-otkaz-ot-poslania-federal-nomu-sobraniu-v-2022-godu>
32. Талапина Э. В. Искусственный интеллект и правовые экспертизы в государственном управлении // Вестник СПбУ. Право. 2021. Т. 12. № 4. С. 865–881.
33. Талапина Э. В. Применение блокчейна в государственном управлении: перспективы правового регулирования // Вопросы государственного управления. 2020. № 3. С. 96–113.
34. Тарибо Е. В. Влияние конституционного правосудия на налоговую систему и возможные пути повышения его эффективности // Вестник СПбУ. Право. 2018. Т. 9. № 3. С. 343–352.
35. Тарибо Е. В. Проверка конституционности законодательных пробелов // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Право. 2018. № 2 (33). С. 50–59.
36. Финансовое право в цифровую эпоху: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2021.
37. Шарандина Н. Л. Принцип плановости в регулировании бюджетных отношений // Принципы финансового права / под ред. И. А. Цинделлани. М., 2022. С. 70–101.
38. Шарандина Н. Л. Стратегическое планирование как этап бюджетного реформирования // Финансовое право. 2015. № 1. С. 7–14.
39. Шевелько Д. А. Национальные проекты в системе бюджетирования, ориентированного на результат: правовой аспект // Право. Журнал ВШЭ. 2022. № 5. С. 117–138.
40. Шохин С. О., Кудряшова Е. В. Документы стратегического планирования как источники финансового права // Государство и право. 2022. № 1. С. 158–167.
41. Шохин С. О., Кудряшова Е. В. Обратная связь — острая проблема правового регулирования публичных финансов // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 4. С. 35–45.
42. Kudryashova E., Mirzaev R. (2022) Challenges for sustainable regional development in Russia after the constitutional reform 2020. IOP Conference Series: Earth Environmental science. 1026: 012058.
43. Sattarova N., Shokhin S. Legal regulation of strategic planning in public finance: monograph. Review // European Journal of Transformation Studies. 2020. Vol. 8. Iss. 2. Pp. 261–263.
44. Shashkova A., Verlaine M. Change of Tax Policy Model as a Base for Innovation Development While Transferring from the Pre-industrial to the Industrial Society. In: Kovalchuk J. (ed.) Post-Industrial Society. Cham, Switzerland, 2020.
45. Shick A. Crisis budgeting // OECD Journal on budgeting. 2009. No. 3. P. 9.
46. Shokhin S. O., Kudryashova E. V. The legal framework for strategic planning in contemporary Russia. M., 2022.
47. Verlaine M., Shashkova A., Kudryashova E. Amendments of Russian constitution concerning international law and the BRICS // Revista de Investigações Constitucionais. 2020. Vol. 7. No. 2. Pp. 337–353.

REFERENCES

1. Anisimov A., Krylov G. Budget process and budget calendar // Economy and law. 1995. No. 10. Pp. 59–72 (in Russ.).
2. Bazarov R. T., Kasimova R. M. The system of sources of Financial Law of Russia // Herald of the University of Management “TISBI”. 2022. No. 2. Pp. 50–58 (in Russ.).
3. Bezrukov A. V. Documents of strategic planning in the mirror of constitutional and legal development of Russia // Russian-Asian Law Journal. 2022. No. 4. Pp. 4–8 (in Russ.).
4. Bogacheva O. V., Lavrov A. M., Yastrebova O. K. International experience of program budgeting // Finance. 2010. No. 12. P. 5 (in Russ.).
5. Boltinova O. V. Budget Law: textbook. M., 2009 (in Russ.).
6. Bochkareva E. A., Zapolsky S. V., Kozhushko S. V. General theoretical problems of Russian Financial Law: a review of scientific research // State and Law. 2020. No. 11. Pp. 58–71 (in Russ.).
7. Butrin D. One decree is enough // Kommersant. 2018. June 29 (in Russ.).
8. Vershilo T. A., Sadovskaya T. D. Documents of strategic planning as the basis of the digital budget // Financial Law in the digital age: materials of the International Scientific and Practical Conference M., 2021. Pp. 70–79 (in Russ.).
9. Vershilo T. A., Sadovskaya T. D. National projects as an institution of Budget Law in the context of the development of the digital economy // Institutes of budget and tax law in the context of the development of the digital economy. M., 2023. Pp. 123–138 (in Russ.).
10. Davydov K. V. Administrative procedures: Russian and foreign experience. Novosibirsk, 2020. Pp. 349, 397 (in Russ.).
11. Davydov K. V. Discretion and mistakes of a legislator // Journal of Administrative Proceedings. 2017. No. 2. Pp. 57–65 (in Russ.).

12. *Dvinskikh D. U., Talapina E. V.* Risks of developing data turnover in public administration // Public administration issues. 2019. No. 3. Pp. 7–30 (in Russ.).
13. *Eremín S. G.* Acts of “soft law” in the system of sources of Financial Law in Russia: a conceptual framework. M., 2023 (in Russ.).
14. Sources and forms of law in modern financial and legal science / H. V. Peshkova, S. V. Miroshnik, S. V. Zapolsky et al. M., 2023 (in Russ.).
15. *Kalugin P. A.* “Legislative vermicelli” of judicial reform – the faction of the Constitutional Democratic Party in the third State Duma – the politics of small affairs // History of the state and law. 2012. No. 23. Pp. 40–42 (in Russ.).
16. *Kravtsov A. K.* Plan and law (The legal aspect of centralized planning of socialist state production). Voronezh, 1976. P. 102 (in Russ.).
17. *Kudryashova E. V.* Issues of legal regulation of state planning // Journal of Russ. law. 2009. No. 10 (154). Pp. 51–57 (in Russ.).
18. *Kurakina S. I., Levchenko A. V.* Qualified silence in constitutional lawmaking // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. No. 3. Pp. 111–113 (in Russ.).
19. *Ledneva Yu. V.* Responsibility for violations of the budget legislation of the Russian Federation // Journal of Russ. law. 2003. No. 3 (75). Pp. 18–27 (in Russ.).
20. *Ledneva Yu. V.* Planning of public finances as a condition for ensuring financial security of the Russian Federation // Financial Law. 2018. No. 11. Pp. 7–11 (in Russ.).
21. *Lukyanova E. A., Poroshin E. N.* Parliament and elections: parliamentary portraits in the interior of electoral legislation // Social Sciences and modernity. 2019. No. 3. Pp. 102–111 (in Russ.).
22. *Magay M.* Putin canceled the annual budget messages to the Federal Assembly // RBK. 2014. Oct. 6 (in Russ.).
23. *Nazarov V. P., Afinogenov D. A.* Strategic planning in Russia: a new stage of development // Polis. Political research. 2022. No. 4. Pp. 32–46 (in Russ.).
24. *Nazarov V. P., Patrushev N. P.* Development of theoretical and methodological foundations of strategic planning. M., 2022 (in Russ.).
25. *Panchenko V. Yu., Sabirov A. M.* Qualified silence in lawmaking and the legal culture of law enforcement [1262] // Legal technique. 2016. No. 10. Pp. 427–432 (in Russ.).
26. Public law in the context of crises of the XXI century: Russian and foreign experience / K. V. Davydov, N. A. Burashnikova, E. V. Vaymer et al.; scientific ed. K. V. Davydov. M., 2023 (in Russ.).
27. *Raisberg B. A.* State management of economic and social processes: textbook. M., 2009. Pp. 177, 178 (in Russ.).
28. *Sadovskaya T. D.* National projects: from management decisions to the document of strategic development // Financial Law. 2022. No. 8. Pp. 11–16 (in Russ.).
29. *Sattarova N. A.* The role of public authorities in the budgetary sphere // Herald of the Financial Academy. 2005. No. 3 (35). Pp. 21–30 (in Russ.).
30. Modern problems of the organization of public power / res. ed. S. A. Avakyan. M., 2014 (in Russ.).
31. *Tairov R.* Putin explained the rejection of the address to the Federal Assembly in 2022 // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/society/482938-putin-ob-asnil-otkaz-ot-poslania-federal-nomu-sobranui-v-2022-godu> (in Russ.).
32. *Talapina E. V.* Artificial intelligence and legal expertise in public administration // Herald of the SPbU. Law. 2021. Vol. 12. No. 4. Pp. 865–881 (in Russ.).
33. *Talapina E. V.* The use of blockchain in public administration: prospects for legal regulation // Public administration issues. 2020. No. 3. Pp. 96–113 (in Russ.).
34. *Taribo E. V.* The influence of constitutional justice on the tax system and possible ways to increase its effectiveness // Herald of the SPbU. Law. 2018. Vol. 9. No. 3. Pp. 343–352 (in Russ.).
35. *Taribo E. V.* Checking the constitutionality of legislative gaps // Herald of the Voronezh State University. Ser.: Law. 2018. No. 2 (33). Pp. 50–59 (in Russ.).
36. Financial Law in the digital age: materials of the International Scientific and Practical Conference M., 2021 (in Russ.).
37. *Sharandina N. L.* The principle of planning in the regulation of budgetary relations // Principles of Financial Law / ed. by I. A. Tsindeliiani. M., 2022. Pp. 70–101 (in Russ.).
38. *Sharandina N. L.* Strategic planning as a stage of budget reform // Financial Law. 2015. No. 1. Pp. 7–14 (in Russ.).
39. *Shevelko D. A.* National projects in the result-oriented budgeting system: the legal aspect // Law. HSE Journal. 2022. No. 5. Pp. 117–138 (in Russ.).
40. *Shokhin S. O., Kudryashova E. V.* Documents of strategic planning as sources of Financial Law // State and Law. 2022. No. 1. Pp. 158–167 (in Russ.).
41. *Shokhin S. O., Kudryashova E. V.* Feedback – an acute problem of legal regulation of public finance // Law enforcement. 2020. Vol. 4. No. 4. Pp. 35–45 (in Russ.).
42. *Kudryashova E., Mirzaev R.* (2022) Challenges for sustainable regional development in Russia after the constitutional reform 2020. IOP Conference Series: Earth Environmental science. 1026: 012058.
43. *Sattarova N., Shokhin S.* Legal regulation of strategic planning in public finance: monograph. Review // European Journal of Transformation Studies. 2020. Vol. 8. Iss. 2. Pp. 261–263.
44. *Shashkova A., Verlaine M.* Change of Tax Policy Model as a Base for Innovation Development While Transferring from the Pre-industrial to the Industrial Society. In: *Kovalchuk J. (ed.)* Post-Industrial Society. Cham, Switzerland, 2020.
45. *Shick A.* Crisis budgeting // OECD Journal on budgeting. 2009. No. 3. P. 9.
46. *Shokhin S. O., Kudryashova E. V.* The legal framework for strategic planning in contemporary Russia. M., 2022.
47. *Verlaine M., Shashkova A., Kudryashova E.* Amendments of Russian constitution concerning international law and the BRICS // Revista de Investigacoes Constitucionais. 2020. Vol. 7. No. 2. Pp. 337–353.

Сведения об авторах

ШОХИН Сергей Олегович —
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
профессор Московского государственного
института международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации; 119454 г. Москва,
проспект Вернадского, д. 76
ORCID: 0000-0002-2777-3615

КУДРЯШОВА Екатерина Валерьевна —
доктор юридических наук,
Сибирский университет потребительской
кооперации; 630087 г. Новосибирск,
пр-т Карла Маркса, д. 26
ORCID: 0000-0002-7029-5794

Authors' information

SHOKHIN Sergey O. —
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor of Moscow State Institute (University)
of International Relations of Ministry of Foreign
Affairs of Russian Federation;
76 Vernadskogo Ave., 119454 Moscow, Russia

KUDRYASHOVA Ekaterina V. —
Doctor of Law,
Siberian University of Consumer Cooperation;
26 Karl Marks Ave., 630087 Novosibirsk, Russia

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВА ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМ НА АККАУНТ

© 2024 г. Е. И. Дискин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

E-mail: ediskin@hse.ru

Поступила в редакцию 08.02.2023 г.

Аннотация. Автор поднимает вопрос формирования в практике национального антимонопольного регулятора вопросов защиты прав пользователей интернет-платформ в аспекте противоправных блокировок и цензурных ограничений, противоречащих основополагающим конституционным принципам и гарантиям в области свободы сбора, получения и распространения информации, а также права на свободу слова в демократическом обществе. Автор, анализируя решение Федеральной антимонопольной службы, другие нормативные акты, констатирует, что соответствующая судебная и административная практика не получила обобщения и логического развития в виде изменений и дополнений в законодательные акты. При этом автор делает вывод, что соответствующие права пользователей продолжают массово нарушаться, несмотря на наложение крупных штрафов как российскими судами, так и иными государственными органами. Это, по мнению автора, свидетельствует о недостаточности существующих мер защиты и компенсации нарушенных прав.

Ключевые слова: информационное право, судебная практика, аккаунт, интернет-платформы, правовое регулирование.

Цитирование: Дискин Е. И. Проблема защиты права пользователя интернет-платформ на аккаунт // Государство и право. 2024. № 1. С. 162–168.

Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

DOI: 10.31857/S1026945224020167

THE PROBLEM OF PROTECTING THE RIGHT OF A USER OF INTERNET PLATFORMS TO AN ACCOUNT

© 2024 E. I. Diskin

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow

E-mail: ediskin@hse.ru

Received 08.02.2023

Abstract. The author raises the issue of the formation in the practice of the national regulator of the protection of the rights of users of Internet platforms in terms of illegal blocking and censorship restrictions, contrary to the fundamental principles and guarantees of freedom of collection, receiving and disseminating information and the right to freedom of expression in a democratic society. The author, analyzing the decision of the Federal Antimonopoly Service and other normative acts, states that the relevant judicial and administrative practice has not been generalized and logically developed in the form of amendments and additions to legislative acts. At the same time, the author concludes that the relevant user rights continue to be massively violated despite the imposition of large fines by both Russian courts and other State authorities. In the author’s view there is insufficient protection of user’s rights and redress.

Key words: Information Law, court practice, account, Internet platforms, legal regulation.

For citation: Diskin, E.I. (2024). The problem of protecting the right of a user of Internet platforms to an account // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 162–168.

The paper was prepared during the research within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE).

Введение

Проблема обеспечения прав пользователей интернет-платформ в аспекте обеспечения права на аккаунт (учетную запись) является одной из наиболее острых, в том числе ввиду того, что соответствующие права не получили законодательного закрепления. Судебная и административная практика по данному вопросу носит весьма ограниченный характер. Тем не менее для пользователей, особенно экономически активных, указанная проблема критична ввиду того, что доступность интернет-платформ и размеры их аудитории позволяют создавать популярные блоги с охватом в миллионы подписчиков. Соответствующие блоги для их владельцев зачастую становятся единственным источником дохода, способом самовыражения и реализации их права на свободу слова. Неправомерная блокировка учетных записей (аккаунтов) нарушает социальные связи, формирующиеся внутри интернет-платформ, приводит к искажению политического ландшафта, лишает авторов заработка и мотивации к творчеству, чем наносит им моральный вред, снижает творческий и культурный потенциал отечественных авторов в эпоху, когда большая часть литературных, живописных, музыкальных и кинематографических произведений создается в цифровых средах, распространяется и популяризируется с помощью интернет-платформ. В этом смысле каждый пример судебной и административной практики играет значительную роль в защите прав пользователей. В частности, решение Федеральной антимонопольной службы от 24 февраля 2022 г. № ПИ/14439/22 по делу № 11/01/10-12/2021¹ в совокупности с правовыми позициями арбитражных судов, принятыми в процессе его обжалования, заслуживает изучения и анализа для выявления ключевых проблем в области защиты прав пользователей интернет-платформ и формулирования соответствующих предложений в данной области.

Решение Федеральной антимонопольной службы по делу № 11/01/10-12/2021

ФАС России в ноябре 2020 г. были инициированы исследование рынка сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения, передачи, просмотра видеоконтента в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (рынок сервисов видеохостинга), а также анализ практик блокировок (удаления) учетных записей

(аккаунтов) пользователей аудиовизуальных сервисов. Обращает внимание тот факт, что в решении ФАС России не используется терминология, предусмотренная Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»² (далее – Федеральный закон об информации), в частности термин «аудиовизуальный сервис». Здесь следует отметить, что понятийный аппарат, используемый в указанном Законе, не используется в других законодательных актах, что приводит к существенному сужению его применения. Полагаем, что законодателю следует обратить внимание на данное обстоятельство.

В ходе исследования рынка сервисов видеохостинга, проведенного ФАС России в рамках антимонопольного расследования, осуществлялось изучение положений Условий использования YouTube и Условий использования сервисов Google на предмет нарушения прав пользователей в части необоснованных блокировок аккаунтов (учетных записей) аудиовизуального сервиса YouTube. ФАС России пришла к выводу, что соответствующие нормы, установленные для пользователей YouTube, дают возможность без наличия у Google LLC соответствующих правовых или иных оснований осуществлять по своему усмотрению блокировку (удаление) аккаунтов и контента любых пользователей аудиовизуального сервиса, в том числе пользователей, использующих YouTube для осуществления предпринимательской деятельности.

В ходе исследования рынка видеохостинга были выявлены следующие обстоятельства, дополнительно свидетельствующие о нарушении прав неограниченного круга пользователей интернет-платформ.

Положения условий использования YouTube позволяют Google LLC произвольно и без предупреждения блокировать (удалять) любой аккаунт и контент на сервисе YouTube, при этом основания для таких действий описаны в общих формулировках, не позволяющих пользователям однозначно понять причины, по которым была осуществлена блокировка их аккаунтов без предупреждения (уведомления), а также допускающих возможность неограниченного усмотрения при осуществлении таких действий со стороны Google LLC.

¹ В официальных источниках опубликовано не было.

² См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3448.

У владельцев заблокированных аккаунтов YouTube отсутствует возможность получить доступ к загруженному ими в аудиовизуальный сервис контенту. Отметим, что ФАС России подчеркивает тот факт, что пользователи в случае блокировки без предварительного предупреждения не имеют возможности экспортировать (переместить) их контент на новые аккаунты YouTube и (или) на внешние ресурсы (другие интернет-платформы, облачные или локальные хранилища, где данный контент может храниться независимо от решений Google LLC относительно дальнейшей судьбы аккаунта). Отдельно регулятор подчеркивает то, что создатели контента, осуществляющие с помощью YouTube предпринимательскую деятельность, несут соответствующие убытки из-за возможного уничтожения их материалов.

Считаем важным подчеркнуть, что соответствующий вывод сделан в практике российского антимонопольного регулятора впервые. Отдельно отметим, что данный вопрос стал предметом рассмотрения еще до 24 февраля 2022 г. (антимонопольное расследование было инициировано более чем за год до этой даты. — *Е.Д.*), что свидетельствует о том, что дискриминационные практики в отношении российских пользователей интернет-платформ были широко распространены до существенного обострения отношений между Россией и США.

Совокупность описанных фактов позволила ФАС России прийти к выводу о наличии признаков нарушения ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Федеральный закон о защите конкуренции)³, в результате чего был издан приказ ФАС России от 19 апреля 2021 г. № 363/21⁴ о возбуждении дела № 11/01/10-12/2021 и создании Комиссии по рассмотрению дела о нарушении антимонопольного законодательства. К рассмотрению дела в качестве заявителя, чьи права были нарушены, была привлечена Региональная общественная организация «Центр Интернет-технологий» (далее — РОЦИТ), в качестве ответчика — Google LLC.

В своей позиции по делу ответчик отрицал нарушение антимонопольного законодательства, в частности указывая, что Условия использования Google содержат исчерпывающий перечень оснований для блокировки (удаления) аккаунтов и контента пользователей. Ответчик также отрицал факт удаления учетных записей пользователей без предварительного предупреждения, ссылаясь на описанную в Условиях процедуру предварительного уведомления и апелляции.

³ См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3434.

⁴ В официальных источниках не публиковался.

В свою очередь, ФАС России отвергла данные доводы, сделав важный для закрепления прав пользователей всех интернет-платформ вывод относительно формулировок Условий использования Google. Условия использования YouTube и Условия использования Google содержат произвольные формулировки, которые позволяют Google LLC практически безосновательно осуществлять блокировку (удаление) аккаунтов и контента любых пользователей сервиса.

Комиссия ФАС России пришла к следующим выводам по вопросу формулировок Условий использования Google и Условий использования YouTube.

1. Произвольные формулировки упомянутых Условий не содержат примеров их применения и трактовок, а также не ведут на соответствующие разделы сайтов Google и YouTube, в которых были бы приведены примеры применения указанных формулировок. Условия использования YouTube и Условия использования Google содержат положения о том, что в определенных случаях и при определенных обстоятельствах Google LLC может не направлять пользователю уведомления (предупреждения) о предпринятых к его аккаунту (или загруженному им контенту) мерах в связи с нарушением соответствующих правил (положений) Сервиса, что признано Комиссией ФАС России необоснованным и ущемляющим права пользователей.

2. Правила подачи апелляций на решения, установленные упомянутыми Условиями, не соответствуют требованиям справедливости и правовой определенности. В частности, в ходе расследования было установлено, что в Условиях использования Google и Условиях использования YouTube не указаны порядок, сроки проведения апелляции, а также сроки для направления ответа.

Основные проблемы обжалования решений крупных интернет-платформ

Соответствующее замечание ФАС России справедливо не только по отношению к Google LLC, но и к другим иностранным интернет-платформам. Например, в Пользовательском соглашении социальной сети Twitter содержатся аналогичные положения, позволяющие произвольно удалять контент пользователей или их учетные записи. В частности, Положения разд. 3 Пользовательского соглашения гласят: «Мы оставляем за собой право удалить Контент, нарушающий Пользовательское соглашение, включая, например, нарушения авторских прав, прав на товарные знаки либо присвоение прав на иные объекты интеллектуальной собственности, выдачу себя за других лиц, противоправное

поведение или домогательства»⁵. Дополнительно отметим, что термины «апелляция» или «обжалование» в тексте отсутствуют. Правила использования Twitter в целом имеют сложную структуру. В частности, помимо Пользовательского соглашения пользователи Twitter должны руководствоваться Правилами и политиками — огромным документом с большим числом подразделов, в том числе таргетированным в отношении определенных государств (например, Франции или Индии). Примечательно, что в Правилах и политиках есть отдельный раздел, посвященный «уклонению от бана»⁶, т.е. преодолению последствий блокировки путем регистрации новой учетной записи. В частности, в разделе «Политика уклонения от бана» указывается, что «Твиттер оставляет за собой право навсегда приостановить действие и других учетных записей, которые, по нашему мнению, используются тем же самым владельцем в нарушение предыдущей приостановки, независимо от того, когда эти учетные записи были созданы». Отметим, что процесс, правила апелляции на действия администрации Twitter в этом разделе также не описаны, хотя и упомянуты в заголовке подраздела «Меры воздействия и возможность апелляции». Обращает на себя внимание то, что при переходе по соответствующей ссылке на данный подраздел отсутствуют сведения о порядке апелляции как таковой⁷. Такой подход позволяет Twitter полностью контролировать этот процесс и манипулировать им по своему усмотрению.

Аудиовизуальный сервис Twitch, основной аудиторией которого являются любители компьютерных игр, имеет описание процесса апелляции на решения о модерации или блокировке аккаунта, тем не менее это скорее техническое описание процесса обжалования с подсказками относительно механизма заполнения необходимых форм. Если исходить из критериев, описанных в решении ФАС России, то необходимой правовой определенности процесс обжалования не содержит — отсутствуют сроки и правила рассмотрения жалоб⁸. Помимо этого порядок обжалования не содержит примеров применения и соответствующих трактовок

правил, которые были бы понятны пользователям платформ.

Примечательно, что Facebook⁹ и Instagram¹⁰ пришли к иному подходу. В частности, еще в 2018 г. Марк Цукерберг (основатель компании Facebook¹¹, позднее сменившей название на Meta¹²) анонсировал создание независимого надзорного органа¹³. Фактически «Независимый надзорный совет» (далее — Надзорный совет) — некоммерческая организация (в форме траста), формально независимая от компании Meta¹⁴, — наделен полномочиями по рассмотрению жалоб пользователей ее интернет-платформ на решения по модерации контента. Он начал свою работу лишь в октябре 2020 г. По сути, речь идет о специальной квазисудебной структуре, построенной по модели постоянного третейского суда, обязательность решений которой признают все стороны. Необходимо отметить, что появление данной структуры было вызвано многочисленной критикой в адрес Meta¹⁵ в отношении политики модерации контента. Это косвенно признал и сам Марк Цукерберг, который еще в 2018 г. заявил, что «компания не должна принимать столько решений в отношении вопросов свободы слова самостоятельно»¹⁶. Он также признался, что в компании допускают ошибки там, где для правильного решения об удалении контента нужно понимание нюансов и контекста, например, в случаях, когда удаляется изображение обнаженного тела, может не учитываться исторический или культурный контекст, когда это изображение является признанным произведением искусства или фотографией, имеющей большое культурное и историческое значение¹⁷.

Следует отметить, что Надзорный совет, несмотря на достаточно подробно изложенные правила его деятельности¹⁸ (они сравнимы по объему с текстом

⁹ Продукт компании Meta, признанной экстремистской в Российской Федерации.

¹⁰ Продукт компании Meta, признанной экстремистской в Российской Федерации.

¹¹ Продукт компании Meta, признанной экстремистской в Российской Федерации.

¹² Признана экстремистской в Российской Федерации.

¹³ См.: *Zuckerberg M.* A Blueprint for Content Governance and Enforcement (доступ может быть ограничен для пользователей, находящихся в Российской Федерации). URL: https://www.facebook.com/notes/751449002072082/?hc_location=ufi (дата обращения: 08.01.2023).

¹⁴ Признана экстремистской в Российской Федерации.

¹⁵ Признана экстремистской в Российской Федерации.

¹⁶ *Zuckerberg M.* Op. cit.

¹⁷ См.: *ibid.*

¹⁸ См.: Устав Независимого надзорного совета. Версия № 6 (доступ может быть ограничен для пользователей,

⁵ Условия предоставления сервисов Twitter (вступили в силу 10.06.2022). URL: <https://twitter.com/ru/tos> (дата обращения: 08.01.2023).

⁶ Правила и политика Twitter. Политика уклонения от бана. URL: <https://help.twitter.com/ru/rules-and-policies/ban-evasion> (дата обращения: 08.01.2023).

⁷ См.: Правила и политика Twitter, раздел «Наш подход к разработке политик и контролю за их исполнением». URL: <https://help.twitter.com/ru/rules-and-policies/enforcement-philosophy> (дата обращения: 08.01.2023).

⁸ См.: About Account Enforcements and Chat Bans. URL: https://help.twitch.tv/s/article/about-account-suspensions-dmca-suspensions-and-chat-bans?language=en_US#AppealingEnforcement (дата обращения: 08.01.2023).

кодифицированного законодательного акта), имеет достаточно ограниченные полномочия и влияние на интернет-платформы Meta¹⁹. В частности, в декабре 2020 г. Надзорный совет принял к рассмотрению лишь шесть обращений из поступивших в его адрес 20 тыс. (начал работу 22 октября 2020 г.), а на их рассмотрение выделил три месяца²⁰. Согласно ежегодному отчету, опубликованному в июне 2022 г., с октября 2020 г. по декабрь 2021 г. Надзорный совет получил 1 152 181 жалобу на необоснованные действия администрации Facebook²¹ (что само по себе иллюстрирует масштаб проблемы апелляции на действия интернет-платформ. — *Е.Д.*), однако из этого числа было рассмотрено лишь 130 апелляций на действия Meta²². Таким образом, лишь одна из каждых 8862 жалоб рассматривается Надзорным советом. Это, безусловно, ставит под вопрос доступность такого метода разрешения споров между пользователями и интернет-платформами. Оценивая деятельность Надзорного совета, необходимо обратить внимание и на ту политику, которую он проводит в ходе разрешения споров. В частности, в решении Надзорного совета по делу «О стихотворении на русском языке» прослеживаются признаки оправдания откровенно экстремистских высказываний, разжигающих ненависть по национальному признаку. Надзорный совет обязал Facebook²³ восстановить доступ к публикации с изображением убитого человека, которая содержала заявления, дискредитирующие Вооруженные Силы РФ, призывы к насилию в отношении неограниченного круга лиц, связанных с Россией. В качестве обоснования такой позиции был выдвинут тезис о том, что «компания [Facebook]»²⁴ объяснила, что Нормы сообщества в отношении насилия и подстрекательства допускают поддержку насилия в отношении людей, входящих в число опасных лиц и организаций, например, нацистов»²⁵. Отметим, что данный пример — не единственный в практике Надзорного совета. В частности, в деле «Лозунг протеста в Иране» был сделан

вывод о том, что публикация с требованием смерти верховного лидера Ирана аятоллы Хаменеи на фарси была неправильно интерпретирована и, следовательно, не должна запрещаться к показу или ограничиваться²⁶, так как якобы модераторы руководствовались «неправильным» переводом данной фразы²⁷. Тем не менее сами члены Надзорного совета признают, что «призыв *may bag* буквально переводится как пожелание смерти кому-либо», и тем не менее считают, что данные публикации не должны блокироваться, поскольку «удаление указанной публикации противоречит Нормам сообщества Meta²⁸, ценностям компании и ее обязанностям по защите прав человека»²⁹.

Отметим, что Надзорный совет в своих решениях не придает значения действию применимого местного законодательства в случае с призывами как к насилию в отношении пользователей из России, так и к убийству верховного лидера Ирана, несмотря на то что в обоих случаях есть признаки уголовно наказуемых деяний. Исходя из того, что он выстраивает политику, полностью совпадающую с действующей в США политической повесткой, сложно не усомниться в тезисе о «независимости» действий Надзорного совета. В данном случае скорее следует сделать вывод о том, что создание такого органа призвано легитимировать политику Meta³⁰ в области модерации своих платформ, придать ей беспристрастный и позитивный облик. Однако на самом деле он не может считаться подлинно нейтральным органом, который бы способствовал защите прав пользователей.

Обжалование решения ФАС России

Комиссия ФАС России по рассмотрению дела о нарушении антимонопольного законодательства № 11/01/10-12/2021 признала действия Google LLC нарушающими положения ч. 1 ст. 10 Федерального закона о защите конкуренции, в связи с чем было выдано предписание о нарушении антимонопольного законодательства от 24 февраля 2022 г. № ПИ/14440/22 по делу № 11/01/10-12/2021³¹ (далее — Предписание). Указанное Предписание обязывает Google LLC внести изменения в Условия

находящихся в Российской Федерации). URL: https://about.fb.com/wp-content/uploads/2020/01/Bylaws_v6.pdf (дата обращения: 08.01.2023).

¹⁹ Признана экстремистской в Российской Федерации.

²⁰ См.: *Billy Perrigo*. Facebook's Oversight Board Is Reviewing Its First Cases. Critics Say It Won't Solve the Platform's Biggest Problems. URL: <https://time.com/5918499/facebook-oversight-board-cases/> (дата обращения: 08.01.2023).

²¹ Продукт компании Meta, признанной экстремистской в Российской Федерации.

²² Признана экстремистской в Российской Федерации.

²³ Продукт компании Meta, признанной экстремистской в Российской Федерации.

²⁴ Продукт компании Meta, признанной экстремистской в Российской Федерации.

²⁵ См.: Решение Надзорного совета по делу FB-MBGOTVN8. Ноябрь 2022 г. URL: <https://www.oversightboard.com/decision/FB-MBGOTVN8> (дата обращения: 08.01.2023).

²⁶ Речь идет об искусственных ограничениях показов поста с помощью наложения на изображение предупреждающих сообщений о возможном неприемлемом контенте.

²⁷ См.: Решение Надзорного совета по делу FB-ZT6AJS4X. URL: <https://oversightboard.com/decision/FB-ZT6AJS4X/> (дата обращения: 08.01.2023).

²⁸ Признана экстремистской в Российской Федерации.

²⁹ См.: Решение Надзорного совета по делу FB-ZT6AJS4X. URL: <https://oversightboard.com/decision/FB-ZT6AJS4X/> (дата обращения: 08.01.2023).

³⁰ Признана экстремистской в Российской Федерации.

³¹ См.: URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i-informatsionnyh-tehnologiy/41fc98ee-fdc5-46bd-b4c8-11adac1ab4f5/> (дата обращения: 08.01.2023).

использования YouTube, а также Условия использования Google путем составления перечня оснований для блокировок аккаунтов, доступных для ознакомления широкому кругу пользователей и не допускающих возможность неограниченного усмотрения, в соответствии с которыми Google LLC и лица, входящие с ним в одну группу лиц, вправе блокировать аккаунты или контент, загруженный пользователями YouTube. Данное предписание выполнено не было, в связи с чем в отношении Google LLC было вынесено постановление от 25 июля 2022 г. № 11/04/14.31-5/2022 (далее — Постановление) о наложении административного штрафа по делу об административном правонарушении, предусмотренного ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ.

В свою очередь, Google LLC не согласилась с вынесенными в ее адрес Решением, Предписанием и Постановлением, обжаловав их в Арбитражном суде г. Москвы. Суд объединил рассмотрение указанных жалоб в одно производство, решение по которым принял 24 ноября 2022 г. с изготовлением полного текста 12 декабря 2022 г.³²

В своем решении Арбитражный суд г. Москвы озвучил ряд правовых позиций и данных, заслуживающих внимания. Во-первых, следует указать, что суд отказал Google LLC в удовлетворении жалоб на акты ФАС России, вынесенные по результатам антимонопольного расследования, тем самым признав правильность выводов регулятора относительно деятельности YouTube на российском рынке. В частности, Арбитражный суд г. Москвы признал правильным анализ состояния конкуренции на рынке сервисов видеохостинга, в ходе которого было установлено доминирующее положение Google LLC на данном рынке с долей более 60%. Здесь важное значение имеет то, что суд согласился с ФАС России относительно природы деятельности сервисов видеохостинга и их отличий от социальных сетей, несмотря на то что и в тех и в других есть функционал для просмотра видеоконтента. В частности, Арбитражный суд г. Москвы указал на то обстоятельство, что социальный функционал (пользовательское общение, комментарии к видеоконтенту и др.), функционал, связанный с активностями пользователей (лайки, оценки, денежная поддержка понравившегося видео и т.д.), а также возможности по размещению (просмотру) контента разного формата (горизонтальный, вертикальный) являются дополнительным (необязательным) функционалом для сервисов видеохостинга и нацелены на расширение их аудитории, увеличение объемов потребления контента, повышение потребительских качеств сервиса. Суд подчеркнул, что основной функцией сервисов видеохостинга является предоставление совокупности услуг по сбору, хранению,

обработке, распространению, передаче, просмотру видеоконтента.

Основываясь на данных выводах, Арбитражный суд г. Москвы признал ошибочным заявление Google LLC о том, что ФАС России неверно определила границы продуктовых рынков и тем самым неверно указала на доминирующее положение сервиса YouTube на российском рынке видеохостинга. В частности, материалы ФАС России, представленные в судебном заседании, свидетельствуют о том, что видеохостинг YouTube занимал более 60% соответствующего рынка в 2020 г.

Арбитражный суд г. Москвы подтвердил вывод ФАС России о том, что Положения условий использования YouTube позволяют произвольно и без предупреждения блокировать (удалять) любой аккаунт и контент на сервисе, а также непрозрачность порядка обжалования действий администрации видеохостинга. В ходе рассмотрения жалобы было установлено, что Google LLC не выполнила требования, содержащиеся в предписании ФАС России в части изменения Условия использования YouTube и Условия использования Google для исключения неоднозначности их толкования и включения в их текст подробного описания порядка обжалования решений администрации видеохостинга в части удаления контента или аккаунтов пользователей.

Помимо описанных обстоятельств представляет интерес озвученный в ходе рассмотрения дела объем выручки видеохостинга YouTube в России в 2020 г. По расчетам ФАС России, он составляет 303 357 158,48 долл. Такая значительная сумма свидетельствует не только о том, какой значительный коммерческий интерес представляет российский рынок для иностранных аудиовизуальных сервисов и социальных сетей, но и о том, что ими пользуется большое число граждан, а следовательно, в их руках находятся значительные рычаги влияния на национальную медиасферу. Было бы ошибочно сужать данный вопрос исключительно до объема рынка рекламы или объема потребленного трафика: Google LLC принадлежит весомый инструмент воздействия на российское общество — на то, что видят пользователи, на то, какую социальную, общественную, политическую позицию они занимают, так как на них влияет то, какое видео им предлагают алгоритмы YouTube.

Выводы

Антимонопольное расследование в отношении Google LLC зафиксировало злоупотребление сервисом YouTube своим доминирующим положением на рынке видеохостинга в части применения правил модерации контента и аккаунтов пользователей. Эти правила носят дискриминационный характер. Выявив данное нарушение, ФАС России вынесло в отношении Google LLC предписание об устранении нарушений, которое компания выполнять отказалась,

³² См.: Решение от 12.12.2022 по делу № А40-91928/22-144-617 // В официальных источниках опубликовано не было.

ввиду чего на нее был наложен оборотный штраф в размере более 2 млрд руб. Арбитражный суд г. Москвы признал выводы ФАС России верными, в жалобе на решение последней отказал. На этом история данного дела формально заканчивается. Однако вопрос защиты прав пользователей этим не исчерпывается. Он намного шире вопроса о правах пользователей YouTube. YouTube попал в поле зрения ФАС России ввиду того, что данный аудиовизуальный сервис занимает доминирующее положение на рынке видеохостинга. Однако со схожими по своей сути проблемами сталкиваются пользователи и других иностранных интернет-платформ, популярных в России. К числу таких интернет-платформ можно отнести социальные сети Twitter, Facebook³³, Instagram³⁴, аудиовизуальные сервисы TikTok и Twitch и другие, менее популярные в нашей стране платформы, например Reddit. Анализ показывает, что описанные в решении ФАС России в деле № 11/01/10-12/2021 критерии справедливости и правовой определенности, которые должны соблюдаться в правилах обжалования решений указанных платформ относительно публикуемого пользователями контента или блокировки аккаунтов пользователей, не соблюдаются. При этом следует отметить, что в настоящее время складывается тенденция к созданию постоянных третейских органов по разрешению споров между пользователями и платформами, однако первые результаты их деятельности не позволяют сделать вывод об успешности данной инициативы. В частности, подобный третейский орган Instagram³⁵ и Facebook³⁶ рассматривает лишь одну из более чем 8 тыс. жалоб пользователей. При этом результаты рассмотрения жалоб в отношении вопросов, касающихся Российской Федерации или Ирана, позволяют с высокой степенью уверенности сформулировать вывод о предвзятости этого органа.

Сведения об авторе

ДИСКИН Евгений Иосифович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории цифровой трансформации в государственном управлении ИГМУ НИУ ВШЭ; 109028 г. Москва, Покровский бульвар, д. 11
ORCID: 0000-0001-9259-9820

На примере дела ФАС России против Google LLC видно, что нужны новые подходы к реализации вопроса о защите прав интернет-пользователей. Во-первых, соответствующие права и обязанности интернет-платформ не закреплены в Федеральном законе об информации, что затрудняет защиту интернет-пользователей и создает неопределенность в вопросе о том, какое ведомство должно играть в этом ключевую роль — ФАС России или Роскомнадзор? Очевидно, что ФАС России рассматривает дела о злоупотреблении доминирующим положением и не может предметно реагировать на нарушения, если они не носят системный характер. В отношении субъектов, которые не могут быть признаны доминирующими на соответствующем рынке, ее полномочия ограничены. К сожалению, ни одно из упомянутых ведомств не выдвинуло своих инициатив по регулированию данных правоотношений, хотя масштаб проблемы продолжает расти.

Полагаем уместным предложить закрепление требований относительно порядка обжалования решений интернет-платформ, принятых в ходе модерации, в Федеральном законе об информации, который содержит основной массив норм, регулирующих соответствующие правоотношения. Это позволит сформировать стандарты для отечественных интернет-платформ в данном вопросе, создаст необходимый информационный фон для принятия соответствующих решений другими государствами. При этом следует обратить внимание на необходимость синхронизации соответствующей повестки прежде всего с государствами СНГ, БРИКС и ЕАЭС. Это позволит всем государствам-участникам повысить значимость национального регулирования, которое интернет-платформы предпочитают игнорировать.

Authors' information

DISKIN Evgenii I. — PhD in Law, Leading Research Fellow of the International Laboratory for Digital Transformation in Public Administration (HSE); 11 Pokrovsky Boulevard, 109028 Moscow, Russia

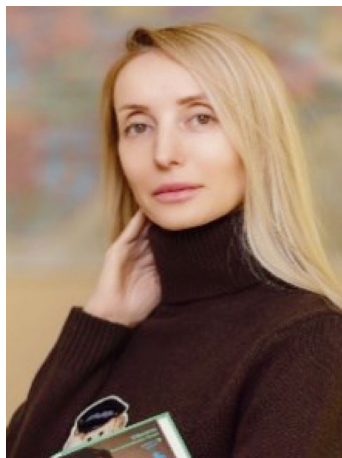
³³ Продукт компании Meta, признанной экстремистской в Российской Федерации.

³⁴ Продукт компании Meta, признанной экстремистской в Российской Федерации.

³⁵ Продукт компании Meta, признанной экстремистской в Российской Федерации.

³⁶ Продукт компании Meta, признанной экстремистской в Российской Федерации.

УДК 347.635.1

ОСОБЕННОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ДЕЛИКТОСПОСОБНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ОТНОШЕНИЯХ РАЗНООТРАСЛЕВОГО ВИДА

© 2024 г. Н. В. Лето́ва

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: letovanv@mail.ru

Поступила в редакцию 10.03.2023 г.

Аннотация. В статье автором рассмотрены особенности одного из элементов правосубъектности несовершеннолетних, их деликтоспособности, определена ее специфика в отношениях разноотраслевого вида (гражданские, семейные, процессуальные, трудовые, уголовные) с их участием. Автором обозначены отраслевые особенности деликтоспособности несовершеннолетнего, обусловленные существенным влиянием его индивидуальных критериев, физической и социальной зрелостью, принадлежностью к специальному субъекту ответственности и содержанием отраслевых норм, определяющих основание и условия его ответственности. Автором доказано, что на современном этапе развития законодательства Российской Федерации нормы, определяющие ответственность несовершеннолетних, требуют упорядоченности и системных изменений, в частности, теоретической и практической потребности в выделении т.н. специальных деликтов. В статье аргументирован вывод о потребности учитывать в деликтных обязательствах ответственность не только несовершеннолетних и его законных представителей в случаях отсутствия с их стороны надлежащего исполнения прав и обязанностей по отношению к несовершеннолетнему, но и учитывать современные тенденции развития законодательства, позволяющие рассматривать вопрос об ответной ответственности законных представителей перед несовершеннолетними.

Ключевые слова: несовершеннолетние, законные представители, государство, правосубъектность, правоспособность, дееспособность, деликтоспособность, деликтные обязательства, вред, вина, возраст, ответственность, права ребенка, защита, приоритетная защита прав ребенка, разноотраслевые отношения.

Цитирование: Лето́ва Н. В. Особенности и пределы деликтоспособности несовершеннолетних в отношениях разноотраслевого вида // Государство и право. 2024. № 2. С. 169–177.

DOI: 10.31857/S1026945224020176

FEATURES AND LIMITS OF DELINQUENCY OF MINORS IN RELATIONS OF A DIVERSIFIED TYPE

© 2024 N. V. Letova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: letovanv@mail.ru

Received 10.03.2023

Abstract. In the article, the author examines the features of one of the elements of the legal personality of minors, their delictability, and determines its specificity in relations of a diverse type (civil, family, procedural, labor, criminal) with their participation. The author identifies the sectoral features of his delictability, due to the essential influence of his individual criteria, physical and social maturity, belonging to a special subject of responsibility and the content of industry norms defining the basis and conditions of his responsibility. The author proves that at the present stage of development of the legislation of the Russian Federation, the norms defining the responsibility of minors require regularity and systemic changes, in particular the theoretical and practical need for the allocation of so-called special torts. The article argues the conclusion about the need to take into account in tort obligations the responsibility not only of minors and their legal representatives in cases of their lack of proper performance of rights and obligations towards a minor, but also to take into account current trends in the development of legislation that allow considering the issue of reciprocal responsibility of legal representatives to minors.

Key words: minors, legal representatives, the state, legal personality, legal capacity, legal capacity, delictability, tort obligations, harm, guilt, age, responsibility, child rights, protection, priority protection of child rights, diversified relations.

For citation: *Letova, N.V. (2024). Features and limits of delinquency of minors in relations of a diversified type // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 169–177.*

Системное развитие законодательства позволяет признать, что несовершеннолетние стали активными участниками самых разных общественных отношений (гражданских, семейных, процессуальных, трудовых), что потребовало изменения их правового положения и решения сугубо теоретических проблем, связанных с определением сущности их правосубъектности, выявления особенностей ее структурных элементов, возникающих в процессе реализации разноотраслевых норм с их участием.

Традиционно правосубъектность несовершеннолетнего выражается в его правоспособности, дееспособности и деликтоспособности, практическая конкретизация содержания которых наглядно проявляется в процессе реализации норм разного вида с его участием. В самом общем представлении специфика несовершеннолетних обусловлена фактом их принадлежности к особой категории субъектов права, относимость к которой определена сущностным влиянием таких критериев, как возраст, физическое, интеллектуальное развитие, социальная зрелость, определяющие особенности их правового положения и возможности участия в разных отношениях. Данные критерии определяют специфику правосубъектности несовершеннолетних, отдельные элементы которой «несут

на себе» их воздействие, функциональное назначение которых наглядно проявляется при определении особенностей их деликтоспособности.

Сложности, связанные с правоприменением норм, направленных на регулирование отношений с участием несовершеннолетних, нередко возникают в связи с острой потребностью определения точных границ и условий применения к ним норм об ответственности, которые, в свою очередь, требуют упорядоченности на практике, что позволит точнее выявить специфику деликтоспособности несовершеннолетних¹.

Проблемы определения деликтоспособности несовершеннолетних не утрачивают актуальности, поскольку требуют концептуально новых решений, направленных на соблюдение баланса публичных и частных интересов, определяющих взаимосвязь потребностей государства и личности на практике,

¹ См.: Рузанова В.Д., Рузанова Е.В. Причинение родителями (лицами, их заменяющими) вреда здоровью их детей как самостоятельный деликт // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2022. № 4. С. 36–39; Тарасова А.Е. Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях. М., 2008. С. 274, 275; Илларионова Т.И. Структурные особенности некоторых деликтных обязательств. Екатеринбург, 2005. С. 17; и др.

что позволит создать реальные механизмы их взаимной ответственности по отношению друг к другу.

Известно, что деликтоспособность представляет собой способность лица самостоятельно нести ответственность за свои действия или бездействие, в результате совершения или несовершения которых был причинен вред. Деликтоспособность, являясь одним из элементов правосубъектности несовершеннолетнего, напрямую взаимосвязана с другим ее элементом — дееспособностью². Практически это означает, что возможность участия несовершеннолетнего в отношениях в качестве полноценного субъекта зависит от уровня его физической, интеллектуальной, социальной зрелости, которая позволяет определить виды действий, поступков, которые он имеет право совершать по закону и, самое главное, осознавать порождаемые ими последствия. Важно, что «степень осознанности» своего поведения в полной мере распространяется на ситуации, когда действия несовершеннолетнего квалифицируются как противоправные, не отвечающие требованиям закона, и, как следствие, свидетельствуют о возможности наступления для него ответственности.

Принимая во внимание особенности правового положения несовершеннолетнего, дееспособность которого ограничена законом и зависит от его принадлежности к той или иной возрастной группе (малолетние, несовершеннолетние), это необходимо учитывать и в процессе реализации разноотраслевых норм с их участием (гражданские, семейные, трудовые³, процессуальные, административные⁴, уголовные).

² Исторически нормы российского законодательства предусматривали положения об ответственности несовершеннолетних. Так, Свод законов Российской империи предусматривал гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный преступлением или проступком малолетних (ст. 653, 654), общая гражданская дееспособность в полном объеме возникала только с 17 лет (см.: *Корнев И. В.* Историческое развитие российского законодательства о возмещении вреда, причиненного несовершеннолетними // Журнал рос. права. 2006. № 1).

³ Так, в сфере трудового права вопрос ответственности актуален в отношении творческих работников-детей, минимальный возраст осуществления которыми трудовой деятельности не установлен. Особого внимания требуют вопросы об условиях участия в трудовой деятельности лиц в возрасте от 14 лет, совмещающих работу с обучением (ч. 3 ст. 63 ТК РФ), заключение трудового договора со спортсменом, не достигшим возраста 14 лет (ст. 348⁸ ТК РФ) и др. (см.: *Забрамная Е. Ю.* Актуальные вопросы правового регулирования труда несовершеннолетних работников // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 40–43).

⁴ В последнее время с завидным постоянством появляются предложения о понижении минимального возрастного порога субъекта юридической ответственности. Так, одним из проектов предлагалось привлечение к ответственности с 14-летнего возраста в «исключительных случаях» (см.: URL: <http://old.duma.gov.ru/systems/law/?name=+®istration-period=82200049®istration-start>).

Полагаем, что своеобразие деликтоспособности несовершеннолетнего проявляется с учетом отраслевого влияния норм с его участием на ее содержание. Например, гражданская деликтоспособность отличается от семейной или уголовной, а такой видовой критерий, как возраст несовершеннолетнего, может рассматриваться как межотраслевой, сущностное влияние которого проявляется в процессе реализации разноотраслевых норм, определяющих специфику его деликтоспособности. В этой связи, несмотря на то что термин «деликтоспособность» является единым применительно ко всем субъектам права, в отношении несовершеннолетних его можно признать специальным, поскольку особенность субъекта, «деликвента», привлекаемого к ответственности, наглядно проявляется в том числе и в специфике его противоправного поведения, наименование и сущность которого определяется отраслевыми нормами (гражданско-правовой деликт, семейная ответственность, административное правонарушение, преступление).

Теоретические и практические сложности, связанные с определением сущности деликтоспособности несовершеннолетнего обусловлены, с одной стороны, законодательным признанием за ним частичной, неполной дееспособности, а значит, формальными ограничениями его деликтоспособности и объективной невозможности применения к нему мер ответственности наравне с полностью дееспособными субъектами. С другой — государство не может занимать индифферентное положение по отношению к случаям противоправного поведения несовершеннолетних, оставив вне пределов правового регулирования вопросы их ответственности перед гражданами и обществом. В этом смысле перед законодателем стоит непростая задача одновременно учесть специфику самого субъекта, его возраст и, как следствие, отсутствие у него полноценной физической, интеллектуальной, социальной зрелости, которая, соответственно, не может быть сопоставима с совершеннолетним, и не допустить ситуаций, связанных с исключением его ответственности только по формальным основаниям⁵. Так, практике известны случаи причинения несовершеннолетними не только вреда в рамках гражданских отношений, но и совершения ими преступлений, жестоких по своей сути и тяжких по последствиям, когда принадлежность таких «малолетних преступников» к определенной

⁵ В сфере уголовного права, когда речь идет об ответственности несовершеннолетних за совершенные ими преступления по общему правилу она наступает с 16 лет, хотя согласно ст. 20 УК РФ существуют преступления, ответственность за которые наступает в 14 лет (против личности, собственности и т.п.) (см.: *Андрюхин Н. Г.* Проблемные аспекты реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних // Уголовное право. 2017. № 4. С. 9).

возрастной группе, недостижение ими определенного возраста, не позволяет на практике привлечь их к уголовной ответственности. Вместе с тем известны и другие случаи, когда взрослые умышленно вовлекают несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), в совершение антиобщественных действий (ст. 151-1 УК РФ), заставляют их совершать преступления, пользуясь тем, что несовершеннолетний избежит ответственности в силу своего возраста. Очевидно, что законодатель должен учитывать особенности правового положения лица, совершившего преступление, равно как и права, интересы лиц, которые пострадали в результате действий несовершеннолетнего, допуская в целях защиты их прав «отступление» от формальных оснований в исключительных случаях.

Особенность деликтоспособности несовершеннолетних в современных условиях предполагает оценку не только отраслевых их прав, но и точно-сти определения объема и пределов ответственности за совершаемые ими правонарушения, с одновременной конкретизацией и дифференциацией условий и оснований их ответственности. Так, например, в сфере гражданских отношений, нормы Гражданского кодекса РФ, направленные на определение ответственности несовершеннолетних, реализуются через «призму» их правосубъектности, определяемой в зависимости от возраста (ст. 26, 28, 1073, 1074) и именуемой в литературе как «дефекты правосубъектности». На наш взгляд, в таких случаях точнее говорить о *нормативных ограничениях*, что указывает на неполную деликтоспособность по аналогии с неполной дееспособностью несовершеннолетнего, взаимосвязь и взаимообусловленность которых неопровержима и доказывает практическую потребность в выделении специальной или отраслевой деликтоспособности наряду с общей по аналогии со специальной правосубъектностью несовершеннолетнего в содержании его правового статуса.

Существующие ограничения деликтоспособности отраслевого вида являются дополнительным аргументом в пользу данного вывода, поскольку в одних отношениях несовершеннолетний может быть полностью деликтоспособен, в других — частично, но при этом он может быть одного и того же возраста и относиться к одной возрастной группе (например, права несовершеннолетних родителей, предусмотренные ст. 62 СК РФ, совпадают с отдельными правами совершеннолетних родителей, в частности права по воспитанию, защите прав и интересов ребенка (ст. 63, 64 СК РФ), при этом ст. 26 ГК РФ содержит достаточно широкий перечень сделок с участием лиц такого же возраста). Нормы Гражданского кодекса РФ и Семейного кодекса РФ также предусматривают субсидиарную ответственность во внедоговорных обязательствах, возникающих в силу закона (например,

ст. 45 СК РФ, ст. 1074 ГК РФ), определяют условия ее наступления, а именно при недостаточности либо отсутствии средств у основного должника для погашения долга и, как правило, связана с виной должников (например, родителей и их несовершеннолетних детей — ст. 1074 ГК РФ).

Определение сущности деликтоспособности несовершеннолетнего в гражданских отношениях связано с деликтными обязательствами (от *лат. delictum* — правонарушение), обязательствами, возникающими вследствие причинения вреда, нередко отождествляемыми с деликтной ответственностью. Такие обязательства свидетельствуют о причинении вреда личности или имуществу гражданина, в результате совершенного им противоправного поведения и наличия причинной связи между действиями (бездействием) причинителя вреда и наступившими неблагоприятными последствиями. Такое поведение, как правило, является виновным, совершается в форме умысла, грубой или простой неосторожности. В случае причинения вреда несовершеннолетними оценка деликтного обязательства и условий наступления ответственности имеет свои особенности.

Своеобразие деликтов, возникающих в сфере гражданских отношений, зависит не столько от действий самого несовершеннолетнего, сколько обусловлено деятельностью (действием или бездействием) его законных представителей (родителей, опекунов, попечителей), например, когда в результате их недобросовестных действий или бездействия ребенок причинил вред. Конечно, вред причиняет сам несовершеннолетний, но предпосылкой совершения им деликта является поведение его законных представителей, в зависимости от того, насколько добросовестно они исполняли свои права и обязанности по отношению к нему. В этом смысле указанные признаки, характерные для деликтных обязательств, применяются в отношении несовершеннолетнего весьма условно, поскольку фактически причинение им вреда во многом зависит от поведения его законных представителей. В случае, если законные представители действовали умышленно, т.е. не совершали тех действий, которые они были обязаны совершать по закону (проявлять заботу о ребенке, воспитывать его, содержать — ст. 63, 64, 80 СК РФ и др.), тогда ставить вопрос о виновном поведении несовершеннолетнего представляется весьма спорным, поскольку можно говорить лишь о присутствии косвенной причинно-следственной связи между его действиями и наступившими вредоносными последствиями.

Кроме того, на практике имеет место весьма нетипичная ситуация, когда вред причинен несовершеннолетним, но отвечают его законные представители за его ненадлежащее воспитание,

фактически отвечая не только за его действия, но и за несовершение тех действий, которые они обязаны были совершить в силу требований закона (ст. 65 СК РФ). Можно признать, что в качестве «ответственного субъекта» в деликтных обязательствах выступает не только несовершеннолетний, но и его законные представители (родители (усыновители), опекуны (попечители), приемные родители, патронатные воспитатели), т.е. все те лица, на попечении которых на момент причинения вреда находился несовершеннолетний.

Иными словами, можно признать, что на стороне причинителя вреда есть как минимум два субъекта (несовершеннолетний и его законный представитель), которые, по сути, выступают в деликтных обязательствах одновременно, при этом один из них восполняет недостающую дееспособность и как следствие, деликтоспособность другого в соответствующих обязательствах. В данном случае практически мы имеем дело с определенным условным «замещением» надлежащего субъекта ответственности, когда фактически законные представители, восполняя недостающий объем дееспособности и деликтоспособности, становятся ответственными лицами за причинение вреда, которое было осуществлено действиями самого несовершеннолетнего. Применение общего правила о том, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред, в данном случае имеет изъятия, когда обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда, в частности на родителей несовершеннолетнего (п. 1 ст. 1064, п. 1 ст. 1073, п. 2 ст. 1074 ГК РФ). Более того, даже в случаях когда причинителя вреда и его законного представителя не связывает юридическое основание, например, его родители лишены родительских прав, они могут быть привлечены к обязанности по возмещению вреда, причиненного несовершеннолетним, в течение трех лет после лишения их родительских прав, если поведение ребенка, повлекшее причинение вреда, явилось следствием ненадлежащего осуществления ими родительских обязанностей (ст. 1075 ГК РФ, п/п. «г» п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1)⁶.

Как отмечалось, в деликтных обязательствах наглядно проявляется влияние такого индивидуального критерия причинителя вреда, как его возраст, учитываемый законодателем в отраслевых нормах.

⁶ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень ВС РФ. 2010. № 3.

Так, за вред, причиненный несовершеннолетним в возрасте до 14 лет (малолетним), отвечают его родители (усыновители) или опекуны, если с их стороны имело место безответственное отношение к его воспитанию и неосуществление должного надзора за ним, отсутствие к нему внимания и др. (п. 1 ст. 1073 ГК РФ; п/п. «а» п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1).

Кроме того, обязанность по возмещению вреда, причиненного малолетним (в том числе и самому себе), несут организации или лица, под контролем которых малолетний временно находился. К таким организациям относятся образовательные, медицинские, осуществляющие надлежащий надзор за малолетним в течение всего периода его нахождения в соответствующей организации, в том числе и на закрепленной за ней территории⁷. В этой связи принципиально важно, что законодатель устанавливает четкие условия, при наличии которых законные представители освобождаются от ответственности, а именно если они докажут, что вред причинен не по их вине (п. 1, 3 ст. 1073 ГК РФ).

По общему правилу, ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет, подлежит возмещению в полном объеме на общих основаниях самим несовершеннолетним (п. 1 ст. 1074 ГК РФ). Обязанность по возмещению вреда может быть субсидиарно возложена на его родителей (усыновителей), попечителей полностью или частично, если они не докажут, что вред возник не по их вине, — в случае отсутствия у такого несовершеннолетнего дохода или имущества, достаточного для возмещения вреда (п. 2 ст. 1074 ГК РФ; п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1). Так, вред подлежит возмещению родителями (усыновителями), попечителями, если с их стороны имело место безответственное отношение к воспитанию несовершеннолетнего и неосуществление должного надзора за ним.

Вместе с тем необходимо учитывать и иной возможный обратный «разворот» на практике, когда сам несовершеннолетний может злоупотреблять своим специальным правовым положением в ущерб интересам законных представителей, причиняя вред умышленно, осознавая, что ответственность за его действия будет возложена на его законных представителей, как лиц, допустивших

⁷ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019), утв. Президиумом Суда РФ 27.11.2019; Апелляционное определение Московского городского суда от 28.08.2015 № 33-31054/2015; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31.01.2022 № 47-КГПР21-16-К6 // В официальных источниках опубликованы не были.

упущения и просчеты в его воспитании⁸. Представляется, что пока такая проблема исследована недостаточно с точки зрения обеспечения защиты интересов добросовестных законных представителей несовершеннолетнего, не окажутся ли, например, родители, которые надлежащим образом исполняли свои права и обязанности по отношению к несовершеннолетнему, в более уязвимом положении в ситуации, когда несовершеннолетний систематически причиняет вред, заведомо злоупотребляя своими правами в ущерб интересам законных представителей. Иными словами, не допускает ли законодатель в соответствующих нормах некоего «дисбаланса» в смысле возложения ответственности только на законных представителей несовершеннолетнего, что не оспаривается в целом, но не возникает ли в таких случаях нивелирования ответственности самого причинителя вреда.

В этой связи представляется, что нормы Гражданского кодекса РФ, определяющие условия и порядок ответственности несовершеннолетних, должны применяться на практике синхронно с нормами, формирующими институт родительских правоотношений, в том числе учитывая практику применения аналогичных норм в сфере международного права. Так, в отношении возмещения вреда, причиненного несовершеннолетним, на мой взгляд, целесообразно учитывать и принимать во внимание само основание, т.е. юридический факт, который связывает причинителя вреда со статусом лица, на воспитании или попечении которого он находится в момент совершения деликта (например, такое поведение родителей может стать причиной в дальнейшем для лишения родителей родительских прав (ст. 69 СК РФ), отмены усыновления (ст. 141 СК РФ), отстранения от исполнения обязанностей опекунов (попечителей), приемных родителей и др.

Такой подход позволил бы на практике точнее дифференцировать деликты, причиненные несовершеннолетним и деликты в отношении несовершеннолетних, причиненные их законными представителями. Кроме того, акцентирование внимания на отношениях, связывающих причинителя вреда и его законных представителей, позволит выявить не только их отраслевую принадлежность, но и вычленить специфику ответственности несовершеннолетнего. В этом смысле весьма привлекательной выглядит идея, предложенная отдельными авторами о выделении в качестве специального деликта в гл. 59 ГК РФ отдельной статьи,

предусматривающей причинение вреда здоровью ребенка его законными представителями⁹.

Очевидно, что присутствие такого специально деликта в нормах гражданского права позволит выделить «особенного» субъекта ответственности, конкретизировать основания и условия деликтной ответственности несовершеннолетнего, обеспечить комплексность применения норм, направленных на обеспечение приоритетной защиты его прав.

Полагаем, что проблемы определения оснований и пределов деликтоспособности несовершеннолетних относятся к неоднозначным вопросам для теории и практики, поскольку в основном ответственность «сфокусирована» и направлена на его законных представителей. Не добавляет определенности и случаи причинения вреда малолетними, которые и вовсе не несут ответственности за свои действия (п. 3 ст. 28, 1073 ГК РФ), несмотря на то что такой ребенок может причинить вред другому лицу, например повредить чужое имущество, причинить вред здоровью другого лица, а значит, перспективы реформирования законодательства и таких норм вполне реальны. Так же, как нельзя не учитывать формирующиеся тенденции о возможном признании за детьми права привлекать своих родителей к деликтной ответственности, например, за причиненный вред здоровью, в частности, за отсутствие или недостаточность эмоциональной заботы, внимания. Очевидно, что законодательное закрепление такой обратной, т.н. «зеркальной» ответственности родителей по отношению к ребенку потребует синхронного применения и уточнения норм процессуального права¹⁰.

Наглядное проявление взаимодействия и взаимного влияния норм материального и процессуального вида — нормы, направленные на правовое регулирование причинения вреда несовершеннолетнему родителями в результате несовершенства ими

⁹ См.: Рузанова В.Д., Рузанова Е.В. Гражданско-правовые и семейно-правовые механизмы защиты имущественных прав детей // *Власть Закона*. 2018. № 3. С. 69–77; Беспалов Ю.Ф. Некоторые проблемы осуществления, охраны и защиты прав ребенка в Российской Федерации // *Права ребенка в РФ: законодательство, правоприменительная деятельность, российская наука: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. С. 17; Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г. Дети — жертвы семейного насилия: ответственность за «родительские» преступления // *Росс. юстиция*. 2020. № 12. С. 47–51; и др.

¹⁰ Так, если при рассмотрении дела о лишении родительских прав суд обнаружит в действиях лиц признаки преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетнего, он сообщает об этом в органы дознания или предварительного следствия (см.: п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав»).

⁸ См.: Летова Н.В. Новые направления практики, направленные на реализацию прав ребенка в случае лишения, ограничения родительских прав или в случае немедленного отобрания ребенка // *Права ребенка в РФ: законодательство, правоприменительная деятельность, российская наука: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М., 2018. С. 112.

действий, которые они обязаны совершать по закону, в результате злоупотребления своими правами, вследствие чего ребенку был причинен вред (например, это и случаи семейного психологического насилия, повлекшего повреждение его ментального здоровья, морального состояния и др.). Как правило, такие действия или бездействие со стороны законных представителей несовершеннолетнего влекут за собой применение не только семейно-правовой ответственности в виде лишения родительских прав, отмены усыновления или отстранения опекуна от исполнения своих обязанностей, но и одновременно принятие процессуальных решений, направленных на выделение в отдельное производство и возбуждение уголовного дела в отношении таких законных представителей ребенка¹¹. Кроме того, специфика причинения вреда несовершеннолетнему в сфере семейных отношений состоит в том, что негативные последствия могут проявляться не только в наличии т.н. прямого или реального ущерба, например непоправимый вред здоровью, но и косвенного, не столь очевидного на первый взгляд, но порождающего негативные последствия, которые могут иметь место в будущем, например, психологическое насилие в отношении ребенка повлечет за собой моральные страдания, нанесет ущерб нравственному, психологическому его развитию и пр.

Другое дело, что на практике, конечно, возникает вопрос: каким образом и на основании каких критериев можно определить размер такого вреда? Полагаем, что сложности возникают в связи с тем, что такой вред не всегда очевиден, вредоносные последствия могут проявиться не сразу, а спустя определенное время и соответственно установить между неправомерными действиями и наступившими последствиями причинно-следственную связь будет непросто, а значит, вопрос о надлежащей защите прав несовершеннолетнего остается открытым.

Принимая во внимание особенности отношений, связывающих законных представителей и несовершеннолетнего, закрепление презумпции вреда, причиненного несовершеннолетнему в нормах законодательства, будет означать его обязательную компенсацию во всех случаях, когда речь идет

о совершении неправомерных действий в отношении несовершеннолетнего со стороны его законных представителей¹². Так же, как необходимо исходить из презумпции виновного поведения законных представителей по отношению к несовершеннолетнему, за исключением случаев, подтверждающих причинение вреда в неадекватном состоянии, состоянии психического расстройства, иных душевных заболеваний.

Теоретическое осмысление таких решений должно сопровождаться одновременным исследованием такого субъективного основания, как вина законных представителей несовершеннолетнего, определяемая как их противоправное поведение по отношению к несовершеннолетнему¹³, их психическое отношение к своему противоправному поведению, неисполнение (ненадлежащее исполнение) ими своих обязанностей и причинение вреда здоровью ребенка¹⁴, т.е. должно опираться на весь комплекс их прав и обязанностей.

* * *

Изложенное позволяет сделать вывод о целесообразности изменения гл. 59 ГК РФ в части выделения специального деликта, устанавливающего ответственность законных представителей несовершеннолетнего, что позволит точнее определить

¹² Так, по одному из дел суд, несмотря на установление факта покушения ответчиком на половую неприкосновенность дочери и возбуждения в связи с этим уголовного дела, ограничился только лишением его родительских прав, оставив без внимания нравственные страдания ребенка (см.: Решение Волжского районного суда Самарской области от 23.07.2021 по делу № 2-2060/2021 // В официальных источниках опубликовано не было).

¹³ См.: *Белякова А.М.* Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. М., 1986. С. 98; *Илларионова Т.И.* Соотношение субъективных и объективных оснований гражданско-правовой ответственности // Илларионова Т.И. Избр. труды. Екатеринбург, 2005. С. 29; *Корнев И.В.* Возмещение вреда, причиненного несовершеннолетними в зарубежном и российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 14; *Ершова Н.М.* Вопросы семьи в гражданском праве. М., 1977. С. 150, 151; и др.

¹⁴ Отдельные авторы предлагают привлекать к ответственности родителей за вред, причиненный ребенку, рожденному в результате использования вспомогательных репродуктивных технологий (см., напр.: *Богданова Е.Е.* Проблемы деликтной ответственности родителей за вред, причиненный ребенку, рожденному в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий (BPT): опыт России и США // Гражданское право. 2020. № 3. С. 39–43; *Karpin I.A.* Choosing Disability: Preimplantation Genetic Diagnosis and Negative Enhancement // Journal of Law and Medicine. 2007. Vol. 15. No. 1. Pp. 89–103; *Savulescu J.* Deaf Lesbians, "Designer Disability" and the Future of Medicine (2002) 325 BMJ 771; *Merle Spriggs.* Lesbian Couple Create a Child Who Is Deaf Like Them // 28 J. MED. ETHICS. 2002. No. 283; *Smolensky K.R.* Parental Tort Liability for Direct Preimplantation Genetic Interventions: Technological Harms, the Social Model of Disability, and Questions of Identity // Arizona Legal Studies Discussion Paper No. 08–27. Nov. 2008. P. 2).

¹¹ В семье вред является следствием систематического негативного физического и психического воздействия на ребенка. Так, «жестокое обращение с ребенком, особенно психическое насилие, характеризуется отсроченными последствиями и может проявиться во взрослой жизни» (см.: *Ерохина Е.В., Филиппова Е.О.* Проблемы жестокого обращения с детьми // Росс. юстиция. 2021. № 3. С. 23–25; *Ильина О.Ю., Туманова Л.В.* Материальные основания и процессуальные условия обеспечения интересов ребенка при рассмотрении судами дел об установлении его происхождения // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер.: Право. 2017. № 1. С. 68).

пределы его деликтоспособности. Такое решение будет направлено на усиление ответственности не только лиц, ответственных за воспитание несовершеннолетнего, но и обеспечит нормативную основу для применения норм, позволяющих «дифференцировать» основания, условия, пределы ответственности и самого несовершеннолетнего.

Полагаем, что системные изменения, направленные на упорядочивание норм, устанавливающих ответственность указанных лиц, напрямую зависят от ограничений, определяющих степень разумного вмешательства государства в дела семьи, его участия в родительских отношениях с одновременным обеспечением их автономности.

В качестве базового ориентира для законодательных решений должно стать обеспечение баланса интересов не только законных представителей и несовершеннолетнего в вопросах их ответственности по отношению друг к другу, но и достижение необходимого паритета в части защиты законных прав и интересов граждан в случае причинения им вреда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андрюхин Н.Г.* Проблемные аспекты реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних // Уголовное право. 2017. № 4. С. 9.
2. *Артемченко Н.В., Шимбарева Н.Г.* Дети — жертвы семейного насилия: ответственность за «родительские» преступления // Росс. юстиция. 2020. № 12. С. 47–51.
3. *Белякова А.М.* Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. М., 1986. С. 98.
4. *Беспалов Ю.Ф.* Некоторые проблемы осуществления, охраны и защиты прав ребенка в Российской Федерации // Права ребенка в РФ: законодательство, правоприменительная деятельность, российская наука: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М., 2018.
5. *Богданова Е.Е.* Проблемы деликтной ответственности родителей за вред, причиненный ребенку, рожденному в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ): опыт России и США // Гражданское право. 2020. № 3. С. 39–43.
6. *Ерохина Е.В., Филиппова Е.О.* Проблемы жестокого обращения с детьми // Росс. юстиция. 2021. № 3. С. 23–25.
7. *Ершова Н.М.* Вопросы семьи в гражданском праве. М., 1977. С. 150, 151.
8. *Забрамная Е.Ю.* Актуальные вопросы правового регулирования труда несовершеннолетних работников // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 40–43.
9. *Илларионова Т.И.* Соотношение субъективных и объективных оснований гражданско-правовой ответственности // Илларионова Т.И. Избр. труды. Екатеринбург, 2005. С. 29.
10. *Илларионова Т.И.* Структурные особенности некоторых деликтных обязательств. Екатеринбург, 2005. С. 17.
11. *Ильина О.Ю., Туманова Л.В.* Материальные основания и процессуальные условия обеспечения интересов ребенка при рассмотрении судами дел об установлении его происхождения // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер.: Право. 2017. № 1. С. 68.
12. *Корнев И.В.* Возмещение вреда, причиненного несовершеннолетними в зарубежном и российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 14.
13. *Корнев И.В.* Историческое развитие российского законодательства о возмещении вреда, причиненного несовершеннолетними // Журнал рос. права. 2006. № 1.
14. *Летова Н.В.* Новые направления практики, направленные на реализацию прав ребенка в случае лишения, ограничения родительских прав или в случае немедленного отобрания ребенка // Права ребенка в РФ: законодательство, правоприменительная деятельность, российская наука: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М., 2018. С. 112.
15. *Рузанова В.Д., Рузанова Е.В.* Гражданско-правовые и семейно-правовые механизмы защиты имущественных прав детей // Власть Закона. 2018. № 3. С. 69–77.
16. *Рузанова В.Д., Рузанова Е.В.* Причинение родителями (лицами, их заменяющими) вреда здоровью их детей как самостоятельный деликт // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 4. С. 36–39.
17. *Тарасова А.Е.* Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях. М., 2008. С. 274, 275.
18. *Karpin I.A.* Choosing Disability: Preimplantation Genetic Diagnosis and Negative Enhancement // Journal of Law and Medicine. 2007. Vol. 15. No. 1. Pp. 89–103.
19. *Merle Spriggs.* Lesbian Couple Create a Child Who Is Deaf Like Them // 28 J. MED. ETHICS. 2002. No. 283.
20. *Savulescu J.* Deaf Lesbians, “Designer Disability” and the Future of Medicine (2002) 325 BMJ 771.
21. *Smolensky K.R.* Parental Tort Liability for Direct Preimplantation Genetic Interventions: Technological Harms, the Social Model of Disability, and Questions of Identity // Arizona Legal Studies Discussion Paper No. 08-27. Nov. 2008. P. 2.

REFERENCES

1. *Andriukhin N.G.* Problematic aspects of the implementation of criminal policy in relation to minors // Criminal Law. 2017. No. 4. P. 9 (in Russ.).
2. *Artemenko N.V., Shimbareva N.G.* Child victims of family violence: responsibility for “parental” crimes // Russ. Justice. 2020. No. 12. Pp. 47–51 (in Russ.).
3. *Belyakova A.M.* Civil liability for causing harm. M., 1986. P. 98 (in Russ.).
4. *Bespalov Yu. F.* Some problems of the implementation, protection and protection of the rights of the child in the Russian Federation // The rights of the child in the Russian Federation: legislation, law enforcement, Russian science: materials of the International Scientific and Practical Conference / res. ed. Yu. F. Bespalov. M., 2018 (in Russ.).

5. *Bogdanova E.E.* Problems tort liability of parents for harm caused to a child born as a result of the use of assisted reproductive technologies (ART): the experience of Russia and the USA // *Civil Law*. 2020. No. 3. Pp. 39–43 (in Russ.).
6. *Erokhina E.V., Filippova E.O.* Problems of child abuse // *Russ. Justice*. 2021. No. 3. Pp. 23–25 (in Russ.).
7. *Ershova N.M.* Family issues in Civil Law. M., 1977. Pp. 150, 151 (in Russ.).
8. *Zabramnaya E. Yu.* Actual issues of legal regulation of labor of minor workers // *Labor Law in Russia and abroad*. 2018. No. 1. Pp. 40–43 (in Russ.).
9. *Illarionova T.I.* Correlation of subjective and objective grounds of civil liability // *Illarionova T.I. Selected works*. Yekaterinburg, 2005. P. 29 (in Russ.).
10. *Illarionova T.I.* Structural features of some tort obligations. Yekaterinburg, 2005. P. 17 (in Russ.).
11. *Ilyina O. Yu., Tumanova L.V.* Material grounds and procedural conditions for ensuring the interests of a child when considering cases by courts on establishing his origin // *Herald of the Tver State University. Ser.: Law*. 2017. No. 1. P. 68 (in Russ.).
12. *Kornev I.V.* Compensation for harm caused by minors in foreign and Russian law: dis. ... PhD in Law. M., 2006. P. 14 (in Russ.).
13. *Kornev I.V.* The historical development of Russian legislation on compensation for harm caused by minors // *Journal of Russ. law*. 2006. No. 1 (in Russ.).
14. *Letova N.V.* New areas of practice aimed at realizing the rights of the child in case of deprivation, restriction of parental rights or in case of immediate withdrawal of the child // *The rights of the child in the Russian Federation: legislation, law enforcement, Russian science: materials of the International Scientific and Practical Conference / res. ed. Yu. F. Bespalov. M., 2018. P. 112 (in Russ.).*
15. *Ruzanova V.D., Ruzanova E.V.* Civil legal and family legal mechanisms for the protection of property rights of children // *The Rule of Law*. 2018. No. 3. Pp. 69–77 (in Russ.).
16. *Ruzanova V.D., Ruzanova E.V.* Causing harm to the health of their children by parents (persons replacing them) as an independent tort // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2022. No. 4. Pp. 36–39 (in Russ.).
17. *Tarasova A.E.* Legal personality of citizens. Features of the legal personality of minors, their manifestations in civil relations. M., 2008. Pp. 274, 275 (in Russ.).
18. *Karpin I.A.* Choosing Disability: Preimplantation Genetic Diagnosis and Negative Enhancement // *Journal of Law and Medicine*. 2007. Vol. 15. No. 1. Pp. 89–103.
19. *Merle Spriggs.* Lesbian Couple Create a Child Who Is Deaf Like Them // *28 J. MED. ETHICS*. 2002. No. 283.
20. *Savulescu J.* Deaf Lesbians, “Designer Disability” and the Future of Medicine (2002) 325 *BMJ* 771.
21. *Smolensky K.R.* Parental Tort Liability for Direct Preimplantation Genetic Interventions: Technological Harms, the Social Model of Disability, and Questions of Identity // *Arizona Legal Studies Discussion Paper No. 08–27. Nov. 2008. P. 2.*

Сведения об авторе

ЛЕТОВА Наталия Валерьевна —
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник сектора
процессуального права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

LETOVA Natalia V. —
Doctor of Law,
Chief Researcher of the Sector
of Procedural Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

УДК 342

**УЧЕНИЕ ПРОФЕССОРА В.Т. КАБЫШЕВА
О КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ.
К 85-ЛЕТИЮ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА, ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РФ,
ПОЧЕТНОГО РАБОТНИКА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ
ВЛАДИМИРА ТЕРЕНТЬЕВИЧА КАБЫШЕВА**

© 2024 г. Т. В. Заметина

Саратовская государственная юридическая академия

E-mail: zametina_saratov@mail.ru

Поступила в редакцию 06.02.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена 85-летию известного российского ученого-юриста, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, почетного работника высшего образования России Владимира Терентьевича Кабышева. Говоря о творчестве профессора В.Т. Кабышева, автор статьи отмечает, что среди научных тем (российский конституционализм, основы конституционного строя, права и свободы человека, народовластие, реализация Конституции, конституционный механизм власти и др.), ставших объектом его исследования, центральное место занимает учение о конституционализме. Учение В.Т. Кабышева о конституционализме ориентировано на формирование адекватного понимания роли конституции в современном обществе и государстве, формирование конституционной культуры граждан и должностных лиц, оптимизацию процесса управления, выступающих условием прогресса общественных отношений.

Ключевые слова: Владимир Терентьевич Кабышев, конституционное право, учение о конституционализме, Конституция, общество, государство.

Цитирование: Заметина Т.В. Учение профессора В.Т. Кабышева о конституционализме. К 85-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, почетного работника высшего образования России Владимира Терентьевича Кабышева // Государство и прав. 2024. № 2. С. 178–184.

DOI: 10.31857/S1026945224020189

**THE TEACHING OF PROFESSOR V.T. KABYSHEV
ON CONSTITUTIONALISM. TO THE 85th ANNIVERSARY
OF VLADIMIR T. KABYSHEV, DOCTOR OF LAW, PROFESSOR,
HONORED SCIENTIST OF THE RUSSIAN FEDERATION,
HONORARY WORKER OF HIGHER EDUCATION OF RUSSIA**

© 2024 Т. V. Zametina

Saratov State Law Academy

E-mail: zametina_saratov@mail.ru

Received 06.02.2024

Abstract. The article is devoted to the 85th anniversary of the famous Russian legal scientist, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of higher Education of Russia Vladimir T. Kabyshev. Speaking about the work of Professor V.T. Kabyshev, the author of the article notes that among the scientific topics (Russian constitutionalism, the foundations of the constitutional system, human rights and freedoms, democracy, the implementation of the Constitution, the constitutional mechanism of power, etc.) that have become the object of his research, the doctrine of constitutionalism occupies a central place. The teachings of V.T. Kabyshev's work on constitutionalism is focused on the formation of an adequate understanding of the role of the Constitution in modern society and the state, the formation of a constitutional culture of citizens and officials, and the optimization of the management process, which are a condition for the progress of public relations.

Key words: Vladimir T. Kabyshev, Constitutional Law, the doctrine of constitutionalism, Constitution, society, state.

For citation: *Zametina, T.V. (2024).* The teaching of Professor V.T. Kabyshev on constitutionalism. To the 85th anniversary of Vladimir T. Kabyshev, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Education of Russia // *Gosudarstvo i pravo=State and Law*, No. 2, pp. 178–184.

18 декабря 2023 г. исполнилось бы 85 лет известному российскому ученому-юристу, одному из основателей саратовской школы конституционного права, доктору юридических наук, профессору, заслуженному деятелю науки РФ, почетному работнику высшего образования России, члену Академии гуманитарных наук Владимиру Терентьевичу Кабышеву.

Вся жизнь Владимира Терентьевича была посвящена развитию науки отечественного конституционного права, а также юридическому образованию и воспитанию молодого поколения юристов. Он был уважаемым учителем для многих поколений студентов, магистрантов, аспирантов и докторантов, талантливейшим ученым-конституционалистом, порядочным, честным, мужественным человеком, патриотом своей страны. Преданность юридической науке и педагогическому мастерству, неиссякаемый творческий потенциал и энергия, высокий уровень компетентности и широта мышления, внедрение новых методов и сохранение научных традиций, ценного опыта предшественников — вот качества, которые характеризовали Владимира Терентьевича Кабышева.

Творчество В.Т. Кабышева многогранно. Российский конституционализм, основы конституционного строя, права и свободы человека, народовластие, реализация Конституции, конституционный механизм власти — вот далеко не полная палитра научных тем, ставших объектом исследования проф. В.Т. Кабышева. Центральное

место в его творческом наследии занимает учение о конституционализме.

Обращаясь к эволюции идей конституционализма, В.Т. Кабышев отмечал прогрессивный характер этой концепции, отражение в ней политико-правового аспекта развития общества и государства. Его понимание истории конституционализма охватывало не только статику (формирование), но и динамику (развитие) конституционных идей и их воплощение в нормах Конституции, включая практику реализации конституции как Основного Закона государства¹. Размышляя о причинах и началах конституционализма в России, В.Т. Кабышев уделял внимание советскому периоду развития страны, признавал попытки сконструировать концепцию социалистического конституционализма и в качестве закономерности констатировал превалирование социально-политического аспекта в конституционной проблематике, чрезмерную идеологизацию и политизацию советской юридической науки. Он справедливо утверждал, что «перенесение западных образцов конституционализма на российскую почву не привело к ожидаемым результатам, общественные ожидания оказались порой трагичными»².

Еще в начале 90-х годов, исследуя особенности российского конституционного процесса, проф. В.Т. Кабышев выявил закономерность, отражающую усиление непосредственного регулирующего воздействия Конституции на все основные сферы социально-общественного развития. В XXI в. в условиях геополитических трансформаций и необходимости сохранения национально-культурной идентичности государств повышается значение Основного Закона как ценностно-мировоззренческого документа, возрастает

¹ См.: *Кабышев В.Т.* Российский конституционализм на рубеже тысячелетий // *Правоведение*. 2001. № 4 (237). С. 61.

² Там же. С. 63.

влияние конституционных предписаний на отраслевое регулирование (конституционализация).

Категория «конституционализм» в понимании В.Т. Кабышева — «это философия конституционного мировоззрения, закрепление в Основном законе системы правовых ценностей, обеспечение верховенства конституции, ее приоритетности и реальности, правление в рамках конституции»³. Конституционализм охватывает комплекс вопросов, связанных с закреплением в конституции государства высших правовых ценностей, прав и свобод человека, демократической системы организации власти, основ социального компромисса и согласия.

В центре учения В.Т. Кабышева находится авторское представление о конституционализме как системе взаимодействующих элементов с изменяющимися параметрами. Российский конституционализм включает в себя такие элементы, как конституционную доктрину (конституционные идеи), Конституцию; конституционно-политический режим как воплощение конституционных ценностей и конституционных принципов; конституционный контроль как систему защиты конституционного строя и Конституции; конституционное мировоззрение и конституционную культуру должностных лиц и всего населения⁴.

Развивая взгляды своего учителя, основателя саратовской научной школы государственного (конституционного) права проф. И.Е. Фарбера, о предмете государственного (конституционного) права, теории Конституции, проф. В.Т. Кабышев подчеркивал неразрывную связь конституционного права и конституционализма, обусловленную единым методологическим подходом. Теория конституционализма определялась им как сердцевина, ядро науки конституционного права, концентрации всего спектра конституционных проблем. Конституционализм рассматривался как синтезированное понятие, воплощающее наиболее значимые явления конституционного строя и конституционной практики⁵. Данные выводы профессора особенно актуальны сейчас, в условиях осознания системообразующего значения отрасли конституционного права, его роли в формировании политических и духовно-нравственных ценностей подрастающего поколения, и как следствие, важности определенной унификации научных подходов в понимании фундаментальных основ конституционного строя, конституционализма.

³ Кабышев В.Т. Указ. соч.

⁴ См.: Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни: избр. науч. тр. М., 2013. С. 138.

⁵ См.: Кабышев В.Т. К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России. Часть 1 // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2004. Вып. 5. С. 15.

Содержащийся в работах В.Т. Кабышева развернутый теоретический анализ категории «конституционализм» предполагал выявление соотношения последней с другими базовыми понятиями и категориями науки российского конституционного права. Понятие «конституционный строй» выступает составной частью конституционализма. Систематизировав научные представления о конституционном строе, В.Т. Кабышев утверждал, что «это прежде всего система конституционных отношений как предмета конституционного регулирования, это и конституционные нормы, и конституционные принципы, регулирующие и закрепляющие отдельные виды общественных отношений существующего социального строя»⁶.

Ученый предлагал понимать конституционный строй в двух взаимосвязанных аспектах: фактическом — это система фактических конституционных отношений, возникающих по поводу власти, суверенитета и свободы личности; правовом — как система конституционных норм и конституционных принципов, закрепляющих и регулирующих отдельные виды общественных отношений существующего общественно-государственного строя, выражающего и олицетворяющего подлинный конституционализм⁷. Дуализм конституционного строя фактически охватывает все сферы жизни общества, проявляется в механизме социальной преемственности, соответствии Конституции потребностям общества, рациональной организации публичной власти, практике внедрения конституционных предписаний в жизнь, уровне правовой культуры и ответственности граждан и должностных лиц за общество и государство.

Новаторские идеи проф. В.Т. Кабышева как руководителя научного коллектива нашли свое отражение и в Саратовском проекте Конституции России, разработанном на кафедре государственного права Саратовского юридического института им. Д.И. Курского (ныне — Саратовской государственной юридической академии) в 1990 г. В частности, положения преамбулы Саратовского проекта Конституции были востребованы и получили концептуальное воплощение в преамбуле действующей Конституции РФ 1993 г., а название разд. 1 Саратовского проекта, который именовался «Основные принципы конституционного строя

⁶ Кабышев В.Т. Становление конституционного строя России // Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни: избр. науч. тр. С. 40.

⁷ См.: Конституционное право России: учеб. / В.И. Гавриленко, Т.В. Заметина, В.Т. Кабышев. 3-е изд., исп. и доп. Саратов, 2023. С. 63.

Российской Федеративной Республики», фактически спроецировано в разд. 1 Конституции РФ⁸.

Рассматривая проблематику конституционализма, В.Т. Кабышев использовал этапность как метод структурирования научного знания и изложения научных результатов. Так, например, ученым были выделены и подробно охарактеризованы с конституционно-правовой точки зрения этапы конституционного развития постсоветской России⁹.

В.Т. Кабышев в своих научных работах справедливо замечал, что восприняв идеи либерального конституционализма в конце XX столетия, после принятия Конституции РФ 1993 г., Россия пребывала в своего рода романтическом конституционализме, для которого были характерны гиперболизация курса либерально-демократических реформ с ее безудержной приватизацией, значительным ослаблением роли государства, курсом на конфедерацию в федеративных отношениях¹⁰. Однако реальность и конституционная модель не должны находиться на разных полюсах, поскольку конституционализм — это не только теоретическая концепция, но и практика реализации конституционных норм.

Причинами кризисных явлений в процессе внедрения идей конституционализма в России, по мнению ученого, выступили обусловленная сменой общественно-политического строя неравномерность переоценки конституционных ценностей у различных социальных групп и слоев, неисполнение конституционных принципов и конституционных норм субъектами конституционных правоотношений, ненаступление конституционной ответственности в конституционных деликтах¹¹. Общество пока не может перескочить через циклические этапы своего естественного развития, «скорость и частота социально-политических изменений в России значительно превосходят “нормальный” мировой уровень, поэтому наше общество не есть еще подлинно гражданское»¹².

В отличие от абстрактно-формального подхода в исследовании конституционализма, проф.

В.Т. Кабышев сформулировал более широкое представление о конституционализме как многофункциональном политико-правовом явлении.

В качестве специального объекта исследования необходимого элемента конституционализма ученый выделял «конституционно-политический режим», который включает в себя ряд взаимосвязанных конституционно-правовых отношений: власть и общество, власть и человек, отношения внутри самого конституционного механизма власти. Конституционный режим определялся как осуществление власти в государстве в формах, методах и способах, адекватных сущности конституции страны. Конституционный режим — это конституционный строй государства в действии¹³.

Несмотря на то что Конституция РФ выступает основой формирования российской правовой доктрины и правовой политики, оказывает определяющее влияние на правотворчество и правоприменение, не стоит абсолютизировать «самореализацию», «самоисполнение» ее норм. В.Т. Кабышев предостерегал, что Конституция РФ не панацея от всех проблем, она не может абсолютно заменить собою все остальные институты, гарантирующие от злоупотреблений властью и игнорирования конституционных установлений, подчеркивал воздействие культуры, менталитета, привычек, традиций на процесс реализации конституционных предписаний¹⁴. Очевидно, что без осознания конституционных ценностей, их внедрения в мировоззрение и поведенческие модели должностных лиц и граждан невозможно достижение общественного согласия и устойчивости государства, реализации в полном объеме конституционных предписаний.

В.Т. Кабышев еще в советский период ставил вопрос о необходимости исследования проблемы психологии власти, сформулировал элементы психологии властвования в российском обществе и государстве¹⁵. По Кабышеву, исследование вопросов психологии властвования — это анализ и выявление социально-психологических путей становления российской государственности. Психология властвования (во всех аспектах) неотделима и от культуры властвования¹⁶. Уровень политической, конституционной культуры во многом определяет динамику развития демократии,

⁸ См.: Кабышев В.Т. Конституция новой России (К 25-летию Саратовского проекта Конституции России) // Государство и право. 2016. № 6. С. 32.

⁹ См.: Кабышев В.Т. Становление конституционного строя России // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2017. Вып. 16. С. 9, 10.

¹⁰ См.: Кабышев В.Т. Конституционная парадигма России на рубеже тысячелетий // Журнал рос. права. 2008. № 12. С. 46.

¹¹ См.: Кабышев В.Т. Российский конституционализм на рубеже тысячелетий. С. 64.

¹² Кабышев В.Т. Конституция Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра // Конституция Российской Федерации: 20 лет спустя: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2014. С. 7.

¹³ См.: Кабышев В.Т. К вопросу о конституционном режиме в современной России // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2003. Вып. 4. С. 42, 43.

¹⁴ См.: Кабышев В.Т. Конституционная парадигма России на рубеже тысячелетий. С. 51.

¹⁵ См.: Кабышев В.Т. Социально-психологические аспекты народовластия в СССР // Сов. государство и право. 1980. № 3. С. 5, 6.

¹⁶ См.: Кабышев В.Т. Психология власти в традиции русского конституционализма // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 2 (12). С. 16.

гражданского общества. Сложность формирования и совершенствования политической культуры как феномена обуславливает длительное сосуществование старых норм и традиций с новыми установками общественного сознания, социальными ценностями, регулирующими политические отношения. Идеи профессора созвучны реализуемым сегодня Основам государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденным Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809, определяющим ценностно-мировоззренческие ориентиры и установки российского общества, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, поддерживаемые государством.

Анализируя практику российского федерализма, В.Т. Кабышев справедливо выявил следующую закономерность: «государственная целостность России, ее геополитический фактор лежат в основе стратегии государственной политики Российской Федерации»¹⁷. Как истинный патриот, вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации Владимир Терентьевич назвал восстановлением исторической справедливости¹⁸. По оценке ученого, это выдающееся событие XXI века, имеющее огромное жизненно важное значение как для народов Российской Федерации, народа Крыма и Севастополя, так и для мировой цивилизации, открыло новый этап в истории постсоветской России, для которого характерны принципиально иные отношения во всех основах конституционного строя, во внутренней и внешней политике Российской Федерации, ее политической системе, идеологии и правосознании как властвующей элиты, так и подавляющей части российского общества¹⁹. Вышел цикл статей ученого²⁰ и монография, в которых давался развернутый анализ конституционного развития Крыма и Севастополя, определялись этапы становления их конституционного строя, раскрывались тенденции конституционализации

различных сфер социально-экономических, политических и правовых отношений, складывающихся на этом полуострове нашей Родины.

В научных публикациях и монографической работе, посвященных крымской проблематике, В.Т. Кабышева интересовал прежде всего аспект конституционализации, а именно специфика, особенности становления конституционного строя в Крыму. Связывая оформление понятия «конституционализация» с практикой российского конституционного правосудия, он рассматривал становление конституционного строя в Крыму и Севастополе как «уникальное явление в современной конституционной истории», поскольку в социально-психологическом плане Крым в сознании людей всегда был частью России²¹.

В соответствии с учением В.Т. Кабышева о конституционализме становление конституционного строя Крыма и Севастополя происходило в сложных исторических условиях, он «фактически находится на иной ступени (стадии) развития, чем конституционный строй России (образно говоря, в эмбриональном состоянии)»²². Системный подход к исследованию сложных динамичных целостностей позволяет утверждать, что конституционная интеграция, уникальность которой обуславливается спецификой субъекта ее осуществления, выступает частью конституционного строя Крыма и Севастополя и заключается в необходимости координации правотворческой, правоприменительной и иной их деятельности со всеми сферами жизни России. Ученый приходит к однозначному выводу относительно процесса принятия Крыма в состав России (возвращения Крыма в Россию): самоопределение крымчан и вхождение Крыма и Севастополя в состав России конституционными и пересмотру не подлежат²³.

В.Т. Кабышев вполне обосновано считал, что простое перенесение инонациональных образцов конституционализма на российскую почву не привело к ожидаемым результатам. Но это, считал он, не должно вести к отказу от философии конституционализма, синтезирующей наиболее значимые явления конституционного строя и конституционной практики. Отсюда – широкое видение самого понятия «российский конституционализм». При этом В.Т. Кабышев отмечал, что нельзя допустить девальвации конституционных ценностей в целом,

¹⁷ Кабышев В.Т. Российский федерализм: конституционные основы, тенденции развития // Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни: избр. науч. тр. М., 2013. С. 64.

¹⁸ См.: Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и города Севастополя – восстановление исторической справедливости: конституционно-правовой анализ // Вестник СГЮА. 2014. № 2 (97). С. 58–74.

¹⁹ См.: Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Россия – Крым – Севастополь: конституционно-правовое исследование. М., 2016. С. 9.

²⁰ См.: Кабышев В.Т. Интеграция Крыма и Севастополя в Российскую Федерацию: конституционно-правовой дискурс // Вестник СГЮА. 2017. № 1 (14). С. 92–96; *Его же*. Интеграция Крыма и Севастополя в Российскую Федерацию. Послесловие // Вестник СГЮА. 2017. № 2 (115). С. 100–103; и др.

²¹ См.: Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Россия – Крым – Севастополь: конституционно-правовое исследование. С. 66.

²² Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Россия – Крым – Севастополь: размышления конституционалистов (часть 1) // Вестник СГЮА. 2015. № 1 (102). С. 134.

²³ См.: Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Россия – Крым – Севастополь: размышления конституционалистов (часть 2) // Там же. № 3 (104). С. 161.

в числе которых особое место принадлежит институту выборов. Именно выборы способствуют формированию новой политической системы. Выборы как институт и процесс есть и механизм воспитания гражданского политического сознания. Для В.Т. Кабышева выборы — это основополагающий принцип конституционного строя России, институт прямой демократии, высшее непосредственное выражение народом своей власти²⁴.

* * *

В завершение хотелось бы отметить, что Конституция как юридический документ, отражая закономерности конституционно-правового развития страны на определенном историческом этапе, задает ценностные ориентиры и параметры модернизации российского общества и государства. В связи с этим правотворческая и правоприменительная практика должна быть направлена на реализацию норм и принципов Конституции, релевантным общественным потребностям и запросам. Учение проф. В.Т. Кабышева о конституционализме ориентировано на формирование адекватного понимания роли конституции в современном обществе и государстве, формирование конституционной культуры граждан и должностных лиц, оптимизацию процесса управления, выступающих условием прогресса общественных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кабышев В.Т. Интеграция Крыма и Севастополя в Российскую Федерацию: конституционно-правовой дискурс // Вестник СГЮА. 2017. № 1 (14). С. 92–96.
2. Кабышев В.Т. Интеграция Крыма и Севастополя в Российскую Федерацию. Послесловие // Вестник СГЮА. 2017. № 2 (115). С. 100–103.
3. Кабышев В.Т. К вопросу о конституционном режиме в современной России // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2003. Вып. 4. С. 42, 43.
4. Кабышев В.Т. К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России. Часть 1 // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2004. Вып. 5. С. 15.
5. Кабышев В.Т. Конституционная парадигма России на рубеже тысячелетий // Журнал рос. права. 2008. № 12. С. 46, 51.
6. Кабышев В.Т. Конституционная система власти в современной России // Вестник СГЮА. 1998. № 3. С. 5.
7. Кабышев В.Т. Конституция новой России (К 25-летию Саратовского проекта Конституции России) // Государство и право. 2016. № 6. С. 32.

²⁴ См.: Кабышев В.Т. Конституционная система власти в современной России // Вестник СГЮА. 1998. № 3. С. 5.

8. Кабышев В.Т. Конституция Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра // Конституция Российской Федерации: 20 лет спустя: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2014. С. 7.
9. Кабышев В.Т. Психология власти в традиции русского конституционализма // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 2 (12). С. 16.
10. Кабышев В.Т. Российский конституционализм на рубеже тысячелетий // Правоведение. 2001. № 4 (237). С. 61, 63, 64.
11. Кабышев В.Т. Российский федерализм: конституционные основы, тенденции развития // Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни: избр. науч. тр. М., 2013. С. 64.
12. Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни: избр. науч. тр. М., 2013. С. 138.
13. Кабышев В.Т. Социально-психологические аспекты народовластия в СССР // Сов. государство и право. 1980. № 3. С. 5, 6.
14. Кабышев В.Т. Становление конституционного строя России // Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни: избр. науч. тр. М., 2013. С. 40.
15. Кабышев В.Т. Становление конституционного строя России // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2017. Вып. 16. С. 9, 10.
16. Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и города Севастополя — восстановление исторической справедливости: конституционно-правовой анализ // Вестник СГЮА. 2014. № 2 (97). С. 58–74.
17. Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Россия — Крым — Севастополь: конституционно-правовое исследование. М., 2016. С. 9, 66.
18. Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Россия — Крым — Севастополь: размышления конституционалистов (часть 1) // Вестник СГЮА. 2015. № 1 (102). С. 134.
19. Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Россия — Крым — Севастополь: размышления конституционалистов (часть 2) // Вестник СГЮА. 2015. № 3 (104). С. 161.
20. Конституционное право России: учеб. / В.И. Гавриленко, Т.В. Заметина, В.Т. Кабышев. 3-е изд., исп. и доп. Саратов, 2023. С. 63.

REFERENCES

1. Kabyshev V.T. The integration of Crimea and Sevastopol into the Russian Federation: constitutional and legal discourse // Herald of the SSLA. 2017. No. 1 (14). Pp. 92–96 (in Russ.).
2. Kabyshev V.T. The integration of Crimea and Sevastopol into the Russian Federation. Afterword // Herald of the SSLA. 2017. No. 2 (115). Pp. 100–103 (in Russ.).
3. Kabyshev V.T. On the question of the constitutional regime in modern Russia // Constitutional development of Russia: intercollegiate collection of scientific articles. Saratov, 2003. Iss. 4. Pp. 42, 43 (in Russ.).
4. Kabyshev V.T. On the question of the history of the science of Constitutional Law in post-Soviet Russia. Part 1 // Con-

- stitutional development of Russia: interuniversity collection of scientific articles. Saratov, 2004. Iss. 5. P. 15 (in Russ.).
5. *Kabyshev V.T.* The constitutional paradigm of Russia at the turn of the millennium // *Journal of Russ. law*. 2008. No. 12. Pp. 46, 51 (in Russ.).
 6. *Kabyshev V.T.* The constitutional system of power in modern Russia // *Herald of the SSLA*. 1998. No. 3. P. 5 (in Russ.).
 7. *Kabyshev V.T.* The Constitution of new Russia (To the 25th anniversary of the Saratov draft of the Constitution of Russia) // *State and Law*. 2016. No. 6. P. 32 (in Russ.).
 8. *Kabyshev V.T.* The Constitution of the Russian Federation: yesterday, today, tomorrow // *The Constitution of the Russian Federation: 20 years later: materials of the International Scientific and Practical Conference*. Saratov, 2014. P. 7 (in Russ.).
 9. *Kabyshev V.T.* Psychology of power in the tradition of Russian constitutionalism // *Citizen. Elections. Power*. 2019. No. 2 (12). P. 16 (in Russ.).
 10. *Kabyshev V.T.* Russian constitutionalism at the turn of the millennium // *Pravovedenie*. 2001. No. 4 (237). Pp. 61, 63, 64 (in Russ.).
 11. *Kabyshev V.T.* Russian federalism: constitutional foundations, development trends // *Kabyshev V.T. With the Constitution for life: elected scientific works*. M., 2013. P. 64 (in Russ.).
 12. *Kabyshev V.T.* With the Constitution for life: elected scientific works. M., 2013. P. 138 (in Russ.).
 13. *Kabyshev V.T.* Socio-psychological aspects of democracy in the USSR // *Soviet State and Law*. 1980. No. 3. Pp. 5, 6 (in Russ.).
 14. *Kabyshev V.T.* The formation of the constitutional system of Russia // *Kabyshev V.T. With the Constitution for life: elected scientific works*. M., 2013. P. 40 (in Russ.).
 15. *Kabyshev V.T.* The formation of the constitutional system of Russia // *Constitutional development of Russia: Interuniversity collection of scientific articles*. Saratov, 2017. Iss. 16. Pp. 9, 10 (in Russ.).
 16. *Kabyshev V.T., Zametina T.V.* Admission to the Russian Federation of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol – restoration of historical justice: constitutional and legal analysis // *Herald of the SSLA*. 2014. No. 2 (97). Pp. 58–74 (in Russ.).
 17. *Kabyshev V.T., Zametina T.V.* Russia – Crimea – Sevastopol: constitutional and legal research. M., 2016. Pp. 9, 66 (in Russ.).
 18. *Kabyshev V.T., Zametina T.V.* Russia – Crimea – Sevastopol: reflections of constitutionalists (part 1) // *Herald of the SSLA*. 2015. No. 1 (102). P. 134 (in Russ.).
 19. *Kabyshev V.T., Zametina T.V.* Russia – Crimea – Sevastopol: reflections of constitutionalists (part 2) // *Herald of the SSLA*. 2015. No. 3 (104). P. 161 (in Russ.).
 20. *Constitutional Law of Russia: textbook / V.I. Gavrilenko, T.V. Zametina, V.T. Kabyshev*. 3rd ed., corrected and add. Saratov, 2023. P. 63 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЗАМЕТИНА Тамара Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного права им. проф. И.Е. Фарбера и проф. В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии; 410056 г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 104, корп. 1
ORCID: 0000-0002-7506-6886

Authors' information

ZAMETINA Tamara V. — Doctor of Law, Professor, Head of Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev Department of Constitutional Law, Saratov State Law Academy; 104, bld. 1 Chernyshevsky str., 410056 Saratov, Russia

УДК 340.6

«ПРАВО НА СМЕРТЬ»? О ДОБРОВОЛЬНОМ УХОДЕ ИЗ ЖИЗНИ И СВЯЗАННЫХ С НИМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ГОСУДАРСТВА. ИССЛЕДОВАНИЕ НА ОСНОВАНИИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ ФРГ И ЕСПЧ

© 2024 г. Ю. И. Сафоклов

FernUniversität in Hagen, ФРГ

E-mail: jurisafoklov@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.01.2022 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблематика «права на смерть» — конституционно-правовой гарантии, признающей право человека окончить собственную жизнь по своему усмотрению. Данный вопрос изначально рассматривался как оборотная сторона, своего рода негативное измерение права на жизнь (ч. 2 ст. 2 Основного закона ФРГ). Однако с течением времени акцент рассмотрения изменился; в настоящее время дискуссия ведется в контексте права на личностное самоопределение. В рамках данной статьи анализ проводится на основании правоприменительной практики высших судебных инстанций ФРГ и Европейского Суда по правам человека. Точкой соприкосновения немецких судов можно считать признание права на добровольный уход из жизни как акта индивидуального самовыражения, реализации личностного выбора. Юридическая конструкция права на личностное самоопределение предполагает установление тесной связи права на общую свободу действий (ч. 1 ст. 2 Основного закона ФРГ) с гарантией человеческого достоинства согласно ч. 1 ст. 1 Основного закона ФРГ. При этом не считается убедительным контраргумент, согласно которому признание «права на смерть» влечет за собой невозможность дальнейшей личностной самореализации и потому противоречит «жизнеутверждающему» духу Основного закона, выражающегося, в частности, в ч. 2 ст. 2, так как само осуществление желания окончить жизнь рассматривается как акт самореализации, который подпадает под конституционную защиту. Данная конституционно-правовая концепция, разработанная Конституционным судом ФРГ, разделяется и остальными высшими судебными инстанциями ФРГ, которые дополняют ее, в частности, установлением государственных обязательств по содействию лицам, желающим добровольно окончить собственную жизнь. Европейский Суд по правам человека еще не имел возможности выразить свою позицию по данной проблеме, однако тенденции развития его правоприменительной практики указывают на то, что он, скорее всего, рано или поздно присоединится к юридической линии немецких судов. Автор выявляет аргументационные недостатки основополагающих предпосылок обоснования права на добровольный уход из жизни, демонстрируя не только их внутреннюю противоречивость, но и недопустимость последствий, к которым приведет государственная поддержка суицидальных стремлений граждан.

Ключевые слова: «право на смерть», гарантия человеческого достоинства, право на личностное самоопределение, Конституционный суд ФРГ, Европейский Суд по правам человека.

Цитирование: Сафоклов Ю. И. «Право на смерть»? О добровольном уходе из жизни и связанных с ним обязательствах государства. Исследование на основании правоприменительной практики высших судебных инстанций ФРГ и ЕСПЧ // Государство и право. 2024. № 2. С. 185–195.

DOI: 10.31857/S1026945224020199

“THE RIGHT TO DIE”? ON VOLUNTARY RETIREMENT AND RELATED OBLIGATIONS OF THE STATE. A STUDY BASED ON THE LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF THE HIGHEST COURTS OF GERMANY AND THE ECHR

© 2024 Yu. I. Safoklov

FernUniversität in Hagen, Germany

E-mail: jurisafoklov@yandex.ru

Received 24.01.2022

Abstract. The article examines the problems of the “right to death” — a constitutional and legal guarantee that recognizes the right of a person to end his own life at his discretion. This issue was initially considered as a downside, a kind of negative dimension of the right to life (Part 2 of Article 2 of the Basic Law of Germany). However, the focus has changed over time; the discussion is currently being conducted in the context of the right to personal self-determination. Within the framework of this article, the analysis is carried out on the basis of the law enforcement practice of the highest courts of Germany and the European Court of Human Rights. The point of contact of the German courts can be considered the recognition of the right to voluntary retirement as an act of individual self-expression, the realization of personal choice. The legal structure of the right to personal self-determination presupposes the establishment of a close connection between the right to general freedom of action (Part 1 of Article 2 of the Basic Law of the Federal Republic of Germany) and the guarantee of human dignity in accordance with Part 1 of Article 1 of the Basic Law of the Federal Republic of Germany. At the same time, the counterargument is not considered convincing, according to which the recognition of the “right to death” entails the impossibility of further personal self-realization and therefore contradicts the “life-affirming” spirit of the Basic Law, expressed, in particular, in part 2 of Article 2, since the very realization of the desire to end life is considered as an act of self-realization, which falls under constitutional protection. This constitutional and legal concept, developed by the Constitutional Court of the Federal Republic of Germany, is shared by the rest of the highest judicial instances of Germany, which complement it, in particular, by establishing state obligations to assist persons who wish to voluntarily end their own lives. The European Court of Human Rights has not yet had the opportunity to express its position on this issue, however, trends in the development of its law enforcement practice indicate that it is likely sooner or later to join the legal line of the German courts. The author identifies the argumentative shortcomings of the fundamental prerequisites for justifying the right to voluntary retirement, demonstrating not only their internal inconsistency, but also the inadmissibility of the consequences that state support for suicidal aspirations of citizens will lead to.

Key words: “the right to death”, the guarantee of human dignity, the right to personal self-determination, the Constitutional Court of Germany, the European Court of Human Rights.

For citation: Safoklov, Yu. I. (2024). “The right to death”? on voluntary retirement and related obligations of the state. Research based on the law enforcement practice of the highest courts of the Federal Republic of Germany and the ECHR // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 2, pp. 185–195.

Введение

«Моя жизнь принадлежит мне!» — именно под таким девизом участники одной из онлайн-петиций требовали закрепления права на добровольный уход из жизни в законодательстве ФРГ. Необходимость подобного новшества обосновывалась весьма разнообразно: страх перед мучительными заболеваниями, желание избавить родственников от обузы, стремление реализовать свое право на самоопределение¹. Оживленное обсуждение темы суицида и государственного отношения к нему постепенно распространилось из общественного пространства и в правовую среду, а проблема «права на смерть» представляет собой один из наиболее спорных юридических вопросов².

Исходным пунктом дискуссии является главенствовавшее до недавних пор представление о недопустимости самоубийства, которое могло повлечь за собой целую цепь последствий, вплоть до уголовного преследования³. Однако длительные дебаты в конце концов привели ко всеобщему признанию права человека окончить собственную жизнь⁴. Но хотя те препятствия, которые казались многим ограничениями личной свободы, были окончательно и бесповоротно ликвидированы, практическое осуществление желания умереть натолкнулось на определенные затруднения. Ведь в то время, как «бытовые» методы самоубийства, как правило, сопряжены с физическим дискомфортом или болью, средства получить безболезненную

¹ См.: URL: <https://www.change.org/p/mein-ende-geh%C3%B6rt-mir-deshalb-fordern-wir-rechtsanspruch-auf-professionelle-sterbehilfe>

² См. об этом, напр.: Поляноко Н.И., Галузо В.Н. Допустимо ли «право на смерть» в Российской Федерации? (медико-правовые аспекты) // *Право и государство: теория и практика*. 2017. № 10. С. 90–97;

Галузо В.Н. Летальность (медико-правовое исследование). М., 2023. С. 67–79.

³ См.: Entscheidungen des Bundesgerichtshofs in Strafsachen (BGHSt). Band 6. S. 147; Band 46. S. 279.

⁴ См.: Jarass H.D. // Jarass H.D., Bodo P. (Hrsg.). Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: GG, 15. Auflage 2018. Art. 2 Rn. 34.

смерть нередко оказываются недоступными. Таким образом, в юридическом пространстве обсуждение феномена «хорошей смерти» (эвтаназии) превратилось в обсуждение вопроса об обоснованности требования оказать государственную поддержку личности, желающей собственной смерти. Государство тем самым оказывалось перед лицом движения, принципиально отрицающего физическое существование человека. Вследствие отсутствия однозначного законодательного решения вопроса взоры были устремлены в сторону судебной власти, на которую возлагались надежды по выработке юридически обоснованной и общественно приемлемой стратегии путем вынесения решений по отдельным запросам⁵. Суды ФРГ взяли за решение этой сложной задачи, причем наиболее бурную реакцию вызывали постановления Конституционного суда ФРГ (Bundesverfassungsgericht). Его значительная роль была в очередной раз продемонстрирована решением от 26 февраля 2020 г., в котором содержится основательный анализ проблематики права человека на добровольное оставление жизни и связанных с этим обязательств государственных органов. Не меньшим вниманием сопровождаются и решения ЕСПЧ, которому, впрочем, еще предстоит дать развернутый ответ по данному вопросу.

Целью данной статьи является выявление правовых позиций высших судебных инстанций ФРГ и ЕСПЧ в отношении права на добровольный уход из жизни. Особый интерес представляет набор используемых юридических аргументов, который выражает некоторые принципы конституционной антропологии, а также позволяет сделать ряд выводов о роли человека в системе государственного правопорядка и общегосударственных ценностей. Автор предпринимает критический анализ судебных решений по проблеме добровольного ухода из жизни и формулирует альтернативный подход к государственным обязательствам при реализации «права на самоубийство».

Анализ правоприменительной практики

1. Конституционный суд ФРГ: уход из жизни как конституционно-правовой вызов

Конституционный суд ФРГ подчеркивал высокую ценность человеческой жизни на протяжении всей своей истории, начиная с самой ранней фазы своей деятельности. Так, существование человека было объявлено им основой государственного единства, так как, по мнению Суда, государство Основного закона базируется на идее антропоцентричного миропорядка⁶. Отмена смертной казни в лаконично сформулированной ст. 102 Основного закона ФРГ также толковалась как основополагающее признание ценности человеческой жизни и отказ от тоталитарного использования человека для достижения «высших» целей общества, сформулированных властными элитами⁷. Однако данные выводы не содержали заключений о том, какое место в рамках Конституции ФРГ отведено праву на жизнь, а также как оно соотносится с другими основными правами.

Первым шагом в развитии правоприменительной практики стало решение о допустимости уголовного наказания за медицинское прерывание беременности. В ходе исследования конституционно-правовой гарантии по защите человеческой жизни Конституционный суд ФРГ постановил, что

жизнь представляет собой «материальную основу человеческого достоинства и необходимое условие всех прочих основных прав»⁸. Таким образом, человеческая жизнь была поставлена в неразрывную связь с ч. 1 ст. 1 Основного закона ФРГ (гарантия неприкосновенности человеческого достоинства), что, как выяснилось впоследствии, имело далеко идущие последствия. С другой стороны, ч. 2 ст. 2 (право на жизнь) превратилась в базовую норму всех правовых гарантий, закрепленных в первой главе Конституции ФРГ. Постановление Конституционного суда ФРГ внесло весомый, хотя и небесспорный⁹ вклад в толкование права на жизнь и послужило основой юридической аргументации в ходе последующих дискурсов о содержательном наполнении и рамках ч. 2 ст. 2. Другая формулировка из мотивировочной части постановления, которая заключала в себе значительный конфликтный потенциал уже в момент его вынесения и превратилась в настоящее «яблоко раздора» с наступлением эры всеобщей террористической угрозы и масштабной антитеррористической реакции государств, содержала запрет применения количественного метода по отношению к человеческим жизням. Этот подход имел своим частным выражением, в числе прочих, запрет жертвовать человеческими жизнями с целью спасти большее количество людей. Общий контекст постановления подразумевал недопустимость любой градации при оценке человеческих жизней¹⁰. В этой связи огромное значение имело и установление вечного действия данного запрета, который, согласно мнению судей, должен соблюдаться независимо от изменений общественного мнения¹¹. В постановлении о несоответствии Конституции положений Закона о воздушной безопасности (Luftsicherheitsgesetz)¹², которые, в числе прочего, допускали уничтожение воздушнотранспортных средств, похищенных террористами, даже если в них находились мирные граждане, Конституционный суд ФРГ вновь подтвердил необходимость безусловного соблюдения права на жизнь, действие которого не зависит ни от личной ситуации правообладателя, ни от его психосоматического состояния. При этом ценность человеческой жизни была в очередной раз подкреплена ссылкой на гарантию человеческого достоинства согласно ч. 1 ст. 1 Основного закона ФРГ¹³.

Помимо определения ч. 2 ст. 2 как механизма по предотвращению государственных посягательств Суд также предпринял основательное исследование позитивных обязательств государства по защите человеческой жизни. По его мнению, государство должно способствовать реализации права на жизнь и защищать его от нарушений со стороны третьих лиц¹⁴. При этом в ходе конструирования конституционно-правового фундамента этих обязательств была вновь использована ссылка на гарантию человеческого достоинства¹⁵, а их выполнение было названо *conditio sine qua non* государственного строя¹⁶. Согласно этой точке зрения, государство не должно (и не имеет права) ждать возникновения конкретного ущерба, но обязательно предпринимать профилактические меры, препятствующие

⁸ См.: BVerfGE 39, 1 (42).

⁹ См.: Fink U. Recht auf Leben und körperliche Unversehrtheit // *Merten D., Papier H.-J. (Hrsg.). Handbuch der Grundrechte in Deutschland und Europa. Band IV 2011*, § 88 Rn. 17 ff.

¹⁰ См.: BVerfGE 39, 1 (59).

¹¹ См.: *ibid*, 67.

¹² См.: Bundesgesetzblatt vom 14.01.2005, Teil I, Nr. 3. S. 78.

¹³ См.: BVerfGE 115, 118 (139, 153 ff.).

¹⁴ См.: BVerfGE 46, 160 (164).

¹⁵ См.: *ibid*; BVerfGE 88, 203 (251).

¹⁶ См.: BVerfGE 88, 203 (251 f.).

⁵ О правоприменительной практике в Великобритании и США см.: Лушикова А. И. Право на эвтаназию: анализ судебной практики Великобритании и США // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 117. С. 106–120.

⁶ См.: Entscheidungen des Bundesverfassungsgerichts (BVerfGE) 2, 1 (12).

⁷ См.: BVerfGE 18, 112 (117).

возникновению рисков¹⁷. Это включает в себя, в числе прочих, обязанность создавать механизмы раннего реагирования, которые задействуются в случае даже самых абстрактных опасностей для жизни, при которых возникновение реального ущерба маловероятно или представляется вопросом отдаленного будущего¹⁸. И хотя решения Конституционного суда ФРГ в этой области касались нарушений права на физическую неприкосновенность, выводы Суда вполне применимы и в отношении права на жизнь в силу систематической и содержательной близости данных конституционно-правовых гарантий. В отдельных случаях может быть оправдано и применение защитных мер против воли находящегося в опасности человека, если он, например, не способен распознать опасность в силу каких-либо психических недостатков¹⁹. В остальном же Суд признал за государством обширную свободу усмотрения при выполнении своих защитных обязательств. Впрочем, при определенных обстоятельствах эта свобода может ограничиваться настолько, что превращается в весьма конкретную обязанность использовать наиболее действенное законодательное средство — уголовное право²⁰.

В течение долгого времени Суду не представлялась возможность сформулировать конституционно-правовой подход к проблематике суицида. В его правоприменительной практике содержались лишь разрозненные намеки, очерчивающие каркас правовых позиций по данному вопросу. Так, в постановлении о конституционности предписания об обязательном ношении мотоциклетных шлемов Суд заключил, что ограничения конституционно гарантированной свободы действий могут быть допустимы в тех случаях, когда они имеют своей целью сохранение жизни человека, халатные действия которого превращают его в источник опасности не только для самого себя, но и для общества²¹. Тем самым была выражена готовность защищать жизнь даже против воли ее обладателя, если его действия могут иметь негативные последствия для окружающих. Наряду с этим выводом обнаружилась и тенденция рассматривать вопросы распоряжения человеческой жизнью и его ограничений не в рамках ч. 2 ст. 2, но в контексте права на личностное самоопределение согласно ч. 1 ст. 2, ч. 1 ст. 1, а также права на общую свободу действий согласно ч. 1 ст. 2 Основного закона ФРГ. Данное решение Конституционного суда ФРГ послужило сигналом к выработке собственных позиций и для других немецких высших судов, которые также базируются на праве личности на самоопределение.

Постановление о закреплённом в ч. 1 ст. 217 УК ФРГ запрете профессионального содействия лицам, желающим добровольно окончить свою жизнь²², является своего рода кульминацией правоприменительной практики Конституционного суда ФРГ. Отличительной особенностью этого решения является тот факт, что вопрос о праве распоряжаться собственной жизнью затрагивает не какой-либо второстепенный аспект рассматриваемого дела, как это часто бывало в других рассмотренных Судом случаях, но представляет собой центральную проблему всего разбирательства. Позиция Суда была ясно объявлена уже в первом пункте резолютивной части решения, в котором право на добровольный уход из жизни была классифицировано как выражение права на личностное самоопределение согласно ч. 1 ст. 2, ч. 1 ст. 1 Основного закона ФРГ.

Таким образом, вопрос о вычленении тематического комплекса добровольного оставления жизни из контекста права на жизнь, по крайней мере с точки зрения Конституционного суда ФРГ, можно считать решённым. Право на самоопределение личности, которое Суд считает своего рода вспомогательным конституционно-правовым элементом, находит свое выражение в том числе в том, что человек имеет возможность распоряжаться собственным существованием в любой жизненной ситуации. Исходя из этой юридической аргументации, вывод о том, что рамки этого распорядительного права должны включать в себя и право на распоряжение собственной жизнью, представляется логически необходимым²³. Решение о продолжении либо окончании собственной жизни возносится в ранг сущностного элемента человеческой идентичности и индивидуальности, одним из аспектов которого, по мнению Суда, является право на принятие решения умереть. Согласно этой концепции, право на добровольный уход из жизни выступает гарантией всеобъемлющей защиты личностного самоопределения и индивидуальной реализации²⁴. Суд постановил, что ни состояние здоровья правообладателя, ни ожидания или убеждения третьих лиц не должны влиять на сугубо личное решение о распоряжении жизнью²⁵. Контраргумент о том, что признание права окончить собственную жизнь противоречит гарантии человеческого достоинства, так как разрушает его «материальную основу», Суд парировал утверждением о том, что аспект личной автономии, содержащийся в тематическом комплексе человеческого достоинства, как раз и находит свое выражение в решении об окончании жизни. Таким образом, в данном случае следует говорить не о нарушении, но об активации человеческого достоинства в конкретном решении прекратить свое существование²⁶. Понятно, что в шкале ценностей, выстроенной Судом, возможность принятия автономного решения как выражение человеческого достоинства находится выше физического существования его обладателя. Именно поэтому к государственным мерам, ограничивающим реализацию права на добровольный уход из жизни, предъявляются строгие требования²⁷. Ограничения признаются допустимыми лишь в том случае, если они защищают индивидуальное самоопределение личности²⁸. Напротив, государственные меры, защищающие человеческую жизнь, но препятствующие осуществлению добровольного желания умереть, не могут быть оправданы²⁹.

2. Высший административный суд: суицид как акт самоопределения, влекущий за собой государственные обязательства

В 2017 г. Высший административный суд ФРГ (Bundesverwaltungsgericht, далее — ВАС) воспользовался жалобой на отказ от предоставления больной женщине доступа к смертельно действующему препарату, для того чтобы сформулировать собственную конституционно-правовую позицию по вопросу суицида. Мотивировка данного решения зиждется на предпосылке признания за каждой личностью права

¹⁷ См.: BVerfGE 56, 54 (78).

¹⁸ См.: BVerfGE 90, 145 (184).

¹⁹ См.: BVerfGE 58, 208 (225).

²⁰ См.: BVerfGE 39, 1 (47 f.).

²¹ См.: BVerfGE 59, 275 (279).

²² См.: BVerfGE 153, 182.

²³ См.: *ibid.*, Rn. 203, 209.

²⁴ См.: *ibid.*, Rn. 209.

²⁵ См.: *ibid.*, Rn. 210 со ссылкой на BVerfGE 52, 131, 175. Неясным, однако, остается вопрос о том, как данная позиция соотносится с выводами Конституционного суда о признании Конституцией общественной природы индивидуума, которая особо подчеркивается в решении (Rn. 301).

²⁶ См.: *ibid.*, Rn. 211.

²⁷ См.: *ibid.*, Rn. 221.

²⁸ См.: *ibid.*, Rn. 275.

²⁹ См.: *ibid.*, Rn. 277.

на автономное решение об окончании собственной жизни³⁰. Смена угла рассмотрения проблемы, которая наметилась еще в правоприменительной практике Конституционного суда ФРГ и согласно которой вопрос добровольного ухода из жизни должен рассматриваться в рамках права на самоопределение согласно ч. 1 ст. 2, ч. 1 ст. 1 Основного закона ФРГ, была последовательно претворена в жизнь. Взяв за основу уже признанное немецкими судами право на отказ от медицинского лечения, ВАС пришел к выводу, что неизлечимо больной человек имеет право самостоятельно определить время собственной смерти, опираясь на право на самоопределение, а государство не имеет права препятствовать ему в исполнении этого решения. Данная аргументация сопровождалась конкретизирующим прибавлением, согласно которому активация права на самоопределение не зависит от наступления непосредственной летальной фазы³¹. Необходимо отметить, что решение ВАС хотя и вызвало значительный общественный резонанс, но по сути стало лишь судебной манифестацией мнения, которое разделялось большинством экспертов по данному вопросу³².

Напротив, требования, сформулированные ВАС по отношению к государственным органам, в задачи которых входила обработка заявлений граждан на получение смертельно действующих препаратов, стали поистине революционными. Исходным пунктом аргументации стало признание отказа в предоставлении доступа нарушением, которое затрагивает сферу самоопределения пациента³³. Тем самым спектр государственных обязательств³⁴ был расширен обязательством предоставлять требуемые препараты людям, желающим окончить свою жизнь. По примеру правоприменительной практики Конституционного суда ФРГ обоснование этой правовой позиции было укреплено с помощью привлечения конституционно-правового «супертяжеловеса» — гарантии человеческого достоинства. По мнению ВАС, из права на личностное самоопределение согласно ч. 1 ст. 2, ч. 1 ст. 1 Основного закона ФРГ в его связи с гарантией человеческого достоинства вытекает обязанность государства уважать желание человека окончить свою жизнь, которое представляет собой выражение права на самоопределение. В случае больных и испытывающих значительную физическую боль заявителей происходит интенсификация данного обязательства, а именно замещение обязательства уважать желание умереть конкретным обязательством предоставить необходимые препараты для осуществления суицида³⁵.

Следует отметить, что ВАС принял во внимание и конституционно-правовое обязательство государства защищать человеческую жизнь. Оно несколько раз упоминается в тексте решения и учитывается при исследовании баланса интересов в рамках анализа конституционной допустимости отказа в удовлетворении заявления на предоставление смертельно действующего препарата³⁶. Однако судьи сочли особо значимым право на самоопределение в отношении личностей, находящихся в условиях чрезвычайной ситуации, такой как, например смертельная болезнь, вследствие чего оно

превалирует над интересами по защите человеческой жизни³⁷. Таким образом, ВАС заостряет внимание на высокой ценности свободного волеизъявления неизлечимо больных, страдающих пациентов, отвергая гипотезу об индивидуальной конституционно-правовой обязанности продолжать свою жизнь. Однако уже в кратком, но содержательно весьма интересном отступлении он отказывается от условия наличия чрезвычайной ситуации, установленного им самим несколькими абзацами ранее, и расширяет государственное обязательство по защите «права на смерть» на иные жизненные ситуации, которые им, впрочем, детально не регламентируются³⁸. Здесь же происходит и ужесточение только что установленного государственного обязательства, так как ВАС запрещает государственным органам отказывать в удовлетворении заявлений на предоставление доступа к смертельно действующим препаратам под предлогом того, что желание заявителя может быть осуществлено в иной европейской стране, легализовавшей эвтаназию. Недопустимым признается и продолжение медицинского лечения в случае, если желание пациента окончить собственную жизнь может быть исполнено путем прекращения лечения без негативных последствий для его здоровья³⁹.

3. Верховный суд ФРГ: желание собственной смерти как декриминализующий фактор

Палаты Верховного суда ФРГ (Bundesgerichtshof), в юрисдикцию которых входит рассмотрение уголовных дел, дали подробное толкование вопроса о не подлежащих уголовному наказанию действиях, направленных на поддержку суицида. Постановления от 3 июля 2019 г.⁴⁰ представляют своего рода итог юридического анализа феномена самоубийства, осуществлявшегося в уголовно-правовой практике в течение многих лет. Принимая во внимание специфику данной материи, в качестве основополагающей предпосылки была взята идея о ненаказуемости самоубийств, следствием которой был вывод о ненаказуемости пособнических действий, направленных на умерщвление желающего собственной смерти⁴¹. В этой связи центральным фактором решения об уголовной ответственности стала воля человека, реализующего замысел о добровольном оставлении жизни, так как его самостоятельное решение («владение ситуацией» в терминологии уголовного права) имеет своим следствием ненаказуемость всех участников процесса⁴². Однако в случае, если человек используется как своего рода орудие для собственного уничтожения путем применения физического или психологического давления, обмана или манипуляции умственными недостатками, уголовная ответственность ложится на того, в чьих руках находятся инструменты влияния и чьими действиями в конечном счете и было вызвано самоубийство⁴³. Тем самым достигается сопряжение правоприменительной практики Верховного суда ФРГ с Конституционным судом ФРГ и ВАС ФРГ, так как и эти высшие судебные инстанции придают определяющее значение волеизъявлению человека относительно его жизни. По мнению Верховного суда ФРГ, решение о добровольном уходе из жизни должно учитываться и в тех случаях, когда физическое и психическое состояние здоровья человека подорвано длительным

³⁰ См.: Entscheidungen des Bundesverwaltungsgerichts (BVerwGE) 158, 142 (153).

³¹ См.: *ibid.*, 152 f.

³² См.: Jarass H.D. // Jarass H.D., Bodo P. (Hrsg.). Op. cit. Art. 2 Rn. 81.

³³ См.: BVerwGE 158, 142 (154).

³⁴ См.: Воскобитова М.Р. Позитивные обязательства государства как гарантия обеспечения прав человека и основных свобод // Междунар. правосудие. 2011. № 1. С. 78–86.

³⁵ См.: BVerwGE, 154 f.

³⁶ См.: *ibid.*, 155 ff.

³⁷ См.: *ibid.*, 156.

³⁸ См.: *ibid.*, 157.

³⁹ См.: *ibid.*, 157 f.

⁴⁰ См.: 5 StR132/18, 5 StR393/18.

⁴¹ См.: Kindhäuser U., Neumann U., Paeffgen H.-U. (Hrsg.). Strafgesetzbuch, 5. Auflage 2017, Vorbemerkungen zu § 211 Rn. 37, 47.

⁴² См.: BGH, Urteil vom 3. Juli 2019—5 StR132/18. Rn. 17, 21.

⁴³ См.: Lackner / Köhl, StGB, 29. Auflage 2018, Vorbemerkung zu § 211—222. Rn. 13 ff.

заболеванием, сопровождающимся депрессиями⁴⁴. Фокусировка на личном решении подкрепляется указанием на категориальное отличие действий, направленных на достижение собственной смерти, и случаев добровольного членовредительства, целью которых является лишь привлечение внимания к собственной персоне, но которые вопреки изначальному плану оканчиваются случайной смертью пострадавшего⁴⁵. Так, согласно ст. 323с УК ФРГ, лица, находящиеся в непосредственной близости человека с видимыми последствиями несчастного случая, за который может быть принята попытка самоубийства, обязаны предпринять все возможные действия для оказания помощи пострадавшему⁴⁶. Однако если самоубийца однозначно выражает желание окончить свою жизнь, то действие данной гражданской обязанности прекращается⁴⁷.

4. Европейский Суд по правам человека: уважение общественно-культурного многообразия

Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) разъяснил свое понимание содержания и границ права на жизнь в решениях по ряду индивидуальных жалоб. Отправным пунктом изначально служила ст. 2 Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), согласно которой государства — участники Конвенции обязаны законодательно обеспечить защиту человеческой жизни. В этой связи перед ЕСПЧ несколько раз вставал вопрос о том, вытекает ли из этой статьи право граждан определять время окончания собственной жизни и как государствам-участникам следует относиться к подобным решениям. Необходимо отметить, что все без исключения решения по данной проблематике касаются случаев из сферы паллиативной медицины. Это значит, что правоприменительная практика ЕСПЧ хотя и косвенно затрагивает тематический комплекс суицида, однако, непосредственно разрешает споры из более специфической области эвтаназии.

Основа правоприменительной практики Суда была заложена решением по делу *Претти против Великобритании*⁴⁸. Оно касалось заявительницы, страдающей боковым амиотрофическим склерозом, который повлек за собой практически полный паралич. Ввиду тяжелых физических ограничений и страданий она выразила желание уйти из жизни, что в ее положении, впрочем, предполагало содействие другого лица. Муж пациентки изъявил готовность способствовать осуществлению желания своей супруги, однако опасался уголовной ответственности за пособничество убийству в соответствии с уголовным законодательством Соединенного Королевства. Его заявление на предоставление иммунитета от уголовного преследования было отклонено. В ходе разбирательства обжалования отказа государственных органов ЕСПЧ постановил, что ч. 1 ст. 2 ЕКПЧ не гарантирует «право на смерть»⁴⁹. Концепция «негативных свобод», которая представляет один из основополагающих элементов немецкой конституционно-правовой доктрины и применяется также и при толковании ЕКПЧ, не была задействована в отношении случаев добровольного ухода из жизни. Причиной такому подходу явилось то обстоятельство, что содержание гарантии права на жизнь было истолковано буквально, со значительным упором на текст ч. 1 ст. 2, вследствие чего ЕСПЧ не пришел к выводу о существовании

индивидуальных правовых позиций, но сконцентрировался исключительно на государственном обязательстве по защите человеческой жизни⁵⁰. По его мнению, в рамках индивидуальной жалобы заявитель может требовать лишь соблюдения этого обязательства, но не содействия государственных органов по прекращению собственной жизни. ЕСПЧ не предпринял шага к провозглашению «права на смерть», которое могло бы быть истолковано как выражение права на самоопределение, хотя такой вариант был вполне возможен, например, при соответствующей интерпретации права на уважение личной жизни согласно ч. 1 ст. 8 ЕКПЧ⁵¹.

В решении по делу *Хаас против Швейцарии*⁵² обстоятельства несколько отличались, поскольку заявитель страдал не физическим, а психическим заболеванием (биполярное аффективное расстройство). После пребывания в нескольких лечебных учреждениях он принял решение прекратить собственную жизнь. Согласно его замыслу, смерть должна была быть вызвана путем принятия смертельной дозы пентобарбитала. Однако его заявление на выдачу препарата было отклонено. В обоснование своей жалобы в ЕСПЧ заявитель сослался — и именно это было новшеством по сравнению с решением по делу *Претти против Великобритании* — на т.н. право на достойную смерть, которое, по его мнению, содержалось в Конвенции⁵³. После ссылки на гарантию человеческого достоинства рассмотрение дела сместилось из ст. 2 (право на жизнь) в ст. 8 (право на уважение и защиту частной жизни). При этом само понятие частной жизни толкуется расширительно и включает в себя различные аспекты физической и общественной идентификации, такие, как определение половой принадлежности, сексуальной ориентации и половой жизни⁵⁴. Следуя данному подходу экстенсивной интерпретации, право на добровольный уход из жизни было квалифицировано как выражение личностной самореализации согласно ст. 8 ЕКПЧ⁵⁵. Несмотря на то что пространство ст. 2 ЕКПЧ было исключено из перспективы юридического исследования дела, ЕСПЧ вернулся к ней для того, чтобы сформулировать исключение из общего правила уважать личностное волеизъявление, которое касается невменяемых и ограниченно вменяемых лиц, опираясь при этом на государственное обязательство по защите граждан от самопроизвольного членовредительства⁵⁶. Из этого заключения можно было сделать вывод о принципиальной готовности ЕСПЧ признать «право на смерть», которое включало бы в себя по крайней мере обязательство уважать, если не активно поддерживать, реализацию желания уйти из жизни. Вместе с тем стремлению абсолютизировать защиту частной жизни был поставлен заслон.

⁵⁰ См.: *ibid.*

⁵¹ Ссылка на данное постановление ЕСПЧ в решении Конституционного суда ФРГ от 26.02.2020 г. (см. выше), которая была призвана придать дополнительной убедительности аргументации последнего, на поверку выявляет лишь ошибочное понимание решения страсбургского Суда. Во-первых, ЕСПЧ в отличие от Конституционного суда ФРГ намеренно отказался от рассмотрения вопроса о праве на самоубийство в контексте Конвенции. Во-вторых, он не сформулировал запрет на продление лечения против воли пациента, но лишь процитировал опасения пациентов преклонного возраста (п. 65 мотивировочной части, который приводится в п. 304 решения Конституционного суда ФРГ).

⁵² См.: Application no. 31322/07, Haas v. Switzerland, Judgement of 20 January 2011.

⁵³ См.: *ibid.*, para 33.

⁵⁴ См.: Meyer-Ladewig J., Nettesheim M., Raumer S. von (Hrsg.). Europäische Menschenrechtskonvention, 4. Auflage 2017. Art. 8. Rn. 7.

⁵⁵ См.: Haas v. Switzerland, para 50, 51.

⁵⁶ См.: *ibid.*, para 54, 58.

⁴⁴ См.: BGH, Urteil vom 3. Juli 2019—5 StR393/18. Rn. 19 f.

⁴⁵ См.: BGH, Urteil vom 3. Juli 2019—5 StR132/18. Rn. 25, 42.

⁴⁶ См.: *ibid.*, Rn. 45 f.

⁴⁷ См.: *ibid.*, Rn. 47.

⁴⁸ См.: Application no. 2346/02, Pretty v. Great Britain, Judgement of 29 April 2001.

⁴⁹ См.: Pretty / Great Britain, para 39.

В решении по делу *Хаас против Швейцарии*, в котором вменяемость заявителя представлялась по крайней мере сомнительной, ЕСПЧ, руководствуясь принципом *in dubio pro vita*, отдал предпочтение интересу государственных органов по защите своих граждан от последствий скоропалительного желания умереть, вследствие чего стремлению заявителя свести счеты с жизнью надлежало остаться нереализованным⁵⁷. Развивая данную правовую позицию, ЕСПЧ в решении по делу *Кох против Германии* установил обязанность органов государств — участников ЕКПЧ учитывать акты личностного самоопределения, которые представляют собой реализацию права на защиту частной жизни. В противном случае сам факт игнорирования индивидуального волеизъявления будет квалифицироваться как нарушение ст. 8 ЕКПЧ⁵⁸.

Предметом рассмотрения в деле *Ламберт и др. против Франции* была обратная ситуация⁵⁹. Заявители — родственники пациента, находящегося в коме, — требовали продления медицинских процедур, в то время как лечащий врач настаивал на прекращении искусственного питания в виду бесперспективности дальнейшего лечения. Таким образом, перед ЕСПЧ стояла задача принять решение по вопросу, обязаны ли государственные служащие принимать меры по сохранению жизни во всех возможных случаях или же государственное обязательство по защите человеческой жизни может при определенных условиях прекращать свое действие. Ответ был дан на основании предпосылки о значительной мере усмотрения государственных органов при выполнении ими своих обязательств. Так, в отношении сложных научных, юридических или этических проблем, касающихся вопроса окончания человеческой жизни, Конвенция не предписывает какого-либо единственно возможного решения, но допускает многообразие подходов, обусловленных культурными, общественными и этическими особенностями⁶⁰. Суд установил отсутствие общеевропейского консенсуса по вопросу допустимости прекращения лечения и заключил, что каждое государство-участник Конвенции вправе как законодательно закрепить безусловную обязанность сохранять человеческую жизнь, так и отказаться от нее⁶¹. В случае, если государство допускает прерывание лечения, ЕСПЧ оставляет за собой право проверять определенность законодательных критериев, предъявляемых к принятию такого решения⁶². В то же время было особо подчеркнуто определяющее значение волеизъявления пациента⁶³, вследствие чего прерывание терапии против однозначно выраженного желания пациента было объявлено абсолютно недопустимым.

Анализ мнений экспертного сообщества

Анализ решений показывает, что признание права на добровольный уход из жизни основывается на общесудебном консенсусе, причем эта точка зрения разделяется инстанциями всех правовых отраслей. Учитывая религиозно-этический фон, господствующий в обществах западноевропейских государств в настоящий момент, данная позиция скорее всего не будет

подвержена пересмотру в обозримой перспективе. Высказываемое в некоторых исследованиях более раннего периода мнение о том, что суицид не заслуживает конституционно-правовой защиты и должен быть законодательно запрещен по философским, этическим и государственно-теоретическим соображениям⁶⁴, считается окончательно устаревшим. Однако в юридическом сообществе проблематика добровольного ухода из жизни продолжает активно обсуждаться, причем предметом дискуссии служат не только теоретические аспекты, но и вопросы практического правоприменения. В центре научно-исследовательского интереса стоит вопрос о том, как государство должно относиться к своим гражданам, желающим собственной смерти.

1. Самоубийство как использование «негативной свободы»

Как кажется, при рассмотрении проблематики суицида в конституционно-правовом поле ч. 2 ст. 2 Основного закона ФРГ может быть легко установлена связь с т.н. «негативными свободами». Аналогии со свободой вероисповедания, свободой мнений, свободой объединений, свободой собраний и многими другими основными правами практически вынуждают признать негативное пространство свободы и в рамках права на жизнь⁶⁵. Развивая эту аргументационную логику, следует признать, что если право на жизнь может быть нарушено одним единственным способом — убийством, то и в случае с его оборотной, негативной стороной возможна лишь одна опция ее реализации — отказ от жизни через добровольную смерть. Обоснование представляется столь же понятным, сколь и неопровержимым: непризнание права на самоубийство представляет собой поведенческое ограничение и, таким образом, противоречит задаче основных прав по максимальной защите и способствованию реализации личных свобод⁶⁶. Следовательно, «обязанность жить» оказывается противоречащей гарантии человеческого достоинства, пронизывающей все без исключения области права. Навязывание каких-либо правовых позиций, таких как, например обязательство продолжать жизнь, в этой связи представляется действием, низводящим личность до роли объекта государственной политики, что противоречит гарантии человеческого достоинства и потому является недопустимым⁶⁷.

Следует отметить, что данное мнение основывается на предположении о пересечении защитных сфер ч. 2 ст. 2 и ч. 1 ст. 1 Основного закона ФРГ. Оно коренным образом зависит от признания коррелятивной связи человеческой жизни с человеческим достоинством, которая переводит юридический анализ в плоскость ч. 1 ст. 1. Однако если последовательно придерживаться данной точки зрения, то необходимо будет сделать вывод о недопустимости любых ограничений права на жизнь. Принимая во внимание установленное «душевное родство» ч. 2 ст. 2 и ч. 1 ст. 1, с одной стороны, и неотчуждаемость человеческого достоинства — с другой, провозглашение абсолютной неприкосновенности человеческой жизни представляется логически неотвратимым⁶⁸. Заключительным аккордом этого умозаключения должен стать вывод о том, что ч. 2 ст. 2 не содержит права на добровольный уход из жизни по причине ее неотчуждаемости. Тем самым, однако,

⁵⁷ См.: Haas v. Switzerland, para 56.

⁵⁸ См.: Application no. 497/09, Koch v. Germany, Judgement of 19 July 2012, para 66 et seq.

⁵⁹ См.: Application no. 46043/14, Lambert a.o.v. France, Judgement of 5 June 2015; об этом решении см.: Ковлер А.И. Право на жизнь и «автономия личности» // Междунар. правосудие. 2015. № 3 (15). С. 52—55.

⁶⁰ См.: Lambert a.o.v. France, para 144.

⁶¹ См.: ibid, para 147, 148; см. также: Application no. 39793/17, Gard a.o.v. Great Britain, Judgement of 27 June 2017, para 122, 123.

⁶² См.: Lambert a.o.v. France, para 159, 160.

⁶³ См.: ibid, para 147.

⁶⁴ См.: Lorenz D. Recht auf Leben und körperliche Unversehrtheit // Isensee J., Kirchhof P. (Hrsg.). Handbuch des Staatsrechts, Band VI, 1. Auflage 1989, § 128 Rn. 62.

⁶⁵ См.: Fink U. Selbstbestimmung und Selbsttötung. 1992. S. 98.

⁶⁶ См.: ibid. S. 107.

⁶⁷ См.: Herdegen M. // Maunz Th., Dürig G. (Hrsg.). Grundgesetz. Kommentar, 88. Ergänzungslieferung (Stand: August 2019), Art. 1 Abs. 1 Rn. 89.

⁶⁸ См.: Udo di Fabio // Ibid. Art. 2 Abs. 2 Nr. 1 Rn. 47.

достигается прямая противоположность изначально сформулированной задаче. Противоречивость данной модели выявляется и при рассмотрении «побочного эффекта» смещения конституционно-правового содержания ч. 1 ст. 1 и ч. 2 ст. 2. Если считать человеческую жизнь лишь материальным воплощением человеческого достоинства, то каждое нарушение этого права должно быть квалифицировано как опосредованное ограничение человеческого достоинства, которое, однако, не может быть признано допустимым ни при каких обстоятельствах в силу абсолютного действия ч. 1 ст. 1⁶⁹. О подобной «сакрализации» жизни вряд ли могут мечтать даже представители самых консервативных кругов.

Кроме того, следует подчеркнуть, что ч. 2 ст. 2 защищает человеческую жизнь лишь от сторонних посягательств, но не гарантирует свободу распоряжаться этой конституционно-правовой ценностью по своему усмотрению. Именно поэтому государственные органы не вправе выносить суждений о полезности либо бесполезности конкретных человеческих жизней со всеми вытекающими негативными последствиями⁷⁰. Правовой характер права на жизнь, которое по своему изначальному смыслу является защитным механизмом от нарушений со стороны государства, не позволяет интерпретировать его содержание ни как гарантию «права жить», ни как гарантию «права умереть»⁷¹. Вопреки опасениям, данная точка зрения не превращает объект конституционно-правовой защиты в неопределенную абстракцию и не отдает человеческую жизнь в безраздельное распоряжение государственных органов. Жизнь каждого человека по-прежнему находится под защитой Конституции, однако, эта защита распространяется лишь на ее существование. При непременном желании сконструировать некое негативное пространство права на жизнь его содержание исчерпывалось бы отказом от конституционной защиты — решение, которое государственные органы должны уважать независимо от личных предпочтений их сотрудников. Однако действия, которые выражают отношение личности к собственной жизни вовне, не являются объектом защиты ч. 2 ст. 2⁷². В частности, право на жизнь не предоставляет желающему собственной смерти возможности требовать от государства какой-либо поддержки⁷³.

Оппоненты данного мнения могут возразить, что в этом случае человек частично лишается своего права на жизнь, так как он оказывается не в состоянии выбирать между несколькими альтернативами жизнеустройства, т.е. не может распоряжаться жизнью по своему усмотрению⁷⁴. Этот аргумент может быть количественно представлен следующим образом: органическая целостность ч. 2 ст. 2 складывается из двух равнозначных элементов: вопросом о том, как распоряжаться собственной жизнью и решением о том, распоряжаться ли ею вообще.

⁶⁹ См. также: Lorenz D. // Kahl W., Waldhoff Ch., Walter Ch. (Hrsg.). Bonner Kommentar zum Grundgesetz, Band 2, Stand: Juni 2012, Art. 2 Abs. 2 Satz 1 Rn. 417.

⁷⁰ См.: Roelcke G. Gibt es ein "Recht auf den Tod"? // Eser A. (Hrsg.). Suizid und Euthanasie als human- und sozialwissenschaftliches Problem, 1976. S. 338; Wassermann R. Das Recht auf den eigenen Tod // Deutsche Richterzeitung. 1986. S. 292.

⁷¹ Schwabe J. Der Schutz des Menschen vor sich selbst // Juristenzeitung. 1998. S. 69.

⁷² См. также: Wiedemann R. // Umbach D. C., Clemens T. (Hrsg.). Grundgesetz. Mitarbeiterkommentar und Handbuch, Band I, 2002, Art. 2 II Rn. 293.

⁷³ См.: Lorenz D. // Kahl W., Waldhoff Ch., Walter Ch. (Hrsg.). Op. cit. Art. 2 Abs. 2 Satz 1 Rn. 420.

⁷⁴ См., напр.: Dutge G. Lebensschutz und Selbstbestimmung am Lebensende // Zeitschrift für Lebensrecht. 2/2004. S. 32 f.

Изыятие хотя бы одного из этих элементов нарушает полноту личностного самоопределения. Однако ч. 2 ст. 2 по своей природе не предоставляет право выбора. Как и гарантия человеческого достоинства, она не открывает человеку множество различных возможностей, но защищает только само существование человеческой жизни⁷⁵. Таким образом, попытка установить некий содержательный параллелизм права на жизнь с другими основными правами, такими, как ч. 1 ст. 5 (право на выражение множества различных мнений) или ч. 1 ст. 9 (право основывать множество различных объединений), представляется ошибочной как с исторической, так и с телеологической точки зрения.

2. Отсутствие корреляции самоубийства и самоопределения

Попытка альтернативного обоснования права на добровольный уход из жизни зиждется на праве личностной самореализации согласно ч. 1 ст. 2, ч. 1 ст. 1 Основного закона ФРГ. Приверженцы этой модели считают решение окончить собственную жизнь актом самоопределения, следствием которого является обязательство государственных органов не только уважать сделанный человеком выбор, но и активно способствовать осуществлению замысла. В основе данной позиции лежит тезис о том, что государство не может довольствоваться лишь отказом от нарушения основных прав, но обязано создать условия для их эффективной реализации⁷⁶. Однако так как желание умереть зачастую предполагает санкционирование доступа к смертельно действующим препаратам, то закрепленное в Конституции ФРГ право на уважение личностного самоопределения эволюционирует до уровня права на получение желаемого медикамента⁷⁷.

Однако в этом случае сама основополагающая предпосылка рассуждений может быть поставлена под сомнение. Самоопределение предполагает жизненную активность субъекта самоопределения, без «материальной основы» невозможна не только личностная реализация, но и личностное существование. Государство, которое признает личностную реализацию высшей ценностью и обязуется всемерно способствовать самоопределению своих граждан, оказывается перед лицом системного противоречия, если от него требуют поддержки усилий по прекращению жизни, с которым неразрывно связано и окончание всякого самоопределения. Носитель конституционных прав и свобод находится под защитой Основного закона до тех пор, пока осознает себя и действует как активный, неоконченный и стремящийся к какому-либо завершению личностный проект. При такой самооценке он имеет право требовать от государственных органов того содействия, какое они могут оказать, исходя из своих возможностей. Однако в случае, когда проект объявляется завершенным, государство может лишь принять это решение к сведению, но не должно содействовать его сворачиванию.

3. Общность индивидуума

С тех пор, как Аристотель определил человека как «существо политическое»⁷⁸, межличностное общение и взаимодействие признаются основными потребностями человеческой природы. Это значит, что человек реализует себя

⁷⁵ См.: Hillgruber Ch. Die Bedeutung der staatlichen Schutzpflicht für das menschliche Leben bezüglich einer gesetzlichen Regelung zur Suizidbeihilfe // Zeitschrift für Lebensrecht 3/2013. S. 70.

⁷⁶ См.: Hufen F. Selbstbestimmtes Sterben — Das verweigerte Grundrecht // Neue Juristische Wochenschrift (NJW). 2018. S. 1525.

⁷⁷ См.: Brade A. // Tänzer B. "Der Tod auf Rezept"? Neue Zeitschrift für Verwaltungsrechte (NVwZ). 2017. S. 1438.

⁷⁸ Аристотель. Политика // Аристотель. Соч. / пер. С.А. Жебелева). М., 1983. Т. 4. С. 377.

по преимуществу посредством контактов с окружающим миром, с которым он делится своими внутренними ощущениями и от которого получает импульсы для дальнейших действий. Лишь через такие взаимодействия человек осознает свои индивидуальные свободы и обустроивает свою жизнь с целью наиболее полной личностной реализации⁷⁹. Практически дословно цитируя антропологические воззрения Аристотеля, Конституционный суд ФРГ описывает образ носителя конституционных прав и свобод такими характеристиками, как общность и коллективность⁸⁰. И хотя Основной закон ФРГ не выражает предпочтений относительно способов личностной реализации и теоретически включает в сферу своей защиты даже действия в полной изоляции от общества, вряд ли можно оспаривать тот факт, что личностная реализация в условиях глобализации и цифровизации в подавляющем большинстве случаев осуществляется путем интеракции с себе подобными⁸¹. Но если личностная реализация отличается своим общественным вектором, то эта направленность должна отражаться и на основных правах, которые обеспечивают самореализацию человека. Так, каждое основное право предполагает существование определенного коллектива, в котором оно получает содержательное наполнение и ограничение: общество дает свободе ее действительность, активизирует ее⁸². Таким образом, смерть также приобретает общественное и юридическое значение, вследствие чего тезис «каждый умирает в одиночку» в рамках проблематики добровольного ухода из жизни не может быть признан действительным. Человеческие отношения и возникающие из них межличностные связи создают фундамент общности, функциональность которой зависит от вклада каждого из ее членов. Следовательно, под сомнение может быть поставлена сама модель обоснования права на добровольный уход из жизни, выстроенная на постулате личностной автономии, выражением которой является решение завершить собственную жизнь⁸³. В рамках конституционно-правового порядка, имеющего своим основополагающим элементом внутреннюю связь его членов, эта позиция должна быть по меньшей мере скорректирована. Кроме того, необходимо учитывать, что решение окончить свою жизнь, которое влечет за собой сокращение арсенала общественных связей, может представлять собой значительную опасность для существования общности в целом. Следовательно, стремление нейтрализовать конфликтный потенциал путем отказа от государственного содействия суициду следует признать вполне обоснованным⁸⁴.

Из установленной общности индивидуума следует, что и жизнь, и смерть человека включают в себя общественную компоненту. Суицид, без сомнения, оказывает значительное негативное воздействие на родственников и знакомых самоубийцы, так как процесс переработки этого трагического события занимает подчас весьма длительное время. Кроме того, подобный шаг влияет и на сообщество граждан, юридическое

оформление которого содержится в Основном законе ФРГ. Закрепленный в ч. 2 ст. 2 посыл в пользу человеческой жизни⁸⁵ теряет свою убедительность, если индивидуальное стремление лишить себя жизни получает государственную поддержку, так как тем самым подрывается доверие государственным органам в целом. Заклоченный в этой статье сигнал адресован отчаявшимся людям, он предлагает им получить от государства материальное либо нематериальное вспомоществование в тяжелых жизненных ситуациях. Государственная поддержка самоубийств нивелирует обязательство по защите человеческой жизни, которое действует независимо от того, как относится к своей жизни тот или иной индивидуум⁸⁶. При законодательном закреплении случаев государственной поддержки суицида, даже если эти случаи являются абсолютными исключениями, вероятно коренное изменение конституционно-правовой парадигмы в среднесрочной перспективе, так как подобные изменения законодательства внедряют в сознание мысль о принципиальной приемлемости суицида и обладают потенциалом стимулировать общественное принятие самоубийства как допустимой поведенческой опции⁸⁷. При таком развитии событий лавинообразное увеличение заявлений на получение государственной поддержки прекращения собственной жизни могут оказаться вовсе не отвлеченными фантазиями⁸⁸, но логическим завершением запущенной законодателем реакции⁸⁹.

Следует подчеркнуть, что ссылка на связь индивидуума с обществом не влечет за собой нивелирования конституционных прав из-за чрезмерного акцентирования их объективной компоненты. Верным представляется утверждение о том, что защита основных прав не может быть устранена общей ссылкой на объективный порядок ценностей, содержащийся в совокупности конституционно-правовых позиций. В противном случае весьма реальной становится опасность предоставления личности в распоряжение общества, а в конце концов — государства⁹⁰. Защитная компонента основных прав противостоит инструменталистскому подходу, при котором правовые гарантии поворачиваются против самих себя и используются для оправдания нарушений других правовых гарантий. Отказываясь от поддержки суицида, государство не преследует никаких абстрактно-сверхиндивидуальных целей. Ни общественное благо, ни закон морали, ни тем более само государство не являются ценностью, равнозначной ценности индивидуума. Следовательно, вклад в закрепление какого бы то ни было «общественного принципа» может быть не более чем побочным эффектом. Первичной целью является защита конкретной личности в том ее образе, какой ее видит Конституция. Как было установлено ранее, «личность Основного

⁸⁵ См.: BVerfGE 22, 180 (219); 58, 208 (225); 60, 123 (133) sowie Udo di Fabio. Zur Theorie eines grundrechtlichen Wertesystems // Merten D., Papier H.-J. (Hrsg.). Op. cit. Band II, 2006, § 46 Rn. 51.

⁸⁶ См.: Hillgruber Ch. Die Erlaubnis zum Erwerb eines Betäubungsmittels in tödlicher Dosis für Sterbenskranke — grundrechtlich gebotener Zugang zu einer Therapie “im weiteren Sinne”? Besprechung von BVerwG, Urteil v. 2.3.2017—3 C19.15 // Juristenzeitung. 2017. S. 780.

⁸⁷ Данное предположение уже подтверждается рядом событий, таких как, например заявления лиц, находящихся в местах лишения свободы, о предоставлении им государственной поддержки для окончания собственной жизни (см.: BVerfG, Beschluss vom 3. November 2021—2 BvR828/21).

⁸⁸ См.: Hufen F. Op. cit. S. 1526.

⁸⁹ См.: Nationaler Ethikrat, Selbstbestimmung und Fürsorge am Lebensende. Stellungnahme, 2006. S. 31 sowie BT-Drs. 18/5373. S. 11; см. также: Eibach U. Aktive Euthanasie und Beihilfe zur Selbsttötung: Ein Menschenrecht? // Zeitschrift für Lebensrecht. 2/2004. S. 38—47.

⁹⁰ См.: Fink U. Selbstbestimmung und Selbsttötung. S. 118; см. также: BVerfGE 50, 290 (337).

⁷⁹ См.: Depenheuer O. Solidarität und Freiheit // Isensee J., Kirchhof P. Op. cit. Band IX, 3. Aufl. 2011, § 194 Rn. 5.

⁸⁰ См.: BVerfGE 4, 7 (15 f.); 12, 45 (51); 33, 303 (334); см. также: Depenheuer O. Op. cit. Rn. 31: «априорная общность личности».

⁸¹ См.: Erichsen H.-U. Allgemeine Handlungsfreiheit // Isensee J., Kirchhof P. Op. cit. Band VI, 2. Aufl. 1998, § 152 Rn. 8.

⁸² См.: Volkmann U. // Merten D., Papier H.-J. (Hrsg.). Op. cit. Band II, 2006, § 32 Rn. 2.

⁸³ См., напр.: Deutscher Ethikrat, Suizidprävention statt Suizidunterstützung. Erinnerung an eine Forderung des Deutschen Ethikrates anlässlich einer Entscheidung des Bundesverwaltungsgerichts. Ad-hoc-Empfehlung, 2017. S. 1.

⁸⁴ См.: Roellecke G. Op. cit. S. 336 (340).

закона» не представляет собой отдельной, изолированной единицы, но отличается своей вовлеченностью в общественные процессы, трансформируя импульсы других членов общества в «топливо» для собственной личностной реализации. Таким образом, члены сообщества автономно действующих индивидуумов объединены взаимной ответственностью, причем добросовестное выполнение своих обязанностей гарантирует сохранность этого сообщества. Таким образом, государство, принимающее на себя обязательства по обеспечению и защите членов сообщества, оказывается лишь выразителем коллективных интересов своих граждан⁹¹.

Заключение

По результатам рассмотрения правоприменительной практики высших судебных инстанций ФРГ и ЕСПЧ было выяснено, что признание права на добровольный уход из жизни имеет своей аргументационной базой определенное толкование гарантии самореализации личности. Суды установили, что гарантия человеческого достоинства обеспечивает, в числе прочего, возможность самореализации путем принятия автономного решения о сохранении либо прекращении собственной жизни. Согласно этому мнению, подобное решение имеет сугубо личный характер и представляет собой видимую манифестацию человеческого достоинства, из чего следует, что государство обязано не только уважать соответствующее волеизъявление, но и всемерно способствовать его осуществлению. Таким образом, на государственные органы налагается обязательство предоставить средства для ухода из жизни при получении заявлений граждан. Отказ в предоставлении этих средств должен расцениваться как нарушение конституционных прав и может быть обжалован в судебном порядке. При этом государственное обязательство прямо противоположной направленности — защищать жизнь и здоровье своих граждан — также сохраняет свое действие, что неминуемо приводит к неразрешимому противоречию: государство обязано охранять жизнь и в то же время должно способствовать ее добровольному прекращению.

Однако конфликт между гарантией личностного самоопределения, которая используется для обоснования права на самоубийство, и государственным обязательством по защите человеческой жизни на поверку оказывается лишь иллюзией. Причина ее возникновения заключается в ошибочной трактовке основополагающих юридических предпосылок. Государство не принуждает человека, желающего умереть, к продолжению жизни, отказывая ему в доступе к смертельно действующим препаратам. Следовательно, о нарушении конституционных прав путем «принуждения к жизни» не может быть и речи. Необходимо помнить, что Основной закон ФРГ предписывает оказание поддержки лишь тем действиям, которые способствуют достижению общественного блага, так как содержащаяся интерпретация антропологического профиля Конституции ФРГ основывается на постулате общности индивидуума. Напротив, эгоцентричные действия, имеющие своим следствием разрушение общественных связей, не могут получить опосредованное одобрение государства путем обеспечения государственной поддержки суицида. Вместе с тем Конституция ФРГ обязывает государство признавать допустимость и прямо противоположных воззрений подобно тому, как оно должно уважать мнение мирно выступающих оппонентов действующей Конституции. Следовательно, ни мнения, ни общественные инициативы сторонников законодательного закрепления «права на смерть» не могут подвергаться каким-либо государственным рестрикциям; напротив, Основной закон ФРГ обеспечивает всеобъемлющую защиту их взглядов и действий

посредством гарантии свободы мнений, свободы собраний, свободы объединений и других основных прав и свобод. Тем не менее отстаиваемая ими мировоззренческая позиция не может повлиять на конституционно-этическую максиму реакции государства на решение индивидуума окончить собственную жизнь, которая может быть вполне исчерпывающе описана формулировкой «безоценочное уважение».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Соч. / пер. С.А. Жебелева. М., 1983. Т. 4. С. 377.
2. *Воскобитова М.Р.* Позитивные обязательства государства как гарантия обеспечения прав человека и основных свобод // Междунар. правосудие. 2011. № 1. С. 78–86.
3. *Галузо В.Н.* Летальность (медико-правовое исследование). М., 2023. С. 67–79.
4. *Ковлер А.И.* Право на жизнь и «автономия личности» // Междунар. правосудие. 2015. № 3 (15). С. 52–55.
5. *Лушникова А.И.* Право на эвтаназию: анализ судебной практики Великобритании и США // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 117. С. 106–120.
6. *Поляноко Н.И., Галузо В.Н.* Допустимо ли «право на смерть» в Российской Федерации? (медико-правовые аспекты) // Право и государство: теория и практика. 2017. № 10. С. 90–97.
7. *Brade A. // Tänzner B.* “Der Tod auf Rezept”? Neue Zeitschrift für Verwaltungsrechte (NVwZ). 2017. S. 1438.
8. *Depenheuer O.* Solidarität und Freiheit // *Isensee J., Kirchhof P.* Handbuch des Staatsrechts. Band IX, 3. Aufl. 2011, § 194 Rn. 5, Rn 31.
9. Deutscher Ethikrat, Suizidprävention statt Suizidunterstützung. Erinnerung an eine Forderung des Deutschen Ethikrates anlässlich einer Entscheidung des Bundesverwaltungsgerichts. Ad-hoc-Empfehlung, 2017. S. 1.
10. *Duttge G.* Lebensschutz und Selbstbestimmung am Lebensende // Zeitschrift für Lebensrecht. 2/2004. S. 32 f.
11. *Eibach U.* Aktive Euthanasie und Beihilfe zur Selbsttötung: Ein Menschenrecht? // Zeitschrift für Lebensrecht. 2/2004. S. 38–47.
12. *Erichsen H.-U.* Allgemeine Handlungsfreiheit // *Isensee J., Kirchhof P.* Handbuch des Staatsrechts. Band VI, 2. Aufl. 1998, § 152 Rn. 8.
13. *Fink U.* Recht auf Leben und körperliche Unversehrtheit // *Merten D., Papier H.-J. (Hrsg.)*. Handbuch der Grundrechte in Deutschland und Europa. Band IV 2011, § 88 Rn. 17 ff.
14. *Fink U.* Selbstbestimmung und Selbsttötung. 1992. S. 98, 107, 118.
15. *Herdegen M. // Maunz Th., Dürig G. (Hrsg.)*. Grundgesetz. Kommentar, 88. Ergänzungslieferung (Stand: August 2019), Art. 1 Abs. 1 Rn. 89.
16. *Hillgruber Ch.* Die Bedeutung der staatlichen Schutzpflicht für das menschliche Leben bezüglich einer gesetzlichen Regelung zur Suizidbeihilfe // Zeitschrift für Lebensrecht 3/2013. S. 70.
17. *Hillgruber Ch.* Die Erlaubnis zum Erwerb eines Betäubungsmittels in tödlicher Dosis für Sterbenskranke — grundrechtlich gebotener Zugang zu einer Therapie “im weiteren Sinne”? Besprechung von BVerwG, Urteil v. 2.3.2017—3 C19.15 // Juristenzeitung. 2017. S. 780.
18. *Hufen F.* Selbstbestimmtes Sterben — Das verweigerte Grundrecht // Neue Juristische Wochenschrift (NJW). 2018. S. 1525, 1526.
19. *Jarass H.D. // Jarass H.D., Bodo P. (Hrsg.)*. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: GG, 15. Auflage 2018. Art. 2 Rn. 34, 81.
20. *Kindhäuser U., Neumann U., Paefgen H.-U. (Hrsg.)*. Strafgesetzbuch, 5. Auflage 2017, Vorbemerkungen zu § 211 Rn. 37, 47.
21. *Lorenz D. // Kahl W., Waldhoff Ch., Walter Ch. (Hrsg.)*. Bonner Kommentar zum Grundgesetz, Band 2, Stand: Juni 2012, Art. 2 Abs. 2 Satz 1 Rn. 417, 420.
22. *Lorenz D.* Recht auf Leben und körperliche Unversehrtheit // *Isensee J., Kirchhof P. (Hrsg.)*. Handbuch des Staatsrechts, Band VI, 1. Auflage 1989, § 128 Rn. 62.

⁹¹ См.: *Volkman U.* Op. cit. Rn. 32.

23. Meyer-Ladewig J., Nettesheim M., Raumer S. von (Hrsg.). Europäische Menschenrechtskonvention, 4. Auflage 2017. Art. 8. Rn. 7.
24. Roellecke G. Gibt es ein "Recht auf den Tod"? // Eser A. (Hrsg.). Suizid und Euthanasie als human- und sozialwissenschaftliches Problem, 1976. S. 336, 338.
25. Schwabe J. Der Schutz des Menschen vor sich selbst // Juristenzeitung. 1998. S. 69.
26. Udo di Fabio // Maunz Th., Dürig G. (Hrsg.). Grundgesetz. Kommentar, 88. Ergänzungslieferung (Stand: August 2019), Art. 2 Abs. 2 Nr. 1 Rn. 47.
27. Udo di Fabio. Zur Theorie eines grundrechtlichen Wertesystems // Merten D., Papier H.-J. (Hrsg.). Handbuch der Grundrechte in Deutschland und Europa. Band II, 2006, § 46 Rn. 51.
28. Volkmann U. // Merten D., Papier H.-J. (Hrsg.). Handbuch der Grundrechte in Deutschland und Europa. Op. Band II, 2006, § 32 Rn. 2, 32.
29. Wassermann R. Das Recht auf den eigenen Tod // Deutsche Richterzeitung. 1986. S. 292.
30. Wiedemann R. // Umbach D.C., Clemens T. (Hrsg.). Grundgesetz. Mitarbeiterkommentar und Handbuch, Band I, 2002, Art. 2 II Rn. 293.
12. Erichsen H.-U. Allgemeine Handlungsfreiheit // Isensee J., Kirchhof P. Handbuch des Staatsrechts. Band VI, 2. Aufl. 1998, § 152 Rn. 8.
13. Fink U. Recht auf Leben und körperliche Unversehrtheit // Merten D., Papier H.-J. (Hrsg.). Handbuch der Grundrechte in Deutschland und Europa. Band IV 2011, § 88 Rn. 17 ff.
14. Fink U. Selbstbestimmung und Selbsttötung. 1992. S. 98, 107, 118.
15. Herdegen M. // Maunz Th., Dürig G. (Hrsg.). Grundgesetz. Kommentar, 88. Ergänzungslieferung (Stand: August 2019), Art. 1 Abs. 1 Rn. 89.
16. Hillgruber Ch. Die Bedeutung der staatlichen Schutzpflicht für das menschliche Leben bezüglich einer gesetzlichen Regelung zur Suizidbeihilfe // Zeitschrift für Lebensrecht 3/2013. S. 70.
17. Hillgruber Ch. Die Erlaubnis zum Erwerb eines Betäubungsmittels in tödlicher Dosis für Sterbenskranke – grundrechtlich gebotener Zugang zu einer Therapie "im weiteren Sinne"? Besprechung von BVerwG, Urteil v. 2.3.2017–3 C19.15 // Juristenzeitung. 2017. S. 780.
18. Hufen F. Selbstbestimmtes Sterben – Das verweigerte Grundrecht // Neue Juristische Wochenschrift (NJW). 2018. S. 1525, 1526.
19. Jarass H.D. // Jarass H.D., Bodo P. (Hrsg.). Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: GG, 15. Auflage 2018. Art. 2 Rn. 34, 81.
20. Kindhäuser U., Neumann U., Paeffgen H.-U. (Hrsg.). Strafgesetzbuch, 5. Auflage 2017, Vorbemerkungen zu § 211 Rn. 37, 47.
21. Lorenz D. // Kahl W., Waldhoff Ch., Walter Ch. (Hrsg.). Bonner Kommentar zum Grundgesetz, Band 2, Stand: Juni 2012, Art. 2 Abs. 2 Satz 1 Rn. 417, 420.
22. Lorenz D. Recht auf Leben und körperliche Unversehrtheit // Isensee J., Kirchhof P. (Hrsg.). Handbuch des Staatsrechts, Band VI, 1. Auflage 1989, § 128 Rn. 62.
23. Meyer-Ladewig J., Nettesheim M., Raumer S. von (Hrsg.). Europäische Menschenrechtskonvention, 4. Auflage 2017. Art. 8. Rn. 7.
24. Roellecke G. Gibt es ein "Recht auf den Tod"? // Eser A. (Hrsg.). Suizid und Euthanasie als human- und sozialwissenschaftliches Problem, 1976. S. 336, 338.
25. Schwabe J. Der Schutz des Menschen vor sich selbst // Juristenzeitung. 1998. S. 69.
26. Udo di Fabio // Maunz Th., Dürig G. (Hrsg.). Grundgesetz. Kommentar, 88. Ergänzungslieferung (Stand: August 2019), Art. 2 Abs. 2 Nr. 1 Rn. 47.
27. Udo di Fabio. Zur Theorie eines grundrechtlichen Wertesystems // Merten D., Papier H.-J. (Hrsg.). Handbuch der Grundrechte in Deutschland und Europa. Band II, 2006, § 46 Rn. 51.
28. Volkmann U. // Merten D., Papier H.-J. (Hrsg.). Handbuch der Grundrechte in Deutschland und Europa. Op. Band II, 2006, § 32 Rn. 2, 32.
29. Wassermann R. Das Recht auf den eigenen Tod // Deutsche Richterzeitung. 1986. S. 292.
30. Wiedemann R. // Umbach D.C., Clemens T. (Hrsg.). Grundgesetz. Mitarbeiterkommentar und Handbuch, Band I, 2002, Art. 2 II Rn. 293.

REFERENCES

1. Aristotle. Politics // Aristotle. Essays / transl. S.A. Zhebelev. M., 1983. Vol. 4. P. 377 (in Russ.).
2. Voskobitova M.R. Positive obligations of the state as a guarantee of ensuring human rights and fundamental freedoms // International Justice. 2011. No. 1. Pp. 78–86 (in Russ.).
3. Galuzo V.N. Lethality (medical and legal research). M., 2023. Pp. 67–79 (in Russ.).
4. Kovler A.I. The right to life and personal "autonomy" // International Justice. 2015. No. 3 (15). Pp. 52–55 (in Russ.).
5. Lushnikova A.I. The right to euthanasia: an analysis of the judicial practice of Great Britain and the USA // Comparative Constitutional Review. 2017. No. 117. Pp. 106–120 (in Russ.).
6. Polyanko N.I., Galuzo V.N. Is the "right to death" permissible in the Russian Federation? (medical and legal aspects) // Law and State: Theory and Practice. 2017. No. 10. Pp. 90–97 (in Russ.).
7. Brade A. // Tänzer B. "Der Tod auf Rezept"? Neue Zeitschrift für Verwaltungsrechte (NVwZ). 2017. S. 1438.
8. Depenheuer O. Solidarität und Freiheit // Isensee J., Kirchhof P. Handbuch des Staatsrechts. Band IX, 3. Aufl. 2011, § 194 Rn. 5, 31.
9. Deutscher Ethikrat, Suizidprävention statt Suizidunterstützung. Erinnerung an eine Forderung des Deutschen Ethikrates anlässlich einer Entscheidung des Bundesverwaltungsgerichts. Ad-hoc-Empfehlung, 2017. S. 1.
10. Duttge G. Lebensschutz und Selbstbestimmung am Lebensende // Zeitschrift für Lebensrecht. 2/2004. S. 32 f.
11. Eibach U. Aktive Euthanasie und Beihilfe zur Selbsttötung: Ein Menschenrecht? // Zeitschrift für Lebensrecht. 2/2004. S. 38–47.

Сведения об авторе

САФОКЛОВ Юрий Игоревич —

Dr. iur., старший научный сотрудник кафедры немецкого конституционного и административного права, европейского конституционного и административного права и международного права, FernUniversität in Hagen, ФРГ; 21 Universitätsstraße, 58094 Hagen, Deutschland

Authors' information

SAFOKLOV Yuri I. —

Dr. iur., Senior Researcher at the Department of German Constitutional and Administrative Law, European Constitutional and Administrative Law and International Law; FernUniversität in Hagen (Germany); 21 Universitätsstraße, 58094 Hagen, Deutschland

УДК 342

DESTRUCTIVE RELIGIOUS ASSOCIATIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

© 2024 I. A. Aleksandrov

Togliatti State University

E-mail: alexandrovIlya88@mail.ru

Received 25.03.2022

Abstract. This article discusses some issues related to the use of the concept of “destructive religious association” applied to the Russian legislation in the late XIX – early XX century. In the sphere of relations between the state and various religious associations in modern society, various issues arise that require a balanced approach. In this regard, it is appropriate to study the legal policy of the Russian Empire in relation to certain sects, Old Believers. In particular, the author analyzes the issues related to the use of the concepts “heresy”, “schism”, “Old Believers”, “sect” in the context of the corresponding historical period. Also, some attention is paid to the responsibility born by members of fanatical and especially harmful sects (according to the Code on Criminal and Correctional Punishments of 1845). In conclusion, the author examines the correlation of religious associations that are dangerous for the individual, society and the state, with fanatical sects and especially harmful sects.

Key words: destructive religious association, sectarianism, schism, fanatical sect, a particularly harmful sect, Skoptsy, Russian empire.

For citation: Aleksandrov, I.A. (2024). Destructive religious associations in the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 196–201.

DOI: 10.31857/S1026945224020207

ДЕСТРУКТИВНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

© 2024 И. А. Александров

Тольяттинский государственный университет

E-mail: alexandrovIlya88@mail.ru

Поступила в редакцию 25.03.2022 г.

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с использованием понятия «деструктивное религиозное объединение» применительно к российскому законодательству конца XIX – начала XX в. В сфере взаимоотношений государства с различными религиозными объединениями в современном обществе возникают разнообразные вопросы, требующие взвешенного подхода. В этой связи целесообразным выступает изучение правовой политики Российской Империи в отношении тех или иных сект, старообрядческих толков. В частности, анализируются вопросы, связанные с использованием понятий «ересь», «раскол», «старообрядчество», «секта» применительно к соответствующему историческому периоду. Определенное внимание уделяется также ответственности, которую несли члены изуверных и особенно вредных сект (в том числе согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.). В заключение исследуется соотношение религиозных объединений, опасных для личности, общества и государства, с изуверными сектами и особенно вредными сектами.

Ключевые слова: деструктивное религиозное объединение, сектантство, раскол, изуверная секта, особенно вредная секта, скопцы, Российская Империя.

Цитирование: Aleksandrov I.A. Destructive religious associations in the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century // Государство и право. 2024. No. 2. С. 196–201.

Introduction

The relevance of the study related to the legal policy regarding destructive religious associations, which was carried out in the second half of the XIX – early XX century in the Russian Empire, is due to several factors. Among them we can note the importance that religion as a whole has in human society; the ambiguity of assessments by scientists of the Federal Law “On Freedom of Conscience and Religious Associations” of 1997¹; certain difficulties connected with countering religious (pseudo-religious) associations whose activities are associated with harming the individual, society, and the state. A.M. Bobrishchev-Pushkin pointed out the negative consequences for the state that arise from an unclear and incorrect understanding of the meaning of “sectarianism”. At the same time, it was emphasized that this is a direct consequence of the “system of silencing or biased coverage of actual facts”².

It should be said that it was the most interesting period of Russian history, starting from the second half of the XIX century and ending with the beginning of the XX century, within which a number of reforms were carried out, including those that affected the legislation on the “schism”. At the same time, it is necessary to analyze not only the measures of state coercion that were used against the Old Believers and sectarians, but also the list of acts considered as illegal, and the criteria based on the fact that the sects were divided, including more or less harmful ones.

Speaking about the scientific status of the problem under consideration, it should be noted that pre-revolutionary, as well as works related to the Soviet and modern periods, which concern Old Believers and sectarians are largely devoted to religious politics, “schism” or religious crimes in general. As for the issues related to the activities of the followers of the so-called fanatical teachings, especially harmful heresies, etc., they are not sufficiently touched upon.

Scientific literature devoted to the indicated issues is very often divided into three groups:

1) works that relate to the second half of the XIX – beginning of the XX century and are of interest due to the fact that they were written by contemporaries of the relevant social processes and phenomena. At the same time, most of the literature concerning religious sectarianism and Old Believers was created by representatives of the dominant church. A.I. Klibanov noted that in the works of “church authors who wrote a lot about sectarianism in the 80^s of the XIX century there were also elements of scientific research. The works of missionaries of the late XIX – early XX century (Aivazov, Butkevich, Kalnev, Skvortsov, etc.) are characterized by perversions and falsification of facts, unsubstantiated statements and slanderous fictions”³. In general the church-missionary literature reflects the views about the harmfulness of any religious sect, Old Believers’ consent or sense, oppositional to the dominant church and, therefore, harmful to society and the state. In addition, there are relatively few works written by so-called “departmental” authors (for example, N. Dingelstedt, P.I. Melnikov-Pechersky), which are also characterized by tendentiousness, although to a lesser extent than for church missionary literature. As for other authors who do not belong to these two categories (V.D. Bonch-Bruevich, A.S. Prugavin, etc.), it should be said that in the corresponding works different assessments of Old Believers and sectarianism were given (for example, the origin of the split was associated with the political protest of the people). It is also

possible to distinguish a kind of subgroup of works that are devoted to the research of various regulatory legal acts and law enforcement practice. It is also possible to distinguish a kind of subgroup of works that are devoted to the research of various regulatory legal acts and law enforcement practice⁴. It is also advisable to mention collections of government information and orders about Old Believers and sectarians⁵. However, these works deal with issues of religious tolerance, “sectarianism” or religious crimes in general, and only a small part of them are directly devoted to categories that can be identified with the term “destructive religious association”. An example is the article by A.K. Wulfert⁶, which dealt with a number of issues about responsibility for belonging to fanatical teachings according to the Criminal Code of 1903;

2) the works of the Soviet period researchers who studied religious policy in general and the legal status of Old Believers and sectarians, in particular, as well as the history of national law⁷. In general, in the works of this group, religious associations that were opposed to the dominant Orthodox Church (at least, those that existed before the reforms of Alexander II) were considered as a kind of democratic protest movements under a religious shell, which, in the course of adapting to existing conditions, gradually turned into churches with religious formalism and hierarchical structure. Again, most of these works are more general in nature and only touch on certain issues related to legal policy in relation to religious associations, which can be identified with destructive ones.

3) modern works concerning the legal policy implemented in relation to destructive religious associations. Within this group, we can also distinguish a fairly extensive subgroup of more general studies in the field of jurisprudence, religious studies, etc., but only some provisions address to the problems under consideration⁸. Another subgroup includes works concerning the formulation of the concept of “destructive religious association” or somewhat broader terms (“new religions”, “oppositional religiosity”, etc.), as well as studies of the activities of such religious associations⁹. However, these studies are more related to the second half of the XX – early XXI century, rather than the period of national history considered in our work. Finally, it is necessary to highlight a few works, the authors of which turned to the study of some issues concerning the responsibility that the followers of fanatical teachings, especially harmful sects, etc., bore in the Russian Empire¹⁰.

⁴ In particular, it includes the works: *Arsenyev K.K.* Freedom of conscience and religious tolerance: collection of articles. St. Petersburg, 1905; *Bobrishchev-Pushkin A.M.* Op. cit.; *Poznyshchev S.V.* Religious crimes from the point of view of religious freedom: to reform our legislation on religious crimes. M., 1906.

⁵ See, for example: Collection of government information about schismatics / comp. by V. Kelsiev. London, 1860. Iss. 1.

⁶ See: *Wulfert A.K.* On Article 96 of the new Criminal Code // Herald of the Law. 1904. Book 10. Pp. 255–259.

⁷ See, for example: *Klibanov A.I.* Op. cit.; *Klochkov V.V.* Law and religion (From the state religion in Russia to freedom of conscience in the USSR). M., 1982.

⁸ See, for example: *Kon R.M.* Introduction to Sectology. N. Novgorod, 2008; *Tikhonravov Yu. V.* Judicial Religious Studies: fundamental course: textbook. M., 1998.

⁹ See, for example: *Balagushkin E.G.* New religions as a sociocultural and ideological phenomenon // Social sciences and modernity. 1996. No. 5. Pp. 90–100; *Dvorkin A.L.* Sectology. Totalitarian sects: the experience of systematic research. 3rd ed., add. and rev. N. Novgorod, 2008.

¹⁰ See, for example: *Levin V.F.* The struggle of the Russian state and the Russian Orthodox Church with fanatical sectarian creeds (late XIX – early XX centuries) // Herald of the Catherine Institute. 2010. No. 2 (10). Pp. 82–85; *Rozenko S.V.* Criminal and legal struggle against sectarianism under the Code on Criminal and Correctional Punishments of 1845 // History of state and law. 2010. No. 8. Pp. 29–30.

¹ See: *Safonov A.A.* Legal regulation of the functioning of religious associations in Russia at the beginning of the XX century: abstract ... Doctor of Law. M., 2008. Pp. 3, 4.

² *Bobrishchev-Pushkin A.M.* The Court and sectarian dissenters. St. Petersburg, 1902. P. 50.

³ *Klibanov A.I.* The history of religious sectarianism in Russia (60^s of the XIX century – 1917). M., 1965. P. 15.

Research results

The author notes the variety of concepts used to designate religious associations whose activities are fraught with danger to the individual, society and the state ("totalitarian sect", "authoritarian religion", "apocalyptic cult", "heretical religion", etc.). Taking this into account, as a basis for a more complex terminological construction, the concept of "religious association", enshrined in the Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations" of 1997, is of interest.

In this law, this concept is defined as a voluntary association of citizens of the Russian Federation, other persons permanently and legally residing on the territory of the Russian Federation, formed for the purpose of joint confession and dissemination of faith and having signs corresponding to this purpose: religion, performing divine services, other religious rites and ceremonies, teaching religion and religious education of their followers¹¹. It seems that the existence of a legislative definition of the term "religious association" allows us to achieve a certain uniformity of the terminology used and makes its use more preferable in comparison with other similar terms, the definitions of which are absent in the current laws and regulations.

Turning to the concepts of "sect" and "cult", it is advisable to note the following. In a neutral religious understanding, these terms do not imply a religious association whose activities are associated with harm to the individual, society and the state. For example, I.B. Vorobyova offers the following definition of the concept "religious sect": "this is an association of people who have separated from any creed, or emerged on the basis of the adoption of an independent doctrine or religious-mystical experience of an individual; using a set of specific doctrinal ideas and cult practice as an instrument of influence on people; as a rule, carrying out its activities in opposition to the main religious traditions of the country"¹². At the same time, we should not exclude the fact that individual religious sects may belong to destructive religious associations. It seems inappropriate to use the terms "sect" and "cult" as the "core" of the concept denoting a religious association whose activities are associated with harm to the individual, society and the state (for example, "totalitarian sect"). This is due, in particular, to the ambiguity in the definition of these terms.

Thus, unlike terminological constructions that are created on the basis of concepts such as "cult" or "religious sect", the term "destructive religious association" is based on the legally defined category of "religious association", which contributes to its clearer definition. For example, it is noted that a number of signs and features of the so-called totalitarian sects, which are cited by various authors, are very vague, while others are not specific to these religious associations and do not contain indications of any harm to the individual, society or the state that comes from them (for example, having a leader, a single language). So, we can talk about the evaluative nature of a number of features of the concept of "totalitarian sect" (as well as synonyms of this concept), that lead to its vagueness and allow us to classify almost any "unwanted" religious association into this category.

It is necessary to say a few words about the concept of "religious association that encroaches on the personality and citizen rights", which was previously used in the article 239 of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition to those signs that were used in the construction of the corresponding corpus delicti (a religious association whose activities are associated with violence against citizens or otherwise causing harm to their health or with encouraging citizens to refuse to perform civic duties or to

commit other illegal actions¹³), there are other features of a religious association that give it an element of destructiveness.

Today, when formulating signs of a destructive religious association, it is advisable to refer to article 14 of the mentioned above Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations", 1997, which specifies the grounds for the liquidation of a religious organization and a ban on the activities of a religious organization or religious group in court. For example, this law, along with other grounds for such a ban, calls coercion to destroy a family, forcing members and followers of a religious association and other persons to alienate their property in favor of a religious association. The required determination accuracy is achieved, first of all, by fixing the corresponding list of features in the law. At the same time, this list is more complete in comparison with the set of features that are reflected in article 239 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the foregoing, for use within this work, the following generalized definition of the term "destructive religious association" can be constructed, which allows us to abstract from modern realities and can be applied within the actualistic method in studying the legal policy of the Russian Empire in relation to religious associations, whose activities was regarded as dangerous for the individual, society and the state. We are talking about an association of individuals which was formed for the purpose of joint confession and dissemination of faith and having signs corresponding to this purpose, whose activity (due to the professed teachings) is associated with: violent change of the state system; violation of public security and public order; encroachment on the personality, rights and freedoms of citizens; forcing any persons to alienate their property in favor of a religious association; encouraging followers of a religious association to commit illegal actions. It should be noted that, taking into account the peculiarities of the religious policy of the Russian Empire, which was characterized by the monopoly position of one church, by the beginning of the studied period, all religious sects and Old Believers' concordances and interpretations were subjected to one or another legal restrictions or persecution, regardless of how harmful they were considered. Even after the publication of the decree "On strengthening the principles of religious tolerance" of April 17, 1905, "freedom of faith" was subjected to certain restrictions in the Russian Empire. In addition to the "primary and dominant Christian Orthodox Catholic faith of the Eastern confession", all other faiths that existed in pre-revolutionary Russia were divided into tolerant and intolerant. For example, S.V. Poznyshchev called the Roman Catholic, Jewish, Mohammedan confessions, Evangelical Lutheran, Evangelical Augsburg, Armenian-Catholic, Armenian-Gregorian confessions of Karaites, Lamaists, pagans, as well as Old Believers and the teachings of non-religious sects as tolerant. The intolerant ones included fanatical teachings, in other words, belonging to which is connected with an encroachment on the life of one's own or others, or with the castration of oneself or others, or with clearly immoral actions¹⁴.

At the same time, in the Russian Empire the law mainly protected the dogmas of the dominant faith from misinterpretation. Thus, most of the relevant articles of the Code on Criminal and Correctional Punishments of August 15, 1845 were applied only to disseminators of schism, heresies among the Orthodox. The responsibility of the non-Orthodox came only for castrating or participating in other fanatical sects. In particular, cases were stipulated when non-Orthodox Christians (for example, Protestants) were to be held responsible for belonging to the scopic heresy.

In general, sectarianism within other religions was practically ignored by legislation. The following was noted on this issue: "legally,

¹¹ See: Federal Law No. 125-FZ dated 26.09.1997 (ed. 11.06.2021) "On Freedom of Conscience and Religious Associations" // SZ RF. 1997. No. 39, art. 4465.

¹² Vorobyova I.B. The term "sect" and its use in jurisprudence // Herald of the Saratov State Academy of Law. 2010. No. 3 (73). P. 162.

¹³ See: The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 05.04.2021) // SZ RF. 1996. No. 25, art. 2954.

¹⁴ See: Poznyshchev S.V. Op. cit. Pp. 217, 218.

a sect becomes such when the religion is already defined from the dogmatic side". On this basis, pre-revolutionary researchers concluded that within the pagan beliefs, any "sect" can exist on a par with the main confession under the "general right of tribal faith". As for Judaism, the Charter of spiritual affairs of foreign confessions allowed the creation of a new sect with the permission of the administration after research, how this teaching differs from the ordinary one of the Jewish faith, and confirmation of its harmlessness to morality and public peace. In regard to Islam, this charter "foresaw" only the appearance among Muslims "harmful and intolerant interpretations and teachings or ill-intentioned disclosures" and prohibited the belonging of clerics "to government-prohibited societies or teachings", for example, to Muridism (this term was used in relation to the Sufi movement that in the 20–50s of the XIX century covered a significant part of the Caucasus and escalated military operations¹⁵). The legislation did not contain any further definitions. Based on the general meaning of the laws, it was assumed that no sects as part of Muslim societies in the Russian Empire were legally impossible, but in fact such sectarians were classified as Sunni or Shiite Muslims. Also, the legislation did not foresee the possibility of a sectarian movement among Buddhists¹⁶.

Attention should be paid to the correlation of the concepts of "heresy", "sect" and "schism" in relation to the realities of the second half of the XIX – early XX century. As for the first two concepts, we can talk about sects as a kind of religious associations and about certain creeds (which were professed by members of these associations), which were considered by the dominant church as heresies. Regarding the second and third concepts, it is appropriate to say that in relation to pre-revolutionary law, there are several points of view about the relationship of the terms "sect" and "schism". First, schism could be a more general concept than sectarianism ("schismatics of all sects"); secondly, schism could be considered as a kind of sectarianism in the broad sense of the word ("Old Believer sects are called schism"); and, thirdly, schism (Old Believers) and sectarianism itself could act as two independent categories. These concepts were reflected in laws and regulations and in the process of their implementation by the authorities of the Russian Empire. Thus, despite the fact that, based on the opinion of the State Council "On granting dissenters some civil rights and on the administration of spiritual demands", 1883, "the rights to conduct public worship and spiritual demands" were granted to both sectarians and Old Believers, "local authorities extended them only to Old Believers and still persecuted sectarians"¹⁷.

In the Russian Empire, different varieties of religious sects, Old Believers, etc. were distinguished. For example, according to the explanation of the Holy Synod on December 9, 1842, in order to "more accurately determine which of the schismatic sects and interpretations are recognized by the spiritual authorities as particularly contrary to the teaching of the Holy Church and in what order they follow one another according to the degree of their harm to the Orthodox faith", these religious associations were divided into: the most harmful sects, harmful sects and less harmful sects. Among the most harmful sects were the "khlystovschina", the Skoptsy, Molokans, Dukhobors, Judaizers and "bezpopovschinsky sects that reject marriage and prayer for the God"¹⁸.

Along with this, the term "especially harmful heresy" (respectively, "especially harmful sect") was used, which was used in the most highly approved opinion of the State Council of October 20, 1830 "On the Dukhobors, iconoclasts, Malakans, Judaizers and other heresies recognized as especially harmful"¹⁹. This term was used for quite a long time within the Criminal and Correctional Punishments Ordinance of 1845. Article 207 (numbering is given according to the original version) of this act contains the following wording: "Followers of sects called Dukhobors, Iconoclasts, Malakans, Judaizers, Skoptsy, as well as others belonging to heresies that are recognized by the established order for this purpose or will later be recognized as especially harmful..."²⁰. At the same time, there is a similarity between the list of especially harmful sects with the list of the most harmful sects. Later, during the reign of Alexander II, the criteria for classifying sects into two groups were discussed: more harmful and less harmful²¹.

In addition, it is necessary to pay attention to religious associations, called fanatical sects. According to the mentioned Code of 1845, these associations included those that preached: 1) the so-called clearly immoral actions; 2) self-harm; 3) encroachment on one's own life and on the lives of others (in general, it was said about belonging "to heresies, combined with ferocious fanaticism and fanatical encroachment on one's own life or others, or with unlawful vile actions"). Taking into account the indicated characteristics, the sect of the skoptsy and certain groups of Bespopov schismatics were considered to be fanatical²². Similar provisions were also applied in the later legislation of the Russian Empire that provided measures of legal responsibility for belonging to a schism or sect connected "with a fanatical encroachment on the life of one's own or others, or with the emasculation of oneself or others, or with clearly immoral actions"²³.

We emphasize that according to the Code of 1845, followers of especially harmful heresies (along with responsibility for other acts) were punished for "spreading their heresy and seducing others into it", moving to the city estate (in places prohibited by law for them). Persons who were members of fanatical sects were responsible for the very fact of belonging to such associations. It should be noted here that in the original version of the above-mentioned Code, spadonism also appeared in the list of especially harmful heresies and at the same time was regarded as an example of heresies connected "with ferocious fanaticism". The following possible explanation of this contradiction was proposed: to refer to fanatical sects not all persons who belonged to the spadonic teaching, but only those of its followers who castrated themselves or others²⁴. The need for a balanced approach in the study of relevant issues, in particular, is illustrated by the accusations of khlysts (Christ-believers) in "svalny sin" (promiscuous sexual intercourse), as well as various "fanatical" acts, the doubtfulness of which is due to a number of factors. Initially, confessions to the commission

¹⁹ See: The complete collection of laws of the Russian Empire. The second collection. Vol. V. Department II. St. Petersburg, 1831. No. 4010.

²⁰ See: *ibid.* Vol. XX. Department I. St. Petersburg, 1846. No. 19283.

²¹ Anderson V. Old Believers and Sectarianism: A Historical Sketch of Russian Religious Diversity. St. Petersburg, 1908. P. 237.

²² See: Highly approved Code of Criminal and Correctional Punishments of August 15, 1845 // The complete collection of laws of the Russian Empire. The second collection. Vol. XX. Department I. No. 19283; Russian legislation of the X–XX centuries. Vol. 6. Legislation of the first half of the XIX century. M., 1988. P. 340.

²³ See: Highly approved Criminal Code of March 22, 1903 // The complete collection of laws of the Russian Empire. The third collection. Vol. XXIII. Department I. St. Petersburg, 1905. No. 22704.

²⁴ See: The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. Published by N.S. Tagantsev. 7th ed., rev. and supplement. St. Petersburg, 1892; Aleksandrov I.A. Code of Criminal and Correctional Sentences of 1845 on the liability of Skoptsy // Dilemmas Contemporaneos: Educación, Política y Valores. Special edition. 2019, December.

¹⁵ See: Encyclopedic Dictionary by F.A. Brockhaus and I.A. Efron. St. Petersburg, 1897. Vol. XX. P. 372.

¹⁶ See: Reisner M.A. The state and the believer: a collection of articles. St. Petersburg, 1905. Pp. 219, 220; Code of Laws of the Russian Empire: an unofficial edition in 5 books / ed. by I.D. Mordukhay-Boltovskiy. St. Petersburg, 1912. Book 3. Vol. VIII, part II–Vol. XI, part I.

¹⁷ Klochkov V.V. Op. cit. P. 79.

¹⁸ Overview of events of the Ministry of the Interior on the split from 1802 to 1881. Publication of the Department of General Affairs. St. Petersburg, 1903. Pp. 149–151.

of these acts, made by several khlysts within their trials in the first half of the XVIII century, were obtained under the influence of torture and later rejected by the “confessors” themselves²⁵. Of course, it is impossible to exclude any manifestations of sexual promiscuity within individual communities of Christ Believers. But at the same time, a well-founded opinion is put forward that the version about the sexual orgies of the Christ believers contradicts the psycho-physical nature of their cult (it is indicated that the effect of the so-called “spiritual joy”, which was achieved during the rejoicings, required the absorption of all human forces and would not be possible with their outflow into other channels)²⁶. For example, in the decision of The governing Senate in 1895 noted that the investigation did not receive any factual data about the existence of svalny sin (promiscuous sexual intercourse) among the Tarus khlysts, and the preaching of asceticism cannot be considered as the preaching of immoral acts²⁷.

Also noteworthy are the measures taken against the so-called Shtunda, which in 1894 was declared a more harmful sect, and shtundists were forbidden public prayer meetings. It should be noted that the terms “shtunda” and “shtundism” are “a conditional church-tendentious” name for a set of religiously formed movements that developed in the 60–70^s of the XIX century and were closely intertwined with Baptism. The term itself comes from the German word “stunde” (“hour”) and is associated with the allocation special hours for Bible study²⁸. The regulations of the Committee of Ministers and the corresponding circular of the Ministry of Internal Affairs of 1894 attributed the following signs to shtundism: non – recognition of any authorities; denial of all church rites and sacraments; preaching of socialist principles; denial of the oath and military service²⁹. However, in 1905, this regulation was canceled due to the religious reform, and the considerations that guided the Committee of Ministers when prohibiting the Stundists from public prayer meetings were, in fact, considered outdated.

Conclusions

Summarizing the above, we note that the use of the concept “destructive religious association” within the historical period under study is due to a certain inconsistency and ambiguity of the concepts used in pre-revolutionary law (especially harmful, harmful, fanatical sects, etc.). At the same time, the possibility of applying in this case such criteria of social danger of religious associations, which are not associated with the opposition of any “true” religion and false teachings, is essential. It should not be forgotten that the religious associations under study were transformed over time, for example, new sects were distinguished. Therefore, first of all, it seems relevant to focus on the main features inherent or at least attributed to these associations as a whole. Using the set of features formulated in the work, it is possible to identify destructive religious associations with fanatical sects (whose teachings were combined “with ferocious fanaticism”, etc.). The truly destructive (perhaps only at certain stages of existence) can be attributed to the folk of the Filippovites and pilgrims (runners), as well as the sect of the Skoptsy. The destructive nature of their activities was manifested in the preaching of self-destruction, the rejection of established state duties, the commission of castrations and the dissemination of relevant teachings. In addition, some small religious groups could arise, whose activities were destructive in nature. For example, the so-called “Tiraspol fanatics” (including 25 people) in 1897 buried themselves alive in the Kherson province. However, no

definite answer was given to the question of which sect, teaching or consent these persons belonged to (opinions were put forward according to which they were pilgrims or Popovtsy). At the same time, it is necessary to distinguish reliable facts about illegal activities carried out by such religious associations from false or dubious reports about ritual cannibalism in relation to the teachings of the Khlysts and the Skoptsy (the latter, as it is believed, stood out in the second half of the XVIII century from the sect of the Khlysts), about the strangulation of seriously ill, elderly pilgrims.

The question of whether this or that religious association, referred to as particularly harmful, harmful, etc. sects (shtundists, doukhobors, etc.), was destructive, it is advisable to discuss in relation to each such association separately. It is not necessary to identify heresies that were combined “with ferocious fanaticism”, on the one hand, and “especially harmful heresies”, on the other. In addition to the doctrines of Judaizers, Molokans, Dukhobors, Iconoclasts, and Skoptsy named in the original version of the Code on Criminal and Correctional Punishments of 1845, the teachings of the so-called “schismatics who do not accept and do not pray for the tsar” can be attributed to especially harmful heresies. Close to this group is the “most harmful” (according to the terminology used in the classification of 1842) sect of Khlysts, although some attempts were made to classify it as “fanatical”. The cases of the Samara District Court of 1889–1891 and 1910 can serve as an illustration of the latter judgment, within which it was discussed about the application of criminal legislation provisions against Khlysts (Christ Believers), which established responsibility for belonging to heresies connected with “anti-moral, vile actions”, etc.³⁰.

It is also necessary to take into account the fact that spadonism also appeared in the list of especially harmful heresies, and at the same time was considered as an example of heresies “combined with ferocious fanaticism”.

Legal norms were gradually formed, according to which the followers of especially harmful heresies (along with responsibility for other acts) were punished for seducing and spreading their beliefs (before the corresponding changes were made to the Code on penal and correctional punishments). Members of the fanatical sects were subject to punishment for their very belonging to these associations, and for the followers of the spadonism teaching, punishment was also provided for the emasculation of others and themselves.

REFERENCES

1. *Aleksandrov I.A.* Code of Criminal and Correctional Sentences of 1845 on the liability of Skoptsy // Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores. Special edition. 2019, December.
2. *Anderson V.* Old Believers and Sectarianism: A Historical Sketch of Russian Religious Diversity. St. Petersburg, 1908. P. 237 (in Russ.).
3. *Arseniyev K.K.* Freedom of conscience and religious tolerance: collection of articles. St. Petersburg, 1905 (in Russ.).
4. *Balagushkin E.G.* New religions as a sociocultural and ideological phenomenon // Social sciences and modernity. 1996. No. 5. Pp. 90–100 (in Russ.).
5. *Bobrshchev-Pushkin A.M.* The Court and sectarian dissenters. St. Petersburg, 1902. Pp. 50, 134, 135 (in Russ.).
6. Code of Laws of the Russian Empire: an unofficial edition in 5 books / ed. by I.D. Mordukhay-Boltovsky. St. Petersburg, 1912. Book 3. Vol. VIII, part II–Vol. XI, part I (in Russ.).
7. Collection of government information about schismatics / comp. by V. Kelsiev. London, 1860. Iss. 1 (in Russ.).

²⁵ See: The Kudrin trial with the essay “Catholicism in Russia”. M., 1900. Pp. 46–53.

²⁶ See: *Klibanov A.I.* Op. cit. Pp. 46, 47.

²⁷ See: *Bobrshchev-Pushkin A.M.* Op. cit. Pp. 134, 135.

²⁸ See: *Klibanov A.I.* Op. cit. Pp. 187, 188.

²⁹ See: *Skorov A.F.* The laws on dissenters and sectarians. M., 1903. Pp. 161–163.

³⁰ See: The Central State Archive of the Samara Region. Fund 8. Inventory 2. Vol. 1. Case 551. Sheet 510; Vol. 5. Case 8023e. Sheet 148.

8. *Dvorkin A.L.* Sectology. Totalitarian sects: the experience of systematic research. 3rd ed., add. and rev. N. Novgorod, 2008 (in Russ.).
9. Encyclopedic Dictionary by F.A. Brockhaus and I.A. Efron. St. Petersburg, 1897. Vol. XX. P. 372 (in Russ.).
10. *Klibanov A.I.* The history of religious sectarianism in Russia (60^s of the XIX century – 1917). M., 1965. Pp. 15, 46, 47, 187, 188 (in Russ.).
11. *Klochkov V.V.* Law and religion (From the state religion in Russia to freedom of conscience in the USSR). M., 1982. P. 79 (in Russ.).
12. *Kon R.M.* Introduction to Sectology. N. Novgorod, 2008 (in Russ.).
13. *Levin V.F.* The struggle of the Russian state and the Russian Orthodox Church with fanatical sectarian creeds (late XIX – early XX centuries) // Herald of the Catherine Institute. 2010. No. 2 (10). Pp. 82–85 (in Russ.).
14. Overview of events of the Ministry of the Interior on the split from 1802 to 1881. Publication of the Department of General Affairs. St. Petersburg, 1903. Pp. 149–151.
15. *Poznyshchev S.V.* Religious crimes from the point of view of religious freedom: to reform our legislation on religious crimes. M., 1906. Pp. 217, 218 (in Russ.).
16. *Reisner M.A.* The state and the believer: a collection of articles. St. Petersburg, 1905. Pp. 219, 220 (in Russ.).
17. *Rozenko S.V.* Criminal and legal struggle against sectarianism under the Code on Criminal and Correctional Punishments of 1845 // History of state and law. 2010. No. 8. Pp. 29–30 (in Russ.).
18. Russian legislation of the X–XX centuries. Vol. 6. Legislation of the first half of the XIX century. M., 1988. P. 340 (in Russ.).
19. *Safonov A.A.* Legal regulation of the functioning of religious associations in Russia at the beginning of the XX century: abstract ... Doctor of Law. M., 2008. Pp. 3, 4 (in Russ.).
20. *Skorov A.F.* The laws on dissenters and sectarians. M., 1903. Pp. 161–163 (in Russ.).
21. The Kudrin trial with the essay “Catholicism in Russia”. M., 1900. Pp. 46–53 (in Russ.).
22. *Tikhonravov Yu. V.* Judicial Religious Studies: fundamental course: textbook. M., 1998 (in Russ.).
23. *Vorobyova I.B.* The term “sect” and its use in jurisprudence // Herald of the Saratov State Academy of Law. 2010. No. 3 (73). P. 162 (in Russ.).
24. *Wulfert A.K.* On Article 96 of the new Criminal Code // Herald of the Law. 1904. Book 10. Pp. 255–259 (in Russ.).
4. *Бобрещев-Пушкин А.М.* Суд и раскольники-сектанты. СПб., 1902. С. 50, 134, 135.
5. *Воробьева И.Б.* Термин «секта» и его использование в юриспруденции // Вестник СГЮА. 2010. № 3 (73). С. 162.
6. *Вульферт А.К.* По поводу ст. 96 нового Уголовного уложения // Вестник права. 1904. Кн. 10. С. 255–259.
7. *Дворкин А.Л.* Сектоведение. Тоталитарные секты: опыт систематического исследования. 3-е изд., доп. и испр. Н. Новгород, 2008.
8. *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М., 1965. С. 15, 46, 47, 187, 188.
9. *Клочков В.В.* Закон и религия (От государственной религии в России к свободе совести в СССР). М., 1982. С. 79.
10. *Конь Р.М.* Введение в сектоведение. Н. Новгород, 2008.
11. *Левин В.Ф.* Борьба Российского государства и Русской Православной Церкви с изуверными сектантскими верованиями (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Екатеринбургского института. 2010. No. 2 (10). С. 82–85.
12. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. Издание Департамента общих дел. СПб., 1903. С. 149–151.
13. *Познышев С.В.* Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. М., 1906. С. 217, 218.
14. Процесс Кудриных с очерком «Скопчество на Руси». М., 1900. С. 46–53.
15. *Рейснер М.А.* Государство и верующая личность: сб. ст. СПб., 1905. С. 219, 220.
16. *Розенко С.В.* Уголовно-правовая борьба с сектантством по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // История государства и права. 2010. № 8. С. 29–30.
17. Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. С. 340.
18. *Сафонов А.А.* Правовое регулирование функционирования религиозных объединений в России в начале XX века: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 3, 4.
19. Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиевым. Лондон, 1860. Вып. 1.
20. Свод законов Российской империи: издание неофициальное в 5 кн. / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. Книга третья. Т. VIII, ч. II – Т. XI, ч. I.
21. *Скоров А.Ф.* Законы о раскольниках и сектантах. М., 1903. С. 161–163.
22. *Тихонравов Ю.В.* Судебное религиоведение: фундаментальный курс: учеб. М., 1998.
23. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1897. Т. XX. С. 372.
24. *Aleksandrov I.A.* Code of Criminal and Correctional Sentences of 1845 on the liability of Skoptsy // Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores. Special Edition. 2019, December.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андерсон В.* Старообрядчество и сектантство: исторический очерк русского религиозного разномыслия. СПб., 1908. С. 237.
2. *Арсеньев К.К.* Свобода совести и веротерпимость: сб. ст. СПб., 1905.
3. *Балагушкин Е.Г.* Новые религии как социокультурный и идеологический феномен // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 90–100.

Authors' information

ALEKSANDROV Ilya A. –
PhD in Law,
Associate Professor of the Chair
“Constitutional and Administrative Law”,
Togliatti State University; 57 Ushakov str.,
445020 Togliatti, Russia

Сведения об авторе

АЛЕКСАНДРОВ Илья Андреевич –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Конституционное
и административное право»
Тольяттинского государственного университета;
445020 г. Тольятти, ул. Ушакова, д. 57

УДК 340.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАТЕГОРИЙ И МЕТОДОВ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В ПОЛИТОЛОГИИ И ЮРИСПРУДЕНЦИИ

© 2024 г. С. А. Дробышевский*, Т. В. Протопопова**

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

*E-mail: ktigp@yandex.ru

**E-mail: ktigp@ya.ru

Поступила в редакцию 20.05.2022 г.

Аннотация. Авторы доказывают некорректность точки зрения позитивистов Венского кружка третьего-четвертого десятилетий XX в. и их последователей о необходимости распространения на политологическое и юридическое исследование терминологии и методов естественных наук для получения политологией и юриспруденцией действительного научного знания, которое якобы должно быть совокупностью утверждений, формализованной через использование математики. Авторы исходят из ошибочности лежащего в основе указанного теоретического подхода противопоставления естественных наук политологии и юриспруденции. Для авторов все обществоведение, включая политологию с юриспруденцией, и остальные отрасли научного познания изучают природу. Поэтому политология и юриспруденция — естественные науки. В этой ситуации в каждой отрасли научного познания характер его результата определяется спецификой исследуемой природной области. Именно последняя диктует применяемые в ней категории и методы для изучения. Они вытекают из упомянутой специфики и поэтому сами специфичны. Скажем, указанным образом обстоят дела как в математике и физике, так и в юриспруденции и политологии. Причем каждая из отраслей познания имеет свой собственный, специфичный именно для нее результат познания или научный продукт, достигаемый с помощью уникальной для нее системы понятий и методов, применяемых в исследовании. Области природы, изучаемые отдельными отраслями познания, частично совпадают. Отсюда вытекает то, что каждая из последних для исследования собственного предмета может прибегать к категориям и способам познания, выработанным иными науками. Работающим в ней ученым следует так поступать лишь тогда, когда в итоге оказывается налицо новое научное знание.

Ключевые слова: политология, юриспруденция, естественные науки, обществоведение, природа, научные категории, методы науки, специфика науки, научный продукт, научное знание.

Цитирование: Дробышевский С.А., Протопопова Т.В. Использование категорий и методов естественных наук в политологии и юриспруденции // Государство и право. 2024. № 2. С. 202–206.

DOI: 10.31857/S1026945224020218

THE USE OF CATEGORIES AND METHODS OF NATURAL SCIENCES IN JURISPRUDENCE AND POLITICAL SCIENCE

© 2024 S. A. Drobyshevskiy*, T. V. Protopopova**

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

*E-mail: ktigp@yandex.ru

**E-mail: ktigp@ya.ru

Received 20.05.2022

Abstract. The authors of the present article demonstrate the inaccuracy of the idea proposed by the Vienna Circle positivists that it is necessary to extend the terminology and methods of natural sciences to political and legal studies in order for these studies to produce truly scientific knowledge, which, as suggested by these positivists, should present a set of statements formalized through the usage of mathematics. The authors contend that this theoretical approach opposes natural sciences to jurisprudence and political science and therefore are incorrect. It is the authors' stance that social sciences, including jurisprudence and political science, as well as other areas of scientific research, explore the nature. Thus, jurisprudence and political science belong to natural sciences.

Accordingly, in every area of scientific research the qualities of its results are controlled by the specifics of the sphere of nature under examination. It is this sphere that dictates a choice of categories and methods employed for this examination. These categories and methods are determined by the aforesaid specifics and, as a result, are also specific. For example, this is true not only for mathematics and physics but also for jurisprudence and political science. It is worth noting that every area of research has its own, distinctive findings or scientific results produced by means of the unique system of notions and methods, utilized in the course of the research. Spheres of nature examined within separate areas of research overlap with each other. Consequently, a given area of research may adopt categories and methods of cognition that were initially devised within another area of research. However, such an adoption should be undertaken only if it leads to the achievement of original scientific results.

Key words: political science, jurisprudence, natural sciences, social studies, nature, scientific categories, scientific methods, specifics of science, scientific output, scientific knowledge.

For citation: *Drobyshevskiy, S.A., Protopopova, T.V. (2024). The use of categories and methods of natural sciences in jurisprudence and political science // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 202–206.*

Иногда естественные науки противопоставляют политологии и юриспруденции, как, например, это делали участники Венского кружка позитивистов третьего-четвертого десятилетий XX в.¹ Причем присутствует разделяемая ими идея, что политология и юриспруденция будут результативны лишь в одном случае. На политологическое и юридическое познание распространяются терминология и методы исследования естественных наук. К ним относятся, в частности, математика, физика, биология и химия, но никак не естественные науки. Пока же такого распространения нет, о результативности политологии и юриспруденции говорить нельзя, ибо знание, достигаемое этими отраслями познания с помощью их понятий и методов, к науке не относится².

Приверженцы указанного противопоставления политологии и юриспруденции естественным наукам считают правильным воззрение на «идеальный продукт»³ научного исследования, разработанное участниками упомянутого Венского кружка⁴. Имеется в виду трактовка отмеченного итога в виде базирующейся на аксиомах суммы суждений⁵, которая выступает результатом «объективных наблюдений»⁶, а также формализована с помощью языка математики⁷.

На такой теоретической основе отмеченные приверженцы в США XX в. полагали, что методы изучения, применяемые в естественных науках, подходят для исследования политико-юридических явлений⁸. Причем усилия указанных ученых привели здесь к тому, что, например, везде в политологии, где соответствующим исследователям представлялось возможным, предпринималось «определение количества»⁹ и обсуждаемая сфера познания оказалась наполненной математическими формулами¹⁰. Политологи же

стали применять большое число «сложных эмпирических технических приемов»¹¹. Подразумевается обращение в целях исследования к использованию анкет, интервьюированию, «отбору образцов, анализу движущих сил и возвращения в прежнее положение»¹², равно как и к созданию моделей в соответствии с задачами изучения, которые поставлены¹³. Впрочем, то же самое случилось в США XX века в науке, изучающей право¹⁴.

Такого рода воззрения и соответствующая им научная практика широко распространены среди ученых и в XXI в. Скажем, сциентизм, а именно теоретический подход, согласно которому обществоведение вообще и правоведение в частности в состоянии установить закономерности функционирования общества теми же методами, какие применяют естественные науки к физическому миру, преобладает в науке наших дней. Сциентизм наиболее очевиден в т.н. формалистских традициях общественной науки и юриспруденции, которые господствуют в отмеченных отраслях знания благодаря обращению соответствующих ученых к дедуктивной, иногда математизированной, логике, созданной на основе аксиоматической системы геометрии Евклида¹⁵.

Если оценивать приведенное теоретическое представление о противопоставлении естественных наук, с одной стороны, и политологии, а также юриспруденции — с другой, то оно едва ли обоснованно. Причина очевидна. Все обществоведение изучает природу.

Эта идея, например, сформулирована Э.А. Хобелем. Как он выразился, «право существует»¹⁶ в культуре. Культура же выступает частью природы. Поэтому все изучающие культуру отрасли познания, включая обществоведение,

¹ См.: *Easton D. Political Science in the United States: Past and Present // International Political Science Review. 1985. No. 1. Pp. 137, 138, 150; Huang Philip C.C., Yuan Gao. Should Social Science and Jurisprudence Imitate Natural Science? // Modern China. 2015. Vol. 41 (2). Pp. 131–135.*

² См.: *Easton D. Op. cit. Pp. 138, 148.*

³ Ibid. P. 148.

⁴ См.: *ibid. P. 138.*

⁵ См.: *ibid. P. 148.*

⁶ Ibid.

⁷ См.: *ibid.*

⁸ См.: *ibid. P. 137.*

⁹ Ibid. P. 138.

¹⁰ См.: *Midlarsky M.I. The Disintegration of Political Systems. War and Revolution in Comparative Perspective. Columbia, 1986. Pp. 141–210.*

¹¹ *Easton D. Op. cit. P. 138; см. также: Bayley D.H. Social Control and Political Change. Princeton, 1985. Pp. 86, 128.*

¹² *Easton D. Op. cit. P. 138.*

¹³ См.: *ibid.*

¹⁴ См.: *Tuori K. American Legal Realism and Anthropology // Law and Social Inquiry. 2017. No. 3. P. 815; Hoebel E.A. The Law of Primitive Man: A Study in Comparative Legal Dynamics. Cambridge, Massachusetts, 1954. Pp. 29–45, 139; Pound R. Social Control through Law. New Haven, 1942. Pp. 112–118, 133, 134; Pound R. Ideal Element in Law. Indianapolis, 2002. Pp. 99, 111, 113.*

¹⁵ См.: *Huang Philip C.C., Yuan Gao. Op. cit. P. 131; см. также: Blackburn Simon. The Oxford Dictionary of Philosophy. Oxford, 2005. Pp. 331, 332.*

¹⁶ *Hoebel E.A. Op. cit. P. 46.*

относятся к естественным наукам. К ним принадлежит и правоведение¹⁷.

В этой ситуации полагать, что продукт любой отрасли научного познания неизменно должен быть совокупностью утверждений, которая формализована через использование математики, значит ошибаться. Верные же суждения таковы.

В каждой отрасли научного познания характер этого продукта определяется спецификой исследуемой природной области. Именно последняя диктует применяемые в ней людьми категории и методы для изучения. Они вытекают из упомянутой специфики и поэтому сами специфичны.

Скажем, указанным образом обстоят дела как в математике и физике, так и в юриспруденции и политологии. Причем каждая из названных отраслей познания имеет свой собственный, специфичный именно для нее результат познания или научный продукт, достигаемый с помощью уникальной для нее системы понятий и методов, применяемых в исследовании.

Области природы, изучаемые отдельными такими отраслями познания, частично совпадают. Отсюда вытекает то, что каждая из последних для исследования собственного предмета может прибегать к категориям и способам изучения, выработанным иными науками.

Работающим в отрасли познания ученым следует так поступать лишь тогда, когда в итоге оказывается налицо вполне определенный результат. Он выступает обязательным условием для этого рода обращения. Имеется в виду то, что применяемые в науке понятия и методы иных отраслей познания приводят к появлению в ней нового научного знания.

Можно привести сколько угодно подобных примеров. Так, отмеченным образом обстоят дела с обращением политологии и юриспруденции к методу рационального моделирования, созданному вне них. В этом случае, в частности, подразумевается «применение подхода разумного деятеля в области избирательного поведения»¹⁸.

Не случайно такое обращение в немалой степени способствовало изучению политической наукой и юриспруденцией человеческих ценностей в соотношении их с политикой и правом¹⁹. Например, упомянутый концептуальный подход разумного деятеля стал существенной частью методологии при конструировании «теорий о равенстве, свободе»²⁰, а также «справедливости»²¹. В частности, имеются в виду идеи в правоведении, сформулированные Дж. Финнисом²².

Указанное обязательное условие для обращения всякой науки вообще и политологии, равно как и юриспруденции, в частности к категориям и методам иных отраслей познания иногда не соблюдается. Между прочим, такой факт несоблюдения скорее всего имеет место относительно идеи

Д. Истона о повиновении людей властям в политически организованном обществе.

Скажем, он написал, что для выживания общества подчинение его членов органам управления всем этим социальным организмом должно «меняться в пределах континуума. Вероятность принятия всех таких постановлений в качестве обязательных обычно меньше 1, по крайней мере в любом значительном историческом промежутке времени. Все же, несомненно, она должна быть выше 0,5... Отношение неприятия к принятию должно опускаться внутри ограниченного диапазона значительно больше, чем пропорция, характерная для случайности»²³. Если бы дела обстояли не так, то общество оказалось бы дезорганизованным.

В самом деле, еще в XIX в. то же самое утверждал Дж. Остин, когда отмечал, что такое сообщество разрушается, если в нем предписаниям юридических норм добровольно не подчиняется большинство живущих здесь людей²⁴. Д. Истон с помощью категорий, взятых им за пределами традиционных политологии и юриспруденции, едва ли добавил к указанной идее Дж. Остина что-либо новое.

Ясно, что относительно подобного рода использования в политологии и юриспруденции категорий и методов иных наук верен следующий вывод: оно неуместно.

Сформулированная логика авторов настоящей статьи подтверждается практикой функционирования общественных наук, включая политологию и юриспруденцию. В частности, это демонстрируют приведенные Д. Истоном сведения о том, как в XX в. после истечения его первой половины общественные науки в США производили научный продукт, отличающийся от того, который выступает идеальным для позитивистов Венского кружка и их последователей. Причем Д. Истон связал эту информацию с данными, накопленными в указанный период в иных отраслях познания.

Как он писал, в это время в США начался процесс отказа ученых от принятия в качестве верного указанного позитивистского представления об идеальном продукте научных усилий. Такова, по словам Д. Истона, «наиболее драматичная вещь из происходивших»²⁵ тогда в политологии.

Правда, упомянутый «эталон»²⁶, по крайней мере в девятом десятилетии XX в. еще являлся целью в научной работе для «многих»²⁷ исследователей. «Это особенно верно»²⁸ относительно представителей политической науки, трудившихся в сферах познания, в которых его возможно было достичь как итог изысканий²⁹. Скажем, имеется в виду отмеченное «рациональное моделирование»³⁰ разных видов.

В политологических исследованиях, продолжал свое изложение упомянутых сведений Д. Истон, есть области, где отмеченный идеальный продукт не вырабатывается³¹. При этом они формируют «преобладающую часть»³² предмета

²³ Easton D. A Framework for Political Analysis. Chicago, 1979. P. 97.

²⁴ См.: Austin J. Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law: in 2 vols. L., 1869. Vol. I. Pp. 89, 90.

²⁵ Easton D. Political Science in the United States: Past and Present. P. 148.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ См.: ibid.

³⁰ Ibid.

³¹ См.: ibid.

³² Ibid.

¹⁷ См.: Hoebel E.A. Op. cit. P. 9.

¹⁸ Easton D. Op. cit. P. 147.

¹⁹ См.: ibid. P. 146.

²⁰ Ibid. P. 147.

²¹ Ibid.

²² См.: Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М., 2012. С. 163, 348, 349.

политологических изысканий. Например, такова ситуация при классификации политических феноменов на виды, которая выступает составным элементом теоретических представлений об этих явлениях³³.

По наблюдениям Д. Истона, в областях, не характеризующихся производством рассматриваемого идеального продукта, исследователи прилагают все свои силы, чтобы получить ранее неизвестные научные результаты. С этой целью «отмеченные сферы»³⁴ объекта изучения политологии изучались с помощью применения норм обыкновенной формальной логики, сбора сведений в соответствии с давно известными научными методиками и всестороннего анализа собранной информации³⁵.

Полученные в указанных областях знания зачастую рассматривались не на основе критериев, присутствующих в ранее изложенной трактовке идеального научного продукта, данной участниками Венского кружка позитивистов. Отмеченные итоги познания, отличающиеся от изложенного позитивистского представления об их идеале³⁶, в ряде случаев трактовались как обязательный составной элемент научного знания в его совершенном облике³⁷.

Как указал Д. Истон, в анализируемый период в ходе развития естествознания³⁸ было установлено следующее обстоятельство. Нет какого-то единственного неперменного продукта научных усилий³⁹, выступающего обязательным итогом постижения любого познаваемого объекта⁴⁰. Такой же вывод был сделан и применительно к истории «научной деятельности»⁴¹ целиком, а именно обнаружено «разнообразие результатов изыскания»⁴², оцениваемых учеными «как полезные и нужные»⁴³, а не один результат, диктуемый «позитивистским толкованием»⁴⁴ участников Венского кружка.

Приведенные сведения из истории находятся в гармонии с заключениями «философии науки»⁴⁵. Согласно последним есть немало разновидностей итога изысканий в науке, которыми заняты ею лица являются удовлетворенными⁴⁶, в том числе и тогда, когда соответствующие результаты исследований не отвечают критериям, присущим отмеченному позитивистскому идеальному продукту научных усилий⁴⁷. Например, подразумеваются разнообразие классификаций и совокупностей понятий в ботанической и биологической отраслях познания⁴⁸, а также подобного рода вещи в политологии⁴⁹, к которым, скажем, относится сложное построение категорий,

созданное Д. Истоном в ходе реализации системного теоретического подхода к рассмотрению политических явлений. Указанные разновидности выступают результатом научной работы, соответствующим необходимым качествам такого итога не в меньшей мере, чем отражающая реальность формула математики⁵⁰.

Подтверждение фактами из функционирования обществоведения и иных наук ранее логически обоснованной альтернативы отмеченным идеям позитивистов Венского кружка и их последователей позволяет сделать только один вывод. Ее нужно брать «на вооружение» исследователям всех общественных наук, включая политологию и юриспруденцию. Это принесет пользу любой научной дисциплине из них.

Смысл двух предыдущих суждений можно выразить и иначе. Если сравнивать упомянутую альтернативу изложенным взглядам позитивистов Венского кружка и их последователей и идеи их самих, т.е. смысл вспомнить то, что Г. Алмонд, используя слова из Библии, писал о борьбе между различными теоретическими построениями в науке.

Как он выразился, при их соперничестве «будут плач и скрежетание зубами, ибо... немногие [из этих концептуальных конструкций] избираются»⁵¹ большей частью научных работников для использования в их изысканиях. Авторы данной работы питают надежду, что окажутся избранными именно их представления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М., 2012. С. 163, 348, 349.
2. Almond G.A. Comparative Political Systems // Journal of Politics. 1956. No. 3. P. 409.
3. Austin J. Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law: in 2 vols. L., 1869. Vol. I. Pp. 89, 90.
4. Bayley D.H. Social Control and Political Change. Princeton, 1985. Pp. 86, 128.
5. Blackburn Simon. The Oxford Dictionary of Philosophy. Oxford, 2005. Pp. 331, 332.
6. Easton D. A Framework for Political Analysis. Chicago, 1979. P. 97.
7. Easton D. Political Science in the United States: Past and Present // International Political Science Review. 1985. No. 1. Pp. 137, 138, 146–150, 159.
8. Hoebel E.A. The Law of Primitive Man: A Study in Comparative Legal Dynamics. Cambridge, Massachusetts, 1954. Pp. 9, 29–46, 139.
9. Huang Philip C.C., Yuan Gao. Should Social Science and Jurisprudence Imitate Natural Science? // Modern China. 2015. Vol. 41 (2). Pp. 131–135.
10. Midlarsky M.I. The Disintegration of Political Systems. War and Revolution in Comparative Perspective. Columbia, 1986. Pp. 141–210.
11. Pound R. Ideal Element in Law. Indianapolis, 2002. Pp. 99, 111, 113.
12. Pound R. Social Control through Law. New Haven, 1942. Pp. 112–118, 133, 134.
13. Tuori K. American Legal Realism and Anthropology // Law and Social Inquiry. 2017. No. 3. P. 815.

⁵⁰ См.: ibid.

⁵¹ Almond G.A. Comparative Political Systems // Journal of Politics. 1956. No. 3. P. 409.

³³ См.: Easton D. Political Science in the United States: Past and Present. P. 150.

³⁴ Ibid. P. 149.

³⁵ См.: ibid.

³⁶ См.: ibid.

³⁷ См.: ibid.

³⁸ См.: ibid. P. 150.

³⁹ См.: ibid. P. 159.

⁴⁰ См.: ibid. P. 150.

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid. P. 149.

⁴⁷ См.: ibid. P. 150.

⁴⁸ См.: ibid.

⁴⁹ См.: ibid.

REFERENCES

1. *Finnis J.* Natural law and natural rights. M., 2012. Pp. 163, 348, 349 (in Russ.).
2. *Almond G.A.* Comparative Political Systems // *Journal of Politics*. 1956. No. 3. P. 409.
3. *Austin J.* Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law: in 2 vols. L., 1869. Vol. I. Pp. 89, 90.
4. *Bayley D.H.* Social Control and Political Change. Princeton, 1985. Pp. 86, 128.
5. *Blackburn Simon.* The Oxford Dictionary of Philosophy. Oxford, 2005. Pp. 331, 332.
6. *Easton D.* A Framework for Political Analysis. Chicago, 1979. P. 97.
7. *Easton D.* Political Science in the United States: Past and Present // *International Political Science Review*. 1985. No. 1. Pp. 137, 138, 146–150, 159.
8. *Hoebel E.A.* The Law of Primitive Man: A Study in Comparative Legal Dynamics. Cambridge, Massachusetts, 1954. Pp. 9, 29–46, 139.
9. *Huang Philip C.C., Yuan Gao.* Should Social Science and Jurisprudence Imitate Natural Science? // *Modern China*. 2015. Vol. 41 (2). Pp. 131–135.
10. *Midlarsky M.I.* The Disintegration of Political Systems. War and Revolution in Comparative Perspective. Columbia, 1986. Pp. 141–210.
11. *Pound R.* Ideal Element in Law. Indianapolis, 2002. Pp. 99, 111, 113.
12. *Pound R.* Social Control through Law. New Haven, 1942. Pp. 112–118, 133, 134.
13. *Tuori K.* American Legal Realism and Anthropology // *Law and Social Inquiry*. 2017. No. 3. P. 815.

Сведения об авторах

ДРОБЫШЕВСКИЙ Сергей Александрович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета; 660075 г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 6

ПРОТОПОПОВА Татьяна Витальевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета; 660075 г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 6

Authors' information

DROBYSHEVSKIY Sergey A. — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute, Siberian Federal University; 6 Maerchaka str., 660075 Krasnoyarsk, Russia

PROTOPOPOVA Tatiana V. — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute, Siberian Federal University; 6 Maerchaka str., 660075 Krasnoyarsk, Russia

УДК 349.2

МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)

© 2024 г. С. В. Маликов*, С. Ю. Чуча**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: malikovsv@igpran.ru*

***E-mail: chuchaigpan@gmail.com*

Поступила в редакцию 13.11.2023 г.

Аннотация. В статье представлен аналитический обзор докладов и выступлений участников Международной научно-практической конференции «Межотраслевая защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации». Обращается внимание на то, что правовое регулирование труда, неразрывно связанного с личностью работника и социальной защиты, требуют познаний о человеке и обществе. Отраслевые трудовые средства защиты для эффективного достижения результата в сфере трудовой миграции, создания комплексной системы охраны жизни и здоровья работника в период трудовой жизни, защиты работников при несостоятельности работодателя, реализации конституционной гарантии уважения человека труда и др. должны достичь межотраслевой и междисциплинарной гармонизации.

Ключевые слова: трудовая миграция, охрана труда, руководитель организации, уважение человека труда, трудовой спор, Конституция РФ, социальная защита, инвалиды.

Цитирование: Маликов С. В., Чуча С. Ю. Межотраслевая защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации (Обзор Международной научно-практической конференции) // Государство и право. 2024. № 2. С. 207–213.

DOI: 10.31857/S1026945224020227

INTERSECTORAL PROTECTION OF LABOR AND SOCIAL RIGHTS IN CONDITIONS OF SOCIAL TRANSFORMATION (REVIEW OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE)

© 2024 S. V. Malikov*, S. Yu. Chucha**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: malikovsv@igpran.ru

**E-mail: chuchaigpan@gmail.com

Received 13.11.2023

Abstract. The article contains an analytical review of reports and speeches of participants in the International Scientific and Practical Conference “Intersectoral protection of labor and social rights in the conditions of social transformation”. Attention is drawn to the fact that the legal regulation of labor, which is inextricably linked with the personality of the worker, and social protection require reliance on knowledge of the sciences about man and society. Sectoral labor legal protections for effectively achieving results in the field of labor migration, creating a comprehensive system for protecting the life and health of an employee during working life, protecting workers in the event of an employer’s insolvency, implementing the constitutional guarantee of respect for the working person, etc. must achieve intersectoral and interdisciplinary harmonization.

Key words: labor migration, labor protection, head of the organization, respect for the working person, labor dispute, Constitution of the Russian Federation, social protection, disabled people.

For citation: Malikov, S. V., Chucha, S. Yu. (2024). Intersectoral protection of labor and social rights in conditions of social transformation (Review of the International Scientific and Practical Conference) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 207–213.

6 октября 2023 г. в Институте государства и права Российской академии наук под председательством директора Института, члена-корр. РАН А.Н. Савенкова прошла Международная научно-практическая конференция «Межотраслевая защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации», организованная Междисциплинарным центром правовых исследований в области трудового права и права социального обеспечения Института государства и права РАН совместно с Международным союзом юристов.

В конференции приняли участие свыше ста представителей ведущих научных и образовательных организаций страны, федеральных и региональных органов государственного управления трудом, судов, объединений работников и работодателей из Барнаула, Белгорода, Владимира, Екатеринбурга, Йошкар-Олы, Калининграда, Кургана, Курска, Москвы, Нальчика, Омска, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Смоленска, Тюмени, Уфы, Челябинска и др., зарубежные (Армения, Беларусь, Египет, Казахстан, Кыргызстан, Республика Молдова, Сирия, Узбекистан) ученые-правоведы, а также молодые исследователи.

Открыл конференцию директор Института государства и права РАН, член-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф. А.Н. Савенков докладом на тему «Защита трудовых и социальных прав: необходимость междисциплинарного подхода». Он отметил, что доклады, заявленные на конференцию, во многом перекликаются с проблемами, обсуждавшимися в ходе прошедшего накануне Валдайского форума, что делает научное мероприятие чрезвычайно актуальным. Безусловно, требуют научного обсуждения и вопросы экономики

и политики — трудовые и социальные права в отрыве от этих категорий только средствами трудового права и права социального обеспечения защитить очень сложно. Защита прав человека труда всегда стоит на первом месте, ведь труд в подавляющем большинстве случаев является единственным источником содержания семьи. В то же время интересы работодателя, продиктованные экономическими законами, также должны учитываться. Достижение компромисса невозможно вне системы социального партнерства.

В обстоятельном научном исследовании нуждается влияние на рынок труда внедрения новых технологий искусственного интеллекта и автоматизации для того, чтобы стало возможным прогнозировать динамику рынка труда и потребностей в социальной защите. Следует активно изучать новые формы занятости, чтобы предложить их адекватное правовое регулирование, в том числе в рамках трудового права, поскольку классический трудовой договор перестает быть монопольным средством организации труда. Еще одним направлением исследований должны стать миграционные процессы. Правовое регулирование трудовой миграции и собственно миграции требует межотраслевого подхода, чтобы, с одной стороны, обеспечить потребности экономики Российской Федерации трудовыми ресурсами, с другой — не перегрузить национальную систему социального обеспечения и социальной защиты.

Обозначенные А.Н. Савенковым проблемы получили развитие в докладах и дискуссиях участников конференции (модераторы: С.В. Маликов и С.Ю. Чуча).

С.Ю. Чуча, руководитель Междисциплинарного центра правовых исследований в области трудового права и права социального обеспечения, главный научный сотрудник сектора процессуального права ИГП РАН, д-р юрид. наук, проф., в докладе *«Межотраслевая защита трудовых и социальных прав»* указал, что в рыночной экономике не может быть устойчивого дефицита какого-либо ресурса — спрос и предложение выравнивается за счет изменения цены ресурса, изменения соотношения участия в создании новой стоимости рабочей силы, капитала и природной ренты. Преодоление дефицита кадров видится или в изменении государством налоговой политики, позволяющей работодателю увеличить расходы на труд, или в привлечении работодателем капитала для автоматизации и механизации процессов в целях замены человеческого труда, или в привлечении работников на национальный рынок из-за его предела — с глобального рынка труда. Выбор соответствующих мер предполагает применение междисциплинарного подхода. Представляется, что иностранные граждане должны поступать на работу только по трудовому договору. Иные формы организации труда не позволят обеспечить необходимый уровень охраны труда работников-мигрантов, разрушая при этом существующий национальный рынок труда за счет недобросовестного демпинга стоимости работающей и проживающей в неприемлемых условиях рабочей силы. Этот труд должен осуществляться исключительно на основании трудового договора, заключенного между конкретным мигрантом и конкретным российским работодателем. И наконец, работодатель должен нести все расходы, связанные с пребыванием иностранных граждан в Российской Федерации — непосредственно или через выплату заработной платы. В заключение докладчик предложил для устранения препятствий в реализации конституционной нормы об уважении человека труда приведение формулировок всех типовых форм трудового договора, утвержденных исполнительными органами государственной власти, в соответствие с частью первой ст. 57 ТК РФ.

Межотраслевым аспектам защиты трудовых и социальных прав были посвящены выступления **В.А. Сафонова**, **Н.В. Леговой**, **А.А. Гришкова**, **В.А. Лаптева** и других участников конференции.

Так, **В.А. Сафонов**, начальник Управления по обеспечению судебных заседаний Конституционного Суда РФ, доцент кафедры трудового и социального права Санкт-Петербургского государственного университета, канд. юрид. наук, в докладе *«Конституционно-правовая защита права на объединение»* отметил, что право на объединение является неотъемлемым элементом конституционно-правового статуса личности (ч. 1 ст. 30 Конституции РФ). В сфере трудовых отношений данное право осуществляется, главным образом, посредством создания и вступления в профсоюзы. Государство признало право профсоюзов и их объединений (ассоциаций) самостоятельно разрабатывать и утверждать свои уставы, собственную структуру, образовывать профсоюзные органы, организовывать свою деятельность (п. 1 ст. 7 Федерального закона от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»). Новые формы хозяйствования и организации публичной власти, влекущие за собой изменения в организации бюджетного финансирования труда и управлении трудом, требуют оперативной корректировки системы социального партнерства и изменения организационной структуры профсоюзов. Закон должен создавать для этого необходимые условия в виде отсутствия строгого перечня видов профсоюзных организаций и обеспечения

свободы профсоюзов в определении внутренних правил своей деятельности. При этом право на предоставление им публичных функций остается за государством.

В докладе были приведены примеры защиты права на объединение из практики Конституционного Суда РФ, сформулирован вывод о том, что в системе Федерации Независимых Профсоюзов России (ФНПР) правовой статус территориального объединения (ассоциации) организаций профсоюзов фактически равен статусу территориального подразделения соответствующего объединения профсоюзов.

Практическим аспектам реализации конституционного права на объединение посвящали выступления:

А.Я. Петров, профессор Департамента публичного права НИУ ВШЭ, д-р юрид. наук, проф. (*«Профсоюзный контроль за соблюдением трудового законодательства как способ защиты трудовых прав»*);

Я.В. Купреев, руководитель правового департамента ФНПР (*«Профсоюзный контроль в системе публичного контроля за соблюдением законодательства в сфере труда»*);

Д.А. Чуйков, секретарь ФНПР — представитель ФНПР в Южном федеральном округе (*«Законодательство о социальном партнерстве: региональный аспект»*).

В докладах отмечалось, что в ряде субъектов Российской Федерации приняты собственные правовые акты, регулирующие социальное партнерство, которые имеют разные наименования: «О социальном партнерстве» (Донецкая Народная Республика), «О трехсторонних комиссиях по регулированию социально-трудовых отношений» (Астраханская область), «О профессиональных союзах» (Республика Татарстан). Есть примеры принятия на уровне субъектов Российской Федерации указов высших должностных лиц — «О мерах по взаимодействию с профсоюзными организациями» (Республика Адыгея и Республика Калмыкия). Для всех подобных актов характерен ряд особенностей: наименование правового акта может не соответствовать его содержанию, в нем могут отсутствовать новеллы сверх гарантий и прав, закрепленных федеральным законодательством, а также меры контроля за их исполнением. В то же время акты субъектов Российской Федерации требуют пристального внимания профсоюзов и объединений работодателей с целью совершенствования механизма социального партнерства.

Основываясь на положениях Конституции РФ, **Е.В. Типкина**, доцент кафедры трудового права Саратовской государственной юридической академии, канд. юрид. наук, сформулировала предложения о совершенствовании института поощрения за добросовестный труд в докладе на тему *«Поощрение работников: необходимость совершенствования правового регулирования»*. В Трудовом кодексе РФ содержится специальная норма, посвященная поощрению работников (ст. 191), а также нормы, в которых упоминается о поощрительных мерах (ст. 129, 135). Исходя из этого, в трудовом праве выделяются два вида поощрения работников: в составе заработной платы и за ее пределами. Это недопустимо малое нормативное регулирование, отсылающее к уставам и положениям о дисциплине, т.е. к локальному уровню субъектов, наделенных правом поощрения (представления к поощрению) и установления норм о поощрении работников, порождающее широкое усмотрение работодателей, что приводит к отсутствию единства, спорам в практике правоприменения, в том числе судебной. Более того, не установлен порядок применения поощрения к работникам, отсутствуют четкие правовые критерии разграничения мер поощрения в составе заработной платы и за ее пределами. Следует

выделить нормы о поощрении работников в отдельный раздел Трудового кодекса РФ, который должен выступать самостоятельным институтом трудового права.

Н.В. Летова, главный научный сотрудник сектора процессуального права ИГП РАН, д-р юрид. наук, выступила с докладом *о межотраслевой защите граждан трудовым, социально-обеспечительным и семейным правом — «Многодетность как основание для досрочного выхода на пенсию»*. В Российской Федерации граждане, обладающие особым правовым статусом многодетных родителей, имеют право на предоставление гарантий в сфере труда и социального обеспечения, включая право досрочного выхода на пенсию. Законодательство не содержит определения понятия «многодетность», как правило, речь идет о родителях, воспитывающих троих и более детей, младшему из которых должно быть менее 14 лет. Помимо количества и возраста детей в семье особенности реализации социальных прав многодетных обусловлены также местом их фактического проживания, климатические условия которого позволяют дифференцированно рассматривать вопрос о праве на досрочную пенсию (районы Крайнего Севера и приравненные к ним). Для многодетных родителей право выхода на пенсию досрочно обусловлено числом детей, находящихся у них на воспитании.

Особо следует отметить, что многодетные родители наделены дополнительными гарантиями в сфере трудовых отношений, в частности им не могут отказать в работе по причине наличия у них детей, их нельзя привлекать к работе в ночное время, сверхурочной работе и др. Поддержка многодетных родителей свидетельствует о наличии комплекса мер государства, социально-ориентированная политика которого позволяет гарантировать им предоставление льгот в сфере трудовых и социальных отношений.

Конкуренция трудового и корпоративного права в определении статуса руководителей организаций был посвящен доклад **В.А. Лаптева**, главного научного сотрудника сектора предпринимательского и корпоративного права ИГП РАН, судьи Арбитражного суда г. Москвы, д-ра юрид. наук, доц., *«Единство и дифференциация трудово-правового и корпоративного статуса руководителя юридического лица»*. В последние годы в российском правоведении отмечается тенденция переосмысления фундаментальной и в значительной степени разработанной правовой категории — «руководитель юридического лица». В юридической практике наблюдается сложная межотраслевая конструкция правового статуса руководителя, квалификация которого проводится одновременно по нормам трудового и корпоративного законодательства. В частности, в трудовых и корпоративных отношениях единоличный исполнительный орган (руководитель) несет имущественную ответственность за причиненный организации вред. Однако если в силу норм трудового законодательства материальная ответственность работодателя является, по сути, индивидуальной, то в корпоративном — солидарной (ст. 53¹ ГК РФ).

Анализ законодательства свидетельствует о приоритете норм корпоративного права перед трудовым в части определения правового положения руководителя. Субсидиарный характер трудово-правовых норм обусловлен выполнением руководителем корпоративной функции по управлению организацией, на что неоднократно указывал Конституционный Суд РФ. Поэтому проблема дифференциации статуса руководителя требует выработки дополнительных подходов по вопросам юридической ответственности и устранения конкуренции норм трудового и корпоративного права.

На влияние административно-правовых механизмов на защиту трудовых и социальных прав обратил внимание **А.А. Гришковец**, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, д-р юрид. наук, проф., — *«Административно-правовые средства защиты трудовых и социальных прав в современной России»*. Трудовые и социальные права граждан, включая их защиту, регулируются комплексно частным и публичным правом. Такое положение соответствует одному из основных принципов правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений — сочетанию государственного и договорного регулирования, закрепленному в ст. 2 ТК РФ. Государственное регулирование осуществляется преимущественно нормами административного права. Его основными направлениями являются обеспечение занятости, включая субсидирование найма, повышение производительности труда и защита трудовых прав мерами прокурорского реагирования. Устранение проблем защиты по этим направлениям возможно исключительно посредством межотраслевого комплексного воздействия на общественные отношения норм трудового и административного права.

Поднятые **А.Н. Савенковым** и **А.А. Гришковцом** проблемы судебной защиты трудовых прав на основе норм гражданского процессуального права продолжили обсуждать:

Е.В. Михайлова, и.о. зав. сектором процессуального права ИГП РАН, д-р юрид. наук (*«Процессуальная форма рассмотрения трудовых споров: коллизии в процессуальном праве»*);

И.А. Костян, профессор кафедры трудового права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, доц. (*«Проблемы защиты прав, свобод и законных интересов субъектов трудового права в условиях общественной трансформации»*);

Ю.Б. Корсаненкова, доцент кафедры трудового права МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, доц. (*«Защита социально-трудовых прав лиц старших возрастных групп»*); и др.

Т.А. Сошникова, профессор кафедры теории и истории государства и права, трудового и социального права, д-р юрид. наук, в докладе *«Судебная защита прав работников»* указала, что в ст. 352 ТК РФ судебная защита находится на последнем месте после самозащиты работниками своих трудовых прав, защиты трудовых прав профессиональными союзами, государственного контроля и надзора за соблюдением трудовых прав. Тем не менее именно судебная защита прав и свобод в сфере труда является наиболее эффективной. Необходимо развивать также досудебный порядок рассмотрения трудовых споров в комиссии по трудовым спорам, сделав его обязательным.

Выступающая отметила возрастающую роль Конституционного Суда РФ в защите трудовых прав работников, что особенно ярко проявилось в практике его деятельности в течение 2022–2023 гг. Были приведены примеры, позволяющие понимать сущность и особенности правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений в целях правильного применения соответствующих норм сквозь призму конституционного права.

М.И. Губенко, доцент кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, судья в отставке, канд. юрид. наук, доц., в докладе *«Оспаривание условий трудового договора: правовое регулирование и судебная практика»* заметила, что важность междисциплинарных связей между трудовым и гражданским правом в науке не подвергается сомнению, а конструкция

гражданско-правового договора оказывает влияние на становление и развитие института трудового договора. В укреплении договорных основ трудового права на фоне постепенного снижения роли государства видится влияние гражданского права. При этом также очевидно, что трудовое право не может в чистом виде заимствовать гражданско-правовые конструкции, поскольку в трудовом праве отсутствуют в полном объеме присущие гражданскому праву автономия воли, правовое равенство и имущественная автономия сторон.

В юридической науке и судебной практике отсутствует единство мнений относительно возможности признания трудового договора (его отдельных условий) недействительным. Конституционный Суд РФ полагает, что трудовые отношения отнесены к предмету правового регулирования трудового законодательства, поэтому по общему правилу оценка их возникновения (наличия) как таковых должна производиться на основе положений этого законодательства, а государство должно обеспечивать надлежащую защиту прав и законных интересов работника как экономически более слабой стороны в трудовых отношениях; положения Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не решают вопрос о возможности оспаривания (признании недействительными) трудовых договоров как основания возникновения трудовых отношений. При этом бремя неблагоприятных последствий включения в трудовой договор и (или) соглашение о его расторжении условия о выплате работнику при увольнении по соглашению сторон выходного пособия в размере, который не отвечает критериям разумности и обоснованности, должен нести исключительно руководитель юридического лица (в том числе унитарного предприятия).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указывает на то, что регулирование трудовых отношений с помощью прямого или по аналогии закона применения норм гражданского законодательства не предусмотрено ст. 2 ГК РФ, противоречит ст. 5 ТК РФ и основано на неправильном толковании и применении норм этих двух самостоятельных отраслей законодательства. Судебная практика экономической коллегии признает трудовой договор экстраординарной сделкой, по отдельным условиям которой требуется согласование с незаинтересованными лицами. Арбитражные суды рассматривают в рамках корпоративных споров и дел о несостоятельности (банкротстве) требования о признании условий трудового договора недействительными.

Проблеме создания не соответствующих законодательству о труде локальных норм посвятила доклад «*Реализация этических кодексов*» **Е.С. Батусова**, доцент факультета права НИУ ВШЭ, канд. юрид. наук. В настоящее время в сфере реализации этических кодексов существует проблема, ведущая к ограничению трудовых прав работников. Она имеет несколько форм: нечеткое закрепление субъектов, на которые распространяется этический кодекс; разработка кодексов без учета четкого ограничения норм этики от норм права; прямое включение норм трудового законодательства в этические кодексы, которое приводит к дублированию законодательства и делает кодекс формальным документом; произвольное установление в ряде этических кодексов ограниченного перечня оснований дискриминации, т.е. явное нарушение трудового законодательства; отсутствие механизма реализации норм в связи с их оценочным характером; неясность формулировок мер этической ответственности и соотношения их с мерами дисциплинарной ответственности; многообразие подходов в понимании

этического кодекса; произвольная оценка тяжести нарушения этических норм. Для решения этой проблемы предлагается разработать типовой этический кодекс, который позволит унифицировать подходы к профессиональной этике и принять общие рекомендации по его разработке на уровне Министерства труда и социальной защиты РФ. При этом следует учитывать, что Типовой этический кодекс для государственных гражданских служащих был одобрен президиумом Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции в 2010 г., однако его использование в качестве образца приведет к несбалансированному ограничению прав работников.

Обсуждение проблем влияния на трудовые отношения внедрения новых форм занятости, обусловленных технологическими изменениями, продолжилось в докладах:

К.Л. Томашевского, заместителя декана юридического факультета по научной работе, профессора кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязева, д-ра юрид. наук, проф. («*Проблемы и перспективы развития правового регулирования платформенной занятости в России и за рубежом*»);

С.Х. Джиоева, профессора кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-ра юрид. наук, проф. («*Трансформация парадигмы законодательства о трудовой занятости*»);

Н.И. Соловяненко, старшего научного сотрудника сектора процессуального права ИГП РАН, канд. юрид. наук («*Юридические риски цифрового неравенства в сфере труда*»);

Т.В. Соколовой, младшего научного сотрудника сектора процессуального права ИГП РАН («*Новеллы законодательства о занятости в условиях общественной трансформации*»);

Д.А. Новикова, доцента кафедры трудового и социального права Санкт-Петербургского государственного университета, канд. юрид. наук, доц. («*Правовые проблемы найма работников с использованием эмоционального искусственного интеллекта (Emotion AI)*»).

21 августа 2023 г. был обнародован проект постановления Правительства РФ о запуске экспериментальной платформы «Государственные кадры», которая должна стать подсистемой Единой информационной системы управления кадровым составом госслужбы и предполагающей использование искусственного интеллекта для найма на государственную службу. Искусственный интеллект будет использован для оценки личностных качеств гражданских служащих и работников, выявления их мотивации. Полученные в ходе собеседований с кандидатами с использованием аудио- и видеозаписи данные обрабатываются алгоритмами машинного обучения, определяя тип микровыражений, тональность и эмоциональность голосовой реакции. Применение таких технологий искусственного интеллекта создает риск дискриминации и необоснованного отказа в приеме на работу.

В случае применения искусственного интеллекта алгоритм должен идентифицировать только те мимические и голосовые эмоции, которые необходимы для определения качеств по конкретной должности (согласно должностной инструкции), а сам процесс проведения собеседования должен быть четко прописан в локальных актах организации. Исходя из сложности технологии искусственного интеллекта и машинного обучения, а также рисков использования работодателем программного обеспечения с наличием предвзятого алгоритма, для обеспечения защиты трудовых прав граждан

от дискриминации и необоснованных отказов в приеме на работу и обеспечения информационной безопасности персональных данных, актуальным является стандартизация и сертификация программного обеспечения, в котором задействована технология искусственного интеллекта.

Значительное количество докладов было посвящено *межотраслевым аспектам социальной защиты граждан*. Открыла эту часть дискуссии докладом *«Государственная система социального обеспечения: современная парадигма и направления развития»* Е.Е. Мачульская, профессор кафедры трудового права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф. Правоотношения в области социального обеспечения довольно разнообразны. Субъектами правоотношений являются физические лица (граждане Российской Федерации, иностранные граждане и апатриды, постоянно проживающие на территории Российской Федерации, беженцы и вынужденные переселенцы), с одной стороны, государство в лице его органов либо иные субъекты, уполномоченные государством (например, Фонд пенсионного и социального страхования, государственные и муниципальные учреждения здравоохранения и социального обслуживания), — с другой. Поэтому при разрешении споров о социальном обеспечении суд должен учитывать взаимодействие норм конституционного, гражданского, гражданско-процессуального, трудового и других отраслей права.

В целях повышения эффективности защиты прав граждан в области социального обеспечения целесообразно перенести бремя доказывания юридических фактов о продолжительности страхового стажа и условиях трудовой деятельности с застрахованного лица, претендующего на получение пенсии, на страхователя (работодателя, заказчика работ или услуг и др.).

Тесная связь социального обеспечения с гражданским правом в части оказания медицинской помощи и социальных услуг в рамках социального обслуживания является только внешней, хотя среди специалистов по гражданскому праву, занимающихся исследованиями в области услуг, существует единство мнений, что медицинские и социальные услуги — это сфера регулирования гражданского права. Очень часто при разрешении в суде дел, касающихся необоснованного отказа в заключении договора о сообслуживании территориальным органом социальной защиты, об оспаривании размеров оплаты социальных услуг и других вопросов, стороны ссылаются на нормы Гражданского кодекса РФ. Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что для обоснованного судебного решения должны быть правильно применены нормы материального и процессуального права. Поскольку речь идет о социальных услугах, то следует применять нормы специальных нормативных правовых актов, регулирующих отношения по оказанию социальных услуг, т.е. нормы права социального обеспечения.

М.Ю. Федорова, профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, д-р юрид. наук, проф., в докладе на тему *«Межотраслевое правовое регулирование в сфере социальной защиты»* подчеркнула, что ст. 7 Конституции РФ включает в систему социальной защиты разные виды мер: трудовые (охрана труда, установление минимального размера оплаты труда) и социально-обеспечительные (социальное обслуживание, пенсионное обеспечение), а также адресованные отдельным категориям граждан (инвалидам, пожилым гражданам, семьям, воспитывающим детей). Одновременно с этим ст. 72 Конституции РФ относит социальную защиту, включая социальное обеспечение,

к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Приведенные конституционные положения являются основой для характеристики межотраслевого правового регулирования в сфере социальной защиты.

Ядром системы социальной защиты выступает социальное обеспечение, однако для ее нормального функционирования необходимо, чтобы были урегулированы как минимум отношения по формированию фондов денежных средств, за счет которых финансируется социальное обеспечение, а также отношения по управлению данной сферой. Следовательно, право социального обеспечения взаимодействует с административным и финансовым правом в регулировании отношений, составляющих ядро системы социальной защиты.

Система социальной защиты в Российской Федерации развивается в направлении усиления категориальной дифференциации. Это также увеличивает потребность в межотраслевом взаимодействии правовых норм в регулировании возникающих общественных отношений.

Р.Н. Жаворонков, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, доц., в докладе *«Концептуальные проблемы трансформации парадигмы права социального обеспечения в современном обществе»* отметил, что динамичное изменение общественных отношений требует своевременного реагирования законодателя и принятия нормативных актов, соответствующих потребностям общества. Это обуславливает изменение правового регулирования, появление новых правовых норм, которые определяют содержание соответствующей отрасли права.

Изменение права социального обеспечения связано в первую очередь с появлением новых социальных рисков и применением эффективных мер защиты граждан от негативных последствий наступления этих рисков. Необходимость решения задачи гарантированности обеспечения определяет правовую природу рассматриваемых отношений, которая заключается в том, что законом должна быть установлена обязанность предоставлять обеспечение всем лицам при наступлении содержащихся в законе юридических фактов.

Предпринимаются попытки пересмотреть концептуальные подходы к определению предмета и метода права социального обеспечения. В частности, максимально широко определяется само социальное обеспечение за счет включения в него разнородных по характеру и субъектному составу общественных отношений, таких как социально-трудовые отношения, отношения по предоставлению благотворительной помощи и т.д. Как следствие, делается вывод о существовании наряду с публично-правовым частноправового регулирования социального обеспечения, что создает теоретическую основу для сокращения публично-правового регулирования социального обеспечения и неизбежно повлечет снижение гарантированности его предоставления.

Н.В. Антонова, старший научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, канд. юрид. наук, и М.Г. Астаева, адвокат Адвокатской палаты Московской области, аспирант отдела социального законодательства ИЖиСП при Правительстве РФ, подготовили доклад на тему *«Злоупотребление правом в социально-обеспечительных правоотношениях: межотраслевой аспект»*. Злоупотребление правом — сложный правовой феномен, носящий явную межотраслевую окраску. Представители науки (особенно отраслевых наук) в отличие

от правоприменителя всегда стремятся дать ему исчерпывающее определение с целью адаптации содержания термина «злоупотребление правом» к конкретной группе общественных отношений, обладающих своей спецификой. Оценка специфики этого правового феномена в конкретных правоотношениях, как правило, производится исходя из принципа добросовестности.

Общие межотраслевые связи гражданского права, трудового права и права социального обеспечения (в особенности в области обязательного социального страхования) могут говорить об аналогии применения концепции добросовестности также к правоотношениям в сфере труда и социального обеспечения. Об этом свидетельствует судебная практика, в частности в области социального обеспечения граждан различными социально-страховыми и социально-обеспечительными выплатами. Однако такая аналогия не во всех случаях допустима в виду особой специфики трудовых и социально-обеспечительных правоотношений.

Междисциплинарным аспектам социальной защиты трудящихся также были посвящены доклады:

А.К. Соловьева, директора НИИ Центра развития государственной пенсионной системы Финансового университета при Правительстве РФ, д-ра экон. наук, проф. (*«Интеграция макроэкономических и нормативно-правовых факторов формирования социальных прав трудоспособного и нетрудоспособного населения в условиях глобальных рисков»*);

Е.В. Князев, доцента кафедры теории права, гражданского права и гражданского процесса Российского университета транспорта (МИИТ), канд. юрид. наук, доц. (*«К вопросу о проблемах правового регулирования страхования военнослужащих»*);

А.В. Дзюбак, начальника научно-организационного отдела ИГП РАН, научного сотрудника Междисциплинарного центра правовых исследований в области трудового права и права социального обеспечения ИГП РАН, канд. юрид. наук (*«Назначения пособия по уходу за ребенком при дистанционной работе»*); и др.

Состоявшееся обсуждение помимо содержащихся в документах предложений о межотраслевом и междисциплинарном подходе к устранению отдельных проблем в правовом

регулировании труда и социальной защиты позволило сформулировать ряд **выводов**.

1. С развитием общества и государства, усложнением социальных связей значение научных трансграничных исследований на стыке сфер научного познания и отраслей права будет возрастать. Отраслевым специалистам в такой ситуации нужно быть готовыми реализовать запрос на разработку инструментов согласования в правовом регулировании потребностей субъектов посредством межотраслевого взаимодействия, избегая искусственного «перетягивания» граничных общественных отношений в предмет собственной отрасли.

2. Междисциплинарные исследования не позволили выработать единую общепризнанную методологию. Как правило, она складывается из наборов методов, характерных для исследований отдельных дисциплин. Представляется, что накопление критической массы междисциплинарных работ позволит провести необходимые обобщения и заложить основы междисциплинарной исследовательской методологии.

3. Междисциплинарному подходу в правовом регулировании должно способствовать прошедшее реформирование научных специальностей. Созданные в соответствии с новой номенклатурой научных специальностей диссертационные советы по юридическим наукам позволяют обеспечить междисциплинарную оценку научных исследований по праву, избежать противоречия предложений положениям иных отраслей права.

4. Междисциплинарную проверку должны проходить трудовые и социальные нормы еще на стадии их формирования в Федеральном Собрании РФ. Для этого все законопроекты, содержащие нормы, регулирующие трудовые и социальные отношения, должны направляться для обсуждения в профильные комитеты Федерального Собрания РФ — по труду, социальной политике и делам ветеранов Государственной Думы и по социальной политике Совета Федерации — даже если проекты нормативных актов имеют иную отраслевую принадлежность. Проекты таких нормативных правовых актов должны проходить процедуру предварительного согласования в Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений.

Сведения об авторах

МАЛИКОВ Сергей Владимирович — доктор юридических наук, заместитель директора Института государства и права по научной работе Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЧУЧА Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

MALIKOV Sergey V. — Doctor of Law, Deputy Director of the Institute of State and Law for Scientific Work of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

CHUCHA Sergey Yu. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Procedural Law Department, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 340

ПЕРВАЯ КНИГА О ПЕРВОМ ДИРЕКТОРЕ

**Ю.В. Трунцевский, Л.И. Беляева. У ИСТОКОВ РОССИЙСКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ (к 130-летию Евсея Густавовича Ширвиндта) /
предисл. Т.Я. Хабриевой. М.: ИЗиСП; ИД «Юриспруденция», 2023. – 240 с.**

© 2024 г. Д. В. Бахарев

Тюменский государственный университет

E-mail: demetr79@mail.ru

Поступила в редакцию 18.12.2023 г.

Аннотация. Рецензируемая монография Ю.В. Трунцевского и Л.И. Беляевой посвящена выдающемуся отечественному юристу, ученому и администратору Е.Г. Ширвиндту (1891–1958). Авторы сконцентрировали свое внимание на его научных трудах в области пенитенциарной, криминологической и уголовно-правовой науки в целом, а также на практической деятельности Е.Г. Ширвиндта в качестве начальника Главного управления местами заключения НКВД РСФСР и первого директора Государственного института по изучению преступности и преступника – предшественника Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Структура работы строится по принципу анализа «клубков противоречий» в истории становления и развития уголовной политики и уголовно-правовой науки в первое десятилетие советской власти, ставших одновременно и ключевыми вехами биографии главного героя книги. Авторами монографии проделана важная работа в части реанимации научного наследия Е.Г. Ширвиндта и переосмысления его богатого опыта реформирования системы исполнения наказаний, что делает книгу весьма актуальной в современных условиях функционирования отечественного пенитенциарного ведомства.

Ключевые слова: Евсей Густавович Ширвиндт, Главное управление местами заключения НКВД РСФСР, Государственный институт по изучению преступности и преступника, уголовная политика, лишение свободы.

Цитирование: Бахарев Д.В. Первая книга о первом директоре Ю.В. Трунцевский, Л.И. Беляева. У истоков российской юридической науки (к 130-летию Евсея Густавовича Ширвиндта) // Государство и право. 2024. № 2. С. 214–218.

DOI: 10.31857/S1026945224020236

THE FIRST BOOK ABOUT THE FIRST DIRECTOR

**Yu. V. Truntsevsky, L.I. Belyaeva. AT THE ORIGINS OF RUSSIAN LEGAL
SCIENCE (to the 130th anniversary of Evsey G. Shirvindt) / preface
by T. Ya. Khabrieva. M.: IZiSP; Publishing house “Jurisprudence”, 2023. – 240 pp.**

© 2024 D. V. Bakharev

Tyumen State University

E-mail: demetr79@mail.ru

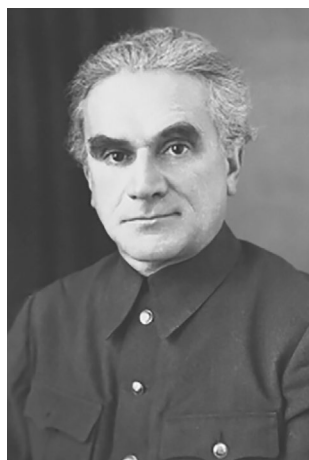
Received 18.12.2023

Abstract. The peer-reviewed monograph by Y.V. Truntsevsky and L.I. Belyaeva is devoted to the study of the life and work of the outstanding Russian lawyer, scientist and administrator E.G. Shirvindt (1891–1958). The authors focused their attention on his scientific works in the field of penitentiary, criminological and criminal legal science in general, as well as on the practical work of E.G. Shirvindt as the head of the Main Directorate of Places of Detention of the NKVD of the RSFSR (People's Commissariat of Internal Affairs of Russian Soviet Federative Socialist Republic) and the first director of the State Institute for the Study of Crime and the Criminal – the predecessor of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. The structure of the work is built on the principle of analyzing the “tangle of contradictions” in the history of the formation and development of criminal policy and criminal law science in the first decade of Soviet power, which, at the same time, became the key milestones in the biography of the main character of the book. The authors of the monograph have done an important work in terms of reanimating the scientific heritage of E.G. Shirvindt and rethinking the rich experience of his practical activities to reform the penal system, which makes the book are very relevant in today's conditions of functioning of the domestic penitentiary department.

Key words: Evsey G. Shirvindt, Main Directorate of Places of Detention of the NKVD of the RSFSR, State Institute for the Study of Crime and the Criminal, criminal policy, imprisonment.

For citation: Bakharev, D.V. (2024). The first book about the first director

Yu. V. Truntsevsky, L.I. Belyaeva. At the origins of Russian legal science (to the 130th anniversary of Evsey G. Shirvindt) / preface by T. Ya. Khabrieva // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 214–218.

«Возвращение из небытия» — такой была реальная судьба Евсея Густавовича Ширвиндта (1891–1958) — известного советского юриста, ученого, администратора 1920–1930 гг., первого и многолетнего руководителя Главного управления местами заключения НКВД РСФСР (ГУМЗ), Государственного института по изучению преступности и преступника (ГИИПП) и войск конвойной стражи СССР. В 1938 г. по мнимому обвинению он был арестован, а затем осужден к 10 годам лагерного срока. «Крест»

на Ширвиндте тогда поставили многие его товарищи и коллеги, оставшиеся на свободе, действительно, подобный, пусть и не смертный приговор, тогда фактически начал путь в небытие¹. Даже большинство из тех, кому удалось выжить в лагере, после освобождения направлялись в бессрочную ссылку, теряя всякую надежду встретиться когда-нибудь со своими родными и близкими. Не избежал этой участи и Е.Г. Ширвиндт. Но в 1953 г. чудо все-таки произошло, и уже через два года он полностью был реабилитирован, восстановлен в партии. Е.Г. Ширвиндт становится научным сотрудником научно-исследовательского отдела ГУИТК МВД СССР и одновременно пенсионером союзного значения.

Согласимся, траектория жизни невероятная и при этом... вполне обычная для того «непростого» времени. Поэтому, казалось бы, что же особенного находят исследователи в биографии Е.Г. Ширвиндта?² Чем объясняется стремительно выросший за последние годы интерес историков

права к его фигуре³, при том что практически сразу после публикации некролога Е.Г. Ширвиндту⁴ его имя на долгие годы исчезает со страниц отечественной юридической литературы?⁵ Возможно, что ответы на эти вопросы содержатся в книге Ю.В. Трунцевского и Л.И. Беляевой «У истоков российской юридической науки (к 130-летию Евсея Густавовича Ширвиндта)»⁶ — первой и пока единственной работе монографического плана, предметно (судя по ее названию) сосредоточенной на анализе той роли, которую сыграл Е.Г. Ширвиндт в становлении и развитии советской юридической науки.

Глава 1 «Евсей Густавович Ширвиндт — две жизни одного человека» представляет собой краткий экскурс в биографию главного героя. Широкий круг привлеченных авторами исторических источников — многочисленные публикации того времени, большое количество ранее не опубликованных документов из фондов государственных хранилищ, материалы семейного архива и даже выдержки из личного

и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, отметившего в год выхода книги о Е.Г. Ширвиндте сто лет со дня основания.

³ См., напр.: Дерешко Б.Ю., Невский С.А. Научно-исследовательская деятельность государственного института по изучению преступности и преступника при НКВД РСФСР // Научный портал МВД России. 2017. № 2 (38). С. 5–13; Ульянов М.В. Состояние криминологии на рубеже 1920–1930 гг. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 10. С. 38–46; Ельчанинова О.Ю. Специфика организационно-правового построения системы исполнения уголовных наказаний в трудах Е.Г. Ширвиндта // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. 2022. Вып. 1. С. 301–310.

⁴ См.: Евсей Густавович Ширвиндт // Сов. государство и право. 1958. № 12. С. 130.

⁵ В частности, в первом советском учебнике по криминологии описание научно-исследовательской деятельности ГИИПП занимает значительное место, однако фамилия его директора при этом не называется (см.: Советская криминология: учеб. / под ред. А.А. Герцензона. М., 1966. С. 25–27). Аналогичная картина наблюдается и в академическом издании, посвященном истории юридических научных учреждений в СССР (см.: Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР / отв. ред. В.М. Курицын, А.Ф. Шебанов. М., 1976. С. 38–42).

⁶ Трунцевский Ю.В., Беляева Л.И. У истоков российской юридической науки (к 130-летию Евсея Густавовича Ширвиндта) / предисл. Т.Я. Хабриевой. М., 2023.

¹ См.: Утевский Б.С. Воспоминания юриста. М., 1989. С. 288–292.

² Помимо того, что, как уже указывалось, он являлся первым директором ГИИПП — предшественника Института законодательства

дела ссыльнопоселенца Е.Г. Ширвиндта — в совокупности рисуют широкую панораму общественной стороны жизни Евсея Густавовича и одновременно, судя по названию главы, должны показать трагическую метаморфозу его судьбы — превращение в недавнем прошлом «главного тюремщика» РСФСР, а затем старшего помощника Генерального прокурора СССР — Главного прокурора по надзору за тюрьмами и исправительно-трудовыми лагерями НКВД СССР в простого советского «зэка»⁷. Однако помимо этого представленный авторами материал невольно заставляет читателя задуматься и над другими «двумя жизнями» Е.Г. Ширвиндта — его реальной судьбой и тем, что нам сегодня о ней известно. Ведь, как вполне убедительно показывают Ю.В. Трунцевский и Л.И. Беляева, несмотря на явную «второстепенность» своих официальных постов, Евсей Густавович являлся одним из идейных вдохновителей и практиков реализации раннесоветской карательной политики, одновременно выступая в качестве фундатора советской криминологии и пенитенциарной науки 20-х годов (с. 21–30). В соответствии с представленной авторами информацией в этот период в уголовно-исполнительной сфере деятельности молодого Советского государства не было ни одной важной проблемы (начиная с ликвидации в 1918 г. дореволюционных тюрем и заканчивая формированием системы исправительно-трудовых лагерей в 1929 г.), в решении которой не принял бы деятельное участие Е.Г. Ширвиндт (с. 22–29). При этом сложно назвать еще хотя бы одного деятеля той эпохи, сравнимого с Е.Г. Ширвиндтом по государственному, административному и научному «калибру», о котором мы так долго практически ничего бы не знали и о котором с таким трудом получаем информацию сейчас.

Судя по дальнейшей структуре рецензируемой работы, прекрасно понимая фактическую невыполнимость задачи по полноценному исследованию жизнедеятельности Е.Г. Ширвиндта ввиду явной ограниченности источниковой базы, необходимой для всестороннего и исчерпывающего анализа биографии главного героя⁸, Ю.В. Трунцевский и Л.И. Беляева вполне резонно, как представляется, отказались от ее выполнения. Вместо этого, взяв за основу составленную ими же библиографию научных трудов Е.Г. Ширвиндта, насчитывающую более 70 наименований (с. 229–232), они сосредоточились на анализе тех ключевых, по их мнению, проблем в области уголовно-правовой, пенитенциарной и криминологической политики первых лет существования Советской России, пути решения которых и предлагались в этих работах их автором и непосредственным участником тех событий.

К числу подобных «клубков противоречий» в истории становления и развития уголовной политики и уголовно-правовой науки в первое десятилетие советской власти (одновременно ставших и ключевыми вехами биографии Е.Г. Ширвиндта) авторы книги отнесли: процесс развития

научных исследований личности преступника и преступности в начале 20-х годов (гл. 2), создание и деятельность Государственного института по изучению преступности и преступника в 1925–1931 гг. (гл. 3, 4), разработку научных основ уголовно-правовой политики (гл. 5), создание проекта Уголовного кодекса — измененной редакции Уголовного кодекса 1926 г. (гл. 6) и процесс формирования и развития науки исправительно-трудового права (гл. 7). И подобный «узловой» способ дальнейшего изложения материала, кропотливо собранного и проанализированного авторами монографии «У истоков российской юридической науки», следует признать и адекватным, и вполне продуктивным.

В качестве особо ценного, на наш взгляд, нужно рассматривать вклад авторов в изучение предпосылок создания ГИИПП и его предшественника — Московского кабинета по изучению личности преступника и преступности. В работе представлена подробная хроника жизнедеятельности этих учреждений, проанализированы отдельные этапы и результаты научно-практической работы их сотрудников (в том числе под руководством Е.Г. Ширвиндта), и все это проиллюстрировано копиями публикуемых впервые архивных материалов и редчайшими фотографиями тех лет (с. 40–123). Помимо этого Ю.В. Трунцевский и Л.И. Беляева обоснованно постарались связать научные взгляды Е.Г. Ширвиндта и его практическую деятельность на посту начальника ГУМЗ с результатами изучения сотрудниками пенитенциарной секции ГИИПП (возглавляемой им же) вопросов уголовной и исправительно-трудовой политики. Итоги исследований ГИИПП в этом направлении, действительно, стали надежной опорой Е.Г. Ширвиндта и его коллег по ГУМЗ не только при формулировании и отстаивании ими принципов своей профессиональной деятельности (из которых важнейшими являлись: необходимость гуманизации системы уголовных наказаний и порядка их отбывания, важность профилактической составляющей уголовного и исправительно-трудового законодательства, твердость и последовательность в соблюдении принципа справедливости государственной политики в этой области, целесообразность экономии средств уголовной репрессии и др.), но и в значительной мере содействовали их закреплению в законе (в частности, в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1924 г. и в обновленной редакции УК РСФСР 1926 г.) и реализации в практической деятельности подчиненных ГУМЗ мест лишения свободы (с. 124–162)⁹.

Вместе с тем, по нашему мнению, существенным недостатком рецензируемой работы является несфокусированность авторского внимания на других, не менее (а порой и более) важных, этапных событиях и процессах в истории развития раннесоветской пенитенциарной системы, активным участником, а порой и побудителем которых также являлся Е.Г. Ширвиндт. Речь в данном случае идет о разработке и выполнении известного постановления ЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения»; о подготовке созыва, работе и подведении итогов Всесоюзного совещания пенитенциарных деятелей (15–21 октября 1928 г.); наконец, о длительной аппаратной борьбе за контроль над местами лишения свободы, развернувшейся в 1929–1930 гг.

⁷ Не без горькой иронии авторы монографии отмечают, что «в общей сложности Ширвиндт отдал системе правоохранительных органов около 40 лет, из них 14 прослужил в системе ГУМЗ, а 16 в ней же отбывал наказание. Можно сказать, что знал систему всесторонне» (см.: *Трунцевский Ю.В., Беляева Л.И. Указ. соч. С. 37*).

⁸ В частности, до настоящего времени историками не введены в научный оборот документы, характеризующие ранний период общественно-политической деятельности Е.Г. Ширвиндта (1917–1921 гг.), а также его работу в Наркомате водного транспорта СССР и в Прокуратуре Союза. Буквально накануне написания данной рецензии ее автор обнаружил архивные документы, проливающие свет на деятельность Е.Г. Ширвиндта в качестве научного сотрудника ГУИТК МВД СССР в 1956–1958 гг. (см.: ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1784).

⁹ Другой современный исследователь этих вопросов абсолютно верно, на наш взгляд, назвал ГИИПП «полноценным аналитическим и экспертным центром ГУМЗ, в котором обсуждались все ключевые направления пенитенциарной политики, проводились исследования и собиралась статистика» (см.: *Погорелов М.А. Реформирование пенитенциарной системы в РСФСР в 1918–1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2022. С. 386*).

между руководством НКВД РСФСР и ГУМЗ (В.Н. Толмачев и Е.Г. Ширвиндт), с одной стороны, и коалицией Наркомата юстиции РСФСР (Н.М. Янсон и Н.В. Крыленко) и Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР (Г.Г. Ягода) — с другой.

В частности, вопрос о том, насколько руководство НКВД РСФСР было заинтересовано в переходе к массовой системе исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), до сих пор приковывает к себе пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей¹⁰. Например, наши недавние поиски в этом направлении показали, что В.Н. Толмачев и Е.Г. Ширвиндт в 1929 г. категорически отказывались участвовать в финансировании мероприятий по созданию новых ИТЛ (помимо уже существовавших на тот момент Соловецких и Вишерских) под эгидой ОГПУ, одновременно выступая и против самой идеи расширения лагерной системы за счет передачи в ведение госбезопасности помимо осужденных за контрреволюционные преступления других категорий заключенных¹¹.

Все эти, а также некоторые другие моменты в биографии главного героя книги «У истоков российской юридической науки», имеющие существенное, как нам кажется, значение для читателя (в частности, с точки зрения оценки общественно-политических взглядов Е.Г. Ширвиндта, или выявления особенностей стиля и тактики его аппаратно-управленческой деятельности, да и в конечном счете просто в плане понимания мировоззрения этого человека), авторы, к сожалению, рассмотрели «мимоходом и вскользь» либо вообще вынесли за рамки своего повествования.

Так, до сих пор остается загадкой не только поведение Е.Г. Ширвиндта на следствии и в военном трибунале, но и сами детали предъявленных ему обвинений. Какие конкретно факты инкриминировались Ширвиндту? Кто выступал в качестве свидетелей обвинения? Проводились ли между ними и обвиняемым очные ставки? Признал ли он свою вину и в какой мере? Насколько мужественно себя вел перед лицом грозящей ему в тот момент смертельной опасности? На сей счет друзьями и современниками Е.Г. Ширвиндта высказывались разные мнения¹², и поэтому обращение авторов к материалам уголовных дел, хранящихся в Государственном архиве РФ¹³, могло бы наконец-то пролить свет и на эту «черную» страницу жизни

Евсея Густавовича, продолжающую, увы, оставаться «белым пятном» в его биографии.

Имеются и другие претензии к авторам рецензируемой монографии, впрочем, уже не принципиального, а скорее стилистического свойства. Они не снижают теоретической и, подчеркнем, *исторической* значимости проведенного Ю.В. Трунцевским и Л.И. Беляевой исследования; вдобавок, большинство из них носит дискуссионный (а возможно, и вкусовой) характер и продиктовано повышенным интересом рецензента к рассматриваемой проблематике. Напомним, что авторы не являются профессиональными историками; они, как и главный герой их книги — юристы-криминалисты, тем не менее это не помешало им в целом успешно справиться с задачей по реконструкции биографии этой сложной, многогранной и одновременно цельной личности. Высокообразованным гуманистом, принципиальным человеком и настоящим профессионалом своего непростого, жестокого, «окаянного» ремесла, всеми силами при этом старавшимся, чтобы «тюрьма» как общественная институция осталась в прошлом, — таким рисует-ся образ Евсея Густавовича Ширвиндта на страницах книги Ю.В. Трунцевского и Л.И. Беляевой.

* * *

Полагаем, что в наши дни, когда вновь остро стоит вопрос о необходимости гуманизации отечественного пенитенциарного ведомства и многими осознается настоятельная потребность привлечения к руководству им людей, подобных Е.Г. Ширвиндту, реанимация его научного наследия и переосмысление опыта его практической деятельности по реформированию системы исполнения наказания есть процесс вполне закономерный. Книга «У истоков российской юридической науки (к 130-летию Евсея Густавовича Ширвиндта)» вносит значительный вклад в это важное и полезное дело. Поздравляем ее авторов и весь коллектив Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ с выходом на новый этап истории изучения жизни и деятельности его первого директора, Е.Г. Ширвиндта, осуществленным к тому же в год столетнего юбилея Института!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апплбаум Э.* ГУЛАГ. М., 2015. С. 83–90.
2. *Бахарев Д.В.* Накануне ГУЛАГа: хроника борьбы за контроль над местами лишения свободы в 1927–1930 гг. // *Вестник Пермского ин-та ФСИН России.* 2021. № 4 (43). С. 8–13.
3. *Бахарев Д.В.* «Нельзя не только обеспечить все потребности мест заключения, вызываемые переполнением, но и кормить заключенных»: междоветовые финансовые споры накануне рождения советской лагерной системы (1928–1929 гг.) // *Genesis: исторические исследования.* 2022. № 6. С. 98–111.
4. *Ваксберг А.И.* Царица доказательств. Вышинский и его жертвы. М., 1992. С. 172.
5. *Гаранжа С.А.* Исправительно-трудовая политика Советского государства (на примере общих мест заключения РСФСР) в 1917–1934 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 127–131.
6. *Дерешко Б.Ю., Невский С.А.* Научно-исследовательская деятельность государственного института по изучению преступности и преступника при НКВД РСФСР // *Научный портал МВД России.* 2017. № 2 (38). С. 5–13.

¹⁰ См., напр.: *Гаранжа С.А.* Исправительно-трудовая политика Советского государства (на примере общих мест заключения РСФСР) в 1917–1934 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 127–131; *Апплбаум Э.* ГУЛАГ. М., 2015. С. 83–90; *Бахарев Д.В.* Накануне ГУЛАГа: хроника борьбы за контроль над местами лишения свободы в 1927–1930 гг. // *Вестник Пермского ин-та ФСИН России.* 2021. № 4 (43). С. 8–13; *Погорелов М.А.* Указ соч. С. 371–380.

¹¹ См.: *Бахарев Д.В.* «Нельзя не только обеспечить все потребности мест заключения, вызываемые переполнением, но и кормить заключенных»: междоветовые финансовые споры накануне рождения советской лагерной системы (1928–1929 гг.) // *Genesis: исторические исследования.* 2022. № 6. С. 98–111.

¹² Так, известный в прошлом журналист А. Ваксберг в своей биографической книге о А.Я. Вышинском писал, что Е.Г. Ширвиндт на следствии признался в своем преступном сговоре с другим фигурантом дела Г.Н. Амфитеатровым (см.: *Ваксберг А.И.* Царица доказательств. Вышинский и его жертвы. М., 1992. С. 172). Напротив, многолетний друг и соратник Е.Г. Ширвиндта по ГУМЗ и ГИИПП Б.С. Утевский в своих мемуарах отметил стойкость Евсея Густавовича, отвергнувшего на предварительном следствии все предъявленные ему обвинения и не оговарившего никого из своих «однодельцев» (см.: *Утевский Б.С.* Указ. соч. С. 292).

¹³ См.: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 61189, 611190.

7. Евсей Густавович Ширвиндт // Сов. государство и право. 1958. № 12. С. 130.
8. Ельчанинова О.Ю. Специфика организационно-правового построения системы исполнения уголовных наказаний в трудах Е.Г. Ширвиндта // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. 2022. Вып. 1. С. 301–310.
9. Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР / отв. ред. В.М. Курицын, А.Ф. Шебанов. М., 1976. С. 38–42.
10. Погорелов М.А. Реформирование пенитенциарной системы в РСФСР в 1918–1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2022. С. 371–380, 386.
11. Советская криминология: учеб. / под ред. А.А. Герцензона. М., 1966. С. 25–27.
12. Трунцевский Ю.В., Беляева Л.И. У истоков российской юридической науки (к 130-летию Евсея Густавовича Ширвиндта) / предисл. Т.Я. Хабриевой. М., 2023. С. 21–30, 37, 40–162, 229–232.
13. Ульянов М.В. Состояние криминологии на рубеже 1920–1930 гг. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 10. С. 38–46.
14. Утевский Б.С. Воспоминания юриста. М., 1989. С. 288–292.
4. Vaksberg A.I. The Queen of evidence. Vyshinsky and his victims. M., 1992. P. 172 (in Russ.).
5. Garanzha S.A. Correctional labor policy of the Soviet state (on the example of common places of detention of the RSFSR) in 1917–1934: dis. ... PhD in Law. M., 2012. Pp. 127–131 (in Russ.).
6. Dereshko B. Yu., Nevsky S.A. Scientific research activity of the State Institute for the Study of Crime and the Criminal under the NKVD of the RSFSR // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2 (38). Pp. 5–13 (in Russ.).
7. Evsey Gustavovich Shirvindt // Soviet State and Law. 1958. No. 12. P. 130 (in Russ.).
8. Elchaninova O. Yu. The specifics of the organizational and legal structure of the system of execution of criminal penalties in the works of E.G. Shirvindt // Scientific works of the Federal State Budgetary Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2022. Iss. 1. Pp. 301–310 (in Russ.).
9. Essays on the history of legal scientific institutions in the USSR / res. ed. V.M. Kuritsyn, A.F. Shebanov. M., 1976. Pp. 38–42 (in Russ.).
10. Pogorelov M.A. Reforming the penitentiary system in the RSFSR in 1918–1930: dis. ... Candidate of Historical Sciences. M., 2022. Pp. 371–380, 386 (in Russ.).
11. Soviet criminology: textbook / ed. by A.A. Gertsenzon. M., 1966. Pp. 25–27 (in Russ.).
12. Truntsevsky Yu. V., Belyaeva L.I. At the origins of Russian legal science (to the 130th anniversary of Evsey G. Shirvindt) / preface by T. Ya. Khabrieva. M., 2023. Pp. 21–30, 37, 40–162, 229–232 (in Russ.).
13. Ulyanov M.V. The state of criminology at the turn of 1920–1930 // Genesis: historical research. 2019. No. 10. Pp. 38–46 (in Russ.).
14. Utevsky B.S. Memoirs of a lawyer. M., 1989. Pp. 288–292 (in Russ.).

REFERENCES

Сведения об авторе

БАХАРЕВ Дмитрий Вадимович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института государства и права Тюменского государственного университета; 625003 г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6
ORCID: 0000-0003-3922-3554

Authors' information

BAKHAREV Dmitry V. — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Institute of State and Law of the Tyumen State University; 6 Volodarskogo str., 625003 Tyumen, Russia

Свидетельство о регистрации в Министерстве печати и информации РФ № 0110145 от 04.02.1993

Подписано к печати	г. Формат 60 x 88 ¹ / ₈ . Уч.-изд. л. 25,0.
Дата выхода в свет:	г. Тираж экз. Зак. . Цена свободная.

Учредитель: Российская академия наук; Институт государства и права РАН

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14
Исполнитель по контракту № 4У-ЕП-039-24: ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

16+

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика	Лесоведение
Агрохимия	Литология и полезные ископаемые
Азия и Африка сегодня	Мембраны и мембранные технологии
Акустический журнал	Металлы
Астрономический вестник. Исследования солнечной системы	Микология и фитопатология
Астрономический журнал	Микробиология
Биологические мембраны	Микроэлектроника
Биология внутренних вод	Молекулярная биология
Биология моря	Наука Юга России
Биоорганическая химия	Нейрохимия
Биофизика	Неорганические материалы
Биохимия	Нефтехимия
Ботанический журнал	Новая и новейшая история
Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук	Общественные науки и современность
Вестник древней истории	Общество и экономика
Вестник Российской академии наук	Океанология
Вестник российской сельскохозяйственной науки	Онтогенез
Водные ресурсы	Палеонтологический журнал
Вопросы истории естествознания и техники	Паразитология
Вопросы ихтиологии	Петрология
Вопросы языкознания	Письма в Астрономический журнал
Вулканология и сейсмология	Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики
Высокомолекулярные соединения. Серия А	Поверхность. Рентгеновские, синхротронные и нейтронные исследования
Высокомолекулярные соединения. Серия Б	Почвоведение
Высокомолекулярные соединения. Серия С	Приборы и техника эксперимента
Генетика	Прикладная биохимия и микробиология
Геология рудных месторождений	Прикладная математика и механика
Геомагнетизм и аэрономия	Природа
Геоморфология и палеогеография	Проблемы Дальнего Востока
Геотектоника	Проблемы машиностроения и надежности машин
Геохимия	Проблемы передачи информации
Геоэкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геокриология	Программирование
Государство и право	Психологический журнал
Дефектоскопия	Радиационная биология. Радиоэкология
Дифференциальные уравнения	Радиотехника и электроника
Доклады Российской академии наук. Математика, информатика, процессы управления	Радиохимия
Доклады Российской академии наук. Науки о жизни	Расплавы
Доклады Российской академии наук. Науки о Земле	Растительные ресурсы
Доклады Российской академии наук. Физика, технические науки	Российская археология
Доклады Российской академии наук. Химия, науки о материалах	Российская история
Журнал аналитической химии	Российская сельскохозяйственная наука
Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова	Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова
Журнал вычислительной математики и математической физики	Русская литература
Журнал неорганической химии	Русская речь
Журнал общей биологии	Сенсорные системы
Журнал общей химии	Славяноведение
Журнал органической химии	Современная Европа
Журнал прикладной химии	Социологические исследования
Журнал физической химии	Стратиграфия. Геологическая корреляция
Журнал эволюционной биохимии и физиологии	США и Канада: экономика, политика, культура
Журнал экспериментальной и теоретической физики	Теоретические основы химической технологии
Записки Российского минералогического общества	Теплофизика высоких температур
Земля и Вселенная	Успехи современной биологии
Зоологический журнал	Успехи физиологических наук
Известия Российской академии наук. Механика жидкости и газа	Физика Земли
Известия Российской академии наук. Механика твердого тела	Физика и химия стекла
Известия Российской академии наук. Серия биологическая	Физика металлов и металловедение
Известия Российской академии наук. Серия географическая	Физика плазмы
Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка	Физикохимия поверхности и защита материалов
Известия Российской академии наук. Серия физическая	Физиология растений
Известия Российской академии наук. Теория и системы управления	Физиология человека
Известия Российской академии наук. Физика атмосферы и океана	Химическая физика
Известия Российской академии наук. Энергетика	Химия высоких энергий
Известия Русского географического общества	Химия твердого топлива
Исследование Земли из Космоса	Цитология
Кинетика и катализ	Человек
Коллоидный журнал	Экология
Координационная химия	Экономика и математические методы
Космические исследования	Электрохимия
Кристаллография	Энергия: экономика, техника, экология
Латинская Америка	Энтомологическое обозрение
Лёд и Снег	Этнографическое обозрение
	Ядерная физика